СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕНЫЙ

№10, 2026 год

Подписано к публикации: 01.08.2026

Главный редактор журнала:
доктор педагогических наук, профессор

Солопанова Ольга Юрьевна

«Современный ученый» включен в список ВАК с 12.02.2019г., Elibrary.ru и в Международную базу данных Agris.

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-72620 от 04 апреля 2018г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2541-8459 (online)
E-mail: info@su-journal.ru
Сайт: https://su-journal.ru

Члены редакционной коллегии:

Абшилава Георгий Валерьянович (РФ, г. Ульяновск) – доктор юридических наук, профессор
Авакян Рубен Осипович (Армения, г. Ереван) – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ, академик Всеармянской Академии проблем национальной безопасности
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзоевич (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Ахмедов Герман Ибрагимович (Германия, Кемниц) – доктор филологических наук, профессор
Бабаян Анжела Владиславовна (РФ, г. Пятигорск) – доктор педагогических наук, профессор
Бабкина Екатерина Сергеевна (РФ, г. Хабаровск) – доктор филологических наук, доцент
Балута Анастасия Анатольевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Белоцеркович Денис Валерьевич (РФ, г. Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент
Бирюков Павел Николаевич (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Бурибаева Майнура Абильтаевна (Казахстан, г. Астана) – кандидат филологических наук, доцент
Быстрай Елена Борисовна (РФ, г. Челябинск) – доктор педагогических наук, профессор
Ваджибов Малик Джамалутдинович (РФ, Р. Дагестан) – кандидат филологических наук, доцент
Василевич Григорий Алексеевич (Беларусь, г. Минск) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Сергей Владимирович (РФ, г. Псков) – доктор юридических наук, профессор
Васильев Федор Петрович (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Волошина Людмила Николаевна (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Вохрышева Евгения Валерьевна (РФ, Самара) – доктор филологических наук, профессор
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гребенникова Вероника Михайловна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Громов Владимир Геннадьевич (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Гусейнов Гарун-Рашид Абдул-Кадырович (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Джафаров Тельман Гамзага оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Дулебова Ирина (Словакия, г. Братислава) – PhD
Ежова Татьяна Владимировна (РФ, г. Оренбург) – доктор педагогических наук, доцент
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жамулдинов Виктор Николаевич (Казахстан, г. Павлодар) – кандидат юридических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимов Жамаладен Ибрагимович (Казахстан, Астана) – доктор юридических наук, профессор
Каминская Елена Альбертовна (РФ, г. Москва) – доктор культурологии, кандидат педагогических наук, профессор
Киквидзе Инга Джимшеровна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Коваленко Вадим Николаевич (РФ, г. Волгоград) – доктор юридических наук, профессор
Кожевников Олег Александрович (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, профессор
Коршунова Ольга Николаевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор юридических наук, профессор
Кошарная Светлана Алексеевна (РФ, г. Белгород) – доктор филологических наук, профессор
Кротенко Ираида Абесаломовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Крузе Борис Александрович (РФ, г. Пермь) – доктор педагогических наук, профессор
Кудрявцева Екатерина Львовна (Германия, г. Гюстро) – кандидат педагогических наук, доцент
Лазарева Лариса Владимировна (РФ, г. Владимир) – доктор юридических наук, профессор
Магомедова Тамара Ибрагимовна (РФ, Р. Дагестан) – доктор педагогических наук, профессор
Малярчук Наталья Николаевна (РФ, г. Тюмень) – доктор педагогических наук, доцент
Мамирова Кулаш Нурбергеновна (Казахстан, г. Алматы) – кандидат педагогических наук, доцент
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Махов Александр Сергеевич (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Машовец Асия Океановна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Мельников Николай Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Метревели Медея Гивиевна (Грузия, г. Телави) – доктор педагогических наук, профессор
Минязева Татьяна Федоровна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Мирзоев Махмашариф Сайфович (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, профессор
Миронов Анатолий Николаевич (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Михайлова Екатерина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, доцент
Михальчук Тамара Григорьевна (Белорусия, г. Могилев) – кандидат филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Насипов Ильшат Сахиятуллович (Республика Башкортостан, г. Уфа) – доктор филологических наук, профессор
Небратенко Геннадий Геннадьевич (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Николайченко Виктор Викторович (РФ, г. Саратов) – доктор юридических наук, профессор
Оганян Татьяна Борисовна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор педагогических наук, доцент
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Остапович Игорь Юрьевич (РФ, г. Екатеринбург) – доктор юридических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Панкратова Светлана Анатольевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Пешкова Христина Вячеславовна (РФ, г. Воронеж) – доктор юридических наук, профессор
Правдов Михаил Александрович (РФ, г. Шуя) – доктор педагогических наук, профессор
Ракитина Светлана Владимировна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук
Свечкарёв Виталий Геннадьевич (РФ, г. Майкоп) – доктор педагогических наук, профессор
Сеногноева Наталия Анатольевна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент
Серебренникова Анна Валерьевна (РФ, г. Москва) – доктор юридических наук, профессор
Сирота Елена Владимировна (Молдова, г. Бельцы) – кандидат филологических наук, доцент
Собянин Федор Иванович (РФ, г. Белгород) – доктор педагогических наук, профессор
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Сумачев Алексей Витальевич (РФ, г. Ханты-Мансийск) – доктор юридических наук, профессор
Сухомлина Татьяна Александровна (РФ, г. Самара) – доктор филологических наук, доцент
Фещенко Татьяна Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор педагогических наук, доцент
Халифаева Анжела Курбановна (РФ, Р. Дагестан) – доктор юридических наук, профессор
Хамеди Могаддам Мохсен Али (Иран, г. Тегеран) – кандидат филологических наук
Хван Людмила Борисовна (Узбекистан, г. Нукус) – кандидат педагогических наук, профессор
Числов Александр Иванович (РФ, г. Тюмень) – доктор юридических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент
Шатковская Татьяна Владимировна (РФ, г. Ростов-на-Дону) – доктор юридических наук, профессор
Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна (РФ, г. Омск) – доктор педагогических наук, доцент
Щербакова Елена Евгеньевна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор педагогических наук, профессор
Эбзеев Мурат Магомедович (РФ, г. Карачаевск) – доктор педагогических наук, профессор
Яковлева Надежда Олеговна (РФ, г. Краснодар) – доктор педагогических наук, профессор
Ямалетдинова Галина Александровна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор педагогических наук, доцент

© Современный ученый, 2026

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вэнь Ф.
Сравнительный анализ зоометафор в китайских и русских названиях растений: аналогия форм и функциональная связь 8-15

Егорова Л.Г., Сурган М.А.
Лингвостилистическая организация общественно-политического медиатекста в газетах «Крымская правда» и «Крымская газета» (2013-2015 гг.) 16-24

Закруткина С.А., Беспалова А.Г.
Портретные очерки В.А. Закруткина периода Великой Отечественной войны 22-26

Каримова Р.Х.
К вопросу о содержании прилагательного Fleißig в немецком языке 27-38

Кибенко Д.В., Коцюба И.Ю.
Многопараметрический статистический анализ корпуса тундрового диалекта ненецкого языка в типологической перспективе: сравнительное исследование на основе параллельных корпусов 29-47

Ши Джен-Лян
Традиционные и новые медиа как средство построения эффективного имиджа России 48-54

Чжэн Тао
Мультимодальный политический дискурс современной России в преподавании русского как иностранного: фреймовый анализ материалов проекта «Время героев» 55-62

Шакалов И.И.
Институциональные инновации во внешнеэкономической деятельности России: сетевое образование, межрегиональная и муниципальная дипломатия, роль молодёжных соглашений как факторов экономической безопасности 63-71

Ши Линь
Экспрессивные синтаксические средства реализации речевых актов властного воздействия в художественном диалоге современной русской прозы 72-78

Исянгулова Г.А., Даутова Х.И., Саньярова Р.Р.
Тематические словари: теоретические основы, типология и принципы составления 79-85

Фэн Цзыи
Некоторые факторы выбора кратких / полных форм прилагательных 86-91

Цао Иньфэй, Музыкант В.Л.
Анализ привлекательности коротких видеороликов: закон привлечения внимания и принцип действия 92-97

Ши Джен-Лян
Сравнительный анализ представления культуры России и Китая в медиа 98-103

Галицкий Е.О., Боронин А.А.
Категория темы англоязычных потребительских онлайн-отзывов на парфюмерную продукцию как типологический параметр текста 104-110

Гао Фань
Речевая трансформация научно-популярного контента как адаптация к технологии трансляции в медиа (на материале портала «Наука и жизнь») 111-117

Дзасежева Л.Х., Хатухова Л.В., Эржибова Ф.А.
Динамика немецкоязычных вкраплений как семиотическая модель трансформации протагониста в романе И. Макьюэна «*Невинный*, или особые отношения» 118-124

Васильева И.В., Парфененков К.В.
Спортивный подъязык как особая семантико-структурная система современного русского языка 125-133

Тань Сянюй
Цифровая трансформация городского пространства Китая и Беларуси: социальные тенденции и вызовы 134-140

Хуан Ясинь
Тематическая модель освещения китайско-российских отношений в материалах CGTN 141-148

Цао Иньфэй, Музыкант В.Л.
Проблемы снижения концентрации внимания учащихся из-за коротких видео и педагогические методы их коррекции в условиях средней школы 159-156

Цян Цици, Матвиенко В.В.
Дискурсивное конструирование «обитания» в соседском нарративе китайских телесериалов: пространство, этика и сообщество 157-163

Тугуз Г.Т.
О вариативности фразеологических единиц в адыгейском языке 164-169

Яблонских А.В.
Коммуникационные стратегии продвижения винодельческого рынка Нового Света 170-181

Чжоу Яо, Гуань Сюцзюань
Исследование стратегий перевода феномена культурных лакун в русском переводе романа Мо Яня «Устал рождаться и умирать» (на материале перевода И. Егорова) 182-190

Балаева С.В.
Достоевский и Леопарди: о некоторых параллелях в творчестве 191-196

Булатный В.В.
Структурно-содержательные особенности организации иностранного политического медиаобраза в социальных сетях (на примере медиаобраза Э. Макрона) 197-204

Гурбанова А.М.
Концептуальные основания дискурсивных стратегий управления вузом XXI века 205-209

Чэнь Цзи-И
Концепт «гармония» в музыкальных метафорах китайских и русских медиатекстов: ценностный аспект 210-216

Шлыкова Н.В.
Функционирование окказиональных фразеологизмов в историко-биографическом кинодискурсе (на материале сериала «Корона») 217-224

Тугуз Г.Т.
Фразеосемантические поля концепта *«гушхуагъ»* (смелость) в адыгейском языке 225-231

Павлова М.Н.
Сравнительный анализ образов дракона в английских и японских народных сказках (символика и семантика) 232-238

Ли Синьмэн
Исследование русско-китайского перевода терминов фигурного катания на основе скопос-теории 239-245

Чжан Цзюньда
Исследование русско-китайских языковых контактов: на материале перевода и межкультурной коммуникации 246-253

Исянгулова Г.А., Султанбаева Х.В., Шайдуллина А.М.
Структурно-семантическая характеристика животноводческой лексики башкирского языка 254-261

Багдасарова И.Ю., Макарова О.А.
Почему «Белый отряд» актуален сегодня? К обоснованию современного исследования исторического романа А. Конан Дойля и его перевода 262-266

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Коннова О.В., Романова И.В.
Роль код-свитчинга при обучениив поликультурном пространстве 267-273

Шакамалова М.С., Черная Е.В., Захарова Н.А.
Актуальные проблемы профессиональной подготовки обучающихся колледжа по специальности «физическая культура» 274-281

Ван Жуй
Развитие вокальных способностей в системе профессиональной подготовки вокалиста в музыкальном вузе 282-290

Дрыгина М.В.
Использование искуственного интеллекта для формирования грамматических навыков на уроках иностранного языка в 6 классе 291-297

Кудинова Ю.В., Фетисов А.С., Червенко О.Б.
Психолого-педагогические условия эффективной реализации демонстрационного экзамена в образовательном процессе вуза 298-307

Люй Кайюэ, Фу Дунмэй
Пути интеграции технологий искусственного интеллекта и преподавания английского языка в основной школе с позиций цифровой грамотности учителя 308-313

Набиуллина Р.И., Прищепенко А.И., Шелестова О.В.
Методический потенциал онлайн-ресурсов в обучении английскому языку учащихся средних и старших классов 314-320

Шимкович Е.Д.
Педагогические условия формирования успешности обучения иностранных граждан на подготовительном факультете университета 321-327

Пономарева В.В., Нестеров Ю.В.
Теоретические основания гуманно-личностного подхода в когнитивном развитии младших дошкольников 328-334

Белгородцева Э.И.
Формирование педагогической рефлексии у студентов в ходе семинарских занятий 335-340

Борисенок А.А., Борисенок Н.А., Гайдукова Ю.Н., Сидоренко А.С.
Формирование состава студенческой сборной вуза по баскетболу на основе концепции наибольшей полезности Джона Стюарта Милля 341-346

Смирнов А.А.
Оценка персонала как метод развития профессиональных компетенций сотрудников банковской сферы 347-352

Чжао Янь
Трансформация педагогического образования в эпоху генеративного искусственного интеллекта: онтологические вызовы, риски отчуждения и реконструкция системы 353-358

Бай Ихань, Юэ Исинь, Лебедева А.Л.
Эмпирическое исследование коммуникативной дилеммы телесериала на тему национального единства Китая в России 359-363

Ван Мэнкэ
Вокально-двигательный тренинг в музыкальном образовании: сравнение методик в университетах России и Китая и возможности применения 364-368

Колтовская М.А., Щербатых С.В.
Цифровые платформы как фактор трансформации личностно-профессиональных качеств военнослужащего современного типа: педагогические аспекты работы с личным составом 369-376

Поспелова Ю.П.
Теория культурной памяти в контексте современного образования 377-384

Наумова Н.В.
Структурно-функциональная модель интонационной компетенции старшеклассников с нарушением слуха 385-391

Евдокимов И.М.
Организационно-педагогические основы физического воспитания студентов с артериальной гипертензией 392-398

Журавлёва М.С.
Современные подходы к исследованию речевых нарушений у детей дошкольного возраста 399-406

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Белоцеркович Д.В.
Аксиологическое измерение согласия в конституциях стран Европейского Союза 407-412

Яценко А.М.
К вопросу о классификации и системе экономических преступлений 413-418

Газизуллин Р.И.
Роль Банка России в системе защиты инвесторов при недостоверном раскрытии информации эмитентом: частноправовое значение регуляторных решений 419-428

Михайлова А.А.
Устойчивая правовая связь лица с государством как основание приобретения гражданства: сравнительно правовой анализ моделей РФ и зарубежных стран 429-435

Таилова А.Г., Казакбиева Л.Т., Муслимов М.М.
Уголовно-правовая оценка деяний, совершённых с использованием технологий искусственного интеллекта: проблемы субъекта ответственности и пределов вменения 436-441

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.161.1+811.581'373.21
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-8-15

Сравнительный анализ зоометафор в китайских и русских названиях растений: аналогия форм и функциональная связь

[1] Вэнь Ф.

[1] Государственный институт русского языка им. Пушкина

Аннотация: целью данного исследования является выявление общих черт и различий в использовании зоометафор при наименовании растений в китайском и русском языках. В задачи исследования входит классификация зоометафор по типам (аналогия форм и функциональная связь), сопоставление выбора животных образов в двух традициях номинации, а также анализ культурных особенностей, стоящих за выявленными различиями. Материалом исследования послужили русские названия растений, отобранных из фундаментальных трудов по традиционной китайской медицине и славянской народной ботанике. В работе использовались методы сопоставительного, компонентного и классификационного анализа. В результате установлено, что в китайской фитонимии преобладают образы домашних животных и мифологических существ, акцентирующие целостное восприятие формы и лечебные свойства растений, тогда как в русской традиции доминируют образы животных, обитающих в лесу, отражающие связь с природной средой. Выводы исследования могут найти практическое применение в курсах лексикологии, лингвокультурологии, теории перевода и в практике преподавания китайского и русского языков как иностранных.
Ключевые слова: зоометафоры, фитонимия, наивная картина мира, китайско-русские сопоставительные исследования, когнитивная лингвистика, аналогия форм, функциональная связь,традиционная китайская медицина, народная ботаника

Для цитирования: Вэнь Ф. Сравнительный анализ зоометафор в китайских и русских названиях растений: аналогия форм и функциональная связь // Современный ученый. 2026. № 10. С. 8 – 15. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-8-15

Поступила в редакцию: 3 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Comparative analysis of zoomorphs in Chinese and Russian plant names: form analogy and functional connection

[1] Wen F.

[1] Pushkin State Russian Language Institute

Abstract: this study aims to identify commonalities and differences in the use of zoomorphs in plant naming in Chinese and Russian. The research tasks include the classification of zoomorphs into two main types (form analogy and functional connection), a comparison of animal images selected in the two naming traditions, and an analysis

of the cultural factors underlying the identified differences. The research material consists of Chinese and Russian plant names selected from fundamental works on traditional Chinese medicine and Slavic folk botany. The study employs comparative, componential, and classificatory analysis. The results indicate that Chinese phytonyms predominantly feature images of domestic and mythical animals, emphasizing holistic form perception and medicinal properties of plants, whereas the Russian tradition is dominated by images of forest-dwelling animals, reflecting the connection with the natural environment. The findings of the study may find practical application in courses on lexicology, cultural linguistics, translation theory, and in the practice of teaching Chinese and Russian as foreign languages.

Keywords: zoomorphs, phytonymy, naive worldview, Chinese-Russian comparative studies, cognitive linguistics, form analogy, functional connection, traditional Chinese medicine, folk botany

For citation: Wen F. Comparative analysis of zoomorphs in Chinese and Russian plant names: form analogy and functional connection. Modern Scientist. 2026. 10. P. 8 – 15. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-8-15

The article was submitted: May 3, 2026; Approved after reviewing: June 1, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Наименование растений является отражением культурного восприятия мира. В классификации и описании природы животные метафоры, как универсальный познавательный инструмент, широко распространены в системе наименования растений разных языков. Проецируя формы, привычки и символическое значение животных на растения, люди могут более наглядно понять и запомнить особенности растений.

Китай и Россия обладают богатой традицией наименования растений, в которой животные метафоры играют важную роль. Однако предпочтения в восприятии животных и их символическое значение различаются, что напрямую влияет на выбор метафор при наименовании растений. В настоящее время исследования по кросс-языковому наименованию растений в основном сосредоточены на биологической классификации или анализе метафор в рамках одной культуры, в то время как системное сравнительное исследование наименований растений в китайском и русском языках остается ограниченным.

Теоретической основой данного исследования служат работы в области когнитивной лингвистики, этноботаники и культурной семиотики. В области когнитивной лингвистики исследование опирается на теорию концептуальных метафор, предложенную Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, согласно которой метафора является не только риторическим приемом, но и базовой когнитивной стратегией человека [1]. Подчеркивается, что люди традиционно проецируют характеристики знакомых и конкретных исходных областей (таких как животные) на незнакомые и абстрактные целевые области (например, растения), таким образом создавая рамки для понимания новых объектов. З. Кёвечес далее развивает эту теорию, утверждая, что в разных культурных контекстах возникают специфические метафорические модели [2].

В области этноботаники важным ориентиром для данного исследования является теория народной классификации Б. Берлина, которая системно доказывает, что классификация биологических объектов в народных традициях имеет иерархическую структуру и отражает организацию человеческого восприятия природы [3]. В культурной семиотике данное исследование опирается на теорию «символического круга» Ю.М. Лотмана, который утверждает, что любой языковой символ обладает двойной кодировкой: он не только выполняет поверхностную денотативную функцию, но и несет глубокое культурное символическое значение [4]. Ван Инь применил эту теорию к исследованию китайского языка, особенно анализируя множественные символические значения животных образов в наименованиях растений [5].

Важное значение для данного исследования имеет также понятие наивной картины мира, активно разрабатываемое в русской когнитивной лингвистике и этнолингвистике. Ю.Д. Апресян подчеркивает, что «каждый естественный язык отражает определённый способ восприятия и организации мира» [6]. Исследователь отмечает, что наивная картина мира формируется на основе повседневного опыта народа и во многих аспектах противопоставлена научной картине мира [7]. В связи с этим наименования растений, содержащие зоометафоры, представляют особый интерес, поскольку в них фиксируются народные представления о природе, свойствах растений и их связи с миром животных. Как отмечает Е.А. Балашова, наивная картина мира отражает способы концептуализации окружающей действительности, закреплённые в языковом сознании носителей языка [8]. Таким образом, зоометафорические фитонимы можно рассматривать как фрагмент наивной картины мира, отражающий особенности народного восприятия природы в китайской и русской культурах.

Цель данного исследования заключается в выявлении общих черт и различий в использовании зоометафор при наименовании растений в китайском и русском языках. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: классифицировать зоометафоры в китайской и русской фитонимии по двум основным типам (аналогия форм и функциональная связь); сопоставить выбор животных образов в китайской и русской традициях номинации растений; выявить культурные особенности, стоящие за различиями в использовании зоометафор.

Материалы и методы исследований

Материалом для данного исследования послужили китайские и русские фитонимы, содержащие зоометафоры. В рамках данной работы было проанализировано 30 китайских и 25 русских названий растений. Китайские фитонимы были отобраны из следующих источников: «Бэньцао ганму» («Компендиум лекарственных веществ») Ли Шичжэня, «Шэньнун бэньцао цзин» («Канон Шэнь-нуна о корнях и травах»**)**, монографии Ван Иня «Исследование китайских названий растений». Русские фитонимы были отобраны из «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля, «Словаря народных названий растений Урала» Н.И. Коноваловой, а также из работ В.А. Меркуловой и В.Б. Колосовой, посвященных славянской народной ботанике.

Критериями отбора фитонимов служили следующие условия: наличие в названии прямого сравнения с животным или его частью (например, *китайск*. «бычье колено»); мотивированность названия поведением животных или их взаимодействием с растением (например, *рус*. «волчья ягода»); устойчивое употребление названия в научной или народной традиции.

В работе использовались следующие методы исследования. Метод сплошной выборки применялся для отбора фитонимов из указанных источников. Сопоставительный анализ использовался для сравнения китайской и русской фитонимии. Компонентный анализ позволил выявить семантические компоненты в структуре зоометафор. Классификационный метод был применен для распределения фитонимов по типам метафорического переноса.

Результаты и обсуждения

В ходе анализа китайских и русских фитонимов, содержащих зоометафоры, были получены следующие результаты.

1. Наименование по аналогии с формой

Аналогия с формой – один из самых распространенных способов наименования растений, который заключается в том, что растения получают название на основе сходства их формы, цвета и других внешних признаков с определённым животным (или его частью). При этом способе наименования использует интуитивное восприятие формы животных людьми, ярко изображая характеристики растения.

Наименования растений по аналогии с формой в китайском языке:

В китайском языке существует множество наименований растений, которые описывают их внешние характеристики через аналогию с формой животных. Например:

牛膝 niú xī (букв.: ‘бычье колено’, лат. Radix achyrantatae bidentatae)

Это лекарственное растение, известное как "корень бычьего колена", получило своё название благодаря характерным утолщениям стебля в узлах, визуально напоминающим коленный сустав быка. В «Шэньнун бэньцао цзин» («Канон Шэнь-нуна о корнях и травах») отмечается, что такая морфологическая особенность стала основанием для номинации. Ли Шичжэнь в «Бэньцао ганму» («Компендиум лекарственных веществ») подчёркивает, что название также отражает традиционное представление о способности растения укреплять костно-мышечную систему.

虎耳草 hǔ ěr cǎo (букв.: ‘трава тигриного уха’, лат. Saxifraga stolonifera)

В китайской традиции название 虎耳草"трава тигриного уха" связано прежде всего с визуальным восприятием растения. Согласно описанию в «Тан бэньцао» («Канон корней и трав династии Тан»), округлые листья с лёгким опушением напоминали форму тигриного уха, что и стало основанием для такой номинации.

鸡冠花 jī guān huā (букв.: ‘петушиный гребешок’, лат. Flos celosiae cristatae)

Номинация 鸡冠花"петушиный гребешок" мотивирована внешним сходством растения с петушиным гребнем: ярко окрашенные волнистые соцветия вызывают устойчивую ассоциацию с обликом птицы.

马齿苋 mǎ chǐ xiàn (букв.: ‘лошадиные зубы’, лат. Portulaca oleracea)

Наименование 马齿苋"лошадиные зубы" отражает народное наблюдение за формой растения: зубчатый край мясистых листьев воспринимался как сходный с зубами лошади. Подобная интерпретация уже встречается в «Цзя ю бэньцао» («Канон корней и трав годов Цзяю»). В «Чжунъяо да цыдянь» («Большой словарь китайских лекарственных средств») подчёркивается, что такое название не только описывает морфологию, но и отражает традиционное использование растения для укрепления зубов и дёсен.

石龙芮/龙葵 shí lóng ruì/lóng kuí (букв.: ‘драконьи жемчужины, или драконья трава’, лат. Solanum nigrum)

Название "драконьи жемчужины", или "драконья трава", связано с особенностями плодоношения растения. «Бэньцао бэйяо» («Основы корней и трав») описывает, как грозди чёрных ягод напоминают жемчужины из китайских мифов о драконах.

Таким образом, в китайских наименованиях растений часто используются знакомые людям животные или мифические существа, с тем, чтобы представить внешние особенности растений через аналогию с животными формами, что делает название живым и наглядным, аккумулирующим народные представления и культурные смыслы.

Наименования растений по аналогии с формой в русском языке:

В русском языке, а также в других славянских языках животные метафоры также играют важную роль в наименовании растений, и многие народные названия прямо описывают сходство растений с животными по внешнему виду. Например:

Копытень (*Asarum europaeum*)

Название "копытень" произошло из-за формы его листьев, напоминающих копыта лошади. Подобная модель номинации характерна не только для русского, но и для других славянских языков: ср. укр. «копитняк», польск. *kopytnik*. В данном случае зоометафорический компонент связан с формой листа, напоминающей копыто животного.

Заячьи уши (*Plantago major*)

В этом названии выделяется прежде всего зрительный признак: широкие листья подорожника воспринимаются как сходные с ушами зайца. Здесь животный образ служит не символической, а описательной функции.

Лисий хвост (*Alopecurus pratensis*)

В основе номинации лежит сходство соцветия с хвостом животного. В отличие от названий типа «заячьи уши», здесь актуализируется не форма листа, а вытянутая форма цветочного колоса.

Кроме того, в русской традиции зоометафорической номинации животный образ может использоваться и для указания на размер растения. Например, крупные растения могут иметь приставку "лошадиный/конский", как в случае с "конский щавель"(*Rumex confertus*) (растение с большими листьями рода Rumex), что указывает на более высокий рост растения по сравнению с обычным щавелем. Подобным образом в английском языке "horse chestnut" в русском языке переводится как "конский каштан" – сравнение с лошадью подчеркивает его величину.

В целом в русском языке аналогия с формой в наименованиях растений часто использует образ животных, распространенных в данной экосистеме (заяц, лиса, мышь, лошадь и другие), через части тела или общий облик животных для описания внешнего вида растения. В отличие от китайского языка, в русском наименовании растений чаще используются реальные животные, существующие в повседневной экосистеме, тогда как в китайском языке, помимо обычных животных, встречаются мифологические образы, такие как дракон или феникс, что отражает культурные различия между языками.

2. Наименование по функциональной связи

Наименование по функциональной связи означает, что растения получают название на основе их связи с животными в плане функции, действия или поведения. Это включает использование растений животными, предпочтения животных в еде, которой служат растения, а также связь между лечебными свойствами растений и животными. Такое наименование напрямую отражает роль растения, отображая понимание и опыт людей в отношении функций растений.

Наименования растений по функциональной связи в китайском языке:

В китайских народных наименованиях многих лекарственных растений используется название животного, поскольку растения имеют связь с животными в плане применения или открытия. Во-первых, растения могут быть пищей для животных или тесно связаны с их деятельностью. Например:

蛤蟆蓝 há ma lán / 蟾蜍兰 chán há lán (букв.: ‘жабье синее растение’, лат. Asparagus cochinchinensis)

Этот яркий пример народной номенклатуры восходит к записям в «Бэньцао ганму» («Компендиум лекарственных веществ»), где подробно описывается связь растения с земноводными. Согласно тексту, название "жабье синее растение" возникло из-за особенностей произрастания Asparagus cochinchinensis во влажных местах, часто населённых жабами.

鼠粘子 shǔ nián zǐ (букв.: ‘мышиная липучка’, лат. Arctium lappa)

Это название растения с шипами на оболочке плодов, семена которого прилипают к меху мышей, когда те проходят мимо, и трудно счищаются, что и стало основой для такого живого названия.

鹅不食草 é bù shí cǎo (букв.: ‘гусь не ест траву ’, лат. Stellaria media)

Название "鹅不食草" впервые встречается в «Бэньцао ганму» («Компендиум лекарственных веществ») (1596 г.), в двадцатой главе раздела о травах, где прямо указано: "鹅不食，言鹅不肯食之也" (Гусь не ест, гусь отказывается его есть). В «Чжиу минши ту као» («Трактат о названиях и изображениях растений») Ву Цичжун далее описывает это растение: "Его запах резкий, гуси и утки не едят, поэтому названо так". В полевых исследованиях в южном Китае (Цзэцзян, Цзянсу) было установлено (Li, 2019), что крестьяне традиционно сажали это растение вокруг рыбных прудов, чтобы предотвратить чрезмерное поедание растений домашними гусями.

Во-вторых, растения могут оказывать какое-то действие на животных или их название может быть связано с поведением животных. Например:

醉鱼草 zuì yú cǎo (букв.: ‘трава, опьяняющая рыб’, лат. Buddleja lindleyana)

Это название впервые систематически зафиксировано в «Бэньцао шии» («Дополнения к канону корней и трав») периода династии Тан, где Чэнь Цанци описывает: "трава, опьяняющая рыб, рыбаки собирают её цветы и листья, замачивают в воде, рыбы, съедая его, теряют сознание и всплывают, поэтому и получило это название". В «Цзюхуан бэньцао» («Канон корней и трав для спасения от голода») периода династии Мин подробно описывается способ его использования: "Берут цветы и листья, толкут в сок, смешивают с пшеничной мукой и высыпают в воду, рыбы, съедая его, теряют сознание и всплывают, что облегчает их ловлю".

逐马草 zhú mǎ cǎo / 奔马草 bēn mǎ cǎo (букв.: ‘Трава скачущей лошади’, лат. Salvia miltiorrhiza)

"逐马草" или "奔马草" – это другое название растения шалфея многокорневищного, который, по легенде, лечит радикулит и паралич, восстанавливая силу у лошадей, потерявших способность бегать. Название получило название благодаря его чудодейственному свойству.

蚤休 zǎo xiū (букв.: ‘остановка блох’)

Это название китайского лекарства, которое обладает свойствами антипаразитарного и обезболивающего средства. Согласно записям, оно помогает избавиться от токсинов, остановив вредных насекомых, и поэтому получило название "蚤休". Стоит отметить, что в современной ботанике это название не является конкретным наименованием какого-либо растения.

В-третьих, роль животных в открытии или распространении растений также отражается в их названиях. Например:

蛇含草 shé hán cǎo (букв.: ‘трава, которую змея несет во рту’, лат. Duchesnea indica)

Это название растения, основанное на древней записи: крестьянин увидел змею, которая была ранена, а другая змея принесла ей траву в зубах, чтобы вылечить ее, и эта трава вылечила раненую змею. Крестьянин использовал эту траву для лечения ран, и поэтому растение получило название "蛇含草" (букв.: трава, которую змея несет во рту).

羊负来 yáng fù lái (букв.: ‘трава, которую принесла овца’, лат. Tribulus terrestris)

В случае 羊负来‘трава, которую принесла овца’ на первый план выходит другой мотив – перенос растения животным. Согласно преданию, колючие плоды растения цеплялись за шерсть овец, что и стало основанием для названия.

Рассмотренные примеры позволяют выделить несколько мотивационных моделей китайской фитонимии: связь растения с пищевым поведением животных, с его воздействием на животных, с лечебной функцией, а также с легендой о его обнаружении. В таких названиях животный образ помогает обозначить не внешний признак растения, а его роль в народном опыте.

Наименование по функциональной связи в русском языке:

В русском материале также представлены фитонимы, в которых зооним указывает не на форму растения, а на его практическую или бытовую связь с животным.

Зубровка (*Hierochloë odorata*)

В этом названии актуализируется кормовая функция растения: оно соотносится с зубром как с животным, для которого данная трава является характерным кормом.

Свинская трава (*Sonchus oleraceus*)

В названиях типа «свиная трава», «свинская радость» зоонимический компонент указывает на бытовое использование растения как корма для свиней. Здесь животный образ выполняет не описательную, а функциональную роль.

Лягушачья трава (*Ranunculus aquatilis*)

В этом случае название связано с наблюдением за местом произрастания растения. Водная или болотная среда ассоциируется с лягушками, поэтому зооним помогает обозначить привычный для народного сознания природный контекст.

Куриная слепота (*Chelidonium majus*)

Данное название связано с народными представлениями о болезни и лечении. Компонент «куриная» отсылает к названию нарушения зрения – «куриная слепота», а фитоним закрепляет связь растения с его предполагаемым лечебным применением.

Волчья ягода (*Daphne mezereum*)

В названии «волчья ягода» зооним выражает оценочный признак. Образ волка в народной традиции связан с опасностью, поэтому он используется для обозначения ядовитого растения.

Курочки и петушки (*Epimedium spp.*)

Это название относится к сфере фольклорного и игрового опыта. Оно показывает, что зоонимический компонент может быть связан не только с внешним сходством или пользой растения, но и с его участием в народных практиках.

Таким образом, русские примеры демонстрируют несколько типов функциональной мотивации: кормовую, лечебную, оценочную и фольклорно-бытовую. В отличие от китайского материала, где заметную роль играют медицинские представления и легендарные сюжеты, русские фитонимы в проанализированном корпусе чаще связаны с повседневными наблюдениями и практическим опытом взаимодействия человека с природой.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

В области аналогии форм китайские наименования растений преимущественно используют образы домашних животных и мифологических существ, акцентируя целостное восприятие формы и цветовые характеристики. Русские наименования чаще опираются на образы лесных животных, делая акцент на отдельных морфологических деталях и тактильных характеристиках растений. В проанализированной выборке китайских фитонимов большинство названий, основанных на аналогии форм, используют образы домашних животных и мифологических существ, тогда как в русской выборке преобладают образы лесных животных.

В аспекте функциональной связи китайская традиция отражает преимущественно лечебные свойства растений и их связь с традиционной медициной. Русские наименования чаще связаны с повседневными наблюдениями за природой и практическим использованием растений. Мифологические элементы и легенды как мотивация наименования присутствуют в китайской традиции, но практически отсутствуют в русской.

Выявленные различия отражают особенности культурных традиций двух народов: связь китайской культуры с традиционной медициной и символическим восприятием природы, с одной стороны, и практический опыт взаимодействия с природной средой в русской народной традиции – с другой. При этом обе языковые системы демонстрируют системный подход к использованию зоометафорических моделей номинации.

Проведённый анализ показывает, что зоометафорические наименования растений являются важным фрагментом наивной картины мира, запечатлённой в языке. Через сопоставление мира животных и мира растений носители языка формируют и закрепляют народные представления о природе, свойствах растений и способах взаимодействия человека с окружающей средой. При этом китайская и русская традиции демонстрируют как универсальные механизмы метафоризации, так и национально-культурную специфику восприятия природного мира.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным изучением историко-культурных факторов, повлиявших на формирование выявленных закономерностей, а также с расширением корпуса исследуемых фитонимов за счет диалектных малоупотребительных названий.

Список источников

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Высшая школа, 1990. С. 387 – 415.

2. Kövecses Z. Metaphor in Culture: Universality and Variation. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 314 p.

3. Berlin B. Ethnobiological Classification: Principles of Categorization of Plants and Animals in Traditional Societies. Princeton: Princeton University Press, 1992. 335 p.

4. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. Р. 610 – 623.

5. Ван Инь Исследование китайских названий растений. Пекин: Коммерческое издательство, 2007. 276 с.

6. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.

7. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М.: Наука, 1974. 367 с.

8. Балашова Е.А. К вопросу об отражении наивной картины мира в лексикографии и лексикологии // Вестник Пермского университета. 2006. № 3. С. 1 – 7.

9. Энциклопедия лекарственных растений / под ред. Г.П. Яковлева. СПб.: СпецЛит, 2004. 759 с.

10. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. 699 с.

12. Колосова В.Б. «Медвежьи» травы в народной ботанике славян. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2012. 97 с.

13. Колосова В.Б. Мотивации славянских названий растений, образованных от зоонимов. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2001. 77 с.

14. Коновалова Н.И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург: Межотраслевой региональный центр, 2000. 233 с.

15. Меркулова В.А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. М.: Наука, 1967. 183 с.

16. Kolosova V., Svanberg I., Kalle R. et al. The bear in Eurasian plant names: motivations and models // Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine. 2017. Vol. 13. № 14. P. 1 – 16. DOI: 10.1186/s13002-016-0132-9.

17. Ли Шичжэнь Бэньцао ганму (Компендиум лекарственных веществ). Пекин: Народное медицинское издательство, 1982. 1892 с.

18. Флора Китая. Пекин: Научное издательство, 2004. Т. 5. 412 с.

19. Китайская фармакопея. Шанхай: Шанхайское научно-техническое издательство, 1999. Т. 2. 1568 с.

References

1. Lakoff J., Johnson M. Metaphors We Live By. The Theory of Metaphor. Moscow: Vysshaya shkola, 1990. P. 387 – 415.

2. Kövecses Z. Metaphor in Culture: Universality and Variation. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 314 p.

3. Berlin B. Ethnobiological Classification: Principles of Categorization of Plants and Animals in Traditional Societies. Princeton: Princeton University Press, 1992. 335 p.

4. Lotman Yu.M. Symbol in the System of Culture. Semiosphere. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000. P. 610 – 623.

5. Wang Yin A Study of Chinese Plant Names. Beijing: Commercial Publishing House, 2007. 276 p.

6. Apresyan Yu.D. Selected Works: in 2 volumes. Vol. 2. Integral Description of Language and Systemic Lexico-graphy. Moscow: Languages of Russian Culture, 1995. 767 p.

7. Apresyan Yu.D. Lexical Semantics. Moscow: Nauka, 1974. 367 p.

8. Balashova E.A. On the Reflection of the Naive Picture of the World in Lexicography and Lexicology. Bulletin of Perm University. 2006. No. 3. P. 1 – 7.

9. Encyclopedia of Medicinal Plants. edited by G.P. Yakovlev. St. Petersburg: SpetsLit, 2004. 759 p.

10. Berezovich E.L. Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies. Moscow: Indrik, 2007. 600 p.

11. Dahl V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 volumes. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1955. 699 p.

12. Kolosova V.B. "Bear" Herbs in Slavic Folk Botany. St. Petersburg: Institute of Linguistic Research, Russian Academy of Sciences, 2012. 97 p.

13. Kolosova V.B. Motivations of Slavic Plant Names Derived from Zoonyms. St. Petersburg: Institute of Linguistic Research, Russian Academy of Sciences, 2001. 77 p.

14. Konovalova N.I. Dictionary of Folk Names of Ural Plants. Ekaterinburg: Inter-Industry Regional Center, 2000. 233 p.

15. Merkulova V.A. Essays on Russian Folk Nomenclature of Plants. Moscow: Nauka, 1967. 183 p.

16. Kolosova V., Svanberg I., Kalle R. et al. The Bear in Eurasian Plant Names: Motives and Models. Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine. 2017. Vol. 13. No. 14. P. 1 – 16. DOI: 10.1186/s13002-016-0132-9.

17. Li Shizhen Bencao gangmu (Compendium of Medicinal Substances). Beijing: People's Medical Publishing House, 1982. 1892 p.

18. Flora of China. Beijing: Scientific Publishing House, 2004. Vol. 5. 412 p.

19. Chinese Pharmacopoeia. Shanghai: Shanghai Scientific and Technical Publishing House, 1999. Vol. 2. 1568 p.

Информация об авторе

Вэнь Ф., аспирант, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2462347825@qq.com

©Вэнь Ф., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.161.1'38:070
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-16-21

Лингвостилистическая организация общественно-политического медиатекста в газетах «Крымская правда» и «Крымская газета» (2013-2015 гг.)

[1] Егорова Л.Г., [1] Сурган М.А.

[1] Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Аннотация: статья посвящена сопоставительному анализу лингвостилистической организации общественно-политического медиатекста в газетах «Крымская правда» и «Крымская газета» за 2013–2015 гг. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что данный период охватывает разные этапы общественно-политической жизни Крыма: предшествующее состояние региональной медиасреды, воссоединение Крыма с Россией в 2014 году и первый год функционирования региональной прессы в новых институциональных условиях. Материал исследования составили общественно-политические медиатексты двух крымских изданий. Установлено, что при общности тематического поля лингвостилистическая организация медиатекстов в сопоставляемых газетах различается. Для «Крымской правды» характерны эксплицитная авторизация, эксплицитная оценочность, интерпретирующий заголовок, экспрессивная и идеологически маркированная номинация, для «Крымской газеты» – официальная номинация, номинативно-информативный заголовок, перечислительные и дефинитивные конструкции, цитата как способ ввода авторитетного источника.
Ключевые слова: газетная речь, медиатекст, номинация, категория оценки, заголовок, информационный подстиль, аналитический подстиль, региональная пресса

Для цитирования: Егорова Л.Г., Сурган М.А. Лингвостилистическая организация общественно-политического медиатекста в газетах «Крымская правда» и «Крымская газета» (2013-2015 гг.) // Современный ученый. 2026. № 10. С. 16 – 21. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-16-21

Поступила в редакцию: 3 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Linguostylistic organization of sociopolitical media text in the newspapers «Krymskaya Pravda» and «Krymskaya Gazeta» (2013-2015)

[1] Egorova L.G., [1] Surgan M.A.

[1] Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Abstract: the article presents a comparative analysis of the linguostylistic organization of sociopolitical media texts in the newspapers “Krymskaya Pravda” and “Krymskaya Gazeta” in 2013-2015. The choice of this chronological frame is motivated by the fact that the period encompasses several distinct stages in the sociopolitical life of Crimea: the preceding state of the regional media environment, the reunification of Crimea with Russia in 2014, and the first full year of the regional press functioning under new institutional conditions. The research material comprises sociopolitical media texts from two Crimean newspapers. It is established that, despite a shared thematic field, the linguostylistic organization of media texts in the two newspapers differs. “Krymskaya Pravda” is charac-

terized by explicit authorization, explicit evaluativity, an interpretive headline, and expressive ideologically marked nomination. “Krymskaya Gazeta” is marked by official nomination, a nominative-informational headline, enumerative and definitional syntactic constructions, and citation as a means of introducing an authoritative source.
Keywords: newspaper discourse, media text, nomination, category of evaluation, headline, informational substyle, analytical substyle, regional press

For citation: Egorova L.G., Surgan M.A. Linguostylistic organization of sociopolitical media text in the newspapers «Krymskaya Pravda» and «Krymskaya Gazeta» (2013-2015). Modern Scientist. 2026. 10. P. 16 – 21. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-16-21

The article was submitted: May 3, 2026; Approved after reviewing: June 1, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Региональная пресса Республики Крым 2013-2015 гг. представляет особый исследовательский материал для медиалингвистики. Сравнительно короткий хронологический отрезок вмещает воссоединение Крыма с Россией и связанные с этим изменения в речевой организации общественно-политических публикаций. В этот период крымская пресса переходит от украинской редакционной модели к российской: меняются адресат, способы номинации событий, соотношение факта и оценки. В указанном периоде выделяем три этапа. 2013 год отражает состояние крымской прессы накануне Крымской весны и сохраняет инерцию прежних редакционных моделей. В 2014 году происходит воссоединение Крыма с Российской Федерацией – в общественно-политических медиатекстах обновляются речевые средства. 2015-й – первый год функционирования крымской прессы в структуре российского медиапространства, когда складывается относительно устойчивая лингвостилистическая норма. Показательным считаем сопоставление двух крымских изданий – «Крымской правды» и «Крымской газеты», близких по тематическому полю и различающихся языковой организацией общественно-политических публикаций. Расхождение, по нашему мнению, носит системный характер и проявляется на уровне подстиля публицистического стиля. Цель работы – провести сопоставительный лингвостилистический анализ общественно-политических медиатекстов «Крымской правды» и «Крымской газеты» 2013-2015 гг. и соотнести каждое издание с одним из подстилей публицистического стиля.

Материалы и методы исследований

Материал исследования составили общественно-политические медиатексты газет за 2013-2015 гг. Единицей анализа выступал целостный медиатекст, а также его структурные компоненты: заголовок, номинативные ряды, оценочные средства, синтаксические конструкции, способы выражения авторской позиции. Сопоставление двух изданий проводилось с учетом их тематической близости и различий в речевой организации общественно-политических материалов.

В работе применялись методы лингвостилистического, семантического, контекстуального, дискурсивного и сопоставительного анализа. Лингвостилистический анализ позволил выявить признаки подстилей публицистического стиля; семантический и контекстуальный анализ использовались для описания оценочной, экспрессивной, официальной и предметно-информативной лексики; дискурсивный анализ – для характеристики авторской позиции и коммуникативной установки издания; сопоставительный метод – для определения устойчивых различий между изданиями.

Результаты и обсуждения

Теоретическую основу настоящего исследования составляют труды по языку газеты и категории оценки. Соотношение стандарта и экспрессии как ключевая характеристика языка газеты описано в работах В.Г. Костомарова [9]; жанрово-стилистическая характеристика публицистики, включая разграничение ее подстилей, представлена у Г.Я. Солганика [14]. Диалогическая природа газетных речевых жанров и формы авторского присутствия в медиатексте обоснованы в исследованиях Л.Р. Дускаевой [6]. Категория авторизации, разработанная Г.А. Золотовой, дает инструмент для описания форм проявления говорящего субъекта в тексте [7]. Типология заголовочного комплекса основывается на работах Э.А. Лазаревой [10]. Оценку, вслед за Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюновой и В.Н. Телия, рассматриваем как функционально-семантическую категорию, реализующуюся на лексическом, семантико-синтаксическом и прагматическом уровнях [2; 3; 15]. Понимание оценки как многоуровневой системы, охватывающей номинацию, отбор речевых средств,

композицию сообщения и установку на воздействие, опирается на работы Н.И. Клушиной [8]. Методология анализа медиатекста и категория идеологической модальности опираются на исследования Т.Г. Добросклонской [4].

Институциональный характер общественно-политического медиатекста, особенно в материалах официально-информационной направленности, обоснован в современных исследованиях. А.М. Аматов, С.Б. Кураш, Е.С. Данилова трактуют институциональность дискурса как способ организации коммуникации, включающий статусно-ролевую иерархию и регламентированность речевого поведения [1]. В.М. Потемкина и О.И. Калинин рассматривают политико-идеологический дискурс как гибридную разновидность институционального дискурса [11]. Т.Г. Добросклонская и П.Г. Логинова описывают речевые практики политического медиадискурса – способы убеждения, полемического противопоставления, риторического оформления политического сообщения [5].

При сопоставлении языка газет учитывалась композиционно-речевую структура медиатекста и характер авторского присутствия. Н.Б. Руженцева описывает авторское начало дискурса СМИ через свободу журналиста в выборе темы, прагматической установки и стилевых средств, авторское присутствие проявляется через эксплицитную оценку, способы ввода чужой речи, тип заголовка, систему прецедентных феноменов [13]. Т.Б. Радбиль, исследуя имплицитную оценочность в языке печатных СМИ, приходит к выводу, что медиатекст строится на внутренней полемике между словарным значением слова и его речевым употреблением. Такая постановка вопроса позволяет выявлять открытую и скрытую аксиологическую маркированность медиатекста [12].

В работе мы опираемся на классификацию подстилей публицистического стиля Г.Я. Солганика [14]. «Крымская правда» представляет аналитический подстиль с регулярным выходом в художественно-публицистический регистр, «Крымская газета» – информационный подстиль. Аналитическому подстилю свойственны эксплицитное авторское начало, эксплицитная оценочность, интерпретирующий заголовок, высокая частотность экспрессивной номинации, включение чужой речи в авторский комментарий. Информационный подстиль определяют официальная номинация, номинативно-информативный заголовок, поясняющие синтаксические конструкции, цитата как способ ввода авторитетного источника, предметность изложения.

В «Крымской правде» информационный повод часто переоформляется в экспрессивно-публицистическое высказывание. Так, уже зачин фельетона строится на сниженно-иронической номинации, разговорной ритмике и глагольной экспрессии: *«Уютный разогретый августовским солнышком украинский мирок намедни потрясли и взбаламутили две неоднозначно понятые сенсации – начало войны с Россией и свежая мысль Виталия Кличко»* (КП. 20.08.2013). Лексемы *мирок, намедни*, глагольная пара *потрясли* и *взбаламутили* несут разговорно-сниженную и экспрессивную окраску; их употребление в общественно-политическом сообщении усиливает оценочный план изложения. Этот же прием присутствует и в сообщении о работе парламента: *«Взяв слово сам, глава крымского парламента поблагодарил коллег за проявленную стойкость во время нацистского шабаша в Киеве»* (КП. 26.12.2013). Официальный сюжет о заседании парламента осложняется инвективной номинацией *нацистский шабаш*, сообщение получает выраженную оценочную доминанту.

В «Крымской газете» преобладают предметная номинация и разъяснительный синтаксис. Сообщение сведено к протокольно-информативному минимуму: *«Председатель Совмина АРК Анатолий Могилев ответил на 8 звонков крымчан, поступивших на телефонную линию крымского правительства»* (КГ. 24.12.2013). Тот же тип речевой организации сохраняется и в материалах 2014-2015 гг.: *«Внеочередное заседание Государственного Совета Республики Крым было посвящено в том числе и этим вопросам, которых в повестке дня было аж 65. По словам председателя Госсовета Владимира Константинова, такого количества вопросов за один день не рассматривалось за все четыре года его спикерства»* (КГ. 23.03.2014). Здесь доминируют официальные наименования, количественные показатели, перечислительные конструкции, формулы целеполагания. Экспрессивный компонент либо отсутствует, либо подчинен задаче информирования.

В «Крымской правде» оценка носит эксплицитный, интенсивный и системный характер. Ее формируют пейоративные номинации, идеологически маркированные определения, антитеза и афористически заостренный синтаксис. Уже в заметке о языковом законопроекте появляется сгущенная цепь квалификативов: *«Это антиконституционный, русофобский и по своей сути неонацистский законопроект»* (КП. 31.01.2013); В фельетоне конца 2015 г. оценка достигает инвективной остроты: *«Дефолт Украины в лице премьер-министра киевской хунты Арсения Яценюка уже фактически объявила себе сама»* (КП. 29.12.2015). На уровне синтаксического целого аксиологическая оппозиция разворачивается через паралле-

лизм и антитезу: *«Предатели всегда ненавидят тех, кого предают. В Европе нас ждут как батраков, в России нас ждут как братьев»* (КП. 28.11.2013). В фельетоне «Цивилизационный покер» ироническое обобщение строится как псевдологический вывод: *«Украина существует и взаимодействует с окружающим миром, руководствуясь собственными принципами, суть которых есть великая тайна»* (КП. 19.11.2013). Оценка сосредоточена здесь в целостном номинативно-синтаксическом комплексе: пейоративном словаре, конфликтной предикации, риторическом обобщении, финальной формуле.

В «Крымской газете» оценка распределена иначе. Внутрикрымский политический субъект получает преимущественно нормативно-положительную характеристику, тогда как отрицательная семантика переносится главным образом на внешний объект изображения. Так, в публикации Сергея Мальгавко ценностная шкала вводится через лексику деловой результативности*: «Народ дает оценку власти чаще всего по стилю и качеству работы чиновников и депутатов на ее нижних этажах»* (КГ. 06.03.2015). В заметке «Депутатский контроль» положительная оценка задается через перечисление конкретных управленческих действий: *«На этой неделе в Государственном Совете РК высказали намерение установить потолок цен на продукты питания в Крыму. При этом контролировать уровень цен на рынках республики все лето будут депутаты, устраивая регулярные рейды»* (КГ. 22.05.2015). Напротив, материал «Украина – должник» построен на номинациях со значением задолженности и кризисного состояния, подкрепленных цифровыми показателями: *«Украина находится в тяжелой экономической ситуации. Еще семь лет назад, на 1 января 2008 года, наш долг составлял 17,6 миллиарда долларов США, а на 1 января 2015 года это было уже 70 миллиардов долларов»* (КГ. 21.05.2015). Эту же установку поддерживает синтаксис: *«Документ разрешает Совету министров "принудительно выкупать объекты на территории полуострова, находящиеся в собственности физических или юридических лиц и имеющие стратегическое значение"»* (КГ. 19.07.2014); *«Основными целями приватизации являются: эффективное управление муниципальной собственностью, обеспечение доходной части бюджета, привлечение инвестиций в крымскую столицу»* (КГ. 29.05.2015). Перечислительные и дефинитивные конструкции здесь служат упорядочению материала и нормативному истолкованию решений.

В «Крымской правде» информационный повод регулярно переоформляется в экспрессивно-публицистическое высказывание. Зачин фельетона строится на сниженно-иронической номинации, разговорной ритмике и глагольной экспрессии: *«Уютный разогретый августовским солнышком украинский мирок намедни потрясли и взбаламутили две неоднозначно понятые сенсации – начало войны с Россией и свежая мысль Виталия Кличко»* (КП. 20.08.2013). Лексемы *мирок*, *намедни*, глагольная пара *потрясли и взбаламутили* смещают изложение из информационного регистра в полемический. Тот же сдвиг наблюдаем в сообщении о работе парламента: *«Взяв слово сам, глава крымского парламента поблагодарил коллег за проявленную стойкость во время нацистского шабаша в Киеве»* (КП. 26.12.2013). Официальный сюжет о заседании парламента осложняется инвективной номинацией *нацистский шабаш*, в фактологическое сообщение встраивается оценочный компонент.

В «Крымской газете» преобладают предметная номинация, отглагольные существительные, перечислительные и дефинитивные конструкции. Сообщение сведено к протокольно-информативному минимуму: *«Председатель Совмина АРК Анатолий Могилев ответил на 8 звонков крымчан, поступивших на телефонную линию крымского правительства»* (КГ. 24.12.2013). Этот тип речевой организации сохраняется в материалах 2014-2015 гг.: *«Внеочередное заседание Государственного Совета Республики Крым было посвящено в том числе и этим вопросам, которых в повестке дня было аж 65»* (КГ. 23.03.2014). В сообщениях такого рода доминируют официальные наименования, количественные показатели, формулы целеполагания. Экспрессивный компонент отсутствует или подчинен задаче информирования.

В «Крымской правде» оценка эксплицитна и системна. Ее формируют пейоративные номинации, идеологически маркированные определения, антитеза и обобщающие сентенции. В заметке о языковом законопроекте появляется градационный ряд оценочных определений: *«Это антиконституционный, русофобский и по своей сути неонацистский законопроект»* (КП. 31.01.2013). В фельетоне конца 2015 г. оценка реализуется через инвективную номинацию: *«Дефолт Украины в лице премьер-министра киевской хунты Арсения Яценюка уже фактически объявила себе сама»* (КП. 29.12.2015). На уровне синтаксического целого аксиологическая оппозиция разворачивается через параллелизм и антитезу: *«Предатели всегда ненавидят тех, кого предают. В Европе нас ждут как батраков, в России нас ждут как братьев»* (КП. 28.11.2013). В фельетоне «Цивилизационный покер» ироническое обобщение оформлено как псевдологический вывод: *«Украина существует и взаимодействует с окружающим миром, руководствуясь собственными принципами, суть которых есть великая тайна»* (КП. 19.11.2013). Средствами оценки высту-

пают пейоративная лексика, конфликтная предикация, риторическое обобщение, обобщающая сентенция в финальной позиции.

В «Крымской газете» оценка распределена иначе. Внутрикрымский политический субъект получает преимущественно нормативно-положительную характеристику, отрицательная семантика переносится на внешний объект изображения. В публикации Сергея Мальгавко ценностная шкала вводится через лексику деловой результативности: *«Народ дает оценку власти чаще всего по стилю и качеству работы чиновников и депутатов на ее нижних этажах»* (КГ. 06.03.2015). В заметке «Депутатский контроль» положительная оценка формируется через перечисление конкретных управленческих действий: *«На этой неделе в Государственном Совете РК высказали намерение установить потолок цен на продукты питания в Крыму. При этом контролировать уровень цен на рынках республики все лето будут депутаты, устраивая регулярные рейды»* (КГ. 22.05.2015). В материале «Украина – должник» используется лексика с семантикой долга и кризиса, подкрепленная числовыми данными: *«Украина находится в тяжелой экономической ситуации. Еще семь лет назад, на 1 января 2008 года, наш долг составлял 17,6 миллиарда долларов США, а на 1 января 2015 года это было уже 70 миллиардов долларов»* (КГ. 21.05.2015). Эту же установку поддерживает синтаксис: *«Документ разрешает Совету министров „принудительно выкупать объекты на территории полуострова, находящиеся в собственности физических или юридических лиц и имеющие стратегическое значение“»* (КГ. 19.07.2014); *«Основными целями приватизации являются: эффективное управление муниципальной собственностью, обеспечение доходной части бюджета, привлечение инвестиций в крымскую столицу»* (КГ. 29.05.2015). Перечислительные и дефинитивные конструкции служат упорядочению материала и истолкованию принятых решений.

Выводы

Сопоставление общественно-политических публикаций «Крымской правды» и «Крымской газеты» 2013-2015 гг. выявило различия в языковой организации текстов при общности тематического поля. Для «Крымской правды» характерны эксплицитная авторизация, эксплицитная оценочность, интерпретирующий заголовок, экспрессивная и идеологически маркированная номинация, включение чужой речи в авторский комментарий, антитеза, параллелизм, обобщающая сентенция. Для «Крымской газеты» типичны официальная номинация, номинативно-информативный заголовок, перечислительные и дефинитивные конструкции, цитата как способ ввода авторитетного источника, предметность изложения. Выявленные различия соотносятся с двумя подстилями публицистического стиля, по классификации Г.Я. Солганика. «Крымскую правду» можно отнести к аналитическому подстилю публицистики, в текстах газеты присутствуют приемы художественно-публицистического подстиля, «Крымская газета» остается в пределах информационного подстиля, тяготея к официальной номинации, развернутой фактологической подаче, при этом информационная задача доминирует над оценочной.

Список источников

1. Аматов А.М., Кураш С.Б., Данилова Е.С. Институциональность дискурса как методологическая проблема // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2024. Т. 10. № 3. С. 4 – 25.

2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. 338 с.

3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985. 228 с.

4. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: теория, методы, направления. М., 2020. 178 с.

5. Добросклонская Т.Г., Логинова П.Г. Политическая медиариторика: системный подход к исследованию речевых практик политического медиадискурса // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2023. Т. 12. № 4. С. 47 – 54.

6. Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2012. 274 с.

7. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. 351 с.

8. Клушина Н.И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000. С. 94 – 106.

9. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М., 1971. 267 с.

10. Лазарева Э.А. Заголовок в газете : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2004. 84 с.

11. Потемкина В.М., Калинин О.И. Политико-идеологический дискурс как разновидность гибридного институционального дискурса // Политическая лингвистика. 2025. № 1 (109). С. 108 – 117.

12. Радбиль Т.Б. «Псевдоценности» в современном отечественном медийном дискурсе: опыт логического анализа имплицитной оценочности в языке печатных СМИ // Медиалингвистика. 2021. Т. 8. № 4. С. 406 – 420.

13. Руженцева Н.Б. Авторизация дискурса СМИ: к проблеме прагматической и стилевой свободы журналиста // Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98). С. 12 – 21.

14. Солганик Г.Я. Язык современной публицистики : сборник статей. 2-е изд., испр. М., 2007. 230 с.

15. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. 141 с.

References

1. Amatov A.M., Kurash S.B., Danilova E.S. Institutionalization of Discourse as a Methodological Problem. Scientific Result. Issues of Theoretical and Applied Linguistics. 2024. Vol. 10. No. 3. P. 4 – 25.

2. Arutyunova N.D. Types of Linguistic Meanings: Evaluation. Event. Fact. Moscow, 1988. 338 p.

3. Wolf E.M. Functional Semantics of Evaluation. Moscow, 1985. 228 p.

4. Dobrosklonskaya T.G. Media Linguistics: Theory, Methods, Directions. Moscow, 2020. 178 p.

5. Dobrosklonskaya T.G., Loginova P.G. Political Media Rhetoric: A Systems Approach to the Study of Speech Practices of Political Media Discourse. Research and Development. Modern Communication Studies. 2023. Vol. 12. No. 4. P. 47 – 54.

6. Duskaeva L.R. The Dialogical Nature of Newspaper Speech Genres. 2nd ed., corrected and enlarged. St. Petersburg, 2012. 274 p.

7. ZolotovaG.A. An Essay on the Functional Syntax of the Russian Language. Moscow, 1973. 351 p.

8. Klushina N.I. Linguistic Mechanisms for Forming Assessments in the Media. Journalism and Information in Modern Society. Moscow, 2000. P. 94 – 106.

9. Kostomarov V.G. Russian Language on the Newspaper Page: Some Features of the Language of Modern Newspaper Journalism. M., 1971. 267 p.

10. Lazareva E.A. Newspaper Headline: A Study Guide. 2nd Edition, Revised and Supplemented. Ekaterinburg, 2004. 84 p.

11. Potemkina V.M., Kalinin O.I. Political and Ideological Discourse as a Type of Hybrid Institutional Discourse. Political Linguistics. 2025. No. 1 (109). P. 108 – 117.

12. Radbil T.B. “Pseudo-Values” in Contemporary Domestic Media Discourse: An Experiment in Logical Analysis of Implicit Evaluation in the Language of Print Media. Medialinguistics. 2021. Vol. 8. No. 4. P. 406 – 420.

13. Ruzhentseva N.B. Authorization of Media Discourse: On the Problem of Pragmatic and Stylistic Freedom of a Journalist. Political Linguistics. 2023. No. 2 (98). P. 12 – 21.

14. Solganik G.Ya. The Language of Contemporary Journalism: A Collection of Articles. 2nd ed., corrected. Moscow, 2007. 230 p.

15. Telia V.N. Connotative Aspect of the Semantics of Nominative Units. Moscow, 1986. 141 p.

Информация об авторах

Егорова Л.Г., доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-0661-7680, Крымский инженерно-педагогический энергетический университет имени Февзи Якубова, 295000, г. Симферополь, пер. Учебный, 8, legora@list.ru

Сурган М.А., старший научный сотрудник, Центр изучения гражданских инициатив, преподаватель, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-7903-1031, 295000, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, г. Симферополь, пер. Учебный, 8, surik_m@mail.ru

© Егорова Л.Г., Сурган М.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 070 (091): 82-92
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-22-26

Портретные очерки В.А. Закруткина периода Великой Отечественной войны

[1] Закруткина С.А., [1] Беспалова А.Г.

[1] Южный федеральный университет

Аннотация: в статье рассматриваются фронтовые публикации В.А. Закруткина, опубликованные в армейской газете «За нашу Родину» в 1942 г. Цель исследования состоит в выявлении основных авторских принципов организации портретного очерка и в определении того, каким образом документальная основа, композиция и система характеристик подчиняются задаче изображения человека на войне. Методологическую основу работы составляет жанрово-текстологический анализ публицистического текста. Установлено, что военное событие в очерках Закруткина значимо прежде всего, как среда проявления нравственных и психологических качеств героя, а композиция, детали обстановки, авторская оценка и конфликтная организация текста действуют как взаимосвязанные средства его характеристики. Результаты исследования могут быть использованы при изучении истории отечественной журналистики и жанровой специфики фронтового очерка.
Ключевые слова: Великая Отечественная война, В.А. Закруткин, военная публицистика, портретный очерк, образ, композиция, авторская оценка

Для цитирования: Закруткина С.А., Беспалова А.Г. Портретные очерки В.А. Закруткина периода Великой Отечественной войны // Современный ученый. 2026. № 10. С. 22 – 26. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-22-26

Поступила в редакцию: 4 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Portrait essays by V.A. Zakrutkin during the Great Patriotic War

[1] Zakrutkina S.A., [1] **Bespalova A.G.**

[1] Southern Federal University

Abstract: the article examines front-line publications by V.A. Zakrutkin published in the army newspaper *Za nashu Rodinu* in 1942. The aim of the study is to identify the main authorial principles underlying the organization of the portrait essay and to determine how the documentary basis, composition, and system of characterizations are subordinated to the task of depicting a human being in war conditions. The methodological framework of the research is based on genre and textological analysis of journalistic texts. It is established that the wartime event in Zakrutkin's essays functions primarily as a setting for the manifestation of the protagonist's moral and psychological qualities, while composition, details of the environment, authorial evaluation, and conflict organization of the text operate as interrelated means of characterization. The results of the study may be applied in research on the history of Russian journalism and the genre specificity of the wartime essay.
Keywords: The Great Patriotic War, V.A. Zakrutkin, wartime journalism, portrait essay, image, composition, authorial evaluation

For citation: Zakrutkina S.A., Bespalova A.G. Portrait essays by V.A. Zakrutkin during the Great Patriotic War. Modern Scientist. 2026. 10. P. 22 – 26. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-22-26

The article was submitted: May 4, 2026; Approved after reviewing: June 2, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Публицистика в периоды исторических потрясений приобретает особое значение, будучи наиболее эффективной формой прямого и оперативного авторского высказывания. В 1941-1945 гг. газета функционировала не только как важнейший канал передачи актуальной информации, но и как средство образного осмысления происходящих исторических событий. Журналистское слово было направлено на решение информационных, мобилизационных, нравственно-воспитательных задач, формировало, по выражению А.А. Пронина, «большой нарратив» о Великой Отечественной войне [1].

В этом контексте особого внимания заслуживает публицистика В.А. Закруткина, который в научном поле известен прежде всего, как автор художественной прозы. Его романы, повести и рассказы становились объектом многих литературоведческих исследований, тогда как богатое журналистское наследие оставалось на периферии внимания ученых. Наиболее ярко и масштабно Закруткин-публицист проявился в годы Великой Отечественной войны, пройдя путь фронтового корреспондента от Ростова-на-Дону до Берлина. Активное научное осмысление этого массива его текстов началось лишь в последние годы, процесс выявления и введения в научный оборот газетных материалов продолжается. В появившихся научных трудах, обращенных к журналистским выступлениям Закруткина 1941-1945 гг., подробно проанализированы отдельные произведения (например, цикл «Коричневая чума» [2]) или отдельные аспекты его деятельности в рамках более широкого литературно-журнального и биографического контекста [3].

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью заполнения одной из еще оставшихся научных лакун. Впервые портретные очерки Закруткина рассматриваются как совокупность текстов, объединённых жанровой спецификой и авторскими методами раскрытия личности героя.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили фронтовые публикации Закруткина начального периода Великой Отечественной войны, опубликованные в армейской газете «За нашу Родину»: портретные очерки о бойцах-героях – «Надежда», «Штурмует капитан Бочаров», «Великое преодоление», а также очерки, в которых автор представляет антигероев, – «Подлюка Тисляк», «Пойманный зверь». Выбор этих публикаций обусловлен тем, что они позволяют сопоставить разные типы персонажей и проследить, насколько вписывается авторская позиция в общую тенденцию изображения человека в исключительно белых или черных красках, характерную для начала войны [4].

Методологическую основу исследования составляют структурно-композиционный и жанрово-смысловой анализ публицистического текста. В свете подходов Е.Л. Вартановой, А.В. Выркovского и М.В. Загидуллиной [5], И.Ю. Ковальчук и Е.Ю. Лункиной [6], В.В. Бондарь [7], А.Н. Гришаниной и С.В. Щебеньковой [8] журналистский текст может рассматриваться как целостная коммуникативная структура, в которой тематический, композиционный, стилистический и прагматический уровни взаимодействуют между собой. Для настоящей работы особенно значимы современные представления о портретном очерке как жанре, ориентированном на характеристику героя в социально значимых обстоятельствах [6; 7], а также исследования медиапортретирования в журналистике о военных действиях [8]. В этой связи в статье внимание сосредоточено на композиции очерка, способах характеристики героя, роли деталей обстановки, особенностях авторской оценки персонажей и конфликтной организации текста.

Результаты и обсуждения

В анализируемых текстах событие войны выступает в неразрывной связи с раскрытием личности героя, которая и становится смысловым центром публицистического высказывания.

В центре авторского внимания оказываются и профессиональные военные, и люди, чья довоенная биография не была непосредственно связана с армией. Это позволяет Закруткину показать войну не только как пространство боевых действий, но и внутреннего испытания, в котором раскрываются скрытые силы личности. Так, в очерке «Надежда» образ военфельдшера Н.Н. Мишекулиной выстраивается через соединение авторской оценки и характеристики бойцов, называющих героиню «наша Надежда». Её собственная репли-

ка – «Я просто выполняла свои прямые обязанности» [9] – принципиально снижает внешнюю патетику и переводит разговор о подвиге в плоскость ценностной нормы.

В очерке «Штурмует капитан Бочаров» героизм летчика раскрывается через описание боевого эпизода и коллективную оценку однополчан: «За капитаном мы пойдем хоть в пекло!» [10]. Тем самым автор подчеркивает не декларативную героизацию, а признание героя фронтовым братством. В «Великом преодолении» та же задача решается уже преимущественно средствами психологического анализа: дневниковые записи младшего лейтенанта Берестова становятся формой самораскрытия героя, позволяют показать внутренний процесс преодоления страха и нравственного самоопределения. Показательно, что сам герой осмысливает пережитое не как ситуативный поступок, а как следствие сложной внутренней работы над собой: «…для меня это было великим преодолением...» [11].

Композиционная организация очерков Закруткина подчинена задаче характеристики героя и потому строится не по единообразной модели, а варьируется в зависимости от авторского замысла и типа персонажа. В одних случаях текст сосредоточен вокруг одного ключевого эпизода, через который характер раскрывается в действии. Например, в очерке «Штурмует капитан Бочаров» композиционным центром становится боевой вылет: именно развитие этого эпизода выявляет мужество, профессиональное мастерство и авторитет героя. В других случаях композиция приобретает более сложный вид: она включает сочетание авторского наблюдения, свидетельств окружающих, биографических деталей, воспоминаний, документальных включений. Так строятся, в частности, очерки «Надежда» и «Великое преодоление». В первом образ героини складывается из соединения фронтовой ситуации, рассказов бойцов и авторской характеристики, во втором — из сочетания непосредственного наблюдения, предыстории героя и его дневниковых записей.

Существенную роль играет и временная организация текста: Закруткин часто переходит от настоящего момента к уже произошедшим событиям, включает ретроспективные фрагменты, возвращается к свидетельствам и тем самым показывает героя не в одном эпизоде, а в процессе нравственного и психологического становления.

Пространство в очерках публициста, как правило, становится не самостоятельным предметом изображения, а формирует документальный фон происходящего, усиливает эффект присутствия и соотносится с эмоциональным состоянием героя. Описание разрушенной избы, блиндажа, степи, зимней метели, фронтовой дороги или поля боя усиливает достоверность изображения, углубляет его психологическое звучание. Пространственная конкретика включена в систему смысловой организации очерка, подчеркивает напряжение момента и усиливает выразительность текста. Характерно, что в очерке «Пойманный зверь» пространство задается уже в начальных строках: «Фронт. Хутор в донской степи. Покинутая хозяевами изба. За окном завывает злая январская метель» [13]. Каждая деталь у Закруткина служит как средством усиления фактографичной основы текста, так и важным элементом его композиционной организации, а также характеристики персонажа.

Особое значение в рассматриваемых публикациях имеет конфликтная структура очерка. Наиболее последовательно здесь представлены внутренний конфликт героя и конфликт человека с обстоятельствами войны. В отдельных случаях они дополняются прямым столкновением с противником или идеологическим противостоянием. Такая многоуровневая система конфликтов позволяет автору показать войну не только как совокупность боевых эпизодов, но и как пространство предельного нравственного испытания личности. Война в его очерках – это всегда ситуация, в которой человек обнаруживает свои глубинные качества, проходит проверку страхом, долгом, ответственностью.

В текстах публициста встречаются разнообразные приемы характеристик персонажей. Закруткин сочетает прямую авторскую оценку, мнения окружающих, прямые и косвенные формы раскрытия личности героя через его речь, жест, поведение и реакцию на происходящее. Это придает образу внутреннюю динамику и «очеловеченность». Даже при очевидной нравственной оценке автор избегает однолинейного изображения. Особенно ярко это проявляется в текстах об отрицательных персонажах. В очерке «Подлюка Тисляк» негативная оценка задается уже заглавием и далее усиливается стилистически сниженной лексикой, жёсткой эмоциональной интонацией и скупой, предельно выразительной характеристикой поведения персонажа: герой «брел по-волчьи», «боялся солнца, людей, собственной тени» [12]. Предатель у Закруткина изображен не как сложная психологическая фигура, а как нравственный тип, требующий безусловного осуждения. Наблюдение М.С. Руденко о «черно-белом» характере военной публицистики первых лет войны [4] в целом применимо и к текстам Закруткина. Однако очерк «Подлюка Тисляк» свидетельствует, что автор не ограничивается противопоставлением положительного советского героя и внешнего врага: он вводит образ предателя из числа «своих», тем самым усложняя заданную стандартную модель публицистики этого периода войны.

Иная стратегия реализуется в очерке «Пойманный зверь»: при сохранении общей идеологической рамки автор показывает пленного немецкого солдата не только как врага, но и как человека, переживающего внутренний надлом, растерянность и постепенное осознание катастрофичности происходящего. Его психологическое состояние передается через сдержанную и при этом выразительную деталь: пленный «умолкает, тоскливо смотрит в окно» [13]. Тем самым нравственная оценка приобретает у Закруткина как политическое, так и более широкое, общечеловеческое измерение: решающим оказывается не национальная принадлежность героя, а его нравственная сущность и личный выбор. Такой способ изображения уточняет наблюдение М. С. Руденко об антиперсонификации внешнего врага в публицистике военных лет [4]: у Закруткина противник не лишен человеческих черт полностью, а показан в момент внутреннего надлома.

Выводы

Анализ фронтовых очерков В.А. Закруткина начального периода Великой Отечественной войны показывает, что жанровая специфика портретного очерка у автора реализуется через устойчивую систему композиционных и характерологических средств. Документальная основа, композиция и система характеристик в этих текстах действуют как взаимосвязанные средства характеристики героя. Военные события служат прежде всего средой, в которой выявляются, формируются и проверяются личностные качества героя. Именно поэтому основное внимание в публикациях сосредоточено на человеке в ситуации нравственного испытания.

К числу наиболее устойчивых особенностей авторской индивидуальности Закруткина-очеркиста относится организация текста через взаимодействие композиции, пространственных деталей, авторской оценки и элементов психологического описания. В положительных очерках это позволяет показать мужество, нравственную стойкость и внутреннее преодоление, в обличительных – предательство, идейную несостоятельность и нравственную деградацию. Даже в условиях идеологически заданной модели изображения автору удается создавать внутренне дифференцированные образы людей на войне.

Список источников

1. Пронин А.А. Публицистика военных лет как инструмент формирования «большого нарратива» о Великой Отечественной войне // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения: сб. материалов Международного научного форума, 30 июня – 2 июля 2021 г. / отв. ред. В.В. Васильева. СПб.: Медиапапир, 2021. С. 390 – 392.

2. Беспалова А.Г., Закруткина С.А. Публицистический цикл В.А. Закруткина «Коричневая чума»: история создания, смысловые доминанты, специфика формы // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2025. Т. 29. № 1. С. 209 – 218. DOI: 10.18522/1995-0640-2025-1-209-218

3. Муха А.В. Региональный литературно-художественный журнал «Дон» в исторической перспективе // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 1 (34). С. 162 – 169.

4. Руденко М.С. Образ Великой Отечественной войны в публицистике 1941-1945 гг. // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. 2015. № 3. С. 45 – 57.

5. Вартанова Е.Л., Вырковский А.В., Загидуллина М.В. Медиатекст в эпоху цифровых платформ: возможности и угрозы // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2024. № 3. С. 3 – 13. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2024.313

6. 6. Ковальчук И.Ю., Лункина Е.Ю. Портретный очерк в системе жанров телевизионной документалистики // Эпоха науки. 2021. № 26. С. 106 – 109. DOI: 10.24412/2409-3203-2021-26-106-109

7. Бондарь В.В. Жанровые особенности телевизионного портретного очерка // Медиасреда. 2024. № 1. С. 13 – 17.

8. Гришанина А.Н., Щебенькова С.В. Социокультурная динамика медиапортретирования в журналистике о военных действиях // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18. № 4. С. 132 – 143. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-132-143

9. Закруткин В. Надежда // За нашу Родину. 1942. 13 марта. № 141. С. 3.

10. Закруткин В. Штурмует капитан Бочаров // За нашу Родину. 1942. 7 февраля. № 107. С. 3.

11. Закруткин В. Великое преодоление // За нашу Родину. 1942. 6 апреля. № 165. С. 3.

12. Закруткин В. Подлюка Тисляк // За нашу Родину. 1942. 12 августа. № 285. С. 2.

13. Закруткин В. Пойманный зверь // За нашу Родину. 1942. 17 февраля. № 117. С. 2.

References

1. Pronin A.A. Wartime Journalism as a Tool for Forming a "Grand Narrative" about the Great Patriotic War. Media in the Modern World. 60th St. Petersburg Readings: Collection of Materials of the International Scientific Forum, June 30 – July 2, 2021. Ed. V.V. Vasilyeva. St. Petersburg: Mediapapir, 2021. P. 390 – 392.
2. Bespalova A.G., Zakrutkina S.A. V.A. Zakrutkina's Publicistic Cycle "The Brown Plague": History of Creation, Semantic Dominants, Specifics of Form. Bulletin of the Southern Federal University. Philological Sciences. 2025. Vol. 29. No. 1. P. 209 – 218. DOI: 10.18522/1995-0640-2025-1-209-218
3. Mukha A.V. Regional literary and art magazine "Don" in historical perspective. Bulletin of V.N. Tatishchev Volzhsky University. 2021. Vol. 1. No. 1 (34). P. 162 – 169.
4. Rudenko M.S. Image of the Great Patriotic War in journalism of 1941-1945. Bulletin of Moscow University. Series 9, Philology. 2015. No. 3. P. 45 – 57.
5. Vartanova E.L., Vyrkovsky A.V., Zagidullina M.V. Media text in the era of digital platforms: opportunities and threats. Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism. 2024. No. 3. P. 3 – 13. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2024.313
6. 6. Kovalchuk I.Yu., Lunkina E.Yu. Portrait essay in the system of television documentary genres. The Age of Science. 2021. No. 26. P. 106 – 109. DOI: 10.24412/2409-3203-2021-26-106-109
7. Bondar V.V. Genre Features of a Television Portrait Essay. Mediasreda. 2024. No. 1. P. 13 – 17.
8. Grishanina A.N., Shchebenkova S.V. Sociocultural Dynamics of Media Portrayal in Journalism about Military Operations. Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18. No. 4. P. 132 – 143. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-4-132-143
9. Zakrutkin V. Nadezhda. For Our Motherland. 1942. March 13. No. 141. Pp. 3.
10. Zakrutkin V. Captain Bocharov Storms. For Our Motherland. 1942. February 7. No. 107. P. 3.
11. Zakrutkin V. The Great Overcoming. For Our Motherland. 1942. April 6. No. 165. P. 3.
12. Zakrutkin V. Podlyuka Tislyak. For Our Motherland. 1942. August 12. No. 285. P. 2.
13. Zakrutkin V. The Captured Beast. For Our Motherland. 1942. February 17. No. 117. P. 2.

Информация об авторах

Закруткина С.А., аспирант, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет

Беспалова А.Г., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет

© Закруткина С.А., Беспалова А.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81.11.1112
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-27-38

К вопросу о содержании прилагательного Fleißig в немецком языке

[1] Каримова Р.Х.

[1] Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий

Аннотация: в статье на материале немецкого языка рассматривается семантика прилагательного fleißig. Цель исследования: описать семантические особенности прилагательного fleißig и ряда прилагательных, обозначающих отношение человека к труду: emsig, eifrig, geschäftig, arbeitsam, betriebsam, schaffig. В процессе исследования значения названных лексем были рассмотрены на различных сайтах и электронных словарях, определены сходства и различия в значениях между разными лексикографическими источниками. Далее были подвергнуты сравнению синонимические ряды прилагательных со значением отношения к труду на основе данных электронных словарей и бумажных словарей, а также сайтов, содержащих синонимические ряды, распределенные по группам в соответствии со значениями, представленными в одноязычных словарях. Единицы синонимических рядов были рассмотрены с целью выявления общих лексем. В работе использовались методы компонентного анализа, описательный метод, сравнительный метод. В результате исследования составлено интерпретационное поле концепта» «труд» на базе прилагательного fleißig, Полученные результаты могут применяться на семинарах по лексикологии немецкого языка при изучении темы «Парадигматические отношения в лексико-семантической системе языка», а также при написании курсовых и выпускных квалификационных работ, посвященных вопросам синонимии и семантики прилагательного как части речи.
Ключевые слова: лексема, концепт, синонимический ряд ядро поля, периферия, интерпретационное поле, значение, функционирование

Для цитирования: Каримова Р.Х. К вопросу о содержании прилагательного Fleißig в немецком языке // Современный ученый. 2026. № 10. С. 27 – 38. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-27-38

Поступила в редакцию: 4 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

On the question of the content of the adjective Fleißig in German

[1] Karimova R.Kh.

[1] Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technologies

Abstract: the article examines the semantics of the adjective fleißig based on the German language. The purpose of the study is to describe the semantic features of the adjective fleißig and a number of adjectives denoting a person's attitude to work: emsig, eifrig, geschäftig, arbeitsam, betriebsam, schaffig. In the course of the research, the meanings of these lexemes were examined on various websites and electronic dictionaries, and similarities and differences in meanings between different lexicographic sources were identified. Next, synonymous series of adjectives were compared with the meaning of attitudes to work based on data from electronic dictionaries and paper dictionaries, as well as websites containing synonymous series divided into groups according to the meanings presented in monolingual dictionaries. The units of synonymous series were examined in order to identify common lexemes.

The methods of component analysis, descriptive method, and comparative method were used in the work. As a result of the research, an interpretative field of the concept "labor" was compiled on the basis of the adjective fleißig, the results obtained can be applied at seminars on the lexicology of the German language when studying the topic "Paradigmatic relations in the lexico-semantic system of language", as well as when writing term papers and final qualifying papers on the issues of synonymy and semantics of the adjective as a part of speech.
Keywords: lexeme, concept, synonymous series, core of the field, periphery, interpretative field, meaning, functioning

For citation: Karimova R.Kh. On the question of the content of the adjective Fleißig in German. Modern Scientist. 2026. 10. P. 27 – 38. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-27-38

The article was submitted: May 4, 2026; Approved after reviewing: June 2, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Описание культурных концептов занимает значительное место в лингвистических исследованиях. Для описания содержания и структуры концепта существует несколько различных подходов, каждый из которых включает в себя многочисленные процедуры, позволяющие описать особенности изучаемого концепта. К сторонникам когнитивного подхода к исследованию концептов относятся Попова, Стернин, лингвокультурологический подход свойственен для работ С.Г. Воркачева. В.И. Карасика, С. Слышкина.

Попова, Стернин считают необходимым разграничивать содержание концепта и структуру концепта. Авторы отмечают:» Содержание концепта образовано когнитивными признаками, отражающими отдельные признаки конкретизируемого предмета или явления и описывается как совокупность этих признаков. Содержание концепта внутренне упорядочено по полевому принципу-ядро, периферия, дальняя и крайняя периферия» [1, с. 81].

«Структура концепта включает образующие концепт структурные компоненты разной когнитивной природы-чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле и описывается как перечисление когнитивных признаков, принадлежащих каждому из этих структурных компонентов концепта» [1, с. 81].

Ученые указывают на неоднородность интерпретационного поля, выделяя при этом несколько зон. К таким зонам авторы относят следующие:

-«оценочная зона
-энциклопедическая зона
-утилитарная зона
-регулятивная зона
-социально-культурная зона
-паремиологическая зона» [1, с. 78-79].

Материалы и методы исследований

В связи с этим целью нашего исследования является описание интерпретационного поля, в частности, его оценочной зоны. Предметом исследования являются качественные прилагательные со значением отношения к труду. Материалом для исследования послужили данные электронных лексикографических источников, словарей и сайтов немецкого языка, из которых были отобраны словарные дефиниции прилагательного fleißig и его базовых синонимов-прилагательных eifrig, emsig, arbeitsam, betriebsam, geschäftig, schaffig. Конечным результатом исследования станут тематические группы прилагательных со значением положительного отношения к труду., структурированными по семам, выявленным путем компонентного анализа и анализа словарных дефиниций.

Результаты и обсуждения

Прилагательные играют ключевую роль в описании концепта, поскольку они позволяют определить средства вербализации оценочной составляющей концепта «труд».

К исследованию привлекались данные следующих онлайн словарей: Duden online, dwds.de, das freie Wörterbuch der deutschen Sprache Wiktionary Deutsch, corpora.uni-leipzig, woxikon.de synonyme, wissen.de, buchstaben. com и Synonymwörterbuch Wahrig.

Приведем значения базовых лексем, описывающих положительное отношение человека к труду в виде таблиц. В табл. 1 представлены значения прилагательного fleißig.

Таблица 1

Значения лексемы fleißig.

Table 1

Meanings of the lexeme fleißig.

Duden online	Dwds.de	Wiktionary Deutsch	Corpora.uni.leipzig	
a. unermüdlich und zielstrebig arbeitend, arbeitsam	1.beharrlich und zielstrebig tätig, eifrig, arbeitsam	Unermüdlich arbeitsam, strebsam	Unermüdlich arbeitsam, strebsam	Wahrig
b. vom Fleiß bezeugend	2. Fleiß beweisend			Arbeitsam. zielstrebig

Лексема fleißig подчеркивает непрерывность, упорство, целеустремленность в выполнении работы. В предложении и словосочетании встречается в качестве определения к существительному, напр.: fleißige Handwerker, Helfer, Arbeiter, предикатива в сочетании с именами животных или обозначений лиц по профессии, ср.: Biene, Ameise, Handwerker, Henne, Schwabe, Erfinder, обстоятельства образа действия в сочетании с глаголами basteln, trainieren, mithelfen, proben, класс частотности:11.(Здесь и далее сведения приводятся в соответствии с данными онлайн словарей dwds.de, Free Dictionary corpora.uni-wortschatz.leipzig [7, 18].

Значения лексемы eifrig представлены в табл. 2.

Таблица 2

Значения прилагательного eifrig.

Table 2

Meanings of the adjective eifrig.

Duden online	Dwds.de	Wiktionary Deutsch	Wahrig	Wissen.de
Vom Eifer erfüllt. Mit Eifer, voll Eifer	Mit Eifer, nir ermüdend	Großen persönlichen Enisatz bei der Arbeit an einer Sache aufweisend	Mit Eifer tätig, lebhaft strebend, bemüht, emsig [Wahrig.2008, S.280]	Voller Eifer, schwungvollfleißig, leidenschaftlich

В значении лексемы eifrig в основном подчеркивается факт личного участия в деле, проявления старания, усердия, класс частотности: 12. Прилагательное встречается в сочетании с существительными в качестве определения со значением деятеля, подтвердим примерами:eifrige Verflechter, Befürworter, Sammler, Zeitungsleser, Vorkämpfer, Leser, Helfer. Как видно из приведенного списка слов, данные существительные относятся к именам деятелей., частотность 5:1.

В качестве обстоятельства отмечается наиболее частое употребление данного прилагательного с наречием besonders, частотность 4,5. Прилагательное встречается в сочетании с глаголом, от основ которых образованы вышеперечисленные существительные, ср.: sammeln, basteln, proben, bemühen и др.

Представим значения прилагательного emsig (табл. 3).

Таблица 3

Значения лексемы emsig.

Table 3

Meanings of the lexeme emsig.

Duden online	Dwds.de	Wiktionary Deutsch	Wahrig
(gehoben, oft ironisch) rastlos, zuverlässig tätig, mit großem Fleiß und Eifer unermüdlich arbeitend	Unausgesetzt fleíßig, ununterbrochen tätig	fleißig, eifrig	eifrig, fleißig, flink, behände, rastlos, uS.306nermüdlich

Лексема emsig согласно словарю Дудена имеет помету gehoben (нем. высокое, книжное). Онлайн словари Duden и dwds.de указывают на непрерывность деятельности, с приложением усилий, усердия. Класс частотности – 15. Отметим, что данное прилагательное в качестве атрибута используется большей частью с абстрактными именами, такими как: Betriebsamkeit, Kleinarbeit, Bautätigkeit, Fleiß-Частотность:4,5. Реже встречается с конкретными именами: Netzwerker, Schaffer, Arbeiterin, частотность падает от 4,2 до 4,1.

Словарь wissen.de представляет значение лексемы: bemüht, arbeiten, lernen, er war emsig dabei, seine Schuhe zu putzen [12].

Представим значения лексемы arbeitsam (табл. 4).

Таблица 4

Значения лексемы arbeitsam.

Table 4

Meanings of the lexeme arbeitsam.

Dwds.de	Duden online	Wiktionary Deutsch	Wahrig
1. fleißig, viel arbeitend	Eifrig und viel arbeitend, fleißig	Viel und lange arbeitend	Fleißig, geschäftig, gern arbeitend
2. von steter Arbeit erfüllt			S.103

Лексема arbeitsam словарях Duden и dwds.de отмечается как устаревающая (нем. veraltend). Это подтверждается кривой частотности в онлайн словаре dwds.deб, а также данные Wortprofil в этом же словаре. В качестве определения частотность прилагательного arbeitsam снижается с Schwabe (2.9) до 0,2 с существительным Bauer, ср.: arbeitsamer Bauer, arbeitsame Bevölkerung, arbeitsames Leben, arbeitsamer Mensch, arbeitsames Volk, в словаре corpora.uni-leipzig класс частотности – 18.

В последнем названном словаре приводятся семантические группы по Дорнзайффу. Синонимический ряд в этой тематической группе составлен с доминантой под лексемой Eifer приведем ряд примеров этой тематической группы: betriebsam, beflissen, diensteifrig, fleißig, emsig, geschäftig [8].

Представим значения лексемы betriebsam (табл. 5).

Таблица 5

Значения лексемы betriebsam.

Table 5

Meanings of the lexeme betriebsam.

Dwds.de	Duden online	Großwörterbuch	Wiktionary
lebhaft tätig, rührig, abwertend übertrieben rührig	geschäftig	unternehmenslustig, rege, tätig, geschäftig	Sehr aktiv und fleißig

Лексема betriebsam согласно данным словарей, представленных в таблице, включает указание на деятельное, живое участие в деле, а также подчеркивает усердие и предприимчивость. Этимологический словарь онлайн словаря dwds.de содержит дополнительные указания на оценочность лексемы, в частности, на излишнюю суетливость, ср.: übertrieben rührig. Класс частотности – 18. Семантические группы по Дорнзайффу распределяют выделяет слове со значением betriebsam в следующие подгруппы, ср.: entschlossen-aktiv, beharrlich, energisch, hartnäckig, доминанта Tatkraft-durchgreifend, einsatzbereit, energisch, forsch, geschäftig; Eifer-alert, arbeitsam, ausdauernd, beflissen, dienstseifrig, eifrig, emsig; Lernen-aufmerksam, beflissen, eifrig, emsig, fleißig, geschickt и др.

В предложении прилагательное частотно в качестве определения к существительным в основном в сочетании с существительными с абстрактным значением, ср.: Geschäftigkeit-Frequence 13, Hektik-Freq.11, Leere-Freq, 5, Lärm-Freq.6, Flughafen-15, Alltag-9, редко в качестве обстоятельства с глаголомzugehen или усилительными наречиями überaus allzu.

Рассмотрим значения лексемы geschäftig (табл. 6).

Таблица 6

Значения лексемы geschäftig.

Table 6

Meanings of the lexeme geschäftig.

Dwds.de	Duden online	Wiktionary Deutsch	Wahrig
eilig und emsig	unentwegt tätig, sich mit Aufwand an Bewegung unausgesetzt mit etwas beschäftigend	Unentwegt tätig, sich mit etwas beschäftigend	Eifrig, sehr beschäftigt, in Eile (S.424)

Лексема geschäftig включает указание на поспешность и усердие в работе, непрерывность в деятельности. Класс частотности: 17. Семантические ряды по Дорнзайффу выстраиваются по следующим доминатам: Tätigkeit-freiberuflich, freischaffend, tätig; Arbeit- emsig, tätig, werktätig; Eifer-arbeitsam, ausdauernd, beflissen, betriebsam, emsig, eifrig, fleißig, flink.

Как видно из перечня прилагательных семантических групп по Дорнзайффу, семантика прилагательного geschäftig включает семы усердия, прилежания, непрерывной занятости. Приведем примеры функциониро-

вания прилагательного: «Am nächsten Morgen ist die Hafenstadt Odessa geschäftig wie immer» [5], «Zwischen den verschiedenen Gebäuden laufen Menschen geschäftig hin und her» [6].

Представим значения лексемы schaffig.

В словаре Duden online лексема schaffig помечена как юно-немецкая, швейцарская, диалектная (нем. südd., schweiz. mundartlich). имеет значение: fleißig, arbeitsam [2]. Такими же значениями представлено данное прилагательноеschaffig в словаре dwds.de. ср.: «schaffig- südd., schweiz. mundartlich-flei-ig, arbeitsam» [7]. В других использованных нами словарях информация по данному прилагательному не обнаружена.

Лексема schaffig относится к южно-немецкому, швейцарскому варианту немецкого языка, использованные нами словари указывают также на диалектный характер слова. Прилагательное является производным от глагола schaffen, который, как известно, используется на юге Германии, Австрии и Швейцарии для обозначения целесообразной деятельности человека, т.е. по семантике соответствует общелитературному немецкому arbeiten. Free Dictionary указывает класс частотности 24.

Синонимический ряд прилагательного schaffig обнаруживает в целом уже встречавшиеся среди синонимов и близких по значению слов лексемы со значением усердия, прилежания, старания, приведем примеры членов синонимического ряда: beflissen, dienstbar, dienstbeflissen, dienstsfertig, eifrig, emsig, flei-ig, geschäftig [8]. Приведем пример употребления слова: «Von nun an wird's schaffiger am Neckar» [9].

Согласно данным онлайн словаря dwds.de прилагательное schaffig встречается в предложениях в основном в качестве предикатива, сочетается с прилагательными reif, kurz, hart, schlecht, существительными Zeit, Geld и др. Наибольшую частотность демонстрирует сочетаемость с прилагательным reif (10781 пример). Кривая функционирования в период с 2000 по 2025 гг. представляет скачкообразные изменения в виде зигзага с тенденцией к спаду.

Наиболее близкие к современному моменту примеры встречаются в политических речах (2020 г.), в протоколах Бундестага (2017г.), редкие примеры в блогах (всего 2), приведем примеры; «Nicht, weil wir ausersehen sind, besonders schaffig oder überaus scharfsinnig» [10].

Наиболее близкие к современному моменту примеры встречаются в политических речах (2020 г.), в протоколах Бундестага (2017 г.), редкие примеры в блогах(всего2), приведем примеры; «Nicht, weil wir ausersehen sind, besonders schaffig oder überaus scharfsinnig» [10].

Представим сравнительную таблицу описанных прилагательных с помощью компонентного анализа. Результаты отражены в табл. 7.

Таблица 7

Компонентный анализ прилагательных со значением отношения к труду.

Table 7

Component analysis of adjectives denoting attitude toward work.

Прилагательные/ значения	beharrlich und zielstrebig, tätig, eifrig,arbeitsam	Fleiß beweisend, vom Fleiß zeugend	fleißig	Unausgesetzt fleißig, ununterbrochen tätig	regelmäßig	eifrig	Mit Eifer erfüllt
fleißig	´+	+			+		
emsig			+	+		+	
eifrig	+		+			+	+
arbeitsam	+		+	+		+	
geschäftig			+	+		+	
schaffig			+				
beflissen						+	+
betriebsam							

Как видно из приведенной таблицы, совпадающими семами изученных прилагательных являются следующие значения: fleißig-5 из 7, unausgesetzt fleißig, ununterbrochen tätig-3 из 7,eifrig-5 из 7, mit Eifer erf[llt-2 из 7. Сема Fleiß beweisend, vom Fleiß zeugend выявлена только у прилагательногоfleißig, сема regelmäßig также у прилагательного fleißig.

Рассмотрим синонимические ряды анализируемых прилагательных в соответствии с данными использованных словарей: онлайн словарей и словаря под редакцией Р. Варих. Приведем синонимические ряды прилагательного fleißig по словарю Дудена и и онлайн-словарю dwds.de, ср.: «fleißig- beflissen, dienstbar, dienstbeflissen, dienstfertig, eifrig, emsig, fleißig, geschäftig, schaffig/ugs.südd./, arbeitsam/engagiert, fleißig, tatkräftig, tüchtig, anpackend/ugs.-mit Schmackes/ugs./-bemüht, besorgt, bestrebt/betriebsam, emsig, fleißig» [11],

fleißig-ausdauernd, beflissen, beharrlich, schweiz. umg. schaffig, landschaftlich und mundartlich für fleißig-eifrig, (veraltend) arbeitsam, leistungsfähig, produktiv [2].

Сравним синонимические ряды из двух приведенных словарей с целью выявления общих лексем, затем проведем сравнение этих данных с другими лексикографическими источниками: corpora.uni-leipyig.de, opehthesaurus.de, das freie Wörterbuch der deutsche Sprache Wiktionary Deutsch, buchstaben.com, wissen.de, словарь Р.Варих Synonymenwörterbuch, woxikon sznonzme.de.

Результаты сравнения позволяют выявить следующие общие и сходные по значению лексические единицы:dwds.de, duden.de: beflissen, bemüht, eifrig. emsig. tüchtig, региональные schaffig(австр., южнонемецкое,швейц.разг. диалектное), устаревающееarbeitsam.Общими с обоими словарями и синонимами онлайн-словаря corpora.uni-leipzig являются следующие лексемы:betriebsam, eifrig, emsig, dienstfertig, tüchtig, tatkräftig, beflissen, arbeitsam, со словарем Дудена прилагательное rastlos.

Лексемы beflissen, dienstbeflissen, dienstfertig являются общими с данными корпусного словаря dwds.de, онлайн-словаря Дудена словаря openthesaurus, общими для трех источников являются также прилагательные emsig eifrig, arbeitsam, tüchtig. Tatkräftig встречается в словаре dwds.de и openthesaurus (см. также schaffig). Отличающиеся лексемы- engagiert, anpackend/ugs./

Сравнение синонимов сайта buchstaben.com позволяет выявить такие общие слова со значением fleißig как: tüchtig, bemüht, emsig, eifrig, beflissen, равнение со словарем Дудена позволяет выделить следующие лексемы:beharrlich, unermüdlich, produktiv [13].

Сравнение основных онлайн-словарей duden и dwds.de со словарем Р.Варих позволяет обнаружить следующие прилагательные со значением прилежания: arbeitsam; arbeitswillig, tätig-общие с онлайн словарем corpora.uni, со словарем Дудена-schaffensfreudig, rastlos, общими для трех источников являются прилагательные eifrig, emsig, tatkräftig, tüchtig, schaffig. Сайт woxikon synonyme.de демонстрирует совпадение трех прилагательных: bemüht, eifrig, tatkräftig. Таким образом, сравнение различных онлайн словарей и словарей приводит к составлению следующей тематической группы синонимического ряда прилагательногоfleißig: eifrig, emsig, tüchtig, tatkräftig, schaffig.

В словаре Р. Варих встречаются, кроме вышеназванных, прилагательные leistungsfähig, leistungsorientiert, указывающие на стремление к успеху, прилагательные strebsam, bestrebt, ehrgeizig имеют дополнительные семы, подчеркивающие честолюбие и стремление к успеху, прилагательное ambitioniert относится к австрийскому варианту, дополнительно указывает на амбициозность.

Что касается функционирования лексемы в современном немецком языке, наблюдается спад употребления данного слова, о чем свидетельствует примеры корпусного словаря dwds.de: самые ближайшие к сегодняшнему дню примеры относятся к 2020г. и ниже. Подтвердим примерами: «Sie waren und sind genauso fleißig wie ihre Kolleginnen und Kollegen in den gleichen Berufen im Westen» [14], «Die Welt braucht nicht nur gut ausgebildete Könner ihres Fachs, nicht nur fleißig Sammler von Creditpoinks, sondern vor allem kritische und selbstkritische, politisch wache Menschen» [15].

Рассмотрим синонимические ряды прилагательногоeifrig, ср.eifrig-aktiv, beflissen, begeistert, bemüht [16], eifrig-emsig, fleißig, strebsam [28], eifrig-beflissen, dienstbar, dienstbeflissen, dienstfertig, eifrig, emsig, fleißig, geschäftig, schaffig(südd.ugs.) [17].

Сравнение сайта corpora.uni и онлайн-словаря duden.de позволяет выявить следующие совпадающие лексемы со значением eifrig: emsig, aktiv, begeistert, beflissen, bemüht [18]. Кроме полностью совпадающих, обнаружены многочисленные лексические единицы со значением прилежания: fleißig, betriebsam, bemüht, übereifrig, со значением активности: rührig, regsam, rastlos, tätig rege, со значением честолюбия и стремления к карьеризму: bestrebt, strebsam, aufstrebend, ehrgeizig, inbrünstig, со значением полной отдачи: hingebungsvoll, со значением одержимости: versessen, berauscht, fieberhaft, энергичности: tatkräftig, energisch.

В словаре openthesaurus можно обнаружить совпадающие с вышеназванными лексемами, членами синонимического ряда прилагательного eifrig уже упомянутые прилагательные: beflissen, emsig, fleißig. Сравнение синонимических рядов приводит нас к возможности построить следующую тематическую группу: beflissen, emsig, fleißig, aktiv, begeistert.

Кривая функционирования онлайн словаря dwds.de демонстрирует спад в употреблении данного слова. Наиболее поздние примеры относятся к 2019 г., приведем примеры: «Das eifrige Nicken von Herrn Näder zeigt mir, dass ich Eulen nach Athen trage und das das alles bekannt ist» [19]. Aber ich diene **eifriger** dem Aufstieg des einstigen deutschen Monopolisten Post zum Weltkonzern» [20].

Рассмотрим синонимические ряды прилагательного emsig. Для сравнения были использованы следующие источники: dwds.de, duden online.de, wiktionary deutsch.de, openthesaurus, woxikon synonyme.de.

В качестве общих во всех названных словарях назвать следующие прилагательные:beflissen, geschäftig, schaffig, dienstfertig, betriebsam, eifrig.Словари duden и dwds.de включают в синонимически й ряд прилагательногое emsig слово fleißig, tätig rege, rührig ,duden и das freie Wörterbuch wiktionary Deutsch прилагательное tüchtig, duden.de, dwds.de-umtriebig, duden, corpora.uni-dienstseifrig, wiktionary, duden online- arbeitsam, werklich(veraltend). Несовпадающими лексемами проанализированных синонимических рядов прилагательногое emsig являются следующие слова: bienenfleißig, rastlos, geschäftig schaffensfreudig. Онлайн словарь woxikon synonyme.de включает следующие слова: bemüht, bestrebt, enthusiastisch, fleißig, unermüdlich, beharrlich, ambitioniert, arbeitswillig, arbeitsfreudig.

В онлайн словаре dwds. de в синонимический ряд данного прилагательного входят также устойчивые словосочетания unter Dampf stehend, unter Strom stehend с пометой «разговорное» (нем.ugs.).

Этимологически прилагательное emsig восходит к древневерхненемецкому

emiʒʒīg, emeʒʒīg‘, зафиксированному около 800г-, средневерхненемецкому *emʒe emʒig* ‘со значением «beständig, fortwährend, beharrlich, eifrig» [21]. В функционировании наблюдается спад, наиболее поздние примеры относятся к 2018г., приведем пример: «Während der Herbstsession herrscht im Bundeshaus immer ein emsiges Treiben» [22].

Отметим, что лексема emsig в словаре Дудена как относящуюся к стилю-gehoben, имеет также помету ironisch (ироническое). В данном словаре можно обнаружить и другие лексемы со стилистической пометой gehoben: nimmermüde, regsam и прилагательное umtriebig с пометой landschaftlich (местное, диалектное).

Рассмотрим наполнение синонимических рядов прилагательного arbeitsam.Сравнение наиболее содержательных в информативном плане словарей duden online и dwds.de позволило обнаружить всего один совпадающий синоним: прилагательное fleißig.Сопоставление данных словаря Das freie Wörterbuch der deutschen Sprache Wiktionary Deutsch и словаря Дудена позволяет выявить следующие совпадающие лексемы: eifrig, strebsam, flei-ig, tüchtig; nimmermüde, emsig- с пометой gehoben. Сравнение данных онлайн словаря dwds.de и словаря Wiktionary Deutsch приводит к обнаружению следующих совпадений: engagiert, fleißig, tüchtig, anpackend.

Лексемы strebsam, rastlos, emsig, tüchtig, betriebsam (совпадение в 4 источниках), unermüdlich, aktiv, geschäftig, fleißig в таких словарях как:Wiktionary Deutsch, Duden online и Woxikon.de/synonyme, прилагательное arbeitswillig, ehrgeizig, rührig встречаются в словарях das freie W;rterbuch der deutschen Sprache и corpora.uni-leipzig. Словарь Дудена включает, кроме названных, следующие прилагательные в качестве синонимов к прилагательному arbeitsam: aktiv. beflissen, bienenhaft, geschäftig, rege, r[ürig, schaffensfreudig, tätig, schaffig.СловарьWiktionary и openthesaurus включают в синонимический ряд прилагательные pfundig, arbeitsfreudig, aufstrebend, produktiv [23].

Словарь Р. Варих дополнительно включает такие прилагательные как:, nimmermüde(veralt.), regsam.

В результате сравнения словарей разного типа можно построить следующую тематическую группу прилагательного arbeitsam: eifrig, emsig, tüchtig, nimmermüde, betriebsam. Т.к. лексема arbeitsam практически во всех словарях помечается как устаревающая(veraltend), в синонимический ряд этого прилагательного в словарях duden online и Wiktionary Deutsch включены устаревающие слова umtriebig и werklich. В примерах функционирования. Заимствованных из онлайн словаря dwds.de в период с 2000г.по 2010г. встречается всего восемь примеров. Последние примеры относятся к 2019г., подтвердим примером: «Arbeitsam, sparsam, engagiert und erfinderisch hat sie unsere Wirtschaft immer mitgestaltet und mitgetragen» [24].

Рассмотрим синонимические ряды прилагательного betriebsam.Наиболее частотными по совпадению оказались прилагательные emsig(wiktionary Deutsch, corpora.uni, Wahrig, dwds.de), rührig (те же источники), geschäftig (wiktionary Deutsch, Wahrig, dwds.de), regsam (wiktionary Deutsch_ corpora.uni, Wahrig), fleißig (Wahrig, corpora. uni, dwds.de). Совпадение в двух источниках обнаруживают лексемы rege, umtriebig, betriebsam, beflissen, bemüht. Прилагательные из словаря синонимов Р.Варих указывают на карьеризм, ср.: bestrebt, strebsam, ambitioniert(österr.), на отсутствие усталости-unermüdlich, unverdrossen. Указание на деятельное участие (желание работать нашли отражение в таких словах как: arbeitswillig, arbeitsfreudig, schaffensfreudig, на энергичность-tatkräftig, aktiv [4].

Сравнение синонимических рядов прилагательного betriebsam позволяет построить следующую тематическую группу: rührig, geschäftig, emsig, regsam, fleißig.

Функционирование прилагательного в современном немецком языке демонстрирует тенденцию к снижению: в период с 2000 г. по настоящий момент отмечается всего один пример использования в политических речах и шесть примеров в протоколах Бундестага (с 2005 г. по 2013 г.), подтвердим примером: « Sie haben eine betriebsame Lobbyarbeit entwickelt, um auf die Gesetzgebung Einfluss nehmen zu können» [25].

Рассмотри синонимические ряды прилагательного geschäftig. К сравнению привлекались данные следующих словарей:Duden online, dwds.de, openthesaurus, Wahrig Synonymwörterbuch, woxikon.de/synonyme, corpora.uni-leipzig. Частотными оказались следующие прилагательные:betriebsam(пять источников), fleißíg (4 источника), rege (4 источника), beflissen (3 источника), regsam (3 источника), unermüdlich (3 источника), eifrig (3 источника), emsig (4 источника), tatkräftig (2 источника), arbeitswillig (2 источника), strebsam (2 источника), rastlos (corpora.uni-leipzig, Duden online), unverdrossen (Wahrig, corpora.uni-leipzig).

Наибольшее количество близких по значению слов с прилагательным geschäftig найдено в словаре Duden online. Среди них встречаются лексемы со значением занятости:tätig, спешки и торопливости-quick, hektisch, fieberhaft, излишнего усердия и занятости: übereifrig, beschäftigt, честолюбия и карьеризма: aufstrebend, ehrgeizig. В словаре Duden online некоторые лексемы относятся к высокому стилю (нем. gehoben), ср.: regsam. Они также снабжены пометой «образно-разговорное (нем. bildungssprachlich): agil, разговорное: busy, quirlig, устаревшее werklich.

Таким образом, сравнение данных разных словарей позволяет нам построить следующую тематическую группу: emsig, eifrig, rege/regsam, fleißig, unerm [dlich, betriebsam, beflissen.

Аключение рассмотрим синонимические ряды к прилагательному schaffig.Для сравнения использовались данные следующих источников:openthesaurus, Duden online, woxikon.de/synonyme.Следует отметить, что не ранее использованные онлайн словари содержат информацию и словарные статьи с прилагательным schaffig.

Результаты исследования методом компонентного анализа представлены в табл. 8.

Таблица 8

Синонимы прилагательногоschaffig.

Table 8

Synonyms of the adjective schaffig.

Прилагательные-синонимы schaffig	openthesaurus	Woxikon.de/synonyme	Duden online
eifrig	+	+	+
emsig	+	+	+
fleißig	+	+	+
arbeitsam	-	-	+
betriebsam	+	++	
rege	+	-	-
beflissen	+	-	-
querlig	-	+	+
geschäftig	+	+	-
rastlos	-	+	+
tätig	-	+	+
rührig	-	+	+

Данные таблицы позволяют заключить, что наиболее частотными синонимами прилагательного schaffig оказались прилагательные emsig, eifrig, fleißig, betriebsam. Менее частотными являются прилагательные rührig, geschäftig, tätig, quierlig, rastlos/rege, regsam.

Кривая функционирования в словаре dwds.de демонстрирует снижение в употреблении данного прилагательного. Так, в газете Berliner Zeitung последний зарегистрированный пример относится к 1994 г. в политических речах: один пример в 2017 г., подтвердим примерами: «Nicht, weil wir ausersehen sind, besonders schaffig oder überaus scharfsinnig» [26], «… wo die braven, die schaffigen die sparsamen Leute haben» [27].

Результаты нашего исследования можно представить в виде поля (рис. 1).

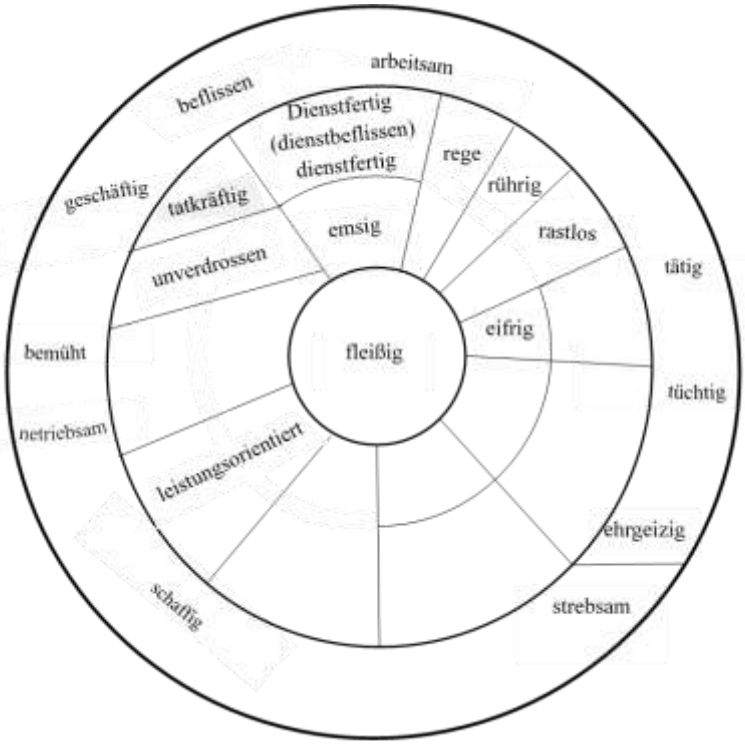

Рис. 1. Интерпртационное поле концепта «труд» (на примере лексемы fleißig).
Fig. 1. Interpretation field of the concept “labor” (using the lexeme fleißig as an example).

Выводы

Изучение материалов современной публицистики позволяет заключить, что стереотип том, что основной чертой немцев является трудолюбие, не всегда подтверждается. Большую склонность немцы проявляют дисциплинированности и организованности в своей работе.

Все вышесказанное позволяет заключить следующее:

1. Изучение группы прилагательных, обозначающих положительное отношение к труду, приводит нас к выводу, что в значении прилагательных fleißig, emsig, eifrig и др. доминируют лексемы со значением усердия, прилежания, предприимчивости. Дисциплинированности в организации своей профессиональной деятельности.

2. Результаты исследования представлены в виде интерпретационного поля концепта «труд» на примере ключевой лексемы fleißig и синонимического ряда данного прилагательного и сходных с ним лексем emsig, eifrig. Менее частотные прилагательные со значением отношения к труду расположены на ближней и дальней периферии поля.

3. Снижение частотности употребления данных прилагательных объясняется. На наш взгляд, изменением ситуации на рынке труда Германии и изменением качественных характеристик оценки труда в современном обществе.

4. Наличие совпадающих лексических единиц синонимических рядов проанализированных прилагательных, изъятых из разных лексикографических источников, может быть доказательством в целом сходных представлений отношения к выполняемой работе(в сравнении со временем появления этих прилагательных в немецком языке: от 800 г. до XVI века.

Таким образом, наше исследование показало, что изучение прилагательных со значением качественной оценки труда дополняет наши представления о состоянии рынка труда и рабочей силы в современной Германии.

Список источников

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. С. 78 – 81.

2. Онлайн-словарь немецкого языка Duden: [Электронный ресурс]. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/fleißig (дата обращения: 02.03.2026)

3. Wahrig R. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Wissen Media Verlag GmbH. Gütersloh/München und Cornelsen Verlag. Gmbh. Berlin 1. Auflage. 2008. 1215 p.

4. Wahrig R. Synonymwörterbuch. Herausgegeben von der WAHRIG-Redaktion. Wissen Mediä in der in Media ONE. GmbH. Gütersloh/ München, 2013.1023 p.
5. Электронный словарь немецкого языка DWDS. Luzerner Zeitung [Электронный ресурс]. URL: www.luzernerzeitung.ch (дата обращения: 03.03.2025)
6. Электронный словарь немецкого языка DWDS. Gemestar [Электронный ресурс]. URL: www.gemestar.de (дата обращения: 10.03.2026)
7. Электронный словарь немецкого языка DWDS [Электронный ресурс]. URL: https:www.dwds.de/wb/schaffig (дата обращения: 15.03.2026)
8. Электронный словарь немецкого языка Open Thesaurus [Электронный ресурс]. URL: https: www.openthesaurus.de/schaffig (дата обращения: 15.03.2026)
9. Электронный словарь немецкого языка DWDS [Электронный ресурс]. URL: https:www.dwds.de/wb/schaffig, Der Tagesspiegel, 26.08.1999 (дата обращения: 10.03.2026)
10. Электронный словарь немецкого языка DWDS [Электронный ресурс]. URL: https:www.dwds.de/?/corpus=politische reden (дата обращения: 15.03.2026)
11. Электронный словарь немецкого языка DWDS [Электронный ресурс]. URL: https://www.dwds.de/wb/fleißig (дата обращения: 15.03.2026)
12. Электронный словарь немецкого языка Duden [Электронный ресурс]. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/fleißig (дата обращения: 15.03.2026)
13. Электронный словарь синонимов немецкого языка Buchstaben [Электронный ресурс]. URL: https://www.buchstaben.com/fleissig (дата обращения: 15.03.2026)
14. Электронный словарь немецкого языка DWDS [Электронный ресурс]. URL: https://www.dwds.de/r/?corpus=politische_reden&q=fleißig (дата обращения: 15.03.2026)
15. Электронный словарь немецкого языка DWDS. Bundesregierung [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/rede-von-bundespraesident-dr-frank-walter-steinmeier-1696216 (дата обращения: 15.03.2026)
16. Электронный словарь немецкого языка Duden [Электронный ресурс]. URL: https://dudenonline.de/rechschreibung/eifrig (дата обращения: 15.03.2026)
17. Электронный словарь немецкого языка DWDS [Электронный ресурс]. URL: https://www.dwds.de/wb/eifrig (дата обращения: 15.03.2026)
18. Электронный словарь немецкого языка Wortschatz Leipzig [Электронный ресурс]. URL: /https://dict.wortschatz-leipzig.de/de/res?corpusId=deu_news_2025&word=eifrig (дата обращения: 15.03.2026)
19. Электронный словарь немецкого языка DWDS [Электронный ресурс]. URL: https://www.dwds.de/r/?corpus=politische_reden&q=eifrig (дата обращения: 15.03.2026)
20. Электронный словарь немецкого языка DWDS [Электронный ресурс]. URL: https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=eifrig (дата обращения: 15.03.2026)
21. Электронный словарь немецкого языка DWDS [Электронный ресурс]. URL: https://www.dwds.de/wb/emsig (дата обращения: 15.03.2026)
22. Электронный словарь немецкого языка DWDS [Электронный ресурс]. URL: https://www.dwds.de/r/?corpus=politische_reden&q=emsig (дата обращения: 15.03.2026)
23. Электронный словарь немецкого языка Wortschatz Leipzig [Электронный ресурс]. URL: https://dict.wortschatz-leipzig.de/de/res?corpusId=deu_news_2025&word=arbeitsam (дата обращения: 15.03.2026)
24. Электронный словарь немецкого языка DWDS [Электронный ресурс]. URL: https://www.dwds.de/r/?corpus=politische_reden&q=arbeitsam (дата обращения: 15.03.2026)
25. Электронный словарь немецкого языка DWDS [Электронный ресурс]. URL: https://www.dwds.de/r/?corpus=bundestag&q=betriebsam (дата обращения: 15.03.2026)
26. Электронный словарь немецкого языка DWDS [Электронный ресурс]. URL: https://www.dwds.de/r/?corpus=politische_reden&q=schaffig (дата обращения: 15.03.2026)
27. Электронный словарь немецкого языка DWDS [Электронный ресурс]. URL: https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=schaffig (дата обращения: 15.03.2026)
28. Электронный словарь немецкого языка [Электронный ресурс]. URL: https://www.wiktionary.deutsch.de/eifrig (дата обращения: 15.03.2026)

References

1. Popova Z.D., Sternin I.A. Cognitive Linguistics. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2007. P. 78 – 81.
2. Duden Online Dictionary of German: [Electronic resource]. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/fleißig (date of access: 02.03.2026)
3. Wahrig R. Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Wissen Media Verlag GmbH. Güters-loh/München und Cornelsen Verlag. Gmbh. Berlin 1. Auflage. 2008. 1215 p.
4. Wahrig R. Synonymwörterbuch. Herausgegeben von der WAHRIG-Redaktion. Wissen Mediä in der in Media ONE. GmbH. Gütersloh/ Munich, 2013.1023 p.
5. Electronic Dictionary of the German Language DWDS. Luzerner Zeitung [Electronic resource]. URL: www.luzernerzeitung.ch (date of access: 03.03.2025)
6. Electronic Dictionary of the German Language DWDS. Gemestar [Electronic resource]. URL: www.gemestar.de (date of access: 10.03.2026)
7. Electronic Dictionary of the German Language DWDS [Electronic resource]. URL: https:www.dwds.de/wb/schaffig (date of access: 15.03.2026)
8. Electronic Dictionary of the German Language Open Thesaurus [Electronic resource]. URL: https: www.openthesaurus.de/schaffig (date of access: 15.03.2026)
9. DWDS Electronic Dictionary of the German Language [Electronic resource]. URL: https:www.dwds.de/wb/schaffig, Der Tagesspiegel, 26.08.1999 (date of access: 10.03.2026)
10. DWDS Electronic Dictionary of the German Language [Electronic resource]. URL: https:www.dwds.de/?/corpus=politische reden (date of access: 15.03.2026)
11. DWDS Electronic Dictionary of the German Language [Electronic resource]. URL: https://www.dwds.de/wb/fleißig (date of access: 15.03.2026)
12. Duden Electronic Dictionary of the German Language [Electronic resource]. URL: https://www.duden.de/rechtschreibung/fleißig (date of access: 15.03.2026)
13. Electronic Dictionary of German Synonyms Buchstaben [Electronic resource]. URL: https://www.buchstaben.com/fleissig (date of access: 15.03.2026)
14. Electronic Dictionary of the German Language DWDS [Electronic resource]. URL: https://www.dwds.de/r/?corpus=politische_reden&q=fleißig (date of access: 15.03.2026)
15. Electronic Dictionary of the German Language DWDS. Bundesregierung [Electronic resource]. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/rede-von-bundespraesident-dr-frank-walter-steinmeier-1696216 (date of access: 03.15.2026)
16. Electronic Dictionary of the German Language Duden [Electronic resource]. URL: https://dudenonline.de/rechschreibung/eifrig (date of access: 03.15.2026)
17. Electronic Dictionary of the German Language DWDS [Electronic resource]. URL: https://www.dwds.de/wb/eifrig (date of access: 03.15.2026)
18. Electronic Dictionary of the German Language Wortschatz Leipzig [Electronic resource]. URL: /https://dict.wortschatz-leipzig.de/de/res?corpusId=deu_news_2025&word=eifrig (date of access: 03.15.2026)
19. Electronic Dictionary of the German Language DWDS [Electronic resource]. URL: https://www.dwds.de/r/?corpus=politische_reden&q=eifrig (date of access: 03.15.2026)
20. Electronic Dictionary of the German Language DWDS [Electronic resource]. URL: https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=eifrig (date of access: 03.15.2026)
21. Electronic Dictionary of the German Language DWDS [Electronic resource]. URL: https://www.dwds.de/wb/emsig (date of access: 03.15.2026)
22. Electronic Dictionary of the German Language DWDS [Electronic resource]. URL: https://www.dwds.de/r/?corpus=politische_reden&q=emsig (date of access: 03.15.2026)
23. Electronic Dictionary of the German Language Wortschatz Leipzig [Electronic resource]. URL: https://dict.wortschatz-leipzig.de/de/res?corpusId=deu_news_2025&word=arbeitsam (date of access: 03.15.2026)
24. Electronic Dictionary of the German Language DWDS [Electronic resource]. URL: https://www.dwds.de/r/?corpus=politische_reden&q=arbeitsam (date of access: 03.15.2026)
25. Electronic Dictionary of the German Language DWDS [Electronic resource]. URL: https://www.dwds.de/r/?corpus=bundestag&q=betriebsam (date of access: 03.15.2026)
26. Electronic Dictionary of the German Language DWDS [Electronic resource]. URL: https://www.dwds.de/r/?corpus=politische_reden&q=schaffig (date of access: 03.15.2026)

27. Electronic Dictionary of the German Language DWDS [Electronic resource]. URL: https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=schaffig (date of access: 03.15.2026)
28. Electronic Dictionary of the German Language [Electronic resource]. URL: https://www.wiktionary.deutsch.de/eifrig (date of access: 03.15.2026)

Информация об авторе

Каримова Р.Х., кандидат филологических наук, доцент, Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий, karimova.rimmochka@inbox.ru

© Каримова Р.Х., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 004.9
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-39-47

Многопараметрический статистический анализ корпуса тундрового диалекта ненецкого языка в типологической перспективе: сравнительное исследование на основе параллельных корпусов

[1] Кибенко Д.В., [1] Коцюба И.Ю.

[1] Национальный исследовательский университет ИТМО

Аннотация: в данной научной статье проводится статистическое исследование корпуса тундрового диалекта ненецкого языка в сравнении с параллельными выровненными корпусами русского и английского языков. Исследование переводит качественные наблюдения о структуре ненецкого языка в плоскость измеримых, верифицированных данных. В работе приводятся результаты исследования неразмеченных параллельных корпусов с использованием законов распределения (Ципфа, Хипса) и индексов лексического разнообразия, для косвенных, но статистически обоснованных выводов о морфологической сложности языка. Сделаны выводы о корреляции между степенью синтетизма/агглютинативности языка и его количественными параметрами в корпусном анализе.
Ключевые слова: корпусный анализ, ненецкий язык, агглютинативность, законы Ципфа, Хипса, индексы лексического разнообразия

Для цитирования: Кибенко Д.В., Коцюба И.Ю. Многопараметрический статистический анализ корпуса тундрового диалекта ненецкого языка в типологической перспективе: сравнительное исследование на основе параллельных корпусов // Современный ученый. 2026. № 10. С. 39 – 47. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-39-47

Поступила в редакцию: 4 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Multivariate statistical analysis of the corpus of the Tundra dialect of the Nenets language in typological perspective: comparative study based on parallel corpora

[1] Kibenko D.V., [1] Kotsyuba I.Yu.

[1] National Research University ITMO

Abstract: this research article explores a statistical study of the corpus of the Tundra dialect of the Nenets language in comparison with parallel aligned corpora of Russian and English. The research translates qualitative observations about the structure of the Nenets language into measurable, verified data. The article presents the results of a study of unlabeled parallel corpora using distribution laws (Zipf, Heaps) and lexical diversity indices to draw indirect but statistically valid conclusions about the morphological complexity of the language. Conclusions are made about the correlation between the degree of synthetic/agglutinative language and its quantitative parameters in corpus analysis.
Keywords: corpus analysis, the Nenets language, agglutinative, Zipf's Law, Heaps' Law, lexical diversity indices

For citation: Kibenko D.V., Kotsyuba I.Yu. Multivariate statistical analysis of the corpus of the Tundra dialect of the Nenets language in typological perspective: comparative study based on parallel corpora. Modern Scientist. 2026. 10. P. 39 – 47. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-39-47

The article was submitted: May 4, 2026; Approved after reviewing: June 2, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Статистический анализ является краеугольным камнем современной корпусной лингвистики, позволяя выявлять количественные закономерности, лежащие в основе структуры и использования языка. Настоящее исследование демонстрирует, что морфологическая типология языка является ключевым фактором, определяющим параметры статистических законов Ципфа и Хипса и индексов лексического разнообразия на уровне поверхностных словоформ.

Данное исследование является актуальным, так как был впервые применен комплексный статистический инструментарий математической лингвистики к параллельному корпусу тундрового диалекта ненецкого языка в контрасте с русским и английским. Работа вносит вклад как в фундаментальную науку, предоставляя эмпирическую основу для проверки типологических гипотез о связи между языковым строем и статистическими свойствами текста, так и в прикладную сферу, закладывая базу для создания языковых технологий для агглютинативных языков России.

Целью данного исследования является описание и интерпретация статистических свойств текстов тундрового диалекта ненецкого языка на основе многопараметрического анализа в сравнении с аналогичными свойствами русских и английских текстов в рамках параллельного корпуса, с целью выявления специфических черт, обусловленных агглютинативным строем ненецкого языка. Важно отметить, что исследование показывает статистические следствия морфологической сложности, а не измеряют ее напрямую.

В ходе исследования планируется проведение следующих работ:

– сбор и формирование выровненного параллельного корпуса (ненецкий–русский–английский) репрезентативного для тундрового диалекта ненецкого языка;

– определение набора статистических метрик для многопараметрического анализа и проведение расчета данных параметров для каждого языка параллельного корпуса;

– проведение сравнительного анализа полученных статистических портретов языков и выявление статистически значимых различий и сходства между языками по каждому из анализируемых параметров;

– интерпретация выявленных различий и сходствах в языках, определение какие статистические параметры наиболее четко маркируют принадлежность языка к агглютинативному типу в сравнении с флективным и аналитическим типами.

Материалы и методы исследований

В качестве основного объекта для исследования был выбран язык коренных малочисленных народов Севера – ненецкий язык (тундровой диалект), так как он является редким малоресурсным языком, обладает агглютинативной морфологией с элементами фузии; имеет алфавитные особенности в виде наличия диакритических знаков и двух апострофов (звонкий и глухой тасеры), которые являются официальными буквами алфавита; это язык с развитой падежной системой, сложной глагольной морфологией и базовым порядком слов SOV.

Для сравнительного анализа были выбраны языки с контрастной типологией – русский (флективный, синтетический язык со сложной системой спряжения и склонения, но уже с более аналитическими тенденциями и базовым порядком слов SVO) и английский (аналитический язык с минимальной флексией, жестким порядком слов SVO и широким использование вспомогательных глаголов и предлогов).

Такой выбор позволит в данном исследовании охватить широкий типологический спектр (агглютинация – флексия – аналитизм) и выявить универсальные закономерности и уникальные специфические черты ненецкого языка на фоне двух сильно различающихся систем, что позволит провести многомерный ревалентный анализ.

Использование параллельных корпусов для исследования позволяет изучить, как одна и та же информация кодируется в языках с разной структурой. Для того, чтобы получить более точные и контрастные лингвистические данные, лучше отразить межъязыковые различия и универсалии и при этом

изолировать влияния жанровых условностей, были сформированы и исследованы параллельные корпуса одного жанра – фольклора. Выбор данного жанра для исследования был обусловлен тем, что фольклор – это язык в его архаичной и культурно-специфической форме и позволяет оценить язык, свободный от современных клише и заимствований.

Основу фольклорного корпуса составили произведения из сборника устного народного творчества ненцев, собранные и записанные на тундровом диалекте ненецкого языка в соответствии с действующими орфографическими нормами литературного языка. Русский и английский переводы отражают особенности ненецкого текста. В ходе работы над рукописью сборника был сделан подстрочный перевод текстов фольклорных произведений на русский язык с соблюдением грамматических особенностей ненецкого языка. Переводы на английский язык делались с ненецкого оригинала и русского перевода. Данный сборник был составлен и переведен Департаментом внешних связей ЯНАО, ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», ФГБУН Институт филологии СО РАН [1].

Из данного сборника для исследования был собран параллельный выровненный корпус в количестве 826 предложений.

Для статистического анализа к данному корпусу была применена минимальная предобработка (приведение к нижнему регистру, удаление знаков препинания, простая токенизация по пробелам). Из корпусов не удалялись частотные служебные единицы (стоп-слова), а также графемы, являющиеся частью алфавита (в частности, апострофы в ненецком языке). Это обусловлено следующими причинами:

– целью анализа: закон Ципфа описывает, как устроены естественные языки в целом, поэтому удаление высокочастотных стоп-слов исказит общую картину исходного распределения и полученные результаты будут неверны;

– сопоставимостью данных: данное исследование – это сравнительный анализ трех типологически разных языков, а понятие «стоп – слово» не является универсальным и каждый язык имеет свой набор «стоп-слов», поэтому их удаление сделает частотные списки несопоставимыми;

– особенностью языка: апостроф в ненецкой орфографии является не знаком препинания, а важной частью слова. Его сохранение важно для корректного учета лексических единиц и их частот.

Такой подход позволяет сделать сравнение языков максимально точным, объективным, воспроизводимым и отражающим реальное употребление языка.

Данное исследование направлено на изучение особенностей тундрового диалекта ненецкого языка. Мы проанализируем полученные статистические данные корпуса ненецкого (yrk) языка в сравнении с параллельными корпусами русского (ru) и английского (en) языков, что позволит выявить как общие черты, так и особенности языков [2]. В качестве статистических законов и метрик были взяты законы Ципфа [3, 4] и Хипса [5] – как фундамент количественной лингвистики и индексы лексического разнообразия – как многомерный взгляд на богатство языка:

– Type-Token Ratio (TTR) – отправная точка, показатель «плотности» новых слов [6];

– Доля гапаксов (Hapax Legomena) – процент слов, встретившихся в корпусе только один раз. Высокий процент гапаксов характерен для малых корпусов или для языков с очень разнообразной и богатой лексикой. Сравнение этого показателя поможет понять степень лексической вариативности и потенциальный объем словаря;

– Лексическая энтропия (Entropy) – измеряет степень неопределенности, «предсказуемости» слова в тексте. Более высокое значение энтропии указывает на большее лексическое разнообразие и равномерность распределения вероятностей слов [7];

– Measure of Textual Lexical Diversity (MTLD) и Vocabulary Diversity (VOC-D) – это объемно-независимые метрики. Вычисляются путем итеративного анализа последовательностей текста до падения TTR ниже заданного порога (MTLD) или через математическое моделирование кривой роста словаря (VOC-D). Эти метрики дают стабильную оценку лексического разнообразия [8, 9];

– индексы Guiraud R, Herdan C, Simpson D, Yule K.

Используя данные законы и метрики мы получим многоуровневую аналитическую статистику: законы Ципфа и Хипса проверяют фундаментальные статистические свойства корпусов и задают макропараметры распределения; объем текста в токенах и типах обеспечит базис для сравнения; индексы лексического разнообразия дадут серию взаимопроверяемых, устойчивых к объему измерений, характеризующих качественное состояние лексики (ее богатство, вариативность, предсказуемость и насыщенность) [10].

Результаты и обсуждения

Анализируемые данные получены на параллельных корпусах, что является очень значимым, поскольку мы анализируем одинаковое содержание, выраженное разными языковыми системами, поэтому все различия в статистических показателях могут говорить о структурных особенностях самих языков и не зависят от темы или стиля текстов.

Таблица 1

Статистические параметры, полученные при данном исследовании.

Table 1

Statistical parameters obtained in this study.

Language: yrk	Language: ru	Language: en
Tokens: 4837	Tokens: 6147	Tokens: 8877
Types: 2295	Types: 1940	Types:1143
TTR: 0.474	TTR: 0.316	TTR: 0.129
Hapax: 1628	Hapax: 1141	Hapax: 469
% Hapax: 70.94	% Hapax: 58.81	% Hapax: 41.03
Entropy: 10.331	Entropy: 9.739	Entropy: 8.201
Guiraud R: 32.999	Guiraud R: 24.744	Guiraud R: 12.131
Herdan C: 0.912	Herdan C: 0.868	Herdan C: 0.775
Yule K: 15.825	Yule K: 29.576	Yule K: 119.871
Simpson D: 0.002	Simpson D: 0.003	Simpson D: 0.012
MTLD: 255.729	MTLD: 152.638	MTLD: 56.703
VOC–D: 0.554	VOC–D: 0.407	VOC–D: 0.204
Avg word length: 6.05	Avg word length: 5.07	Avg word length: 3.95
Word length std: 2.46	Word length std: 2.44	Word length std: 1.86

Закон Ципфа (рис. 1) – это эмпирическое правило, которое описывает распределение частот слов в тексте. Параметр α показывает крутизну этой зависимости: чем больше α – тем быстрее падает частота у более редких слов, R^2 – это точность соответствия модели: чем ближе к 1, тем лучше совпадение.

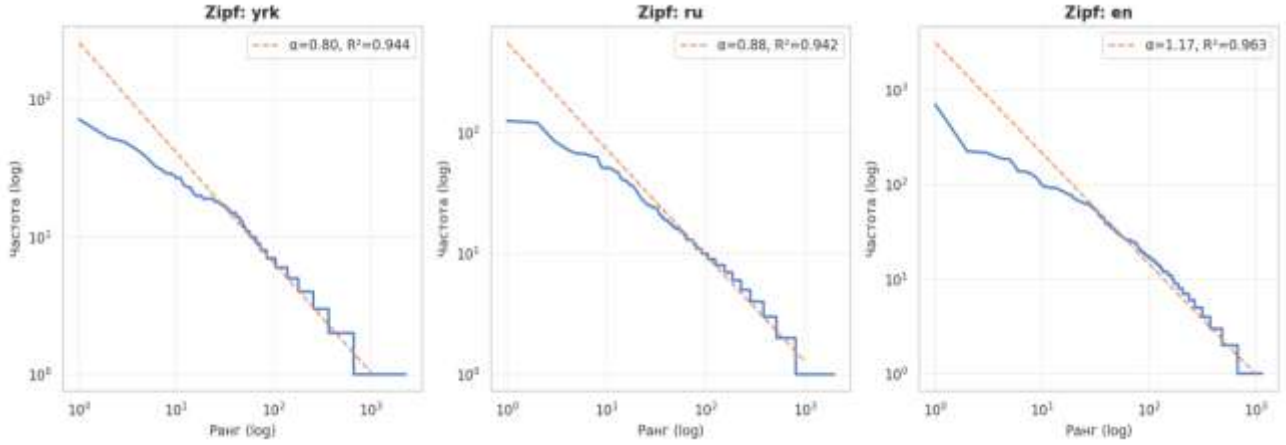

Рис. 1. Закон Ципфа (параллельный корпус).
Fig. 1. Zipf's Law (parallel case).

Высокие значения R^2 для всех языков означают, что реальные тексты хорошо подчиняются этой теоретической модели и подтверждают применимость законов Ципфа. Показатель α отражает, насколько резко падает частота слов при движении по рангу. Чем выше α, тем больше текста покрывается небольшим количеством самых частотных слов. Самый высокий показатель у английского языка (α – 1,17), что подтверждает его выраженный аналитический характер. Небольшое ядро высокочастотных слов (артикли, предлоги, местоимения) покрывает огромную часть любого текста (более «крутое» распределение). В русском (α – 0,88) и ненецком (α – 0.80), этот показатель меньше 1, что характерно для синтетических и агглютинативных языков. В русском языке высокочастотные слова (союзы, местоимения) не так сильно доминируют, потому что частотность «размывается» по множеству различных словоформ других лексем. Ненецкий имея самый низкий показатель α, демонстрирует наиболее равномерное распределение частот между словами разных рангов (распределение слов более «пологое»).

Закон Хипса (рис. 2) описывает рост уникальных слов с увеличением текста. Параметр β – характеризует темп обогащения словаря (показывает насколько быстро появляются словоформы при увеличении объема текста). В контексте параллельного корпуса это напрямую связано с морфологической сложностью.

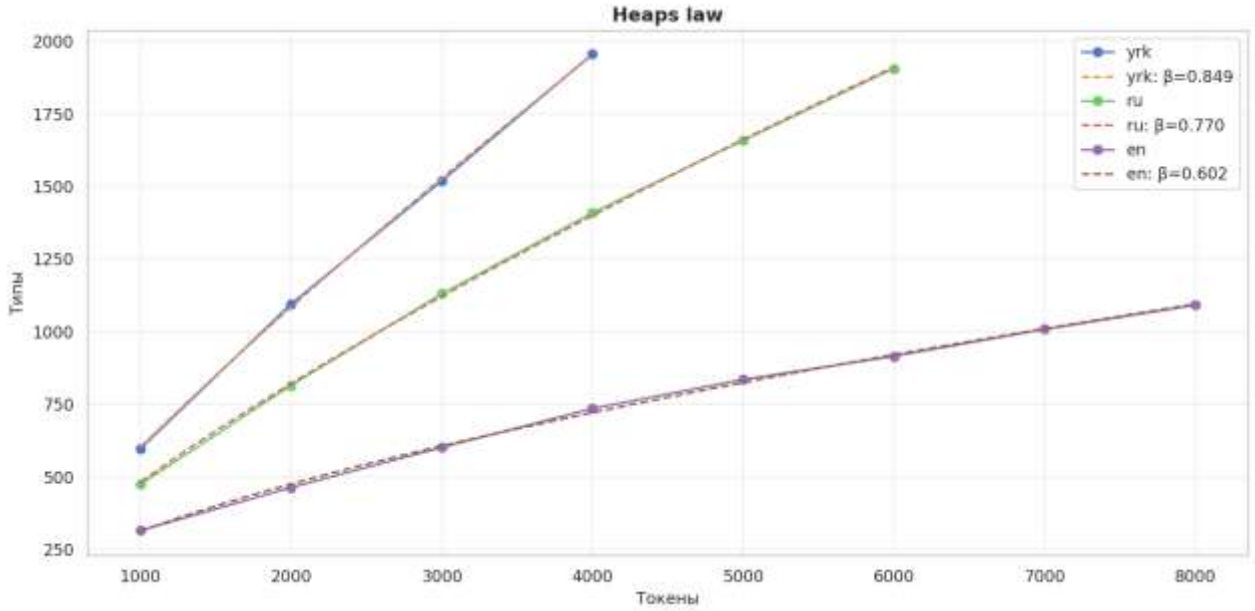

Рис. 2. Закон Хипса.
Fig. 2. Heaps' Law.

Самый высокий показатель β у ненецкого языка (β =0,849), что является прямым следствием агглютинативности, так как каждое новое грамматическое значение часто выражается отдельным суффиксом, что приводит к максимальному росту числа уникальных словоформ от одного корня. У русского языка (β =0,770) «скорость» создания новых форм слов высокая, но ниже чем у ненецкого. Это обусловленно флективной природой русского языка: системой падежей, спряжений, родов и чисел; его механизм более компактен и менее регулярен, чем у агглютинативных языков. Самый низкий показатель – у английского языка (β =0,602), он создает новые формы медленее всех, так как в нём важнее не то, как меняется само слово, а порядок слов и использование вспомогательных слов.

Полученные данные статистического анализа параллельных корпусов показывают, что законы Ципфа и Хипса являются количественными отражениями морфологического типа языка. При этом наблюдается обратная корреляция между параметрами α (Ципф) и β (Хипс).

Вывод: Разные языковые системы используют принципиально разные стратегии для кодирования одной и той же семантической информации. Агглютинативный ненецкий язык за счёт очень регулярной морфологии образует много уникальных, длинных слов. Аналитический английский, напротив, достигает экономии форм слов за счет небольшого набора служебных слов и частых служебных элементов. Статистические законы подтверждают эти фундаментальные структурные различия.

Дополнением к законам Ципфа и Хипса являются данные о средней длине слова и ее стандартном отклонении (рисунок 3). Эти показатели прямо отражают морфологическую структуру языка и важны для задач NLP. Самая большая средняя длина слова у ненецкого языка (6,05), что объясняется агглютинацией: к корню последовательно присоединяются суффиксы для выражения падежа, числа, принадлежности и т.д., что приводит к созданию длинных слов.

У русского языка средняя длина слова (5,07), что отражает его флективность: словоизменение у него происходит за счет флексий (окончаний). Механизм компактнее, но менее регулярный, чем в агглютинативных языках. Аналитичность английского языка приводит к самым коротким длинам слов (3,95).

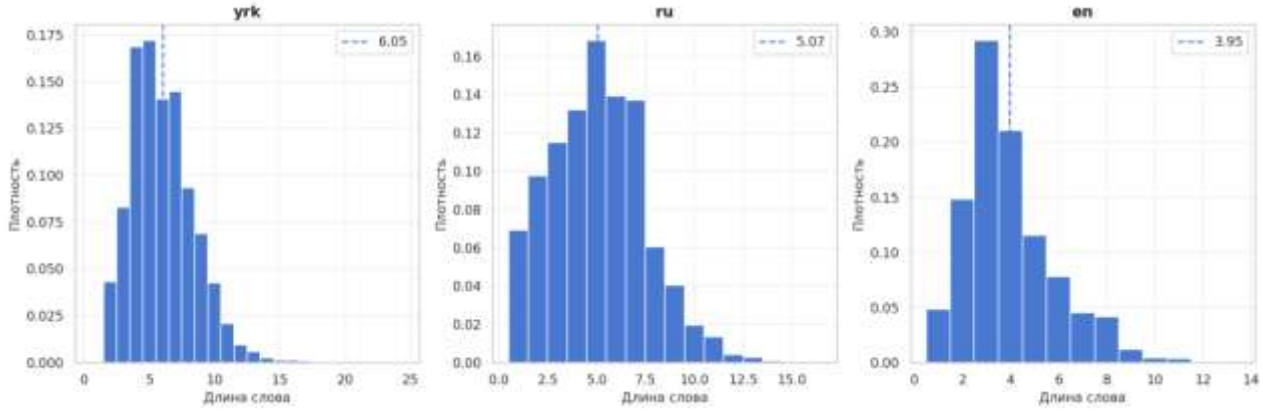

Рис. 3. Распределение длин слов.
Fig. 3. Distribution of word lengths.

Стандартное отклонение от длины. Высокое стандартное отклонение у ненецкого (2,46) и русского (2,44) языка указывает на большую вариативность длины слов в тексте. В одном предложении могут соседствовать длинные агглютинативные и флективные формы вместе с с короткими союзами. Более низкое стандартное отклонение в английском говорит о большей однородности слов в тексте.

Сравнивая данные параллельных корпусов по трем языкам (рис. 4) стоит обратить внимание на соотношение токенов и типов (слов и уникальных слов).

Language	Tokens	Types	TTR	Hapax	Hapax_%	Entropy	MTLD	VOC-D
yrk	4837.000000	2295.000000	0.474	1628.000000	70.9%	10.331	255.729000	0.554
ru	6147.000000	1940.000000	0.316	1141.000000	58.8%	9.739	152.638000	0.407
en	8877.000000	1143.000000	0.129	469.000000	41.0%	8.201	56.703000	0.204

Рис. 4. Статистические параметры параллельных корпусов.
Fig. 4. Statistical parameters of parallel corpora.

Ненецкий: 4837 токенов, 2295 типов – много уникальных словоформ относительно общего объема. Это показывает высокую морфологическую сложность. Русский: 6147 токенов, 1940 типов – соотношение более сбалансированное, но морфологическая сложность наблюдается. Английский: 8877 токенов и всего 1143 типов, т.е. очень мало уникальных словоформ по сравнению с общим объемом, что указывает на меньшее морфологическое разнообразие.

При меньшем объеме текста ненецкий корпус содержит в два раза больше уникальных словоформ, чем английский корпус, который значительно больше по объему (почти в 2 раза).

Лексическое разнообразие текса хорошо показывает коэффициент TTR (Type–Token Ratio) – соотношение Type/Tokens. Чем он выше, тем больше уникальных слов(типов) приходится на каждое слово в тексте (токен).

Высокий TTR ненецкого языка (0,474) – это следствие его агглютинативной природы, каждое слово может иметь множество грамматических словоформ, порождая огромное количество уникальных словоформ даже в небольшом корпусе. Русский язык, будучи флективным, также имеет высокий TTR (0,316) из-за системы склонений и спряжений, но его показатель в 1,5 раза ниже, чем у ненецкого. Английский с его низким показателем TTR (0,129) характеризует аналитический тип, где грамматические значения выражаются отдельными служебными словами, которые повторяются часто и не создают новых словоформ, а порядок слов – главный грамматический инструмент.

При анализе графика (рис. 5) TTR (типо-токенного отношения) видно, что все кривые демонстрируют классическое поведение TTR: резкое первоначальное падение с последующей асимптотической стабилизацией. Это происходит потому, что по мере увеличения объема текста (токенов) новые уникальные слова (типы) появляются всё реже и отношение «тип/токен» снижается.

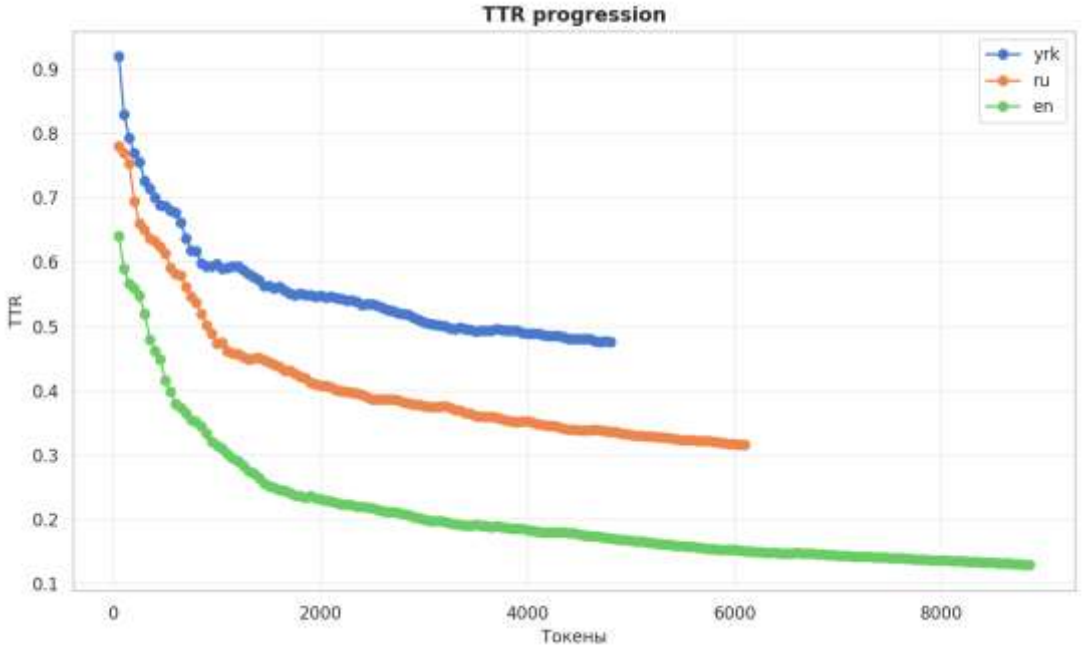

Рис. 5. График типо-токенного отношения (TTR).
Fig. 5. Type-to-Token Ratio (TTR) chart.

График наглядно отражает относительное лексическое богатство корпусов в рамках данного исследования. Ненецкий имеет наибольший потенциал для разнообразия, английский – наименьший. Различия между кривыми (особенно ru и en) могут объясняться морфологической сложностью, так как языки с развитым словоизменением (yrk и ru) естественным образом генерируют больше уникальных форм, повышая TTR. Все кривые выходят на «плато» примерно после 4000 токенов, что говорит о том, что корпуса репрезентативны для данного анализа. Их лексическое ядро сформировано и дальнейшее добавление текста кардинально не поменяет картину разнообразия. Таким образом можно сделать вывод, что морфологически более сложный язык (ненецкий) сохраняет более высокий уровень лексического разнообразия на всем протяжении текста по сравнению с русским и английским в данных конкретных корпусах.

Следует учесть, что простой коэффициент TTR сильно зависит от объема текста, поэтому для сравнения корпусов разного размера его одного недостаточно. Использование набора взаимодополняющих метрик (доля гапаксов, индексы Guiraud R, Herdan C, Simpson D, Yule K., Entropy, MTLD, VOC-D) позволило нивелировать это ограничение и получить более устойчивую картину. На основе данных из табл. 1 можно сделать следующие выводы о лексическом богатстве и строение исследуемых языков:

– ненецкий язык: показатели (высокие TTR, Guiraud R, MTLD, VOC-D и низкий Simpson D) говорят о большом разнообразии лексики. Низкий индекс Yule K указывает на равномерное распределении частот слов, что характерно для языков со сложной системой словообразования (морфологией);

– русский язык: здесь показатели более умеренные, но индекс Yule K выше чем у ненецкого, значит морфология русского языка устроена проще по сравнению с ненецким языком;

– английский язык: низкие показатели TTR и MTLD в сочетании с высоким Yule K подтверждают, что это аналитический язык с минимальным использованием сложных морфологических форм.

Выводы

Представленный анализ выстраивает все три сравниваемых языка по морфологической сложности и синтетичности:

Ненецкий язык – агглютинативный – он обладает высокой морфологической сложностью и наибольшим лексическим разнообразием. Обоснование: максимальные значения TTR, доли гапаксов, MTLD, VOC-D, энтропии при минимальных значениях индексов Simpson D и Yule K; очень большая средняя длина слова. Эта картина характерна для языков с развитой агглютинативной или полисинтетической морфологией, где одно слово может соответствовать целой фразе в аналитическом языке, что приводит к огромному количеству новых слов и низкой повторяемости их в тексте.

Русский язык – флективный, синтетический – занимает среднюю позицию, также обладает достаточно высокой морфологической сложностью, но уступает ненецкому языку по показателям разнообразия. Обоснование: все метрики занимают промежуточное положение (достаточно высокий TTR, доля гапаксов и MTLD, средняя длина слова больше 5). Это отражает свойственную флективным языкам развитую систему спряжения и склонения, которая образует много форм одного и того же слова, что делает его богатым, но не таким «насыщенным», как ненецкий.

Английский язык – аналитический – обладает самой низкой морфологической сложностью и наименьшим лексическим разнообразием в этом сравнении. Обоснование: минимальные значения TTR, доли гапаксов, MTLD, VOC-D, энтропии и максимальное значение Yule K, низкая средняя длина слова (≈4 знака). Это характерно для аналитического строя, в котором граматика строится на порядке слов в предложении и использовании служебных слов, а не на изменении самого слова. Это приводит к высокой повторяемости одних и тех же словоформ (например артиклей, предлогов и др), поэтому лексическое разнообразие здесь самое низкое.

Данные проведенного исследования демонстрируют, что морфологический тип языка напрямую влияет на его количественные лингвистические характеристики. Предоставленная статистика по корпусу является количественным подтверждением качественных лингвистических различий, которые диктуют принципиально разные инженерные подходы в области обработки естественного языка.

Список источников

1. Фольклор ямальских ненцев. Выпуск 3: Фольклор мыскаменских ненцев / сост. Р.И. Лаптандер и др. Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация, 2021. 172 с.

2. Борунов А.Б. Разнообразие речи и методы его измерения в тексте (лингвостатистический подход) // Litera. 2017. № 4. С. 81 – 86.

3. Zipf G.K. Human Behavior and the Principle of Least Effort. Cambridge: MA: Addison-Wesley, 1949. 573 p.

4. Mazzarisi O., de Azevedo-Lopes A., Arenzon J.J., Corber F. Maximal Diversity and Zipf's Law // Physical Review Letters. 2021. Vol. 127 DOI: 10.1103/PhysRevLett.127.128301 URL: https://journals.aps.org/prl/abstract/10.1103/PhysRevLett.127.128301 (data of acces: 08.03.2026)

5. van Leijenhorst D.C., van der Weide T.P. A formal derivation of Heaps' law // Information Sciences. 2005. Vol. 170. № 2-4. P. 263 – 272. DOI: 10.1016/j.ins.2004.02.006 (data of acces: 08.03.2026)

6. Kettunen K. Can Type-Token Ratio be Used to Show Morphological Complexity of Languages? // Journal of Quantitative Linguistics. 2014. Vol. 21. № 3. P. 223 – 245. DOI: 10.1080/09296174.2014.911506 URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09296174.2014.911506 (data of acces: 08.03.2026)

7. Rosillo-Rodes P., San Miguel M., Sánchez D. Entropy and token ration in gigaword corpora // Physical Review Letters. 2024. Vol. 7. URL: https://arxiv.org/pdf/2411.10227v3

8. McCarthy P.M., Jarvis S. MTLD, vocd-D, and HD-D: A Validation Study of Sophisticated Approaches to Lexical Diversity Assessment // Behavior Research Methods. 2010. Vol. 42. No. 2. P. 381 – 392.

9. McCarthy P.M., Jarvis S. Voc-D: a theoretical and empirical evaluation // Language Testing. 2007. Vol. 24. № 4. P. 459 – 488. DOI: 10.1177/0265532207080767 URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0265532207080767 (data of acces: 08.03.2026)

10. Shaib C., Govindarajan V.S., Barrow J. и др. Standardizing the Measurement of Text Diversity: A Tool and a Comparative Analysis / 2026. DOI: 10.48550/arXiv.2403.00553. URL: https://arxiv.org/abs/2403.00553 (data of acces: 08.03.2026)

References

1. Folklore of the Yamal Nenets. Volume 3: Folklore of the Myskamensk Nenets. compiled by R.I. Laptander et al. St. Petersburg: Historical Illustration, 2021. 172 p.

2. Borunov A.B. Speech Diversity and Methods of Its Measurement in Text (Linguostatistical Approach). Litera. 2017. No. 4. P. 81 – 86.

3. Zipf G.K. Human Behavior and the Principle of Least Effort. Cambridge: MA: Addison-Wesley, 1949. 573 p.

4. Mazzarisi O., de Azevedo-Lopes A., Arenzon J.J., Corber F. Maximal Diversity and Zipf's Law. Physical Review Letters. 2021. Vol. 127 DOI: 10.1103/PhysRevLett.127.128301 URL: https://journals.aps.org/prl/abstract/10.1103/PhysRevLett.127.128301 (date of access: 03.08.2026)

5. van Leijenhorst D.C., van der Weide T.P. A formal derivation of Heaps' law. Information Sciences. 2005. Vol. 170. No. 2-4. P. 263 – 272. DOI: 10.1016/j.ins.2004.02.006 (date of access: 03.08.2026)

6. Kettunen K. Can Type-Token Ratio be Used to Show Morphological Complexity of Languages? Journal of Quantitative Linguistics. 2014. Vol. 21. No. 3. P. 223 – 245. DOI: 10.1080/09296174.2014.911506 URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09296174.2014.911506 (data of acces: 03.08.2026)

7. Rosillo-Rodes P., San Miguel M., Sánchez D. Entropy and token ration in gigaword corpora. Physical Review Letters. 2024. Vol. 7. URL: https://arxiv.org/pdf/2411.10227v3

8. McCarthy P.M., Jarvis S. MTLD, vocd-D, and HD-D: A Validation Study of Sophisticated Approaches to Lexical Diversity Assessment. Behavior Research Methods. 2010. Vol. 42. No. 2. P. 381 – 392.

9. McCarthy P.M., Jarvis S. Voc-D: a theoretical and empirical evaluation. Language Testing. 2007. Vol. 24. No. 4. P. 459 – 488. DOI: 10.1177/0265532207080767 URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0265532207080767 (date of access: 03.08.2026)

10. Shaib C., Govindarajan V.S., Barrow J. et al. Standardizing the Measurement of Text Diversity: A Tool and a Comparative Analysis. 2026. DOI: 10.48550/arXiv.2403.00553. URL: https://arxiv.org/abs/2403.00553 (date of access: 03.08.2026)

Информация об авторах

Кибенко Д.В., Национальный исследовательский университет ИТМО, 197101, г. Санкт-Петербург, Кронверкский проспект, д. 49, литер А, dasha–kibenko@yandex.ru

Коцюба И.Ю., кандидат технических наук, доцент, Национальный исследовательский университет ИТМО», 197101, г. Санкт-Петербург, Кронверкский проспект, д. 49, литер А, ikotciuba@itmo.ru

© Кибенко Д.В., Коцюба И.Ю., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 070.4
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-48-54

Традиционные и новые медиа как средство построения эффективного имиджа России

[1] Ши Джен-Лян

[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: в фокусе научного анализа находится конструирование внешнеполитического имиджа России через взаимодействие традиционных и новых медиа в условиях фрагментации глобального информационного пространства, наблюдаемой с середины 2010-х годов. Исследование раскрывает терминологическую диффузию категории «имидж государства», которая в политологическом, маркетинговом и коммуникативном дискурсах пересекается с репутацией, территориальным брендом и медиаобразом, сопоставляя модели, акцентирующие государственную субъектность как источник коммуникации, с подходами, фиксирующими распределенный, многоагентный характер имиджеобразования, где официальные институты выступают лишь одним из множества участников. Выявляется функциональная комплементарность двух контуров коммуникации, где традиционные структуры формируют узнаваемость и стабильность, а цифровые – эмоциональную вовлеченность и адресность сегментам аудитории, включая рост англоязычных Telegram-каналов до более чем 400 к началу 2025 года, однако подчеркивается системная лакуна в виде отсутствия формализованных механизмов координации между макроуровнем стратегических государственных нарративов и микроуровнем спонтанной цифровой активности, что контрастирует с интегрированными практиками вроде южнокорейской модели Hallyu 3.0. Обсуждаются региональная дифференциация восприятия имиджа, коррелирующая с интенсивностью цифрового присутствия в Азии, Африке и Латинской Америке по сравнению с Западной Европой, влияние внемедийных факторов на разрыв между проецируемым и воспринимаемым образом, а также репутационные риски астротурфинга и spillover-эффекта, когда разоблачение координированных сетей дискредитирует легитимные независимые голоса. Подобный подход позволяет установить основное содержание работы, оценить ее релевантность для понимания динамики медийного воздействия на международный образ государства в эпоху геополитической турбулентности и алгоритмической логики платформ, а также принять обоснованное решение об обращении к полному тексту статьи в информационных и автоматизированных поисковых системах.
Ключевые слова: внешнеполитический имидж, традиционные медиа, новые медиа, контрнарратив, цифровая дипломатия

Для цитирования: Ши Джен-Лян Традиционные и новые медиа как средство построения эффективного имиджа России // Современный ученый. 2026. № 10. С. 48 – 54. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-48-54

Поступила в редакцию: 4 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Traditional and new media as a means of building an effective image of Russia

[1] Shi Zheng-Liang

[1] Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: the focus of the scientific analysis is the construction of Russia's foreign policy image through the interaction of traditional and new media in the context of the fragmentation of the global information space observed since the mid-2010s. The study reveals the terminological diffusion of the category “state image,” which intersects with reputation, territorial brand, and media image in political, marketing, and communicational discourses, comparing models that emphasize state subjectivity as a source of communication with approaches that recognize the distributed, multi-agent nature of image formation, where official institutions are just one of many participants. The functional complementarity of the two communication circuits is revealed, where traditional structures form recognition and stability, and digital structures form emotional engagement and targeting to audience segments, including the growth of English – language Telegram channels to more than 400 by early 2025, but a systemic gap is highlighted in the absence of formalized coordination mechanisms between the macro level of strategic government narratives and the micro level of spontaneous digital activity This contrasts with integrated practices like the South Korean Hallyu 3.0 model. Regional differentiation of image perception is discussed, correlating with the intensity of digital presence in Asia, Africa and Latin America compared to Western Europe, the impact of non-media factors on the gap between projected and perceived images, as well as reputational risks of astroturfing and the spillover effect, when exposure of coordinated The networks discredit legitimate independent voices. This approach allows us to establish the main content of the work, evaluate its relevance for understanding the dynamics of media influence on the international image of a state in an era of geopolitical turbulence and the algorithmic logic of platforms, and make an informed decision about accessing the full text of the article in information and automated search systems.
Keywords: foreign policy image, traditional media, new media, counter-narrative, digital diplomacy

For citation: Shi Zheng-Liang Traditional and new media as a means of building an effective image of Russia. Modern Scientist. 2026. 10. P. 48 – 54. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-48-54

The article was submitted: May 4, 2026; Approved after reviewing: June 2, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Проблематика конструирования государственного имиджа средствами массовой коммуникации обретает дополнительную остроту в условиях фрагментации глобального информационного пространства, наблюдаемой с середины 2010-х годов. Попытки теоретического осмысления данного феномена предпринимались в рамках различных парадигм – от концепции «мягкой силы» Дж. Ная [9] до дискурсивно-семиотических моделей национального брендинга, разрабатываемых скандинавскими исследователями. Вместе с тем в русскоязычной научной литературе сохраняется значительный разрыв между декларируемой значимостью медиакоммуникаций для формирования внешнеполитического образа государства и степенью методологической проработки конкретных механизмов такого формирования. Ряд авторов [3] акцентирует внимание на инструментальной функции традиционных СМИ – телевидения, печатной прессы, радиовещания, – тогда как цифровые платформы рассматриваются преимущественно в контексте угроз информационной безопасности, а не ресурсов имиджевого строительства.

Сложность ситуации усугубляется тем, что категория «имидж государства» остаётся операционально размытой. В политологическом дискурсе она нередко отождествляется с понятием «репутация», в маркетинговом – с «брендом территории» [12; 7], а в коммуникативистике функционирует как синоним «медиаобраза». Подобная терминологическая диффузия затрудняет сопоставление результатов, полученных исследователями из смежных дисциплин. Характерен пример: Э. Галумов ещё в начале 2000-х предложил разграничивать «объективный» и «моделируемый» имидж государства, однако эта дихотомия не получила устойчивого закрепления в последующих работах. Терминологический консенсус отсутствует до сих пор.

Отдельную проблему составляет асимметрия исследовательского внимания. Традиционные медиа – прежде всего международное телевещание (RT, CGTN, France 24) – изучены достаточно подробно с точки зрения стратегий фрейминга и agenda-setting [15]. Новые медиа, включающие социальные сети, мессенджеры, подкаст-платформы и агрегаторы пользовательского контента, анализируются фрагментарно; при этом их роль в трансляции государственного нарратива за рубеж зачастую редуцируется до проблемы «ботов» и «фабрик троллей». Такая оптика, по всей видимости, обедняет понимание реальных коммуникативных процессов. Между тем аудитория Telegram-каналов, публикующих материалы о российской внешней политике на английском языке, к концу 2024 г. превысила 4,2 млн подписчиков.

Настоящая статья направлена на выявление и систематизацию механизмов, посредством которых традиционные и новые медиа участвуют в конструировании внешнеполитического имиджа России, а также на определение функциональных различий между этими двумя типами каналов в контексте имиджевой коммуникации. Представляется дискуссионным вопрос о том, способны ли цифровые платформы компенсировать ограничения, присущие институциализированным вещательным структурам, или же они порождают собственный набор коммуникативных искажений [5].

Материалы и методы исследований

Методологическая база работы сформирована на пересечении нескольких аналитических традиций. Применялся сравнительный дискурс-анализ медиатекстов, генерируемых российскими государственными и квазигосударственными СМИ для внешней аудитории, в сопоставлении с контентом, производимым независимыми цифровыми акторами – блогерами, авторами Telegram-каналов, создателями видеоконтента на YouTube и RuTube. Хронологические рамки анализируемого материала охватывают период 2020-2025 гг., что позволяет учесть коммуникативные сдвиги, вызванные пандемией COVID-19 и последующей геополитической турбулентностью. Кроме того, задействован метод контент-анализа программных документов – Концепции внешней политики Российской Федерации в редакции 2023 г., Доктрины информационной безопасности 2016 г., а также ряда ведомственных стратегий Россотрудничества.

Для концептуализации понятия «имидж государства» использовался метод теоретической реконструкции, предполагающий сопоставление дефиниций, предложенных в работах отечественных и зарубежных авторов – от классических построений К. Боулдинга до более поздних моделей С. Анхольта [11]. Вспомогательную роль выполнял функционально-типологический метод, посредством которого медиаканалы классифицировались по критериям институциональной принадлежности, модальности контента – текст, аудио, видео, мультимедиа – и характера обратной связи с аудиторией. Количественные данные об охватах и вовлечённости привлекались из открытых аналитических сервисов (Mediascope, SimilarWeb, TGStat) исключительно в иллюстративных целях; статистическая обработка не проводилась.

Результаты и обсуждения

Прежде чем перейти к анализу медийных механизмов имиджевого строительства, необходимо зафиксировать содержательные границы самого конструкта «имидж государства». В отечественной традиции данное понятие восходит к работам Э. Галумова, трактовавшего его как «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, формируемых в сознании зарубежных аудиторий» [4]. Принципиально иную оптику предлагает С. Анхольт, для которого национальный имидж – это производная шести измерений: экспорт, управление, культура, население, туризм, инвестиции и иммиграция [11]. Различие подходов – не номинальное. Галумовская модель акцентирует субъектность государства как источника коммуникации; анхольтовская, напротив, фиксирует распределённый характер имиджеобразования, в котором государственные институты выступают лишь одним из множества агентов. Для настоящего исследования это разграничение оказывается ключевым, поскольку соотношение «управляемого» и «спонтанного» компонентов имиджа существенно различается в традиционных и новых медиа.

Говоря о традиционных медиа, следует констатировать их устойчивую привязку к модели «вертикальной» коммуникации, в которой государство контролирует и каналы, и сообщения. Телеканал RT, запущенный в 2005 г. под названием Russia Today, к 2024 г. вещает на английском, арабском, испанском, французском и немецком языках. Его годовой бюджет, согласно данным Счётной палаты РФ за 2023 г., составил порядка 32 млрд руб. Стратегия RT строится на принципе «контрнарратива» – систематического оспаривания доминирующих западных интерпретаций международных событий. Данный подход коррелирует с теоретическими положениями о контргегемонистском дискурсе, разработанными в

рамках неограмшианской школы [6]. Эффективность подобной стратегии, впрочем, ограничена рядом факторов. Блокировка RT в Евросоюзе с марта 2022 г. лишила канал доступа к аудитории в 27 странах.

Параллельно функционирует система печатных и онлайн-изданий – «Россия за рубежом», Russia Beyond, ТАСС на иностранных языках. Их совокупный охват значительно уступает телевизионному, однако текстовый формат допускает более глубокую аргументацию и адресацию к экспертному сообществу [8]. Обращает на себя внимание тот факт, что Russia Beyond после 2022 г. существенно сократила англоязычную редакцию, перенаправив ресурсы на хиндиязычный и арабоязычный сегменты. Такой маневр отражает более общий тренд – переориентацию имиджевой коммуникации с «глобального Запада» на «глобальный Юг», зафиксированный в обновлённой Концепции внешней политики. Смена адресата влечёт за собой и корректировку нарратива: вместо противопоставления «Россия vs. западный мейнстрим» – позиционирование России как альтернативного центра многополярного мира.

Принципиально иной коммуникативный ландшафт формируют новые медиа. Здесь вертикальная модель уступает место сетевой, горизонтальной; государство утрачивает монополию на конструирование сообщений. Telegram-каналы, YouTube-блоги, подкасты – все эти форматы функционируют по логике P2P-коммуникации, где доверие аудитории опосредовано не институциональным авторитетом вещателя, а воспринимаемой аутентичностью автора [14]. В этой связи возникает парадоксальная ситуация: государство заинтересовано в использовании цифровых платформ для имиджевых целей, но само его присутствие на этих платформах может подрывать ту атмосферу «неофициальности», которая и обеспечивает их коммуникативную привлекательность.

Анализ контента русскоязычных и англоязычных Telegram-каналов, позиционирующих себя как «голос из России», позволяет выделить несколько устойчивых стратегий. Первая – «стратегия очевидца»: автор предъявляет себя как обычного жителя российского города и транслирует повседневную реальность, опровергая стереотипы зарубежной аудитории. Количество подобных каналов – ориентировочная оценка – возросло с нескольких десятков в 2020 г. до более чем 400 к началу 2025 г. Вторая стратегия – «экспертный комментарий»: аналитики, часто аффилированные с государственными think tanks (РСМД, Валдайский клуб), публикуют развёрнутые оценки на личных площадках, формально дистанцируясь от официальной позиции. Третья – «культурная дипломатия снизу», реализуемая блогерами, продвигающими российскую культуру, кухню, туризм через визуальный контент на YouTube и Instagram (деятельность Meta признана экстремистской на территории РФ). Здесь имидж государства конструируется косвенно – через позитивные ассоциации с бытовой средой [2].

Соотношение этих стратегий с официальной имиджевой политикой неоднозначно. С одной стороны, Россотрудничество и структуры публичной дипломатии декларируют поддержку «народной дипломатии» в цифровой среде. С другой – институциональные механизмы координации между государственными акторами и независимыми блогерами остаются неформализованными, а порой и конфликтными. Показателен случай 2023 г., когда несколько англоязычных YouTube-блогеров, проживающих в Москве, публично дистанцировались от RT после предложения о «контентном партнёрстве», мотивировав отказ нежеланием терять доверие аудитории [10]. Подобная дилемма – институциональная аффилиация vs. воспринимаемая независимость – вероятно, детерминирована самой природой цифровых медиа, где алгоритмическая логика платформ вознаграждает аутентичность и наказывает за воспринимаемую ангажированность.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о фрейминге. Традиционные медиа оперируют устоявшимися фреймами, воспроизводимыми из выпуска в выпуск: «Россия как гарант стабильности», «Россия как защитник традиционных ценностей», «Россия как жертва информационной войны». Эти фреймы, описанные в литературе по политической коммуникации [1], обладают высокой внутренней когерентностью, но ограниченной гибкостью. При столкновении с событием, не укладывающимся в заданную рамку, возникает коммуникативный сбой – либо событие игнорируется, либо интерпретируется через «натяжку» существующего фрейма. Новые медиа, по всей видимости, лишены этого ограничения. Индивидуальный блогер способен оперативно менять фреймы, совмещать несколько интерпретационных рамок в одном материале, реагировать на обратную связь аудитории в реальном времени. Оборотная сторона – отсутствие нарративной дисциплины, ведущее к рассогласованности и даже взаимному противоречию имиджевых сообщений, исходящих из «цифровой России».

Необходимо зафиксировать и технологическое измерение проблемы. Алгоритмы рекомендательных систем – YouTube, TikTok, «ВКонтакте» – реализуют собственную логику ранжирования контента, которая не совпадает ни с интересами государства, ни с интенциями создателя [13]. Материал, продвигающий позитивный образ страны в нейтральном, информационном ключе, может получить минимальный охват,

тогда как провокационный или конфликтный контент – вирусное распространение. Этот эффект, описанный П. Нэпли как «алгоритмическая поляризация», существенно корректирует любые стратегические расчёты в сфере цифровой дипломатии. По данным SimilarWeb за I квартал 2025 г., средняя длительность просмотра видеороликов о российской культуре на YouTube составила 2,4 минуты, тогда как контент конфронтационного характера удерживал внимание на протяжении 6,1 минуты.

Сопоставление двух медийных контуров – традиционного и цифрового – позволяет констатировать их функциональную комплементарность, которая, впрочем, реализуется скорее стихийно, нежели в рамках целенаправленной координации. Традиционные медиа обеспечивают устойчивость, узнаваемость и нарративную связность имиджевого сообщения; новые медиа генерируют эффект аутентичности, эмоциональной вовлечённости и адаптивности к запросам конкретных аудиторных сегментов. Однако ни один из контуров не способен в одиночку решить системную проблему, обозначенную ещё Н. Цветковой [7]: разрыв между имиджем, проецируемым вовне, и имиджем, воспринимаемым зарубежной аудиторией. Величина этого разрыва – «имиджевый зазор» – детерминирована не только качеством медийного контента, но и совокупностью внемедийных факторов: реальной внешней политикой, экономическими показателями, визовым режимом, качеством консульских услуг.

Обращает на себя внимание и региональная дифференциация. В странах Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской Америки – регионах, где западные медиа не обладают безусловным доминированием – российские цифровые инициативы встречают более благоприятную коммуникативную среду. Индекс восприятия России (по данным опросов Gallup International за 2024 г.) в Индии составил +37 пунктов, в Нигерии +28, тогда как в Германии –62, в Великобритании –71. Эти цифры коррелируют с интенсивностью присутствия российских цифровых медиа в соответствующих информационных экосистемах, хотя каузальную связь установить затруднительно.

Нельзя обойти вниманием и проблему обратного эффекта. Агрессивное продвижение государственного нарратива через «астротурфинг» – имитацию низовой активности – способно нанести репутационный ущерб, превышающий потенциальную имиджевую выгоду. Ряд расследований (BBC, Bellingcat) в 2019–2023 гг. выявил сети координированных аккаунтов в Facebook и Twitter, транслировавших пророссийские нарративы. Публичное разоблачение подобных операций подрывает доверие не только к конкретным каналам, но и к легитимным голосам – блогерам и журналистам, действительно выражающим собственную позицию. Здесь проявляется то, что в теории коммуникации квалифицируется как «эффект заражения» (spillover effect): дискредитация одного элемента системы распространяется на всю систему.

В контексте вышеизложенного представляется продуктивным разграничение двух уровней имиджевой коммуникации: макроуровня, на котором государство формулирует стратегические нарративы и транслирует их через институциализированные каналы, и микроуровня, где множество цифровых акторов – осознанно или нет – участвуют в конструировании «повседневного» образа страны. Эффективный имидж, по всей видимости, возникает на стыке этих уровней, когда макронарратив не противоречит совокупности микронарративов и когда зарубежная аудитория воспринимает и те, и другие как взаимно подтверждающие.

Отсутствие формализованных механизмов связи между двумя уровнями остаётся, пожалуй, наиболее существенной институциональной лакуной российской имиджевой политики. Попытки создания координационных структур – таких как Межведомственная комиссия по международному информационному присутствию – пока не привели к выработке операциональных протоколов взаимодействия с цифровыми создателями контента. Сравнение с практиками других государств – в частности, южнокорейской стратегией «Hallyu 3.0», интегрирующей K-pop-индустрию, стриминговые платформы и грантовую поддержку инфлюенсеров [15] – обнаруживает значительное отставание российской модели в части «мягкой интеграции» государственных и негосударственных акторов.

Выводы

В ходе проведённого анализа удалось зафиксировать принципиальное структурное различие между каналами имиджевой коммуникации, которое не сводится к технологическому формату. Традиционные медиа – RT, ТАСС, Russia Beyond – оперируют в режиме программируемого вещания, где контроль над нарративом достигается за счёт редакционной вертикали и бюджетного финансирования. Цифровые платформы, напротив, порождают распределённую модель имиджеобразования, в которой государство выступает одним из конкурирующих голосов. Годовой бюджет RT – 32 млрд руб. за 2023 г. – не гарантирует пропорционального коммуникативного эффекта в условиях блокировок и алгоритмической фильтрации.

Разрыв между проецируемым и воспринимаемым образом государства, зафиксированный на материале опросных данных и аналитики медийных охватов, варьируется в зависимости от региона адресации. Положительные индексы восприятия в Индии (+37) и Нигерии (+28) контрастируют с глубоко отрицательными показателями в Западной Европе. Эта асимметрия коррелирует с интенсивностью цифрового присутствия российских медиааакторов, хотя вопрос о направлении каузальной связи остаётся открытым – позитивное восприятие может предшествовать медийному присутствию, а не следовать из него.

Стратегия «контрнарратива», доминирующая в практике институциализированных СМИ, обнаруживает существенное ограничение: она определяет имиджевое сообщение через отрицание, привязывая его к повестке оппонента. Цифровые создатели контента – блогеры-«очевидцы», независимые аналитики, авторы культурно-просветительских каналов – реализуют альтернативную модель, в которой имидж конструируется через утверждение, через предъявление повседневной реальности. Количество англоязычных Telegram-каналов данного профиля возросло до 400+ к началу 2025 г.

Вместе с тем обе модели уязвимы. Институциональная – перед санкционными ограничениями и блокировками; цифровая – перед алгоритмической поляризацией и репутационными рисками «астротурфинга». Разоблачение координированных сетей аккаунтов, неоднократно документированное в 2019–2023 гг., дискредитирует не только причастных акторов, но – по механизму spillover – и легитимных создателей контента. Данный эффект, вероятно, наносит имиджу больший урон, чем полное отсутствие цифровой активности.

Ключевой институциональной лакуной выступает несформированность механизмов координации между макро- и микроуровнями имиджевой коммуникации. Южнокорейская модель «Hallyu 3.0» демонстрирует, что интеграция государственных программ с низовой активностью цифровых авторов достижима без утраты воспринимаемой аутентичности последних. Российская практика пока не выработала аналогичных протоколов – попытки формального «контентного партнёрства» встречают сопротивление со стороны блогерского сообщества, о чём свидетельствуют публичные отказы от сотрудничества с RT в 2023 г.

Эффективность имиджевой коммуникации, как следует из проведённого сопоставления, детерминирована не столько объёмом финансирования или технологической изощрённостью отдельных каналов, сколько степенью согласованности транслируемых нарративов и их соответствием внемедийной реальности – экономической динамике, визовой политике, качеству гуманитарных контактов.

Список источников

1. Габдулхакова Р.В., Козлова Ю.Б., Грогуленко Н.В. Медиаобраз: современные трактовки и подходы к изучению // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4 (155). С. 406 – 407.

2. Темнова Л.В., Тадевосян М.Г. Механизмы формирования имиджа медийной личности в новых медиа // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2024. Т. 8. № 4. С. 427 – 441.

3. Шангараев Р.Н. Влияние современной медиасреды на формирование общественного мнения // Вестник ученых-международников. 2024. № 1 (27). С. 182 – 189.

4. Чжан Юньшэн. Традиционные СМИ: горизонты развития в эпоху новых медиа // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 3 (88). С. 491 – 493.

5. Авдевич Н.В. Формирование имиджа органов государственной власти в современном информационном пространстве // Российская юстиция. 2022. № 2. С. 69 – 73.

6. Проць Е.В., Кирилин К.А. Медиаобраз России в зарубежных СМИ: старые и новые стереотипы // Медиаисследования. 2021. № 8. С. 126 – 132.

7. Ткалич М.А. Основные изменения медиапотребления в России // Социально-гуманитарные технологии. 2024. № 1 (29). С. 19 – 24.

8. Чжэн С. Слияние традиционных медиа с digital-медиа: проблемы и перспективы // Язык. Словесность. Культура. 2022. Т. 12. № 3. С. 18 – 25.

9. Колесниченко А.В. Мультимедийные жанры в современных российских СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. Т. 48. № 2. С. 3 – 22.

10. Вэйхэ Г. Поэтика межкультурного взаимодействия русской и китайской тематической прозы через призму образа путешествия // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 6. С. 118 – 125.

References

1. Gabdulkhakova R.V., Kozlova Yu.B., Grogulenko N.V. Media image: modern interpretations and approaches to study. Eurasian Law Journal. 2021. No. 4 (155). P. 406 – 407.
2. Temnova L.V., Tadevosyan M.G. Mechanisms for forming the image of a media personality in new media. Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2024. Vol. 8. No. 4. P. 427 – 441.
3. Shangaraev R.N. The influence of the modern media environment on the formation of public opinion. Bulletin of international scholars. 2024. No. 1 (27). P. 182 – 189.
4. Zhang Yunsheng. Traditional Media: Development Horizons in the Age of New Media. The World of Science, Culture, and Education. 2021. No. 3 (88). P. 491 – 493.
5. Avdevich N.V. Formation of the Image of Government Bodies in the Modern Information Space. Russian Justice. 2022. No. 2. P. 69 – 73.
6. Prots E.V., Kirilin K.A. Media Image of Russia in Foreign Media: Old and New Stereotypes. Media Research. 2021. No. 8. P. 126 – 132.
7. Tkalich M.A. Main Changes in Media Consumption in Russia. Social and Humanitarian Technologies. 2024. No. 1 (29). P. 19 – 24.
8. Zheng S. The Merger of Traditional Media with Digital Media: Problems and Prospects. Language. Literature. Culture. 2022. Vol. 12. No. 3. P. 18 – 25.
9. Kolesnichenko A.V. Multimedia Genres in Modern Russian Mass Media. Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism. 2023. Vol. 48. No. 2. P. 3 – 22.
10. Weihe G. Poetics of Intercultural Interaction of Russian and Chinese Thematic Prose through the Prism of the Image of Travel. Issues of Nature Management. 2025. Vol. 4. No. 6. P. 118 – 125.

Информация об авторе

Ши Джен-Лян, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Dong-fang@mail.ru

© Ши Джен-Лян, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.161.1'243:32:81'42:37.016
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-55-62

Мультимодальный политический дискурс современной России в преподавании русского как иностранного: фреймовый анализ материалов проекта «Время героев»

[1] Чжэн Тао

[1] Сычуаньский университет иностранных языков, Китай

Аннотация: в статье рассматривается возможность использования аутентичного мультимодального политического дискурса современной России в обучении русскому как иностранному на продвинутом этапе. Материалом исследования стали официальные тексты и сопровождающие их визуальные сообщения проекта «Время героев», а также программные высказывания, задающие его ценностную рамку. Цель работы состоит в том, чтобы показать, как фреймовый и мультимодальный анализ таких материалов может быть преобразован в учебный ресурс, направленный на развитие дискурсивной, интерпретативной и межкультурной компетенции иностранных учащихся. В исследовании применяются методы фреймового анализа, критического дискурс-анализа, мультимодального анализа и контекстуально-интерпретативного описания. Установлено, что в рассматриваемом корпусе центральное место занимают фреймы элита, служение и ответственность; их языковая реализация поддерживается визуальными маркерами доверия, проверенности и государственной легитимности. На этой основе предлагается модель педагогической трансформации анализа, включающая фреймовую диагностику, сопоставительное чтение и интерпретацию взаимодействия вербального и визуального модусов. Научная новизна работы заключается в соединении лингвистического анализа современного политического материала с методикой преподавания русского как иностранного без сведения учебной задачи к простому усвоению политической лексики.
Ключевые слова: мультимодальный дискурс, политический дискурс, фреймовый анализ, русский как иностранный, межкультурная компетенция, «Время героев», учебная трансформация

Для цитирования: Чжэн Тао Мультимодальный политический дискурс современной России в преподавании русского как иностранного: фреймовый анализ материалов проекта «Время героев» // Современный ученый. 2026. № 10. С. 55 – 62. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-55-62

Поступила в редакцию: 5 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Multimodal political discourse of contemporary Russia in teaching Russian as a foreign language: a frame analysis of materials from the “Time of Heroes” project

[1] Zheng Tao

[1] Sichuan International Studies University, China

Abstract: the article examines the possibility of using authentic multimodal political discourse of contemporary Russia in advanced teaching of Russian as a foreign language. The research material includes official texts and accompanying visual messages of the “Time of Heroes” project together with programmatic statements that shape its value framework. The aim of the study is to show how frame analysis and multimodal discourse analysis of such materials can be transformed into a pedagogical resource for developing learners’ discourse, interpretive and intercultural competence. The study combines frame analysis, critical discourse analysis, multimodal analysis and contextual interpretation. The results demonstrate that the corpus is organized around the frames of elite, service and responsibility; verbal representation of these frames is reinforced by visual markers of reliability, proven merit and state legitimacy. On this basis the paper proposes a model of pedagogical transformation that includes frame-oriented diagnostics, contrastive reading and interpretation of the interaction between verbal and visual modes. The novelty of the paper lies in combining linguistic analysis of current political discourse with Russian as a foreign language methodology without reducing the teaching task to simple acquisition of political vocabulary.
Keywords: multimodal discourse, political discourse, frame analysis, Russian as a foreign language, intercultural competence, “Time of Heroes”, pedagogical transformation

For citation: Zheng Tao Multimodal political discourse of contemporary Russia in teaching Russian as a foreign language: a frame analysis of materials from the “Time of Heroes” project. Modern Scientist. 2026. 10. P. 55 – 62. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-55-62

The article was submitted: May 5, 2026; Approved after reviewing: June 3, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

В современной методике преподавания иностранных языков все заметнее смещение от усвоения отдельных языковых средств к формированию умения читать, интерпретировать и производить сложные дискурсивные конструкции. Для обучения русскому как иностранному это означает, что работа с текстом уже не может ограничиваться словарным комментарием и контролем понимания содержания. Учащийся продвинутого уровня сталкивается с другой задачей: научиться распознавать, как в языке и сопутствующих ему знаковых системах организуется социально значимый смысл. В семиотической традиции Р. Барта изображение и текст рассматриваются как взаимосвязанные коды, участвующие в создании значения, поэтому публичный текст должен анализироваться не только как последовательность слов, но и как комплекс вербальных и визуальных знаков [1].

Когнитивно-семантическая перспектива позволяет уточнить, что значение слова раскрывается через концептуальную организацию знания, а не только через словарную дефиницию [2]. В методике межкультурного обучения это согласуется с моделью М. Байрема, где важной частью подготовки становится способность соотносить собственную культурную позицию с иноязычным дискурсом и интерпретировать его культурно, а не только лексически [3]. Для анализа политического материала значимы и подходы к политическому дискурсу как к сфере, где язык организует социальные роли, формы легитимации и способы символического включения участников в коллективную рамку [4].

Для русистики эта проблема особенно заметна на материале актуального общественно-политического дискурса. Иностранные учащиеся, уверенно читающие учебные или художественные тексты, нередко испытывают затруднение, когда сталкиваются с новостными сообщениями, официальными заявлениями, политическими проектами и визуально насыщенными медийными публикациями. Причина состоит не только в политической лексике как таковой. Трудность возникает там, где смысл распределен между несколькими модусами: словом, фотографией, композицией кадра, статусными символами, порядком цитирования и об-

щей рамкой публикации. Критический дискурс-анализ позволяет рассматривать подобные тексты как формы социальной практики, а не как нейтральные сообщения [5].

Фреймовый подход важен потому, что единицы типа элита или служение не просто называют объекты и действия, а запускают целые комплексы ожиданий, ролей и оценок [6]. В русской лингвокультурологической традиции дискурс также рассматривается как пространство взаимодействия личности, концепта и коммуникативной ситуации [7]. Именно поэтому мультимодальный подход перестает быть факультативным и становится частью аналитической подготовки в обучении РКИ: коммуникативное поведение и публичное сообщение почти всегда организуются несколькими каналами одновременно [8].

Теория визуальной грамматики показывает, что изображение обладает собственной структурой: оно задает отношения между изображаемым, зрителем и композицией кадра [9]. При этом отношения между изображением и текстом могут быть отношениями якорения, дополнения или относительной автономии, что особенно важно для анализа медийных материалов [10]. В политическом дискурсе такие связи поддерживают механизмы категоризации, легитимации и переописания социальных ролей; эти механизмы изучаются в современных работах по дискурсу политики [11].

В качестве материала для такого анализа показателен корпус официальных публикаций проекта «Время героев». Этот материал интересен не только политически, но и лингвистически. В нем происходит заметное переопределение ключевых понятий, прежде всего лексем элита и служение; при этом языковая перестройка поддерживается визуальными решениями, которые закрепляют нужный способ чтения текста. В послании Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. В.В. Путин формулирует ключевую для проекта дефиницию: «подлинная, настоящая элита – это все, кто служит России…» [12]. Вслед за этой формулой официальный сайт проекта развертывает серию текстов и изображений, где понятия власти, профессионального роста, военного опыта и гражданской ответственности связываются в единую рамку [13].

Однако педагогическая работа с таким материалом требует осторожности. Речь идет не о переносе готовых идеологических формул в аудиторию и не о подмене языкового обучения политическим комментированием. Гораздо важнее другое: научить студента видеть, как функционируют современные русскоязычные публичные тексты, каким образом в них организуются оценка, легитимация, эмоциональная близость, символическая иерархия. В этом смысле политический дискурс оказывается удобным полем для развития аналитической и интерпретативной компетенции.

Цель статьи состоит в том, чтобы описать фреймовую организацию мультимодальных материалов проекта «Время героев» и показать, каким образом результаты такого анализа могут быть преобразованы в ресурс для преподавания русского как иностранного на уровнях B2-C1. Для достижения цели решаются следующие задачи: определить теоретические основания фреймового и мультимодального анализа; описать материал и методику исследования; выявить ключевые фреймы корпуса; показать способы педагогической трансформации анализа в задания для иностранной аудитории; обозначить ограничения применения политически маркированных материалов в РКИ. Научная новизна исследования заключается в том, что фреймовый и мультимодальный анализ рассматриваются не как самоцель, а как основа для учебной трансформации: от лингвистического описания к разработке заданий, формирующих дискурсивную и межкультурную компетенцию.

Материалы и методы исследований

Материал исследования составили официальные публикации президентской программы «Время героев», размещенные на сайте проекта в 2024-2025 гг., а также программные высказывания, опубликованные на сайте Президента Российской Федерации. В анализ включались только те материалы, где вербальный текст сопровождался фотографиями или иными визуальными компонентами, влияющими на интерпретацию сообщения. Такой выбор объясняется тем, что проект существует как медиальный комплекс: он распространяется не только через цитату и новостной абзац, но и через изображение участника, государственную символику, композицию встречи, характер кадра, соотношение официального и личного плана.

Методика работы включала четыре этапа. На первом этапе из корпуса выделялись повторяющиеся лексические и синтаксические маркеры, организующие ключевые смысловые узлы публикаций. На втором этапе эти узлы описывались как фреймы с указанием их центральных слотов, оценочных признаков и типичных связей между участниками события. На третьем этапе рассматривались визуальные элементы, которые закрепляют или модифицируют вербальную рамку: тип кадра, расположение фигур, направление взгляда, присутствие наград, флага, эмблем, особенности композиционного центра. На четвертом этапе результаты лингвистического анализа переводились в методическую плоскость - определялись такие формы заданий, которые позволяют использовать материал в аудитории РКИ без утраты аналитической глубины.

Методологически исследование опирается на сочетание фреймового анализа, критического дискурс-анализа, мультимодального анализа и контекстуально-интерпретативного описания. Подобная комбинация позволяет удерживать сразу два уровня наблюдения. С одной стороны, внимание направлено на то, как внутри текста переопределяются ключевые категории. С другой – на то, каким образом эти переопределения становятся убедительными за счет повторяющейся визуальной и композиционной поддержки. Именно такая двухуровневая перспектива делает возможной последующую педагогическую трансформацию: студент должен видеть не только «что сказано», но и «как это сделано».

Результаты и обсуждения

Анализ материалов проекта «Время героев» показывает, что уже на уровне исходной президентской формулы задается конфликт между старым и новым пониманием социального отбора. Лексема элита вводится не как нейтральное обозначение социального верха, а как проблемная категория, подлежащая переописанию. В послании Федеральному Собранию сначала фиксируется дискредитация самого слова, а затем дается его новая дефиниция: «подлинная, настоящая элита – это все, кто служит России…». Для лингвистического анализа здесь важны по меньшей мере три момента. Во-первых, предикативная конструкция выстраивает жесткую формулу тождества, не оставляющую места промежуточным трактовкам. Во-вторых, слово все снимает прежнюю закрытость категории и переводит ее в режим заслуги, а не статуса. В-третьих, последовательность определений надежные, проверенные, делом доказавшие создает не просто характеристику, а своего рода морально-репутационный фильтр. В результате фрейм элита оказывается связан не с привилегией, а с идеей доказанного служения.

В дальнейшем официальный дискурс поддерживает это смещение. В материалах сайта проект описывается как пространство перехода от боевого или служебного опыта к гражданской управленческой роли. При этом карьерное продвижение не подается как смена жизненной логики. Напротив, лексемы, входящие в семантическое поле служения, связывают военный опыт, государственную службу и общественную деятельность в единый смысловой контур. Это важно не само по себе. За такой связкой стоит определенный способ представить участие в программе: не как разовую возможность изменить социальное положение, а как продолжение уже начатой линии биографии. Поэтому в рассматриваемом корпусе карьерное продвижение не выглядит самостоятельной целью. Оно оказывается подчинено другой логике – логике миссии, а административный рост получает оправдание через ответственность. Для иностранного учащегося это особенно показательно, поскольку позволяет увидеть, каким образом в современном русском политическом дискурсе профессиональное продвижение легитимируется не только языком эффективности, но и морально окрашенным словарем.

Не менее выразителен и фрейм ответственности. Он далеко не всегда называется прямо, однако устойчиво проступает в описаниях личной надежности, готовности к испытанию, способности действовать «для страны» и «на благо людей». Здесь работает не одна только лексика. Не меньшее значение имеет синтаксис. В текстах регулярно появляются конструкции, где поступок представлен как уже подтвержденный делом, а не просто заявленный как намерение. За счет этого возникает эффект пройденной проверки: участник программы мыслится уже не как возможный кандидат, а как человек, чьи качества доказаны предшествующим действием. Ответственность, таким образом, предстает не отвлеченной нормой, а качеством, прошедшим практическую верификацию. Для дискурса легитимации такой ход принципиален: статус не задается заранее, он как бы собирается задним числом - из уже совершенного и подтвержденного.

Внутри этой рамки заметно и другое смещение, которое при беглом чтении легко не заметить. Проект последовательно снимает жесткую границу между военным и гражданским опытом. На языковом уровне это достигается через переходные формулы, где прежняя служба не обрывается, а получает иное продолжение - в «мирном направлении», в «работе на благо страны», в новых управленческих функциях. Благодаря этому личная биография не распадается на две несвязанные части. Предыдущий опыт сохраняет смысловую связность и начинает работать как аргумент в пользу новой роли. Для преподавания РКИ этот момент особенно ценен, потому что он выводит обсуждение за пределы тематической лексики государственной службы и позволяет показать студентам более сложный механизм дискурсивной преемственности.

Если ограничиться только словесным рядом, можно заметить, что ключевые категории в этих текстах переопределяются. Но объяснить, почему такое переопределение воспринимается как убедительное и почти естественное, только через язык трудно. Здесь начинает работать визуальный слой. В материалах проекта постоянно повторяются сходные композиционные решения: средний план, фронтальная или почти фронтальная подача фигуры, форменная одежда или награды, присутствие в кадре флага, герба, официального пространства встречи, совместная съемка с политическим лидером или наставником. Эти элементы не

просто сопровождают событие, а задают способ его восприятия - распределяют доверие, регулируют дистанцию, выделяют значимое.

Повторяемость средних и крупных планов сокращает символическую дистанцию между изображенным участником и зрителем. При этом прямой или почти прямой взгляд выполняет особую работу: он не только фиксирует присутствие персонажа в кадре, но и как будто требует признания. Фигура предстает не просто объектом сообщения, а субъектом, с которым зрителю предлагается вступить в визуальный контакт и которого следует воспринимать всерьез. Награды и элементы формы переводят абстрактные характеристики вроде «проверенности» в визуально считываемые знаки. Государственная символика, расположенная на заднем плане, играет иную роль: она не конкурирует с фигурой участника, а помещает его внутри уже легитимированной государственной рамки. В результате изображение делает то, что текст сам по себе делает хуже: оно материализует статус и нравственную оценку.

На уровне отношений между текстом и изображением в корпусе чаще всего наблюдаются два типа связей. Первый тип - якорение, когда словесная формула направляет чтение изображения и ограничивает его многозначность. Так, словосочетания типа «надежные, проверенные» или «служение Отечеству» получают конкретный визуальный носитель в виде лица участника, награды, формы, сцены встречи. Второй тип - комплементарность, когда текст и изображение вносят разные части смысла и только вместе формируют законченное сообщение. Например, сама по себе фотография официальной встречи не рассказывает, почему перед нами именно «новая элита»; но в сочетании с цитатой и подписью она превращается в доказательство того, что признание уже состоялось. С методической точки зрения это особенно важно, потому что позволяет обучать студентов не чтению слова отдельно и картинки отдельно, а чтению их взаимодействия.

Показательно, что визуальный ряд проекта не стремится к высокой драматизации. Даже в тех случаях, когда биография участника опирается прежде всего на военный опыт, официальный образ выстраивается не вокруг самой фронтовой ситуации. В центре оказываются другие сцены: переговорный стол, аудитория, рукопожатие, совместная фотография, официальный зал. Это смещение важно. Оно меняет не только визуальный фон, но и сам способ интерпретации фигуры героя. Человек постепенно выводится из пространства исключительного события и помещается в пространство институционального действия. Соответственно, личная храбрость начинает читаться уже не как самоценное качество, а как основание для управленческой роли. Так визуальный ряд помогает фрейму служения выйти за пределы военного подвига и включить в себя гражданскую компетентность. Этот переход редко проговаривается в лоб, но устойчиво производится за счет повторяющегося соединения изображения и подписи.

Именно в этой точке особенно отчетливо проявляется продуктивность мультимодального подхода для лингвистического анализа. Если смотреть только на словесный ряд, легко увидеть повторяемость формул, но гораздо труднее объяснить, почему они не воспринимаются как простой риторический шаблон. Визуальный компонент как раз и выполняет ту работу, которая придает этим формулам убедительность: он не дублирует сказанное, а задает режим его прочтения. Поэтому значение здесь рождается не в тексте отдельно и не в изображении отдельно, а в их устойчивом взаимодействии.

При анализе всего синкретического комплекса становится понятно, что смысл в корпусе распределен неравномерно: часть оценочности и легитимации вынесена в визуальный план. Следовательно, и обучение продвинутому чтению должно учитывать этот уровень. Иностранный студент, воспринимающий только словесный слой, оказывается в менее выгодной позиции, чем носитель языка, который уже обучен считывать социальный смысл кадра, награды, официальной атрибутики и типов взаимодействия.

Переход от собственно лингвистического анализа к преподаванию РКИ требует изменения оптики. Для учебной аудитории недостаточно просто сообщить, что в корпусе обнаружены фреймы элита, служение и ответственность. Необходимо превратить это наблюдение в систему действий, в которой студент сам учится выделять рамку, распознавать ее языковые маркеры и соотносить их с визуальной организацией сообщения. В этом смысле преподавателю нужен не набор готовых ответов, а процедура чтения. Ее центральная задача – показать, как дискурс направляет интерпретацию и какие языковые средства делают это направление убедительным.

Практически такая работа может быть организована в три этапа. На предтекстовом этапе активизируется ожидание: учащимся предлагается назвать ассоциации со словами элита, герой, служение, а затем сопоставить собственные ожидания с тем, как эти слова функционируют в анализируемом материале. На текстовом этапе внимание переносится на вербальные маркеры: дефиниции, оценочные ряды, формы завершенности действия, выбор субъектных позиций, лексические повторы. Одновременно разбирается изображение: кто находится в центре кадра, какова дистанция, что вынесено на передний план, какие знаки статуса активированы. На послетекстовом этапе студенту предлагается не пересказать текст, а реконструировать

фрейм и объяснить, за счет каких средств он удерживается. Такая последовательность помогает перейти от поверхностного понимания к интерпретативной компетенции.

Особую продуктивность дает сопоставительный режим обучения. Материалы проекта можно сравнивать с иными корпусами – например, с официальными российскими новостями, где те же понятия употребляются в другой рамке, или с текстами иной политической культуры, где понятие элиты соотносится прежде всего с технократической эффективностью, а не со служением. Сопоставление не требует от преподавателя политической оценки; оно требует лингвистической дисциплины. Студенту предлагается увидеть, что за сходными словами могут стоять разные аксиологические конфигурации. Именно здесь и формируется зрелая межкультурная компетенция: не только узнавание чужого текста, но и способность описать, по каким правилам он организован.

При этом важным условием методической работы остается аналитическая дистанция. Официальный политический дискурс всегда насыщен нормативными ожиданиями и готовыми оценками. Если преподаватель оставляет их без анализа, учебная работа легко превращается в повторение уже заданной интерпретации. Поэтому задания должны быть направлены не на усвоение «правильного» отношения к материалу, а на выявление механизмов его организации. Для этого полезны вопросы типа: за счет чего лексема получает новое содержание, почему фотография расположена именно так, что меняется, если убрать подпись, какой смысловой элемент добавляет взгляд, награда или позиция фигуры в кадре. Такой подход позволяет сохранить исследовательский характер занятия и избежать подмены языкового анализа идеологическим пересказом.

В более широком плане использование подобных материалов в РКИ помогает решить задачу, которая редко формулируется прямо: вывести студента за пределы исключительно учебного языка. Современный русский существует не только в грамматическом упражнении, но и в институционально значимых текстах, где каждое слово включено в сеть культурных и политических ожиданий. Если иностранный учащийся не сталкивается с этой реальностью в управляемой аналитической форме, его языковая подготовка оказывается неполной. Именно поэтому работа с мультимодальным политическим дискурсом может рассматриваться не как частная тематическая вставка, а как один из способов расширения продвинутого курса РКИ в сторону реальной дискурсивной компетенции.

Существенным представляется и то, что подобные материалы учат работать с неоднородным источником. Студент должен не просто понять высказывание, но соотнести цитату, заголовок, подпись, композицию и институциональный статус площадки, на которой опубликован материал. Такое чтение требует времени, зато формирует навык, который затем переносится на другие типы текста - от новостной ленты до аналитической статьи и публичного выступления. В методическом отношении именно переносимость анализа на новые корпуса и делает предложенную модель устойчивой.

Полученные результаты позволяют уточнить сам статус политического материала в преподавании русского как иностранного. Традиционно подобные тексты привлекаются либо эпизодически, как актуальный фон, либо вообще исключаются из учебного процесса как излишне сложные и идеологически нагруженные. Однако именно их сложность делает их ценными. В них хорошо видны процессы семантического сдвига, оценочной переакцентуации и межмодальной координации, которые значительно менее заметны в нейтральных учебных текстах. Иначе говоря, политический мультимодальный корпус важен не потому, что он политический, а потому, что на нем особенно отчетливо проявляются механизмы современного публичного языка.

Вместе с тем использование такого материала имеет пределы. Во-первых, не всякий студент продвинутого уровня готов к работе с насыщенным институциональным контекстом; значит, требуется тщательная дозировка и предварительная подготовка. Во-вторых, высокий уровень фреймовой насыщенности текста может затруднить отделение языкового анализа от ценностной реакции, особенно если у учащегося нет опыта академического обсуждения политически маркированных материалов. В-третьих, мультимодальное чтение требует от преподавателя собственной аналитической компетентности: без нее изображение остается лишь иллюстрацией, а не объектом анализа.

Эти ограничения не обесценивают корпус как учебный материал, но заставляют внимательнее относиться к способу его включения в занятие. Сам по себе исследовательский результат еще не превращается в учебный ресурс. Между аналитическим описанием и аудиторной работой неизбежно возникает промежуточный этап – отбор, сокращение, перестройка материала под учебную задачу. Без этого не обойтись, но именно здесь чаще всего и теряется то, что в корпусе наиболее ценно: его внутренняя многослойность. Поэтому преподавателю приходится удерживать не самый простой баланс. С одной стороны, нельзя свести работу с материалом к пересказу очевидного содержания. С другой – едва ли продуктивно превращать за-

нятие в специализированный разбор по дискурс-анализу. Более рабочей представляется такая организация, при которой инструменты анализа вводятся поэтапно, а сама сложность материала возрастает не сразу, а вместе с готовностью студентов читать текст более самостоятельно и более глубоко.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что мультимодальные материалы проекта «Время героев» значимы не только как объект описания современного российского политического дискурса, но и как ресурс для преподавания русского языка как иностранного на продвинутом этапе. Их ценность состоит не просто в актуальности темы. Гораздо важнее то, что в этих материалах последовательно перенастраиваются ключевые категории общественного словаря: элита связывается со служением, служение получает продолжение в логике ответственности, а визуальный ряд закрепляет такую перестройку через повторяющиеся фигуры доверия, проверенности и включенности в государственное пространство. Благодаря этому корпус позволяет показать, что современный публичный текст организует смысл не по прямой линии, а через наложение нескольких планов сразу.

С методической точки зрения особенно существенно, что такой материал не требует упрощения до уровня набора «нужных слов по теме политики». Напротив, он дает возможность работать со значительно более сложными навыками: с фреймовым чтением, с анализом взаимодействия разных модусов, с сопоставительной интерпретацией, с удержанием критической дистанции по отношению к официальному дискурсу. В этом случае и сам продвинутый курс РКИ начинает пониматься шире. Его задачей становится уже не только языковая точность, но и умение иметь дело с дискурсом как с формой значения, которая всегда культурно, социально и институционально организована.

Дальнейшая работа может идти сразу в нескольких направлениях. Прежде всего напрашивается расширение корпуса за счет видеоматериалов, где взаимодействие слова, изображения, интонации и монтажа устроено еще сложнее. Не менее важным выглядит сопоставление разных разновидностей официального российского дискурса, чтобы понять, какие способы смысловой организации в них устойчивы, а какие зависят от жанра и коммуникативной задачи. Наконец, предложенную модель необходимо проверить в реальной аудитории иностранных учащихся. Только такая апробация позволит точнее увидеть, какие элементы мультимодального анализа действительно работают в обучении, где проходит граница между полезной сложностью и перегрузкой и как соотносятся уровень языковой подготовки, структура материала и глубина интерпретации.

Список источников

1. Barthes Roland Image, Music, Text. London: Fontana Press, 1977. 220 p.

2. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. 4-е изд. Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2014. 236 с.

3. Byram Michael Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Clevedon: Multilingual Matters, 1997. 124 p.

4. Chilton Paul Analysing Political Discourse: Theory and Practice. London ; New York : Routledge, 2004. 226 p.

5. Fairclough Norman Media Discourse. London: Edward Arnold, 1995. 214 p.

6. Fillmore Charles J. Frames and the Semantics of Understanding // Quaderni di Semantica. 1985. Vol. 6. No. 2. P. 222 – 254.

7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

8. Кибрик А.А. Русский мультиканальный дискурс. Часть I. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 70 – 80. DOI: 10.7868/S0205959218010075

9. Kress Gunther, van Leeuwen Theo Reading Images: The Grammar of Visual Design. 3rd ed. London ; New York : Routledge, 2021. 310 p.

10. Martinec Radan, Salway Andrew A System for Image-Text Relations in New (and Old) Media // Visual Communication. 2005. Vol. 4. No. 3. P. 337 – 371. DOI: 10.1177/1470357205055928.

11. Wodak Ruth The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. London: Palgrave Macmillan, 2011. 252 p.

12. Президент России. Послание Президента Федеральному Собранию. 29 февраля 2024 г. URL: https://kremlin.ru/events/president/news/73585 (дата обращения: 24.03.2026)

13. Программа «Время героев»: итоги года. URL: https://времягероев.рф/news/tpost/eyt3s0eli1-vremya-geroev-itogi-goda (дата обращения: 24.03.2026)

References

1. Barthes Roland Image, Music, Text. London: Fontana Press, 1977. 220 p.
2. Boldyrev N.N. Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics. 4th ed. Tambov: Derzhavin Tomsk State University Publishing House, 2014. 236 p.
3. Byram, Michael Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Clevedon: Multilingual Matters, 1997. 124 p.
4. Chilton Paul Analyzing Political Discourse: Theory and Practice. London; New York: Routledge, 2004. 226 p.
5. Fairclough Norman Media Discourse. London: Edward Arnold, 1995. 214 p.
6. Fillmore Charles J. Frames and the Semantics of Understanding. Quaderni di Semantica. 1985. Vol. 6. No. 2. P. 222 – 254.
7. Karasik V.I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
8. Kibrik A.A. Russian Multichannel Discourse. Part I. Statement of the Problem. Psychological Journal. 2018. Vol. 39. No. 1. P. 70 – 80. DOI: 10.7868/S0205959218010075
9. Kress Gunther, van Leeuwen Theo Reading Images: The Grammar of Visual Design. 3rd ed. London; New York : Routledge, 2021. 310 p.
10. Martinec Radan, Salway Andrew, "A System for Image-Text Relations in New (and Old) Media". Visual Communication. 2005. Vol. 4. No. 3. P. 337 – 371. DOI: 10.1177/1470357205055928.
11. Wodak Ruth The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. London: Palgrave Macmillan, 2011. 252 p.
12. President of Russia. Presidential Address to the Federal Assembly. February 29, 2024. URL: https://kremlin.ru/events/president/news/73585 (date of access: 24.03.2026)
13. "Time of Heroes" Program: Results of the Year. URL: https://времягероев.рф/news/tpost/eyt3s0eli1-vremya-geroev-itogi-goda (date of access: 24.03.2026)

Информация об авторе

Чжэн Тао, Сычуаньский университет иностранных языков, Китай, 3419852350@qq.com

© Чжэн Тао, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.111:327:339.9:070
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-63-71

Институциональные инновации во внешнеэкономической деятельности России: сетевое образование, межрегиональная и муниципальная дипломатия, роль молодёжных соглашений как факторов экономической безопасности

[1] Шакалов И.И.

[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: в статье с позиций медиакоммуникационного подхода и теории журналистики анализируются институциональные инновации в сфере внешнеэкономической деятельности (ВЭД) Российской Федерации. На материалах XVII Международного экономического форума «Россия – Исламский мир: KazanForum2026» обосновывается тезис о трансформации коммуникационных практик в международном экономическом сотрудничестве. Рассматриваются процессы медиатизации внешнеэкономических отношений, роль сетевого образования как канала трансляции профессиональных стандартов и ценностей, а также эволюция межрегиональной и муниципальной дипломатии как форм публичных коммуникаций. Особое внимание уделяется побратимским связям между регионами, общественными организациями, средствами массовой информации, молодёжными и патриотическими движениями. Приводится 10 кейсов молодёжных инициатив, включая Соглашение между Молодёжным советом Республики Сербской и Фондом развития Краснодарского края.

Ключевые слова: медиакоммуникации, журналистика, внешнеэкономическая деятельность (ВЭД), сетевое образование, публичные коммуникации, межрегиональная дипломатия, побратимские связи, молодёжные соглашения, экономическая безопасность, KazanForum2026, БРИКС, ШОС, ЕАЭС, СНГ, медиатизация, коммуникационные стратегии

Для цитирования: Шакалов И.И. Институциональные инновации во внешнеэкономической деятельности России: сетевое образование, межрегиональная и муниципальная дипломатия, роль молодёжных соглашений как факторов экономической безопасности // Современный ученый. 2026. № 10. С. 63 – 71. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-63-71

Поступила в редакцию: 5 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Institutional innovations in Russia's foreign economic activity: network education, inter-regional and municipal diplomacy, the role of youth agreements as factors of economic security

[1] Shakalov I.I.

[1] Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: the article analyzes institutional innovations in the sphere of foreign economic activity of the Russian Federation from the standpoint of the media communication approach and the theory of journalism. Based on the materials of the XVII International Economic Forum "Russia – the Islamic World: KazanForum2026", the thesis on the transformation of communication practices in international economic cooperation is substantiated. The article examines the processes of mediatization of foreign economic relations, the role of network education as a channel for the transmission of professional standards and values, as well as the evolution of interregional and municipal diplomacy as forms of public communication. Special attention is paid to twinning relations between regions, public organizations, mass media, youth and patriotic movements. There are 10 cases of youth initiatives, including an agreement between the Youth Council of Republika Srpska and the Krasnodar Territory Development Fund.
Keywords: media communications, journalism, foreign economic activity (FEA), network education, public communications, interregional diplomacy, twinning relations, youth agreements, economic security, KazanForum2026, BRICS, SCO, EAEU, CIS, mediatization, communication strategies

For citation: Shakalov I.I. Institutional innovations in Russia's foreign economic activity: network education, inter-regional and municipal diplomacy, the role of youth agreements as factors of economic security. Modern Scientist. 2026. 10. P. 63 – 71. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-63-71

The article was submitted: May 5, 2026; Approved after reviewing: June 3, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Область научной специальности 5.9.9 охватывает «тематику и проблематику журналистики и СМИ», «репрезентацию социальных, экономических и политических процессов в медиакоммуникациях», а также «коммуникационные технологии в системе управления социальными процессами». Именно в этом ключе – через призму медиакоммуникаций, репрезентации экономических процессов в публичном пространстве и коммуникационных стратегий – следует анализировать современные институциональные инновации во внешнеэкономической деятельности (ВЭД) России.

Традиционно ВЭД рассматривалась экономистами и юристами как сфера контрактных отношений, тарифов и логистических схем. Однако в условиях геополитической фрагментации и цифровой трансформации публичной сферы на первый план выходят коммуникационные аспекты международного экономического сотрудничества. Как справедливо отметили участники XVII Международного экономического форума «Россия – Исламский мир: KazanForum2026» (май 2026, Казань), за цифрами и контрактами всегда стоят люди, а успех внешнеэкономических операций напрямую зависит от качества коммуникаций между партнёрами – от понимания культурных кодов до выстраивания долгосрочных доверительных отношений через публичные каналы [10].

Центральным тезисом университетской сессии форума стала формула: человеческий капитал – основа партнёрства. В контексте медиакоммуникационной научной парадигмы этот тезис означает, что современный специалист по ВЭД должен владеть не только экономическими знаниями, но и компетенциями в области медиакоммуникаций: понимать механизмы репрезентации экономических процессов в СМИ разных стран, уметь выстраивать коммуникационные стратегии с зарубежными партнёрами, ориентироваться в цифровых каналах коммуникации и медиаландшафте стран-партнёров.

Цель настоящего исследования – анализ институциональных инноваций в российской ВЭД как коммуникационных феноменов, включая: (1) трансформацию образовательных практик в направлении формирования медиакоммуникационных компетенций специалистов ВЭД; (2) развитие межрегиональной и межмуниципальной (побратимской) дипломатии как формы публичных коммуникаций на уровне субъектов федерации, городов, а также побратимских связей между общественными организациями, СМИ, молодёжными

и патриотическими движениями; (3) институционализацию молодёжных соглашений как каналов трансляции ценностей сотрудничества и формирования долгосрочных коммуникационных стратегий.

Материалы и методы исследований

Теоретико-методологическую базу исследования составляют теория медиатизации социальных процессов (А. Хепп, С. Хьярвард, в российской традиции – Е.Л. Вартанова), концепция публичной дипломатии как коммуникационной деятельности (Дж. Най, М.М. Лебедева), методология анализа медиатекстов и медиарепрезентаций (Л.Р. Дускаева, Т.Г. Добросклонская), а также институциональный подход к анализу коммуникационных практик (Н. Луман) [2, 3, 6, 8].

Эмпирическая база включает: материалы KazanForum2026 (стенограммы, резолюции, выступления), официальные документы БРИКС, ШОС, ЕАЭС, СНГ, отчёты о деятельности Фонда развития Краснодарского края, а также 10 кейсов молодёжных соглашений (2025-2026 гг.) [5, 10, 12].

Результаты и обсуждения

Медиакоммуникационные компетенции специалиста ВЭД и сетевое образование как коммуникационная среда

Медиакоммуникационные компетенции специалиста ВЭД. Ключевым вопросом для исследования является определение тех медиакоммуникационных компетенций, которые становятся критически важными для субъектов международного экономического взаимодействия. В рамках научной специальности 5.9.9 изучаются такие направления, как «профессиональные стандарты и ценности в журналистике и медиакоммуникациях», а также «влияние технологического прогресса и цифровизации на профессиональный инструментарий» [11]. Эти положения напрямую применимы к анализу трансформации требований к специалистам ВЭД.

Компетенция анализа медиасреды стран-партнёров. Участники KazanForum2026 неоднократно подчёркивали, что современный специалист по ВЭД должен понимать не только экономику и право страны-партнёра, но и её медиаландшафт: какие СМИ формируют общественное мнение, какие информационные каналы используют бизнес-элиты, как репрезентируется Россия в медиапространстве страны-партнёра. Без этого невозможно выстроить эффективную коммуникационную стратегию, будь то продвижение экспортного продукта или антикризисные коммуникации в случае сбоя поставок.

Компетенция в области цифровых коммуникаций и кросс-культурного медиаменеджмента. В условиях цифровизации ВЭД (внедрение систем электронного документооборота, цифровых платформ для B2B-коммуникаций, трекинговых систем) специалист должен владеть инструментарием цифровых медиакоммуникаций. В данной научной специальности изучаются «конвергентно-интеграционные процессы в медиапространстве» [11]. Применительно к ВЭД это означает необходимость понимания того, как работают цифровые платформы для деловой коммуникации (LinkedIn*, Alibaba, специализированные B2B-порталы), какова их аудитория, какие форматы контента наиболее эффективны.

Компетенция в области публичной дипломатии и стратегических коммуникаций. Специалист ВЭД сегодня – это не просто менеджер по продажам, но и агент публичной дипломатии. Он участвует в формировании образа России как экономического партнёра, в репрезентации российских товаров и услуг в медиапространстве стран-партнёров. Исследовательское поле рассматриваемой специальности включает «коммуникационные технологии в системе управления социальными процессами» [11] – именно к этой области относится деятельность по продвижению экономических интересов через публичные каналы.

В рамках реализации концепции «мягкой силы», как отмечает В.В. Миронов, ключевыми компонентами публичной дипломатии выступают культура, политический курс и ценностные установки, а также международные образовательные программы и система академических обменов [6]. Этот тезис напрямую относится и к подготовке специалистов ВЭД: они должны быть не только профессионалами в своей области, но и носителями ценностей, формирующих положительный образ России за рубежом [6].

Сетевое образование как медиакоммуникационная среда: опыт БРИКС, ШОС, ЕАЭС, СНГ. Сетевое образование представляет собой не просто технологию доставки знаний, а особую медиакоммуникационную среду, в которой происходит трансляция профессиональных стандартов, ценностей и норм сотрудничества. В рамках научной специальности 5.9.9 изучается «профессиональное образование в журналистике и медиа коммуникациях» [11] – и здесь можно говорить о параллели с образованием в сфере ВЭД.

БРИКС: формирование общего медиакоммуникационного пространства. В 2025-2026 годах в рамках БРИКС активизировались образовательные и медийные проекты. V Международный молодёжный форум проектной лаборатории стран БРИКС (МГИМО, апрель 2026) собрал более 160 студентов и молодых ис-

следователей из 8 университетов стран БРИКС, а также учащихся профильных лицеев. Формат «проектной лаборатории» предполагает не только образовательный, но и коммуникационный эффект: участники работают в смешанных международных командах, создавая общее коммуникационное пространство [1, 9].

Как отмечает Е.Л. Вартанова, в условиях усиливающейся медиатизации общества и становления цифровой медиакультуры медиа становятся не только технологиями, но и социальным пространством особого рода, социальными институтами и структурами, присутствующими одновременно в индивидуальном и общественном, в национальном и глобальном пространстве [2]. С точки зрения медиакоммуникационного анализа, важно, что результаты работы таких лабораторий (бизнес-модели, презентации, аналитические записки) в дальнейшем репрезентируются в медиапространстве стран-участниц – через университетские сайты, социальные сети, отраслевые СМИ [14, 15, 16]. Это формирует позитивный медиаобраз молодёжного сотрудничества и, шире, экономического партнёрства стран БРИКС.

ЕАЭС и СНГ: образовательные программы как каналы коммуникации. Программы академической мобильности и совместные образовательные проекты в рамках ЕАЭС и СНГ выполняют не только образовательную, но и медиакоммуникационную функцию: они формируют сеть горизонтальных связей между молодыми специалистами, которые в дальнейшем становятся каналами неформальной коммуникации.

Важным направлением является развитие молодёжной политики в рамках Союзного государства России и Беларуси. Как отмечает заместитель председателя Комитета Госдумы по делам СНГ Артём Туров, в 2025 году была принята Дорожная карта Союзного государства в сфере молодёжной политики на 2025-2027 гг. – первый документ, систематизировавший все мероприятия для молодёжи Союзного государства. Документ включает мероприятия в сферах патриотического воспитания, информационной среды, образования и науки, укрепления международного молодёжного сотрудничества, занятости, спорта, туризма, культуры и волонтёрства [13].

Межрегиональная и муниципальная дипломатия как форма публичных коммуникаций

В рамках медиакоммуникационного подхода отдельное место занимает исследование публичных коммуникаций на региональном и муниципальном уровнях. Ключевым понятием здесь является «межрегиональная и муниципальная дипломатия» – совокупность коммуникационных практик между регионами (Субъектами Федерации), городами, а также между общественными организациями, средствами массовой информации, молодёжными и патриотическими движениями разных стран.

Важно подчеркнуть, что данная научная специальность ориентирована на изучение не только традиционных СМИ, но и «медиакоммуникационных феноменов в современных социальных процессах» и «коммуникационных технологий в системе управления социальными процессами» [11]. Побратимские и партнёрские связи представляют собой именно такой феномен – гибридную форму публичных коммуникаций, сочетающую элементы дипломатии, протокола, культурного обмена и экономической пропаганды.

Эволюция побратимских связей: от ритуальных коммуникаций к стратегическим. Традиционно побратимские отношения носили церемониальный характер: обмен делегациями, подписание символических документов, совместные фестивали. С медиакоммуникационной точки зрения, это были ритуальные коммуникации, направленные в первую очередь на символическое подтверждение дружбы между городами и регионами [17, 18].

Однако, как показал VII Международный Муниципальный Форум стран БРИКС (Санкт-Петербург, 2025 год), сегодня происходит инструментализация побратимских связей. Они начинают работать на конкретные экономические и коммуникативные задачи. Лозунг форума – «Города-побратимы и народная дипломатия как фактор экономического роста» – фиксирует этот сдвиг: от ритуальной коммуникации к стратегической коммуникации, направленной на достижение измеримых результатов.

Межрегиональная дипломатия: сотрудничество на уровне субъектов федерации. Помимо муниципального уровня, важнейшую роль играет межрегиональная дипломатия – сотрудничество между субъектами Российской Федерации и административно-территориальными единицами (областями, провинциями, краями, штатами) зарубежных стран. Этот уровень позволяет охватить более масштабные экономические проекты, задействовать ресурсы региональных правительств, торговых представительств, корпораций и институтов развития.

Краснодарский край: системная межрегиональная дипломатия. Примером успешной межрегиональной дипломатии может служить деятельность Фонда развития промышленности Краснодарского края. Как сообщает РБК Краснодар, в 2025 году на поддержку производителей края из Фонда развития промышленности направили около 2 млрд рублей. Заёмщикам предоставили 38 льготных займов, что позволило предприятиям провести техническое перевооружение и запустить новые линейки продукции. Прогнозный сум-

марный объём выручки заёмщиков фонда превысил 121,7 млрд рублей, что в 1,7 раза выше плановых показателей. Объём налоговых поступлений в краевой бюджет достиг 3,8 млрд рублей [7].

По данным администрации Краснодарского края, губернатор Вениамин Кондратьев в 2025 году отметил, что в регионе действуют свыше 210 инструментов господдержки на общую сумму 51,1 млрд рублей, сформирован блок развития из четырёх фондов, центра поддержки экспорта и агентства по привлечению инвестиций [4].

Краснодарский край также развивает межрегиональные связи с провинциями Исламской Республики Иран (Мазендеран, Гилян), а также с Республикой Абхазия и Республикой Беларусь. Важно, что эти межрегиональные соглашения сопровождались обширной медийной кампанией в региональных СМИ, что способствовало формированию позитивного образа экономического сотрудничества.

Республика Татарстан: межрегиональная дипломатия с исламским миром. Показательный пример – сотрудничество Республики Татарстан с провинцией Тегеран и останом Кум в Исламской Республике Иран. В рамках KazanForum2026 обсуждались вопросы расширения побратимских связей Татарстана с иранскими останами. На уровне региональных правительств рассматриваются вопросы не только торговли, но и технологического обмена, включая сотрудничество в сфере цифровых сервисов и исламского финансирования.

Республика Сербская как пример дальнего межрегионального партнёрства. Особого внимания заслуживает сотрудничество Республики Сербской (образование в составе Боснии и Герцеговины) с российскими регионами. Это пример межрегиональной дипломатии, где партнёрство строится на основе исторической, культурной и духовной близости. Подписанное в декабре 2025 года Соглашение о сотрудничестве между Молодёжным советом Республики Сербской и Фондом развития Краснодарского края – лишь один из элементов многопланового взаимодействия, которому предшествовали межправительственные соглашения на уровне регионов.

Дальневосточный вектор межрегиональной дипломатии. Межрегиональная дипломатия активно развивается и на Дальнем Востоке России. Приморский край имеет соглашения о сотрудничестве с провинцией Хэйлунцзян (КНР), провинцией Кёнгидо (Республика Корея) и префектурой Тоттори (Япония). Хабаровский край сотрудничает с провинцией Ляонин (КНР) и провинцией Канвондо (Республика Корея). Эти соглашения включают не только экономические, но и гуманитарные компоненты: обмен студентами и преподавателями, совместные культурные фестивали, молодёжные обмены.

Муниципальная дипломатия: города как медиаторы экономического сотрудничества. На муниципальном уровне побратимские связи городов являются наиболее разработанным институтом публичной дипломатии. Анализ медиарепрезентации побратимских связей российских городов позволяет выделить несколько моделей.

Москва делает акцент на институционализации партнёрств. Соглашения с Пекином и Анкарой широко освещаются в официальных СМИ, подчёркивается их экономическое и образовательное измерение. Годы 2026–2027 объявлены Годами российско-китайского сотрудничества в области образования – это крупное медиа событие, которое формирует повестку в обеих странах.

Санкт-Петербург использует университетскую площадку (СПбГУ) как медиахаб для трансляции знаний о городах-побратимах. Регулярные семинары, посвящённые партнёрам Северной столицы в Египте, Саудовской Аравии и Иордании, создают экспертный дискурс, который затем транслируется в профессиональные и отраслевые СМИ.

Казань демонстрирует наиболее динамичную модель. Подписание соглашений с Бишкеком (апрель 2026), подготовка соглашений с Ширазом (Иран) и Газиантепом (Турция) активно освещаются в городских и республиканских СМИ, а также на полях KazanForum2026 – крупнейшего международного медиасобытия.

Краснодар реализует наиболее системный подход: вступление в Ассоциацию городов и муниципалитетов стран БРИКС+ позиционируется как стратегический шаг. Инициатива о создании «Карты путешественника БРИКС+» для молодёжи – это не только экономический, но и коммуникационный проект [7].

Побратимские связи общественных организаций, СМИ и молодёжных движений. За рамками официальной дипломатии остаётся важнейший пласт публичных коммуникаций – побратимские и партнёрские связи между общественными организациями**,** средствами массовой информации**,** молодёжными и патриотическими движениями. Эти негосударственные акторы часто обладают большей гибкостью и способностью к быстрому реагированию, чем официальные структуры.

Побратимство общественных организаций. Примером может служить многолетнее сотрудничество российского общества «Знание» с просветительскими организациями Республики Беларусь и Республики Ка-

захстан. Совместные лектории, просветительские марафоны и форумы, проводимые в онлайн- и офлайн-форматах, создают общее интеллектуальное пространство.

Молодёжные и патриотические движения. Молодёжные организации являются наиболее активными и динамичными акторами публичной дипломатии. Помимо упомянутого выше Соглашения между Молодёжным советом Республики Сербской и Фондом развития Краснодарского края, можно выделить деятельность «Волонтёрской роты» (Всероссийское общественное движение), которая сотрудничает с патриотическими молодёжными организациями Республики Абхазия и Южной Осетии.

Как отмечает А. Туров, взаимодействие на молодёжном треке в последние годы придаёт новый импульс интеграции между странами. Особенно активно ведётся работа по сохранению исторической памяти о Великой Отечественной войне. В 2025 году на территориях России и Беларуси было проведено 48 мероприятий, посвящённых 80-летию Победы. Среди наиболее крупных – международный форум Союзного государства «Великое наследие – общее будущее» в Волгограде, объединивший представителей более 20 стран, включая государства-члены СНГ и ШОС [13].

Молодёжные соглашения как медиакоммуникационный феномен и фактор экономической безопасности

Молодёжные соглашения как медиасобытия и каналы трансляции ценностей. Молодёжные соглашения представляют собой особый вид публичных коммуникаций, сочетающий элементы официального документа, публичного события и социального взаимодействия. В рамках медиакоммуникационного подхода их можно анализировать как: (а) медиасобытия (подписание соглашения становится информационным поводом для СМИ); (б) каналы трансляции ценностей (соглашения фиксируют и транслируют нормы сотрудничества); (в) инструменты формирования общественного мнения (особенно среди молодёжной аудитории).

Ниже представлен анализ 10 кейсов молодёжных соглашений и инициатив 2025–2026 годов.

Кейс 1. Соглашение между Молодёжным советом Республики Сербской и Фондом развития Краснодарского края (декабрь 2025). Это соглашение объединяет Молодёжный совет (субъект публичной дипломатии) с региональным фондом развития (экономический институт), создавая гибридную коммуникационную модель. Соглашение предусматривает конкретные коммуникационные мероприятия (бизнес-миссии, стажировки, обмены), которые будут генерировать медиаконтент в будущем [7].

Кейс 2. V Международный молодёжный форум проектной лаборатории стран БРИКС (МГИМО, 2026). Форум собрал более 160 студентов из 8 университетов стран БРИКС. В его работе принял участие заместитель Министра иностранных дел РФ, шерпа в БРИКС С.А. Рябков [1, 9].

Кейс 3. Международная школа молодых футурологов (РГГУ, 2025). Формат «школы» предполагает интенсивное коммуникационное взаимодействие между участниками, результатом которого становится аналитическая записка с рекомендациями.

Кейс 4. Первые молодёжные Дельфийские игры ШОС (Бишкек, 2026). Гибридный формат, сочетающий творческие конкурсы и дискуссионные панели, генерирует несколько типов контента.

Кейс 5. XI Молодёжный саммит БРИКС (Бразилиа, 2025). Институционализированный формат молодёжной дипломатии с официальным статусом.

Кейс 6. Молодёжная «Модель СНГ» (РУДН, 2025). Ролевая игра, моделирующая работу органов СНГ, формирует понимание официальных коммуникационных протоколов.

Кейс 7. Проект «Мелодия БРИКС» (2026). Музыкальный проект как пример культурной медиакоммуникации.

Кейс 8. Дорожная карта Союзного государства в сфере молодёжной политики (2025-2027). Документ включает мероприятия в информационной среде, сферах образования и науки, укрепления международного молодёжного сотрудничества, занятости, спорта, туризма, культуры [13].

Кейс 9. Форум молодёжи стран-членов ШОС (в рамках фестиваля «Навруз молодёжи», 2026). Интеграция в крупное культурное медиасобытие обеспечивает широкую аудиторию.

Кейс 10. Международный форум Союзного государства «Великое наследие – общее будущее» (Волгоград, 2025). Объединил молодёжь из России, Беларуси и ещё более 20 стран мира [13].

Анализ этих 10 кейсов позволяет выделить следующие коммуникационные инновации в сфере молодёжных соглашений: (а) проектность как медиастратегия; (б) цифровизация форматов; (в) интеграция с экономическими институтами; (г) гибридизация жанров.

Экономическая безопасность как коммуникационная категория: роль медиа и публичной дипломатии. Понятие «экономическая безопасность» в рамках медиакоммуникационного подхода приобретает дополнительное, коммуникационное измерение. В сфере научных интересов специальности 5.9.9 находится «репрезентация социальных, экономических и политических процессов в медиакоммуникациях» [11] – и именно

через эту репрезентацию во многом обеспечивается или, напротив, подрывается экономическая безопасность.

Публичная дипломатия как антикризисная коммуникация. В условиях санкционного давления и геополитической нестабильности публичная дипломатия становится механизмом поддержания коммуникации там, где официальные каналы затруднены. Побратимские связи между регионами, городами, общественными организациями, университетские партнёрства, молодёжные соглашения – это каналы, по которым может идти не только культурный, но и экономический диалог.

Медиаграмотность и информационная безопасность в ВЭД. Специалист по ВЭД сегодня должен обладать не только экономическими, но и информационными компетенциями: уметь отличать достоверную информацию о партнёре от фейковой, понимать, как работают информационные атаки и вбросы, владеть методами фактчекинга и верификации данных.

Как подчёркивает Е.Л. Вартанова, повышение уровня медиаграмотности предполагает усвоение знаний о природе и основных принципах деятельности медиакоммуникаций в современном обществе, развитие способности к анализу и оценке содержания информации, её критическому осмыслению, умение использовать эту информацию осознанно [2]. Эти положения прямо применимы к подготовке специалистов ВЭД: они должны быть медиаграмотными не только в бытовом, но и в профессиональном смысле – понимать механизмы функционирования медиасреды стран-партнёров, уметь анализировать информационные риски и выстраивать защитные коммуникационные стратегии [2, 13].

Выводы

XVII Международный экономический форум «Россия – Исламский мир: KazanForum2026» зафиксировал не только экономические, но и коммуникационные тренды в развитии российской ВЭД. Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. *Медиакоммуникационные компетенции становятся неотъемлемой частью профессионализма специалиста ВЭД.* Владение инструментарием публичной дипломатии, понимание механизмов медиарепрезентации, умение выстраивать коммуникационные стратегии в цифровой среде – это базовые требования [6, 11].
2. *Сетевое образование представляет собой особую медиакоммуникационную среду.* Программы академической мобильности, совместные образовательные проекты, конкурсы и форумы в рамках БРИКС, ШОС, ЕАЭС и СНГ не только передают знания, но и формируют сети горизонтальных коммуникаций, которые в дальнейшем становятся каналами экономического взаимодействия [1, 9, 13].
3. *Межрегиональная и муниципальная дипломатия эволюционирует от ритуальных к стратегическим коммуникациям.* Побратимские связи между регионами (Краснодарский край, Татарстан, дальневосточные регионы), городами (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Краснодар), общественными организациями, СМИ, молодёжными и патриотическими движениями активно медиатизируются [4, 7, 10].
4. *Молодёжные соглашения – это не только юридические документы, но и медиасобытия.* Анализ 10 кейсов показывает, что успешные молодёжные инициативы – это те, которые порождают медиаконтент, привлекают внимание СМИ и формируют позитивный образ сотрудничества [1, 7, 10, 13, 19].

В практическом плане результаты исследования могут быть использованы для: корректировки образовательных программ по подготовке специалистов ВЭД с включением модулей по медиакоммуникациям, публичной дипломатии и медиаграмотности; разработки коммуникационных стратегий для регионов, городов-побратимов и институтов развития; создания методических рекомендаций по организации молодёжных соглашений как медиасобытий.

Дальнейшие исследования в рамках специальности 5.9.9 могут быть направлены на более детальный анализ медиарепрезентации российской ВЭД в зарубежных СМИ, изучение коммуникационных стратегий российских экспортёров на рынках стран БРИКС, а также разработку критериев эффективности публичной дипломатии в экономической сфере.

Список источников

1. V Международный молодежный форум проектной лаборатории стран БРИКС // НИИ глобальной безопасности. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nirglobs.ru/

2. Вартанова Е.Л. Медиаобразование в контексте становления цифровой культуры общества // МедиаАльманах. 2019. № 5. С. 8 – 10. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2019.810

3. Дускаева Л.Р. Медиатекст: структура, прагматика, стиль. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. 320 с.

4. Кондратьев В. Каждый рубль льгот для кубанских инвесторов вернется в бюджет региона в десятикратном размере // Администрация Краснодарского края. [Электронный ресурс]. URL: https://max.ru/admkrai/AZvAIz3EYrc

5. Межрегиональный совет сотрудничества России и Казахстана: итоги заседаний 2025 года. М.: ЕЭК, 2026. 52 с.

6. Миронов В.В. «Мягкая сила» и «жесткая реальность»: некоторые проблемы применения концепции Дж. Ная в США и России // Алтайская школа политических исследований. 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://ashpi.asu.ru/ic/?p=4502

7. На поддержку производителей Кубани в 2025 г. направили около 2 млрд руб. // РБК Краснодар, 26.12.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/694fce169a7947ac1b0919e5

8. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике: пер. с англ. В.И. Супруна. М.: Тренды, 2017. 320 с.

9. Об участии представителей НАМИБ в V Международном молодежном форуме проектной лаборатории стран БРИКС в МГИМО МИД России // НАМИБ, 06.04.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://namib.online/2026/04/ob-uchastii-predstavitelej-namib-v-v-mezhdunarodnom-molodezhnom-forume-proektnoj-laboratorii-stran-briks-v-mgimo-mid-rossii/

10. Официальные материалы XVII Международного экономического форума «Россия – Исламский мир: KazanForum2026» // АиФ Казань, 14.05.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://kazan.aif.ru/society/robot-marat-i-sockontrakt-chem-udivil-kazanforum-2026-v-pervye-dni

11. Паспорт научной специальности 5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика» (утверждён приказом Минобрнауки РФ от 24.02.2021 № 118).

12. Стратегия сотрудничества в развитии цифровой экономики государств – участников СНГ до 2035 года. М.: Исполком СНГ, 2025. 67 с.

13. Туров А. О реализации дорожной карты Союзного государства в сфере молодежной политики. 20.08.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://avturow.ru/news/artem-turov-o-realizatsii-dorozhnoy-karty-soyuznogo-gosudarstva-v-sfere-molodezhnoy-politiki/

14. Шакалов И.И. Народная и бизнес-дипломатия как вектор укрепления международной информационной интеграции // Реклама, маркетинг, PR: теоретические и прикладные аспекты интегрированных коммуникаций: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 07 марта 2024 года. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2024. С. 238 – 248.

15. Шакалов И.И., Айвазян О.О. Коммуникативные аспекты развития социальной политики в молодежной среде: региональный анализ и перспективы // Современный ученый. 2026. № 1. С. 80 – 85.

16. Шакалов И.И., Айвазян О.О. Современные возможности мультипликации как средства медиакоммуникации в российском избирательном процессе и механизма формирования позитивной коммуникативной и правовой культуры общества (на примере Краснодарского края) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 11. С. 222 – 227.

17. Шакалов И.И., Айвазян О.О. Социокультурная интеграция иностранных студентов в региональном образовательном пространстве: роль консультационных центров (на примере проекта в Краснодарском крае) // Современный ученый. 2026. № 1. С. 115 – 120.

18. Шакалов И.И., Айвазян О.О. Стратегия и тактика избирательной кампании на муниципальных выборах в России: политический, коммуникативный и правовой аспекты: учебно-методическое пособие. Краснодар, 2026. 84 с.

19. Ayvazyan O.O. Sociological Foundations of Legal Education and Legal Communication... as Mechanism for the Formation of Communicative-Legal Culture of a Person in a Modern Social and Cultural Society // Papers of the Institute for Scientific Research and Artistic Work in Bjelovar. 2021. No. 15. P. 161 – 170.

References

1. V International Youth Forum of the BRICS Project Laboratory. Research Institute of Global Security. [Electronic resource]. URL: https://www.nirglobs.ru/

2. Vartanova E.L. Media Education in the Context of the Formation of the Digital Culture of Society. Media Almanac. 2019. No. 5. P. 8 – 10. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2019.810

3. Duskaeva L.R. Media Text: Structure, Pragmatics, Style. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2021. 320 p.

4. Kondratyev V. Every Ruble of Benefits for Kuban Investors Will Return to the Regional Budget Tenfold. Administration of Krasnodar Krai. [Electronic resource]. URL: https://max.ru/admkrai/AZvAIz3EYrc

5. Interregional Cooperation Council of Russia and Kazakhstan: Results of the 2025 Meetings. Moscow: EEC, 2026. 52 p.

6. Mironov V.V. "Soft Power" and "Hard Reality": Some Problems of Applying J. Nye's Concept in the USA and Russia. Altai School of Political Studies. 2018. [Electronic resource]. URL: https://ashpi.asu.ru/ic/?p=4502

7. About 2 Billion Rubles Allocated to Support Kuban Producers in 2025. RBC Krasnodar, 12/26/2025. [Electronic resource]. URL: https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/694fce169a7947ac1b0919e5

8. Nye J. Flexible Power. How to Achieve Success in World Politics: trans. from English by V.I. Suprun. Moscow: Trends, 2017. 320 p.

9. On the participation of NAMIB representatives in the V International Youth Forum of the BRICS Project Laboratory at MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. NAMIB, 06.04.2026. [Electronic resource]. URL: https://namib.online/2026/04/ob-uchastii-predstavitelej-namib-v-v-mezhdunarodnom-molodezhnom-forume-proektnoj-laboratorii-stran-briks-v-mgimo-mid-rossii/

10. Official materials of the XVII International Economic Forum "Russia – Islamic World: KazanForum2026". AiF Kazan, 14.05.2026. [Electronic resource]. URL: https://kazan.aif.ru/society/robot-marat-i-sockontrakt-chem-udivil-kazanforum-2026-v-pervye-dni

11. Passport of scientific specialty 5.9.9. "Media Communications and Journalism" (approved by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated February 24, 2021, No. 118).

12. Strategy for Cooperation in the Development of the Digital Economy of the CIS Member States until 2035. Moscow: CIS Executive Committee, 2025. 67 p.

13. Turov, A. "On the Implementation of the Union State Roadmap in the Sphere of Youth Policy." August 20, 2025. [Electronic resource]. URL: https://avturow.ru/news/artem-turov-o-realizatsii-dorozhnoy-karty-soyuznogo-gosudarstva-v-sfere-molodezhnoy-politiki/

14. Shakalov, I.I. People's and Business Diplomacy as a Vector of Strengthening International Information Integration. Advertising, Marketing, PR: Theoretical and Applied Aspects of Integrated Communications: Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference, Krasnodar, March 7, 2024. Krasnodar: Kuban State University, 2024. P. 238 – 248.

15. Shakalov I.I., Ayvazyan O.O. Communicative Aspects of Social Policy Development Among the Youth: Regional Analysis and Prospects. Modern Scientist. 2026. No. 1. P. 80 – 85.

16. Shakalov I.I., Ayvazyan O.O. Modern Possibilities of Animation as a Means of Media Communication in the Russian Electoral Process and a Mechanism for Forming a Positive Communicative and Legal Culture of Society (using the Krasnodar Territory as an Example). Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2025. No. 11. P. 222 – 227.

17. Shakalov I.I., Ayvazyan O.O. Sociocultural Integration of Foreign Students in the Regional Educational Space: The Role of Consulting Centers (Based on a Project in Krasnodar Krai). Modern Scientist. 2026. No. 1. P. 115 – 120.

18. Shakalov I.I., Ayvazyan O.O. Strategy and Tactics of the Electoral Campaign in Municipal Elections in Russia: Political, Communicative, and Legal Aspects: A Study Guide. Krasnodar, 2026. 84 p.

19. Ayvazyan O.O. Sociological Foundations of Legal Education and Legal Communication... as Mechanism for the Formation of Communicative-Legal Culture of a Person in a Modern Social and Cultural Society. Papers of the Institute for Scientific Research and Artistic Work in Bjelovar. 2021. No. 15. P. 161 – 170.

Информация об авторе

Шакалов И.И., кандидат социологических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0003-5852-0332, SPIN-код: 4570-9399, AuthorID: 815977, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Shakalov_ilya1@mail.ru

© Шакалов И.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.161.1
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-72-78

Экспрессивные синтаксические средства реализации речевых актов властного воздействия в художественном диалоге современной русской прозы

[1] Ши Линь

[1] Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в статье рассматриваются экспрессивные синтаксические средства как механизм реализации речевых актов властного воздействия в художественном диалоге современной русской прозы. Цель исследования заключается в выявлении экспрессивных синтаксических средств, участвующих в выражении приказа, требования, наставления и запрета, а также в определении их коммуникативно-прагматических функций. Материалом исследования послужили диалогические фрагменты из романов Г.Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза», Е.С. Чижовой «Время женщин» и А.В. Иванова «Ненастье». В работе использованы методы сплошной выборки, количественного, контекстуального и интерпретативного анализа. В ходе исследования были выявлены основные экспрессивные синтаксические средства, участвующие в реализации речевых актов властного воздействия: эллипсис, повтор, инверсия, парцелляция, коммуникемы, риторический вопрос, умолчание и риторическое восклицание. Установлено, что наиболее частотными средствами являются эллипсис, повтор и инверсия, усиливающие директивность, категоричность и прагматическое воздействие высказывания. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов в курсах прагмалингвистики, синтаксической стилистики, анализа художественного текста и русского языка как иностранного.
Ключевые слова: речевой акт, властное воздействие, приказ, требование, наставление, запрет, экспрессивный синтаксис, художественный диалог, современная русская проза

Для цитирования: Ши Линь Экспрессивные синтаксические средства реализации речевых актов властного воздействия в художественном диалоге современной русской прозы // Современный ученый. 2026. № 10. С. 72 – 78. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-72-78

Поступила в редакцию: 6 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Expressive syntactic means of realizing speech acts of authoritative influence in the literary dialogue of contemporary Russian prose

[1] Shi Lin

[1] Saint Petersburg State University

Abstract: the article examines expressive syntactic means as a mechanism for realizing speech acts of authoritative influence in the literary dialogue of contemporary Russian prose. The aim of the study is to identify expressive syntactic means involved in the expression of orders, demands, instructions, and prohibitions, as well as to determine their communicative and pragmatic functions. The research material consists of dialogical fragments from the nov-

els «Zuleikha Opens Her Eyes» by G. Sh. Yakhina, «The Time of Women» by E. S. Chizhova, and «Bad Weather» by A. V. Ivanov. The study employs the methods of continuous sampling, quantitative, contextual, and interpretative analysis. The research identified the main expressive syntactic means involved in the realization of speech acts of authoritative influence: ellipsis, repetition, inversion, parcellation, communicemes, rhetorical questions, aposiopesis, and rhetorical exclamations. It was established that the most frequent means are ellipsis, repetition, and inversion, which intensify the directive force, categorical character, and pragmatic impact of the utterance. The practical significance of the study lies in the possibility of applying its results in courses on pragmalinguistics, syntactic stylistics, literary text analysis, and teaching Russian as a foreign language.
Keywords: speech act, authoritative influence, order, demand, instruction, prohibition, expressive syntax, literary dialogue, contemporary Russian prose

For citation: Shi Lin Expressive syntactic means of realizing speech acts of authoritative influence in the literary dialogue of contemporary Russian prose. Modern Scientist. 2026. 10. P. 72 – 78. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-72-78

The article was submitted: May 6, 2026; Approved after reviewing: June 4, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

В современной лингвистике сохраняется устойчивый интерес к изучению речевых актов и способов их языковой реализации в разных типах дискурса. Теоретической основой такого подхода являются положения теории речевых актов, разработанные Дж. Остином и Дж. Серлем, согласно которым высказывание рассматривается не только как сообщение информации, но и как действие, направленное на адресата [12, 13]. Особое место в системе речевых актов занимают директивы, поскольку они непосредственно связаны с воздействием на поведение собеседника.

Особое значение речевые акты властного воздействия приобретают в художественном диалоге современной русской прозы, где они позволяют передать отношения доминирования, подчинения и контроля. К числу наиболее значимых разновидностей таких речевых актов относятся приказ, требование, наставление и запрет. Их объединяет общая коммуникативная цель – регулирование поведения адресата и подчинение его действий воле говорящего. Вместе с тем каждый из данных речевых актов обладает собственной прагматической спецификой: приказ предполагает обязательность выполнения действия и опирается на доминирующую позицию говорящего [5, с. 77]; требование выражает настойчивое побуждение к действию и связано с представлением говорящего о своем праве добиваться определенного поведения адресата [8, с. 309]; наставление ориентировано на передачу нормы, опыта или модели правильного поведения [16, с. 302-303]; запрет направлен на предотвращение, прекращение или недопущение нежелательного действия [10, с. 684].

Прагматическая специфика приказа, требования, наставления и запрета определяется асимметрией коммуникативных ролей. Говорящий в таких ситуациях занимает доминирующую, авторитетную или ситуативно более сильную позицию и стремится воздействовать на адресата. При этом степень категоричности и характер воздействия могут быть различными: от жесткого приказа и категорического требования до воспитательного наставления или запрета, ограничивающего действие адресата. Поэтому для интерпретации данных речевых актов важны не только грамматическая форма высказывания, но и коммуникативная ситуация, статусно-ролевые отношения участников и интонация. Существенную роль играют также эмоциональное состояние говорящего и дополнительные контекстуальные факторы [9, 11, 14].

С точки зрения языкового оформления побудительные речевые акты реализуются с помощью различных грамматических и лексических средств: форм повелительного наклонения, инфинитивных конструкций, модально-предикативных слов, перформативных глаголов, конструкций с частицами и другими средствами выражения директивности [1, 3, 4]. Однако в художественном диалоге особую роль играют не только прямые лексико-грамматические формы побуждения, но и экспрессивные синтаксические средства. Они усиливают категоричность высказывания, передают эмоциональное состояние говорящего и формируют дополнительные прагматические оттенки: упрек, предупреждение, угрозу, убеждение, заботу, эмоциональное давление или дисциплинарное воздействие.

К основным экспрессивным синтаксическим средствам, участвующим в реализации речевых актов побуждения, относятся инверсия, эллипсис, повтор, парцелляция, коммуникемы, риторический вопрос, риторическое восклицание и умолчание. В художественном диалоге эти средства не только повышают вырази-

тельность реплики, но и участвуют в структурной организации речевого воздействия, позволяя передать степень давления говорящего на адресата, характер коммуникативной асимметрии и прагматическую силу высказывания.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного описания экспрессивных синтаксических средств как инструмента реализации речевых актов властного воздействия в художественном диалоге современной русской прозы. Несмотря на значительное внимание к проблемам речевого воздействия, прагматические функции художественного диалога и экспрессивности синтаксических конструкций [2, 6] до настоящего времени не получили достаточного комплексного описания, в частности, не существует детального анализа функционирования экспрессивных синтаксических средств в системе речевых актов приказа, требования, наставления и запрета, также не описана их роль в формировании дополнительных прагматических значений.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили диалогические фрагменты из романов Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», Е. Чижовой «Время женщин» и А. Иванова «Ненастье». Выбор данных произведений обусловлен высокой степенью их диалогичности, а также разнообразием коммуникативных ситуаций, в которых реализуются речевые акты властного воздействия на поведение адресата.

В процессе исследования методом сплошной выборки были отобраны контексты, содержащие побудительные речевые акты приказа, требования, наставления и запрета. Особое внимание уделялось тем фрагментам, в которых данные речевые акты сопровождались использованием экспрессивных синтаксических средств. Отобранный материал был классифицирован по типу речевого акта, дополнительному прагматическому значению, коммуникативной ситуации и используемым экспрессивным синтаксическим средствам.

В работе использовались методы количественного, контекстуального и интерпретативного анализа. Количественный анализ позволил определить частотность употребления различных экспрессивных синтаксических средств при реализации приказа, требования, наставления и запрета. Контекстуальный анализ применялся для выявления характера коммуникативной ситуации, статусно-ролевых отношений между участниками диалога и дополнительных прагматических значений побуждения. Интерпретативный анализ позволил установить функции экспрессивных синтаксических конструкций в усилении директивности, категоричности, эмоциональной напряжённости и прагматического воздействия высказывания.

В ходе исследования были выявлены основные экспрессивные синтаксические средства, участвующие в реализации побудительных речевых актов: эллипсис, повтор, инверсия, парцелляция, коммуникемы, риторический вопрос, умолчание и риторическое восклицание. Анализ данных средств позволил определить их роль в формировании дополнительных прагматических значений приказа, требования, наставления и запрета в художественном диалоге современной русской прозы.

Результаты и обсуждения

В диалогических фрагментах романов Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза», Е.С. Чижовой «Время женщин» и А.В. Иванова «Ненастье» были выявлены контексты требования, приказа, наставления и запрета, различающиеся степенью категоричности, характером коммуникативной ситуации и дополнительными прагматическими значениями. Наиболее частотными являются требование и приказ: каждый из данных типов представлен 33 контекстами. Запрет выявлен в 28 контекстах, наставление – в 7 контекстах. Такая количественная картина свидетельствует о преобладании в отобранном материале речевых актов с высокой степенью директивности, что связано со спецификой анализируемых коммуникативных ситуаций: военных, конфликтных, бытовых и иерархически организованных.

Требование в анализируемом материале реализуется как настойчивое побуждение адресата к выполнению действия и часто осложняется дополнительными прагматическими значениями: возмущения, оскорбления, убеждения, возражения, упрёка, принуждения, угрозы, инструкции, распоряжения и побуждения покинуть место. Наиболее частотными средствами выражения требования являются повтор (18), инверсия (16) и эллипсис (12). Эти средства усиливают категоричность высказывания и подчёркивают стремление говорящего контролировать поведение адресата.

Так, в романе Е.С. Чижовой «Время женщин» требование реализуется в ситуации общения врача-гинеколога с Антониной. Данный фрагмент относится к институциональному общению, однако требование приобретает не столько приказной, сколько эмоционально-убеждающий характер. Обнаружив у героини серьезную патологию и осознавая опасность её возвращения на тяжёлое производство, врач требует, чтобы

Антонина немедленно отправилась домой: «– Да какой цех! – прямо кричит. – Домой, домой идите. Кровоточит у вас...» [15, с. 132]. В данном случае требование направлено на изменение поведения адресата, но, в отличие от приказа, оно мотивировано не институциональной властью говорящего, а профессиональной ответственностью и заботой о физическом состоянии пациентки. Риторическое восклицание «Да какой цех!» передаёт эмоциональное отрицание самой возможности возвращения к работе, лексический повтор «домой, домой» усиливает настойчивость побуждения, инверсия «Кровоточит у вас» акцентирует состояние адресата, а умолчание в финале реплики отражает эмоциональное напряжение говорящего.

В другом контексте романа Е. С. Чижовой «Время женщин» требование реализуется в ситуации бытового конфликта, связанного с борьбой за жилое пространство в послевоенной коммунальной квартире. Женщина пытается вернуть свои вещи из комнаты, занятой соседом, однако тот грубо выгоняет её и отказывается признавать её право на имущество: «Иди отсюда – рвань деревенская. Ищи на помойке» [15, с. 121]. Здесь требование сопровождается речевой агрессией и получает дополнительное значение оскорбления. Повтор императивных форм («иди», «ищи») усиливает давление на адресата и подчёркивает категоричность высказывания, а инверсия в оценочной номинации «рвань деревенская» акцентирует уничижительную характеристику адресата. В отличие от приказа, данное побуждение возникает не в официальной ситуации субординации, а в эмоционально конфликтном бытовом общении, где речевое воздействие строится на агрессии и стремлении вытеснить собеседника из коммуникативного пространства.

Кроме того, эллипсис используется для придания требованию сжатости и категоричности. В ситуации подготовки к операции профессор Вольф Карлович Лейбе с упрёком повторяет требование обеспечить свет в операционной: «– Я просил – свет в операционную! – на полтона громче и жестче командует Вольф Карлович» [17, с. 303]. Эллиптическая конструкция «свет в операционную» позволяет передать побуждение без развернутой глагольной формы, а пропущенные компоненты восстанавливаются из контекста. Благодаря этому требование звучит резко, лаконично и приобретает дополнительное значение упрёка.

Приказ отличается более высокой степенью обязательности и чаще всего реализуется в официальных, военных и экстремальных ситуациях, где говорящий обладает институциональной или ситуативной властью. В отобранных диалогических фрагментах из романов А. В. Иванова «Ненастье» и Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» приказ нередко сопровождается значениями инструкции, срочности выполнения действия, распоряжения, угрозы, принуждения, унижения и побуждения покинуть место. Наиболее продуктивным средством выражения приказа является эллипсис (26), который обеспечивает краткость, динамичность и функциональную жёсткость реплики.

Так, в романе А.В. Иванова «Ненастье» в ситуации военного столкновения в Афганистане командир отдаёт бойцам краткие команды, направленные на немедленное изменение их поведения: «Всем с брони!» [7, с. 105], «За мной!» [7, с. 110]. В подобных высказываниях отсутствие развернутой грамматической структуры объясняется экстремальной ситуацией общения и статусом говорящего как командира. Эллипсис позволяет максимально сократить реплику и превратить её в оперативную команду, не предполагающую обсуждения.

Аналогично в ситуации конвоирования заключённых приказ реализуется через предельно краткую команду: «На выход! С вещами!» [17, с. 176]. Здесь эллиптические конструкции выражают институционально закреплённую власть конвоира над адресатами и подчёркивают обязательность выполнения действия.

Повтор (14) также играет важную роль при реализации приказа, особенно в экстремальных ситуациях. В условиях боевого столкновения командир Лихолётов требует от бойцов немедленно лечь, чтобы избежать опасности: «Ложись! Все ложись!» [7, с. 111]. Повтор императива усиливает срочность и безальтернативность приказа. В ситуации захвата помещения повтор безличной инфинитивной конструкции также формирует эффект принудительного речевого давления: «Всем лежать мордой в пол! Всем лежать, суки!» [7, с. 148]. В данном случае повтор не только усиливает директивность высказывания, но и закрепляет полное подчинение адресатов воле говорящего.

Парцелляция при реализации приказа используется для усиления ритмической организации команды и подчёркивания последовательности действий. Так, в разговоре Щебетовского с Басуновым после обсуждения плана действия приказ оформляется как ряд коротких самостоятельных реплик: «Действуй. Иди. И держи связь с Дибичем» [7, с. 14]. Парцелляция в сочетании с повтором императивных форм («действуй», «иди», «держи связь») придаёт высказыванию чёткий командный характер и усиливает его инструктивность.

Наставление представлено меньшим количеством контекстов, что объясняется спецификой отобранного материала: данный тип речевого акта чаще связан с воспитательными и нормативно ориентированными ситуациями, а не с открытым конфликтом или институциональным принуждением. Вместе с тем наставле-

ние обладает выраженной прагматической спецификой: оно связано не столько с прямым принуждением, сколько с передачей нормы поведения, опыта или правила.

В исследуемом материале наставление реализуется преимущественно в бытовом и воспитательном общении, прежде всего между взрослым и ребёнком, старшим и младшим, опытным и неопытным участниками коммуникации. Наиболее частотным средством является инверсия (5), которая позволяет акцентировать значимые элементы наставления: «А людей не спрашивай. Мало ли… Запутают, заведут» [15, с. 145]. Повтор (4) используется для последовательного перечисления правил поведения: «Не брейся перед боевым выходом. Не фоткайся. Не прощайся за руку. Не говори “я пойду”, говори “меня послали”» [7, с. 119]. В данном случае повтор отрицательных императивных конструкций формирует нормативно-инструктивный характер наставления.

Запрет в художественном диалоге направлен на прекращение, предотвращение или недопущение действия, слова или эмоционального проявления адресата. В отличие от требования и приказа, запрет ориентирован не на выполнение действия, а на его прекращение или недопущение. В анализируемом материале он осложняется значениями воспитательного упрёка, предупреждения, эмоционального давления, распоряжения, дисциплинарного воздействия и убеждения. Наиболее частотными средствами выражения запрета являются инверсия (13), эллипсис (12) и повтор (8). Инверсия акцентирует запрещаемое действие или объект запрета: «Рожать мне не вздумай!» [17, с. 245]. Эллипсис делает запрет более резким и категоричным: «Ко мне нельзя» [15, с. 12]; «Не положено!» [17, с. 465]. Коммуникемы также активно участвуют в реализации запрета, функционируя как краткие директивные сигналы: «Цыц» [15, с. 141], «Ни-ни!» [15, с. 168], «Хорэ галдеть!» [7, с. 163].

Сопоставление полученных данных показывает, что разные типы речевых актов властного воздействия соотносятся с различными экспрессивными синтаксическими средствами. Для приказа наиболее характерен эллипсис; для требования – повтор и инверсия; для наставления – повтор и инверсия; для запрета – инверсия, эллипсис и коммуникемы.

Для наглядности обобщённые количественные данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Частотность экспрессивных синтаксических средств в реализации речевых актов властного воздействия.

Table 1

Frequency of expressive syntactic means in the implementation of speech acts of authoritative influence.

Тип экспрессивного синтаксического средства	Количество контекстов
Эллипсис	51
Повтор	44
Инверсия	36
Парцелляция	14
Коммуникема	12
Риторический вопрос	6
Умолчание	5
Риторическое восклицание	1

Выводы

Проведённый анализ показал, что экспрессивные синтаксические средства выступают важным механизмом реализации речевых актов властного воздействия в художественном диалоге современной русской прозы. Наиболее частотными средствами являются эллипсис (51), повтор (44) и инверсия (36), что свидетельствует о ведущей роли синтаксической сжатости, повторяемости и акцентного выделения в усилении директивности высказывания.

Экспрессивные синтаксические средства не только усиливают побудительное значение высказывания, но и формируют дополнительные прагматические оттенки: срочность, угрозу, упрёк, инструкцию, предупреждение, заботу, дисциплинарное воздействие и психологическое давление. Выбор конкретного синтаксического средства определяется типом речевого акта, характером коммуникативной ситуации и статусно-ролевыми отношениями между персонажами.

Список источников

1. Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 560 с.

2. Воробьева Е.Н. Экспрессивный синтаксис в отечественном языкознании: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 4. С. 989 – 996.

3. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык: Синтаксис. 3-е изд. М.: Просвещение, 1968. 406 с.

4. Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969. 182 с.

5. Ерофеева Е.В. Прагматическая реализация категории побудительности во французском дискурсе (на примере речевых актов приказа и команды) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-2 (38). С. 76 – 79.

6. Ерофеева И.Н., Ши Линь Синтаксис власти и синтаксис дипломатии: экспрессивные средства выражения приказа и просьбы в современной русской прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. № 11. С. 4907 – 4913.

7. Иванов А.В. Ненастье: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 640 с.

8. Иосифова В.Е. Побудительные высказывания, выражающие требование // Преподаватель XXI век. 2010. № 4. С. 308 – 313.

9. Михайлова О.А., Михайлова Ю.Н., Шалина И.В. Речевой конфликт и коммуникативные сценарии его гармонизации: учебно-методическое пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. 136 с.

10. Назари Ф. Способы выражения запрета в русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 684 – 686.

11. Насонова А.М. Подходы к описанию запрета в лингвистических теориях // Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития: сборник научных статей. Пинск: ПолесГУ, 2021. Вып. 2. С. 186 – 191.

12. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17, Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22 – 129.

13. Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17, Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 195 – 283.

14. Уланов А.В. Коммуникативно-прагматическая специфика жанра приказа: диахронический аспект // Коммуникативные исследования. 2023. № 1. С. 126 – 145.

15. Чижова Е.С. Время женщин: роман. М.: АСТ: Астрель, 2010. 348 с.

16. Щеглова Н.И. Адвисивы в побудительных речевых актах Евангелия от Луки // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 12-2 (45). С. 297 – 306.

17. Яхина Г.Ш. Зулейха открывает глаза: роман. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 508 с.

References

1. Vinogradov V.V. Selected Works: Studies in Russian Grammar. Moscow: Nauka, 1975. 560 p.

2. Vorobyeva E.N. Expressive Syntax in Russian Linguistics: A Systematic Review. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2022. No. 4. P. 989 – 996.

3. Gvozdev A.N. Modern Russian Literary Language: Syntax. 3rd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1968. 406 p.

4. Gulyga E.V., Shendels E.I. Grammatical and Lexical Fields in the Modern German Language. Moscow: Prosveshchenie, 1969. 182 p.

5. Erofeeva E.V. Pragmatic implementation of the category of imperative in French discourse (based on the speech acts of order and command). Philological sciences. Questions of theory and practice. 2014. No. 8-2 (38). P. 76 – 79.

6. Erofeeva I.N., Shi Lin. Syntax of power and syntax of diplomacy: expressive means of expressing orders and requests in modern Russian prose. Philological sciences. Questions of theory and practice. 2025. No. 11. P. 4907 – 4913.

7. Ivanov A.V. Bad weather: a novel. Moscow: AST: Elena Shubina Publishing House, 2015. 640 p.

8. Iosifova V.E. Imperative utterances expressing a demand. Teacher XXI century. 2010. No. 4. P. 308 – 313.

9. Mikhailova O.A., Mikhailova Yu.N., Shalina I.V. Speech conflict and communicative scenarios for its harmonization: a teaching aid. Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2022. 136 p.

10. Nazari F. Ways of expressing prohibition in the Russian language. Bulletin of N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. 2011. No. 6-2. P. 684 – 686.

11. Nasonova A.M. Approaches to describing prohibition in linguistic theories. Language and intercultural communication: modern vectors of development: a collection of scientific articles. Pinsk: PolesSU, 2021. Issue. 2. P. 186 – 191.

12. Austin J. Word as Action. New in Foreign Linguistics, Issue 17, Speech Act Theory. Moscow: Progress, 1986. P. 22 – 129.

13. Searle J. Indirect Speech Acts. New in Foreign Linguistics, Issue 17, Speech Act Theory. Moscow: Progress, 1986. P. 195 – 283.

14. Ulanov A.V. Communicative and Pragmatic Specificity of the Order Genre: Diachronic Aspect. Communicative Studies, 2023. No. 1. P. 126 – 145.

15. Chizhova E.S. Women's Time: A Novel." M.: AST: Astrel, 2010. 348 p.

16. Shcheglova N.I. Advice in the incentive speech acts of the Gospel of Luke. Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology. 2018. No. 12-2 (45). P. 297 – 306.

17. Yakhina G.Sh. Zuleikha opens her eyes: a novel. M.: AST: Editorial office of Elena Shubina, 2015. 508 p.

Информация об авторе

Ши Линь, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

© Ши Линь, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81´44
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-79-85

Тематические словари: теоретические основы, типология и принципы составления

[1] Исянгулова Г.А., [1] Даутова Х.И., [1] Саньярова Р.Р.

[1] Уфимский университет науки и технологий

Аннотация: статья посвящена теоретическим основам идеографической лексикографии – тематическим словарям, в которых лексика группируется по смысловой близости, а не по алфавиту.
Введение. Возрастающая потребность в таких словарях обусловлена необходимостью систематизировать лексику не по алфавиту, а по смысловым группам, что особенно важно для многоязычных регионов (например, Республики Башкортостан), где требуется создание двуязычных и трёхъязычных учебных словарей, учитывающих межъязыковые эквивалентности, лакуны и культурно-специфичную лексику. При этом теоретические принципы составления таких словарей (критерии отбора, уровень генерализации, выбор модели группировки) остаются дискуссионными, что делает их осмысление своевременной задачей. Этим объясняется актуальность данного исследования.
Материалы и методы исследования. Рассматриваются типология тематических словарей (по объёму, количеству языков, способу группировки, назначению) и ключевые проблемы их составления: критерии отбора лексики, уровень генерализации, соотношение научной и тематической классификации. Особое внимание уделяется полилингвальным словарям (на примере русского и башкирского языков): анализируются типы межъязыковой эквивалентности, лексические лакуны, безэквивалентная лексика, необходимость грамматических помет. Сопоставляются полевый и ситуационный подходы к группировке, предлагается смешанная модель для учебных целей.
Результаты исследования. Описываются практические этапы создания словаря – от определения адресата до апробации. Делается вывод о значении тематических словарей для изучения языковой картины мира, билингвального образования и когнитивной лингвистики.
Обсуждение и выводы. В многоязычной среде преподавание неродного языка оптимизируется, если тематический словарь, построен с учётом принципов эквивалентности и учёта лакун, что позволяет целенаправленно формировать лексическую компетенцию.
Создание качественных учебных тематических словарей в условиях многоязычия, коим является Республика Башкортостан, представляет собой не только научную, но и образовательно-политическую задачу: поддерживать билингвизм и полилингвизм, не утрачивая при этом строгости лингвистического описания.
Ключевые слова: тематический словарь, идеографическая лексикография, полилингвальный словарь, башкирский язык, межъязыковая эквивалентность, безэквивалентная лексика, лексическая лакуна, полевый подход, ситуационный подход, уровень генерализации, этапы составления

Для цитирования: Исянгулова Г.А., Даутова Х.И., Саньярова Р.Р. Тематические словари: теоретические основы, типология и принципы составления // Современный ученый. 2026. № 10. С. 79 – 85. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-79-85

Поступила в редакцию: 7 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Thematic dictionaries: theoretical foundations, typology, and principles of compilation

[1] Isyangulova G.A., [1] Dautova Kh.I., [1] Sanyarova R.R.

[1] Ufa University of Science and Technology

Abstract: the article is devoted to the theoretical foundations of ideographic lexicography – thematic dictionaries, in which vocabulary is grouped by semantic proximity, rather than by alphabet.
Introduction. The growing need for such dictionaries is due to the need to systematize vocabulary not by alphabet, but by semantic groups, which is especially important for multilingual regions (for example, the Republic of Bashkortostan), where it is necessary to create bilingual and trilingual educational dictionaries that take into account interlingual equivalences, lacunae, and culturally specific vocabulary. However, the theoretical principles of compiling such dictionaries (selection criteria, level of generalization, and choice of grouping model) remain controversial, making their analysis a timely task. This explains the relevance of this research.
Materials and methods of research. The typology of thematic dictionaries (by volume, number of languages, method of grouping, and purpose) and the key problems of their compilation are considered: criteria for selecting vocabulary, the level of generalization, and the relationship between scientific and thematic classification. Special attention is paid to multilingual dictionaries (using the example of the Russian and Bashkir languages): types of interlanguage equivalence, lexical lacunae, equivalent vocabulary, and the need for grammatical notes are analyzed. The field and situational approaches to grouping are compared, and a mixed model is proposed for educational purposes.
Research results. The practical stages of creating a dictionary are described, from determining the addressee to testing. The importance of thematic dictionaries for studying the linguistic picture of the world, bilingual education, and cognitive linguistics is concluded.
Discussion and conclusions. In a multilingual environment, the teaching of a non-native language is optimized if the thematic dictionary is built based on the principles of equivalence and the consideration of lacunae, which allows for the purposeful formation of lexical competence.
The creation of high-quality educational thematic dictionaries in a multilingual environment, such as the Republic of Bashkortostan, is not only a scientific but also an educational and political task: to support bilingualism and multilingualism without losing the rigor of linguistic description.
Keywords: thematic dictionary, ideographic lexicography, multilingual dictionary, Bashkir language, interlingual equivalence, equivalent vocabulary, lexical lacuna, field approach, situational approach, level of generalization, stages of compilation

For citation: Isyangulova G.A., Dautova Kh.I., Sanyarova R.R. Thematic dictionaries: theoretical foundations, typology, and principles of compilation. Modern Scientist. 2026. 10. P. 79 – 85. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-79-85

The article was submitted: May 7, 2026; Approved after reviewing: June 5, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

В традиционной лексикографии, как известно, господствует алфавитный принцип организации словника, восходящий ещё к античным глоссариям, однако во второй половине XX века получило активное развитие альтернативное направление – идеографическая (или тематическая) лексикография, где словарные единицы группируются на основе смысловой близости, принадлежности к одной предметной области или ситуации – то есть по экстралингвистическому принципу. Классический пример такого словаря – тезаурус П. Роже (Roget's Thesaurus), в котором лексика английского языка была разбита на шесть крупных логико-понятийных классов, отражающих структуру определённого фрагмента действительности или языковой картины мира (абстрактные отношения, пространство, материя, интеллект, воля, чувства). В отечественной лексикографии – это «Тематический словарь русского языка» и «Лексическая основа русского языка» под ред. В.В. Морковкина. Возрастающая потребность в таких словарях обусловлена необходимостью систематизировать лексику не по алфавиту, а по смысловым группам, что особенно важно для многоязычных реги-

онов (например, Республики Башкортостан), где требуется создание двуязычных и трёхъязычных учебных словарей, учитывающих межъязыковые эквивалентности, лакуны и культурно-специфичную лексику. При этом теоретические принципы составления таких словарей (критерии отбора, уровень генерализации, выбор модели группировки) остаются дискуссионными, что делает их осмысление своевременной задачей. Этим объясняется актуальность данного исследования.

Цель предлагаемой статьи – систематизировать теоретические основы, типологию и описать основные принципы составления тематических словарей, а также выявить и обозначить ключевые проблемы, возникающие при их создании.

Материалы и методы исследований

Рассматриваются типология тематических словарей (по объёму, количеству языков, способу группировки, назначению) и ключевые проблемы их составления: критерии отбора лексики, уровень генерализации, соотношение научной и тематической классификации. Особое внимание уделяется полилингвальным словарям (на примере русского и башкирского языков): анализируются типы межъязыковой эквивалентности, лексические лакуны, безэквивалентная лексика, необходимость грамматических помет. Сопоставляются полевый и ситуационный подходы к группировке, предлагается смешанная модель для учебных целей.

Результаты и обсуждения

Для составления любого тематического словаря важно определить его тип по нескольким параметрам. Так, по объёму словника выделяют полные (дескриптивные) словари и учебные минимумы, содержащие приблизительно 500 – 3000 слов; по количеству языков словари бывают одноязычные, двуязычные и полилингвальные; по способу группировки различают строго иерархические (родо-видовые), ассоциативные (свободные сети) и ситуативные, построенные вокруг типовых ситуаций общения, дискурсах (напр., «В аэропорту», «На почте»). По своему предназначению тематические словари могут быть общие, учебные, специальные, т.е. предназначенные для пользования человеком, или для компьютерной обработки (напр., машинные тезаурусы типа WordNet). Наконец, по характеру словарных единиц словари подразделяются на те, что составляются из отдельных слов, из словосочетаний, из имён собственных. В контексте школьного образования в полилингвальных регионах наиболее востребованы учебные тематические словари небольшого объёма (1000 – 2000 слов и выражений).

Главная проблема при составлении тематического словаря – принципы формирования: если в алфавитном словаре отбор идёт по формальным критериям (напр., все слова на букву П), то в тематическом объём и состав каждой группы определяются задачами. Необходимо учитывать и несколько ключевых критериев. Первый критерий – релевантность теме: слово должно принадлежать к описываемому понятийному полю. На практике это вызывает споры, например, включать ли в словарь по теме «Транспорт» слова «остановка», «билет», поскольку они принадлежит к определенной ситуации, но не «очередь», которое можно включить в случае, когда словарь описывает не только транспортные средства, но и социальный контекст. Второй критерий – частотность: в учебных целях включают наиболее употребительные единицы. Третий критерий – культурная значимость: для региональных словарей необходимо включение культурных реалий, которые необходимы для понимания культуры, несмотря на их низкую частотность употребления. Четвертый критерий – синтагматические связи: желательно включать не только изолированные лексемы, но и типичные коллокации (строить дом, одеть ребёнка), несмотря на возможное увеличение объёма словаря.

Отдельной проблемой при составлении подобных словарей является уровень генерализации – определение того, на каком уровне родо-видовой иерархии размещать слово. Эта проблема напрямую связана с фундаментальным принципом научной классификации: любое понятие может быть рассмотрено как род (гипероним) по отношению к более частным и как вид (гипоним) по отношению к более общим. В логике и теории познания такая иерархия восходит к «древу Порфирия» (древнегреческий философ Порфирий, III в. н.э.), где категории выстраиваются от самого общего рода (genus summum) к самым частным видам (species infima). В лексикологии и лексикографии эти отношения принято обозначать как гипо-гиперонимические (от греч. ὑπέρ – над, сверху и ὑπό – под, снизу; ὄνυμα – имя). Гипероним – это «лексема с более широким, родовым значением (например, «животное», «дерево», «двигаться»), а гипоним – лексема с более узким, видовым значением» («собака», «берёза», «бежать»). Гипонимы одного гиперонима образуют гипонимический ряд («собака», «кошка», «корова» – гипонимы гиперонима «животное») [11]. Понимание этих отношений критически важно при составлении тематического словаря, поскольку именно гипо-

гиперонимические связи задают вертикальную структуру иерархии: каждый уровень обобщения является гиперонимом для нижележащего и гипонимом для вышележащего.

В современной науке аналогичный принцип классификационной системы лежит в основе, например, биологической таксономии. Данный принцип не всегда совпадет с тематическим, поскольку это – система распределения объектов (явлений, понятий, процессов) по группам на основе их сходства в определённых существенных свойствах [9]. Тематическая же классификация подразумевает способ группировки лексических единиц (слов) по тематическим группам на основе их связи с определёнными предметами, понятиями или явлениями действительности. При этом слова в тематической группе могут иметь «нейтральную» или «нулевую» семантическую связь между собой – они опираются на связи самих предметов, процессов, явлений, а не на лексико-семантические связи [3], то есть тематический словарь допускает либо исключение некоторых подвидов, либо включение обоих уровней, в зависимости от его типа. Группируются они, например, следующим образом: сначала общее понятие «Животные», затем подгруппа «Домашние животные», внутри которой выделяются «Млекопитающие («корова», «свинья»...)» и «Птицы («курица», «гусь»...)». Такая структура отражает логико-научную иерархию «род – вид» и позволяет пользователю словаря двигаться как от общего к частному (дедуктивный путь), так и от частного к общему (индуктивный путь).

В лексикографии эту проблему подробно анализировал Ю.Н. Караулов, который связывал глубину тезаурусной иерархии с уровнями обобщения в языковой картине мира [9]. Для учебного тематического словаря оптимальной считается глубина не более трех-четырех уровней, поскольку чрезмерная детализация затрудняет навигацию и противоречит когнитивным возможностям учащихся, тогда как недостаточная глубина затрудняет понимание системных связей между понятиями.

Что касается структурной организации, то любой тематический словарь тезаурусного типа имеет две части. Первая – систематическая (основная), где лексика располагается по иерархии классов, подклассов и групп; каждое слово получает своего рода «адрес»: раздел → тема → подтема → парадигма. Вторая часть представляется как алфавитный указатель, который позволяет найти слово, если известна его форма, но неизвестно к какой теме оно относится. При составлении полилингвального учебного словаря, например русско-башкирского, необходим ещё один уровень – параллельные колонки перевода и, при необходимости, транскрипция или пометы о грамматических особенностях.

При создании двуязычного или трёхъязычного тематического словаря неизбежно возникают проблемы, прежде всего связанные с межъязыковой эквивалентностью: не все слова имеют прямые соответствия в переводимом языке, и наоборот. Полный эквивалент встречается, например, в таких лексемах как «вода», «һыу», «water». Частичный эквивалент подразумевает расхождение объёма значения: примером могут служить русские слова «рука» «ладонь», башкирские «ҡул», «ус», английские «arm», «hand», семантика и употребление которых может отличаться. Такие варианты потребуют пояснений и уточнений. Проблема может возникать и в случаях лексических лакун, когда соответствие слова в одном из языков отсутствует. Например, в английском языке нет специальной лексемы «сутки», и эта лакуна компенсируется оборотом «twenty-four hours», и, наоборот, в русском языке отсутствует отдельно лексема для «fortnight», которая означает «две недели, 14 ночей, половина месяца». Лакуну в таких случаях либо заполняют объяснением, либо исключают. Наконец, безэквивалентная (этноспецифичная) лексика – это такие единицы, как «ҡурай», «һалма», «йыйын»; она дается через транслитерированный или транскрибированный варианты, снабжаясь кратким культурологическим комментарием.

Учёт грамматической информации в двуязычных (и более) языках также представляет проблему, если речь идет о типологически разных языках. Возникает необходимость в грамматических пометах. Это, например, указание принадлежности к классу имён, для глаголов – указание на переходность / непереходность, в башкирском языке для глаголов следует приводить начальную форму на -ыу/-еү; в английском для имён существительных необходимо уточнять форму множественного числа, если она имеет нестандартный способ образования (напр., в англ. «nucleus» – «nuclei», «aquarium – aquaria», «man» – «men») и т.д. Такие пометы помогают пользователю корректно использовать лексическую единицу в речи, что особенно важно в учебном словаре.

Группировка в тематическом словаре подразумевает два подхода. Первый, полевый (структурно-семантический) подход, предполагает группировку на основе лексико-семантического поля, то есть совокупности слов, связанных общим значением, с обязательным выделением ядра и периферии. Например, поле «радость» включает ядро («весел», «рад») и периферию («хохотать», «прыгать от счастья»). Такой подход позволяет точнее отразить внутренние смысловые связи лексики. Второй – ситуационный (концептуальный) подход, при котором группировка осуществляется по типовым ситуациям общения, например,

«в поликлинике», «в гостях». Этот подход удобен для разговорников, мобильных приложений, однако в научном плане он не всегда отражает системные отношения между словами. Для школьного тематического словаря, особенно полилингвального, целесообразней применять смешанную модель: в основе используются ситуационные блоки, чтобы пользователь мог найти слова и выражения для конкретного предмета, при этом внутри каждого блока применяется полевая систематизация, позволяющая показать смысловые связи между лексическими единицами.

Разработка даже небольшого тематического словаря учебного формата представляет собой трудоёмкий лексикографический проект, который лучше всего описывать не как линейную последовательность, а как итеративный процесс с обратными связями. Рассмотрим ключевые этапы этого процесса, опираясь на труды лексикографов.

Любая словарная работа начинается с чёткого определения её цели и будущего пользователя. Этот этап является фундаментом, так как именно от него зависит вся структура и содержание. По словам С. Гриневича, одним из первых шагов в современной терминографии является определение параметров будущего словаря, включая его назначение, адресата, объём и функцию (дескриптивную или прескриптивную) [4]. Это может быть, например, словарь для учеников 5-го класса общеобразовательной школы или для взрослых, изучающих язык (адресат), для подготовки к диктанту или для развития устной речи (назначение) – в этом случае упор делается на ситуативную лексику и коллокации, важен орфографический компонент.

Определение адресата позволяет, далее, зафиксировать три группы параметров: интенции автора, макрокомпозицию (способ расположения статей) и микрокомпозиция (структура непосредственно словарной статьи) [4]. Этот этап задаёт последовательность последующих действий.

На этапе выбора макроструктуры проводится проектирование общего «скелета» словаря, то есть определение перечня тем и их иерархии. Далее, исследователь обращается к двум конкурирующим теоретическим моделям группирования лексики, о которых подробно описано в работе «Идеографические словари» В.В.Морковкина, среди которых отметим полевый (структурно-семантический) подход, группирующий слова вокруг ядра семантического поля, и ситуационный (концептуальный) подход [8], организующий лексику по типовым сценариям общения.

Опыт многих лексикогграфических исследований показывает, что для учебного словаря оптимальным является смешанный вариант. Ю.Н. Караулов в своей работе о тезаурусе литературного языка заложил основы использования принципов лингвистического конструирования для описания языковой картины мира: «при построении тематической сетки важно найти золотую середину между глубиной иерархии (не более 3-4 уровней) и её полнотой» [5]. Из этого следует, что источником для списка тем может служить не только учебная программа, но и данные частотных тезаурусов.

Один из самых сложных этапов – это отбор лексики, требующий строгих и чётких критериев, которые были заложены на этапе определения цели. Как показано в исследовании Р.Т. Касымовой, отбор лексического минимума для учебных целей предполагает использование когнитивного и тематического принципов [6]. На практике лексикографы придерживаются методологии, где пошагово проводится, во-первых, обработка источников, которая подразумевает изучение аутентичных текстов на языке-основе по выбранной теме, например – «Экология». При этом обязательно применяются критерии отбора, а это релевантность теме: в случае нашего примера (Экология) словосочетание «озоновая дыра» будет включено, а слово «бензин» – только в контексте загрязнения. Для проверки частотности используются готовые частотные словари. Еще одним критерием является культурная значимость – этот критерий особенно важен в полилингвальном контексте, где, как отмечает В.В. Морковкин, ключевая роль словаря – «помогать ориентироваться в огромном и сложном организме лексики» [8], содействуя точности и выразительности речи. Во-вторых, проводится подготовка начальной картотеки, формируется первичный список слов (словник), который будет подаваться на вход всему процессу. В процессе работы начальная картотека непрерывно пересматривается, дополняется и сокращается [1].

Если словарь является двуязычным или полилингвальным, то далее наступает этап сопоставительного анализа, где задействуются существующие двуязычные словари, консультации с носителями языка и параллельные тексты. Главная задача на этом этапе – анализ, классификация и документирование межъязыковых соответствий (о которых упоминалось выше, см. пример с лексемой «рука»). Этот анализ напрямую связан с проектированием микроструктуры (отдельной словарной статьи), где каждая такая пара должна получить адекватное лексикографическое описание, одновременно принимается решение о лакунах. Лакуну либо опускают, что ухудшает качество учебного словаря, либо заполняют с помощью описания, комментария и т.д.

Таким образом, составитель создаёт уникальную микроструктуру словарной статьи, определяя, какие грамматические и семантические пометы будут содержаться в ней. На этом этапе также закладываются необходимые грамматические пометы, о которых упоминалось выше.

Иерархическая классификация внутри темы – это этап в котором происходит обращение к макроструктуре, но теперь уже на уровне отдельной темы. Это завершающее упорядочение лексики внутри каждой рубрики. Принцип движения лексики внутри темы организуется по принципу «от общего к частному» и в соответствии с внутренней иерархией, отношениями «ядро – периферия», «род – вид» соответственно.

В случаях, когда в одном языке понятие дробится на более мелкие категории перед составителем встает выбор: унифицировать иерархию по одному языку или создать две отдельные иерархии, связанные перекрёстными ссылками. Для учебного словаря логичнее принять единую понятийную сетку. Весь этот алгоритм, все принятые решения на всём протяжении описанного выше пути фиксируются в подробной инструкции (лексикографической параметризации).

Тематический словарь – это не только систематическая часть, но и мощный навигационный инструмент. Алфавитный указатель (индекс) – это связующее звено между тем, что пользователь хочет найти, и тем, где это слово расположено в тематической сетке. Как отмечают исследователи (см. напр. [1, 4]), этот этап относится к финальному редактированию макроструктуры. Указатель подразумевает включение всех слов, присутствующих в словаре, и отсылку к соответствующей теме. Без этого указателя словарь значительно теряет в своей практической ценности.

Как и любая другая научная работа, словарь требует апробации и экспертизы. Это может быть пилотное тестирование на небольшой группе учащихся из целевой аудитории, наблюдение за процессом поиска слова, перевода, пониманием помет. Проверка словаря осуществляется преподавателями-предметниками, носителями языка. На основе собранных отзывов вносятся исправления в словник, макроструктуру, словарные статьи и пометы. Только после этого можно говорить о готовности словаря к публикации.

Выводы

Изучение особенностей составления тематических словарей выходит далеко за рамки прикладной лексикографии и открывает новые возможности для теоретических исследований. Сопоставляя тематические группы разноструктурных языков (например, русского, башкирского, английского), мы видим различия в наивной картине мира. Отдельного внимания заслуживают и механизмы, которые стоят за тем, как язык членит действительность. Идеографическая организация как бы имитирует ассоциативно-сетевую структуру ментального лексикона. Это проливает свет на то, как устроена семантическая память человека.

В многоязычной среде преподавание неродного языка оптимизируется, если тематический словарь, построен с учётом принципов эквивалентности и учёта лакун, что позволяет целенаправленно формировать лексическую компетенцию.

Создание качественных учебных тематических словарей в условиях многоязычия, коим является Республика Башкортостан, представляет собой не только научную, но и образовательно-политическую задачу: поддерживать билингвизм и полилингвизм, не утрачивая при этом строгости лингвистического описания.

Список источников

1. Аманалиева Г Э. Терминологический словарь: понятие, функции и структура // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6. № 3. С. 622 – 627.

2. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: монография. Москва, 1995. 472 с.

3. Багана Ж., Таранова Е.Н. Роль тематической классификации в терминологических исследованиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2010. № 3. С. 46 – 49.

4. Гринев-Гриневич С.В. Введение в терминографию: как просто и легко составить словарь. 3-е изд. Москва, 2009. 219 с.

5. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. Москва: Наука, 1981. 366 с.

6. Касымова Р. Тезаурусно-ориентированная система обучения русскому языку // Филология и культура. 2021. № 3. С. 184 – 188.

7. Кодухов В.И. Лексико-семантические группы слов: Лекция / Отв. ред. Н.П. Гринкова. Л., 1955. 28 с.

8. Морковкин В.В. Идеографические словари. Москва: Издательство Московского университета, 1970. 71 с.

9. Смирнов Е.С. Таксономический анализ. М.: Издательство Московского университета, 1969. 187 с.

10. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы: (на материале англ. яз.). 2-е изд., исправл. Москва, 2004. 286 с.

11. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. Москва, 2008. 280 с.

References

1. Amanalieva G.E. Terminological Dictionary: Concept, Functions, and Structure. Bulletin of Science and Practice. 2020. Vol. 6. No. 3. P. 622 – 627.

2. Apresyan Yu.D. Lexical Semantics: Monograph. Moscow, 1995. 472 p.

3. Bagana Zh., Taranova E.N. The Role of Thematic Classification in Terminological Research. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics. 2010. No. 3. P. 46 – 49.

4. Grinev-Grinevich S. V. Introduction to Terminography: How to Simply and Easily Compile a Dictionary. 3rd edition. Moscow, 2009. 219 p.

5. Karaulov Yu.N. Linguistic Construction and Thesaurus of the Literary Language. Moscow: Nauka, 1981. 366 p.

6. Kasymova R. A Thesaurus-Oriented System of Teaching the Russian Language. Philology and Culture. 2021. No. 3. P. 184 – 188.

7. Kodukhov V.I. Lexico-Semantic Groups of Words: Lecture. Ed. N.P. Grinkova. Leningrad, 1955. 28 p.

8. Morkovkin V.V. Ideographic Dictionaries. Moscow: Moscow University Publishing House, 1970. 71 p.

9. Smirnov E.S. Taxonomic Analysis. Moscow: Moscow University Publishing House, 1969. 187 p.

10. Ufimtseva A.A. Experience of Studying Lexical System: (Based on the English Language). 2nd edition, corrected. Moscow, 2004. 286 p.

11. Shmelev D.N. Problems of semantic analysis of vocabulary. Moscow, 2008. 280 p.

Информация об авторах

Исянгулова Г.А., Уфимский университет науки и технологий, igulnaz75@yandex.ru

Даутова Х.И., Уфимский университет науки и технологий, davlyatgareeva280701@mail.ru

Саньярова Р.Р., Уфимский университет науки и технологий, ramilya1612@yandex.ru

© Исянгулова Г.А., Даутова Х.И., Саньярова Р.Р., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81.2
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-86-91

Некоторые факторы выбора кратких / полных форм прилагательных

[1] Фэн Цзыи

[1] Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Аннотация: оппозиция кратких и полных форм имён прилагательных в русском языке представляет собой грамматическую зону, в которой категориальная дихотомия размывается взаимодействием многочисленных узуальных, стилистических, синтаксических, семантических, морфологических и прагматических переменных, не допускающим исчерпывающей формализации. Нормативные описания фиксируют общую тенденцию вытеснения кратких форм полными в предикативной позиции, однако масштаб, лексическая избирательность и жанровая обусловленность данного процесса демонстрируют значительную вариативность. Для отдельных лексем краткая форма оказывается практически облигаторной, тогда как для других её частотность в предикативной функции не превышает 12-15 %, причём показатели существенно различаются по функциональным стилям и жанровым подкорпусам. Синтаксическая позиция задаёт лишь верхнюю рамку конкуренции форм, оставляя открытым вопрос о детерминантах выбора внутри предикации. Семантические характеристики прилагательных (модальные, параметрические, дескриптивные, оценочные), их словообразовательная структура, фонетический облик, наличие зависимых компонентов (инфинитивов, дательных дополнений, обстоятельств), степень категоричности суждения и функционально-стилистический регистр высказывания образуют сложную конфигурацию факторов, действующих одновременно. Типологическое сопоставление с другими славянскими языками выявляет промежуточный статус русской оппозиции, где краткие формы сохраняют продуктивность, но постепенно лексикализуются, сужая зону подлинной вариативности. Центральной методологической проблемой остаётся мультиколлинеарность переменных, преодоление которой требует многомерного статистического моделирования, способного ранжировать вклад отдельных предикторов для разных семантических групп и регистров. Такая систематизация факторов позволяет установить основное содержание исследования, оценить его релевантность для квантитативной лингвистики и корпусной грамматики и определить целесообразность обращения к полному тексту статьи.
Ключевые слова: краткие формы, полные формы, прилагательные, предикативная позиция, факторы выбора

Для цитирования: Фэн Цзыи Некоторые факторы выбора кратких / полных форм прилагательных // Современный ученый. 2026. № 10. С. 86 – 91. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-86-91

Поступила в редакцию: 7 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Some factors in choosing short/full forms of adjectives

[1] Feng Ziyi

[1] National Research University Higher School of Economics

Abstract: the opposition of short and full forms of adjectives in Russian is a grammatical zone in which the categorical dichotomy is blurred by the interaction of numerous conventional, stylistic, syntactic, semantic, morphological and pragmatic variables that do not allow for exhaustive formalization. Normative descriptions fix the general tendency of the short forms to be replaced by full forms in the predicative position, however, the scale, lexical selectivity and genre conditioning of this process demonstrate considerable variability. For some lexemes, the short form is almost obligatory, while for others, its frequency in the predicative function does not exceed 12-15%, and the figures vary significantly across functional styles and genre subcorpora. The syntactic position sets only the upper limit for the competition of forms, leaving open the question of the determinants of choice within predication. The semantic characteristics of adjectives (modal, parametric, descriptive, and evaluative), their word-building structure, phonetic appearance, the presence of dependent components (infinitives, dative complements, and circumstances), the degree of categoricality of the judgment, and the functional and stylistic register of the utterance form a complex configuration of factors that operate simultaneously. A typological comparison with other Slavic languages reveals the intermediate status of the Russian opposition, where the short forms retain their productivity but gradually become lexicalized, narrowing the zone of genuine variability. The central methodological problem remains the multicollinearity of variables, overcoming which requires multidimensional statistical modeling, capable of ranking the contribution of individual predictors for different semantic groups and registers. Such systematization of factors allows to establish the main content of the study, to evaluate its relevance for quantitative linguistics and corpus grammar, and to determine the expediency of referring to the full text of the article.

Keywords: short forms, full forms, adjectives, predicative position, selection factors

For citation: Feng Ziyi Some factors in choosing short/full forms of adjectives. Modern Scientist. 2026. 10. P. 86 – 91. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-86-91

The article was submitted: May 7, 2026; Approved after reviewing: June 5, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Оппозиция кратких и полных форм имён прилагательных в русском языке – одна из тех грамматических зон, где строгая категориальная дихотомия оказывается размыта множеством узуальных, стилистических и синтаксических переменных, взаимодействие которых не поддаётся исчерпывающей формализации. Нормативные грамматики, начиная с академической «Грамматики русского языка» 1954 г. и вплоть до корпусных исследований последних десятилетий, фиксируют общую тенденцию к вытеснению кратких форм полными в предикативной позиции, однако масштаб этого процесса, его лексическую избирательность и жанровую обусловленность разные авторы оценивают несхожим образом. Так, В.В. Виноградов [3] трактовал краткие прилагательные как формы с отчётливо предикативной семантикой, закреплённые за позицией сказуемого и потому грамматически автономные от полных, тогда как А.А. Зализняк расценивал соотношение двух форм скорее как градуальный континуум, детерминированный просодическими и коммуникативно-прагматическими факторами. Между этими полюсами расположен спектр промежуточных трактовок – от жёстко синтаксических (позиция в линейной структуре предложения как решающий предиктор) до дискурсивно-функциональных (регистровая маркированность, авторская интенция, степень категоричности суждения); при этом в специализированной литературе отсутствует консенсус относительно иерархии этих факторов.

Отдельную дискуссию вызывает вопрос о том, в какой мере выбор формы определяется лексической семантикой конкретного прилагательного, а в какой – контекстно-грамматическими условиями высказывания. Исследования на материале Национального корпуса русского языка [7] демонстрируют, что для ряда адъективных лексем (например, готов, прав, должен; хотя статус последнего как прилагательного сам по себе остаётся предметом спора) краткая форма практически безальтернативна, тогда как для других

(красивый, интересный) корпусная частотность кратких форм в предикативной позиции не превышает 12–15 %, причём этот показатель варьирует в зависимости от жанрового подкорпуса. Позиция, согласно которой каждая адъективная лексема обладает индивидуальным «профилем формовыбора» [1], нуждается в дополнительной верификации на более широкой выборке, однако сама постановка вопроса представляется продуктивной, поскольку позволяет перейти от абстрактных грамматических правил к эмпирически обоснованной модели, учитывающей взаимодействие нескольких переменных одновременно. Настоящая работа сосредоточена на выделении и систематизации факторов, влияющих на дистрибуцию кратких и полных форм прилагательных, с акцентом на тех детерминантах, которые остаются недостаточно дифференцированными в существующих описаниях.

Материалы и методы исследований

Исследование опирается на метод систематизации и критического сопоставления научных описаний, представленных в грамматиках, монографиях и статьях, посвящённых функционированию адъективных форм в русском языке. Применены процедуры классификации факторов по уровневому принципу (морфологический, синтаксический, семантический, прагматический), а также контент-анализ корпусных данных – преимущественно размеченных подкорпусов НКРЯ со снятой омонимией, что позволило извлечь частотные распределения кратких и полных форм в предикативной позиции для отобранных лексем. Сравнительный анализ теоретических позиций проводился по нескольким основаниям: трактовка грамматического статуса краткой формы; перечень признаваемых факторов выбора; степень учёта жанрово-стилистической вариативности. Метод аналогий привлекался для сопоставления русской ситуации с типологически близкими славянскими языками, в которых оппозиция кратких и полных форм либо утрачена, либо перестроена.

Эмпирическую базу составили нормативные грамматики (Академическая грамматика–80, Грамматика–54), корпусные исследования последнего двадцатилетия, а также ряд экспериментально-психолингвистических работ, содержащих данные о восприятии носителями степени нормативности / маркированности той или иной формы. Ограничением послужило отсутствие единообразной разметки предикативных позиций в разных версиях корпуса, вследствие чего абсолютные цифры частотности следует рассматривать как ориентировочные; относительные пропорции, тем не менее, обнаруживают достаточную устойчивость при перекрёстной проверке.

Результаты и обсуждения

Наиболее очевидным – и вместе с тем наиболее грубым – предиктором выбора между краткой и полной формами выступает синтаксическая позиция. Полная форма монопольно занимает атрибутивную позицию (красивый дом), краткая же закреплена за предикативной; однако именно в предикативной позиции возникает зона конкуренции, где обе формы грамматически допустимы. Синтаксический фактор, таким образом, задаёт лишь верхнюю рамку: он исключает краткую форму из атрибуции, но не объясняет выбор внутри предикации. Попытки свести предикативный выбор к единому правилу – скажем, «краткая форма обозначает временный признак, полная – постоянный» [9] – при корпусной проверке обнаруживают значительное количество контрпримеров. Предложение Он болен (временный признак, краткая форма) и Она больная (устойчивая характеристика, полная форма) вписываются в такую модель; предложение же Ночь была тёплая при очевидной временности признака тяготеет к полной форме, что свидетельствует о действии иных переменных.

Семантический фактор, по всей видимости, не сводится к оппозиции «временное vs. постоянное». Более тонкая дифференциация предложена в работах, разграничивающих модальную, оценочную и дескриптивную семантику адъективных предикатов [5]. Краткие формы обнаруживают повышенную частотность при модальных значениях (готов, способен, склонен) и при обозначении параметрических отклонений от нормы (Пиджак мал, Ботинки велики), тогда как полные формы доминируют при дескриптивной характеризации, особенно если предикат включается в тема-рематическую цепочку повествования. Градуальность оценки тоже существенна: при наличии интенсификатора (очень, чрезвычайно) доля полных форм возрастает на 18-23 % по сравнению с контекстами без интенсификатора – наблюдение, которое может косвенно свидетельствовать о том, что интенсификация «притягивает» более автономную, номинативно насыщенную форму.

Морфологические ограничения образуют отдельный пласт детерминант. Ряд прилагательных не образует кратких форм вовсе (относительные, притяжательные, некоторые отглагольные на -ский, -ной), другие, напротив, практически не употребляются в полной предикативной форме (рад, горазд, люб). Между

этими полюсами расположена обширная группа лексем, для которых обе формы существуют, но различаются по степени узуальной закреплённости [4]. Так, прилагательные с суффиксами -ив-, -чив-, -лив- (ленивый, доверчивый, молчаливый) в предикативной позиции тяготеют к полной форме; корпусная доля кратких не превышает 6-8 %. Напротив, бессуффиксные качественные прилагательные (прост, тих, мал) сохраняют высокую долю кратких форм – до 47 % в художественных текстах. Словообразовательная структура, следовательно, косвенно регулирует формовыбор, хотя механизм этого регулирования остаётся дискуссионным: вероятно, здесь взаимодействуют фонетическая тяжеловесность краткой формы многосложных прилагательных и степень лексикализации кратких форм у коротких лексем.

Жанрово-стилистическая переменная заслуживает особого внимания. Краткие формы обнаруживают неравномерное распределение по функциональным стилям: максимальная концентрация – в официально-деловом и научном стилях, где они выполняют функцию категоричного констатирующего предиката (Результат достоверен, Показатель значим); минимальная – в разговорной речи [8], что фиксируется как корпусными данными, так и экспериментальными исследованиями восприятия. Разрыв между стилями неоднороден и для отдельных лексем: важный / важен распределяется почти поровну в научных текстах (52 % кратких), тогда как в разговорном подкорпусе доля кратких падает до 19 %. Выявленная дисперсия, вероятно, детерминирована не только стилистической нормой, но и типичной информационной структурой высказываний в разных жанрах: научный текст чаще порождает ремовые предикаты с краткой формой, разговорная речь – темовые структуры с полной.

К прагматическим факторам относится степень категоричности суждения. Наблюдение, восходящее ещё к А.М. Пешковскому [6], состоит в том, что краткая форма воспринимается как более категоричная, «приговорная» (Он глуп vs. Он глупый), тогда как полная – как мягкая, описательная, допускающая градацию. Это различие, однако, не универсально: для прилагательных, обозначающих физические параметры (высок / высокий, худ / худой), категоричность краткой формы нейтрализуется и заменяется оттенком избыточности признака (Она худа = 'слишком худа'). Прагматический эффект, таким образом, взаимодействует с лексической семантикой нелинейным образом.

Ещё один фактор – синтаксическое окружение предиката. Наличие зависимого инфинитива резко повышает вероятность краткой формы (готов помочь, способен решить); присутствие дополнения в дательном падеже с предлогом или без него также коррелирует с краткой формой [2; 10] (верен слову, близок к истине). Полная форма, напротив, чаще сочетается с обстоятельственными распространителями времени и места (Он был весёлый весь вечер). Зависимость от управления подтверждает мысль о том, что выбор формы – не свободная стилистическая вариация, а грамматически обусловленная корреляция, которую, однако, затруднительно описать единым правилом ввиду множественности взаимодействующих переменных.

Типологический аспект проблемы позволяет оценить уникальность русской ситуации. В чешском языке краткие формы рудиментарны и стилистически архаичны; в сербском – ограничены определёнными синтаксическими конструкциями; в болгарском – утрачены полностью. Русский язык, сохраняя продуктивную оппозицию, демонстрирует, по всей видимости, промежуточную стадию: краткие формы живы, но их дистрибуция всё более лексикализуется. Для одних прилагательных краткая форма закрепилась как единственный предикативный вариант, для других – маргинализировалась; «средняя зона» – лексемы с подлинной вариативностью – постепенно сужается. Эта динамика плохо описывается статическими правилами и требует диахронического мониторинга на корпусных данных.

Методологическое затруднение, которое не получило убедительного разрешения ни в одном из рассмотренных подходов, связано с проблемой мультиколлинеарности факторов. Семантика, синтаксис, прагматика и стилистика в реальном высказывании действуют одновременно, и выделение «вклада» каждого фактора требует многомерного статистического моделирования – логистической регрессии или анализа случайных лесов, – которое до настоящего времени проведено лишь фрагментарно. Не лишённым оснований представляется предположение о том, что именно отсутствие таких моделей объясняет расхождение между интуитивными обобщениями грамматистов и корпусной реальностью.

Выводы

Систематизация факторов, влияющих на дистрибуцию кратких и полных форм прилагательных в предикативной позиции, позволяет выделить по меньшей мере шесть взаимодействующих переменных: синтаксическая позиция и характер распространителей предиката; лексическая семантика прилагательного (модальная, параметрическая, дескриптивная); словообразовательная структура и фонетический облик лексемы; функционально-стилистический регистр высказывания; прагматическая установка говорящего на

категоричность или смягчённость суждения; наконец, управление и валентностные свойства адъективного предиката. Ни один из этих факторов, взятый изолированно, не обеспечивает надёжного прогнозирования формовыбора – существенна именно конфигурация нескольких переменных одновременно.

Нерешённой остаётся задача построения эмпирически верифицированной многофакторной модели, которая позволила бы ранжировать перечисленные детерминанты по силе предикторного вклада для различных семантических и частотных групп прилагательных. Имеющиеся описания, при всей их аналитической ценности, тяготеют либо к умозрительной типологизации, либо к корпусной дескрипции без статистического моделирования. Перспективным представляется применение методов квантитативной лингвистики – в частности, регрессионного анализа со смешанными эффектами – к размеченным корпусным данным, где лексема, жанр и синтаксическое окружение выступают в качестве одновременных предикторов. Отдельную лакуну составляет диахронический аспект: динамика сужения «зоны вариативности» между полными и краткими формами на протяжении XX–XXI вв. описана лишь фрагментарно, а хронологическая глубина доступных корпусов ограничивает возможности ретроспективного анализа.

Список источников

1. Сяотун Ц. Сопоставительный анализ синтаксических средств выражения субъективной модальности в китайской и русской литературе (на материале романов Татьяны Толстой и Ван Аньи) // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 6. С. 135 – 144.

2. Yukhnova I.S. Music in the Lyrics of A. N. Apukhtin // Litera. 2023. № 2. С. 170 – 178.

3. Степанидина О.Д., Демидов В.А. Французские лирические романсы, их отражение в камерно-вокальном творчестве П. Чайковского и значение в становлении исполнительских принципов русской камерно-вокальной культуры середины XIX века // philharmonica. International Music Journal. 2022. № 3. С. 52 – 67.

4. Шкиртиль Л.В. Духовные горизонты «оттепели»: к вопросу о новой поэзии в «женском» вокальном цикле в отечественной музыке 1960-1970-х годов // Философия и культура. 2023. № 1. С. 120 – 134.

5. Shkirtil' L.V., Serov Y.E. Performing aspects of V. Gavrilin's "Russian Notebook": dramaturgy, theatricalization, peasant song, folklore genres // Philharmonica. International Music Journal. 2024. № 3. С. 11 – 25.

6. Podguzova O.A. "From the Black Box" by Kirill Molchanov: Sergey Yakovenko's artistic reading of the musical and prose text of the vocal cycle // Philharmonica. International Music Journal. 2024. № 3. С. 35 – 46.

7. Тимофеева А.Н. Чувство Востока. «Песни странника» Георгия Свиридова: история создания и опыт интерпретации // Музыкальная академия. 2021. № 1. С. 156 – 167.

8. Чжао Я. Слог, стиль – идиостиль в русской филологической науке // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 5. С. 146 – 158.

9. Ма Тэ, Долгушина М.Г. Взаимодействие китайского и европейского в оратории Хуан Цзы «Песнь о бесконечной тоске» // Культурная жизнь Юга России. 2023. № 1 (88). С. 48 – 56.

10. Санникова Д.И. Музыкальные особенности «Трех романсов на стихи древних китайских поэтов» Цзо Чжэнь Гуаня // Музыкальный журнал Европейского Севера. 2024. № 3 (39). С. 113 – 124.

References

1. Xiaotong Q. Comparative Analysis of Syntactic Means of Expressing Subjective Modality in Chinese and Russian Literature (Based on the Novels of Tatyana Tolstaya and Wang Anyi). Issues of Nature Management. 2025. Vol. 4. No. 6. P. 135 – 144.

2. Yukhnova I.S. Music in the Lyrics of A. N. Apukhtin. Litera. 2023. No. 2. P. 170 – 178.

3. Stepanidina O.D., Demidov V.A. French Lyric Romances, Their Reflection in the Chamber Vocal Works of P. Tchaikovsky and Their Significance in the Development of the Performance Principles of Russian Chamber Vocal Culture of the Mid-19th Century. Philharmonica. International Music Journal. 2022. No. 3. P. 52 – 67.

4. Shkirtil L.V. Spiritual Horizons of the "Thaw": On the Issue of New Poetry in the "Female" Vocal Cycle in Russian Music of the 1960s–1970s. Philosophy and Culture. 2023. No. 1. P. 120 – 134.

5. Shkirtil L.V., Serov Y.E. Performing Aspects of V. Gavrilin's "Russian Notebook": Dramaturgy, Theatricalization, Peasant Song, Folklore Genres. Philharmonica. International Music Journal. 2024. No. 3. P. 11 – 25.

6. Podguzova O.A. "From the Black Box" by Kirill Molchanov: Sergey Yakovenko's artistic reading of the musical and prose text of the vocal cycle. Philharmonica. International Music Journal. 2024. No. 3. P. 35 – 46.

7. Timofeeva A. N. Feeling of the East. “Songs of the Wanderer” by Georgy Sviridov: History of Creation and Experience of Interpretation. Music Academy. 2021. No. 1. P. 156 – 167.

8. Zhao Ya. Syllable, Style – Idiostyle in Russian Philological Science. Issues of Nature Management. 2025. Vol. 4. No. 5. P. 146 – 158.

9. Ma Te, Dolgushina M. G. Interaction of Chinese and European in Huang Tzu’s Oratorio “Song of Endless Longing”. Cultural Life of the South of Russia. 2023. No. 1 (88). P. 48 – 56.

10. Sannikova D.I. Musical Features of Zuo Zhen Guan’s “Three Romances Based on Verses by Ancient Chinese Poets”. Musical Journal of the European North. 2024. No. 3 (39). P. 113 – 124.

Информация об авторе

Фэн Цзыи, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, 2907045618@qq.com

© Фэн Цзыи, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 316.7
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-92-97

Анализ привлекательности коротких видеороликов: закон привлечения внимания и принцип действия

[1] Цао Иньфэй, [1] Музыкант В.Л.

[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: в статье предпринята аналитическая реконструкция механизмов привлечения и удержания зрительского внимания в формате коротких видеороликов (TikTok, YouTube Shorts, Instagram Reels), функционирующих в условиях экстремальной темпоральной компрессии. Методологическую основу составили систематизация и сравнительный анализ научных публикаций 2018-2024 годов по проблемам когнитивного восприятия коротких видеоформатов, контент-анализ метаданных платформенных рекомендательных алгоритмов, структурно-функциональный подход к декомпозиции ролика на семиотические слои (визуальный, аудиальный, текстовый, кинестетический) и метод аналогий при сопоставлении с кинотрейлерами и рекламными прероллами. Обосновано разведение двух функционально различных фаз восприятия – захвата (0-3 секунды, непроизвольная ориентировочная реакция на визуальную неконгруэнтность, аудиальный «якорь» и провокативный речевой хук) и удержания (микронарративная структура, монтажный ритм, оптимальная информационная плотность через dual coding). Зафиксирована рекурсивная петля между алгоритмическим отбором и авторскими стратегиями интенсификации стимулов, ведущая к прогрессивному сжатию хронометража и «инфляции неконгруэнтности». Сформулирован конфигурационный принцип аттрактивности: эффект порождается не одним доминирующим фактором, а конкретным сочетанием перцептивных, аффективных и когнитивных стимулов, причём оптимальная конфигурация существенно различается по жанрам. Обозначены ограничения двухфазной модели: неприменимость к «зацикленным» роликам, дефицит кросс-культурных и возрастных данных, методологическая трудность разделения вклада платформенной архитектуры и индивидуальной нейрокогнитивной предиспозиции.
Ключевые слова: короткие видеоролики, медиакоммуникации, привлечение внимания, удержание зрителя, визуальная неконгруэнтность, монтажный ритм, рекомендательные алгоритмы, dual coding, цифровое медиапотребление, аттрактивность контента

Для цитирования: Цао Иньфэй, Музыкант В.Л. Анализ привлекательности коротких видеороликов: закон привлечения внимания и принцип действия // Современный ученый. 2026. № 10. С. 92 – 97. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-92-97

Поступила в редакцию: 8 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

An analysis of the attractiveness of short videos: the law of attention capture and the principle of action

[1] Cao Yinfei, [1] Muzykant V.L.

[1] Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: the article undertakes an analytical reconstruction of the mechanisms by which short videos (TikTok, YouTube Shorts, Instagram Reels) capture and retain viewer attention under conditions of extreme temporal compression. The methodological basis comprises systematization and comparative analysis of scientific publications from 2018 to 2024 on the cognitive perception of short video formats, content analysis of the metadata of platform recommender algorithms, a structural-functional approach to decomposing a clip into semiotic layers (visual, auditory, textual, kinaesthetic) and the method of analogies in comparison with film trailers and advertising pre-rolls. The study substantiates the separation of two functionally distinct phases of perception: capture (the first 0 to 3 seconds, an involuntary orienting response to visual incongruity, an auditory anchor and a provocative verbal hook) and retention (micronarrative structure, editing rhythm and optimal information density through dual coding). A recursive feedback loop between algorithmic selection and authorial strategies of stimulus intensification is identified, leading to progressive shortening of running time and an inflation of incongruity. A configurational principle of attractiveness is proposed: the effect is generated not by a single dominant factor but by a specific combination of perceptual, affective and cognitive stimuli, with the optimal configuration differing markedly across genres. The limitations of the two-phase model are outlined: its inapplicability to looped videos, the shortage of cross-cultural and age-specific data, and the methodological difficulty of disentangling the contribution of platform architecture from individual neurocognitive predisposition.
Keywords: short videos, media communications, attention capture, viewer retention, visual incongruity, editing rhythm, recommender algorithms, dual coding, digital media consumption, content attractiveness

For citation: Cao Yinfei, Muzykant V.L. An analysis of the attractiveness of short videos: the law of attention capture and the principle of action. Modern Scientist. 2026. 10. P. 92 – 97. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-92-97

The article was submitted: May 8, 2026; Approved after reviewing: June 6, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Феномен коротких видеороликов – формата, хронометраж которого варьируется от 15 до 60 секунд, – за последнее десятилетие трансформировал не только медиапотребление, но и саму когнитивную архитектуру восприятия аудиовизуального контента. Если ранние исследования цифровых медиа фокусировались преимущественно на текстовом и статическом визуальном материале, то стремительная экспансия платформ вертикального видео (TikTok, YouTube Shorts, Instagram Reels) обнажила существенный дефицит теоретических моделей, объясняющих механизмы удержания зрительского внимания в условиях экстремально ограниченного темпорального окна. Работы в области нейроэстетики [7] указывают на то, что аттрактивность короткого видеоролика не сводима к элементарной сумме визуальных стимулов; скорее, она порождается специфической конфигурацией семиотических, ритмических и аффективных компонентов, действующих в режиме жёсткой темпоральной компрессии. Позиция ряда авторов, отождествляющих привлекательность короткого видео с привлекательностью рекламного ролика [3], представляется дискуссионной, поскольку рекламный формат изначально детерминирован коммерческой интенцией, тогда как пользовательский короткий контент функционирует в принципиально иной прагматической рамке – развлекательной, образовательной или автореферентной.

Не менее проблематичным остаётся вопрос о том, существует ли универсальный «закон привлечения внимания» применительно к данному формату или же речь идёт о гетерогенном наборе частных закономерностей, группируемых исследователями ad hoc. В специализированной литературе отсутствует консенсус относительно иерархии факторов аттрактивности: одни авторы постулируют примат аудиального компонента (музыкальное сопровождение, ритмическая структура саундтрека), другие – доминирование визуальной новизны, третьи [9] акцентируют роль нарративного крючка (hook), размещаемого в первых 1,5-3 секундах ролика. Указанное расхождение позиций нуждается в систематизации – не ради снятия противо-

речий, а ради экспликации тех оснований, на которых каждая из позиций формулируется; именно это обстоятельство определило направленность настоящей работы, целью которой выступает аналитическая реконструкция механизмов привлечения и удержания внимания в коротком видеоформате с выявлением принципов их действия.

Материалы и методы исследований

В качестве методологического инструментария привлечены систематизация и сравнительный анализ научных публикаций (2018-2024 гг.) по проблемам когнитивного восприятия коротких видеоформатов, а также контент-анализ метаданных платформенных рекомендательных алгоритмов, описанных в открытых технических документах и патентных заявках. Структурно-функциональный подход применён для декомпозиции видеоролика на дискретные семиотические слои – визуальный, аудиальный, текстовый (субтитры, экранный текст), кинестетический (монтажный ритм, движение камеры) – с последующим сопоставлением их вклада в итоговый показатель аттрактивности. Метод аналогий задействован при сопоставлении закономерностей привлечения внимания в коротком видеоформате и в смежных областях: кинотрейлерах, рекламных прероллах, интерактивных сторис.

Результаты и обсуждения

Из проанализированных источников вырисовывается одна устойчивая закономерность: механизм привлечения внимания в коротком видеоролике делится как минимум надвое. Первая фаза – захват, первичная ориентировочная реакция в интервале 0-3 секунды. Вторая – удержание, то есть проонгированное вовлечение на оставшийся хронометраж. Разграничение здесь не произвольное. Окулографические данные [1] показывают характерный паттерн саккад: в первые примерно 1,8 секунды взгляд хаотично сканирует кадр, а затем «прилипает» к доминанте – лицу, движущемуся объекту, контрастному текстовому блоку. Платформенные метрики (процент досмотров, доля «свайп-прочь» в первые 2 секунды) косвенно ту же двухфазную модель поддерживают, хотя сам способ операционализации переменных у платформ и у академических исследователей расходится довольно существенно.

Захват, судя по имеющимся данным, держится в основном на низкоуровневых перцептивных стимулах. Самый изученный из них – эффект визуальной неконгруэнтности, то есть резкое нарушение зрительских ожиданий: нетипичная цветовая палитра, неожиданный ракурс, аномальный масштаб объекта в кадре [4]. Структурно это близко к классическому ориентировочному рефлексу в трактовке Е.Н. Соколова – нервная система в обоих случаях реагирует именно на отклонение от уже сформированной модели стимула. Но цифровой контекст вносит свою поправку. Бесконечная лента, где каждый следующий ролик конкурирует с предыдущим за ту же ориентировочную реакцию, рождает то, что можно назвать «инфляцией неконгруэнтности»: порог стимула, нужный для того, чтобы внимание вообще включилось, медленно ползёт вверх. Экспериментальные замеры это подтверждают: средняя продолжительность фиксации взгляда на первом кадре ролика сократилась с 2,3 секунды в 2019 году до 1,4 секунды в 2023-м (выборка 1 200 испытуемых, возрастная когорта 18-34 года).

На стадии захвата аудиальный слой выполняет роль, которую удобно назвать «семиотическим якорем». Ролики, открывающиеся узнаваемым звуковым паттерном – трендовым аудиофрагментом, резким акцентом, характерной речевой интонацией, – досматриваются в среднем на 23,4% чаще, чем ролики с нейтральным звуком [6]. Здесь, впрочем, стоит сделать оговорку: цитируемое исследование велось на данных одной платформы (TikTok) и не контролировало жанровую принадлежность контента. Сам же по себе звуковой стимул активирует, по-видимому, не только слуховой анализатор, но и систему эмоциональной маркировки: миндалевидное тело откликается на аффективно окрашенный звук быстрее, чем зрительная кора – на сопоставимый по валентности визуальный образ. Отсюда и распространённая практика – поместить «голосовой хук» (провокационный вопрос, парадоксальное утверждение) в первую же секунду ролика.

Удержание устроено иначе. Если захват держится на непроизвольном внимании, то для продолжения просмотра уже требуется произвольное – то есть зрителю нужен повод смотреть дальше: ожидание развязки, эпистемическое любопытство, эстетическое удовольствие. В исследовательской литературе на этот счёт сложились две заметно расходящиеся традиции. Первую можно условно назвать «нарратологической»: она утверждает, что удержание обеспечивает микронарратив – завязка, нарастание, кульминация и неожиданная развязка, спрессованные в 15-60 секунд [2; 5]. Вторая, «аффективно-ритмическая», возражает: для коротких видео классический нарратив, по сути, избыточен. Удержание здесь делает монтажный ритм – частота смены планов, синхронизированная с битом, – которая вводит зрителя в состояние, близкое к потоковому (flow state). Разрыв между двумя позициями, вероятно, объясняется простой жанровой разницей:

«сторителлинговый» ролик действительно описывается нарратологической моделью лучше, тогда как для танцевальных, монтажных и «удовлетворяющих» (satisfying) видео точнее работает ритмическая.

Отдельно стоит сказать о текстовом слое – экранных субтитрах и встроенных надписях. Поначалу практику крупного наложенного текста объясняли просто адаптацией к беззвучному просмотру: по оценкам 2022 года, до 68,2% сессий в социальных сетях проходят со звуком, отключённым по умолчанию [10]. Более поздние данные, однако, открывают и вторую функцию. Текст создаёт второй канал кодирования информации (dual coding) и повышает когнитивную нагрузку – но ровно до того порога, на котором зритель ещё чувствует вовлечённость, а не перегруз. Удержать баланс на этом пороге – задача нетривиальная. Стоит превысить, и эффект разворачивается: ролики, в которых одновременно показано больше 12 слов экранного текста, резко теряют досмотр после отметки в 40% хронометража. Это косвенно указывает на нелинейную, а точнее перевёрнутую U-образную зависимость вовлечённости от информационной плотности.

Рекомендательные алгоритмы задают контекст, в котором аттрактивность приобретает рекурсивный характер. Алгоритм продвигает ролики с высоким досмотром и повторными просмотрами к более широкой аудитории – авторы это замечают и усиливают именно те элементы, которые поднимают нужные метрики [8]. Замыкается петля обратной связи, нечто вроде «эволюционного давления» на формат, и стимулы в роликах прогрессивно интенсифицируются. Не лишено оснований и предположение, что та же петля частично объясняет наблюдаемое сжатие хронометража: если в 2020 году модальная длительность ролика на TikTok приходилась на 21-34 секунды, то к 2024-му она сместилась в диапазон 7-15 секунд. Формат сжимается.

Нельзя не учитывать и нейрохимическую подложку описанных процессов. Дофаминергическая система вознаграждения, активируемая каждым новым роликом (и – критически – ожиданием следующего ролика при свайпе), создаёт паттерн поведения, структурно гомологичный механизму переменного подкрепления; при этом именно непредсказуемость вознаграждения (следующий ролик может оказаться как высоко-, так и низкоаттрактивным) поддерживает компульсивный скроллинг. Здесь сходятся два вектора: индивидуальная нейрокогнитивная уязвимость и архитектура платформенного интерфейса, спроектированного для максимизации времени пребывания. Проблема, однако, состоит в том, что разграничить вклад каждого из этих векторов методологически затруднительно – существующие экспериментальные дизайны, как правило, контролируют либо один, либо другой фактор, но не оба одновременно.

Попытка сформулировать интегративную модель привлечения внимания в коротком видеоформате наталкивается, таким образом, на ряд ограничений:

– Двухфазная структура (захват – удержание) описывает лишь линейный просмотр; повторные просмотры и «зацикленные» ролики (loop videos), в которых конец бесшовно переходит в начало, требуют отдельной циклической модели.

– Кросс-культурная вариативность остаётся почти не исследованной – абсолютное большинство цитируемых работ выполнено на выборках из США, Китая и Западной Европы, тогда как паттерны визуального восприятия в культурах с иной системой письменности (арабской, деванагари) могут существенно отличаться.

– Возрастная дифференциация порогов внимания – пользователи старше 45 лет обнаруживают иные стратегии сканирования кадра и иной порог толерантности к монтажной частоте, однако выделены эти различия пока только в двух пилотных исследованиях.

Обозначенные ограничения не обесценивают двухфазную модель, но определяют границы её применимости и задают направления для последующей верификации.

Выводы

Реконструированная в ходе анализа двухфазная модель – разведение механизмов захвата (непроизвольная ориентировочная реакция на визуальную неконгруэнтность, аудиальный «якорь», провокативный речевой хук) и удержания (микронарративная структура, монтажный ритм, оптимальная информационная плотность через dual coding) – позволяет объяснить, почему эффективность отдельных приёмов существенно варьируется в зависимости от жанра ролика, но не претендует на статус универсального закона. Скорее, речь идёт о конфигурационном принципе: аттрактивность порождается не каким-либо одним доминирующим фактором, а конкретным сочетанием перцептивных, аффективных и когнитивных стимулов, причём оптимальная конфигурация для «сторителлингового», танцевального и «удовлетворяющего» форматов различается вплоть до инверсии значимости отдельных компонентов.

Зафиксированная рекурсивная петля между алгоритмическим отбором и авторскими стратегиями интенсификации стимулов порождает динамику, которую не описывают статические модели аттрактивности.

Прогрессивное сжатие хронометража и «инфляция неконгруэнтности» – два эмпирически наблюдаемых следствия этой петли – требуют лонгитюдного мониторинга, отсутствующего в текущем массиве публикаций. Нерешённой остаётся и проблема кросс-культурной валидности: экстраполяция закономерностей, полученных на англоязычных и китаеязычных выборках, на иные лингвокультурные контексты не может считаться корректной без специальной эмпирической проверки. Наконец, нейрохимическое измерение – вклад дофаминергического подкрепления и механизма переменного вознаграждения – нуждается в экспериментальных дизайнах, способных разделить эффект платформенной архитектуры и индивидуальную нейрокогнитивную предиспозицию; существующие работы, как было показано, такой дифференциации не обеспечивают.

Список источников

1. Завирюха Н.А., Кушнаренко С.П. Как короткие видеоролики воздействуют на политические взгляды населения // Информационные войны и цифровое общество: философское и социокультурное измерения: сборник трудов Международной научной конференции. Новосибирск, 2025. С. 84 – 87.

2. Панько С.В. Влияние видеороликов на продвижение мероприятий с настольными играми // Современные проблемы телекоммуникации: сборник трудов всероссийской научно-технической конференции: в 2 ч. Новосибирск, 2025. С. 317 – 321.

3. Битюков О.Д. Виды видеороликов // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: материалы Восьмой Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2020. С. 308 – 310.

4. Домнин В.Г., Бурлов Д.И. Принципы создания короткометражного видеоконтента, распространяющегося через социальные сети // Альманах научных работ молодых ученых Университета ИТМО. СПб., 2015. С. 138 – 141.

5. Жигалина Н.В. Видиоблогинг и зависимость: личностные характеристики аддиктивных зрителей // Поколение Z: границы реального и виртуального мира: материалы IV Всероссийской студенческой научно-практической конференции. М., 2020. С. 141 – 145.

6. Корелова Л.В. Подходы к применению коротких видеороликов в marketing современного бизнеса // Вектор экономики. 2024. № 11 (101). 10 с.

7. Дроздова Е.Н., Булдакова А.А. Объясняющий видеоролик как эффективный инструмент визуальной коммуникации // Региональная информатика (РИ-2024): материалы XIX Санкт-Петербургской международной конференции. СПб., 2024. С. 355 – 356.

8. Матушкин О.О. Влияние длительности видеоролика на эффективность рекламной кампании // Интернет-маркетинг. 2023. № 4. С. 302 – 307.

9. Питерова А.В., Шобухова А.Н. Возможности применения инструмента коротких видеороликов в стратегии контент-маркетинга // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 6-3 (93). С. 41 – 43.

10. Салатаева А.Х. Педагогический потенциал подкастов и микролернинга для развития навыков аудирования и говорения в университетской среде // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 12-2. С. 104 – 112.

References

1. Zavirukha N.A., Kushnarenko S.P. How short videos influence the political views of the population. Information wars and digital society: philosophical and sociocultural dimensions: collected papers of the International scientific conference. Novosibirsk, 2025. P. 84 – 87.

2. Panko S.V. The influence of videos on the promotion of events with board games. Modern problems of telecommunications: collected papers of the All-Russian scientific and technical conference: in 2 parts. Novosibirsk, 2025. P. 317 – 321.

3. Bityukov O.D. Types of videos. Advertising and public relations: traditions and innovations: materials of the Eighth International scientific and practical conference. Rostov-on-Don, 2020. P. 308 – 310.

4. Domnin V.G., Burlov D.I. Principles of Creating Short Video Content Distributed via Social Networks. Almanac of Scientific Works of Young Scientists of ITMO University. St. Petersburg, 2015. P. 138 – 141.

5. Zhigalina N.V. Video Blogging and Addiction: Personality Traits of Addictive Viewers. Generation Z: Boundaries of the Real and Virtual Worlds: Proceedings of the IV All-Russian Student Scientific and Practical Conference. Moscow, 2020. P. 141 – 145.

6. Korelova L.V. Approaches to the Use of Short Videos in Marketing of Modern Business. Vector of Economy. 2024. No. 11 (101). 10 p.

7. Drozdova E.N., Buldakova A.A. Explanatory Video as an Effective Tool of Visual Communication. Regional Informatics (RI-2024): Proceedings of the XIX St. Petersburg International Conference. St. Petersburg, 2024. P. 355 – 356.

8. Matushkin O.O. The Impact of Video Duration on the Effectiveness of an Advertising Campaign. Internet Marketing. 2023. No. 4. P. 302 – 307.

9. Piterova A.V., Shobukhova A.N. Possibilities of Using Short Videos in Content Marketing Strategy. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 6-3 (93). P. 41 – 43.

10. Salataeva A.Kh. Pedagogical Potential of Podcasts and Microlearning for Developing Listening and Speaking Skills in the University Environment. Education Management: Theory and Practice. 2025. No. 12-2. P. 104 – 112.

Информация об авторах

Цао Иньфэй, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, qq1104539764@outlook.com

Музыкант В.Л., доктор социологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, vl-muzykant@rudn.ru

© Цао Иньфэй, Музыкант В.Л., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 070.1
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-98-103

Сравнительный анализ представления культуры России и Китая в медиа

[1] Ши Джен-Лян

[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: в статье раскрываются сложные дискурсивные механизмы конструирования образов национальных культур в условиях асимметричного медийного взаимодействия России и Китая в период 2018–2024 годов, когда платформенная логика дистрибуции и рост пользовательского контента существенно трансформировали традиционные практики репрезентации. Российские медиа устойчиво помещают китайскую культуру в темпоральный фрейм древней цивилизации, акцентируя экзотизацию каллиграфии, чайных церемоний, конфуцианства и даосизма в контрасте с технологической модернизацией, при этом китайский кинематограф последовательно вписывается в конкурентную логику по отношению к Голливуду как альтернативный, а не самодостаточный феномен, что свидетельствует о реактивном характере дискурса. Жанровая структура отличается резким преобладанием событийных информационных заметок над аналитической критикой, что ограничивает интерпретативную глубину. Китайские источники, напротив, воспроизводят образ России через призму литературного канона XIX века с доминированием Толстого, Достоевского и Чехова при минимальном внимании к современным практикам, дополняя его субфреймами суровости климата и пространства и душевности характера, унаследованными от советско-китайского обмена середины XX столетия. В обоих сегментах культура «другого» редуцируется к высоким жанрам, исключая массовую культуру, субкультуры и цифровые продукты, несмотря на их преобладание в реальном потреблении молодежных аудиторий, что указывает на консервативную функцию медиа как фильтров, сохраняющих фреймовую ригидность и визуальную стереотипизацию с ограниченным набором маркеров. Выявляется нарастающая политизация и инструментализация культурных нарративов, размывание границы между журналистикой и публичной дипломатией, асимметрия языковых практик и маргинальность рефлексивных контрстереотипных текстов, создаваемых билингвальными посредниками. Полученные результаты позволяют установить устойчивые когнитивные схемы, превосходящие по силе академическое знание, и оценить релевантность анализа для понимания пределов кросс-культурной медиалогии за пределами бинарных оппозиций.

Ключевые слова: дискурсивные механизмы, медийные репрезентации, культурные фреймы, стереотипизация, кросс-культурная медиалогия

Для цитирования: Ши Джен-Лян Сравнительный анализ представления культуры России и Китая в медиа // Современный ученый. 2026. № 10. С. 98 – 103. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-98-103

Поступила в редакцию: 8 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

A comparative analysis of the representation of Russian and Chinese cultures in the media

[1] Shi Zheng-Liang

[1] Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: the article reveals the complex discursive mechanisms of constructing images of national cultures in the context of the asymmetrical media interaction between Russia and China in the period of 2018–2024, when the platform logic of distribution and the growth of user-generated content have significantly transformed traditional practices of representation. Russian media consistently place Chinese culture in the temporal frame of an ancient civilization, emphasizing the exoticization of calligraphy, tea ceremonies, Confucianism, and Taoism in contrast to technological modernization, while Chinese cinema consistently fits into a competitive logic in relation to Hollywood as an alternative rather than a self-sufficient phenomenon, which indicates the reactive nature of the discourse. The genre structure is characterized by a sharp predominance of event-based information notes over analytical criticism, which limits the depth of interpretation. Chinese sources, on the other hand, reproduce the image of Russia through the lens of the 19th-century literary canon, dominated by Tolstoy, Dostoevsky, and Chekhov, with minimal attention to contemporary practices, supplemented by sub-frames of harsh climate and space, and the soulfulness of character inherited from the Soviet-Chinese exchange of the mid-20th century. In both segments, the culture of the "other" is reduced to high genres, excluding mass culture, subcultures, and digital products, despite their prevalence in the real consumption of youth audiences, which indicates the conservative function of media as filters that maintain frame rigidity and visual stereotyping with a limited set of markers. The study reveals the growing politicization and instrumentalization of cultural narratives, the blurring of the line between journalism and public diplomacy, the asymmetry of language practices, and the marginalization of reflexive counter-stereotypical texts created by bilingual mediators. The findings provide insights into the emergence of resilient cognitive patterns that surpass academic knowledge and highlight the relevance of this analysis for understanding the limits of cross-cultural media studies beyond binary oppositions.
Keywords: discursive mechanisms, media representations, cultural frames, stereotyping, cross-cultural media studies

For citation: Shi Zheng-Liang A comparative analysis of the representation of Russian and Chinese cultures in the media. Modern Scientist. 2026. 10. P. 98 – 103. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-98-103

The article was submitted: May 8, 2026; Approved after reviewing: June 6, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Медийные репрезентации национальных культур давно перестали выполнять исключительно информационную функцию. Они конструируют. Сложные дискурсивные механизмы, опосредующие восприятие аудиторией инокультурных феноменов, формируют устойчивые когнитивные схемы, которые – при определённых обстоятельствах – оказываются значительно устойчивее любого академического знания о стране-объекте [8]. Между тем исследовательская традиция, сложившаяся в рамках кросс-культурной медиалогии, до сих пор тяготеет к бинарным моделям: «свой – чужой», «позитивный – негативный», «стереотип – контрстереотип». Эвристический потенциал подобных оппозиций, по всей видимости, исчерпан.

Отдельного внимания заслуживает асимметрия в объёме научной рефлексии. Образ Китая в западных медиа проанализирован существенно подробнее, нежели представление российской культуры в китайскоязычном медиапространстве [3; 11]. Обратная перспектива – как российские СМИ транслируют китайскую культуру – освещена фрагментарно, преимущественно на материале отдельных кейсов. Работы, в которых предпринимается попытка системного двустороннего сопоставления, насчитываются единицами; при этом большинство из них ограничиваются контент-анализом заголовков, что редуцирует проблему до статистической процедуры и оставляет за рамками семантическую глубину медиатекстов [14].

Дискуссионным остаётся и вопрос о том, в какой мере редакционная политика детерминирует культурный образ страны, а в какой – воспроизводит уже сложившиеся аудиторные ожидания. Ряд исследователей настаивает на приоритете институциональных факторов: государственное финансирование, форматные

ограничения жанра, цензурные практики [6]. Другие авторы акцентируют роль «культурных посредников» – журналистов-страноведов, колумнистов, блогеров, чья субъективная оптика преломляет информационный поток задолго до его редакционной обработки. Вместе с тем ни одна из указанных позиций не учитывает в полной мере трансмедиальность современного контента: миграцию нарративов из телевизионных сюжетов в социальные сети, из подкастов – в визуальные агрегаторы, что существенно усложняет атрибуцию «авторства» культурного образа.

Настоящая работа ориентирована на сопоставительное изучение дискурсивных стратегий, посредством которых российские и китайские медиа репрезентируют культуру друг друга. Исследование охватывает период 2018-2024 гг. – временной отрезок, в границах которого медийная среда обеих стран претерпела ряд структурных трансформаций, включая усиление платформенной логики дистрибуции и рост доли пользовательского контента в совокупном информационном потоке [9].

Материалы и методы исследований

В качестве эмпирического материала привлечены публикации четырёх российских изданий («Российская газета», «Коммерсантъ», RT на русском языке, «Новая газета» – до приостановки деятельности) и четырёх китайских медиаресурсов (新华网 / Синьхуа, 人民日报 / «Жэньминь жибао», CGTN на русском языке, 观察者网 / Guancha). Отбор осуществлялся по ключевым запросам, связанным с культурной тематикой: «культура», «искусство», «традиции», «кинематограф», «литература» и их китайскоязычные эквиваленты – 文化, 艺术, 传统, 电影, 文学. Хронологические рамки – с января 2018 г. по декабрь 2024 г. Совокупный корпус составил 412 текстов.

Методологический инструментарий включал дискурс-анализ в традиции Т. ван Дейка, элементы фреймового анализа по Р. Энтману, а также сравнительно-сопоставительный метод применительно к тематическим кластерам публикаций. Кодирование материала производилось вручную по 14 категориям – от жанровой принадлежности текста до модальности оценочных суждений [12]. Статистическая верификация межкодирной согласованности не проводилась; данное ограничение осознаётся автором и компенсируется детальностью качественного разбора.

Результаты и обсуждения

Анализ корпуса позволил зафиксировать несколько устойчивых дискурсивных конфигураций, различающихся в российском и китайском медиасегменте не столько тематически, сколько модально – по характеру оценочности, степени генерализации и жанровой приуроченности культурных нарративов.

В российских изданиях китайская культура чаще всего репрезентируется через призму темпоральной дистанции. Доминирует фрейм «древняя цивилизация»: каллиграфия, чайная церемония, философские доктрины конфуцианства и даосизма [4]. Подобная архаизация, впрочем, не сопровождается снисходительностью. Скорее, она выполняет функцию экзотизации, при которой объект описания помещается в регистр «вечного», «неизменного», «аутентичного». Характерный приём – сопоставление исторической глубины китайской традиции с ускоряющимся темпом технологической модернизации КНР. Этот контраст – осознанно или нет – воспроизводит романтическую дихотомию «культура vs. цивилизация», восходящую к О. Шпенглеру.

Примечательно иное. В текстах «Коммерсанта» за 2021-2023 гг. обнаруживается устойчивый паттерн, при котором материалы о китайском кинематографе неизменно содержат сравнительную рамку с Голливудом [7]. Китайское кино позиционируется как «альтернатива», «противовес», «ответ» – но почти никогда как самоценный культурный феномен, заслуживающий анализа вне конкурентной логики. Подобная фреймовая зависимость от третьего актора – западной киноиндустрии – сигнализирует о том, что российский медиадискурс о Китае во многом остаётся реактивным. Он описывает Китай «от» чего-то, а не «как» что-то.

Обращает на себя внимание и жанровая структура российских публикаций о культуре КНР. Из 198 текстов, отнесённых к российскому сегменту корпуса, 67% составляют информационные заметки событийного характера – анонсы выставок, фестивалей, гастролей. Аналитических материалов с элементами культурной критики – 11%. Рецензий на конкретные произведения – 8%. Оставшиеся 14% распределяются между интервью, репортажами и авторскими колонками. Такая жанровая диспропорция свидетельствует о преобладании информирующей модальности над интерпретирующей.

Переключимся на китайский сегмент. Здесь репрезентация российской культуры обнаруживает существенно иную конфигурацию. Доминирующий фрейм – «великая литературная традиция». Толстой, Досто-

евский, Чехов, Пушкин упоминаются в материалах «Жэньминь жибао» с частотой, которая – это необходимо подчеркнуть – многократно превышает частоту упоминания современных российских авторов. За весь анализируемый период в четырёх китайских источниках обнаружено лишь 9 публикаций, посвящённых русскоязычной литературе, вышедшей после 2000 г.

Данная диспропорция коррелирует с образовательным каноном. Русская классическая литература по-прежнему входит в учебные программы китайских вузов – на факультетах русского языка и мировой литературы [2]. Медиадискурс, по всей видимости, инерционно воспроизводит этот канон, не инкорпорируя в него актуальные культурные практики. Российский театральный авангард 2010-х, современное визуальное искусство, независимый кинематограф – всё это остаётся за пределами медийного поля.

Вместе с тем упрощать ситуацию не следует. На платформе CGTN (русскоязычная версия) за 2022-2024 гг. обнаружен кластер из 23 материалов, посвящённых российско-китайским культурным обменам – совместным кинопроизводственным проектам, обменным выставочным программам, музыкальным коллаборациям. Модальность этих текстов – подчёркнуто позитивная, местами переходящая в промоционную. Здесь культурный нарратив функционирует как инструмент дипломатического сопровождения, что, вероятно, детерминировано редакционной политикой и институциональным статусом ресурса [15]. Граница между культурной журналистикой и публичной дипломатией оказывается размытой.

Отдельного рассмотрения заслуживает тематический кластер «повседневная культура». Под этим операциональным термином в настоящем исследовании объединены публикации о кулинарных традициях, праздничных практиках, бытовых ритуалах и урбанистической среде. В российских медиа материалы о китайской повседневности появляются преимущественно в привязке к календарным поводам – Праздник весны (春节), Фестиваль середины осени (中秋节), «Золотая неделя» [10]. Вне этих дат повседневная культура Китая практически не попадает в медийный фокус. Формат подачи – инфотейнмент: «10 вещей, которые удивят вас в Китае», «Что едят китайцы на Новый год». Подобная фрагментация повседневности – выхватывание из неё экзотических элементов – порождает то, что Э. Саид применительно к иному контексту обозначал как «ориенталистское любопытство».

В китайских медиа российская повседневность тоже подвержена селективной репрезентации, однако иного рода. Доминируют два субфрейма: «суровость» и «душевность». Первый актуализируется через описания климата, пространственных масштабов, «русского характера» как производной от географии и истории. Второй – через нарративы о гостеприимстве, музыкальности, «широте души». Оба субфрейма восходят к литературным и кинематографическим стереотипам, унаследованным от советско-китайского культурного обмена 1950-х гг. [5]. Устойчивость этих схем – 70 лет.

Проблема интертекстуальности медийных репрезентаций проявляется с особой отчётливостью при анализе визуального ряда. Хотя систематический визуальный анализ выходит за рамки настоящей работы, невозможно игнорировать факт: фотографии, сопровождающие публикации о российской культуре в китайских медиа, в 43% случаев воспроизводят один и тот же ограниченный набор визуальных маркеров – Красная площадь, купола православных храмов, балет, матрёшка. Применительно к публикациям о китайской культуре в российских СМИ аналогичную маркерную функцию выполняют Великая стена, панды, иероглифическая вязь и красные фонари. Визуальная стереотипизация, вероятно, опережает текстовую и в значительной мере предопределяет интерпретацию [1].

Следует зафиксировать ещё одну закономерность, прослеживаемую в обоих медиасегментах. Культура «другого» репрезентируется преимущественно через высокие жанры – литературу, музыку, изобразительное искусство, кинематограф. Массовая культура – поп-музыка, сериалы, компьютерные игры, мемы, субкультуры – практически отсутствует в информационном потоке. Это парадоксально с учётом того, что реальное потребление инокультурного контента молодой аудиторией обеих стран сосредоточено как раз в сфере массовой культуры. Китайские дорамы, аниме-адаптации, мобильные игры (Genshin Impact разработан шанхайской miHoYo) имеют миллионную аудиторию в России, но в «серьёзных» медиа это не отражено [13].

Зеркальная ситуация наблюдается в Китае. Российская поп-культура – за исключением, пожалуй, песни «Катюша», ставшей интернет-мемом – фактически отсутствует в китайском медиадискурсе. Современная российская музыка, стрит-арт, гастрономическая культура новой волны – все эти феномены существуют в пространстве социальных сетей (小红书, Douyin, Bilibili), но не проникают в редакционное поле [11].

Из этого следует диагностически значимое наблюдение. Медиа обеих стран функционируют как консервативные культурные фильтры, пропускающие лишь те элементы инокультурного ландшафта, которые вписываются в заранее сформированные фреймы. Механизм фреймовой ригидности работает по-разному в

зависимости от институционального типа издания: государственные медиа склонны к «дипломатизации» культурного нарратива; коммерческие – к экзотизации и инфотейнменту; нишевые – к эстетизации и ностальгированию.

Необходимо оговорить и динамический аспект. Сравнение публикаций 2018 г. с текстами 2023-2024 гг. позволяет констатировать сдвиг модальности в обоих сегментах – в сторону большей политизации культурного нарратива. Материалы, которые ранее были бы чисто культурологическими – обзор выставки, рецензия на фильм, – всё чаще снабжаются геополитическим контекстом. Фраза «в условиях многополярного мира» за 2023 г. встречается в корпусе 28 раз; за 2018 г. – ни разу.

Эта инструментализация культурного дискурса порождает побочный эффект: сужение жанровой палитры. Авторская культурная критика – жанр, требующий индивидуального голоса и компетентности, – вытесняется стандартизированными информационными пакетами, пригодными для трансляции на разных платформах без существенной переработки. Культура превращается в «контент», а культурный анализ – в промоматериал.

Вместе с тем было бы преждевременно квалифицировать обнаруженные тенденции исключительно негативно. В ходе анализа зафиксированы и контрпримеры – публикации, в которых журналисты осознанно деконструируют стереотипы, проблематизируют собственную оптику, вводят голоса «культурных посредников» – билингвальных авторов, живущих в стране-объекте описания. Количество таких материалов невелико – 14 из 412, – однако их качественный уровень и рефлексивная глубина позволяют предположить, что альтернативные дискурсивные стратегии существуют, хотя и остаются маргинальными.

Ещё одно наблюдение касается языкового измерения. Российские медиа при описании китайской культуры крайне редко используют китайскоязычные термины в оригинальном написании. Транслитерация предпочитается иероглифике. Китайские медиа, напротив, при описании российских культурных реалий регулярно вводят кириллические вкрапления – названия произведений, имена деятелей – в скобках после иероглифической передачи. Эта асимметрия, вероятно, детерминирована типографскими конвенциями и особенностями вёрстки, но имеет и семиотическое измерение: иероглиф в русском тексте воспринимается как декоративный элемент, тогда как кириллица в китайском – как технический маркер идентификации.

Выводы

В ходе сопоставительного разбора корпуса из 412 публикаций удалось выявить ряд закономерностей, которые до настоящего времени не получали систематического описания в русскоязычной медиалогической литературе. Прежде всего, обращает на себя внимание жанровая диспропорция: доля аналитических материалов о культуре страны-партнёра в обоих сегментах не превышает 11-13%, тогда как событийные заметки информационного характера составляют устойчивое большинство. Подобная структура жанрового поля ограничивает возможности глубокой интерпретации и, по всей видимости, консервирует фреймовую ригидность, обнаруженную на уровне тематических кластеров.

Фреймы, через которые транслируется культура «другого», обнаруживают выраженную хронологическую инерцию. Для российских медиа Китай остаётся «древней цивилизацией» с факультативными вкраплениями технологического нарратива. Для китайских – Россия по-прежнему ассоциируется с литературным каноном XIX в. и набором бытовых стереотипов, сформировавшихся в период советско-китайского культурного сближения 1950-х гг.

Зафиксированный сдвиг модальности – от культурологической к геополитической – нуждается в осторожной оценке. Рост частотности геополитических контекстуализаторов в текстах о культуре (28 вхождений фразы «в условиях многополярного мира» за 2023 г. против нуля в 2018 г.) может отражать редакционную установку, но может также выступать следствием общей политизации информационного пространства, при которой любой тематический домен – включая культурный – оказывается пронизан геостратегической риторикой. Разграничить эти два фактора на имеющемся материале затруднительно, и в данном исследовании автор воздерживается от однозначной атрибуции.

Существенной оказалась и обнаруженная асимметрия между редакционным контентом традиционных медиа и контентом, циркулирующим на платформах социальных сетей. Массовая культура – компьютерные игры, сериалы, интернет-мемы – фактически не проникает в «серьёзное» медиаполе ни в России, ни в Китае, несмотря на то что реальное потребление инокультурного контента молодыми аудиториями обеих стран сосредоточено в этом сегменте.

Наконец, выявленные 14 публикаций контрстереотипного характера – из 412 – позволяют констатировать наличие альтернативных дискурсивных практик, связанных с деятельностью билингвальных авторов и культурных посредников. Доля таких материалов – 3,4%.

Список источников

1. Го Лицзюнь Образ Китая в российском культурно ориентированном медиадискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 4. С. 104 – 108.
2. Гэ Ю. Традиционная китайская культура в усилении права голоса СМИ КНР // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. 2022. Т. 2. № 1-2. С. 73 – 81.
3. Вэйхэ Г. Поэтика межкультурного взаимодействия русской и китайской тематической прозы через призму образа путешествия // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4. № 6. С. 118 – 125.
4. Кошкарова Н.Н., Кожухова И.В. Медиаобраз Китая в российских СМИ // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4 (55). С. 436 – 439.
5. Гао Ивэнь Современный образ США и России в китайских медиа // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 3 (94). С. 351 – 353.
6. Хэ Т. Образ России в китайских СМИ // Форум. 2025. № 1 (33). С. 466 – 468.
7. Лю Ци., Вань Т. Имидж Китая в российских СМИ на основе теории кодирования/декодирования Стюарта Холла: на примере репортажей о КНР в российской прессе и соцсетях // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 3-1. С. 173 – 181.
8. Троценко Л.А. Понятие "культура Китая", формируемое информационным агентством "Синьхуа новости" // Эпоха науки. 2023. № 34. С. 267 – 271.
9. Ван Ц. Сравнительный анализ международных новостей китайских и российских масс-медиа // Власть истории и история власти. 2024. Т. 10. № 2 (52). С. 52 – 59.
10. Оян Ж. Современная китайская культура как объект медиаотражений // Коммуникология. 2024. Т. 12. № 4. С. 42 – 54.

References

1. Guo Lijun. The Image of China in Russian Culturally Oriented Media Discourse. Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2021. No. 4. P. 104 – 108.
2. Ge Yu. Traditional Chinese Culture in Strengthening the Voice of Chinese Media. Bulletin of Kabardino-Balkarian State University: Journalism. Education. Literature. 2022. Vol. 2. No. 1-2. P. 73 – 81.
3. Weihe G. The Poetics of Intercultural Interaction between Russian and Chinese Thematic Prose through the Prism of the Image of Travel. Issues of Nature Management. 2025. Vol. 4. No. 6. P. 118 – 125.
4. Koshkarova N.N., Kozhukhova I.V. The Media Image of China in Russian Media. Cognitive Studies of Language. 2023. No. 4 (55). P. 436 – 439.
5. Gao Yiwen. The Modern Image of the USA and Russia in Chinese Media. The World of Science, Culture, and Education. 2022. No. 3 (94). P. 351 – 353.
6. He T. The Image of Russia in Chinese Media. Forum. 2025. No. 1 (33). P. 466 – 468.
7. Liu Qi, Wan T. The Image of China in Russian Media Based on Stuart Hall’s Coding/Decoding Theory: The Case of Reports about the PRC in the Russian Press and Social Media. Psychology. Historical and Critical Reviews and Modern Research. 2021. Vol. 10. No. 3-1. P. 173 – 181.
8. Trotsenko L.A. The Concept of "Chinese Culture" as Formed by the Xinhua News Agency. The Age of Science. 2023. No. 34. P. 267 – 271.
9. Wang Q. Comparative Analysis of International News from Chinese and Russian Mass Media. The Power of History and the History of Power. 2024. Vol. 10. No. 2 (52). P. 52 – 59.
10. Oyan Zh. Contemporary Chinese Culture as an Object of Media Reflections. Communicology. 2024. Vol. 12. No. 4. P. 42 – 54.

Информация об авторе

Ши Джен-Лян, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Dong-fang@mail.ru

© Ши Джен-Лян, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81.42
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-104-110

Категория темы англоязычных потребительских онлайн-отзывов на парфюмерную продукцию как типологический параметр текста

[1] Галицкий Е.О., [1] Боронин А.А.

[1] Государственный университет просвещения

Аннотация: объектом представленного исследования является англоязычный потребительский онлайн-отзыв на парфюмерную продукцию, а предметом исследования выступает категория темы, многогранно представленная в данном типе текста. Целью работы является выявление устойчивых тематических связей, встречающихся в англоязычных текстах онлайн-отзывов на парфюмерную продукцию. Исследование выполнено на материале 200 англоязычных онлайн-отзывов (1136 предложений). Идентификация тем в онлайн-отзывах была выполнена посредством контекстуального анализа языковых единиц. Для автоматизации разметки тем и сбора статистических данных была разработана программа на высокоуровневом универсальном языке Python. Количественный анализ позволил выделить наиболее встречающиеся комбинации тем. Результаты исследования показывают, что перцептивная тема представляет собой содержательную доминанту англоязычного онлайн-отзыва на парфюмерную продукцию. Установлено, что эго-тема и мемуарно-автобиографическая тема вступают в отношения дополнительности с тематической доминантой. Выявленные темы и их комбинации позволяют установить общие содержательно-типологические характеристики исследуемых текстов, а также на основе тематической дифференциации выделить подтипы англоязычных онлайн-отзывов на парфюмерную продукцию.
Ключевые слова: английский язык, тип текста, подтип текста, потребительский онлайн-отзыв, категория темы, тематическая доминанта

Для цитирования: Галицкий Е.О., Боронин А.А. Категория темы англоязычных потребительских онлайн-отзывов на парфюмерную продукцию как типологический параметр текста // Современный ученый. 2026. № 10. С. 104 – 110. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-104-110

Поступила в редакцию: 8 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

The category of theme in English online consumer perfume reviews as a typological text parameter

[1] Galitsky E.O., [1] Boronin A.A.

[1] Federal State University of Education

Abstract: the object of the presented research is an English-language online consumer review of perfumery products, and the subject of the study is the theme category, which is comprehensively presented in this text type. The aim of the work is to identify stable thematic links found in online reviews of perfumery products. The study was carried out on the basis of 200 online reviews (1136 sentences). The identification of the themes in online reviews

was carried out using a contextual analysis of the units of language. A Python program has been developed to automate the markup of themes and the collection of data. Quantitative analysis allowed to identify the most common combinations of topics. The results show that the perception theme is not only the dominant theme but also the central one – ego-theme and memoir theme are found mainly in relation to it. The identified themes and their combinations make it possible to establish common and typological characteristics of the studied texts and identify subtypes of English-language online reviews of perfumery products based on thematic differentiation.
Keywords: the English language, text type, text subtype, online consumer review, category of theme, thematic dominant

For citation: Galitsky E.O., Boronin A.A. The category of theme in English online consumer perfume reviews as a typological text parameter. Modern Scientist. 2026. 10. P. 104 – 110. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-104-110

The article was submitted: May 8, 2026; Approved after reviewing: June 6, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Англоязычные потребительские онлайн-отзывы представляют собой типологически устойчивые тексты, актуализируемые в коммуникативно-неоднородной и отчасти спонтанной коммуникации в цифровой среде. В современной лингвистике тип текста «интернет-отзыв» получил осмысление в работах Ереминой М.А., Говоруновой Л.Ю. [6, 8]. В отличие от англоязычных потребительских онлайн-отзывов на функциональные товары (электроника, одежда, мебель и т.д.), которые характеризуются лаконичностью и прагматической ориентированностью, англоязычные потребительские онлайн-отзывы на жидкую парфюмерную продукцию образуют гибридный жанр, сочетающий разговорную речь, публицистический стиль и экспертизу [4]. Исследователи отмечают, что описание запаха является достаточно сложной когнитивной задачей, т.к. результат акта обонятельного восприятия трудно поддается адекватной вербализации, что образует ольфактивно-вербальный разрыв (olfactory-verbal gap) [17, 18], определяющий один из параметров англоязычного потребительского онлайн-отзыва на парфюмерную продукцию как типа текста.

В работах, посвященных англоязычным и русскоязычным онлайн-отзывам, ранее были изучены лексические средства для выражения оценки [7, 13, 15], а также общие механизмы оценочности и эмотивности в речевом жанре «онлайн-отзыв» (на материалах русского, английского и французского языков) [3], однако категория темы как типологически релевантный способ организации текста отзыва и, в частности, англоязычного онлайн-отзыва на парфюмерную продукцию до сих пор остается на периферии внимания исследователей.

В рамках категориально-текстового подхода категория темы понимается как инвариантная категория, отражающая предмет речи и языковые / речевые способы его развертывания в тексте. Систематизированное изучение категории темы проводилось Т.В. Ицкович на материале русскоязычной православной проповеди: в частности, автор исследования выделяет ситуативную, предметную и духовную темы [9] как типологически релевантные способы организации текста.

Материалы и методы исследований

Методологическую базу исследования составляет синтез научных концепций И.В. Арнольд (в области лексической стилистики) [2], И.Р. Гальперин (в области лингвистики текста [5] и А.И. Новикова (в области семантики) [12]. В качестве объекта исследования выступают речевые произведения – англоязычные потребительские онлайн-отзывы на парфюмерную продукцию. Материалом для анализа послужила выборка пользовательских отзывов объемом 200 единиц (1136 предложений), извлеченная из открытых источников информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а именно с сайтов американских парфюмерных онлайн-магазинов (fragrancex.com; fragrancenet.com), а также англоязычных веб-порталов, посвященных парфюмерии (basenotes.com; fragrantica.com; parfumo.com). При всем том, что указанные веб-порталы содержат элементы форумов, то есть разделы для дискуссий, в качестве материала для лингвистического исследования отбирались исключительно тексты, функционирующие в жанре потребительского отзыва. Отбор текстов осуществлялся по тематическому критерию, связанному с конкретным жидким парфюмерным продуктом того или иного типа (в основном, одеколон, туалетная вода, парфюмерная вода, духи).

Единицей анализа в текущем исследовании предлагается обозначить тематический фрагмент, который выражается различными языковыми единицами на лексическом и синтаксическом уровнях (здесь и далее орфография и пунктуация авторов отзывов сохранены): словом (masculine), словосочетанием (old lady),

предложением (It was the smell of the clean shaven, well-groomed, ready for church, ready for supper). Подробнее следует рассмотреть последний пример. Содержательно-фактуальная информация представлена посредством субстантивации прилагательных набором признаков, характерных для группы потребителей жидкого парфюмерного продукта. Содержательно-концептуальная информация заключается в передаче образа порядочного семьянина, следующего традиционным ценностям, с которым ассоциируется данное парфюмерное изделие. Интерпретация темы базируется на анализе лексем (метод словарных дефиниций), синтаксических структур и контекста.

Рассмотрим в качестве ещё одного примера следующее предложение из онлайн-отзыва: It makes me to think about old Dracula movies and gorgeous film stars, Marylin Monroe and Sophie Loren type. Из высказывания следует, что автор потребительского отзыва начинает описывать собственные ощущения от восприятия парфюмерного продукта, что находит выражение в предикативном ядре. Если автор использует синтаксический оборот, содержащий глаголы восприятия (smell, feel) и предлог like (It smells like…), то он воспроизводит перцептивную тему. Однако содержание, заложенное в цепочке словосочетаний, в данном случае – к цепочке однородных именных групп, отсылает в первую очередь к имиджевой теме. Целью автора является представление читателю устойчивого социального образа; культурно-историческая тема здесь раскрывается в форме аллюзии на исторические персоналии. Согласно лингвострановедческому словарю Г.Д. Томахина, Marylin Monroe трактуется как актриса, которая «исполнила роли не очень умных, но исполненных женской привлекательностью героинь» [16]; по данным другого энциклопедического источника «участие в ф. голливудских режиссёров в ролях экзотич. красавиц увеличило её [Sophie Loren – Е.Г., А.Б.] популярность за пределами Италии» [10]. Как указывает англо-русский лингвострановедческий словарь «Американа», Dracula – литературный герой Брэма Стокера – «вампир из Трансильвании, питающийся кровью своих жертв, предпочтительно молоденьких девушек» [1]. Dracula же является частью именной атрибутивной группы old Dracula movies (кинематографическое клише). Совокупность образов, перечисленных в цепочке однородных именных групп, позволяет отнести этот смысловой фрагмент, как было сказано выше, к имиджевой и культурно-исторической темам.

Для ускорения процесса тематической разметки отзывов была разработана вспомогательная программа на высокоуровневом универсальном языке Python с графическим интерфейсом на основе библиотеки подпрограмм Tkinter. Программа выполняет функцию присвоения тем предложениям в отзывах, а также выполняет функцию автоматического подсчета количественных данных. Интерпретация предложения возлагается на исследователя, в то время как учёт результатов автоматизирован программой.

Стоит отметить, что если в одном отзыве присутствуют две и более, то такие отзывы рассматриваются как текстовые структуры, содержащие комбинацию тематических доминант. Это позволяет выделить, какие тематические линии пересекаются между собой чаще всего, образуя тематическую сетку.

Результаты и обсуждения

Выделение тематических групп осуществлялось индуктивным путём. На основе анализа корпуса отзывов были зафиксированы повторяющиеся тематические фрагменты, представленные лексическими и синтаксическими единицами, которые затем были объединены в обобщенные тематические группы. В результате данной процедуры были выделены следующие темы: перцептивная тема, культурно-историческая тема, имиджевая тема, мемуарно-автобиографическая тема, эго-тема, директивная (совет, согласно Дж. Сёрлю, относится к классу директивов [14].) тема, субъектно-респонсивная тема, объектно-трансформационная тема и объектно-коммерческая тема. Отдельно следует выделить директивную тему как периферийную и / или вспомогательную, она выполняет сугубо прагматическую функцию. Отзывы, содержащие побуждение адресата к действию, предлагается отнести к этой теме.

Для интерпретации соотношения выбранных тем мы обращаемся к полевому подходу, представленному В.Г. Адмони, Е.В. Гулыгой, Е.И. Шендельс, А.В. Бондарко, Г.С. Щуром и др. Согласно З.И. Комаровой, сущность функционального полевого подхода заключается в том, что «языковые элементы разных уровней, выполняющей сходные семантические функции, группируются в виде поля с центром и периферией» [11].

Важно подчеркнуть, что выделенные тематические группы редко встречаются в чистом виде в текстах онлайн-отзывов. Подавляющее большинство проанализированных отзывов (178 отзывов, что составляет 89% от всей выборки) представляют собой гибридные образования, содержащие от двух до четырех выделенных тем. В связи с эти в ходе количественного анализа учитывалась частотность: какие темы доминируют в массиве текстов, а какие оказываются на периферии.

Перцептивная тема объединяет высказывания, непосредственно относящиеся к сенсорному опыту взаимодействия с парфюмерным продуктом и характеризующие его внешние атрибуты: ольфактивные призна-

ки (пирамида аромата, плотность, проекция, стойкость, шлейф и др.), некоторые прагматические параметры: время суток, погодные условия, сезонность; сопоставление личного восприятия с заявленным производителем описанием. Как следует из специфики продукта, перцептивная тема является доминирующей (из 1136 рассмотренных предложений данная тема встречается 654 раза); При этом, перцептивная тема тотально доминирует, т.к. встречается как минимум один раз в 187 отзывах из 200. Из этого следует, что перцептивная тема является инвариантным и частотным центром функционально-семантического поля. Перцептивная тема присутствует в подавляющем большинстве отзывов (93,5%) Стоит отметить, что перцептивная тема не всегда затрагивает ольфактивные свойства, но и восприятие в плоскости ароматов в целом: Youth dew is a classic. Данная тема номинализируется предикативными вводными конструкциями it is / this is с дальнейшей субъективной оценкой, выраженной именами прилагательными; предикативная конструкция также может быть элиминирована: Very potent, as most Lauder fragrances. Содержательным компонентом также являются прямое отождествление с помощью предлога like: Now it smells more like White Shoulders. Тем не менее, ольфактивные признаки, такие как сравнение общих нот, могут быть выражены и без использования глаголов восприятия аромата: Emeraulde, of course, was always my broke girl version of Shalimar; There is a classic Spanish bath gel, Magno Classic, which evokes exactly the same feeling.

От перцептивной темы следует разграничить эго-тему. В контексте этой синхронной нарративной темы автор фокусируется не на сенсорных ощущениях, а на рутинной практике использования продукта в повседневной жизни (актуальный опыт применения аромата), а также на саморепрезентации: I'm 67 years old now and I am today still using this perfume; I appreciate it, but I don't like it on me; …the aged bottle I had aged WITH me; sometimes I wax nostalgic and give it a spray before I go out. Языковыми средствами репрезентации названного тематического блока выступают повествование от первого лица и использование глаголов в форме настоящего времени: I have [this], I appreciate, I use, I wear и т.д. Эго-тема в выборке для текущего анализа фиксируется в 218 предложениях.

В мемуарно-автобиографической теме происходит «отслоение» от культурно-исторической темы в пользу личной истории автора, связанного с его биографией, семейных связей и межличностных отношений. Содержательными компонентами мемуарно-автобиографической темы являются личные воспоминания, ольфактивный опыт автора, который сформировал его личность. Так, в отзыве аромат становится триггером, возвращающим автора в определенный период его жизни: My mother used to wear this every time she put perfume on and I just remember how good she smelled all the time. Как следует из данного предложения, мемуарно-автобиографическая тема сопутствует перцептивной теме. Маркерами мемуарно-автобиографической темы являются конструкции с лексикой семантического поля «семья» (my grandmother, my grandpa, my mom, my husband), а также языковые средства временной референции (in the 1930s, long time ago, back in 1964 as a high school senior, the backdrop to my first holiday crush). Ввиду специфики выбранных для анализа отзывов (в исследовании рассматриваются потребительские онлайн-отзывы на классические ароматы 1930-1980 гг., ставшие каноном для американского парфюмерного рынка и американского потребителя), мемуарно-автобиографическая тема наблюдалась по меньшей мере 141 раз, что говорит о том, что потребители часто переживают состояние ностальгии и описывают аромат через призму собственных воспоминаний и переживаний: A few years later my daughter left or home in Palm Springs, California, USA, to go to college in Boston, Massachusetts. I gave her a bottle of my Dunhill Cologne <…> I might add that she graduated four years later from Boston University Summa Cum Laude with a 3.77 GPA. The power of Dunhill?

В культурно-исторической теме аромат становится т.н. культурным артефактом. В авторских отзывах превалирует исторический контекст, т.е. отсылки к конкретному времени, когда аромат был создан и/или был на пике моды. Реже встречаются упоминания исторических событий, совпавших с выходом аромата (например, выход одеколона Tawanna от Regency Cosmetics, получивший одиозную известность, совпал с уголовным делом, в котором фигурирует некая Таванна Броли (Tawanna Brawley). Индикаторами культурно-исторической темы являются культурные аллюзии на популярных киноактеров золотого века Голливуда и прочих исторических личностей, выраженные именами собственными (как в упомянутом ранее примере с Marylin Monroe и Sophie Loren). Более обобщенные культурно-исторические явления могут быть выражены языковыми средствами временной референции: It's like 90s/early 2000s alternative scene bottled. Культурно-историческая тема в выборке для текущего анализа репрезентировалась в 45 предложениях.

В отличие от культурно-исторической темы имиджевая тема воспроизводит временной план настоящего и актуализирует социальные установки, в том числе и клишированные (стереотипы). В онлайн-отзывах, содержащих имиджевую тему, описываются такие прагматические параметры, как уместность и социально-гендерная отнесенность. При раскрытии данной темы аромат выступает в роли социального маркера,

приписываемого определенной группе людей как явно: It's not an «old lady» scent; «a woman who knows who she is and what she wants and how to get it»; …a quintessential office/board room fragrance, confident, mature, reliable, unquestionably und repentantly masculine; так и имплицитно: "old barbershop scent". Признаками имиджевой темы являются клише, представляющие социокультурные «ярлыки»: boomer, Xennials, Gen-Xers, fragheads; гендерно-маркированная лексика: feminine, masculine, man-magnet; конструкции, описывающие гендерно-стереотипное поведение: men would always flock around her. Реже описываются сравнения с непарфюмерными брендами и продуктами, обладающими социальной коннотацией: I see OS as something akin to a pair of Levi's. Имиджевая тема в меньшей или большей степени раскрывалась в 58 предложениях.

Отдельно следует выделить директивную тему как периферийную и / или вспомогательную, она выполняет сугубо прагматическую функцию. Автор закладывает определенные установки в отношении использования, уместности аромата в конкретной ситуации аромата, целесообразности покупки. Характерной чертой этой темы является непосредственная императивность высказывания и большое количество конструкций повелительного наклонения: …go with Cinnabar; don't let the packaging or bottle fool you; but try a tiny dot on a couple of pulse points; avoid using it unless you want to smell like your great-great-grandma. Подобного рода прагматические установки фиксировались всего лишь в 45 предложениях.

Объектно-трансформационная тема объединяет насыщенные содержательно-фактуальной информацией высказывания, которые описывают изменчивость аромата с течением времени. В данных отзывах авторы детализированно фиксируют производственную трансформацию продукта (зафиксированы отзывы, содержащие более 25 предложений), связанную с рецептурой, политикой бренда, а также описывают собственное отношение к изменению продукта. Отзывы, содержащие данную тему, обладают устойчивой тема-рематической параллельной связью: The European version called Old Spice Original in frosted glass bottles, in Aftershave and Eau De Toilette variants. Now, this is really good juice friends, way better than the US versions. The EDT version is a bit sweeter is also called Old Spice Original and comes in glass bottles which are enameled in ivory color. Маркерами объектно-трансформационной темы являются имена существительные, обозначающие «номенклатурную» лексику: EDP (Eau de Parfum), EDT (Eau de Toilette), spray, flanker, version, composition. При раскрытии данной темы используются глаголы технологической модификации: reformulate, emulate, switch [to plastic bottle], exalt, change [the smell], а также глагол discontinue. Репрезентация объектно-трансформационной темы зафиксирована в 65 предложениях.

В объектно-коммерческой теме аромат рассматривается исключительно как товар. В фокусе внимания автора отзыва оказываются параметры, связанные с фактом приобретения и экономической оценкой продукта. Содержательными компонентами данной темы являются место покупки, стоимость (полная стоимость или скидка) и соотношение цены-качества. Данная тема номинализируется именами существительными, обозначающие места продажи; drugstore, grocery store, mall; глаголами товаро-денежных отношений: pay, sell, buy, purchase; Цена продукта может быть названа прямо, так и имплицитно: only negative is that you would pay around 17$ for it in Norway when it costs 8 or 7 in grocery stores in the US; Anyway, one day I rediscovered obsession on a drugstore for a «take me now» price; It's affordable and very accessible. Объектно-коммерческая тема актуализируется в 53 предложениях из всей выборки.

Наименее представленной в общем массиве оказывается субъектно-респонсивная тема. Прагматическая функция такого отзыва заключается не в описании аромата, а во вхождении в диалог с другим пользователем площадки. Маркерами данной темы являются синтаксические единицы, отсылающие к процессу коммуникации и содержащие ссылки на предыдущие отзывы: There is a review buried deeply in the reviews by "Fermina Daza" that you should find and read as respect to our country's (US) past; выражающие согласие или несогласие: Thank You, Carcher, for this poignantly lovely review of a fragrance; представляющие оценку достоверности чужих суждений: The Internet awash with accounts of how this is only for mature, confident, yada-yada people... Всего 10 предложений из общего числа (1136) содержали рефлексивную оценку других онлайн-отзывов.

Выводы

Проведенный анализ онлайн-отзывов установил, что перцептивная тема является семантической доминантой, которая специфицирует эту совокупность текстов как устойчивый тип речевых произведений: перцептивная тема встречается в 187 отзывах из 200, только 13 отзывов не описывают сенсорные ощущения. Доминирующая тема наиболее часто соотносится с эго-темой (111 отзывов содержат данную комбинацию) и мемуарно-автобиографической темой (55 отзывов). Наиболее частотная комбинация «перцептивная тема – эго-тема» отражает связь между сенсорной оценкой парфюмерного продукта и опытом его повседневного использования. Вторая по частотности комбинация, выражающаяся в вербализации результатов восприятия

парфюмерного продукта в сочетании с мемуарно-автобиографическим нарративом, указывает на то, что личные воспоминания возникают на основе сенсорного опыта (данное явление демонстрируется в 55 отзывах из 200).

Проведенное исследование позволяет утверждать, что тематический профиль (раскрывающийся через перцептивную тему-доминанту, эго-тему, мемуарно-автобиографическую тему и др.) устойчивой ситуативно обусловленной совокупности текстов образует содержательно-типологический признак онлайн-отзыва на парфюмерную продукцию, то есть он может трактоваться как самостоятельный тип текста. Кроме того, отличительной чертой онлайн-отзыва на парфюмерную продукцию как типа текста является тот факт, что в нем предпринимается попытка преодоления бедности лексики, описывающей ольфактивные ощущения, с помощью ряда компенсаторных стратегий: использование эмоционально-оценочной и специализированной лексики; сравнений и аналогий, отсылающих к знакомым для адресата объектам; метафор и ассоциаций, связывающих аромат парфюмерного продукта с конкретными культурными, историческими и социальными образами; нарративных включений, представляющих аромат через призму личного опыта.

Перцептивная тема является стабильным, инвариантным признаком онлайн-отзыва на парфюмерную продукцию как типа текста. Сопутствующие темы, выполняющие важные прагматические функции, являются факультативными.

Список источников

1. Беляков В.Н., Васянин М.В., Гришина О.Н. и др. Американа: англо-русский лингвострановедческий словарь / Под ред. Г.В. Чернова. Смоленск: Полиграмма, 1996. XXI. 1185 с.

2. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования): учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.». 3-е зд. М.: Просвещение, 1990. 300 с.

3. Блохина Т.Р. Особенности функционирования эмотивности в речевом жанре «онлайн отзыв» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 6. С. 92 – 95.

4. Волынкина С.В. Речевой жанр экспертизы в аспекте коммуникативного целеполагания // Жанры речи. 2021. № 4 (32). С. 275 – 284.

5. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 3-е изд., стер. М.: УРСС, 2005. 137 с.

6. Говорунова Л.Ю. Отзыв туриста как новый речевой жанр туристического интернет-дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). С. 198 – 203.

7. Гогаева К.Т. Оценочные прилагательные в английском туристическом потребительском онлайн-отзыве // Университетские чтения – 2019: Материалы научно-методических чтений ПГУ, Пятигорск, 10-11 января 2019 года. Часть II. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2019. С. 23 – 27.

8. Еремина М.А. Речевой жанр отзыва в коммуникативном пространстве Интернета // Научный диалог. 2016. № 5 (53) С. 34 – 45.

9. Ицкович Т.В. Православная проповедь как тип текста: дис. …канд. филол. наук: 10.02.21 / Ицкович Татьяна Викторовна. Екатеринбург, 2007. 160 с.

10. Кино: Энциклопедический словарь / гл. ред. С.И. Юткевич. Москва: Сов. энциклопедия, 1986. 637 с.

11. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки 03700.62 – «Лингвистика», 050100.68 – «Педагогическое образование». 6-е изд., стер. Москва: Флинта, 2018. 818 с.

12. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. Москва: Наука, 1983. 215 с.

13. Рощупкина С.А. Средства выражения оценки в отзывах потребителей маркетплейса Wildberries // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: Сборник материалов XII (XXVI) Международной научно-практической конференции молодых учёных, Томск, 17-19 апреля 2025 года. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2025. С. 45 – 48.

14. Сёрль Д.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. № 17. С. 170 – 194.

15. Соколовская Н.А., Вартанова К.Ю., Киселева А.В. Лексические особенности туристического интернет-дискурса (на материале онлайн-отзыва) // Университетские чтения – 2024: Материалы Всероссийской конференции с международным участием, Пятигорск, 11-12 января 2024 года. Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2024. С. 180 – 185.

16. Томахин Г.Д. США. Лингвострановедческий словарь = Dictionary of USA: Dictionary of USA: Свыше 10 000 слов. ст. Москва: Русский язык, 1999. 575 с.

17. Majid A. Human olfaction at the intersection of language, culture, and biology // Trends in Cognitive Sciences. 2021. Т. 25. № 2. С. 111–123.

18. Nikitina L., Liu Y., Furuoka F. Making sense of scent: cultural styles, cognitive schemas, and the situated logic of online perfume reviews // Computers in Human Behavior. 2026. С. 1 – 9.

References

1. Belyakov V.N., Vasyanin M.V., Grishina O.N., et al. Americana: An English-Russian Linguistic and Cultural Dictionary. Ed. by G.V. Chernov. Smolensk: Poligramma, 1996. XXI. 1185 p.

2. Arnold I.V. Stylistics of Modern English (Decoding Stylistics): A Textbook for Students of Pedagogical Institutes in the Specialty "Foreign Languages". 3rd Building. Moscow: Prosveshchenie, 1990. 300 p.

3. Blokhina T.R. Features of the Functioning of Emotivity in the Speech Genre "Online Review". Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2022. No. 6. P. 92 – 95.

4. Volynkina S.V. Speech genre of expertise in the aspect of communicative goal-setting. Speech genres. 2021. No. 4 (32). P. 275 – 284.

5. Galperin I.R. Text as an object of linguistic research. 3rd ed., reprinted. Moscow: URSS, 2005. 137 p.

6. Govorunova L.Yu. Tourist review as a new speech genre of online tourist discourse. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2013. No. 1 (292). P. 198 – 203.

7. Gogaeva K.T. Evaluative Adjectives in an English Online Travel Consumer Review. University Readings – 2019: Proceedings of the Scientific and Methodological Readings of PSU, Pyatigorsk, January 10-11, 2019. Part II. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University, 2019. P. 23 – 27.

8. Eremina M.A. The Speech Genre of Review in the Communicative Space of the Internet. Scientific Dialogue. 2016. No. 5 (53). P. 34 – 45.

9. Itskovich, T.V. Orthodox Sermon as a Type of Text: Dis. … Cand. of Philological Sciences: 10.02.21. Itskovich, Tatyana Viktorovna. Ekaterinburg, 2007. 160 p.

10. Cinema: Encyclopedic Dictionary. Ed.-in-Chief S.I. Yutkevich. Moscow: Sov. Encyclopedia, 1986. 637 p.

11. Komarova Z.I. Methodology, Method, Methodology, and Technology of Scientific Research in Linguistics: A Textbook for Students of Higher Education Institutions Studying in the Fields of Training 03700.62 – "Linguistics", 050100.68 – "Pedagogical Education". 6th ed., reprinted. Moscow: Flinta, 2018. 818 p.

12. Novikov A.I. Text Semantics and Its Formalization. Moscow: Nauka, 1983. 215 p.

13. Roshchupkina S.A. Means of expressing evaluation in consumer reviews of the Wildberries marketplace. Actual problems of linguistics and literary studies: Collection of materials of the XII (XXVI) International scientific and practical conference of young scientists, Tomsk, April 17-19, 2025. Tomsk: National Research Tomsk State University, 2025. P. 45 – 48.

14. Searle D.R. Classification of illocutionary acts. New in foreign linguistics. 1986. No. 17. P. 170 – 194.

15. Sokolovskaya N.A., Vartanova K.Yu., Kiseleva A.V. Lexical features of online tourist discourse (based on online reviews). University readings – 2024: Materials of the All-Russian conference with international participation, Pyatigorsk, January 11-12, 2024. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University, 2024. P. 180 – 185.

16. Tomakhin G.D. USA. Lingvocultural Dictionary = Dictionary of USA: Dictionary of USA: Over 10,000 words. art. Moscow: Russkiy Yazyk, 1999. 575 p.

17. Majid A. Human olfaction at the intersection of language, culture, and biology. Trends in Cognitive Sciences. 2021. Vol. 25. No. 2. P. 111 – 123.

18. Nikitina L., Liu Y., Furuoka F. Making sense of scent: cultural styles, cognitive schemas, and the situational logic of online perfume reviews. Computers in Human Behavior. 2026. P. 1 – 9.

Информация об авторах

Галицкий Е.О., аспирант, Государственный университет просвещения, 105082, г. Москва, Переведеновский переулок, 5, egorg800@yandex.ru

Боронин А.А., доктор филологических наук, профессор, Государственный университет просвещения, 105082, г. Москва, Переведеновский переулок, 5, inloco@inbox.ru

© Галицкий Е.О., Боронин А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81'42:316.77
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-111-117

Речевая трансформация научно-популярного контента как адаптация к технологии трансляции в медиа (на материале портала «Наука и жизнь»)

[1] Гао Фань

[1] Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: цифровая трансформация медиасреды требует от научно-популярных изданий адаптации сообщения к технологическим условиям трансляции материалов. Цель статьи – выявить специфику речевой адаптации научно-популярного контента портала «Наука и жизнь» к технологическим параметрам четырех способов трансляции: веб-сайт, на ленте «Яндекс.Дзен», в мессенджерах «ВКонтакте» и Telegram. На материале публикаций журнала 2025-2026 годов проведен сравнительный анализ форматов подачи, интерактивности и языкового оформления. В результате выделены три устойчивые модели адаптации: внутригипертекстового погружения – на сайте, короткого вовлекающего импульса в мессенджерах «ВКонтакте» и Telegram и алгоритмически управляемого отбора в «Яндекс.Дзене». Показано, что такая мультиплатформенная стратегия издания образует единую экосистему, в которой каждая платформа выполняет присущую ей коммуникативную функцию. Адаптация к технологии перестраивает не только внешнюю форму, но и коммуникативную логику, а значит архитектонику сообщения.
Ключевые слова: адаптация к технологии, аффордансы, научно-популярный контент, мультиплатформенная стратегия, медиалингвистика, портал «Наука и жизнь»

Для цитирования: Гао Фань Речевая трансформация научно-популярного контента как адаптация к технологии трансляции в медиа (на материале портала «Наука и жизнь») // Современный ученый. 2026. № 10. С. 111 – 117. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-111-117

Поступила в редакцию: 8 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Speech transformation of popular science content as adaptation to the technology of media transmission (based on the material of the portal "Science and Life")

[1] Gao Fan

[1] St. Petersburg State University

Abstract: the digital transformation of the media environment requires popular science publications to adapt their messages to the technological conditions of content distribution. The aim of this article is to identify the specifics of speech adaptation of the popular science content on the "Science and life" portal to the technological parameters of four transmission channels: the website, the "Yandex.Zen" feed, and the "VKontakte" and Telegram messengers. Based on the material of the journal's publications from 2025-2026, a comparative analysis of presentation formats, interactivity, and language design was conducted. As a result, three stable adaptation models were identified: intra-hypertext immersion on the website, a short engaging impulse in the "VKontakte" and Telegram messengers, and

algorithmically driven selection on "Yandex.Zen". It is shown that such a multiplatform strategy of the publication forms a unified ecosystem in which each platform performs its inherent communicative function. Adaptation to technology restructures not only the external form but also the communicative logic, and thereby the architectonics of the message.
Keywords: adaptation to technology, affordance, popular science content, multiplatform strategy, media linguistics, portal "Science and Life"

For citation: Gao Fan Speech transformation of popular science content as adaptation to the technology of media transmission (based on the material of the portal "Science and Life"). Modern Scientist. 2026. 10. P. 111 – 117. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-111-117

The article was submitted: May 8, 2026; Approved after reviewing: June 6, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Традиционные лингвистические исследования популяризации науки фокусируются преимущественно на семантической адаптации – упрощении языка, метафоризации сложных понятий и нарративизации научного знания. Однако в условиях цифровизации медиапространства производство и дистрибуция журналистского контента оказываются под влиянием технологии каналов распространения. Традиционные научно-популярные издания сталкиваются с необходимостью перестройки коммуникационных стратегий в цифровой среде. В данном случае редакция требует не просто повторения упрощения текста, а его глубокой переработки – глубинной трансформации сообщения, с учетом технических особенностей и ограничений конкретного канала.

Основанный в 1890 году, журнал «Наука и жизнь» представляет собой успешный пример адаптации традиционного научно-популярного издания к цифровой среде посредством онлайн-портала и сообществ в социальных сетях (Telegram, «ВКонтакте» и «Яндекс.Дзен»).

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью системного осмысления механизмов адаптации к технологии, преобразующих научно-популярный контент под воздействием технических аффордансов конкретной платформы. Изучение мультиканальной адаптации журнала «Наука и жизнь» дает возможность проследить, как научный контент перестраивается с учетом технической специфики, и выявить ключевые особенности этой трансформации.

Объектом настоящего исследования выступает контент портала «Наука и жизнь» в разных медиаканалах (веб-сайт, Telegram, «ВКонтакте» и «Яндекс.Дзен»). Предметом – способы и средства адаптации научно-популярных сообщений к технологическим требованиям каналов распространения.

Цель статьи – выявить специфику адаптации научно-популярных сообщений портала «Наука и жизнь» к технологическим параметрам современных цифровых платформ (сайт, Telegram, «ВКонтакте» и «Яндекс.Дзен»).

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Проанализировать теоретические подходы к понятию «адаптация к технологии».
2. Раскрыть содержание стратегий адаптации, применяемых редакцией портала «Наука и жизнь» на различных платформах.
3. Обобщить результаты и выявить специфики адаптации.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужил контент портала «Наука и жизнь» за 2025-2026 гг., представленные на четырех медиаплатформах: официальный сайт (nkj.ru); сообщество в социальной сети «ВКонтакте» (vk.com/naukaizhizn_vk); канал в мессенджере Telegram (@scienceandlife); платформа «Яндекс.Дзен» (dzen.ru/nkj). Работа выполнена в русле медиалингвистики. В исследовании применены комплексный сравнительный анализ, контент-анализ языкового оформления, и описательный метод, позволивший зафиксировать и обобщить устойчивые модели адаптации контента.

Результаты и обсуждения

Цифровая трансформация медиапространства изменяет условия производства и дистрибуции журналистского контента. Развитие информационно-коммуникационных технологий и цифровизация создают

новые возможности для распространения информации, но одновременно накладывают ограничения, продиктованные технической архитектурой конкретных платформ [5].

Методологическим фундаментом для понимания этого процесса служит теория технологического детерминизма, представителем которой является М. Маклюэн. Ключевой тезис концепции исследователя – «средство коммуникации есть сообщение» (the medium is the message) [6]. М. Маклюэн вкладывает в понятие «сообщение» сразу два смысла. Первый – это само содержание средства коммуникации, которое мы осознаем напрямую (например, сюжет видео или текст статьи), а второй – характер средства, что влияет на восприятие и реальность, при этом его чаще всего не замечают. Следуя логике М. Маклюэна, мы разграничиваем два уровня сообщения научно-популярного портала: содержательный (конкретный научный факт) и формально-технологический (характер самого медиа). Именно второй уровень – то, как технологические параметры платформы перестраивают специфику подачи знания.

Опираясь на данное разграничение, мы рассматриваем мультиплатформенную стратегию портала «Наука и жизнь» не как простое дублирование смыслов, а как их качественную трансформацию под влиянием характеристик канала. Современные исследования подтверждают, что технологическая детерминация медиаконтента не утратила актуальности – напротив, в эпоху алгоритмически управляемых платформ она становится заметной [1]. Такой подход позволяет углубить понятие «адаптация к технологии» и перейти к ее эмпирическому изучению на материале конкретных форматов портала.

Конкретным механизмом, через который технологическая среда воздействует на контент, выступает понятие аффорданса (affordance). В теории медиа и в изучении массмедиа это понятие обозначает специфический «приглашающий» характер объектов и событий, которые подсказывают алгоритмы действий и определяют способы использования ресурса в зависимости от целей субъекта [3, с. 456]. В некоторых случаях аффордансы проявляются как совокупность технических возможностей и ограничений, которые «приглашают» создателя контента к определенным действиям и одновременно блокируют другие. Так, интерфейс Telegram с его ограничением на объем одного сообщения «приглашает» к созданию коротких постов; алгоритмическая лента Дзена требует особой структуры заголовка, способного обеспечить высокую кликабельность. Как отмечает Д. Норман, дизайн цифровых продуктов формирует пользовательское поведение, предлагая одни действия как естественные и очевидные, а другие делая затруднительными или вовсе невозможными [8].

При этом в цифровой среде журналистика переживает платформизацию – процесс трансформации медиапроизводства, при котором цифровые платформы (социальные сети, мессенджеры, поисковые системы) становятся основными посредниками и инфраструктурой для создания, дистрибуции и потребления контента [2]. Ключевая характеристика платформизации заключается в том, что редакция перестает быть единственным субъектом, который определяет, какой контент и в каком виде достигнет аудитории.

Исходя из этого, научно-популярные порталы не ограничиваются привлечением аудитории на собственные сайты, они также вынуждены наращивать присутствие на внешних площадках, таких как Telegram, ВКонтакте, YouTube и TikTok. Алгоритмы платформ, например рекомендательных систем «Яндекс.Дзена», становятся важным фактором, что влияет на редакционные решения.

В этом контексте различают два типа распространения контента – простое дублирование и подлинная адаптация. При первом подходе материал готовится для одной ведущей платформы и переносится на остальные без изменений. При адаптации, напротив, контент меняется под формат каждого канала, благодаря чему достигается максимальный охват и удобство для разных аудиторных групп. Здесь особое значение приобретает понятие «формата» – внешней формы представления контента, ориентированной на эффективную доставку смысла через конкретный канал дистрибуции [9]. Современные медиа переходят к форматной модели, в рамках которой контент диверсифицируется под разные платформы (социальные сети, мессенджеры), сохраняя свое семантическое ядро [10]. Так что научно-популярной журналистике необходимо выявлять техническую специфику каждой медиаплатформы, адаптировать контент под подходящий формат и одновременно вызывать у аудитории желание обратиться за продолжением на других платформах.

Традиционно адаптация текста понимается как «приспособление текста к условиям функционирования» [4, с. 3]. Адаптированный текст трактуется как «вторичное сообщение, построенное для аудитории неспециалистов в условиях, когда адресат не обладает достаточной компетенцией для понимания оригинала» [11]. Однако данный подход оставляет в стороне вопрос о значимости технических условий. В медиалингвистике адаптация рассматривается как речевая стратегия, направленную на оптимизацию восприятия текста в условиях поликодовой среды [7]. Данное положение означает, что лингвистическая форма сообщения не может быть адекватно описана в отрыве от медиаплатформы, на которой оно функционирует.

Итак, в фокусе данного исследования находится адаптация к технологии, которую мы понимаем как приспособление контента к техническим параметрам и аффордансам конкретного канала распространения.

Мы предлагаем следующую оптику для анализа: адаптация к технологии – это целостный набор редакционных решений, касающихся формата подачи (лонгрид, короткий пост), способа связи с исходным материалом (гиперссылка на источник, список использованной литературы) и средства реализации интерактивности (гиперссылка для навигации, комментарий, опрос). Эти решения, в свою очередь, влияют на язык изложения – от степени терминологической насыщенности до синтаксической структуры текста. Данный вид адаптации определяется аффордансами платформы и порождает устойчивую модель коммуникации для достижения коммуникационной цели.

Веб-сайт (nkj.ru) выступает центральным элементом мультиплатформенной системы портала. Его ключевые аффордансы – неограниченный объем публикации, возможность интеграции мультимедиа и наличие архива. Эти технические возможности определяют формат подачи, который объединяет традиции печатного журнала с мультимедийностью и гипертекстуальностью интернета.

Например, статья «В докембрийской эпохе нашли кембрийских животных» на сайте (nkj.ru/news/57961/). Публикация представляет собой полную научно-популярную статью (лонгрид), с заголовком, построенным на оксюмороне, и короткой аннотацией. Материал имеет линейную структуру: от постановки научной проблемы и описания открытия к выводам. В статье представлены иллюстрации, внутренняя ссылка на архивную новость 2019 года о похожем открытии и внешняя ссылка на оригинальную публикацию в журнале Science. После текста размещены гиперссылки на статьи по схожей тематике, а также теги (#палеонтология, #эволюция).

Практически все статьи на сайте оформляются по данному формату: развернутая научно-популярная статья с иллюстрациями и гиперссылками. Иллюстрации сопровождают описание, становятся визуальными аргументами и частью доказательной базы. Связь с исходным материалом реализована через гиперссылки, которые превращают текст в многослойное информационное пространство.

Интерактивность реализуется прежде всего через сам гипертекст: гиперссылки связывают текущую публикацию с архивом и источниками. Посетитель портала сам конструирует траекторию чтения, переходя по ссылкам и тегам. Наряду с этого функционируют специфические цифровые рубрики («Новости», «События», «Факт дня», «Открытый формат»). Данная система рубрик организует материал в соответствии с логикой быстрой навигации, типичной для цифрового пространства, и предлагает читателю альтернативные точки входа в содержание.

Под влиянием этих решений язык изложения сохраняет терминологическую насыщенность и логичность. Неограниченный объем позволяет объяснять сложные понятия и поддерживает линейную структуру для детального описания открытия. Синтаксис остается относительно книжным и сложным. Речь автора остается преимущественно монологической, последовательно ведет от постановки проблемы к выводам.

Таким образом, адаптация к технологии формирует модель гипертекстового погружения: знание организовано как сеть, читатель конструирует собственную траекторию освоения материала, а иллюстрации функционируют как визуальные аргументы в общей доказательной структуре. Цель этой медели – предоставить аудитории детальное и целостное научное знание. Онлайн-портал превращается в интерактивную базу знаний, где материалы связаны гиперссылками и системой тегов, формируя структурированное пространство популяризации научного знания.

Сообщество портала «Наука и жизнь» во «ВКонтакте» (более 163 тыс. подписчиков) реализует другую модель адаптации. Если сайт ориентирован на углубленное чтение, то данное сообщество функционирует как «холодное медиа» (по М. Маклюэну), которые требуют от аудитории высокой степени вовлеченности при фрагментарной подаче материала. Аффордансы платформы здесь принципиально иные: ограничение объема поста, приоритет изображения (платформа автоматически увеличивает прикрепленное изображение и помещает его в начало публикации), возможность разместить гиперссылку и система реакций («Нравится», «Комментировать», «Поделиться»). Эти условия вынуждают редакцию полностью перестраивать подачу материала.

Сообщение, посвященное той же статье «В докембрийской эпохе нашли кембрийских животных», на этой платформе трансформируется в короткий пост, состоящий из одного предложения – «*Кембрийский взрыв не был таким уж взрывом – перед ним уже была проделана большая эволюционная работа, и кембрийским формам было из кого развиваться*» (vk.com/wall-30698831_133160). Вместо детального описания исследования в пост сохраняет только краткое изложение наиболее важного факта. Публикация сопровождается крупным изображением и завершается гиперссылкой на полный текст на сайте.

Другой типичный пример – публикация «Почему в холодных водах так много теплокровных животных» (vk.com/wall-30698831_132854). Формат здесь тот же – изображение, короткий текст и гиперссылка в конце. Разница заключается в том, что контент представляет собой увлекательное введение – «*Мы привыкли считать, что... Однако здесь есть некоторые интересные исключения*».

Очевидно, что форматом подачи на данной платформе служит короткий пост с доминирующим изображением, выступающим в роли визуального импульса. Способ связи с исходным материалом – гиперссылка в конце публикации, ведущая на полную версию статьи на сайте. Интерактивные возможности реализованы в полной мере: комментарии, лайки и репосты превращают читателя из пассивного получателя в активного соучастника коммуникации; гиперссылка также побуждает к переходу для дальнейшего изучения.

Влияние этих редакционных решений на язык изложения проявляется в компрессии смысла и установке на вовлечение. Пост представляет собой либо краткое изложение факта, либо увлекательное введение. Термины, если и употребляются, то без пояснений. Синтаксис тяготеет к простым конструкциям. Короткий пост выступает не просто высказыванием, а репликой, запускающей реакцию и переход к полной научно-популярной статье.

В результате во «ВКонтакте» складывается модель короткого вовлекающего импульса. Адаптация здесь не просто переносит контент в новую среду, а перестраивает саму логику коммуникации – короткий пост привлекает внимание к научной теме, вызывает обсуждение и побуждает к углубленному изучению через гиперссылку. Именно этот механизм делает научный контент одновременно заметным и авторитетным в социальных сетях.

Telegram-канал издания (более 12 тыс. подписчиков) служит еще одним ярким примером технологической детерминации контента. Технические аффордансы канала во многом схожи с аффордансами платформы «ВКонтакте»: они поддерживают текст, изображение и гиперссылку, отдают приоритет визуальному контенту и предлагают сопоставимый набор реакций (эмодзи, комментарий и репост).

Вместе с тем форма мессенджера добавляет собственные технологические параметры. Ключевое отличие Telegram – прямой контакт с читателем: в отличие от веб-сайта и «ВКонтакте», мессенджер доставляет сообщение напрямую в личное пространство пользователя, сопровождая его уведомлением. Это обеспечивает оперативную доставку научной информации подписчикам и позволяет сохранять авторитет знания в условиях информационного шума. Кроме того, поток информационных уведомлений и хронологическая лента приводят к тому, что непрочитанное сообщение быстро исчезает из поля зрения. Данная особенность требует высокой публикационной активности (по два поста в день). Под воздействием этих условий язык изложения остается сжатым и лишенным развернутых объяснений.

Так что посты этого канала во многом идентичны публикациям во «ВКонтакте» и воспроизводят ту же модель короткого вовлекающего импульса – короткий увлекательный пост с крупным изображением и гиперссылкой на оригинальную статью для углубленного чтения. Однако в Telegram ее задача не только привлечь внимание, но и удерживать связь с подписчиком в условиях высокой конкуренции за внимание, опираясь на частоту и актуальность push-уведомления.

Адаптация контента на платформе «Яндекс.Дзен» в наибольшей степени ориентирована на алгоритмическую персонализацию. В отличие от лент Telegram и ВКонтакте, где сообщения доставляются подписчикам хронологически или через социальные связи, в Дзене действует рекомендательная система – содержание показывается пользователю на основе его интересов, истории взаимодействий, и актуальности темы.

Ключевым остается визуальный акцент – крупное изображение и заголовок в первую очередь привлекают внимание читателя. Формат подачи технически может быть таким же, как на сайте (лонгрид). Платформа позволяет размещать длинные тексты, так что редакция может полностью переносить материалы с сайта, сохраняя в них и гиперссылки, и изображения. После текста размещаются гиперссылки на похожие статьи и теги. Все эти гиперссылочные аппараты ориентированы на официальный сайт портала и обеспечивают связь с материалом.

Платформа предусматривает возможность комментирования, однако реальная обратная связь с читателем остается минимальной. Интерактивноть реализована преимущественно через гиперссыки, ведущие на полное тексты.

Главное отличие Дзена состоит в том, что алгоритмическая лента снимает с редакции требование высокой частоты публикаций и влияет на выбор тематики контента. «Наука и жизнь» в Дзене публикуется относительно редко, и статьи, как правило, посвящены праздникам, интересным или эмоционально окрашенным явлениям (например, заметка о Деде Мороза в декабре 2025 года и о блине в феврале 2026 года). Темы яркие, сосретодочены на сезонной актуальности и эмоциональной привлекательности. Они вызывают любопыство широкой аудитории, в то время как внутри статьи сохраняется логичность изложения.

В итоге на платформе «Яндекс.Дзен» формируется модель алгоритмически управляемого отбора, цель которой – сохранить видимость издания в алгоритмической среде за счет выбора тем, наиболее конкурентных в логике рекомендательной системы.

Выводы

Проведенный анализ мультиплатформенной стратегии портала «Наука и жизнь» подтверждает, что адаптация к технологии представляет собой не просто вспомогательную операцию переноса контента на различные платформы, а фактор перестраивания логики научно-популярной коммуникации.

Цифровые платформы являются не нейтральной инфраструктурой, а активными участниками коммуникации, чьи аффордансы влияют на многоуровневую адаптацию – от формата подачи до языка изложения, от визуального ряда до способов интерактивности. В результате формируется коммуникационная модель.

В исследовании выделены три устойчивые модели адаптации научно-популярного контента, каждая из которых детерминирована аффордансами конкретной платформы и обслуживает собственную коммуникативную цель.

1. Модель гипертекстового погружения (веб-сайт) формирует многослойное информационное пространство, в котором знание организовано как нелинейная сеть. Неограниченный объем, мультимедийность, архив и гиперссылки определяют формат развернутого лонгрида с доказательной иллюстративной базой и терминологически насыщенным, логически выстроенным изложением. Интерактивность реализуется прежде всего через гипертекст. Сайт превращается в пополняемую интерактивную базу знаний.

2. Модель короткого вовлекающего импульса (сообщества во «ВКонтакте» и Telegram) функционирует иначе. Ограничение объема, приоритет изображения и непосредственный контакт с подписчиком требуют компрессии смысла. Функция такой публикации – привлечь внимание, запустить обсуждение и через гиперссылку побудить к углубленному чтению на сайте. Язык становится лаконичным, а иллюстрация выполняет роль визуального импульса. В этой модели редакция стремится конкурировать за внимание в условиях информационного шума, сохраняя авторитетность научного знания.

3. Модель алгоритмически управляемого отбора («Яндекс.Дзен») основана на принципе рекомендательной системы. Формат допускает длинные тексты, изображения и гиперссылки, однако решающим фактором становится выбор тематики. Яркие, сезонно актуальные и эмоционально окрашенные темы позволяют изданию сохранять видимость в алгоритмической ленте без высокой частоты публикаций.

Проведенное исследование демонстрирует, что мультиплатформенная стратегия портала «Наука и жизнь» не сводится к дублированию идентичного контента. Реализуются различные модели коммуникации, в основе которых лежит адаптация к технологическим параметрам среды. При этом данные модели не изолированы: они образуют единую систему, где каждая платформа функционально специализирована – сайт выступает как база развернутого знания, социальные сети и мессенджеры – как инструменты вовлечения, а алгоритмические платформы – как средство расширения аудитории.

Полученные результаты углубляют понимание технологической детерминации в современной научно-популярной журналистике. Акцент на аффордансах и платформизации позволяет преодолеть представление об адаптации как о приспособлении текста к аудитории. Внимание обращается на само медиа, которое во многом определяет и роли коммуникантов, и организацию сообщения.

Список источников

1. Архангельская И.Б. «Законы медиа» Маршалла Маклюэна // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2008. № 6. С. 93 – 100.

2. Градюшко А.А. Платформизация в цифровой журналистике: новые стратегии медиапроизводства // Труды БГТУ. Серия 4, Принт- и медиатехнологии. 2023. № 1 (267). С. 34 – 40.

3. Дзялошинский И.М. Аффордансы информационно-коммуникационного универсума, или Кто стоит за спиной массмедиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2021. Т. 26. № 3. С. 456 – 471.

4. Дьякова А.А. Интердискурсивная адаптация текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 20 с.

5. Лободенко Л.К., Давлетшина Е.В. Развитие научно-популярной журналистики в условиях кроссмедиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2021. Т. 26. № 2. С. 262 – 275.

6. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека: пер. с англ. В. Николаева. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2003. 464 с.

7. Балахонская Л.В., Беловодская А.А. (Литва), Болотнов А.В. и др. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / научн. ред. Л.Р. Дускаева. Москва: Флинта, 2018. 435 с.

8. Норман Д. Дизайн привычных вещей: пер. с англ. Б.Л. Глушака. М.: Вильямс, 2006. 374 с.

9. Онуприенко К.А. Семиотические аспекты новых медиаформатов // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 2022. Т. 41. № 3. С. 463 – 472.

10. Онуприенко К.А. Новые медиаформаты: учебное пособие: электронное текстовое издание. Ульяновск: УлГУ, 2025. 149 с.

11. Первухина С.В. Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста: дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2015. 305 с.

References

1. Arkhangelskaya I.B. "Laws of Media" by Marshall McLuhan. Bulletin of Moscow University. Series 10, Journalism. 2008. No. 6. P. 93 – 100.

2. Gradyushko A.A. Platformization in Digital Journalism: New Strategies of Media Production. Proceedings of BSTU. Series 4, Print and Media Technologies. 2023. No. 1 (267). P. 34 – 40.

3. Dzyaloshinsky I.M. Affordances of the Information and Communication Universe, or Who Stands Behind the Mass Media. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies, Journalism. 2021. Vol. 26. No. 3. P. 456 – 471.

4. Dyakova A.A. Interdiscursive Adaptation of a Text: Abstract of a Cand. Sci. (Philological Sciences). Volgograd, 2009. 20 p.

5. Lobodenko L.K., Davletshina E.V. Development of Popular Science Journalism in the Context of Cross-Media. Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Criticism, Journalism. 2021. Vol. 26. No. 2. P. 262 – 275.

6. McLuhan M. Understanding Media: Human External Extensions: Trans. from English by V. Nikolaeva. Moscow; Zhukovsky: KANON-press-C: Kuchkovo Pole, 2003. 464 p.

7. Balakhonskaya L.V., Belovodskaya A.A. (Lithuania), Bolotnov A.V. and others. Media linguistics in terms and concepts: a dictionary and reference book. scientific ed. L.R. Duskaeva. Moscow: Flinta, 2018. 435 p.

8. Norman D. Design of everyday things: trans. from English by B.L. Glushak. Moscow: Williams, 2006. 374 p.

9. Onuprienko K.A. Semiotic aspects of new media formats. Issues of journalism, pedagogy and linguistics. 2022. Vol. 41. No. 3. P. 463 – 472.

10. Onuprienko, K.A. New media formats: a textbook: electronic text publication. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University, 2025. 149 p.

11. Pervukhina S.V. Structural-semantic and discursive-pragmatic characteristics of the adapted text: dis. ... Doctor of Philological Sciences. Rostov-on-Don, 2015. 305 p.

Информация об авторе

Гао Фань, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, gaofan2023@mail.ru

© Гао Фань, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.111
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-118-124

Динамика немецкоязычных вкраплений как семиотическая модель трансформации протагониста в романе И. Макьюэна «*Невинный*, или особые отношения»

[1] Дзасежева Л.Х., [1] Хатухова Л.В., [1] Эржибова Ф.А.

[1] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Аннотация: в статье рассматриваются немецкоязычные вкрапления в романе Иэна Макьюэна «*Невинный*, или Особые отношения» как значимый элемент художественной структуры, связанный с сюжетной логикой и внутренней эволюцией героя. Цель исследования – показать, что немецкий код в тексте выполняет не только колористическую и характерологическую функции, но и выступает особой семиотической системой, моделирующей нравственную трансформацию Леонарда Марнэма. Материалом исследования послужили 62 немецкоязычные единицы, извлеченные из англоязычного текста романа. В работе использованы методы контекстуального, структурно-функционального и семиотического анализа. В результате выделено пять стадий функционирования немецкого кода, соотнесенных с этапами фабулы и изменением языкового статуса героя – от рецептивного восприятия чужой речи к активному владению языком и последующему отказу от речевого действия. Установлено, что динамика вкраплений, а также изменение степени авторского глоссирования образуют самостоятельный смысловой слой текста. Сделан вывод о том, что движение немецкого языкового материала в романе структурно соответствует траектории утраты невинности и формирует лейтмотивную модель сюжетно-нравственного становления персонажа.
Ключевые слова: иноязычные вкрапления, литературное многоязычие, переключение кодов, семиотика, роман воспитания, глосса

Для цитирования: Дзасежева Л.Х., Хатухова Л.В., Эржибова Ф.А. Динамика немецкоязычных вкраплений как семиотическая модель трансформации протагониста в романе И. Макьюэна «*Невинный*, или особые отношения» // Современный ученый. 2026. № 10. С. 118 – 124. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-118-124

Поступила в редакцию: 10 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

The dynamics of German-language insertions as a semiotic model of the protagonist's transformation in Ian Mcewan's novel "The innocent"

[1] Dzasezheva L.Kh., [1] Khatukhova L.V., [1] Erzhibova F.A.

[1] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov

Abstract: the article examines German-language insertions in Ian McEwan's novel "The Innocent" as a significant element of artistic structure connected with the logic of the plot and the protagonist's inner development. The aim of the study is to demonstrate that the German code in the novel performs not only coloristic and characterological functions but also constitutes a specific semiotic system modelling Leonard Marnham's moral transformation. The

material of the study comprises 62 German-language units extracted from the English-language text of the novel. The research employs contextual, structural-functional, and semiotic methods of analysis. As a result, five stages in the functioning of the German code are identified, each correlated with a particular phase of the plot and with changes in the protagonist's linguistic status – from receptive perception of foreign speech to active command of the language and, subsequently, refusal of speech action. It is established that the dynamics of the insertions, together with shifts in the degree of authorial glossing, form an autonomous semantic layer of the text. The study concludes that the movement of German-language material in the novel structurally corresponds to the trajectory of the protagonist's loss of innocence and forms a leitmotiv model of his narrative and moral development.
Keywords: foreign-language insertions, literary multilingualism, code-switching, semiotics, Bildungsroman, gloss

For citation: Dzasezheva L.Kh., Khatukhova L.V., Erzhibova F.A. The dynamics of German-language insertions as a semiotic model of the protagonist's transformation in Ian Mcewan's novel "The Innocent". Modern Scientist. 2026. 10. P. 118 – 124. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-118-124

The article was submitted: May 10, 2026; Approved after reviewing: June 7, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Иноязычные вкрапления в англоязычной прозе давно привлекают внимание исследователей. Однако чаще всего их рассматривают либо как средство создания культурного колорита, либо как способ речевой характеристики персонажа. Между тем в ряде романов второй половины XX века этот языковой слой выполняет более сложную функцию. Он не только маркирует чужое пространство, но и формирует динамическую ось, вдоль которой разворачивается внутренняя трансформация героя.

Проблема иноязычных вкраплений в художественном тексте находится на пересечении лингвистики и литературоведения, однако ее систематическое изучение началось сравнительно поздно. Как отмечают П. Гарднер-Хлорос и Д. Уэстон, в течение долгого времени внимание исследователей было сосредоточено прежде всего на устном переключении кодов, тогда как письменные и литературные формы многоязычия оставались на периферии научного интереса [11]. Лишь в последние десятилетия ситуация изменилась. Появились работы, посвященные как историческим формам литературного многоязычия, так и современным мультикультурным текстам [9].

Термин «иноязычные вкрапления» был введен А.А. Леонтьевым [7] и впоследствии получил развитие в трудах других исследователей. В смежном понятийном поле существуют термины, фиксирующие различную степень освоенности иноязычного элемента принимающим языком. И.Р. Гальперин различает варваризмы, то есть частично ассимилированные слова, находящиеся на периферии языковой системы, и иностранные слова, которые не входят в состав языка и фиксируются лишь в специальных словарных приложениях [1]. М.А. Кузина предлагает рассматривать иноязычные единицы по шкале ассимиляции и выделяет полностью освоенные, частично освоенные и неосвоенные элементы [6]. В.В. Кабакчи использует более широкое понятие «ксеноним», обозначающее любую языковую единицу, связанную с явлениями чужой культуры [3]. В настоящей статье используется термин «иноязычные вкрапления», поскольку материал исследования включает элементы разной степени освоенности, от полностью неассимилированных развернутых реплик до отдельных лексем, находящихся на границе варваризма и экзотизма.

Функции иноязычных вкраплений в художественном тексте многообразны. И.Р. Гальперин указывает прежде всего на их роль в создании колорита, в передаче быта и атмосферы иной культуры, а также в формировании художественного времени и пространства и в раскрытии внутреннего мира персонажа [1]. Е.Б. Коломейцева расширяет этот перечень, выделяя аттрактивно-экспрессивную, эмотивную, интертекстуальную и лейтмотивную функции [4]. Для настоящего исследования особенно важна последняя. Именно лейтмотивный принцип, предполагающий повторное появление иноязычного элемента при изменении его смысловой нагрузки, наиболее точно описывает способ функционирования немецкого кода в романе И. Макьюэна «*Невинный,* или Особые отношения» [13].

В современных исследованиях можно выделить несколько основных подходов к анализу иноязычных вкраплений. Первый ориентирован на структурно-типологическое описание переключения кодов. Так, Л. Гунко на материале романов Питера Мейла выделяет переключения в речи билингвальных персонажей и в авторском повествовании, а затем классифицирует их по структурным типам. Исследовательница показывает, что наиболее частотным является переключение внутри предложений, которое служит передаче культурных реалий, эмоциональных состояний персонажей и локального колорита [12]. Второй подход сосре-

доточен на семантико-прагматических функциях иноязычных элементов. М.А. Дубовицкая, анализируя роман Амина ар-Рейхани «Книга Халида», показывает, что арабские вкрапления выполняют не только номинативную и колористическую функции, но и участвуют в самоидентификации героя и в авторской саморепрезентации [2]. Существенное значение при этом приобретают тематические группы лексики, организующие подтекст произведения. Третий подход расширяет само понимание многоязычия и включает в него не только взаимодействие естественных языков, но и элементы невербальной коммуникации. Э.Т. Костоусова на материале романа Л.Н. Толстого «Война и мир» рассматривает вербальные репрезентации мимики как особую знаковую систему, сопровождающую или замещающую речь [5]. Такой взгляд позволяет понимать многоязычие как сложный семиотический феномен, в котором взаимодействуют разные способы смыслообразования.

Несмотря на продуктивность названных подходов, в исследовательском поле сохраняются существенные пробелы. Большинство работ ограничивается статическим описанием функций иноязычных вкраплений, тогда как их движение в пределах повествования изучено недостаточно. Не получила должного внимания и связь между освоением персонажем иностранного языка и его нравственной трансформацией. Кроме того, лишь в редких случаях литературное переключение кодов рассматривается как структура, соотнесенная с сюжетной траекторией героя [11].

Роман Иэна Макьюэна «*Невинный*, или Особые отношения» представляет в этом отношении особенно показательный материал. Исследователи обращались к историко-политическому измерению романа, к изображению операции «Золото», разделенного Берлина и холодной войны как фона частной драмы [8; 10]. При этом языковой пласт произведения, несмотря на его очевидную значимость, до сих пор не становился предметом систематического анализа. Между тем повествование организовано так, что читатель проходит через опыт языковой некомпетентности героя, сталкиваясь с непереведенными немецкими репликами, авторскими указаниями на трудность понимания и постепенным исчезновением глосс по мере того, как Леонард осваивается в чужом языковом пространстве.

Актуальность исследования определяется несколькими пересекающимися проблемными линиями. С одной стороны, это изучение литературного многоязычия, в рамках которого динамический аспект остается наименее разработанным. С другой стороны, это проблематика романа воспитания, где язык как средство и знак инициации обычно не выдвигается на первый план. Наконец, важен и семиотический подход к художественному тексту, восходящий к традиции Ю.М. Лотмана, в которой взаимодействие разных кодов рассматривается как источник нового смысла.

Объектом исследования являются немецкоязычные вкрапления в англоязычном тексте романа И. Макьюэна «*Невинный*, или Особые отношения». Предмет исследования составляет динамика этих вкраплений на протяжении романа, рассматриваемая как семиотическая модель трансформации протагониста.

Цель статьи заключается в том, чтобы показать, что немецкий язык в романе функционирует не как декоративный элемент и не только как средство характеристики, а как особая семиотическая система, соотнесенная с сюжетной траекторией героя.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужил роман И. Макьюэна «*Невинный*, или Особые отношения». Из текста были извлечены все единицы, графически представленные немецким кодом, от отдельных лексем до развернутых реплик. Общий объем корпуса составил 62 единицы.

В выборку включались только те фрагменты, которые визуально воспринимаются как неанглийские, то есть сохраняют немецкую орфографию, морфологию и не ассимилированы в английский текст.

Каждая единица описывалась по четырем параметрам. Учитывался уровень языковой сложности, от изолированной лексемы до развернутой реплики. Фиксировался тип речевого действия персонажа, включая рецепцию, продукцию и продукцию через посредника. Отмечался функциональный регистр, бытовой, интимный, формальный, юридический, технический или институциональный. Наконец, учитывалось наличие или отсутствие авторской глоссы. Последний параметр оказался особенно значимым, поскольку изменение степени глоссирования образует самостоятельный смысловой слой и не сводится к задаче облегчения читательского восприятия.

Результаты и обсуждения

После параметризации все единицы были расположены в хронологической последовательности и распределены по пяти стадиям. Каждая из них соответствует определенному этапу фабулы и, как представляется, определенной фазе нравственной трансформации Леонарда. Границы между стадиями устанавлива-

лись на основе совокупности признаков. Учитывалась смена доминирующего регистра, изменение соотношения рецептивных и продуктивных единиц, а также появление или исчезновение глоссы.

Первая стадия связана с прибытием Леонарда Марнэма, молодого инженера, в Западный Берлин 1955 года. На этом этапе немецкая речь предстает для него частью сенсорного потока, непрозрачного и почти нерасчленимого. Первые немецкие слова возникают как фрагменты чужого разговора в пивной. Повествование подчеркивает усилие, сопровождающее каждый акт понимания. Леонард распознает слово ***Tod*** «смерть» и переживает это узнавание как небольшую, но значимую победу. Затем появляются ***Zug*** «поезд» и ***bringen*** «приносить», позднее наречие ***manchmal*** «иногда», услышанное в затухающем речевом потоке. Герой как будто вылавливает отдельные сигналы из языкового шума.

Показательно, что первым понятым словом становится именно ***Tod***. Выбор этой лексемы трудно считать случайным. Она выполняет функцию смыслового предвосхищения, поскольку отсылает к убийству, которое произойдет позднее и станет переломным моментом в судьбе героя.

Иначе устроены примеры ***Eckkneipe*** «угловая пивная» и ***Bratwurst mit Kartoffelsalat*** «жареная колбаса с картофельным салатом». В этих случаях Леонард не столько понимает высказывание, сколько ориентируется при помощи культурной узнаваемости. Пространство осваивается им пока не через язык как систему, а через набор привычных ассоциаций.

Реплики, которые герой слышит, но не производит сам, такие как ***Mit meinen blossen Händen!*** «Голыми руками» и ***Eines Tages werden mir alle dafür dankbar sein*** «Когда-нибудь все будут мне за это благодарны», сопровождаются полной авторской глоссой. Языковой статус Леонарда на этой стадии сугубо рецептивен. Он еще не вступил в активное владение кодом. В логике романа инициации это пороговое состояние. Его невинность сохраняется и в нравственном, и в языковом смысле.

Вторая стадия соответствует переезду на Адальбертштрассе. Здесь немецкий язык впервые становится для героя не только воспринимаемым, но и производимым. Леонард начинает писать по-немецки.

Сцена составления списка покупок является знаковой. Леонард записывает ***Salz*** «соль», затем исправляет запись, пишет ***Kaffee und Zucker*** «кофе и сахар», обращается к словарю и выписывает ***Milchpulver*** «сухое молоко», затем ***Tee, Zigaretten, Streichhölzer, Schokolade*** «чай, сигареты, спички, шоколад». Повествование дважды подчеркивает роль словаря как внешней опоры, но важнее другое. Даже опираясь на словарь, Леонард впервые сам порождает немецкий текст.

В магазине он вступает в первую реальную коммуникацию, хотя инициатива по-прежнему принадлежит носителю языка. Формула вежливости ***Guten Tag*** «добрый день» становится первым фатическим актом, который Леонард осуществляет, но она произносится неуверенно и невнятно (*he mumbled*). Отдельного внимания заслуживает вывеска ***H.O. Gastronom*** «Торговая организация Гастроном». Слово ***Gastronom*** относительно прозрачно, тогда как аббревиатура ***H.O.*** остается непонятной. Леонард способен понять лишь поверхностный слой городского текста, но не его институциональную глубину.

На этой стадии немецкий язык выполняет, прежде всего, функцию освоения пространства. Герой начинает присваивать среду через называние, однако его язык пока утилитарен, фрагментарен и ограничен простейшими коммуникативными задачами.

Третья стадия наиболее объемна и семантически насыщена. Она связана с развитием отношений Леонарда и Марии, от первых прикосновений до помолвки. Немецкий язык перестает быть внешним объектом и становится средой, внутри которой формируется новая идентичность героя.

Первым словом их совместного языка оказывается ***Langsam*** «медленно». Это инструкция, связанная с ритмом близости. Мария задает темп не только физически, но и вербально. Затем звучит фраза ***Du Dummer! Wenn es für dich das erste Mal ist, bin ich sehr glücklich*** «Глупенький! Если это для тебя первый раз, то я очень счастлива», которую нарратор характеризует как проявление прямоты берлинской девушки. Обращение ***Du Dummer*** соединяет нежность и снисхождение. Невинность Леонарда впервые проговаривается вслух, причем на чужом для него языке. Диминутив ***Mein Dummerchen*** «мой глупенький» усиливает асимметрию. Суффикс уменьшительности придает образу героя детскую окраску. В этой паре власть и забота выражаются именно через немецкий код.

Симптоматично также появление слова ***Erkundungen*** «исследования», которое сразу сопровождается английским метафорическим эквивалентом ***these excavations*** «эти раскопки». Немецкая лексема и английское пояснение сосуществуют в одном контексте, и граница между кодами становится проницаемой. Леонард оказывается в ситуации промежуточного языкового пространства, которое выступает средой формирования его новой идентичности.

Кульминационным моментом этой стадии становится слово ***verlobt*** «помолвлены». Мария произносит его дважды, почти шепотом, и немецкий язык превращается в язык обещания и интимной клятвы. Переход

от лексемы ***Tod*** к ***verlobt*** происходит внутри одного кода и тем самым получает особую композиционную значимость. На этом этапе происходит качественный сдвиг. Невинность утрачивается одновременно в телесном и языковом измерениях, причем И. Макьюэн сознательно сближает эти два процесса.

Четвертая стадия формирует нравственный центр романа. На данной стадии происходят убийство Отто, расчленение тела и его сокрытие. Немецкий язык начинает выполнять принципиально иную функцию.

Переход к этой стадии обозначен словом ***Raus*** «вон», краткой лексемой, наделенной выраженной перформативной силой. После совершения убийства язык переключается на обслуживание задач нормализации ужаса и обеспечения сокрытия преступления. Реплика ***Es ist mir egal, was es ist*** «Мне все равно, что это» показывает, как Мария отказывается от знания и как переключение на немецкий язык помогает ей дистанцироваться от происходящего. Затем появляется ***Totschlag***, юридический термин, обозначающий непредумышленное убийство. Само присутствие такой лексики в речи героини, которая прежде шептала ***verlobt***, маркирует внутренний перелом. Перекличка с первым распознанным словом ***Tod*** здесь очевидна и семантически значима.

Фраза ***Es macht nichts*** «ничего страшного», обычно принадлежащая повседневному регистру, в контексте убийства производит особенно сильный эффект. Напряжение возникает из резкого несоответствия между привычной легкостью выражения и чудовищностью ситуации.

Техническая лексика входит в повествование в сцене расчленения. Мария произносит ***Wasserdicht*** «водонепроницаемый», обсуждая ткань для упаковки тела, и спрашивает, как это сказать по-английски. Прежняя структура отношений переворачивается. Учительница нуждается в помощи ученика, однако речь теперь идет не об интимном сближении, а о сокрытии трупа. Совместное владение языком, прежде обозначавшее любовь, становится знаком соучастия. Газеты ***Tagesspiegel*** и ***Der Abend*** появляются в эпизоде, где части тела заворачиваются в газетные листы. Печатное немецкое слово буквально облекает тело, и этот образ придает языковому материалу предельную вещественность.

Особой выразительностью обладает сцена с собакой, почуявшей запах. Хозяйка говорит ***Komm schon, mein kleiner Liebling. Ist doch nur ein Koffer*** «Пойдем, мой маленький любимчик. Это всего лишь чемодан»**.** Ласковый регистр, знакомый по более ранним эпизодам, переносится в ситуацию, связанную с трупом в чемодане. Интимный немецкий третьей стадии претерпевает мрачную трансформацию, а ласковое слово становится средством маскировки ужаса.

Реплика Леонарда ***Gnädige Frau*** «сударыня» заслуживает отдельного внимания. Это первый случай, когда он использует формальный немецкий для сознательного обмана. Язык, усвоенный через любовь и близость, превращается в инструмент манипуляции. Полнота компетенции проявляется здесь в способности лгать на чужом языке.

Пятая стадия охватывает эпилог, действие которого перенесено в 1987 год, незадолго до падения Берлинской стены. Немецкоязычных единиц здесь всего три, но каждая из них концентрирует значительную смысловую нагрузку.

Слово ***Sozialhilfe*** «социальная помощь» относится к институциональной лексике и понимается героем без усилия. Его языковая компетенция теперь полна, но остается пассивной. Он уже не включен в действие, а лишь наблюдает. Реплика ***Haste mal 'ne Mark?*** «Нет ли у тебя марки?» представляет собой берлинский разговорный вариант с фонетической редукцией. Для начинающего такой фрагмент был бы почти непрозрачен, однако Леонард понимает его мгновенно и все же не отвечает. Это молчание связано не с незнанием, а с внутренней невозможностью вступить в коммуникацию.

Последней немецкой единицей в романе становится надпись на мемориальном кресте ***Von Grenzsoldaten erschossen*** «застрелены пограничниками». Она отсылает к памяти о молодых людях, убитых при попытке преодолеть Стену. Здесь композиционный круг замыкается. Если в начале романа ***Tod*** было абстрактным словом, случайно услышанным в чужой речи, то теперь смерть предстает как исторически конкретный и документированный факт.

На заключительной стадии языковая компетенция Леонарда полна, но неактивна. Он понимает сленг, официальную лексику, мемориальные надписи, но сам больше не говорит по-немецки. Возникает кольцевая структура, внутри которой можно выделить три позиции. Наблюдатель в начале пути, участник в центре действия и снова наблюдатель в финале. Однако это уже иной наблюдатель. Первый почти ничего не понимал и не был причастен к вине. Второй знает слишком много, и именно это знание делает речь невозможной.

Выводы

Распределение немецкоязычных вкраплений в романе «*Невинный*, или Особые отношения» образует целостную систему. Каждая стадия характеризуется собственным набором языковых признаков и соотнесена с определенной фазой нравственной трансформации протагониста. Рост языковой компетенции оказывается структурно соизмерим с траекторией утраты невинности.

Динамика авторской глоссы также выступает значимым нарративным приемом. На первой стадии переводится почти все. На третьей глосса почти исчезает, и читатель, подобно Леонарду, должен понимать смысл через контекст. На четвертой стадии она возвращается, но уже с ироническим эффектом, поскольку перевод не проясняет ситуацию, а лишь подчеркивает ее неустранимую нравственную тяжесть. В эпилоге глосса исчезает полностью. Тем самым глоссирование предстает не как вспомогательная техническая процедура, а как особый семиотический слой текста.

Кольцевая композиция подтверждает продуманность художественного решения. И. Макьюэн возвращает героя в исходную точку, но не возвращает ему исходное состояние. Роман может быть прочитан как своеобразный роман взросления, в котором овладение иностранным языком становится структурным эквивалентом пути героя. Однако в отличие от классической модели здесь итогом оказывается не зрелость как положительное приобретение, а знание, неотделимое от вины. Невинность утрачивается в том числе через язык, через немецкий код, который начинается со слова ***Tod*** и завершается молчанием у мемориального креста.

Список источников

1. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: Высшая школа, 1970. 343 с.

2. Дубовицкая М.А. Иноязычные вкрапления в художественном тексте как способ самоидентификации и авторепрезентации (на примере романа Амина ар-Рейхани «Книга Халида») // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 17 (1). С. 89 – 96.

3. Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингвокультурологию. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. 252 с.

4. Коломейцева Е.Б. Иноязычные вкрапления в современном художественном тексте (на материале английского языка): автореф. … канд. филол. наук. СПб., 2016. 18 с.

5. Костоусова Э.Т. Многоязычие в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 16. № 1. С. 62 – 66.

6. Кузина М.А. Экзотизмы v. варваризмы: функционирование в англоязычном художественном тексте (на примере мультикультурных романов авторов индийского происхождения) // МНИЖ. 2017. № 3-2 (57). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekzotizmy-v-varvarizmy-funktsionirovanie-v-angloyazychnom-hudozhestvennom-tekste-na-primere-multikulturnyh-romanov-avtorov-indiyskogo (дата обращения: 11.03.2026)

7. Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. М.: Наука, 1966. С. 60 – 68.

8. Byrnes C. The Work of Ian McEwan: A Psychodynamic Approach: Diss. Newcastle University, 1999.

9. Callahan L. Spanish/English Codeswitching in a Written Corpus. Amsterdam: John Benjamins, 2004. viii, 183 p. DOI: 10.1016/j.system.2006.04.001.

10. David Malcolm. An Introduction to the Work of One of Britain's Most Admired Fiction Writers. University of South Carolina Press, 2002. 216 p.

11. Gardner-Chloros P., Weston D. Code-switching and multilingualism in literature // Language and Literature. 2015. Vol. 24. No. 3. P. 182 – 193.

12. Gunko L. The Structural Features of Code-Switches in the Modern British Novels // Athens Journal of Philology. 2021. Vol. 8. Iss. 2. P. 141 – 156.

13. McEwan I. The Innocent. Anchor Books, 1998. 224 p.

References

1. Galperin I.R. Stylistics of the English Language. Moscow: Vysshaya shkola, 1970. 343 p.

2. Dubovitskaya M.A. “Foreign-Language Insertions in Fiction as a Means of Self-Identification and Self-Representation (Based on Amin al-Rayhani’s Novel “The Book of Khalid”).” Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Humanities. 2019. No. 17 (1). P. 89 – 96.

3. Kabakchi V.V., Beloglazova E.V. Introduction to Interlinguacultural Studies. St. Petersburg: SPbSUEF Publishing House, 2012. 252 p.

4. Kolomeytseva E.B. Foreign-Language Insertions in Modern Fiction (Based on English): Abstract of Cand. Sci. (Philology). St. Petersburg, 2016. 18 p.

5. Kostousova E.T. Multilingualism in L.N. Tolstoy's Novel War and Peace. Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics. 2019. Vol. 16. No. 1. P. 62 – 66.

6. Kuzina M.A. Exoticisms vs. Barbarisms: Functioning in English-Language Fiction (Based on Multicultural Novels by Authors of Indian Origin). MNIZH. 2017. No. 3-2 (57). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekzotizmy-v-varvarizmy-funktsionirovanie-v-angloyazychnom-hudozhestvennom-tekste-na-primere-multikulturnyh-romanov-avtorov-indiyskogo (date of access: 11.03.2026)

7. Leontiev A.A. Foreign-language inclusions in Russian speech. Questions of speech culture. Moscow: Nauka, 1966. P. 60 – 68.

8. Byrnes C. The Work of Ian McEwan: A Psychodynamic Approach: Diss. Newcastle University, 1999.

9. Callahan L. Spanish/English Codeswitching in a Written Corpus. Amsterdam: John Benjamins, 2004. viii, 183 p. DOI: 10.1016/j.system.2006.04.001.

10. David Malcolm. An Introduction to the Work of One of Britain's Most Admired Fiction Writers. University of South Carolina Press, 2002. 216 p.

11. Gardner-Chloros P., Weston D. Code-switching and multilingualism in literature. Language and Literature. 2015. Vol. 24.No. 3. P. 182 – 193.

12. Gunko L. The Structural Features of Code-Switches in the Modern British Novels. Athens Journal of Philology. 2021. Vol. 8. Iss. 2. P. 141 – 156.

13. McEwan I. The Innocent. Anchor Books, 1998. 224 p.

Информация об авторах

Дзасежева Л.Х., кандидат филологических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,dzasezheva@mail.ru

Хатухова Л.В., старший преподаватель, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,laura.khatukhova@yandex.ru

Эржибова Ф.А., старший преподаватель, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, ershibowa@yandex.ru

© Дзасежева Л.Х., Хатухова Л.В., Эржибова Ф.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.161.1'37:[81'276:796]
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-125-133

Спортивный подъязык как особая семантико-структурная система современного русского языка

[1] Васильева И.В., [1] Парфененков К.В.

[1] Российский государственный гидрометеорологический университет

Аннотация: в статье рассматривается спортивный подъязык как особая семантико-структурная система современного русского языка, функционирующая в сфере спортивной коммуникации. Актуальность исследования обусловлена возрастанием роли спортивного дискурса в современной медиасреде, а также расширением сфер употребления спортивной лексики за пределы профессионального общения. В работе анализируются теоретические подходы к определению понятия «подъязык» в отечественной лингвистике и обосновывается возможность выделения спортивного подъязыка как самостоятельной языковой подсистемы, сочетающей признаки профессионального языка и социолектной организации речи. Особое внимание уделяется специфике спортивной номинации, которая реализуется через терминологизацию общеупотребительной лексики, метафоризацию, онимизацию, заимствования и элементы неофициальной лексики. На материале примеров показано, что спортивный подъязык отличается гетерогенностью, включает нормативные и ненормативные единицы, а также характеризуется подвижностью границ между терминологической и общеязыковой лексикой. Кроме того, в статье сопоставляются понятия «подъязык» и «социолект», что позволяет точнее определить статус спортивной лексики в системе современного русского языка. В результате формулируется определение спортивного подъязыка и подчеркивается его значимость как особого компонента национального языка, обладающего собственной функциональной и семантической спецификой.
Ключевые слова: спортивный подъязык, подъязык, языковые подсистемы, спортивная номинация, терминология, социолект, спортивный дискурс, специальная лексика

Для цитирования: Васильева И.В., Парфененков К.В. Спортивный подъязык как особая семантико-структурная система современного русского языка // Современный ученый. 2026. № 10. С. 125 – 133. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-125-133

Поступила в редакцию: 10 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Sports sublanguage as a special semantico-structural system of modern Russian language

[1] Vasilyeva I.V., [1] Parfenenkov K.V.

[1] Russian State Hydrometeorological University

Abstract: the article examines the sports sublanguage as a special semantico-structural system of Modern Russian functioning in the sphere of sports communication. The relevance of the study is determined by the growing role of sports discourse in the contemporary media environment, as well as by the expansion of sports-related vocabulary

beyond professional communication. The paper analyzes theoretical approaches to the definition of the term "sublanguage" in Russian linguistics and substantiates the possibility of the sports sublanguage being an independent linguistic subsystem that combines the features of professional language and sociolectal speech organization. Special attention is paid to the specifics of sports nomination, which is realized through the terminologization of common vocabulary, metaphorization, onymization, borrowings, and elements of informal lexis. The examples analyzed show that the sports sublanguage is heterogeneous, includes both normative and non-normative units, and is characterized by fluid boundaries between terminological and general vocabulary. In addition, the article compares the concepts of "sublanguage" and "sociolect," which makes it possible to define the status of sports vocabulary in the system of Modern Russian more precisely. As a result, a definition of the sports sublanguage is formulated, and its significance as a special component of the national language with its own functional and semantic specificity is emphasized.
Keywords: sports sublanguage, sublanguage, linguistic subsystems, sports nomination, terminology, sociolect, sports discourse, special vocabulary

For citation: Vasilyeva I.V., Parfenenkov K.V. Sports sublanguage as a special semantico-structural system of modern Russian language. Modern Scientist. 2026. 10. P. 125 – 133. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-125-133

The article was submitted: May 10, 2026; Approved after reviewing: June 7, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Проблема функционирования специальных подсистем языка на протяжении длительного времени остаётся одной из значимых в современной лингвистике, поскольку именно в рамках профессиональной коммуникации наиболее отчётливо проявляются процессы языковой дифференциации, семантической специализации и формирования особых способов номинации. Развитие различных сфер общественной деятельности закономерно приводит к возникновению специфических языковых комплексов, обеспечивающих точность, краткость и функциональную эффективность передачи информации. В этом смысле подъязык выступает не только средством профессионального общения, но и формой языковой репрезентации специализированного знания, отражающей особенности концептуализации определённой предметной области [1].

Особое место среди подобных подсистем занимает спортивный подъязык, функционирующий на стыке профессиональной и массовой коммуникации. Его специфика определяется высокой динамичностью спортивного дискурса, коммуникативной оперативностью и сочетанием терминологической точности с экспрессивностью речевых средств. В спортивной коммуникации активно взаимодействуют нормативные термины, разговорные единицы, профессиональный сленг, метафорические и оценочные номинации, что формирует сложную семантико-структурную организацию данной языковой подсистемы. Подобная неоднородность позволяет рассматривать спортивный подъязык как особую форму языковой организации, сочетающую признаки профессионального подъязыка и элементы социолектной системы [2].

Актуальность исследования спортивного подъязыка обусловлена усилением роли спортивного дискурса в современном медиапространстве и расширением сфер функционирования спортивной лексики. Значительная часть единиц, первоначально употреблявшихся исключительно в профессиональной среде, активно переходит в общеязыковое употребление, что сопровождается изменением их семантики, расширением контекстов функционирования и усилением экспрессивного потенциала. Кроме того, современные процессы развития массовой коммуникации способствуют активному обновлению спортивной номинации за счёт заимствований, вторичной номинации и метафоризации. Это требует комплексного изучения спортивного подъязыка как целостной семантико-структурной системы современного русского языка.

Несмотря на устойчивый интерес исследователей к проблемам специальных подъязыков, вопросы структурной организации спортивного подъязыка, соотношения терминологической и нетерминологической лексики, а также механизмов формирования специфической спортивной номинации до настоящего времени не получили однозначного освещения в лингвистике. В научной традиции сохраняется неоднородность подходов к определению статуса спортивной лексики: одни исследователи рассматривают её преимущественно как разновидность профессионального языка [3], другие – как социолектную систему или особый тип дискурсивной практики [4]. Это обусловливает необходимость системного анализа спортивного подъязыка с учётом его семантической, структурной и функциональной специфики.

Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении спортивного подъязыка как особой семантико-структурной системы современного русского языка и выявлении его основных лингвистических характери-

стик. Для достижения поставленной цели предполагается определить статус спортивного подъязыка среди специальных языковых подсистем, соотнести его с понятием социолекта, описать лексическую организацию спортивного подъязыка и выявить его функционально-номинативную специфику.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили труды отечественных лингвистов, посвящённые проблемам специальных подъязыков, терминологии и профессиональной коммуникации, а также исследования в области теории номинации и семантики. Эмпирическую базу составили лексические единицы спортивной коммуникации, репрезентирующие различные пласты спортивного подъязыка: специализированную терминологию, спортивную фразеологию, аббревиатуры, лексику, связанную с физической подготовкой и оцениванием, а также жаргонно-сленговые и иные неофициальные номинации. В качестве методологической базы использовались методы теоретического анализа и синтеза научной литературы, сравнительно-сопоставительный анализ подходов к определению подъязыка и социолекта, а также элементы структурно-семантического анализа при рассмотрении спортивной терминологии и профессионально маркированной лексики. Анализ лексического материала осуществлялся с опорой на функционально-дискурсивный подход, что позволило рассмотреть особенности употребления спортивных единиц в профессиональной и массовой коммуникации, а также выявить их семантическую неоднородность и специфику номинативных механизмов. Комплексное использование указанных методов обеспечило целостное описание спортивного подъязыка как особой семантико-структурной системы современного русского языка.

Результаты обсуждения

Спортивный дискурс на сегодняшний день представляет собой динамично развивающуюся коммуникативную среду, в рамках которой формируется особый лингвистический пласт – спортивный подъязык. Основной характеристикой данного подъязыка является специфическая номинация, которая служит не только для обозначения профессиональных реалий, но и для экспрессивного выражения смыслов, понятных узкому кругу специалистов и болельщиков [5].

Следует отметить, что в современной лингвистике отсутствует единое понимание термина «подъязык». В отечественной традиции он был введен Н.Д. Андреевым и трактуется как совокупность языковых единиц, используемых в ограниченном по тематическому или функциональному признаку массиве текстов [6]. В дальнейшем данное понятие получило развитие: подъязык рассматривается как совокупность языковых средств всех уровней, обслуживающих определенную сферу общения и отражающих специфический понятийный аппарат данной области [1].

Подъязык (или подъязыковая система) представляет собой разновидность языка, которая функционирует в определённой социальной группе или контексте. Эта система может включать диалекты, жаргоны или профессиональные термины, используемые в пределах узкой сферы деятельности. Подъязык часто служит средством идентификации и солидарности среди членов группы, а также может облегчать коммуникацию, обеспечивая более точное выражение специфических понятий и идей.

Данный термин вошел в научный обиход как вариант термина «язык для специальных целей», или «ЯСЦ» (англ. language for special purposes (LSP)). Прежде чем понятие ЯСЦ приобрело популярность в отечественной лингвистике, в научной литературе использовались понятия и термины «подъязык науки и техники» или «язык науки и техники», «профессиональный язык», «специальный язык», «научно-технический язык», «научный язык» [7], которые были более абстрактными и неопределенными, чем понятие «язык для специальных целей». Однако язык для специальных целей (ЯСЦ) – это часть языка, связанная с использованием языка в профессиональных или академических контекстах, где он адаптирован для удовлетворения специфических потребностей определенной области знаний. ЯСЦ включает специализированную лексику, фразеологию, синтаксические структуры и жанровые особенности, характерные для таких областей, как медицина, право, экономика и наука. Язык для специальных целей акцентирует внимание на функциональности языка в конкретной предметной области и может быть включен в учебные программы для подготовки специалистов.

ЯСЦ акцентирует внимание на профессиональной или специализированной среде, требующей конкретного общего тезауруса и стиля, в то время как подъязык ориентирован на социальные и культурные аспекты общения внутри узкой группы. Основной целью подъязыка является выражение идентичности и принадлежности к сообществу, а ЯСЦ направлен на эффективность коммуникации и точность в профессиональных или научных дискурсах. И наконец, подъязык может включать неформальные элементы и варьи-

роваться в зависимости от социального контекста, тогда как ЯСЦ характеризуется строгими нормами и стандартами, что делает его более формализованным и стандартизированным.

Таким образом, термин «язык для специальных целей» сегодня используется для обозначения языка науки, техники и делового общения, а подъязык ориентирован на конкретную сферу деятельности, область знания или профессиональную область (например, компьютерный подъязык, подъязык гидроэнергетики, юридический подъязык, подъязык моды, подъязык сводок погоды).

Важным, на наш взгляд, является разграничение понятий «подъязык» и «социолект». Несмотря на то, что оба понятия связаны с ограничением использования языка определённой группой людей, они описывают разные принципы внутренней дифференциации языка. Подъязык обычно определяется через сферу функционирования: он связан с определённой предметной областью, видом деятельности или системой знаний и организуется вокруг специализированного понятийного аппарата [6]. Социолект, напротив, выделяется по социальному признаку и характеризует речь конкретной общности носителей, объединённых профессиональными, возрастными, корпоративными или иными социальными связями [8]. Иными словами, в первом случае решающим является тематико-функциональный критерий, во втором – социально-групповой.

При этом оба термина описывают языковые образования как входящие, так и выходящие за пределы нейтральной общелитературной нормы, но различаются по степени и характеру системности. Подъязык тяготеет к организации вокруг специализированной терминологии и устойчивых моделей номинации, тогда как социолект чаще демонстрирует вариативность, экспрессивность и зависимость от внутригруппового речевого поведения. В спортивной сфере это различие особенно важно: спортивная лексика формируется не только как средство обозначения специального знания, но и как маркер принадлежности к определённому сообществу, что сближает её одновременно с подъязыком и социолектом.

Данное сравнение позволяет объединить всю лексику русского языка, ограниченную спортивной сферой употребления, в спортивный подъязык. Более того, спортивный подъязык можно рассматривать как консубстанциональный, поскольку он функционирует на стыке профессиональной и массовой коммуникации, включая язык специалистов и язык болельщиков [2].

Центральным механизмом формирования спортивного подъязыка является номинация. Номинация представляет собой процесс закрепления за объектами, действиями и явлениями определенных языковых знаков. В спортивном подъязыке она характеризуется стремлением к компрессии информации при сохранении выразительности [8].

В структурно-семантическом аспекте на первый план выходит лексическая организация спортивного подъязыка, хотя словообразовательные и морфологические признаки тоже являются его отличительной особенностью.

Лексическая система спортивного подъязыка представляет собой пеструю картину, включающую как языковые единицы, соответствующие норме, так и лексемы, находящиеся за рамками языка (жаргон, сленг, арго и т.д.).

Лексическая система спортивного подъязыка формируется из различных компонентов, которые помогают спортсменам, тренерам и любителям спорта общаться эффективно и точно описывать процессы, события и аспекты, связанные со спортом. Ниже перечислены основные языковые единицы, составляющие лексическую систему спортивного подъязыка:

Специализированная лексика. Это терминология, используемая в конкретных видах спорта, включая названия действий («подача», «пробежка», «дриблинг»), оборудования («скейтборд», «канат», «коньки»), оценка/результат достижения («рейтинг», «среднее значение», «статистика»). Термины, относящиеся к физической подготовке и тренировкам: «разминка», «сила», «выносливость», «толщина жира», «пульс».

Спортивная фразеология включает устойчивые выражения и словосочетания, которые имеют специфическое значение в спортивной среде: «попасть в десяточку», «сделать дубль», «выйти из игры», «забить гол», «поймать кураж», «выиграть на флажке».

В спортивной терминологии часто используются *краткие формы и аббревиатуры* для обозначения команд, турниров и спортивных терминов: «ФИФА» (Федерация футбольных ассоциаций), «НБА» (Национальная баскетбольная ассоциация) и отаббревиатурные образования: МОКовцы - производные существительные с семантикой лица, образованные от аббревиатуры МОК (Международный олимпийский комитет): МОКовские клоуны, МОКовские холуи, МОКовские подстилки - относительные прилагательные, образованные от МОК. В этом случае отаббревиатурные дериваты приобрели разговорно-неодобрительное значение.

Жаргон. *Сленг. Арго.* В отечественной лингвистике и сфере спорта данные единицы нередко приравниваются. Так, согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю под ред. Ярцева В.Н, сленг – это 1) то же, что жаргон (в отечественной литературе преимущественно по отношению к англоязычным странам); 2) совокупность жаргонизмов, составляющих слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи [9]. Мы считаем необходимым разграничить данные единицы в контексте спортивной коммуникации, поскольку они выполняют различные функции в структуре спортивной коммуникации. Спортивный жаргон в большей степени связан с профессиональной средой и служит средством внутригруппового общения, тогда как спортивный сленг характеризуется повышенной экспрессивностью, разговорной окрашенностью и ориентированностью на неформальное общение. Кроме того, сленговые единицы быстрее выходят за пределы узкопрофессионального употребления и активно функционируют в массовой коммуникации.

Так, в каждом виде спорта существует свой спортивный сленг, который усиливает связь между членами сообщества и делает коммуникацию более неформальной. Например, в скейтбординге: «шкурка», «наждак», «шкура», «абразив», – специальная самоклеящаяся пленка для доски, по свойствам схожая с наждачной бумагой; в футболе: «автобус», «харамбол» – тактика глухой обороны, когда команда почти всем составом остаётся на своей половине поля.

Спортивный жаргон отличается высокой степенью ироничности и антропоморфизма. Например, в хоккейной среде «блин» – это специальная перчатка вратаря, а в баскетболе «сквозняк» – бросок, при котором мяч не задел ни кольцо, ни щит; в футболе слово «дельфин» обозначает игрока, склонного к симуляциям столкновений, чаще всего направленных на получение выгодной позиции для удара по воротам или на наказание игрока команды соперников. Такие номинации упрощают общение между участниками, создавая эффект сопричастности и профессиональной общности.

Необходимо отметить, что спортивный жаргон уже привлекал внимание лексикографов и не может считаться совсем неописанным явлением. Так, В.Б. Орлов еще в 1993 году подготовил первый словарь спортивного жаргона, тем самым обозначив направление для последующих лексикографических разработок. В дальнейшем к его описанию обращались Ф.Х. Исмаева, Т.Г. Никитина и Е. И. Рогалева, которые зафиксировали и систематизировали отдельные пласты спортивной неофициальной лексики. Помимо печатных работ, в научный оборот вошли и многочисленные словники, размещенные в сети, а также материалы спортивно-публицистического характера, что подтверждает устойчивый интерес к данному лексическому слою. Вместе с тем, несмотря на накопленный материал, единый толковый словарь русского спортивного жаргона до настоящего времени отсутствует. В связи с этим А. А. Елистратов предложил проект создания такого словаря, подчеркивая необходимость его систематизации и лексикографического упорядочения. Подобный словарь важен не только для описания спортивного жаргона как самостоятельного объекта, но и для дальнейшего изучения процессов перехода неофициальных единиц в состав спортивной терминологии [10].

Специфическая номинация в спорте выполняет важную прагматическую задачу: она экономит речевые усилия. В условиях дефицита времени (во время матча или трансляции) использование кратких и емких номинаций позволяет мгновенно передать сложную тактическую ситуацию. Более того, специфическая лексика формирует идентичность болельщика, разделяя аудиторию на «своих», владеющих кодом, и «чужих» [2].

Таким образом, наряду с общеупотребительной лексикой спортивная лексика включает специфические для каждого вида спорта языковые единицы, лежащие за рамками языка (рис. 1).

Рис. 1. Лексическая система спортивного подъязыка.
Fig. 1. Lexical system of the sports sublanguage.

Подобная структура соответствует модели подъязыка, в которой выделяются ядро и периферия [8].

Дополнительным аргументом в пользу выделения спортивного подъязыка является подвижность границ между термином и нетермином. Термины могут выходить за пределы профессиональной сферы и функционировать в массовой коммуникации, что особенно характерно для спортивного дискурса [11].

Наряду с лексическим уровнем в спортивном подъязыке не менее значимую роль играет грамматическая составляющая. К грамматическим особенностям спортивного подъязыка можно отнести следующие морфологические особенности:

Преобладание определённых частей речи. В спортивном подъязыке часто встречаются существительные (обозначают предметы, элементы состязаний, участников, компоненты инвентаря), глаголы (обозначают действия спортсменов), наречия, прилагательные и местоимения (в некоторых случаях могут выполнять функции других частей речи). Например, в автоспортивном подъязыке наблюдается высокая концентрация существительных с предметным значением, а также наличие жаргонизмов-глаголов, связанных с действиями в гонках.

Использование отглагольных существительных и существительных с процессуальным значением. Например, в автоспортивном подъязыке встречаются такие единицы, как «аквапланирование», «блокировка», «буксировка».

Важное значение среди грамматических особенностей спортивного подъязыка имеет словообразование спортивной лексики.

- Основным способом образования спортивной лексики на сегодняшний день является *заимствование*. Поскольку многие виды спорта имеют международный характер, подъязык активно пополняется англицизмами («офсайд», «дриблинг», «бэкхенд»), которые часто подвергаются морфологической адаптации в принимающем языке [1]. Появляются новые виды спорта (скейтбординг, сёрфинг, боудеринг и т.д.). «Возник и получил распространение термин “лавинообразное словообразование”, отражающий стремительное, одномоментное создание гнёзд производных слов в соответствии с наиболее актуальными поняти-

ями времени» [12]. Достаточно вспомнить, как в русскоязычных сообществах за два-три года из английского *bouldering* появились варианты «боулдеринг/болдеринг», затем «боулдерист», «пролезть боулдеринг», «боулдеринг-зал» и даже шутливое «болдерить». Это не единичные заимствования, а целое словообразовательное гнездо, возникшее практически одномоментно.

- Одним из продуктивных способов образования в спортивном подъязыке является *терминологизация* общеупотребительной лексики. Обычные слова приобретают узкоспециальное значение. Например, в футболе слово «стенка» означает не архитектурный элемент, а оборонительное построение игроков, а «горчичник» – желтую карточку. Термин «автобус» используется для обозначения сверхосторожной оборонительной тактики в футболе. Данный процесс соответствует общим механизмам формирования терминологии.
- Метафоризация – один из наиболее продуктивных способов создания номинации в спортивном подъязыке. Спортивные события часто описываются через метафоры войны, театра или стихийных бедствий. Например, «расстрелять ворота», «театральное падение» (симуляция), «лавина атак», «золотой гол». Метафоризация обеспечивает образность и способствует экономии языковых средств.
- Онимическая номинация (эпонимы). Названия элементов часто происходят от имен их создателей или первых исполнителей. В гимнастике это «петля Корбут» или «прыжок Цукахары», в фигурном катании – «аксель» и «лутц», в скейтбординге – олли – это заимствование из английского языка (ollie), названное в честь изобретателя – скейтбордиста Алана Олива.
- Из традиционных морфологических способов образования в спортивном подъязыке наиболее продуктивными являются суффиксация (например, фигурист, теннисист, футболист, бобслеист, сёрфер/сёрфингист, боксёр) и сложение, в том числе аббревиация: автогол («мяч, случайно задвинутый в свои ворота» в футболе), домосед («защитник оборонительного плана» в хоккее), искромёт («быстрый игрок» (обычно нападающий)), «тихоход» (обделённый скоростными качествами игрок), «волнорез» (футболист, амплуа которого – первым встречать соперника, владеющего мячом, и стремиться предотвратить атаку) и МОК, НБА и т.д. [13]

Кроме того, спортивный подъязык обладает выраженной функциональной спецификой, поскольку обслуживает сферу коммуникации, характеризующуюся высокой динамикой, эмоциональной напряжённостью и дефицитом времени. В условиях спортивного дискурса передача информации должна осуществляться максимально быстро и точно, что способствует формированию кратких, ёмких и семантически насыщенных номинаций. Именно этим объясняется широкое распространение сокращений, аббревиатур, усечённых конструкций и метафорических обозначений, позволяющих оперативно фиксировать игровые ситуации, действия спортсменов и результаты соревнований. Подобная тенденция особенно заметна в речи спортивных комментаторов, тренеров и самих спортсменов, где скорость коммуникации напрямую связана с эффективностью взаимодействия.

Функционально спортивная номинация реализует сразу несколько задач. Номинативная функция обеспечивает обозначение специальных понятий, действий, тактик и состояний, связанных со спортивной деятельностью. Коммуникативная функция проявляется в обеспечении быстрого обмена информацией внутри профессионального сообщества и между участниками спортивного дискурса. Одновременно спортивная лексика выполняет экспрессивную функцию, поскольку значительная часть спортивных единиц обладает эмоционально-оценочной окраской и направлена на усиление выразительности речи. Это особенно характерно для спортивной журналистики и неофициальной коммуникации болельщиков, где активно используются образные номинации, метафоры и разговорные единицы. Таким образом, функциональная специфика спортивного подъязыка определяется сочетанием информативности, оперативности и экспрессивности, что делает его одной из наиболее динамичных подсистем современного русского языка [1].

Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что спортивный подъязык обладает основными признаками подъязыка как языковой подсистемы: тематической ограниченностью, наличием собственной терминосистемы, сочетанием нормативных и ненормативных элементов, вызванных функциональными особенностями, а также специфическими способами номинации. Поэтому, на наш взгляд, разумно закрепить в лингвистике термин «спортивный подъязык» и не использовать в научных исследованиях более описательный «профессиональный спортивный язык», ранее использованный в работе Ф.Х. Исмаевой «Общее и различное в структуре языковой личности в русском и английском вариантах профессионального спортивного языка» [14].

На основании проведенного исследования можно предложить следующее определение:

Спортивный подъязык – это функциональная динамическая подсистема национального языка, обслуживающая спортивную коммуникацию и включающая совокупность языковых средств разных уровней: собственный лексический и фразеологический фонд терминологического и нетерминологического (зачастую, жаргонного) характера, определенные грамматические и стилистические особенности; характеризующаяся специфическими механизмами номинации, обеспечивающими точность, краткость и экспрессивность передачи информации.

Данное определение позволяет рассматривать «спортивный подъязык» как особый тип консубстанционального подъязыка, находящийся на пересечении профессиональной и массовой коммуникации.

Список источников

1. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: КомКнига, 2005. 256 с.

2. Фельде О.В. Специальные подъязыки в системе современного русского языка // Филологические науки. 2016. № 4. С. 45 – 50.

3. Авакова Л.А. Структурно-семантический и функциональный анализ терминосистемы «шахматы»: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Майкоп, 2006. 20 с.

4. Маштакова Е.И. Лексические взаимодействия в социолекте субкультуры дрифтеров // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-vzaimodeystviya-v-sotsiolekte-subkultury-drifterov (дата обращения: 23.03.2026)

5. Цвиллинг М.Я. Функциональный стиль, подъязык и социальный диалект (к вопросу о соотношении понятий). М.: Наука, 1986. 234 с.

6. Андреев Н.Д. Подъязык как объект лингвистического исследования // Вопросы языкознания. 1965. № 3. С. 23 – 30.

7. Гаврилова Н.В. Деловая терминология международной экономики во французском, английском и русском языках в тезаурусном аспекте: автореф. дис. … канд. филол. наук / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2009. 24 с.

8. Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии. Череповец: ЧГУ, 2005. 180 с.

9. Лингвистический энциклопедический словарь / Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР; Гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва: Сов. энцикл., 1990. 682 с.

10. Елистратов А.А. К проекту создания толкового словаря русского спортивного жаргона // Вестник ЧелГУ. 2011. № 33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-proektu-sozdaniya-tolkovogo-slovarya-russkogo-sportivnogo-zhargona (дата обращения: 23.03.2026)

11. Великов М.С., Сафронова Е.Ю. Военный подъязык: особенности формирования и функционирования // Вестник военного университета. 2021. № 2. С. 78 – 82.

12. Машуш А.А. Языковые новации и речевые изменения в русской спортивной лингвокультуре XXI века: специальность 10.02.01 "Русский язык": автореф. дис. … канд. филолог. наук. Курск, 2013. 21 с.

13. Джонич В. Способы образования спортивной терминологии в русском языке [Электронный ресурс]. URL: http://www.facta.junis.ni.ac.rs/ (дата обращения: 23.03.2026)

14. Исмаева Ф.Х. Общее и различное в структуре языковой личности в русском и английском вариантах профессионального спортивного языка: автореферат дис. ... канд. филолог. наук / Тат. гос. гум.-пед. ун-т. Казань, 2006. 23 с.

References

1. Leychik V.M. Terminology: Subject, Methods, Structure. Moscow: KomKniga, 2005. 256 p.

2. Felde O.V. Special Sublanguages in the System of Modern Russian. Philological Sciences. 2016. No. 4. P. 45 – 50.

3. Avakova L.A. Structural, Semantic, and Functional Analysis of the Term System “Chess”: Abstract of a Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Maikop, 2006. 20 p.

4. Mashtakova E.I. Lexical Interactions in the Sociolect of the Drifter Subculture. Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. 2021. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/leksicheskie-vzaimodeystviya-v-sotsiolekte-subkultury-drifterov (date of access: 23.03.2026)

5. Tsvilling M.Ya. Functional style, sublanguage, and social dialect (on the issue of the relationship between concepts). Moscow: Nauka, 1986. 234 p.

6. Andreev N.D. Sublanguage as an object of linguistic research. Problems of Linguistics. 1965. No. 3. P. 23 – 30.

7. Gavrilova N.V. Business terminology of international economics in French, English, and Russian in the thesaurus aspect: Abstract of Cand. Sci. (Philological) Dissertation. Ural. State Pedagogical University. Yekaterinburg, 2009. 24 p.

8. Korovushkin V.P. Fundamentals of Contrastive Sociolectology. Cherepovets: ChSU, 2005. 180 p.

9. Linguistic Encyclopedic Dictionary. Editorial Board of the Sov. Encyclopedic Dictionary, Institute of Language Studies, USSR Academy of Sciences; Ed.-in-Chief V.N. Yartseva. Moscow: Sov. Encyclopedic Dictionary, 1990. 682 p.

10. A. A. Elistratov. On the Project for Creating an Explanatory Dictionary of Russian Sports Jargon. Vestnik ChelSU. 2011. No. 33. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-proektu-sozdaniya-tolkovogo-slovarya-russkogo-sportivnogo-zhargona (date of access: 23.03.2026)

11. Velikov M.S., Safronova E.Yu. Military sublanguage: features of formation and functioning. Bulletin of the Military University. 2021. No. 2. P. 78 – 82.

12. Mashush A.A. Linguistic innovations and speech changes in Russian sports linguoculture of the 21st century: specialty 10.02.01 "Russian language": author's abstract. dis. … Cand. Philological Sciences. Kursk, 2013. 21 p.

13. Dzhonic V. Methods of Forming Sports Terminology in the Russian Language [Electronic resource]. URL: http://www.facta.junis.ni.ac.rs/ (date of access: 23.03.2026)

14. Ismaeva F.Kh. Common and Different Features in the Structure of Linguistic Personality in Russian and English Versions of Professional Sports Language: Abstract of a Cand. Sci. (Philology) Dissertation. Tatar State Humanitarian and Pedagogical University. Kazan, 2006. 23 p.

Информация об авторах

Васильева И.В., кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный гидрометеорологический университет, 190103, г. Санкт-Петербург, Рижский проспект, 9, vasinga@yandex.ru

Парфененков К.В., аспирант, Российский государственный гидрометеорологический университет, 190103, г. Санкт-Петербург, Рижский проспект, 9, kparfenenkov@gmail.ru

© Васильева И.В., Парфененков К.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 070:327(470+510)
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-134-140

Цифровая трансформация городского пространства Китая и Беларуси: социальные тенденции и вызовы

[1] Тань Сянюй

[1] Белорусский государственный университет, Республика Беларусь

Аннотация: в статье цифровая трансформация городского пространства Китая и Беларуси рассматривается как процесс, меняющий не только городскую инфраструктуру, но и механизмы управления, коммуникации, предоставления услуг и взаимодействия власти с населением. Показано, что социальная значимость «умного города» определяется не количеством цифровых технологий, а их доступностью, прозрачностью работы с данными, экологической эффективностью и возможностью участия горожан в развитии городской среды. На примере Hangzhou City Brain и китайских пилотных smart city-проектов раскрывается масштабная алгоритмизация городского управления, тогда как белорусские практики – «Умные города Беларуси», «Умный квартал», РИСАМОС, «Заботливая поликлиника», «Мобильный почтальон» – демонстрируют более централизованную и поэтапную модель цифровизации. Делается вывод, что обе страны сталкиваются с общими рисками: цифровым неравенством, ростом наблюдаемости, платформенной зависимостью и непрозрачностью алгоритмических решений.
Ключевые слова: цифровая трансформация, городское пространство, умный город, Китай, Беларусь, цифровые компетенции, городское управление, цифровое неравенство, платформизация, социальные риски

Для цитирования: Тань Сянюй Цифровая трансформация городского пространства Китая и Беларуси: социальные тенденции и вызовы // Современный ученый. 2026. № 10. С. 134 – 140. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-134-140

Поступила в редакцию: 11 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Digital transformation of urban space in China and Belarus: social trends and challenges

[1] Tan Xiangyu

[1] Belarusian State University, Republic of Belarus

Abstract: this article examines the digital transformation of urban spaces in China and Belarus as a process that is changing not only urban infrastructure but also governance mechanisms, communications, service delivery, and government-population interactions. It demonstrates that the social significance of a smart city is determined not by the quantity of digital technologies but by their accessibility, data transparency, environmental efficiency, and citizen participation in urban development. Using the example of Hangzhou City Brain and Chinese smart city pilot projects, the large-scale algorithmization of urban governance is revealed, while Belarusian practices – Smart Cities of Belarus, Smart Quarter, RISAMOS, Caring Clinic, and Mobile Postman – demonstrate a more centralized and

phased model of digitalization. It concludes that both countries face common risks: digital inequality, increasing observability, platform dependence, and the opacity of algorithmic decisions.
Keywords: digital transformation, urban space, «smart city», China, Belarus, digital competencies, urban governance, digital inequality, platformization, social risks

For citation: Tan Xiangyu Digital transformation of urban space in China and Belarus: social trends and challenges. Modern Scientist. 2026. 10. P. 134 – 140. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-134-140

The article was submitted: May 11, 2026; Approved after reviewing: June 8, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Переход современного города к цифровой модели развития нельзя описать только через замену оборудования, расширение сети видеонаблюдения, появление электронных табло, запуск мобильных сервисов или внедрение интеллектуальных транспортных систем. Все эти признаки действительно видимы и потому часто воспринимаются как главные маркеры цифровизации. Однако они фиксируют лишь поверхностный уровень более сложного процесса. Существенное изменение состоит в другом: город начинает управляться, обслуживаться и описываться через данные. То, что прежде воспринималось прежде всего как материальная среда – улицы, дома, инженерные сети, административные учреждения, больницы, остановки, транспортные линии, общественные пространства, – постепенно дополняется информационным измерением. Город всё чаще функционирует как система, в которой инфраструктура, административные процедуры, поведение жителей и деятельность сервисов непрерывно производят цифровые следы.

По этой причине «умный город» некорректно понимать как простое насыщение городской территории техническими устройствами. Более точным является представление о «smart city» как о новой форме организации городской повседневности, где привычные процессы получают цифровое сопровождение, а иногда и цифровое управление. Движение транспорта становится предметом алгоритмического расчёта; обращение в поликлинику встраивается в электронную систему маршрутизации пациента; экологические показатели фиксируются автоматизированными средствами мониторинга; жалоба или запрос гражданина превращается в запись внутри платформы; передвижение человека, использование сервисов и даже нагрузка на отдельные участки инфраструктуры формируют массивы данных, пригодные для анализа и управленческого решения. Следовательно, цифровая трансформация затрагивает не только техническую сторону города. Она меняет социальные связи внутри городской среды, поскольку по-новому выстраивает отношения между властью, муниципальными структурами, технологическими посредниками и жителями.

Сопоставление Китая и Беларуси в данном случае особенно продуктивно, хотя эти страны обладают несопоставимыми масштабами цифровой урбанизации. Китай демонстрирует один из наиболее мощных и технологически насыщенных вариантов «smart city»-развития. Его городская цифровизация опирается на большие данные, искусственный интеллект, сенсорную инфраструктуру, платформенные решения и активное участие крупных технологических компаний. Китайская модель прошла путь от отдельных экспериментальных проектов к системному включению цифровых технологий в регулирование урбанизации, транспорта, экологической повестки, общественной безопасности и публичных услуг [1, с. 29-31]. Беларусь развивается по иной логике. Здесь цифровизация городского пространства имеет более централизованный, нормативно оформленный и институционально регулируемый характер. Она связана с проектом «Умные города Беларуси», платформой «Умный город (регион)» и последовательной интеграцией городских сервисов в общую цифровую инфраструктуру [12, с. 3-5; 14].

Актуальность данной проблематики определяется противоречивой природой цифрового города. С одной стороны, цифровые решения способны повышать эффективность транспортного управления, ускорять получение государственных и социальных услуг, делать экологический мониторинг более точным, снижать административные затраты и обеспечивать более оперативную реакцию городских служб. С другой стороны, эти же механизмы усиливают платформенную зависимость города, расширяют возможности наблюдения за городской повседневностью, повышают ценность персональных и поведенческих данных и могут закреплять новые формы социального неравенства. Особенно уязвимыми оказываются группы населения, которые не обладают устойчивыми цифровыми навыками, современными устройствами, постоянным доступом к интернету или доверием к электронным каналам взаимодействия [9, с. 101-103; 15, с. 23-27].

Цель статьи заключается в выявлении социальных тенденций и рисков цифровой трансформации городского пространства Китая и Беларуси на основе сопоставления «smart city»-моделей, конкретных городских проектов и институциональных механизмов цифрового управления.

Материалы и методы исследований

В настоящем исследовании используются такие методы, как анализ, синтез и контент-анализ. Материалом исследования выступила практика трансформации городского пространства Беларуси и Китае, а также научная литература по теме статьи.

Результаты и обсуждения

Цифровизация города начинается не с появления отдельного приложения, электронного сервиса или платформы. Её глубинный смысл связан с изменением того, как город становится видимым для управления. В классической урбанистической логике город воспринимается прежде всего как совокупность материальных объектов: дорог, жилых массивов, инженерных коммуникаций, остановок, социальных учреждений, парков, площадей, транспортных узлов. Цифровая модель не уничтожает эту материальную основу, но накладывает на неё дополнительный информационный слой. Город начинает существовать одновременно как физическая территория и как динамическая система данных. Перемещения, обращения, платежи, транспортные задержки, экологические параметры, загрузка учреждений, пользовательские действия и сервисные операции включаются в общий аналитический контур.

Китайский опыт показывает этот сдвиг особенно наглядно. В КНР «smart city» формируется не как набор разрозненных муниципальных инициатив, а как часть более широкой государственной стратегии цифровой модернизации, управления урбанизацией и повышения управляемости сложных городских систем. Китайские исследователи подчёркивают, что «умные города» постепенно перестали быть локальными экспериментами и вошли в систему национальных программ, пилотных зон, стандартов, межведомственного обмена данными и платформенной интеграции [1, с. 35-38]. Следовательно, китайский «smart city» – это не просто технологическое обновление городской среды, а особый механизм работы с усложнённой урбанистической реальностью, где рост городов требует всё более точных и оперативных инструментов координации.

Одним из наиболее известных примеров такой логики является Hangzhou City Brain. Его значение не исчерпывается использованием искусственного интеллекта для регулирования дорожного движения. Принципиальнее другое: в этом проекте город рассматривается как система, которую можно «читать» алгоритмически. Данные с камер, сведения о пробках, погодные показатели, сигналы транспортной инфраструктуры, информация о загруженности улиц и маршрутов объединяются в единую аналитическую среду. Это позволяет прогнозировать заторы, менять режим работы светофоров, перераспределять транспортные потоки и корректировать городские процессы почти в реальном времени. В такой системе перекрёсток, светофор, развязка или автобусный маршрут перестают быть только элементами материальной инфраструктуры. Они становятся узлами вычислительной сети. Это повышает скорость управленческой реакции, но одновременно делает город более наблюдаемым и усиливает зависимость решений от алгоритмической обработки информации [5, с. 7-10].

Важной особенностью китайской модели является постепенный переход от простого технического оснащения к проблеме координации. На ранних этапах «smart city» часто понимался преимущественно как инфраструктурный проект: больше датчиков, больше автоматизированных систем, больше электронных сервисов, больше цифровых каналов управления. Однако современные исследования всё чаще обращают внимание на governance – согласование действий государства, бизнеса, муниципальных служб, цифровых операторов и жителей [2, с. 4-7]. Это уточнение имеет принципиальное значение. Сама по себе развитая техническая инфраструктура ещё не делает город социально эффективным. Если ведомственные базы данных не совместимы, платформы работают изолированно, а жители выступают лишь источником информации, не влияя на принятие решений, «smart city» превращается в удобную административно-технологическую оболочку без полноценной общественной обратной связи. Поэтому китайская «smart city»-политика становится более сложной: от централизованного внедрения технологий она постепенно движется к многоуровневой системе согласования функций, интересов и потоков данных [4, с. 8-11].

Одновременно внутри китайской научной дискуссии всё заметнее критика узко технократического понимания «умного города». Количество камер, сенсоров, приложений и платформ уже не может считаться достаточным показателем успешности «smart city». Существеннее другой вопрос: как цифровые решения отражаются на качестве жизни, экологической устойчивости, безопасности, доступности услуг и участии

населения в городском развитии [3, с. 930-933]. Этот сдвиг важен, поскольку даже высокая технологическая оснащённость не является гарантией социального прогресса. Цифровые инструменты могут действительно повышать удобство городской среды, но могут и усиливать контроль, если их внедрение не сопровождается понятными правилами, социальными гарантиями, защитой данных и механизмами участия жителей.

Особое значение в китайской модели приобретает экологическое направление. «smart city» всё чаще связывается с управлением транспортной нагрузкой, снижением углеродной интенсивности, оптимизацией энергопотребления и мониторингом состояния окружающей среды. Исследования показывают, что политика «умных городов» способна влиять на углеродные показатели, экологическое поведение домохозяйств и параметры устойчивой урбанизации. Однако этот эффект не возникает автоматически: он зависит от качества проектирования цифровых решений, согласованности управленческих действий и способности технологий менять реальные практики, а не только собирать показатели [6; 7, с. 2-5; 8, с. 3-6]. Поэтому цифровой город нельзя считать экологически эффективным по умолчанию. Его инфраструктура также требует энергии, оборудования, серверных мощностей, технического обслуживания и регулярного обновления. Экологическая результативность «smart city» должна подтверждаться конкретными эффектами, а не выводиться из самого факта цифровизации.

Белорусская модель формируется в иной институциональной рамке. Для неё характерны более выраженная роль государства, нормативная фиксация целей и ориентация на единую платформенную архитектуру. В Типовой концепции развития «умных городов» в Республике Беларусь цифровая трансформация связывается с повышением качества жизни населения, рациональным использованием ресурсов, обеспечением безопасности, развитием инфраструктуры и совершенствованием коммуникации между властью и гражданами [12, с. 4-7]. В отличие от Китая, где значительную роль играют мегаполисные эксперименты, большие данные и государственно-корпоративные технологические экосистемы, белорусская траектория выстраивается вокруг проекта «Умные города Беларуси» и платформы «Умный город (регион)» [13, с. 2-5; 14].

Это отличие имеет не только технический, но и социально-управленческий смысл. Китайскую траекторию можно определить как интенсивную алгоритмизацию городского управления, где ключевыми инструментами становятся большие массивы данных, искусственный интеллект, предиктивная аналитика и цифровая оптимизация сложных процессов мегаполиса. Белорусский вариант ближе к модели государственной цифровой экосистемы, в которой приоритет отдан стандартизации сервисов, совместимости решений, подключению городов к общей платформе и внедрению прикладных социально значимых инструментов. Если китайский опыт демонстрирует технологическую мощность «smart city», то белорусский показывает стремление институционально упорядочить цифровое развитие городского пространства.

Показательным примером белорусского подхода является проект «Умный квартал» в Орше. В отличие от китайских кейсов, работающих с огромными потоками городских данных и комплексными системами управления мегаполисом, данный проект отражает более осторожную и поэтапную логику: сначала ограниченная территория, затем проверка работоспособности отдельных решений, после этого – возможность последующего масштабирования. Сильная сторона такой стратегии состоит в том, что она снижает риск поспешного и формального распространения технологий. Однако слабость тоже очевидна: пилотный проект может остаться локальным экспериментом, если его результаты не будут встроены в более широкую систему городского управления [14].

Экологическое измерение белорусской цифровизации связано, в частности, с РИСАМОС – Республиканской информационной системой автоматизированного мониторинга окружающей среды. Этот кейс показывает, что цифровой город не ограничивается транспортом, административными услугами, безопасностью или коммуникацией с населением. Он включает также систематическое наблюдение за экологическими параметрами и использование экологической информации в управленческих решениях [14]. По сравнению с Китаем различие заключается не в наличии или отсутствии экологической повестки, а в способе её институционального оформления. Китай акцентирует большие данные, углеродную политику и цифровую оптимизацию городских процессов; Беларусь делает ставку на государственный мониторинг и включение экологических данных в административную систему управления.

Социальное направление белорусской цифровизации хорошо видно на примере проекта «Заботливая поликлиника». Его значение состоит в том, что цифровая логика переносится в сферу повседневного доступа к медицинской помощи: электронная очередь, маршрутизация пациента, управление потоками посетителей, сокращение времени ожидания, повышение удобства получения услуг [14]. Однако именно такие проекты особенно отчётливо показывают двойственную природу цифровизации социальной сферы. Для

человека с устойчивыми цифровыми навыками электронная запись и цифровая маршрутизация действительно могут означать ускорение и упрощение доступа к услуге. Для пожилого пользователя, человека без постоянного доступа к устройствам или жителя с низким уровнем цифровой грамотности тот же механизм может превратиться в дополнительный барьер. Следовательно, цифровая модернизация медицины требует не только платформы, но и системы сопровождения тех групп населения, для которых электронный сервис не является естественным способом взаимодействия с учреждением.

Кейс «Мобильный почтальон» раскрывает другую сторону белорусской модели – попытку компенсировать территориальные и инфраструктурные различия. Его смысл состоит в том, что мобильное цифровое устройство позволяет предоставлять услуги там, где стационарная инфраструктура развита недостаточно [14]. Для Беларуси этот аспект имеет особое значение: цифровая трансформация не должна замыкаться на столице и крупных городах. Если электронные сервисы будут доступны преимущественно наиболее обеспеченным и инфраструктурно развитым территориям, они не сократят, а усилят разрыв между центром и регионами. В этом смысле «Мобильный почтальон» демонстрирует, что цифровизация может работать не только как механизм оптимизации, но и как инструмент социальной компенсации.

Белорусские социологические исследования подтверждают, что оценивать цифровой город только по числу запущенных сервисов методологически неверно. Е.В. Лебедева показывает, что цифровая трансформация большого города меняет повседневные практики жителей, способы получения информации, формы взаимодействия с городской средой и каналы обращения к сервисам [10, с. 42-44]. Е.В. Лебедева и Л.М. Денискина подчёркивают, что цифровая городская среда требует от населения новых компетенций: умения пользоваться электронными услугами, мобильными приложениями, онлайн-записью, цифровыми платежами и платформенными каналами связи [9, с. 104-107]. Л.Г. Титаренко и Р.В. Карапетян также связывают развитие «цифрового города» не только с инфраструктурой, но и с реальными навыками, привычками и повседневными практиками горожан [11, с. 305-308].

Из этого следует важный вывод: «smart city» невозможен без цифрово подготовленного жителя. Причём речь идёт не о простом умении пользоваться смартфоном или оплачивать услуги онлайн. Цифровой горожанин — это субъект, способный ориентироваться в электронных сервисах, понимать базовые риски передачи персональных данных, взаимодействовать с платформами, контролировать собственную цифровую безопасность и применять онлайн-каналы для решения повседневных задач. Если такая субъектность не формируется, «умный город» оказывается удобным прежде всего для администрации и технологических операторов, но не обязательно становится понятным, доступным и полезным для населения.

Сравнение Китая и Беларуси показывает, что при существенных различиях масштаба обе модели сталкиваются с близким набором социальных вызовов. Первый вызов связан с цифровым неравенством. Чем больше городских функций переносится в электронную среду, тем сильнее качество жизни зависит от доступа к интернету, современным устройствам, цифровым платформам и практическим навыкам их использования. Второй вызов – приватность и контроль. Китайский опыт особенно наглядно демонстрирует, что высокая эффективность цифрового управления может сопровождаться расширением наблюдения и концентрацией данных [5, с. 13-17]. Для Беларуси эта проблема также значима, поскольку единая цифровая платформа требует ясных правил хранения, обработки, передачи и использования информации. Третий вызов – непрозрачность алгоритмов. Если горожанин не понимает, по какой логике цифровая система принимает или поддерживает управленческие решения, «smart city» начинает восприниматься как закрытая административно-технологическая конструкция. Четвёртый вызов – доверие. Без доверия населения даже технически развитая цифровая инфраструктура не становится органичной частью городской жизни [15, с. 43-48].

Таким образом, цифровая трансформация городского пространства Китая и Беларуси демонстрирует два различных варианта платформизации города. Китайская модель выявляет потенциал масштабного алгоритмического управления, при котором город становится объектом анализа больших данных, искусственного интеллекта и предиктивного регулирования. Белорусская модель показывает институционально-централизованный путь, где цифровой город формируется через государственные платформы, пилотные проекты и социально ориентированные сервисы. Однако в обоих случаях решающим остаётся не технический, а социальный вопрос: будет ли «smart city» повышать качество жизни жителей или станет более эффективной, но менее прозрачной системой управления городской повседневностью.

Выводы

Сопоставление Китая и Беларуси показывает, что цифровая трансформация городского пространства не сводится к внедрению отдельных технологических решений. «smart city» представляет собой более глубокую перестройку отношений между государством, инфраструктурой, цифровыми платформами и населени-

ем. Город постепенно превращается в систему данных, сервисов и алгоритмически поддерживаемых решений, где транспорт, экология, здравоохранение, административные услуги и повседневные действия жителей оказываются включены в единую цифровую среду.

Китайская модель отличается масштабностью, высокой степенью алгоритмизации, активным использованием больших данных, искусственного интеллекта и государственно-корпоративных платформ. Её сильная сторона заключается в способности быстро оптимизировать сложные городские процессы: транспортные потоки, экологический мониторинг, энергопотребление, публичные услуги и управление рисками. Вместе с тем китайский опыт выявляет серьёзные социальные противоречия: концентрацию данных, расширение наблюдения, зависимость от платформенных операторов и необходимость перехода от технократического понимания «smart city» к более человекоцентричной модели городского развития.

Белорусская модель имеет иную направленность. Она связана с построением государственной цифровой экосистемы, развитием платформы «Умный город (регион)», стандартизацией сервисов и последовательным подключением городов к общим цифровым решениям. Её преимущество состоит в институциональной управляемости, социальной ориентации ряда проектов и возможности использовать цифровизацию для повышения доступности услуг, экологического мониторинга и сокращения территориальных разрывов. Однако результативность этой модели зависит от того, будут ли цифровые решения действительно встроены в повседневные практики населения или останутся преимущественно формальным набором платформенных инициатив.

Основной вывод состоит в том, что общественная эффективность «smart city» определяется не количеством внедрённых технологий, а качеством их использования в интересах жителей. Цифровой город становится инструментом развития только при наличии цифровых компетенций населения, прозрачного управления данными, защиты приватности, доступности сервисов для разных социальных групп, доказанной экологической результативности и реальных механизмов участия горожан в формировании цифровой среды. Без этих условий цифровизация может повысить управляемость города, но сама по себе не гарантирует улучшения качества жизни.

Следовательно, для Китая и Беларуси ключевым является не сам факт цифровой трансформации, а её социальная направленность. Если цифровой город проектируется как закрытая система мониторинга, оптимизации и административного контроля, он усиливает технологическую власть над городским пространством. Если же цифровизация соединяется с доверием, доступностью, прозрачностью и участием жителей, она способна стать механизмом более устойчивого, справедливого и социально ориентированного развития города.

Список источников

1. Qin B., Qi S. Digital transformation of urban governance in China: The emergence and evolution of smart cities // Digital Law Journal. 2021. Vol. 2. № 1. P. 29 – 47.

2. Han Y., Cai J., Ma E., Du S., Lin J. Understanding Smart City Practice in Urban China: A Governance Perspective // Sustainability. 2023. Vol. 15. № 9. Article 7034. P. 1 – 21.

3. Zhen F., Xi G., Zhang S., Qin X. Tomorrow's Smart Cities: Reflections on the Chinese Practices of Smart Cities and Strategy Development for the Future // Chinese Geographical Science. 2025. Vol. 35. № 5. P. 929 – 944.

4. Yue C., Li H., Mao H., Yue A. The Evolution of Smart City Policy in China: A Quantitative Study Based on the Content of Policy Texts // Buildings. 2025. Vol. 15. № 1. Article 7. P. 1 – 23.

5. Atha K., Callahan J., Chen J., Drun J., Francis E., Green K., Lafferty B., McReynolds J., Mulvenon J., Rosen B., Walz E. China's Smart Cities Development. Washington : U.S.-China Economic and Security Review Commission, 2020. 119 p.

6. Wu S. Smart cities and urban household carbon emissions: A perspective on smart city development policy in China // Journal of Cleaner Production. 2022. T. 373. Article 133877.

7. Zhang E., He X., Xiao P. Does Smart City Construction Decrease Urban Carbon Emission Intensity? Evidence from a Difference-in-Difference Estimation in China // Sustainability. 2022. Vol. 14. № 23. Article 16097. P. 1 – 16.

8. Qian L., Xu X., Zhou Y., Sun Y., Ma D. Carbon Emission Reduction Effects of the Smart City Pilot Policy in China // Sustainability. 2023. Vol. 15. № 6. Article 5085. P. 1 – 24.

9. Лебедева Е.В., Денискина А.И. Цифровая трансформация городской среды и цифровые компетенции горожан // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. № 3. С. 101 – 110.

10. Лебедева Е.В. Цифровая трансформация большого города как объект социологического анализа // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 1. С. 42 – 50.

11. Титаренко Л.Г., Карапетян Р.В. «Цифровой город» и цифровые компетенции горожан: тенденции развития на материалах Case Study // Социальные практики и развитие городской среды: урбанистика и инноватика: материалы международной научно-практической конференции, Минск, 25-26 ноября 2021 года. Минск: Белорусский государственный университет, 2021. С. 302 – 309.

12. Типовая концепция развития «умных городов» в Республике Беларусь. Минск : Министерство связи и информатизации Республики Беларусь, 2019. 31 с.

13. План мероприятий по реализации комплексного «проекта будущего» «Умные города Беларуси». Минск : Министерство связи и информатизации Республики Беларусь, 2025. 15 с.

14. Умные города Беларуси: официальный информационный ресурс / Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. 2026. URL: https://www.mpt.gov.by/ru/smart-cities-belarus

15. Smart City Data Governance: Challenges and the Way Forward. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development Publishing, 2023. 185 p. DOI: 10.1787/e57ce301-en

References

1. Qin B., Qi S. Digital transformation of urban governance in China: The emergence and evolution of smart cities. Digital Law Journal. 2021. Vol. 2. No. 1. P. 29 – 47.

2. Han Y., Cai J., Ma E., Du S., Lin J. Understanding Smart City Practice in Urban China: A Governance Perspective. Sustainability. 2023. Vol. 15. No. 9. Article 7034. P. 1 – 21.

3. Zhen F., Xi G., Zhang S., Qin X. Tomorrow's Smart Cities: Reflections on the Chinese Practices of Smart Cities and Strategy Development for the Future. Chinese Geographical Science. 2025. Vol. 35. No. 5. P. 929 – 944.

4. Yue C., Li H., Mao H., Yue A. The Evolution of Smart City Policy in China: A Quantitative Study Based on the Content of Policy Texts. Buildings. 2025. Vol. 15. No. 1. Article 7. P. 1 – 23.

5. Atha K., Callahan J., Chen J., Drun J., Francis E., Green K., Lafferty B., McReynolds J., Mulvenon J., Rosen B., Walz E. China's Smart Cities Development. Washington: U.S.-China Economic and Security Review Commission, 2020. 119 p.

6. Wu S. Smart cities and urban household carbon emissions: A perspective on smart city development policy in China. Journal of Cleaner Production. 2022. Vol. 373. Article 133877.

7. Zhang E., He X., Xiao P. Does Smart City Construction Decrease Urban Carbon Emission Intensity? Evidence from a Difference-in-Difference Estimation in China. Sustainability. 2022. Vol. 14. No. 23. Article 16097. P. 1 – 16.

8. Qian L., Xu X., Zhou Y., Sun Y., Ma D. Carbon Emission Reduction Effects of the Smart City Pilot Policy in China. Sustainability. 2023. Vol. 15. No. 6. Article 5085. P. 1 – 24.

9. Lebedeva E.V., Deniskina A.I. Digital Transformation of the Urban Environment and Digital Competencies of Citizens. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2020. No. 3. P. 101 – 110.

10. Lebedeva E.V. Digital transformation of a big city as an object of sociological analysis. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2022. No. 1. P. 42 – 50.

11. Titarenko L.G., Karapetyan R.V. "Digital city" and digital competencies of citizens: development trends based on Case Study materials. Social practices and development of the urban environment: urban studies and innovation: materials of the international scientific and practical conference, Minsk, November 25-26, 2021. Minsk: Belarusian State University, 2021. P. 302 – 309.

12. Standard concept for the development of "smart cities" in the Republic of Belarus. Minsk: Ministry of Communications and Informatization of the Republic of Belarus, 2019. 31 p.

13. Action Plan for the Implementation of the Integrated "Project of the Future" "Smart Cities of Belarus." Minsk: Ministry of Communications and Informatization of the Republic of Belarus, 2025. 15 p.

14. Smart Cities of Belarus: Official Information Resource. Ministry of Communications and Informatization of the Republic of Belarus. 2026. URL: https://www.mpt.gov.by/ru/smart-cities-belarus

15. Smart City Data Governance: Challenges and the Way Forward. Paris: Organization for Economic Co-operation and Development Publishing, 2023. 185 p. DOI: 10.1787/e57ce301-en

Информация об авторе

Тань Сянюй, аспирант, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь

© Тань Сянюй, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 070:316.77
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-141-148

Тематическая модель освещения китайско-российских отношений в материалах CGTN

[1] Хуан Ясинь

[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: статья посвящена освещению китайско-российских отношений в англоязычных материалах медиаорганизации CGTN и используемой ей тематической модели. Автор рассматривает, каким образом различные аспекты двустороннего взаимодействия попадают в международный медиадискурс и как выстраивается структура их тематической организации. В качестве эмпирического материала использованы 50 новостных публикаций CGTN за 2025 год, для обработки которых применяется качественный тематический анализ.

По итогам анализа автор выделяет пять тематических блоков: дипломатия и стратегическое партнерство; экономика, энергетика и практическое сотрудничество; безопасность и военное взаимодействие; культура, медиа, туризм и историческая память; многостороннее управление и глобальный порядок. При этом темы распределены в выборке неравномерно. Ядро медиаосвещения составляет дипломатия, тогда как вторую по значимости группу образуют культура и гуманитарные контакты. Экономические и военно-политические контакты, а также многосторонние форматы освещаются менее системно – как правило, такие публикации привязаны к конкретным информационным поводам.

На этой основе можно заключить, что модель освещения китайско-российских отношений CGTN представляет собой многослойную конструкцию, в рамках которой пересекаются разные по значимости тематические линии. Статья представляет интерес с точки зрения исследования международных коммуникаций, поскольку описывает – пусть и на сравнительно небольшом материале – ключевые паттерны медиарепрезентации, используемые государственным международным СМИ.

Ключевые слова: китайско-российские отношения, CGTN, международная коммуникация, тематический анализ, медиарепрезентация, стратегическая коммуникация, национальный имидж, новостное освещение

Для цитирования: Хуан Ясинь Тематическая модель освещения китайско-российских отношений в материалах CGTN // Современный ученый. 2026. № 10. С. 141 – 148. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-141-148

Поступила в редакцию: 12 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

CGTN'S thematic patterns in reporting on China-Russia relations

[1] Huang Yaxin

[1] Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: this paper analyzes the thematic patterns of CGTN's English-language reporting on China-Russia relations, focusing on how the reports present various aspects of the relationship. The study sample consists of 50 relevant reports published on CGTN's English website in 2025. Qualitative analysis is used to identify recurring themes and categories in the reports.

Five major reporting themes are identified: diplomacy and strategic partnership; economy, energy and practical cooperation; security and military coordination; culture, media, tourism and historical memory; and multilateral governance and global order. The findings show that these themes are not evenly distributed. Diplomatic reporting forms the core of the coverage, while cultural exchange constitutes a second major dimension. Economic, multilateral, and security-related topics appear less frequently and tend to be linked to specific contexts.
Taken together, the results suggest that CGTN's reporting on China–Russia relations is organized around a layered structure, in which different themes interact but do not carry equal weight. The study contributes to research on international communication by demonstrating how thematic distribution can reveal underlying patterns of representation in state-affiliated international media.
Keywords: China-Russia relations, CGTN, international communication, thematic analysis, media representation, strategic communication, national image, news coverage

For citation: Huang Yaxin CGTN'S thematic patterns in reporting on China-Russia relations. Modern Scientist. 2026. 10. P. 141 – 148. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-141-148

The article was submitted: May 12, 2026; Approved after reviewing: June 9, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Стратегия международной коммуникации Китая все чаще становится предметом академического интереса. Исследователей занимают национальный имидж Китая, его мягкая сила и то, как китайские государственные СМИ расширяют свое присутствие за рубежом. При этом ключевым представляется вопрос о том, как эти медиа влияют на представление иностранной аудитории о Китае? Следует обратить внимание, что сегодня международные СМИ не просто транслируют информацию: тщательно отбирая темы и сюжеты, систематически расставляя акценты, они управляют общественным вниманием – выводят на первый план одни грани политической, экономической и культурной жизни и понижают значимость других.

В работах Дж. Ная о мягкой силе подчеркивалось, что способность влиять на предпочтения других акторов зависит не только от материальных ресурсов, но и от привлекательности ценностей, образов и публичного присутствия страны [1]. В этом смысле международное вещание представляют собой площадку, на которой государства обращаются к внешней аудитории в стремлении доступно пояснить собственные нарративы.

В этом отношении показательным примером является медиаорганизация CGTN – главная международная телесеть Китая. Обычно ее рассматривают как инструмент государственной политики: с ее помощью страна укрепляет свое глобальное медиаприсутствие и расширяет коммуникативные возможности. Исследователи неоднократно обращали внимание на двойственность позиции CGTN: телесеть работает на стыке национальных задач Китая и глобальных медийных стандартов. Ее очевидной задачей является трансляция китайских позиций, но при этом она обязана соответствовать уровню международного новостного медиа, говорящего с широкой зарубежной аудиторией [3]. Эта особенность делает CGTN подходящим объектом для изучения того, как на практике структурируются связанные с Китаем международные нарративы.

Многие исследования международной коммуникации и медиарепрезентации показывают, что СМИ не отражают политическую реальность нейтрально и буквально. Они задают рамки интерпретации: выделяют одних акторов, отодвигают других и формируют устойчивые способы понимания событий [4; 5]. Это особенно важно, когда речь идет о межгосударственных отношениях. Освещение двусторонних связей редко сводится к формальному перечислению встреч, соглашений и официальных заявлений. Медиастратегия отвечает на более глубокий вопрос: какого рода отношения должны предстать перед аудиторией, какие их измерения необходимо подчеркнуть и какие смыслы они транслируют.

По этой причине изучение тематического распределения репортажей выходит за рамки простого описания. Оно помогает понять, как медийный институт организует политическую значимость событий и как сложные отношения между государствами превращаются в доступный для аудитории нарратив.

Китайско-российские отношения представляют собой особенно содержательный материал для такого анализа. В последние годы они привлекают устойчивое внимание международной общественности не только из-за высокого политического уровня, но и благодаря расширению взаимодействия в торговле, энергетике, туризме, культуре и многосторонней дипломатии. Все это открывает для СМИ широкий набор

сюжетов и ракурсов. При этом разные стороны отношений не обязательно получают одинаковую видимость. Одни темы могут становиться центральными, другие – появляться лишь в связи с отдельными событиями. Для CGTN понимание этой внутренней структуры имеет принципиальное значение, поскольку выбор тем, как видится, связан не просто с их новостной ценностью, но и с более широкими коммуникативными приоритетами.

Эксперты по коммуникативным стратегиям смотрят на коммуникацию не как на передачу сообщений, а как на целенаправленную работу с коммуникативными ресурсами для достижения институциональных или политических целей [6]. С этой точки зрения тематические акценты представляют собой эффективный рабочий инструмент. Резонно предположить, что одни аспекты китайско-российских отношений освещаются чаще других не только из-за редакционных обычаев, но и исходя из определенной логики подачи материала. В то же время считать, что все материалы CGTN подаются по одной жесткой схеме, было бы слишком сильным упрощением. Поэтому необходимо более внимательно рассмотреть тематические различия внутри самой выборки.

В данной статье проблема рассматривается именно с этой позиции. В центре нашего внимания находится не фрейминг в узком смысле и не подробный дискурсивный анализ, а тематические модели англоязычного освещения китайско-российских отношений на сайте CGTN в 2025 году. Цель исследования — определить, какие темы представлены наиболее заметно, как распределяются разные категории материалов и что это распределение говорит о репрезентации двусторонних отношений в международных новостных материалах CGTN.

В качестве методологии исследования выбрано тематическое кодирование. Выборка из 50 материалов классифицируется по пяти категориям: дипломатия и стратегическое партнерство; экономика, энергетика и практическое сотрудничество; безопасность и военное взаимодействие; культура, медиа, туризм и историческая память; многостороннее управление и глобальный порядок.

Такой фокус позволяет обратиться к вопросу, который пока получил сравнительно ограниченное внимание. Существующие исследования, посвященные CGTN, зачастую сосредоточены на более широких проблемах: международной коммуникационной стратегии, глобальной медиаэкспансии, конструирования национального имиджа и др. [7; 3; 8]. При этом в них почти не изучено, как конкретные двусторонние отношения организованы на уровне повторяющихся новостных тем. Данное исследование же опирается на фактические новостные репортажи, одновременно не выпуская из виду более общие вопросы репрезентации и стратегической коммуникации.

Статья состоит из трех разделов. В первом разделе описаны методы исследования, включая принципы формирования выборки и схему кодирования. Во втором разделе приводятся основные результаты тематического анализа и характеристики каждой категории, а также обсуждается, что выявленные модели могут говорить о репрезентации китайско-российских отношений в материалах CGTN. В третьем разделе подводятся основные итоги и обозначаются ограничения исследования.

Материалы и методы исследований

В исследовании используется качественный тематический подход. Его задача состоит не в формализованном рассмотрении дискурса, а в анализе того, какие темы повторяются в заданной выборке и как они соотносятся между собой. В этом смысле исследование представляет собой структурированное, опирающееся на данные прочтение новостного контента, а не полноценный интерпретационный дискурсивный анализ.

Материалы были собраны вручную с официального англоязычного сайта CGTN. Поисковый запрос “China Russia” использовался для отбора релевантных публикаций за 2025 год. Поскольку поисковая система сайта не позволяет фильтровать материалы достаточно точно, при отборе мы пользовались поиском по ключевым словам и проводили последующую ручную проверку. В выборку вошли только публикации, напрямую относящиеся к китайско-российским отношениям и содержащие достаточный текстовый материал для анализа. Видеоматериалы без полноценного текста, дублирующиеся публикации и тексты, где китайско-российские отношения упоминались лишь вскользь, были исключены.

Из полученного массива была сформирована выборка из 50 новостных материалов. Хотя объем выборки ограничен, он тем не менее представляется достаточным для выявления повторяющихся тематических моделей в рамках качественного анализа. В данном случае цель состоит не в статистическом обобщении, а в формировании аналитического представления о структуре материалов. Первичный отбор строился по принципу случайной выборки из всего массива публикаций за 2025 год. Затем каждый материал проверялся отдельно, чтобы убедиться в его соответствии критериям включения. Если выбранная

публикация расценивалась как нерелевантная (например, не содержала значимой текстовой информации в достаточном объеме), она заменялась другим случайно выбранным материалом из того же массива. Такой двухэтапный процесс позволил совместить элемент случайности с базовыми требованиями контроля качества данных.

Анализ основан на тематическом кодировании. Автор опирается на понимание тематического анализа у Браун и Кларк как гибкого метода выявления моделей в качественных данных [9], в связи с чем исследование проводилось на так называемом семантическом уровне. На практике это означает, что темы определялись прежде всего на основе явного содержания публикации (основной сути материала), а не скрытых смыслов, требующих более глубокой интерпретации.

Каждому материалу присваивалась одна основная тема. Такой подход, основанный на выделении доминирующей темы, был выбран для сохранения прозрачной и последовательной логики кодирования. Многие новостные тексты охватывают несколько сфер одновременно: дипломатические заявления, экономическое сотрудничество, культурные обмены. Однако тематическая категория определялась не частотой упоминания, а «центральной линией» публикации. В спорных случаях приоритет отдавался основной коммуникативной задаче материала, которая определялась по заголовку и первому абзацу.

Пять тематических категорий были заданы заранее на основе исследовательского фокуса и предварительного знакомства с материалами. Публикации, посвященные встречам высокого уровня, официальным заявлениям или развитию двусторонних отношений, относились к категории «Дипломатия и стратегическое партнерство». Материалы, сосредоточенные на торговле, энергетическом сотрудничестве или конкретных экономических проектах, включались в категорию «Экономика, энергетика и практическое сотрудничество». Публикации о военной деятельности или координации в сфере безопасности относились к категории «Безопасность и военное взаимодействие». Материалы о культурном обмене, туризме, образовании или исторической памяти кодировались как «Культура, медиа, туризм и историческая память». Наконец, тексты, где основной акцент делался на международных институтах, многосторонних форматах или более широких вопросах глобального порядка, относились к категории «Многостороннее управление и глобальный порядок».

Стоит отметить, что кодирование не производилось механически. Дипломатическая лексика в материалах CGTN встречается достаточно часто, однако мы различаем два типа ее использования. В одних случаях она образует лишь общий фон, тогда как в других — именно дипломатическое взаимодействие составляет содержательное ядро публикации. Например, материал о кинофестивале или студенческом обмене относился к культурной категории, даже если в нем присутствовали цитаты политических лидеров. Напротив, публикации, построенные вокруг официальных встреч, классифицировались как дипломатические, даже если в них упоминались экономика или культура.

После кодирования было рассчитано распределение тем, что позволило получить общее представление о структуре выборки. На этом этапе задача заключалась не в получении статистически репрезентативных результатов, а в выявлении основных и второстепенных тематических тенденций внутри массива материалов. Такой подход соответствует требованиям качественного исследования медиаконтента [10]. Результаты представлены в визуальной форме, включая столбчатую диаграмму, отражающую соотношение материалов по каждой теме.

Как и любое исследование, основанное на вручную сформированной выборке, данная работа имеет ограничения. Использование поисковой функции сайта означает, что выборка не может считаться полностью исчерпывающей. Кроме того, анализ охватывает сравнительно небольшое число материалов за один год. И хотя такие ограничения существенны, прозрачная процедура отбора и четкие правила кодирования гарантируют надежность произведенных наблюдений и полученных выводов.

Результаты и обсуждения

Распределение тем

Пятьдесят материалов были классифицированы по пяти категориям, однако распределились неравномерно (рис. 1).

Наиболее обширной группой стала «Дипломатия и стратегическое партнерство»: к ней относятся 15 из 50 публикаций. Эти материалы, в основном, были посвящены встречам высокого уровня, официальным заявлениям и вопросам двустороннего сотрудничества. На втором месте находится категория «Культура, медиа, туризм и историческая память», включающая 14 материалов. В таких публикациях основное внимание уделяется культурным мероприятиям, гуманитарным контактам и историческим памятным

датам. Как правило, основная цель таких материалов – подчеркнуть важность дружественных обменов и взаимопонимания между странами.

Оставшиеся три категории встречаются заметно реже. «Экономика, энергетика и практическое сотрудничество» и «Многостороннее управление и глобальный порядок» включают по 8 материалов каждая. Самой малочисленной стала категория «Безопасность и военное взаимодействие», представленная 5 публикациями.

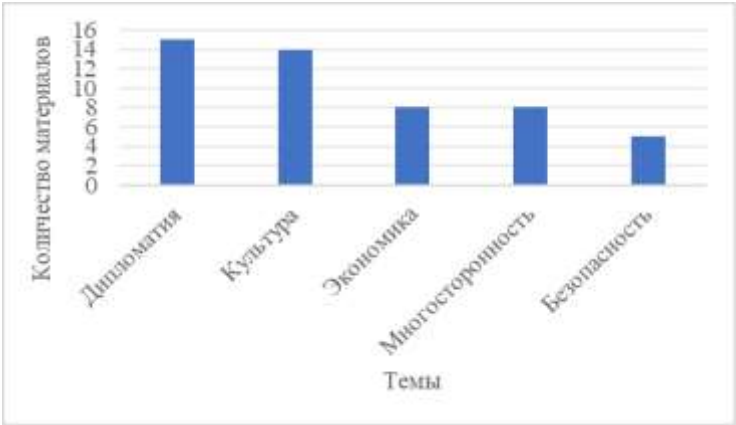

Рис. 1. Распределение тематических категорий в освещении китайско-российских отношений на CGTN (2025).

Fig. 1. Theme distribution in CGTN’s coverage of China-Russia relations (2025).

Как показано на рисунке, основной объем материалов посвящен двум ключевым темам: дипломатическим контактам и культурным обменам. Эти две категории совокупно составляют более половины всех публикаций из выборки. Остальные же три категории – экономика, военно-политические темы, многосторонние форматы взаимодействия – чаще появляются в связи с конкретными событиями или политическими инфоповодами. Они не характеризуются такой же устойчивой и регулярной представленностью, как две доминирующие категории.

Характеристики тематических категорий

В преобладающей категории «Дипломатия и стратегическое партнерство» речь почти всегда идет о политике высокого уровня. Материалы фиксируют встречи президентов, министров, других высших чиновников. Язык публикаций – в основном, формальный, с постоянным акцентом на концепции стабильности и преемственности. Конкретные результаты или новые договоренности такие тексты освещают далеко не всегда. Гораздо чаще они обозначают общий вектор и подтверждают готовность к дальнейшему сотрудничеству. Дипломатия в таком освещении предстает не как цепочка отдельных эпизодов, а как непрерывный стратегический процесс.

Вторая крупная категория – «Культура, медиа, туризм и историческая память» – устроена иначе и по тону, и по структуре. В них используется более доступный и менее официальный язык. В центре публикаций находятся конкретные события: кинофестивали, студенческие обмены, туристические инициативы или памятные даты. Такие материалы часто описывают происходящее подробнее, чем дипломатические новости. Благодаря этому, отношения между странами приобретают более «человеческое» измерение. Культурные контакты в этих текстах выглядят не как отдельная социальная сфера, а как важная часть межгосударственных отношений.

Материалы по экономике и энергетике, напротив, тяготеют к освещению конкретных действий: новых соглашений, совместных проектов, отраслевого сотрудничества в торговле, инфраструктуре или энергетике. Если дипломатические публикации чаще сфокусированы на «макроуровне», экономические новости, напротив, обычно привязаны к определенному заявлению, проекту или политическому решению. Они предлагают более экспертное, техническое описание и ориентированы на результат. В них чаще упоминаются показатели, практические эффекты и признаки прогресса.

Сходная логика заметна и в публикациях категории «Многостороннее управление и глобальный порядок». Материалы на эту тему обычно помещают китайско-российские отношения в более широкий международный контекст, обращаясь к таким структурам, как БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества или Организация Объединенных Наций. Здесь внимание сосредоточено не столько на

двустороннем взаимодействии как таковом, сколько на том, как две страны позиционируют себя внутри глобальных институтов и международных процессов. Язык этих материалов часто связан с более широкими понятиями: сотрудничеством, многосторонностью, стабильностью и глобальным управлением. По сравнению с дипломатическим освещением, которое описывает общий вектор отношений, тема многосторонних форматов выглядит более дискурсивной.

Наконец, «Безопасность и военное взаимодействие» представляет наименьшую по объему категорию. Эти материалы обычно посвящены совместным учениям, оборонному сотрудничеству или консультациям по вопросам безопасности. Их структура довольно прямолинейна: публикации фиксируют конкретную активность и заявленные цели. В отличие от дипломатических и культурных материалов, где часто подчеркиваются долгосрочные отношения, военно-политические публикации сильнее привязаны к событию и менее развернуты с точки зрения нарративов. Ограниченное присутствие этой темы в выборке показывает, что безопасность остается частью общего образа китайско-российских отношений, но не является главным ракурсом их представления в данном массиве материалов.

В целом характеристики тематических категорий показывают, что внимание CGTN распределено между разными сторонами китайско-российских отношений неравномерно. В центре находится относительно стабильное ядро, связанное с дипломатией и, в меньшей степени, культурными обменами. Остальные темы появляются более ситуативно – в ответ на конкретные события или политические обстоятельства.

Интерпретация результатов

Выявленная тематическая модель характеризует репрезентацию китайско-российских отношений в материалах CGTN как осознанно структурированную, а не равномерно сбалансированную. Проанализированные материалы охватывают разные аспекты двусторонних отношений, которые, однако, отличаются по своей значимости и транслируют разные нарративы.

Одной из наиболее заметных особенностей тематической модели является центральная роль дипломатической тематики. Такие материалы выходят за рамки простого оповещения о событиях. В них выстраивается рассказ о преемственности, стратегическом согласии и устойчивом партнерстве. Это видно, например, в материале “Xi Jinping meets Russian FM Lavrov, reaffirms strategic partnership”, где встреча представлена не как изолированный дипломатический эпизод, а как часть более длительного процесса, основанного на высокоуровневом консенсусе и долгосрочном сотрудничестве. Упоминания многосторонней координации и общих позиций по глобальным вопросам дополнительно укрепляют эту рамку, помещая двусторонние отношения в более широкий стратегический контекст. Такая модель соответствует логике стратегической коммуникации, где медиаконтент не просто следует за событиями, а избирательно организует репрезентацию двусторонних отношений [6].

То, что культурные и гуманитарные сюжеты занимают в модели второе место, не случайно. Они дополняют дипломатический нарратив новым измерением. Материалы о туризме, образовании и культурном обмене обычно имеют иной тон и иную форму изложения. В них чаще появляются личные впечатления, повседневный опыт и конкретные примеры взаимодействия. Ярким примером является материал “China-Russia Ties: China's visa-free access for Russian travelers boosts tourism”. Хотя он посвящен практическим изменениям визового режима и их влиянию на туристическое поведение, в нем также подчеркиваются индивидуальные реакции и ожидания. Благодаря этому, трансграничное взаимодействие изображается в более понятных и близких аудитории формах. При этом такая культурная тематика не отделяется от общего контекста отношений: она подразумевает взаимопонимание, дружбу и долговременное сближение. В этом смысле культурные сюжеты работают не как самостоятельная линия, а как дополнительная грань, поддерживающая общую репрезентацию двусторонних отношений.

Экономические и энергетические материалы вводят еще один слой, но он выглядит более ситуативным. В отличие от дипломатического освещения, которое присутствует регулярно, экономическая тематика чаще связана с конкретными событиями, проектами или внешним давлением. Это видно в материале “China: Trade and energy cooperation with Russia is beyond reproach”, где экономическое сотрудничество рассматривается в контексте внешней критики и санкций. Текст соединяет вопросы торговли и энергетики с темами легитимности, суверенитета и международных правил. Тем самым экономические сюжеты не всегда представлены как сугубо технические или отраслевые. Иногда они включаются в более широкое повествование о внешних вызовах и защите национальных интересов.

CGTN выстраивает освещение китайско-российских отношений как конструкцию из нескольких слоев. Ее ядро – дипломатические контакты: они создают устойчивый каркас, внутри которого размещается остальной контент. Культура и социальные обмены придают каркасу более понятный, «человеческий»

облик. Сюжеты об экономике, безопасности и многостороннем взаимодействии появляются по конкретному случаю, в связи с чем характеризуются меньшим «жизненным сроком».

Тем не менее, все упомянутые тематические категории не изолированы друг от друга: они пересекаются, и в пересечении рождается общая картина отношений – не механическая сумма сюжетов, а синергия.

Такое распределение тем можно рассматривать и в связи с более широкими дискуссиями о международной коммуникации и конструировании национального имиджа. В существующих исследованиях уже отмечалось, что международные государственные вещатели часто действуют в рамках стратегической логики, где разные типы контента выполняют взаимодополняющие функции [3; 6]. В данном случае эта взаимосвязь достаточно очевидна: дипломатическое ядро поддерживается культурными и экономическими сюжетами, что указывает на цельную коммуникационную стратегию.

Выводы

В данном исследовании мы предпринимаем попытку ответить на два вопроса: какие темы доминируют в англоязычном освещении китайско-российских отношений на CGTN и как они складываются в общую модель медиарепрезентации. На основе выборки из 50 материалов, опубликованных в 2025 году, были выделены пять повторяющихся тематических категорий. Анализ показал, что материалы распределены по этим категориям неравномерно: они в основном группируются вокруг нескольких ведущих тем, тогда как другие направления играют скорее вспомогательную роль.

Полученные результаты показывают, что дипломатическое взаимодействие является центральной осью освещения китайско-российских отношений в CGTN. Материалы о встречах высокого уровня, официальных обменах и заявлениях о стратегическом согласовании появляются чаще всего и создают относительно устойчивую рамку, внутри которой организуются другие темы. Одновременно культурный обмен и контакты между людьми выступают второй важной линией, предлагая более доступный облик двусторонних отношений. Экономические, и военно-политические темы, а также описание многосторонних форматов взаимодействия также присутствуют, но чаще появляются в конкретном контексте и не отличаются такой регулярностью.

В целом выявленные модели говорят скорее о многослойной структуре репрезентации, чем о фрагментарном или чисто событийном освещении. Разные темы не вводятся по отдельности: они взаимодействуют и усиливают друг друга. Дипломатические нарративы задают общую канву, а, например, культурные и экономические сюжеты добавляют ей глубину и вариативность. Это позволяет сделать вывод, что материалы CGTN не просто отражают многообразие китайско-российских отношений, а организуют его таким образом, что одни стороны отношений становятся более заметными, а другие – остаются более ситуативными.

В более широком смысле исследование подтверждает ценность тематического анализа для изучения международной коммуникации. Даже на базовом уровне этот метод позволяет обнаружить в новостном контенте внутреннюю логику, которую легко пропустить при обычном чтении. Анализ, представленный в статье, дает представление о тематической модели освещения ключевых двусторонних отношений, выстраиваемой международным вещателем. В этом смысле он формирует устойчивую основу для дальнейшего более глубокого исследования: продолжением качественного тематического анализа может стать более детальная работа с фреймами, дискурсом и нарративными техниками.

Следует также учитывать ряд ограничений. Выборка данного исследования невелика и охватывает публикации только за один год, в связи с чем полученные результаты не являются исчерпывающими. Кроме того, анализ фокусируется на недвусмысленной, ярко выраженной тематике публикаций и не принимает во внимание скрытые или подразумеваемые смыслы. В будущем исследование может быть продолжено за счет расширения временных рамок публикаций, привлечения более обширного массива материалов и более подробного анализа фреймов, смысловых уровней и нарративных техник.

Список источников

1. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 256 p.
2. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. 256 p.

3. Zhang Y. China Global Television Network's International Communication: Between the National and the Global : doctoral dissertation. Calgary: University of Calgary, 2018.

4. Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. 1993. Vol. 43. No. 4. P. 51 – 58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x

5. Hall S. Representation: Cultural Representations and Signifying Practices. London: Sage, 1997. 400 p.

6. Hallahan K., Holtzhausen D., van Ruler B., Verčič D., Sriramesh K. Defining Strategic Communication // International Journal of Strategic Communication. 2007. Vol. 1. No. 1. P. 3 – 35. DOI: 10.1080/15531180701285244

7. Thussu D.K. International Communication: Continuity and Change. 3rd ed. London: Bloomsbury Academic, 2018. 288 p.

8. Marsh V. Seeking Truth in International TV News: China, CGTN and the BBC. London; New York: Routledge, 2022. 240 p.

9. Braun V., Clarke V. Using Thematic Analysis in Psychology // Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3. No. 2. P. 77 – 101. DOI: 10.1191/1478088706qp063oa

10. Neuendorf K.A. The Content Analysis Guidebook. 2nd ed. Thousand Oaks : Sage, 2017. 456 p.

References

1. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: PublicAffairs, 2004. 256 p.

2. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. Basing-stoke: Palgrave Macmillan, 2007. 256 p.

3. Zhang Y. China Global Television Network's International Communication: Between the National and the Global: doctoral dissertation. Calgary: University of Calgary, 2018.

4. Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. Journal of Communication. 1993. Vol. 43.No. 4. P. 51 – 58. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x

5. Hall S. Representation: Cultural Representations and Signifying Practices. London: Sage, 1997. 400 p.

6. Hallahan K., Holtzhausen D., van Ruler B., Verčič D., Sriramesh K. Defining Strategic Communication. International Journal of Strategic Communication. 2007. Vol. 1.No. 1. P. 3 – 35. DOI: 10.1080/15531180701285244

7. Thussu D.K. International Communication: Continuity and Change. 3rd ed. London: Bloomsbury Academic, 2018. 288 p.

8. Marsh V. Seeking Truth in International TV News: China, CGTN and the BBC. London; New York: Routledge, 2022. 240 p.

9. Braun V., Clarke V. Using Thematic Analysis in Psychology. Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3.No. 2. P. 77 – 101. DOI: 10.1191/1478088706qp063oa

10. Neuendorf K.A. The Content Analysis Guidebook. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage, 2017. 456 p.

Информация об авторе

Хуан Ясинь, аспирант, ORCID ID: https://orcid.org/0009-0006-3866-439X, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, awesome.yaxin@yandex.ru

© Хуан Ясинь, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 373.5
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-149-156

Проблемы снижения концентрации внимания учащихся из-за коротких видео и педагогические методы их коррекции в условиях средней школы

[1] Цао Иньфэй, [1] Музыкант В.Л.

[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: массовое распространение платформ короткого видео изменило привычный для подростка режим обращения с визуальной информацией: учебная задача, требующая продолжительного произвольного сосредоточения, конкурирует с форматом, рассчитанным на удержание внимания в пределах нескольких десятков секунд. Между гигиеническими нормативами экранной нагрузки, закреплёнными в действующих санитарных правилах, и реальной структурой досугового медиапотребления обучающихся основной школы обнаруживается расхождение, описанное педагогической наукой пока преимущественно на уровне констатации. Цель работы – построение авторской типологии форм снижения концентрации внимания, ассоциированных с потреблением коротких видео, и структурно-функциональной модели их педагогической коррекции применительно к условиям средней школы. Использованы понятийно-категориальный анализ, классификация, структурно-функциональное моделирование и контент-анализ нормативной базы общего образования в редакциях 2024-2025 гг. Выделены четыре качественно различные формы ослабления сосредоточения, каждая из которых соотнесена с характерным поведенческим проявлением в учебной ситуации и предполагаемым психолого-педагогическим механизмом. Предложенная модель коррекции объединяет средовой, деятельностный и рефлексивный контуры воздействия и распределяет функции между ними так, чтобы работа с вниманием не сводилась к запретительным мерам. Полученное разграничение свидетельствует о том, что устойчивость произвольного внимания формируется перенастройкой организации учебной деятельности, тогда как ограничение экранного времени удерживает обеспечивающую, а не самостоятельную роль среди средств коррекции.
Ключевые слова: концентрация внимания, короткие видео, клиповое восприятие, основное общее образование, произвольное внимание, педагогическая коррекция, средовой подход, образовательная среда

Для цитирования: Цао Иньфэй, Музыкант В.Л. Проблемы снижения концентрации внимания учащихся из-за коротких видео и педагогические методы их коррекции в условиях средней школы // Современный ученый. 2026. № 10. С. 149 – 156. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-149-156

Поступила в редакцию: 13 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Problems of declining student attention concentration due to short videos and pedagogical methods of their correction in secondary school

[1] Cao Yinfei, [1] Muzykant V.L.

[1] Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: the mass spread of short-video platforms has reshaped the way an adolescent handles visual information: a learning task that requires sustained voluntary concentration now competes with a format designed to hold attention for only a few dozen seconds. A discrepancy emerges between the hygienic limits on screen load fixed in the current sanitary regulations and the actual structure of basic-school students' leisure media consumption, a discrepancy that pedagogical scholarship has so far mostly stated rather than explained. The aim of the study is to build an original typology of the forms of attention-concentration decline associated with short-video consumption and a structural-functional model of their pedagogical correction as applied to secondary school. Conceptual-categorial analysis, classification, structural-functional modelling and content analysis of the regulatory basis of general education in its 2024-2025 editions were employed. Four qualitatively distinct forms of weakened concentration were identified, each matched with a characteristic behavioural manifestation in the learning situation and a presumed psychological-pedagogical mechanism. The proposed correction model combines environmental, activity-based and reflective circuits of influence and distributes functions among them so that work with attention is not reduced to restrictive measures. The resulting distinction shows that the stability of voluntary attention is formed by reconfiguring the organisation of learning activity, whereas limiting screen time retains a supporting rather than an independent role among the means of correction.
Keywords: attention concentration, short-form video, clip perception, basic general education, voluntary attention, pedagogical correction, environmental approach, learning environment

For citation: Cao Yinfei, Muzykant V.L. Problems of declining student attention concentration due to short videos and pedagogical methods of their correction in secondary school. Modern Scientist. 2026. 10. P. 149 – 156. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-149-156

The article was submitted: May 13, 2026; Approved after reviewing: June 10, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Сокращение времени, в течение которого обучающийся основной школы способен удерживать произвольное внимание на учебном материале, фиксируется педагогами как устойчивое затруднение последних лет. Параллельно меняется доминирующий формат внешкольного медиапотребления: по данным ВЦИОМ за 2025 г., в структуре экранного досуга подростковой аудитории преобладает короткое вертикальное видео, рассчитанное на быстрое переключение и эмоциональный отклик в пределах нескольких десятков секунд. Прямой причинно-следственной связи между этими наблюдениями педагогика пока не установила, однако совпадение динамики делает предположение о взаимовлиянии достаточно обоснованным, чтобы вынести его в предмет отдельного разбора.

В специализированной литературе отсутствует консенсус относительно того, выступает ли короткое видео самостоятельным фактором деградации сосредоточения или лишь индикатором более широких сдвигов в когнитивной саморегуляции. Наблюдаемую фрагментарность восприятия часть авторов трактует как проявление так называемого клипового мышления, складывающегося задолго до появления конкретных платформ. В работах о концентрации внимания как условии результативного обучения [1] сосредоточение понимается прежде всего как тренируемое свойство, поддающееся целенаправленному формированию. А.С. Изжанова [6] связывает приёмы повышения концентрации с развитием коммуникативных навыков, смещая акцент с ограничения стимула на организацию деятельности. Эти трактовки не исключают одна другую, но расставляют разные акценты при выборе средств коррекции.

Нормативная рамка задаёт лишь внешний контур проблемы. Действующие санитарные правила – СанПиН 1.2.3685-21 и СП 2.4.3648-20 – нормируют продолжительность непрерывного использования электронных средств обучения, ограничивая для обучающихся 5–9 классов непрерывный просмотр с экрана при необходимости конспектирования пятнадцатью минутами; требования к самим учебным

электронным устройствам уточнены ГОСТ Р 71345-2024. Эти нормы регулируют школьную нагрузку, но не затрагивают досуговое потребление, на которое приходится основная доля контакта с коротким видео. Расхождение между регламентированной учебной средой и нерегламентированной досуговой средой и образует то противоречие, внутри которого приходится действовать педагогу.

Несоответствие между объёмом накопленных эмпирических наблюдений и слабой проработкой педагогического инструментария коррекции определяет задачу настоящей работы. Требуется упорядочить разнородные проявления снижения концентрации в типологию, пригодную для диагностики в условиях обычного урока, и выстроить модель коррекции, которая распределяет педагогические воздействия по уровням и не сводится к запрету устройств. Научная новизна состоит в соотнесении каждой выделенной формы ослабления внимания с конкретным механизмом и адресным педагогическим приёмом, что отличает предлагаемый подход от описательных перечней трудностей.

Материалы и методы исследований

В работе применён теоретико-методологический инструментарий педагогики. Понятийно-категориальный анализ использован для разведения близких терминов «внимание», «сосредоточение», «концентрация» и «удержание»; классификация – для построения типологии форм снижения концентрации; структурно-функциональное моделирование – для описания компонентов коррекционной модели и связей между ними; метод аналогий – при переносе приёмов, отработанных в коррекции свойств внимания у отдельных категорий обучающихся, на массовую практику основной школы.

Нормативную опору составили федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (приказ Минпросвещения России от 31 мая 2021 г. № 287 в редакции приказа от 18 июня 2025 г. № 467), профессиональный стандарт «Педагог» (приказ Минтруда России от 18 октября 2013 г. № 544н), а также санитарные правила и гигиенические нормативы, регулирующие экранную нагрузку обучающихся. Контент-анализ этих документов вёлся по разделам, относящимся к метапредметным результатам, регулятивным учебным действиям и к режиму применения электронных средств обучения. Сопоставление отечественных трактовок концентрации внимания с зарубежными подходами к саморегуляции учебной деятельности проводилось на уровне концептуальных рамок, восходящих к культурно-исторической традиции и теории деятельности.

Результаты и обсуждения

Термины, описывающие сосредоточение, в педагогическом обиходе нередко смешиваются, тогда как для коррекционной работы их различение принципиально. Под концентрацией понимается интенсивность сосредоточения на одном объекте при отвлечении от посторонних раздражителей; устойчивость характеризует длительность такого сосредоточения, переключаемость – скорость перехода между объектами. Короткое видео тренирует преимущественно переключаемость и почти не задействует устойчивость, поскольку формат не предполагает возвращения к прерванному содержанию. Сосредоточение при этом трактуется как формируемое свойство, что само по себе оставляет пространство для педагогического вмешательства.

Психолого-педагогическая коррекция свойств внимания накопила инструментарий, разработанный преимущественно для обучающихся с особыми образовательными потребностями. Д.А. Дубровина [7] прослеживает, что свойства внимания младших школьников поддаются направленной коррекции при систематической тренировке, а не при разовых упражнениях. Сходную логику постепенного наращивания нагрузки выстраивает Л.Н. Просвирова [5] применительно к подготовке к публичному выступлению, где концентрация развивается через повторяющиеся ситуации с возрастающей ценой ошибки. Отдельную группу образуют работы по оптимизации образовательного процесса для обучающихся с синдромом дефицита внимания и гиперактивности: А.С. Прокофьева [4] фиксирует, что приёмы, действенные при клинически выраженном дефиците, после адаптации применимы и к массовой норме, поскольку поведенческие проявления во многом совпадают. Перенос этого опыта на ситуацию, спровоцированную медиапотреблением, выглядит оправданным, хотя и требует осторожности в трактовке причин.

Видео в школьной практике занимает двойственное положение: оно и связывается с ослаблением сосредоточения, и используется как средство его восстановления. М.В. Жданова [2] описывает коррекцию нарушений внимания у младших школьников непосредственно в процессе просмотра фильмов, когда удержание сюжетной линии выступает учебной задачей. Е.П. Кузнецова [8] выстраивает обучение устной речи на основе видеофильма, требующего удержания содержания на протяжении нескольких минут, что противоположно логике короткого ролика. Коллектив авторов под руководством Е.М. Сивковой [11]

предлагает короткие видеоформаты с физкультминутками как инструмент переключения и разрядки, то есть встраивает сам формат короткого видео в режим урока с управляемой функцией. Эти примеры показывают, что затруднение коренится не в длительности ролика самой по себе, а в отсутствии у досугового просмотра учебной задачи, удерживающей внимание.

Опыт дистанционного периода обнажил уязвимость, релевантную и для очного формата. О.А. Ушакова [9] отмечает, что видеоурок переносит нагрузку по удержанию внимания на самого обучающегося, лишая педагога оперативной обратной связи; Д.Н. Нурбагандова и Х.М. Махмудов [10] указывают, что при дистанционном обучении младших школьников действенность видеоматериала резко падает без сопровождающих заданий, структурирующих просмотр. На противоположном полюсе находятся попытки тренировать сосредоточение прямыми средствами: М.А. Любавина [3] предлагает программное приложение для тренировки зрительной концентрации школьников, переводящее работу с вниманием в игровую, измеримую форму. Подобные решения привлекательны технологичностью, однако их перенос в повседневную практику упирается в нехватку времени урока и в риск подменить формирование произвольного усилия очередным экранным стимулом.

Корпус работ о методах педагогической коррекции в деятельности учителя задаёт более широкую рамку. А.В. Криницына [12] систематизирует методы профилактики и коррекции отклоняющегося поведения школьников, и часть из них – приёмы структурирования деятельности, дозирования стимулов, оформления чётких правил – переносима на работу с рассеянным вниманием. П.Г. Постников [13] связывает удержание учебного внимания с включением обучающихся основной школы в процедуру проблематизации, когда сосредоточение поддерживается втянутостью в разрешение задачи. Е.В. Зелюткова [14] обращает внимание на то, что переход в среднюю школу сам по себе сопровождается падением концентрации из-за смены организационных условий, и этот возрастной спад накладывается на медийный. Методологическая концепция повышения качества обучения в сокращённые сроки, предложенная В. Н. Максимовой [15], исходит из уплотнения учебного содержания при сохранении его связности, что задаёт ориентир, противоположный фрагментации, культивируемой коротким форматом.

Разнородность приведённых наблюдений требует упорядочивания. Если рассматривать снижение концентрации не как единое расстройство, а как совокупность качественно различных форм, каждая из них получает собственное поведенческое выражение в учебной ситуации и предполагает свой механизм. Сведение этих форм в единую рамку позволяет перейти от констатации трудности к её адресной диагностике на уроке (табл. 1).

Таблица 1

Формы снижения концентрации внимания, ассоциированные с потреблением коротких видео.

Table 1

Forms of decreased attention span associated with short video consumption.

Форма	Поведенческое проявление в учебной ситуации	Предполагаемый механизм
Дефицит устойчивости	быстрое угасание сосредоточения при однообразном задании, потребность в частой смене вида работы	привычка к коротким циклам стимуляции без возвращения к содержанию
Гипертрофия переключаемости	лёгкое отвлечение на любой новый раздражитель, фоновое ожидание уведомлений	тренированная готовность к мгновенной смене объекта внимания
Толерантность к стимулу	потеря интереса к материалу без яркого эмоционального или визуального оформления	повышение порога вовлечения вследствие насыщенного сенсорного опыта
Дефицит произвольного усилия	отказ от задачи при первом затруднении, поиск готового короткого ответа	редукция опыта длительного волевого сосредоточения

Предложенное разграничение разводит явления, которые в обиходной речи объединяются словом «рассеянность». Дефицит устойчивости и гипертрофия переключаемости внешне схожи, однако требуют противоположных воздействий: в первом случае наращивается длительность однородной работы, во втором снижается плотность отвлекающих сигналов в среде. Толерантность к стимулу опаснее прочих форм, поскольку маскируется под немотивированность и провоцирует педагога на усиление внешней занимательности урока, что закрепляет зависимость от яркого оформления. Дефицит произвольного усилия проявляется позже остальных и хуже поддаётся быстрой коррекции.

Соотнесение формы с механизмом задаёт направление коррекции, но не определяет её организационный контур. Один и тот же приём, например постепенное удлинение интервала непрерывной работы, действует по-разному в зависимости от того, на какой механизм он нацелен. Отсюда вытекает потребность в модели, распределяющей воздействия по уровням образовательной среды и учебной деятельности, а не в наборе изолированных упражнений.

Накопленные в литературе приёмы группируются вокруг трёх несовпадающих фокусов воздействия – на среду, на деятельность и на саморегуляцию обучающегося. Эти подходы покрывают разные звенья процесса сосредоточения и дополняют друг друга; их сопоставление обнаруживает распределение функций между ними (табл. 2).

Таблица 2

Педагогические подходы к коррекции концентрации внимания.

Table 2

Pedagogical approaches to correcting attention concentration.

Подход	Фокус воздействия	Характерные приёмы	Позиция педагога
Средовой	внешние условия сосредоточения, плотность отвлекающих сигналов	регламент использования устройств, организация рабочего пространства, ритуалы начала урока	проектировщик среды
Деятельностный	структура учебной задачи, удерживающей внимание	проблематизация, дозирование сложности, чередование форматов работы	организатор деятельности
Рефлексивный	осознание обучающимся собственного состояния внимания	самонаблюдение, фиксация отвлечений, постановка индивидуальных целей удержания	фасилитатор саморегуляции

Средовой подход даёт быстрый, но нестойкий эффект: регламентация экранной нагрузки снимает внешний раздражитель, однако не формирует внутреннего ресурса сосредоточения и перестаёт работать за пределами контролируемого пространства. Деятельностный подход воздействует на более глубокий уровень, поскольку привязывает внимание к содержанию задачи, а рефлексивный действует медленнее остальных и предполагает определённую зрелость обучающегося, зато его результат наиболее устойчив и переносится на ситуации вне школы.

Деятельностный контур заслуживает отдельного разбора. Удержание внимания достигается в нём свойствами самой задачи: её посильной трудностью, наличием промежуточного результата, возможностью увидеть продвижение. Проблематизация, при которой обучающийся втягивается в разрешение противоречия, удерживает сосредоточение дольше внешне занимательной подачи, потому что источником вовлечения становится незавершённость содержания. Дозирование сложности предотвращает угасание интереса при лёгкой задаче и отказ при чрезмерно трудной. Чередование форматов работы внутри урока компенсирует тренированную переключаемость, направляя её в управляемое русло вместо подавления.

Объединение фокусов воздействия в работающую систему требует их соподчинения единой цели и обратной связи. Авторская модель коррекции включает целевой, средовой, деятельностный и рефлексивно-оценочный компоненты, связанные так, что среда готовит условия, деятельность реализует цель, а рефлексия возвращает информацию для перенастройки (табл. 3).

Таблица 3

Компоненты авторской модели педагогической коррекции концентрации внимания.

Table 3

Components of the author's model of pedagogical correction of attention concentration.

Компонент	Функция	Связь с другими компонентами
Целевой	определение приоритетной формы снижения концентрации и ожидаемого состояния внимания	задаёт критерии для деятельностного и оценочного компонентов
Средовой	настройка внешних условий сосредоточения и регламента экранной нагрузки	создаёт предпосылки для работы деятельностного компонента
Деятельностный	организация учебных задач, удерживающих произвольное внимание	реализует цель, опираясь на подготовленную среду
Рефлексивно-оценочный	отслеживание динамики удержания и осознание обучающимся своего состояния	возвращает информацию к целевому компоненту, замыкая цикл

Ключевая особенность модели – подчинённое положение средового компонента. Ограничение экранного времени и регламентация устройств выступают условием, обеспечивающим возможность сосредоточения, но сами по себе сосредоточения не создают. Если работа останавливается на средовом уровне, коррекция сводится к запрету и утрачивает действие за стенами школы. Перенос центра тяжести на деятельностный компонент меняет сам предмет коррекции: вместо приучения к режиму формируется способность удерживать произвольное внимание на содержании.

Рефлексивно-оценочный компонент придаёт модели цикличность. Без обратной связи коррекция остаётся разомкнутым воздействием, эффект которого педагог оценивает интуитивно. Включение обучающегося в наблюдение за собственным вниманием – фиксацию моментов отвлечения, постановку посильных целей удержания – переводит его из объекта воздействия в участника процесса, что, по всей видимости, и определяет устойчивость результата.

Соотнесённые между собой типология и модель складываются в ответ на исходное расхождение трактовок. Короткое видео правомернее рассматривать как фактор, обостряющий и делающий массовым давний дефицит произвольного сосредоточения, чем как его единственную причину. Педагогический ответ на это давление лежит в плоскости организации учебной деятельности, тогда как ограничение медиапотребления удерживает вспомогательную, обеспечивающую роль. Такая расстановка согласуется с тем направлением, которое связывает концентрацию прежде всего с устройством учебной деятельности.

Выводы

Разведение форм снижения концентрации внимания, сопоставленных с поведенческими проявлениями и предполагаемыми механизмами, показывает, что обиходная рассеянность обучающегося скрывает разные по природе затруднения, и каждое из них требует собственного педагогического ответа. Дефицит устойчивости и гипертрофия переключаемости при внешнем сходстве предполагают противоположные действия – наращивание длительности однородной работы в одном случае и снижение плотности отвлекающих сигналов в другом. Толерантность к яркому стимулу и дефицит произвольного усилия залегают глубже и хуже поддаются быстрому исправлению, поскольку затрагивают сам сформированный опыт волевого сосредоточения.

Выстроенная модель коррекции отводит ограничению экранного времени обеспечивающую, подчинённую роль и переносит центр воздействия на организацию учебной деятельности. Произвольное внимание формируется свойствами задачи – её посильной трудностью, наличием промежуточного результата, втянутостью обучающегося в разрешение противоречия, – тогда как регламент устройств лишь расчищает для этого пространство. Замыкание модели рефлексивно-оценочным компонентом превращает обучающегося из адресата дисциплинарных мер в участника управления собственным вниманием.

Из сказанного вытекает практический ориентир для педагога средней школы: устойчивость сосредоточения наращивается перенастройкой организации урока, тогда как противодействие конкретному формату досугового контента даёт лишь временный эффект. Короткое видео при этом сохраняет и обратное, инструментальное применение – как управляемое средство переключения и разрядки в структуре занятия.

Список источников

1. Бозиева А.М. Концентрация внимания как основа эффективного обучения // Молодежь в науке: Новые аргументы. Липецк, 2016. С. 58 – 61.

2. Жданова М.В. Коррекция нарушений внимания у младших школьников в процессе просмотра фильмов // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации. Новосибирск, 2018. С. 123 – 125.

3. Любавина М.А. Приложение для тренировки зрительной концентрации школьников // Молодёжь для устойчивого развития регионов. Тамбов, 2023. С. 153 – 154.

4. Прокофьева А.С. Оптимизация образовательного процесса для школьников с синдромом дефицита внимания и гиперактивности // Содержательные и процессуальные аспекты современного образования. Астрахань, 2021. С. 228 – 231.

5. Еловская Л.В., Герасимов С.Д., Самохина А.А. Педагогические практики формирования читательской грамотности подростков в условиях клипового потребления цифрового контента: теоретическая модель и дизайн оценки эффекта // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 12-2. С. 150 – 159.

6. Изжанова А.С. Развитие навыков эффективной коммуникации через использование методов и приёмов для повышения концентрации внимания // Молодой ученый. 2023. № 9 (456). С. 162 – 165.

7. Дубровина Д.А. Психолого-педагогическая коррекция свойств внимания младших школьников с ОВЗ // Новости науки 2019. 2019. С. 196 – 202.

8. Кузнецова Е.П. Обучение школьников навыкам устной речи на основе видеофильма // Актуальные вопросы современной педагогики. Самара, 2016. С. 153 – 155.

9. Ушакова О.А. О коммуникации, видеоуроках и проблемах педагогов // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 2. С. 88 – 89.

10. Нурбагандова Д.Н., Махмудов Х.М. Использование видеоуроков при дистанционном обучении младших школьников // Начальное образование: вчера, сегодня, завтра. Махачкала, 2020. С. 137 – 139.

11. Сивкова Е.М., Маркевич Н.А., Рохина С.И., Утробина В.В., Юферев П.И. «Отвлекись и выдохни»: видео с физкультминутками для первоклассников // Проектный калейдоскоп. Киров, 2023. С. 1160 – 1162.

12. Криницына А.В. Методы профилактики и коррекции асоциального поведения школьников в работе учителя // Социальная психология: вопросы теории и практики. Москва, 2021. С. 289 – 292.

13. Постников П.Г. Обучение учащихся основной школы процедуре проблематизации // Сборник успешных практик и методических материалов по выявлению, поддержке и развитию способностей и талантов у детей и молодежи в Свердловской области. Екатеринбург, 2023. С. 46 – 55.

14. Зелюткова Е.В. Проблемы адаптации школьников при переходе в среднюю школу // Реализация аксиологического и компетентностного подходов в контексте ФГОС среднего и высшего образования. 2016. С. 164 – 167.

15. Максимова В.Н. Методологическая концепция повышения качества обучения в сокращённые сроки // Народное образование. 2025. № 1 (1512). С. 48 – 53.

References

1. Bozieva A.M. Concentration of attention as a basis for effective learning. Youth in Science: New Arguments. Lipetsk, 2016. P. 58 – 61.

2. Zhdanova M.V. Correction of attention disorders in primary school students while watching films. Youth of the 21st century: education, science, innovation. Novosibirsk, 2018. P. 123 – 125.

3. Lyubavina M.A. Application for training visual concentration of schoolchildren. Youth for sustainable development of regions. Tambov, 2023. P. 153 – 154.

4. Prokofieva A.S. Optimization of the educational process for schoolchildren with attention deficit hyperactivity disorder. Substantive and procedural aspects of modern education. Astrakhan, 2021. P. 228 – 231.

5. Elovskaya L.V., Gerasimov S.D., Samokhina A.A. Pedagogical practices for developing adolescent reading literacy in the context of clip consumption of digital content: a theoretical model and design for evaluating the effect. Education Management: Theory and Practice. 2025. No. 12-2. P. 150 – 159.

6. Izzhanova A.S. Developing effective communication skills through the use of methods and techniques to improve concentration. Young Scientist. 2023. No. 9 (456). P. 162 – 165.

7. Dubrovina D.A. Psychological and pedagogical correction of attentional properties of primary school students with disabilities. Science News 2019. 2019. P. 196 – 202.

8. Kuznetsova E.P. Teaching Schoolchildren Oral Speech Skills Using Video Films. Current Issues in Modern Pedagogy. Samara, 2016. P. 153 – 155.

9. Ushakova O.A. On Communication, Video Lessons, and Teachers' Problems. Professional Education and the Labor Market. 2020. No. 2. P. 88 – 89.

10. Nurbagandova D.N., Makhmudov H.M. Using Video Lessons in Distance Learning for Primary School Students. Primary Education: Yesterday, Today, Tomorrow. Makhachkala, 2020. P. 137 – 139.

11. Sivkova E.M., Markevich N.A., Rokhina S.I., Utrobina V.V., Yuferov P.I. "Take a Break and Take a Breath": A Video with Physical Education Breaks for First-Graders. Project Kaleidoscope. Kirov, 2023. P. 1160 – 1162.

12. Krinitsyna A.V. Methods of Prevention and Correction of Antisocial Behavior of Schoolchildren in the Work of a Teacher. Social Psychology: Theoretical and Practical Issues. Moscow, 2021. P. 289 – 292.

13. Postnikov P.G. Teaching Basic School Students the Problematization Procedure. Collection of Successful Practices and Methodological Materials for Identifying, Supporting, and Developing Abilities and Talents in Children and Young People in the Sverdlovsk Region. Yekaterinburg, 2023. P. 46 – 55.

14. Zelyutkova E.V. Problems of Adaptation of Schoolchildren During the Transition to Secondary School. Implementation of the Axiological and Competency-Based Approaches in the Context of the Federal State Educational Standard for Secondary and Higher Education. 2016. P. 164 – 167.

15. Maksimova V.N. Methodological Concept for Improving the Quality of Education in a Shorter Timeframe. Public Education. 2025. No. 1 (1512). P. 48 – 53.

Информация об авторах

Цао Иньфэй, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 1042245316@rudn.ru

Музыкант В.Л., доктор социологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, muzykant-vl@rudn.ru

© Цао Иньфэй, Музыкант В.Л., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81.42
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-157-163

Дискурсивное конструирование «обитания» в соседском нарративе китайских телесериалов: пространство, этика и сообщество

[1] Цян Цици, [1] Матвиенко В.В.

[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: в статье рассматривается соседский нарратив в современных китайских аудиовизуальных произведениях как механизм дискурсивного конструирования «обитания». Материалом исследования выступают телесериал «Родительская любовь», телесериал «Мне неплохо в чужом городе» и фильм «Миф о любви», репрезентирующие разные типы городской и квазигородской повседневности. На основе элементов теории повестки дня, фрейм-анализа и нарративного анализа аудиовизуального текста выявляются три медиальные модели соседства: «обитание сообщества», «распад обитания» и «спектакуляризированное обитание». Показано, что в первом случае соседство осмысляется как пространство устойчивой взаимопомощи и доверия; во втором как ситуация разрыва между физической близостью и социальной поддержкой; в третьем как эстетизированный образ городской близости. Делается вывод, что соседский нарратив выполняет диагностическую, компенсаторную, критическую и нормотворческую функции, участвуя в формировании общественного языка для обсуждения города, повседневности и сообщества.
Ключевые слова: соседский нарратив, китайские аудиовизуальные медиа, городская повседневность, медиадискурс, обитание сообщества

Для цитирования: Цян Цици, Матвиенко В.В. Дискурсивное конструирование «обитания» в соседском нарративе китайских телесериалов: пространство, этика и сообщество // Современный ученый. 2026. № 10. С. 157 – 163. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-157-163

Поступила в редакцию: 14 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Discursive construction of “dwelling” in the neighborly narrative of Chinese television series: space, ethics, and community

[1] Qiang Qiqi, [1] Matvienko V.V.

[1] Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Abstract: the article examines the neighborly narrative in contemporary Chinese audiovisual works as a mechanism of discursive construction of “dwelling.” The research material includes the television series Romance of Our Parents, the television series Remembrance of Things Past, and the film B for Busy, which represent different types of urban and quasi-urban everyday life. Drawing on elements of agenda-setting theory, frame analysis, and narrative analysis of audiovisual texts, the article identifies three media models of neighborhood: “community dwelling,” “the disintegration of dwelling,” and “spectacularized dwelling.” It is shown that, in the first case, neighborhood is interpreted as a space of stable mutual assistance and trust; in the second, as a situation of rupture between physical proximity and social support; and in the third, as an aestheticized image of urban closeness. The article concludes that the neighborly narrative performs diagnostic, compensatory, critical, and norm-forming functions, participating in the formation of a public language for discussing the city, everyday life, and community.

Keywords: neighborly narrative, Chinese audiovisual media, urban everyday life, media discourse, community dwelling

For citation: Qiang Qiqi, Matvienko V.V. Discursive construction of “dwelling” in the neighborly narrative of Chinese television series: space, ethics, and community. Modern Scientist. 2026. 10. P. 157 – 163. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-157-163

The article was submitted: May 14, 2026; Approved after reviewing: June 11, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Современные аудиовизуальные медиа всё чаще становятся пространством осмысления не только масштабных социальных процессов, но и повседневных форм человеческого сосуществования. Одной из таких форм является соседство сфера городской и бытовой коммуникации, в которой пересекаются частная жизнь, локальная взаимопомощь, пространственная близость, моральная ответственность и социальная уязвимость. В условиях урбанизации, мобильности населения, нестабильности жилищных практик и усиления цифровой коммуникации соседство перестаёт быть исключительно бытовым феноменом и приобретает значение важного объекта медиарепрезентации.

Актуальность исследования обусловлена тем, что экранные образы соседства позволяют выявить, как массовая культура описывает трансформацию городской повседневности. Китайские телесериалы и фильмы последних десятилетий не только воспроизводят узнаваемые бытовые ситуации, но и формируют общественный язык для обсуждения утраты локальной солидарности, одиночества в мегаполисе, разрыва между технической связностью и реальной поддержкой, а также эстетизации городской близости. В этом смысле соседский нарратив рассматривается как значимый элемент медиадискурса, через который конструируются представления о городе, сообществе и формах совместной жизни.

Степень научной разработанности проблемы определяется исследованиями в области журналистики, массовой коммуникации, медиадискурса, городской повседневности и трансформации социальных связей в современном городе. Однако соседство как самостоятельная дискурсивная модель в китайских аудиовизуальных произведениях изучено недостаточно. Перспективным является анализ соседского нарратива не только как сюжетной темы, но и как способа медиального конструирования «обитания» – устойчивого, распадающегося или эстетически реконструируемого опыта повседневной близости.

Объектом исследования выступает соседский нарратив в китайских аудиовизуальных произведениях. Предметом являются способы дискурсивного конструирования соседства через пространственные, этические и коммуникативные модели экранного повествования. Цель статьи – выявить основные медиальные модели соседского нарратива и определить их дискурсивные функции в репрезентации городской повседневности, социальной близости и сообщества.

Материалом исследования являются телесериал «Родительская любовь», телесериал «Мне неплохо в чужом городе» и фильм «Миф о любви». Эти произведения репрезентируют разные типы городской и квазигородской повседневности: военный двор как пространство устойчивого сообщества, мегаполис как среду мобильности и эмоциональной уязвимости, а Шанхай – как эстетизированный локальный образ городской близости. Соответственно, они позволяют рассмотреть три модели соседства: коллективную, атомизированную и эстетизированную.

Научная новизна статьи заключается в том, что соседский нарратив анализируется как самостоятельный механизм дискурсивного конструирования «обитания» в китайских аудиовизуальных произведениях, а понятия «обитание сообщества», «распад обитания» и «спектакуляризированное обитание» используются как аналитические категории для описания разных способов репрезентации социальной близости, ответственности и локальной идентичности.

Материалы и методы исследований

В статье используется комплексный качественный подход, включающий текстовый, сравнительный и дискурсивный анализ. Текстовый анализ позволяет рассмотреть сюжет, пространство, персонажей и ключевые сцены; сравнительный метод выявляет различия между тремя моделями соседства; дискурсивный анализ показывает, как аудиовизуальные произведения конструируют представления о городе, этике и сообществе.

Результаты и обсуждения

В журналистике и исследованиях массовой коммуникации городская повседневность рассматривается не только как социальная реальность, но и как медиально сконструированная картина мира. Медиа не просто сообщают факты о городе; они формируют способы видеть город, выделяют значимые проблемы, создают образы нормальной и проблемной повседневности, задают эмоциональные рамки восприятия социальной жизни. В исследованиях коммуникации подчёркивается, что массовая коммуникация участвует в производстве и распространении общественно значимых представлений о реальности [1]. Поэтому медиарепрезентация города может рассматриваться как важный механизм формирования общественного восприятия городской повседневности.

Соседство в этом контексте является особым объектом медиарепрезентации. С одной стороны, оно связано с частной жизнью, бытовой коммуникацией и локальной взаимопомощью. С другой стороны, именно через соседство проявляются более широкие социальные процессы: урбанизация, жилищная нестабильность, классовое расслоение, мобильность, одиночество, платформенная занятость и кризис доверия. Поэтому экранное изображение соседства приобретает общественную значимость: оно показывает, какие формы близости сохраняются, какие исчезают, а какие производятся как эстетический или потребительский образ. С точки зрения теории журналистики, повседневные сюжеты могут обладать социальной значимостью, поскольку через частные истории становятся видимыми общественные проблемы и изменения в структуре социальной жизни [2].

Для анализа выбранных произведений в статье используются три взаимодополняющих подхода. Первый связан с теорией повестки дня. Даже художественные медиа способны участвовать в формировании общественной повестки, поскольку они регулярно возвращают зрителя к социально значимым проблемам: жилищной нестабильности, одиночеству молодёжи в мегаполисе, утрате локальной солидарности, поиску эмоционального убежища в городе. В этом смысле телесериал может выполнять функцию мягкой социальной журналистики: он не сообщает новость в прямом смысле, но делает проблему видимой и обсуждаемой.

Второй подход – фрейм-анализ. Экранные произведения не только показывают соседство, но и задают рамку его интерпретации. Одно и то же городское пространство может быть представлено как место взаимопомощи, как среда отчуждения или как эстетически привлекательный стиль жизни. Фрейм определяет, что зритель воспринимает как причину проблемы, кто представлен как носитель ответственности и какие формы решения оказываются вообразимыми. В русскоязычной коммуникативистике также подчёркивается, что средства массовой информации участвуют в создании символических моделей социальной реальности и воздействуют на социокультурное восприятие общественной жизни [3].

Третий подход – нарративный анализ аудиовизуального текста. Для настоящего исследования важны не только темы произведений, но и способы их экранного построения: пространственная организация, типы персонажей, ключевые сцены, визуальный стиль, диалоги, повторяющиеся мотивы и эмоциональная тональность повествования.

В статье используются понятия «обитание сообщества», «распад обитания» и «спектакуляризированное обитание». Следует подчеркнуть, что они не являются готовыми категориями философии М. Хайдеггера и не претендуют на строгую реконструкцию его философской системы. Эти понятия используются как рабочие аналитические конструкции для описания медиальных репрезентаций соседства.

Под «обитанием сообщества» понимается экранная модель, в которой соседство представлено как устойчивая система повседневной взаимопомощи, телесного участия и моральной ответственности.

Под «распадом обитания» понимается модель, где физическая близость людей не превращается в социальную близость: персонажи могут жить рядом, работать в одном городе и пользоваться общей инфраструктурой, но оставаться коммуникативно изолированными и эмоционально незащищёнными.

Под «спектакуляризированным обитанием» понимается медиальная модель, в которой близость реконструируется через визуальный стиль, локальный колорит, потребительские символы и атмосферу городской утончённости.

Материал исследования составляют три китайских аудиовизуальных произведения, различающиеся по времени действия, типу пространства и модели социальной коммуникации. «Родительская любовь» репрезентирует военный двор как пространство стабильного сообщества; «Мне неплохо в чужом городе» показывает мегаполис как среду мобильности, конкуренции, аренды и эмоциональной уязвимости; «Миф о любви» представляет городскую близость через шанхайский локальный стиль, диалект, кафе, старые кварталы и повседневную эстетику. Выбор этих произведений обусловлен тем, что все они связаны с темой

повседневной коммуникации, получили общественный отклик и представляют три разные модели соседства: коллективную, атомизированную и эстетизированную.

Телесериал «Родительская любовь» представляет соседство как форму устойчивой повседневной общности. Военный двор на острове выступает не только пространством действия, но и особой коммуникативной средой, в которой частная жизнь постоянно включена в коллективный порядок. Дети свободно перемещаются между домами, взрослые знают обстоятельства жизни друг друга, а бытовые конфликты сосуществуют с практиками взаимопомощи и моральной ответственности. В этом смысле пространство двора можно рассматривать как медиально репрезентированную модель локального сообщества, где социальные связи поддерживаются не формальными институтами, а привычками совместного проживания.

С точки зрения журналистики и медиакоммуникации важно, что сериал не только ностальгически изображает прошлое, но и формирует особый медийный фрейм: соседство как социальная безопасность. Такой подход соотносится с представлением о городе как коммуникативной среде, где пространство не просто окружает человека, но организует формы взаимодействия, встреч и общественной видимости [4]. В «Родительской любви» близость понимается не как эмоциональная декларация, а как возможность рассчитывать на других в критической ситуации. Повседневные трения между персонажами не отменяют существования сообщества; напротив, они делают его более убедительным, поскольку экранное сообщество показано как сложная сеть привычек, обязанностей, конфликтов и заботы.

Ключевой сценой является помощь Ван Сюэ при преждевременных родах Ань Цзе. Сюжетно эта сцена построена вокруг ограниченности институциональной поддержки: рядом нет полноценной больницы, муж героини отсутствует по служебным причинам, медицинская инфраструктура ограничена. В такой ситуации соседка становится главным субъектом помощи. Соседские отношения переходят из сферы бытового общения в сферу жизненно важного действия, а соседство перестаёт быть фоном и становится механизмом социальной поддержки.

Эта сцена важна не потому, что она идеализирует старую форму коллективной жизни, а потому, что показывает доверие как результат длительного совместного проживания. Даже если между персонажами существуют различия в воспитании, привычках и социальном статусе, критическая ситуация активизирует общинную этику. Эпизод создаёт эмоционально сильный образ локального сообщества, который может восприниматься зрителем как утраченная или желаемая социальная норма. При этом модель «Родительской любви» не следует напрямую переносить на современный мегаполис. Военный двор связан с особым историческим контекстом, государственной организацией жизни и ограниченной мобильностью. Медийная сила сериала состоит именно в том, что он показывает соседство как утраченную форму социальной плотности, а не как готовое универсальное решение современных городских проблем.

Если «Родительская любовь» строит фрейм соседства как поддержки, то «Мне неплохо в чужом городе» показывает противоположную ситуацию: физическая близость в мегаполисе больше не гарантирует коммуникативной и эмоциональной близости. Пекин в сериале представлен как пространство высокой мобильности, плотной инфраструктуры и одновременно социальной уязвимости. Главные героини живут в городе, который предоставляет возможности, но одновременно постоянно производит давление: работа, аренда, конкуренция, кредиты, транспортная перегрузка, нестабильные отношения и необходимость непрерывно доказывать собственную эффективность. В таком пространстве соседство становится не устойчивой общностью, а временным и хрупким совпадением жизненных траекторий.

Особенно значима линия Ху Цзинцзин. Её смерть не должна интерпретироваться только как индивидуальная драма. В медиальном плане эта сюжетная линия выполняет функцию социальной диагностики. Через неё сериал делает видимой проблему молодого городского одиночества: человек может находиться в центре мегаполиса, быть включённым в рабочие и цифровые коммуникации, но при этом не иметь рядом устойчивого сообщества, способного вовремя распознать кризис и вмешаться. В данном случае экранный нарратив показывает противоречие современной городской жизни: высокая плотность населения и развитая инфраструктура не всегда создают устойчивые формы социальной включённости. Это соотносится с исследованиями китайской урбанизации, где город рассматривается не только как пространство развития, но и как зона социальных напряжений, перемещений и неравномерного распределения ресурсов [5].

Фрейм сериала можно определить как «город без адресата». Персонажи постоянно перемещаются, звонят, переписываются, работают, арендуют жильё, но их коммуникация часто оказывается недостаточной для настоящей поддержки. Последний телефонный звонок Ху Цзинцзин символически подчёркивает эту проблему: голос достигает другого человека технически, но социальная дистанция остаётся

непреодолённой. Коммуникационный канал существует, однако сообщество, способное превратить сообщение о беде в действие, оказывается недостаточно устойчивым.

С точки зрения журналистики этот сериал важен тем, что переводит частные проблемы молодых горожан в публичную повестку. Художественный текст действует подобно социальной репортажности: он собирает типичные признаки городской уязвимости аренду, трудовой стресс, кредитное давление, одиночество, разрыв с родным местом и превращает их в эмоционально воспринимаемый нарратив. Зритель получает не статистическое описание проблемы, а переживаемую модель городской жизни. Аудиовизуальное произведение в этом случае функционирует как форма общественной коммуникации, поскольку через эстетическую структуру делает социальный опыт видимым и обсуждаемым [6].

Фильм «Миф о любви» предлагает третью модель репрезентации соседства. В отличие от «Родительской любви», где близость основана на длительной совместной жизни, и «Мне неплохо в чужом городе», где близость распадается под давлением мегаполиса, «Миф о любви» создаёт образ городской общности через стиль, атмосферу и локальный колорит. Шанхай в фильме представлен как пространство диалога, вкуса, лёгкой иронии, кафе, старых улиц, маленьких мастерских, культурных привычек и узнаваемой городской эстетики. Этот образ обладает сильной медиальной привлекательностью: зритель видит не отчуждённый мегаполис, а город, в котором якобы ещё возможны лёгкое соседское общение, телесная близость улицы, локальная память и повседневная изысканность.

Однако именно здесь возникает главный исследовательский вопрос: является ли эта близость социальной практикой или медиальным образом? Для ответа важна сцена с башмачником и его «coffee time». На первый взгляд она демонстрирует гармоничное сосуществование разных социальных миров: ремесленный труд, модная обувь, городской юмор, кофе как символ современного образа жизни. Но при более внимательном анализе сцена показывает не столько реальное преодоление социальной дистанции, сколько её эстетическое сглаживание.

Башмачник становится частью городского спектакля. Его труд, локальная идентичность и повседневная речь превращаются в элементы привлекательного шанхайского образа. Кофе в этой сцене выполняет функцию знака: он соединяет ремесленника с миром городской утончённости, но это соединение остаётся прежде всего визуальным и символическим. Социальные различия не исчезают; они становятся менее заметными благодаря мягкой интонации, юмору и эстетике кадра.

С точки зрения фрейминга фильм создаёт рамку «красивой повседневности». В этой рамке городская близость воспринимается как стиль жизни, который можно наблюдать и потреблять. Локальное сообщество превращается в культурный бренд: диалект, старые кварталы, кафе, ремесленные лавки и интеллигентные разговоры начинают работать как элементы городской медиаидентичности. Подобная репрезентация показывает, что медиатекст не только передаёт социальную информацию, но и преобразует её в символическую форму, доступную для эмоционального и визуального потребления [7].

Сопоставление трёх произведений позволяет выделить три медиальные модели соседского нарратива: соседство как сообщество, соседство как распад и соседство как образ. Эти модели не образуют простую историческую последовательность. Они сосуществуют в современном медиапространстве и отвечают разным общественным потребностям: ностальгии по устойчивой общности, тревоге перед городской изоляцией и стремлению к эстетической компенсации утраченной близости. Соседский нарратив в этом смысле является не только темой экранного повествования, но и способом организации общественного воображения о городе, повседневности и возможных формах солидарности.

В пространственном аспекте «Родительская любовь» представляет двор как среду длительного совместного проживания, где частное и коллективное постоянно пересекаются. Двор в сериале функционирует как пространство узнавания: люди не просто живут рядом, но знают биографии, привычки, конфликты и слабости друг друга. Такая модель соотносится с представлением о локальном сообществе, в котором социальный порядок поддерживается не только институтами, но и устойчивыми межличностными связями, моральными ожиданиями и повседневными практиками взаимного участия [8]. Напротив, «Мне неплохо в чужом городе» показывает мегаполис как пространство движения, аренды и временных связей, где человек может быть физически окружён людьми, но социально оставаться одиноким. «Миф о любви» конструирует городское пространство как эстетически узнаваемый локальный бренд, где близость проявляется через атмосферу улиц, кафе, мастерских, диалекта и повседневного стиля.

В этическом аспекте различие между произведениями связано с тем, как они представляют ответственность перед другим. В «Родительской любви» соседство основано на готовности к действию в критической ситуации; здесь этика проявляется не как абстрактная моральная декларация, а как повседневная забота, реализуемая через конкретный поступок. В «Мне неплохо в чужом городе» этическая

проблема состоит в разрыве между наличием коммуникационных каналов и отсутствием устойчивой поддержки. Герои могут звонить, писать сообщения, перемещаться по городу и находиться в постоянном информационном обмене, однако сама по себе техническая связность не превращается в социальную защищённость. Эта проблема особенно актуальна для современной сетевой коммуникации, где расширение каналов связи не всегда означает усиление доверия, участия и реальной взаимопомощи [9]. В «Мифе о любви» этика соседства частично заменяется эстетикой городской приятности: социальная дистанция не преодолевается, а становится менее заметной благодаря визуальной мягкости, речевой иронии и привлекательной локальной атмосфере.

В аспекте сообщества три произведения фиксируют разные состояния социальной связи. «Родительская любовь» показывает сообщество как уже существующую структуру, основанную на длительности совместной жизни и повторяемости повседневных контактов. «Мне неплохо в чужом городе» демонстрирует ситуацию, в которой сообщество должно быть создано заново, но для этого не хватает доверия, времени и устойчивости. «Миф о любви» предлагает образ сообщества как медиальной атмосферы, доступной зрительскому потреблению. В последнем случае близость становится не столько практикой, сколько символическим ресурсом городской идентичности: городская культура предъявляется как стиль, который можно узнавать, эстетически переживать и потреблять.

С точки зрения журналистики и массовой коммуникации все три модели участвуют в формировании общественного языка для обсуждения города. Они не предлагают готовой программы социального действия, но делают видимыми вопросы, которые важны для городской повестки: почему физическая близость не всегда становится социальной, почему цифровая связь не гарантирует поддержки, почему локальная культура может одновременно сохраняться и превращаться в потребительский образ. В этом отношении аудиовизуальный текст функционирует как медиадискурс: он не просто отражает социальную реальность, а отбирает её значимые элементы, организует их в узнаваемую систему образов и предлагает зрителю определённую рамку интерпретации [10].

Именно в этом состоит социальная функция соседского нарратива. Он выполняет диагностическую функцию, выявляя проблемы одиночества, слабости локальных связей и разрыва между технической коммуникацией и реальной поддержкой. Он выполняет компенсаторную функцию, предлагая образы утраченной или желаемой близости. Он выполняет критическую функцию, показывая пределы технической связности города и недостаточность формального сосуществования в одном пространстве. Наконец, он выполняет нормотворческую функцию, формируя ожидание того, что соседство должно быть не только пространственным соседствованием, но и возможностью взаимной ответственности [11]. Через эти функции соседский нарратив становится частью более широкой медиальной системы, в которой массовая коммуникация участвует в символическом описании общества, его проблем, ценностей и представлений о совместной жизни.

Выводы

Проведённый анализ показал, что соседский нарратив в китайских аудиовизуальных произведениях выполняет не только сюжетную, но и значимую дискурсивную функцию. Через репрезентацию двора, мегаполиса, улицы, кафе, мастерской и локальной городской атмосферы экранные тексты формируют разные модели социальной близости, ответственности и совместного существования. В телесериале «Родительская любовь» соседство представлено как «обитание сообщества», основанное на длительном совместном проживании, доверии и повседневной взаимопомощи. В телесериале «Мне неплохо в чужом городе» выявляется модель «распада обитания», при которой физическая близость людей в мегаполисе не превращается в устойчивую социальную поддержку, а цифровая коммуникация не гарантирует эмоциональной защищённости. В фильме «Миф о любви» соседство приобретает форму «спектакуляризированного обитания», где близость реконструируется через стиль, локальный колорит, диалект и эстетически привлекательную городскую повседневность.

С точки зрения журналистики и массовой коммуникации соседский нарратив участвует в формировании общественного языка для обсуждения города и городской повседневности. Он делает видимыми ключевые вопросы современной городской повестки: несовпадение пространственной и социальной близости, пределы технической связности, ослабление локальных связей и превращение городской культуры в потребительский образ. Его социальная функция проявляется в диагностическом, компенсаторном, критическом и нормотворческом измерениях: соседский нарратив выявляет одиночество, предлагает образы желаемой близости, показывает недостаточность формального сосуществования и формирует ожидание взаимной ответственности. Полученные результаты позволяют рассматривать соседство как важную аналитическую категорию при изучении современных китайских аудиовизуальных медиа.

Список источников

1. Го Цингуан Курс теории коммуникации. 2-е изд. Пекин: Издательство Китайского народного университета, 2011. 275 с.
2. Ли Лянжун Введение в журналистику. 8-е изд. Шанхай: Издательство Фуданьского университета, 2023. 379 с.
3. Землянова Л.М. Коммуникативистика и средства информации: англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М.: Издательство Московского университета, 2004. 416 с.
4. Сунь Вэй Город как медиа: переосмысление коммуникативного значения // Журналистский университет. 2012. № 2. С. 41 – 47.
5. Чэнь Инфан Логика городского Китая. Пекин: Саньлянь шудянь, 2012. 485 с.
6. Кирия И.В., Новикова А.А. История и теория медиа: учебник для вузов. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. 423 с.
7. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2001. 656 с.
8. Фэй Сяотун Деревенский Китай. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2012. 185 с.
9. Пэн Лань Введение в интернет-коммуникацию. 4-е изд. Пекин: Издательство Китайского народного университета, 2017. 372 с.
10. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М.: Флинта; Наука, 2008. 263 с.
11. Система средств массовой информации России: учебное пособие для вузов / под ред. Я.Н. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2001. 259 с.

References

1. Guo Qingguang Course of Communication Theory. 2nd ed. Beijing: Renmin University of China Press, 2011. 275 p.
2. Li Liangrong Introduction to Journalism. 8th ed. Shanghai: Fudan University Press, 2023. 379 p.
3. Zemlyanova L.M. Communication Studies and Mass Media: An English-Russian Explanatory Dictionary of Concepts and Terms. Moscow: Moscow University Press, 2004. 416 p.
4. Sun Wei The City as Media: Rethinking the Communicative Meaning. Journalism University. 2012. No. 2. P. 41 – 47.
5. Chen Yingfang The Logic of Urban China. Beijing: Sanlian shudian, 2012. 485 p.
6. Kiriya I.V., Novikova A.A. History and Theory of Media: A Textbook for Universities. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2017. 423 p.
7. Pocheptsov G.G. Communication Theory. Moscow: Refl-book; Kyiv: Vakler, 2001. 656 p.
8. Fei Xiaotong, Rural China Beijing: Peking University Press, 2012. 185 p.
9. Peng Lan Introduction to Internet Communication. 4th ed. Beijing: Renmin University Press, 2017. 372 p.
10. Dobrosklonskaya T.G. Medialinguistics: A Systems Approach to the Study of Media Language: Contemporary English Media Speech. Moscow: Flinta; Nauka, 2008. 263 p.
11. The Russian Mass Media System: A Textbook for Universities. edited by Ya. N. Zasursky. Moscow: Aspect Press, 2001. 259 p.

Информация об авторах

Цян Цици, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, qiang2139903570@163.com

Матвиенко В.В., кандидат филологических наук, доцент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, matvienko-vv@rudn.ru

© Цян Цици, Матвиенко В.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.352.3
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-164-169

О вариативности фразеологических единиц в адыгейском языке

[1] Тугуз Г.Т.

[1] Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева

Аннотация: вопросы вариативности во фразеологической системе любого языка является достаточно сложной проблемой. Статья посвящена изучению вариантности фразеологических единиц в адыгейском языке. В работе представлен анализ специфики вариантных фразеологических единиц с глагольными и субстантивными компонентами в адыгейском языке. Рассматривается реализация данных фразеологизмов в языке. Определяются их семантические особенности функционирования в исследуемом языке. Выявлено, что наибольшее распространение имеют глагольные вариантные формы. Полученные результаты позволяют глубже понять семантическое богатство фразеологических единиц. Могут применяться в практике перевода художественных текстов. Эти фразеологические варианты при структурной разновидности одного и того же выражения, имеют полное образное тождество.
Вариантность есть необходимое свойство языковой системы. Она отражает способность языка к изменению и развитию.
Ключевые слова: фразеологическая вариантность, адыгейский язык, субстантивная вариантность, глагольная вариантность, семантика адыгейских фразеологизмов

Для цитирования: Тугуз Г.Т. О вариативности фразеологических единиц в адыгейском языке // Современный ученый. 2026. № 10. С. 164 – 169. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-164-169

Поступила в редакцию: 14 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

On the variability of phraseological units in the Adyghe language

[1] Tuguz G.T.

[1] Adyghe Republican Institute of Humanitarian Research named after T.M. Kerashev

Abstract: the issues of variability in the phraseological system of any language is a rather difficult problem. The article is devoted to the study of the variation of phraseological units in the Adyghe language. The paper presents an analysis of the specifics of variant phraseological units with verbal and substantive components in the Adyghe language. The implementation of these phraseological units in the language is considered. Their semantic features of functioning in the studied language are determined. It is revealed that the verb variant forms are the most widespread. The results obtained allow for a deeper understanding of the semantic richness of phraseological units. They can be used in the practice of translating literary texts. These phraseological variants, with a structural variety of the same expression, have a complete figurative identity.
Variation is a necessary property of the language system. It reflects the language's ability to change and develop.
Keywords: phraseological variability, the Adyghe language, substantive variability, verb variability, semantics of Adyghe phraseological units

For citation: Tuguz G.T. On the variability of phraseological units in the Adyghe language. Modern Scientist. 2026. 10. P. 164 – 169. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-164-169

The article was submitted: May 14, 2026; Approved after reviewing: June 11, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Проблема вариативности фразеологизмов на современном этапе развития адыгейского языка относится к активно рассматриваемым проблемам адыгской фразеологии и исследуется в разных направлениях.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к изучению вариативности фразеологических единиц в современной лингвистике, а также и проблемой вариантности языковой культуры адыгов.

Цель данной работы заключается в изучении вариантных фразеологических единиц с субстантивными и глагольными компонентами в адыгейском языке, репрезентирующих различные действия, состояния, черты характера человека, в установлении семантических особенностей функционирования исследуемых фразеологизмов в адыгейском языке. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1) выявить и описать вариантные фразеологические единицы в адыгейском языке;

2) классифицировать фразеологические единицы по количеству варьируемых форм;

3) выявить семантические особенности вариантных фразеологических единиц в современном адыгейском языке.

Материалы и методы исследований

Для решения задач используется ряд методов лингвистического анализа: описательный метод, метод контекстуального анализа, метод семантического анализа.

Научная новизна работы состоит в том, что на основе всестороннего анализа фактического материала выявлены и охарактеризованы вариантные фразеологические единицы с субстантивными и глагольными компонентами и классифицированы по группам, установлена их продуктивность.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в теоретических курсах по фразеологии современного адыгейского языка, в создании фразеологических словарей, учебных пособий, учебников по адыгейскому языку.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в сопоставительном изучении данной проблематики на материале разноструктурных языков.

Результаты и обсуждения

Проблемой исследования фразеологической вариантности в языке занимались зарубежные и отечественные ученые: Н.Ф. Алефиренко, Ш. Балли, В.Г. Гак, К.С. Горбачевич, Е.И. Диброва, А.В. Жуков, В.П. Жуков, Т.Н. Федуленкова, Н.М. Шанский, А.А. Шаов, Е.И. Шендельс, Р. Эккерт.

Данную проблему исследуют также в своих работах Б.С. Шварцкопф [12] и Э.Х. Жураев [5].

«Фразеологическая вариантность» – спорный в применении к случаям лексической замены компонентов фразеологизма» [2]. По мнению К.С. Горбачевича, «вариантность – объективное следствие языковой эволюции, непременный атрибут живого литературного языка» [3]. «Варианты фразеологического оборота – это его лексико-грамматические разновидности, тождественные по значению и степени семантической слитности. Различия вариантов фразеологизма могут быть большими или меньшими, однако они не должны нарушать тождества фразеологизма как такового» [11].

В.М. Солнцев отмечает, что «вариативность – это не просто изменчивость, но такая изменчивость, или модификация, которая не ведёт к появлению новой сущности. Вариативность, таким образом, предполагает и изменчивость, и постоянство, выступает как единство изменчивого и постоянного» [6]. По мнению А. В. Жукова, «вариативность (вариантность) относится к числу фундаментальных свойств языковых единиц, являясь необходимым атрибутом развития языка, становления, закрепления и изменения его норм» [4]. Вслед за учеными мы отмечаем, что «когда во фразеологической единице один из компонентов заменяется другим или же происходят изменения в структуре одного из компонентов, а эти изменения не образуют новое слово и не меняют смысловое значение фразеологизма, в таком случае можно говорить о появлении вариантов» [7].

Т.Н. Федуленкова отмечает, что «вариантности подвержены свыше трети изучаемых фразеологизмов, причем наиболее распространенной из них, является глагольная вариантность» [10]. Это подтверждает и фактический материал адыгейского языка.

Фразеология обнаруживает разнообразие фразеологических вариантов, не всегда функционально адекватных [1].

Вариантность фразеологических единиц в плане содержания ученые связывают с полисемией фразеологизмов [9].

Вариантность является характерной чертой большого количества фразеологических единиц современного адыгейского языка. В «Фразеологический словарь адыгейского языка» Ю.А. Тхаркахо [8] включены вариантные фразеологизмы. В данном лексикографическом источнике нами выявлено 270 фразеологических единиц с вариантами, из них 190 фразеологизмов с глагольной вариантностью, 94 фразеологизма с субстантивной вариантностью.

В адыгейском языке примерами варьирования глагольных компонентов в составе фразеологизмов могут быть следующие единицы языка: *нэкIэ гъэкIотэн (дэкIотэн)* (букв.: глазом отодвинуть (проводить) «посмотреть вслед кому-л.», *нэпчы ифэн (шIын)* (букв.: придирке упасть; поместиться (сделать)) «пристать, придраться к кому-л.»; *пчэгум ихьан (илъхьан)* (букв.: на середину вынести (положить) «рассказать всем что-л.»; *нэпсыр къэкIон (къечъэн)* (букв.: слезе прийти (прибежать) «быть готовым расплакаться» и т.д. Количество глагольной вариантности позволяет выявить следующие группы вариантов рассматриваемых фразеологизмов соответственно количеству варьирующихся глагольных компонентов:

1) двухвариантные фразеологизмы: *нэр рехьакIын (редзэкIын)* (букв.: глаз отнести (отбросить) в сторону) «отвести взгляд», *нэхэр укъыных (зэкIэкъыных)* (букв.: глаза разинуть (раскрыть)) «удивиться, изумиться», *нэр тедыкъагъэу (тедыягъэу)* (букв.: застыв (затвердев) глаз) «пристально смотреть», *нэр тедыкъэн (тедыен)* (букв.: глазу застыть (затвердеть) «уставить глаза на кого-что-л.» и т.д.

Ащ фэдизэу пшъашъэхэм гъэшIэгъонэу алъэгъугъэу анэ зытедыягъэр, апэрэмкIэ Шумафэ къыгурыIуагъэп, нэужым гу зылъетэм, ежьым гъэшIэгъон фырикъоу ынэ тедыягъ (КIэращ. Типшъашъэхэр). «Сначала Шумаф не понял, что такого интересного увидели девушки, на что они уставились глазами, а когда он заметил, то сам с интересом уставился глазами на это».

ГъэшIэгъоныбэ зэрылъ Iалъмэкъым
Тэтэжъэу щытым ынэ тедыкъэ (Жанэ. Стиххэр).
«На сумку с множеством интересных вещей
Стоящий рядом дедушка начал пристально смотреть» и т.д.;

2) трехвариантные фразеологизмы: *нэкIэ ылIыным (ышхыным, рикIыным) фэдэу* (еплъын) (букв.: словно глазами заколоть (пожирать, повалить)) (смотреть) «посмотреть гневно», *нэгур зэблэхъун (зэокIын, зэхъокIын)* (букв.: лицу поменяться (измениться, преобразоваться) «перемениться в лице из-за кого-чего-л.», *нэр тегъэдыкъэн (тегъэдыен, тегъэнэн)* (букв.: глазу застыть (затвердеть, застрять) «уставить глаза на кого-что-л., пристально смотреть на кого-что-л.». *Адрэ унэмэ анахьыбэрэ ЦIыкIужъые ащ дэплъые: «Мохэр арынхэ фае МэлэIичэт иунэ шъхьаныгъупчъэхэр» ащ ыгукIэ еIошъ, люстрэ плъыжьэу пэIухъом къыхэщырэмэ ынэхэр атырегъэдыкъэх* (Iэшъын. ЗэфакIу). «Цикужий больше сморит на этот дом, чем на остальные: «Наверно, вот эти окна Мелеичет» говорит он про себя, и начинает пристально смотреть на красную люстру, выделяющуюся через шторы». *ЫIужыпкъэм Саидэ, зэщыоу хэщэтыкIи, ышъхьэ къыпхъотагъ, жъуагъохэр зэрыпхъэгъэ ошъогум ынэ тыригъэдыйи, гупшысэм хэтэу къыIуагъ* (КIэращ. Типшъашъэхэр). «Напоследок Саида, вздохнув, резко подняла голову на небо, усыпанное звездами, уставившись глазами, задумавшись, сказала». *Папиросыр ыжэ дигъани, сырнычымкIэ хигъэнагъ, зэпымыоу зытIо-зыщэ зыIуищагъ, бзылъфыгъэм къыIощтым къежэу ынэхэр къытыригъэнагъ* (Лъэустэн. Къушъхьэр къэнэфы). «Сигареты взял в рот, зажег спичкой, не останавливаясь, сделал две-три затяжки, ожидая, что скажет женщина, уставился глазами на неё» и т.д.

3) многовариантные фразеологизмы: *гум джэнджэш къигъэхьан (къигъэтэджэн, идзэн, етын)* (букв.: в сердце сомнению, колебанию заставить зайти (встать, бросить, дать) «дать повод сомневаться кому-л.», *нэгур (нэжгъыр, нахэр)* зэIэкIыжьын *(зэIихыжьын, зэхэкIыжьын)* (букв.: лицу (взгляду, роже) растянуться (привести в порядок, разойтись) «повеселеть, развеселиться, прийти в хорошее настроение», *нэгур (нэжгъыр, нахэр) зэхэгъэхьэгъэн (зэIэгъэхьэгъэн, зэхэгъэштэогъэн)* (букв.: лицу (взгляду, роже) собираться (сморщиваться, бывать в беспорядке) «бывать мрачным, хмурым». *ЫIужыпкъэм Батырбый ыбзэгу пшъыгъэ фэдэу къызэтеуцуагъ, тхьагъэпцI мэшIуачэхэр ынэмэ ащыджэгоу, ау ежь ынэгу зэхэгъэхьагъэу*

ябгэу Сасэ къеплъи къеупчIыгъ (КIэращ. Типшъашъэхэр). «Напоследок Батырбий приостановился, словно у него язык устал, как бы хитрые искорки играли в его глазах, но сам мрачный и злой посмотрел на Сасу и спросил». *Аслъанбэч ынэгу кIаплъэ зыхъукIэ, Снежинкэ ынэгу къыкIэуцох советскэ цIыфхэу зынэгу зэхэгъэштэуагъэмэ пхъэшагъэр, пытагъэр къызкIэщхэрэр* (Кощбай. Къэгъэгъэ шъоф). «Когда Асланбечу заглядывает в лицо, у Снежинки предстают перед глазами хмурые советские люди, на лицах которых видна строгость и твердость». *А зы нэпIэ къедзыхыгъом Исмахьилэ, исэмэркъэу щхыпцIи Iузыжьи, хьакIэ-къокIэ нэгоу ынэгу къызэIэхьагъ, къапхъуи, бэщэр IэкIиутыгъ* (КIэращ. Насыпым игъогу). «Многовенно у Исмахиля пропала улыбка, и он помрачнел как зверь, схватив, выбил палку из его рук» и т.д.

Анализ рассматриваемых фразеологизмов показывает, что варьированию подвергаются и субстантивные компоненты *нэгур (нэжгъыр, нахэр),* но в количественном отношении преобладает варьирование глагольных компонентов.

В адыгейском языке субстантивную вариативность можно рассмотреть следующими примерами: 1) двухвариантные фразеологизмы – *шъхьэм жьы (жьыбгъэ) ит* (букв.: в голове воздух (ветер) стоит) «легкомысленный, ветреный», *шъхьэпхэтыкур (кIыбыр) фэгъэзэн* (букв.: затылок (спину) повернуть) «проявлять безразличие или пренебрежение», *шъыпкъэ (шъыпкъагъэ) фыриIэн* (букв.: истину, правду (правдивость, верность) иметь) «быть преданным, верным». *Ау шъыпкъэ фытиIэн фае* (Лъэустэн. Къушъхьэр къэнэфы). «Но мы должны быть преданными ей». *Ау щыIэкIэ гъогоу зытехьагъэхэм шъыпкъагъэу фыряIэм фэдэу, пытагъэ фыряIэжьышъугъэп* (КIэращ. Типшъашъэхэр). «Но в них не хватило твердости такой, как и преданности, жизненной дороге, по которой они пошли и т.д.;

2) трехвариантные фразеологизмы – *нэгур (нэжгъыр, нахэр) зэхэхьан* (букв.: лицу (взгляду, роже) собраться) «помрачнеть», *бзэгупэм (бзэгум, IупшIэм) ецэкъэжьын* (букв.: кончик языка (язык, губы) укусить) «сожалеть о сделанном, о сказанном», *ышъхьэшыгу (ышъхьашъо, ышъхьэ) ихын* (букв.: его темя (кожа головы, голову) вынести) «рассказать», «сказать открыто», «сделать открытым, известным что-то скрытое». *Даур игушIуагъо ышъхьэшыгу къырихыгъ* (Iэшъын. Аштрам). «Даур рассказал о своей радости». *Чэчани иморад ышъхьашъо къырихыгъ* (Iэшъын. ЗэфакIу). «Чэчан тоже рассказал о своих намерениях». *Къаубытыгъэр зыфэдэм ышъхьэ рихи, къэмыкIомэ мыхъунэу етIани лъигъэкIуагъ* (КIэращ. Насыпым игъогу). «Он сказал, кого задержали, передал, что необходимо прийти, и затем отправил за ним»;

3) многовариантные фразеологизмы: *чапычэуи (чапычитфэуи, чапыч ныкъоуи, чапыч нэшъоуи, къэбарэуи) зэхэмышIэн (имыдзэн)* (букв.: как копейку (пять копеек, полкопейки, слепую копейку, легенду) не воспринимать (не признавать)) «не признавать кого-что-л., ни в грош не ставить кого-л., не обращать внимания на кого-что-л.». *Борэ къыраIуагъэм фэдэ тIокI раIоми, имыхьакъ тыралъхьэми чапычэуи къыридзэрэп* (Iэшъын. Аштрам). «Бора не обращает внимания даже, если ему говорят в двадцать раз больше, чем сказали сейчас». *Ащ ыужи пчъагъэрэ милициер къысэджагъ. Мариет есэжьыгъэшъ, чапычытфэуи зэхишIэжьырэп* (Пэнэшъу. УпыкIын ащ, сиблагъэ). «После этого меня еще несколько раз вызывали в милицию. Мариета уже привыкла, она уже не обращает внимания». *Къыпщыщынэмэ, цIыфыр къыпщыукIытэщт, армырмэ чапыч нэшъоуи уыкъыридзэщтэп* (ЦуукI. Апэрэ гъатх). «Если боится человек тебя, то будет и стесняться, иначе не будет ни в грош ставить». – *ЗэрэхъурэмкIэ, яIэбжъэнакIи сырапэсырэп, нэузырэу зытеслъхьажьыгъэр къэбарэуи къырадзэрэп* (МэщбашI. Бзыикъо зау). «Получается, я им и в подмётки не гожусь, обет, который я взял, они не признают». Из 270 анализируемых фразеологических единиц выявлен один многовариантный фразеологизм с субстантивным компонентом. В данных фразеологизмах субстантивный компонент приводится разными лексическими единицами *чапычэуи* (копейка) и *къэбарэуи* (весть, рассказ), но в составе фразеологических единиц выражают одно значение.

Рассматриваемые фразеологизмы по семантическим признакам можно разделить на две группы: 1) фразеологизмы, выражающие положительные значения: *нэр тегъэдыкъэн (тегъэдыен, тегъэнэн)* «уставить глаза на кого-что-л., пристально смотреть на кого-что-л.», *нэгур (нэжгъыр, нахэр)* зэ*IэкIыжьын (зэIихыжьын, зэхэкIыжьын)* «повеселеть, развеселиться, прийти в хорошее настроение», *шъыпкъэ (шъыпкъагъэ) фыриIэн* «быть преданным, верным» и т.д.

2) фразеологизмы, выражающие отрицательные значения: *нэкIэ ылIыным (ышхыным, рикIыным) фэдэу* (еплъын) «посмотреть гневно», *чапычэуи (чапычитфэуи, чапыч ныкъоуи, чапыч нэшъоуи, къэбарэуи) зэхэмышIэн (имыдзэн)* «не признавать кого-что-л., ни в грош не ставить кого-л., не обращать внимания на кого-что-л.», *шъхьэпхэтыкур (кIыбыр) фэгъэзэн* «проявлять безразличие или пренебрежение» и т.д.

Анализ материала показывает преобладание вариантных фразеологизмов с отрицательной семантикой. Это можно объяснить тем, что человек острее реагирует на негативные действия, состояния, качества.

Субстантивные многовариантные фразеологизмы менее распространены в адыгейском языке по сравнению с глагольными многовариантными фразеологическими единицами, что показывает анализ рассмотрен-

ных фразеологических единиц адыгейского языка. В адыгейском языке адъективная и адвербиальная вариантность встречается гораздо реже.

Выводы

Способность к варьированию компонентного состава фразеологической единицы является одной из ее специфических свойств в языке. В современном адыгейском языке наиболее часто встречаются фразеологические единицы с лексической заменой компонентов, но фразеологической единице присущи все явления вариантности, характерные для отдельных слов, например, фонетического, морфологического или словообразовательного характера. В адыгейском языке, как и в других языках в составе компонентов фразеологизма слово может употребляться то в одном, то в другом своем варианте, но при этом должны выражать одно и то же значение.

В адыгейском языке варьированию подвергаются и субстантивные и глагольные компоненты, образуя двухвариантные фразеологизмы, трехвариантные фразеологизмы, многовариантные фразеологизмы.

Рассмотренные фразеологические варианты показывают, что в художественных текстах имеют место замены компонентного слова фразеологизма, внешние и внутренние морфологические преобразования фразеологизмов, расширение компонентного состава. Подобные фразеологические варианты отличаются незначительными семантическими или стилистическими оттенками. Это отличие носит эмоционально-экспрессивную окраску. Таким образом, данные фразеологические варианты при структурной разновидности одного и того же выражения, имеют полное образное тождество.

Вариантность является необходимым свойством языковой системы, отражающей способность языка к изменению и развитию.

Таким образом, в адыгейском языке вариантность фразеологических единиц позволяет расширять фразеологический фонд языка, способствует развитию языкового разнообразия и богатства средств выражения. Фразеологический состав языка, как и сам язык, подвержен изменениям, т.е. находится в постоянном развитии.

Список источников

1. Алибекова Д.М. Стилистически значимая вариантность фразеологизмов в английском и русском языках // Современный ученый. 2025. № 7. С. 7 – 11.

2. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970. 261 с.

3. Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978. 238 с.

4. Жуков А.В. Вариантная парадигма и вариативное пространство фразеологизма // Art Logos (Искусство слова). Санкт-Петербург, 2022. № 2 (19). С. 83 – 91.

5. Жураев Э.Х. Норма во фразеологии и ее кодификация в словарях (на материале немецкого, узбекского и русского языков): автореф. … учен. степ. канд. филог. наук. Ташкент, 1991. 8с.

6. Солнцев В.М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. М., 1984. № 2. С. 31 – 42.

7. Тугуз Г.Т. Вариантность фразеологических единиц с глагольным компонентом в адыгейском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Серия «Языкознание». Тамбов, 2019. Т. 12. № 3. С. 253 – 257.

8. Тхаркахо Ю.А. Фразеологический словарь адыгейского языка. Майкоп, отд. кн. изд., 1980. 200 с.

9. Урманчеева И.С. Явления комплексного варьирования печорских и общерусских фразеологических единиц // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2022. № 3. С. 58 – 71.

10. Федуленкова Т.Н. Вариантность фразеологических единиц с компонентом go в современном английском языке // Актуальные проблемы английской филологии: сб. науч. тр. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2002. С. 110 – 125.

11. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. Санкт-Петербург: Специальная литература, 1996. 192 с.

12. Шварцкопф Б.С. Морфологическая норма фразеологической единицы и вариантность // Литературная норма в лексике и фразеологии. Москва: Наука, 1983. С. 158 – 173.

References

1. Alibekova D.M. Stylistically significant variation of phraseological units in English and Russian. Modern scientist. 2025. No. 7. P. 7 – 11.

2. Babkin A. M. Russian phraseology, its development and sources. L., 1970. 261 p.

3. Gorbachevich K. S. Word variation and language norm. L., 1978. 238 p.
4. Zhukov A.V. Variant paradigm and variable space of phraseological units. Art Logos (Art of the Word). St. Petersburg, 2022. No. 2 (19). P. 83 – 91.
5. Zhuraev E.Kh. Norm in phraseology and its codification in dictionaries (based on the material of German, Uzbek and Russian languages): abstract. … sci. dep. cand. philological sciences. Tashkent, 1991. 8 p.
6. Solntsev V.M. Variability as a General Property of the Language System. Voprosy yazykoznaniya [Problems of Linguistics]. Moscow, 1984. No. 2. P. 31 – 42.
7. Tuguz G.T. Variation of Phraseological Units with a Verb Component in the Adyghe Language. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. Series "Linguistics". Tambov, 2019. Vol. 12. No. 3. P. 253 – 257.
8. Tkharkakho Yu.A. Phraseological Dictionary of the Adyghe Language. Maikop, separate book ed., 1980. 200 p.
9. Urmancheeva I.S. Phenomena of Complex Variation of Pechora and Common Russian Phraseological Units. Bulletin of Syktyvkar University. Humanitarian Sciences Series. 2022. No. 3. P. 58 – 71.
10. Fedulenkova T.N. Variation of Phraseological Units with the Component "go" in Modern English. Actual Problems of English Philology: Collection of scientific papers. Moscow: Moscow Pedagogical State University, 2002. P. 110 – 125.
11. Shansky N.M. Phraseology of the Modern Russian Language. St. Petersburg: Special Literature, 1996. 192 p.
12. Schwarzkopf B.S. Morphological Norm of a Phraseological Unit and Variation. Literary Norm in Lexicon and Phraseology. Moscow: Nauka, 1983. P. 158 – 173.

Информация об авторе

Тугуз Г.Т., Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, tuguz.71@mail.ru

© Тугуз Г.Т., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 659.4
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-170-181

Коммуникационные стратегии продвижения винодельческого рынка Нового Света

[1] Яблонских А.В.

[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: в статье рассматриваются публичные коммуникации (PR) и маркетинговые стратегии как доминирующие инструменты продвижения вин Нового Света – США, Австралии, Новой Зеландии и Чили. Анализируются теоретические основы PR в винной индустрии, исторические прецеденты формирования репутации, региональный брендинг, инфлюенсер-коммуникации, кризисные стратегии и нарративные технологии конструирования идентичности. Эмпирическую базу составили рецензируемые статьи в Journal of Wine Economics, Journal of Wine Research, Journal of Rural Studies, International Journal of Wine Business Research, Journal of Hospitality and Tourism Management, Heliyon и др., а также отраслевые публикации и диссертационные работы. Применён комплекс методов: анализ научной литературы, кейс-анализ задокументированных коммуникационных практик (Robert Mondavi Winery, Experience Sonoma Valley, Casella Wines / Yellow Tail, Cloudy Bay, Appellation Marlborough Wine, Concha y Toro / Casillero del Diablo), сравнительный анализ американских, австралийских, новозеландских, чилийских и российских коммуникационных моделей. Показано, что коммуникационные стратегии стран Нового Света опираются на схожий набор инструментов – построение коллективной региональной репутации, нарративное конструирование терруара и национальной идентичности, ставка на устойчивость и доступность – но различаются по уровню институциональной координации и по балансу между корпоративными и национальными PR-усилиями. Сравнительный анализ с российскими исследованиями показал воспроизведение базовых механизмов и в условиях российского винного рынка.

Ключевые слова: коммуникационные стратегии, винодельческий рынок Нового Света, PR-коммуникации, региональный брендинг, кризисные коммуникации, инфлюенсер-маркетинг, терруар, устойчивость

Для цитирования: Яблонских А.В. Коммуникационные стратегии продвижения винодельческого рынка Нового Света // Современный ученый. 2026. № 10. С. 170 – 181. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-170-181

Поступила в редакцию: 14 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Communication strategies for promoting the New World wine market

[1] Yablonskikh A.V.

[1] Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: the article examines public relations (PR) and marketing strategies as the dominant tools for promoting New World wines – the United States, Australia, New Zealand, and Chile. The theoretical foundations of PR in the wine industry, historical reputation-building precedents, regional branding, influencer communications, crisis strategies, and narrative technologies for identity construction are analyzed. The empirical base includes peer-reviewed articles published in Journal of Wine Economics, Journal of Wine Research, Journal of Rural Studies, International Journal of Wine Business Research, Journal of Hospitality and Tourism Management, Heliyon and others, as well as industry publications and dissertations. A set of methods is applied: analysis of scientific literature, case analysis of documented communication practices (Robert Mondavi Winery, Experience Sonoma Valley, Casella Wines / Yellow Tail, Cloudy Bay, Appellation Marlborough Wine, Concha y Toro / Casillero del Diablo), comparative analysis of American, Australian, New Zealand, Chilean and Russian communication models. It is shown that the communication strategies of New World countries rely on a similar set of tools – building collective regional reputation, narrative construction of terroir and national identity, emphasis on sustainability and accessibility – but differ in the level of institutional coordination and in the balance between corporate and national PR efforts. A comparative analysis with Russian research shows the reproduction of basic mechanisms in the context of the Russian wine market as well.
Keywords: communication strategies, New World wine market, PR communications, regional branding, crisis communications, influencer marketing, terroir, sustainability

For citation: Yablonskikh A.V. Communication strategies for promoting the New World wine market. Modern Scientist. 2026. 10. P. 170 – 181. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-170-181

The article was submitted: May 14, 2026; Approved after reviewing: June 11, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

К странам Нового Света в международной винной классификации относятся производители за пределами исторических европейских ареалов виноделия – США, Австралия, Новая Зеландия, Чили, Аргентина, ЮАР. Соединённые Штаты являются крупнейшим винным рынком мира по объёму розничных продаж, а Калифорния обеспечивает около 94% внутреннего производства страны [21]. В условиях насыщенного рынка, на котором функционируют более 10 000 виноделен, вопрос о том, как отдельная компания или целый регион выстраивает долгосрочную репутацию в медиапространстве, приобретает первостепенное значение.

Особенность стран Нового Света заключается в отсутствии многовековых апелласьонных систем и устойчивых культурных стереотипов о происхождении вина, доминирующих в потребительском сознании. Это создаёт принципиально иную коммуникационную задачу: их виноделие в каждом отдельном случае нуждается в выстраивании репутации «с нуля» – через систематическую PR-, маркетинговую и нарративную деятельность. Систематический библиометрический обзор Биглиарди, Филиппелли, Петрони и Тальенте, охвативший 1135 публикаций по винному маркетингу в Web of Science и Scopus за 1990-2022 годы, фиксирует выраженный рост научного интереса к темам устойчивости, цифровых коммуникаций и винного туризма как ключевым направлениям современного винного маркетинга [8].

Легендарный калифорнийский винодел Роберт Мондави в предисловии к отраслевому руководству по PR-практике сформулировал принципиальный тезис: «Как только нам удалось достичь качества, программы по связям с общественностью и публичность стали решающими факторами в том, чтобы рассказать миру о наших винах… В моём понимании, связи с общественностью – после качества вина – остаются наиболее важным фактором успеха винодельни» [21]. Это высказывание фиксирует ключевую особенность отрасли: PR здесь не дополняет маркетинг, а предшествует ему, формируя почву доверия и культурной легитимности.

Разграничение между PR и маркетингом в винной индустрии США имеет как концептуальное, так и практическое измерение. По определению Общества специалистов по связям с общественностью Америки (PRSA), PR – это «стратегический коммуникационный процесс, выстраивающий взаимовыгодные отношения между организациями и их аудиторией» [21]. Применительно к виноделию это означает построение долгосрочной репутации бренда или региона, а не непосредственное стимулирование продаж.

В профессиональном сообществе США принято считать, что wine PR – это не отдельная специализация, а применение универсальных PR-компетенций к специфике алкогольной отрасли. Вместе с тем отрасль имеет принципиальное отличие от большинства других секторов: вино – это «высококовлечённый продукт» с сильной эмоциональной и культурной составляющей, что создаёт особые возможности для нарративных коммуникационных форматов [21].

Исследователи разграничивают PR и маркетинг в первую очередь по временно́му горизонту и природе воздействия: маркетинг управляет транзакционными отношениями (цена, дистрибуция, краткосрочный спрос), тогда как PR управляет репутацией – совокупностью устойчивых когнитивных и эмоциональных ассоциаций, накапливаемых публикой в течение длительного времени. В винной индустрии этот разрыв особенно принципиален: регуляторные ограничения на рекламу алкоголя в США, России и большинстве европейских стран означают, что многие задачи, в других секторах решаемые с помощью прямой рекламы, в виноделии выполняются именно через PR-каналы [1, 21, 24].

Актуальность исследования определяется тем, что в условиях нормативных ограничений на рекламу алкогольной продукции именно коммуникационные стратегии превращаются в основной легальный инструмент брендинга винной индустрии. Цель статьи – систематизировать коммуникационные инструменты, применяемые в винодельческой индустрии стран Нового Света (США, Австралия, Новая Зеландия, Чили), и показать их связь с формированием репутации на уровне отдельного производителя и регионального/национального кластера, а также сопоставить полученные результаты с тенденциями, фиксируемыми российскими исследователями.

Материалы и методы исследований

Источниковая база исследования сформирована из трёх уровней публикаций.

Первый уровень составили рецензируемые академические работы из ведущих международных журналов по экономике вина, рурал-стадиз, гостеприимству, маркетингу и менеджменту: Journal of Wine Economics, Journal of Wine Research, Journal of Rural Studies, International Journal of Hospitality Management, International Journal of Wine Business Research, Journal of Hospitality and Tourism Management, Journal of Management Studies, Journal of Business Research, Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity, Journal of Consumer Marketing, British Food Journal, EchoGéo, The Geographical Journal, Heliyon, Journal of Vacation Marketing. Привлечены также рабочие материалы Американской ассоциации винных экономистов (AAWE Working Papers) и монографические работы по стратегическому менеджменту [19].

Второй уровень составили специализированные отраслевые публикации и руководства по wine PR и винному маркетингу: книга Х. Посерта и П. Фрэнсона «Spinning the Bottle Again» (2012) [23], отраслевая публицистика «Palate Press» [26], аналитический отчёт «State of the US Wine Industry 2026» Silicon Valley Bank [25], материалы национальных маркетинговых организаций (Wine Australia, New Zealand Winegrowers, Wines of Chile / ProChile, Appellation Marlborough Wine), а также диссертационная работа Т. Кохреидзе [21], посвящённая wine PR.

Третий уровень – российские академические и отраслевые публикации в журналах «Научный диалог» [4], «Коммуникология» [6], «International Journal of Humanities and Natural Sciences» [2], «Научный Лидер» [1], материалы исследовательской секции «Коммуникационные стратегии и инструменты бизнес-PR» СПбГУ (2024) [3], а также отраслевые источники по управлению репутацией алкогольных брендов [5].

Хронологический охват изученных публикаций – с 2005 по 2026 год; при этом отдельные исторические события (например, «Суд в Париже» 1976 года, запуск Cloudy Bay в 1985 году, выявление подлинной идентичности сорта Carmenere в 1994 году, запуск бренда Yellow Tail в 2001 году) анализировались по позднейшим документальным источникам и архивным публикациям.

Применённые методы исследования: – анализ научной литературы – систематизация теоретических моделей коммуникаций в винной индустрии (двухуровневая репутация, концепция «воли к терруару», модель открытых инноваций, «стратегия голубого океана») [11, 18, 19, 22]; – кейс-анализ задокументированных коммуникационных практик (программа Robert Mondavi Winery; кампания Louis M. Martini Winery; стратегия Barefoot Wine; кризисная коммуникация Experience Sonoma Valley 2017; запуск и позиционирование Yellow Tail / Casella Wines; брендинг Cloudy Bay и Appellation Marlborough Wine; глобальные кампании

Concha y Toro / Casillero del Diablo) [19, 21, 23, 28]; – контент-аналитические данные из вторичных источников (исследование рекламы в Wine Spectator Тифенбахера на массиве 764 объявлений [27]; анализ оценок калифорнийских вин Костаниньо и соавторов на массиве 3847 наблюдений [12]; нетнографический анализ Инграссия и соавторов [18]; анализ Facebook-страниц 12 австралийских винных брендов Долан, Кондуит, Фейхи, Гудмена [13, 14]); – сравнительный анализ коммуникационных практик в винной отрасли четырёх стран Нового Света (США, Австралия, Новая Зеландия, Чили) и сопоставление их с российским опытом в условиях нормативных ограничений на рекламу алкоголя [1, 2, 3, 6].

Ограничение исследования состоит в том, что часть отраслевых данных представлена в форме экспертных публикаций и кейс-описаний, а не первичных эмпирических исследований; этот корпус привлекается в качестве источника фактических сведений о практике, но не теоретических обобщений.

Результаты и обсуждения

Двухуровневая репутация: производитель и регион. В академической литературе по экономике вина широко разрабатывается концепция двухуровневой репутации: репутации производителя (фирменной) и репутации региона (коллективной). Исследование Шрадера и Кнаппа, опубликованное в Journal of Wine Economics, показало, что виноградники Напа-Вэлли и Сономы с высокой собственной репутацией в ряде случаев начинают опираться на региональную репутацию, когда индивидуальный бренд достигает насыщения. Таким образом, коммуникационная стратегия производителя и коллективные PR-усилия региона находятся в отношениях взаимообусловленности, а не просто конкурируют за медиапространство [12, 24]. Костаниньо и соавторы на материале 3847 оценок калифорнийских вин из базы Wine Spectator показали, что для недорогих коммерческих вин именно коллективная региональная репутация является доминирующим детерминантом цены, тогда как для премиальных вин определяющей оказывается репутация конкретного производителя [12]. Этот вывод имеет прямые практические следствия для PR: усилия по продвижению региона (коллективный PR) и индивидуальные PR-усилия отдельной винодельни должны рассматриваться как взаимодополняющие, а не альтернативные стратегии. Эта теоретическая рамка применима ко всем рассматриваемым ниже национальным кейсам.

США: «Суд в Париже» 1976 года как PR-прецедент. Одним из наиболее показательных коммуникационных событий в истории американского виноделия остаётся слепая дегустация в Париже 24 мая 1976 года – так называемый Judgment of Paris. Мероприятие было организовано как рекламная акция английского торговца вином Стивена Спурье, который планировал провести сравнительную слепую дегустацию лучших французских и калифорнийских вин в присутствии авторитетных французских дегустаторов. Вопреки ожиданиям организатора, считавшего, что результат предрешён в пользу Франции, калифорнийские вина Напа-Вэлли заняли первые места как среди белых, так и среди красных [21]. Медиаэффект события оказался несопоставимо больше его масштаба: единственным американским журналистом, присутствовавшим на дегустации, был Джордж Тейбер из Time Magazine, и именно его публикация придала событию глобальное PR-измерение. Событие трансформировалось из локальной рекламной акции в глобальный репутационный поворот, который запустил «золотой век» высадки виноградников в Калифорнии. С точки зрения теории PR, «Суд в Париже» демонстрирует механизм, при котором нейтральный экспертный арбитраж (третья сторона) формирует репутацию значительно убедительнее, чем любое самостоятельное продвижение производителей. Именно независимость французских арбитров и слепой формат дегустации обеспечили «Суду» непрепарируемую публичную достоверность.

США: система AVA и региональный PR. Система американских виноградарских зон (American Viticultural Areas, AVA), созданная в 1980 году, функционирует принципиально иначе, чем европейские апелляции: она не регулирует методы виноделия, сорта винограда или урожайность, а лишь закрепляет географические границы, отличающиеся специфическими почвенно-климатическими характеристиками. Тем не менее именно AVA стала центральным инструментом коллективного PR, позволяя регионам конкурировать не только на уровне отдельных брендов, но и за счёт коллективной репутации происхождения. Исследование Гёкчекуса и Финнеган на материале 2221 оценки пино-нуар от Wine Spectator показало, что создание новых суб-AVA в орегонской Долине Уилламетт привело к достоверному росту регионального репутационного премиума и расширению ценово-качественного разрыва между суб-AVA и остальной территорией [17]. Этот результат свидетельствует о том, что сам факт регуляторного признания географической специфики – акт PR в смысле конструирования публичной идентичности места.

Терруар как коммуникативный конструкт. Концепция «воли к терруару» (will for terroir), предложенная Энриком Кастельо в Journal of Rural Studies, рассматривает терруар не как объективную природную данность, а как социокультурную конструкцию, встроенную в сторителлинговые практики. Автор выделяет

три ключевых этапа формирования терруара через коммуникацию: организационные нормы и взаимодействие стейкхолдеров; циркуляция PR-, маркетинговых и медиасообщений; значимый потребительский опыт, завершающий нарративный цикл. Применительно к американским AVA это означает, что коммуникационная деятельность ассоциаций виноделов – не вспомогательная активность, а конституирующий элемент самого понятия регионального происхождения [11]. Тифенбахер, исследовав 764 рекламных объявления в американском журнале Wine Spectator за два года, показал, что около 66% из них содержали географические отсылки, причём место и ландшафт выступали как наиболее частотная смысловая категория. Это подтверждает тезис о том, что в американском виноделии коммуникация о происхождении занимает центральное место, превосходя по частоте апелляции к сортовым характеристикам или технологиям производства [27]. Брувер и Джонсон на материале онлайн-опроса 570 американских потребителей вина установили, что региональные брендинговые сигналы, информация и образы существенно влияют на оценку качества вина при сравнении этикеток, а добавление региональной информации практически без исключений повышало уверенность потребителей в качестве продукта [10].

США: медиарилейшнз и экспертное сообщество. Традиционная модель wine PR в США строится на системной работе с отраслевыми медиа: предоставлении пресс-пакетов с образцами вин, письмами-питчами и биографическими справками о производителях. Принципиальное отличие от других отраслей состоит в том, что большинство авторов, пишущих о вине, считают себя прежде всего журналистами и лишь во вторую очередь – знатоками вина: они ищут те же типы историй, что и общие медиа, – тренды, новостные поводы, интересных людей. Это означает, что эффективный wine PR работает не с продуктом, а с историей вокруг него [21]. Х. Посерт – PR-директор Robert Mondavi Winery на протяжении многих лет – и журналист П. Фрэнсон в книге «Spinning the Bottle Again» задокументировали ключевые PR-кейсы американской винной индустрии. В частности, PR-кампания для Louis M. Martini Winery в начале 1990-х годов показала, что значимые медиапубликации могут быть получены и в отсутствие «твёрдых новостей» – за счёт правильно сформулированного отраслевого тренда и предоставления журналистам «всех инструментов для хорошей истории» [23]. Публикации в специализированных изданиях (Wine Spectator, Wine Enthusiast, Wine Advocate) – наиболее влиятельный PR-инструмент формирования репутации в американском виноделии: оценки Роберта Паркера, присвоенные в 1980-х – 2000-х годах, буквально создавали или разрушали коммерческий успех производителей, формируя общественную повестку вне контроля самих виноделен.

США: инфлюенсер-коммуникации как новая модель PR. Эволюция wine PR в США в цифровую эпоху зафиксирована в профессиональных публикациях директора по коммуникациям Dry Creek Vineyard Билла Смарта: традиционная модель «если построишь – они придут» (работа с классическими медиа и сомелье) была радикально переосмыслена с приходом винных блогеров и социальных сетей. Принципиальные изменения заключались в следующем: блогер требует диалога, а не монологического питча; скорость публикаций перешла в режим постоянного новостного цикла; потребитель впервые получил голос в профессиональном дискурсе о вине [26]. Академическое исследование Инграссия и соавторов, опубликованное в Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity, применило нетнографический анализ, факторный анализ и AGIL-схему для изучения коммуникативной модели wine influencers (WI) в Instagram. Исследование показало, что вайн-инфлюенсеры функционируют как независимые сторонние агенты, выстраивающие взаимовыгодные отношения с производителями в рамках модели открытых инноваций: они генерируют доверие и экспертный статус, не будучи формально аффилированы с брендами [18]. С PR-точки зрения это означает, что работа с вайн-инфлюенсерами принципиально отличается от традиционного спонсорства или рекламы: речь идёт о выстраивании «взаимовыгодных отношений», при которых производитель предоставляет инфлюенсеру историю, доступ и образовательный контент, а инфлюенсер возвращает репутационный капитал в форме одобрения и охвата. Компания Barefoot Wine – ныне один из наиболее узнаваемых американских брендов – в середине 1980-х годов построила всю коммуникационную стратегию без рекламного бюджета, опираясь исключительно на сарафанное радио, cause marketing и взаимодействие с «ключевыми людьми влияния», задолго до того, как этот подход получил название инфлюенсер-маркетинга [21].

США: кризисные коммуникации (Сонома 2017). Один из наиболее документально подтверждённых кризисных PR-кейсов американского виноделия – управление репутацией Сономы после катастрофических лесных пожаров в Калифорнии осенью 2017 года. PR-агентство, ведущее аккаунт Experience Sonoma Valley, выстроило двухэтапную стратегию: первоначально – демонстрация того, что партнёры региона «открыты для посетителей» и ни одна из виноделен, отелей или ресторанов не пострадала; затем – перевод коммуникации от темы восстановления к ключевым дифференцирующим сообщениям, позиционирующим Сонома-

Вэлли как самостоятельный регион в отличие от Напа-Вэлли и округа Сонома. Конкретные тактики включали: личное письмо исполнительного директора Experience Sonoma Valley тысячам подписчиков; пресс-релиз «Пять причин посетить округ Сонома»; совместный медиа-фам-тур с участием телеведущего Тайлера Флоренса, приуроченный ко Дню благодарения. Этот кейс иллюстрирует принцип, сформулированный в теории кризисных коммуникаций: первоочередная задача в кризисе – восстановление «доверия к нормальности», а не апологетика или компенсация.

США: прозрачность и аутентичность. Современные тенденции в медиапространстве подталкивают виноделов к большей прозрачности. Исследование природы подлинности в индустрии люксовых вин Беверленда, опубликованное в Journal of Management Studies, показало, что 26 обследованных производителей стремились создать образ аутентичности через «искренний нарратив», объединяющий ручные техники, уникальность, связь с местом и отрицание коммерческих мотивов. Сохранение аутентичности коммуникации при этом требовало намеренного разрыва между технологическим ядром производства и декларируемыми PR-сообщениями [7]. Исследование Бонна и соавторов в International Journal of Hospitality Management продемонстрировало, что репутация вин из конкретных регионов существенно влияет на воспринимаемое качество продукта и готовность к платежу у потребителей. При этом факторы, формирующие региональную репутацию, включают не только объективные показатели качества, но и устойчивость медийных образов, ассоциированных с регионом, – то есть напрямую зависят от PR-деятельности отраслевых ассоциаций [9].

США: прямые продажи и устойчивость как коммуникационные каналы. По данным отчёта Silicon Valley Bank «State of the US Wine Industry Report 2026», дегустационные залы и клубы по подписке обеспечивают в среднем 53% продаж американских виноделен, а в отдельных регионах – до 78%. Это означает, что личный опыт посещения виноградника стал важнейшим коммуникационным инструментом: именно в момент прямого контакта с производителем формируются наиболее устойчивые репутационные ассоциации, которые впоследствии транслируются в пользовательские отзывы и рекомендации [25]. М. К. Гарсия-Кортихо и соавторы в British Food Journal (2024) показали, что винодельни, демонстрирующие реальную приверженность принципам устойчивого развития, проявляли проактивное поведение в период экономического кризиса – они инвестировали в инновации и коммуникацию, тогда как остальные производители замораживали расходы. Экологические практики (органическое и биодинамическое виноделие, управление водными ресурсами, углеродная нейтральность) превратились в значимый PR-аргумент, особенно в сегментах молодых потребителей и экспортных рынков, ориентированных на «зелёную» повестку [16].

Австралия: Yellow Tail и «стратегия голубого океана». Один из наиболее задокументированных в академической литературе кейсов коммуникационного позиционирования вин Нового Света – выход на американский рынок австралийского бренда [yellow tail] компании Casella Wines в июле 2001 года. Кейс получил детальное теоретическое осмысление в монографии У. Ч. Кима и Р. Моборн как образцовая иллюстрация концепции «голубого океана» – создания неконкурентного рыночного пространства [19]. Семья Кателла, итальянские эмигранты на юго-востоке Австралии, рассматривала перенасыщенный американский рынок вина и пришла к коммуникационно-стратегическому выводу: вместо того чтобы конкурировать с тысячами вин по традиционным параметрам (терруар, выдержка, сложность вкуса, престижность маркировки), бренд был спозиционирован как «весёлый, простой социальный напиток», обращённый к непотребителям вина — пьющим пиво, коктейли и готовые слабоалкогольные напитки [19]. Реализация этой коммуникационной модели включала: упрощение ассортимента до двух стартовых позиций (шардоне и шираз); ярко-жёлто-оранжевую этикетку с прыгающим кенгуру, контрастирующую с массой традиционных «винных» этикеток; одевание персонала розничных партнёров в стилизованную одежду «австралийского аутбэка»; полный отказ от рекламы в первый период выхода на рынок. При первоначальной цели в 25 000 кейсов в первый год бренд продал в девять раз больше; к концу 2005 года кумулятивные продажи достигли 25 миллионов кейсов, а [yellow tail] стал крупнейшим импортным винным брендом США, обогнав французские и итальянские [19]. С точки зрения коммуникационной теории, кейс Yellow Tail демонстрирует две принципиальные особенности австралийской модели брендирования вина: культурное сообщение «bold and laid back» как национальная идентификационная метка и приоритет доступности и эмоциональной открытости над иерархической сложностью традиционного винного дискурса.

Австралия: социальные медиа и коммуникационные ориентации. Австралийская винная индустрия стала площадкой одного из наиболее масштабных эмпирических исследований брендовых коммуникаций в социальных медиа. Р. Долан, Дж. Кондуит, Дж. Фейхи и С. Гудмен на материале анализа Facebook-страниц 12 австралийских винных брендов за 12 месяцев показали, что разные типы контента (информационный, развлекательный, ремунеративный, реляционный) приводят к существенно различным уровням пользова-

тельской вовлечённости [13]. Дальнейшее исследование Р. Долан и С. Гудмена, опубликованное в Journal of Hospitality and Tourism Management, выявило три типа коммуникационных ориентаций у южноавстралийских винных брендов в социальных медиа: ориентация на продажи, ориентация на потребителя и опытная (experiential) ориентация – каждая из которых вызывает у потребителей различные реакции, влияя на узнаваемость бренда, выстраивание отношений, восприятие индивидуальности бренда и оценку качества продукта [14]. Эти результаты эмпирически фиксируют сдвиг австралийской коммуникационной модели: от продуктоцентричной коммуникации к выстраиванию отношений и опыта – в полном соответствии с принципом, описанным американскими PR-специалистами применительно к работе с винными блогерами и инфлюенсерами.

Новая Зеландия: Marlborough Sauvignon Blanc как региональный бренд. Стремительный рост винной индустрии Новой Зеландии в значительной степени опирался на одну специфическую коммодити-форму – Marlborough Sauvignon Blanc. Этот тезис был детально проанализирован в работе Дж. Овертона и У.Е. Мюррея в The Geographical Journal: глобальный спрос на специализированный продукт обеспечил существенное региональное развитие, всё более сложную структуру индустрии и приток международного капитала [22]. Ключевую коммуникационную роль в формировании этого бренда сыграла винодельня Cloudy Bay, основанная в 1985 году в Wairau Valley австралийским виноделом Дэвидом Хоненом (уже владельцем винодельни Cape Mentelle в Margaret River, Австралия) совместно с виноделом Кевином Джаддом. Cloudy Bay был одним из первых пяти виноделен региона, а его дебютный Sauvignon Blanc 1985 года стал одной из самых влиятельных бутылок в истории новозеландского виноделия, утвердив Marlborough в качестве мирового референса для совиньона прохладного климата. Veuve Clicquot приобрёл контрольный пакет в 1990 году и завершил поглощение в 2003 году, после чего Cloudy Bay был интегрирован в портфель LVMH Moët Hennessy. Этот пример иллюстрирует механизм глобализации новозеландского коммуникационного капитала: бренд региона создаётся локально, но усиливается через ресурсы транснациональных люксовых конгломератов, что обеспечивает доступ к глобальной дистрибуции и люксовому позиционированию [22]. В 2018 году с целью защиты регионального бренда от размывания массовыми наливными поставками была учреждена ассоциация Appellation Marlborough Wine (AMW), включающая более 65 производителей. AMW сертифицирует не только происхождение, но и качество, и устойчивость производства – коммуникационный механизм, аналогичный американской логике AVA, но более жёсткий.

Новая Зеландия: устойчивость как национальный коммуникационный нарратив. Особенностью новозеландской коммуникационной модели стала исключительно высокая степень институционализации экологического нарратива. По данным индустриальной ассоциации New Zealand Winegrowers, около 94% площади виноградников страны сертифицировано в национальной программе устойчивости Sustainable Winegrowing New Zealand. Это позволяет ассоциации формулировать единое коммуникационное послание о «чистом, зелёном острове», объединяющее качество, экологию и национальную идентичность. Cloudy Bay в этом отношении выступает не только как корпоративный бренд, но и как член-основатель программы Sustainable Winegrowing New Zealand, что встраивает корпоративный нарратив в национальный. Так формируется характерная для новозеландского виноделия трёхуровневая коммуникационная архитектура: производитель – регион (Marlborough / AMW) – страна (New Zealand Winegrowers).

Чили: переход от bulk-модели к брендингу и нарратив Carmenere. Чилийская винодельческая индустрия совершила радикальную коммуникационную трансформацию в 2000-е годы: с традиционной модели массовых наливных поставок она перешла к бутилированию под собственным брендом и активному использованию географических указаний. В 2012 году отраслевая ассоциация ввела индустриальный стандарт устойчивости Sustentavid, через который индустрия теперь продвигает образ чилийских вин за рубежом [28]. Особое место в чилийской коммуникационной идентичности занимает сорт Carmenere. Изначально привезённый в Чили из Бордо в 1850-х годах, до 1860 года использовавшийся в бордоских ассамбляжах, в чилийских виноградниках он более ста лет ошибочно идентифицировался как Merlot. В 1994 году ДНК-анализ подтвердил, что значительная часть «чилийского Merlot» в действительности является Carmenere – сортом, практически утраченным в самом Бордо после филлоксеры. С коммуникационной точки зрения Carmenere – это не просто сорт, а нарративный инструмент конструирования национальной идентичности, способный сыграть для Чили ту же роль, что Malbec сыграл для Аргентины. Это полностью соответствует теоретической рамке Кастельо: терруар (и национальная идентичность вина) – социокультурная конструкция, создаваемая через коммуникацию [11].

Чили: глобальный брендинг и спонсорские коммуникации. На корпоративном уровне наиболее задокументированным кейсом глобальных коммуникаций является стратегия концерна Concha y Toro (долина Майпо) и его флагманского бренда Casillero del Diablo. В 2010 году Concha y Toro и английский футболь-

ный клуб Manchester United заключили соглашение о взаимном глобальном усилении брендов: TV-реклама и размещение бренда Casillero del Diablo на майках Manchester United стали примерами традиционных маркетинговых коммуникаций крупного чилийского производителя [28]. Параллельно на уровне отраслевой ассоциации Wines of Chile (под эгидой государственного агентства ProChile) реализуется долгосрочная коммуникационная стратегия, целью которой является переход «от фокуса на продукте к фокусу на опыте потребления»; целевыми рынками определены Бразилия, США и Китай, а коммуникационный микс комбинирует высокоохватные медиа с контентными форматами. Академическая работа Х.П. Торреса и М.Х. Кунча, опубликованная в Journal of Wine Research, на материале 69 традиционных чилийских винодельческих фирм показала, что они располагают сходным набором стратегических ресурсов, но различаются по тому, как руководители распознают рыночные возможности и реализуют маркетинговые стратегии [28]. К. Фельзенштейн и К.Р. Динс в исследовании по глобальному брендингу чилийских вин на британском рынке заключают, что узнаваемость бренда и эффект страны происхождения остаются ключевыми маркетинговыми инструментами чилийских вин на международном рынке [15].

Сравнительный синтез: общие черты коммуникационных стратегий стран Нового Света. Сопоставление кейсов США, Австралии, Новой Зеландии и Чили позволяет выделить пять структурных черт коммуникационных стратегий Нового Света. Во-первых, во всех четырёх странах коммуникационные стратегии разворачиваются на двух уровнях – корпоративном (отдельный производитель) и коллективном (региональная или национальная ассоциация). Во-вторых, для всех четырёх стран характерно нарративное конструирование идентичности – через географические образы (AVA в США, Marlborough в Новой Зеландии), культурные коды (Yellow Tail как метка австралийской культуры), сортовые мифы (Carmenere как «найденный» сорт чилийской идентичности). Этот принцип полностью соответствует теоретической рамке Кастельо [11]. В-третьих, во всех странах Нового Света устойчивость превратилась в самостоятельный коммуникационный нарратив: Sustainable Winegrowing New Zealand с покрытием 94% виноградников; чилийский Sustentavid; экологические нарративы американских органических и биодинамических производителей [16]. В-четвёртых, кризисные коммуникации и защита бренда становятся неотъемлемой частью отраслевых стратегий: американский кейс Сономы 2017 года и новозеландская инициатива AMW 2018 года – функционально аналогичные ответы на разные типы угроз (физический кризис и репутационный риск размывания бренда). В-пятых, во всех четырёх странах происходит трансформация коммуникационных моделей от монологического PR через традиционные медиа к диалоговым форматам в социальных сетях с участием инфлюенсеров и пользовательского контента – что подтверждается академическими исследованиями по США, Австралии и Чили [13, 14, 18]. Кладу, Ли, Усакли и Ши, проведя эмпирическое сравнение brand equity винных дестинаций Старого и Нового Света на материалах двух регионов (Янтай в Китае и Крит в Греции), показали, что отношения между измерениями brand equity статистически различаются между этими двумя группами стран, а вовлечённость потребителя в вино модерирует эти отношения [20]. Это эмпирически подтверждает целесообразность аналитического разделения коммуникационных моделей по линии «Новый Свет – Старый Свет».

Российский контекст: сопоставление практик. Регуляторные ограничения на прямую рекламу алкоголя в России не только не препятствуют, но фактически формируют среду PR как единственно легального инструмента винного брендинга [1]. Российские исследователи фиксируют ряд тенденций в коммуникациях винных брендов, которые напрямую сопрягаются с практиками стран Нового Света. А.О. Веллер в статье «Коммуникационные тренды на рынке алкоголя на примере винодельческой отрасли» выделяет три группы коммуникационных трендов, актуальных для российского винного рынка наравне с зарубежными: потребительские тренды (женщины как ключевая аудитория; миллениалы как ростовая целевая группа; тренд на здоровый образ жизни и вегетарианство); продуктовые тренды (органическое и биодинамическое виноделие, альтернативная упаковка эпохи устойчивого потребления); технологические тренды (QR-коды на этикетках, AR-технологии для сторителлинга, развитие электронной коммерции) [2]. И.В. Бердников рассматривает методы маркетингового продвижения винных брендов в условиях законодательных ограничений и подчёркивает необходимость переноса коммуникационной активности в специализированные форматы (контент-маркетинг, тематические сообщества, дегустации, винный туризм) как ответа на запреты на классическую рекламу [1]. Отдельное направление российских исследований посвящено омниканальным коммуникациям винных брендов. Исследование, опубликованное в журнале «Коммуникология» в 2025 году, зафиксировало: омниканальные коммуникации в российской винной отрасли находятся «на этапе своего зарождения», при этом ограничения связаны не только с законодательством, но и с отсутствием организационных ресурсов самих виноделен. Тем не менее, за последний год медийность российских виноделен в СМИ выросла в три раза, а доля российского вина в сетях с 2015 года выросла с 25% до 56% в 2024

году [6]. Е.А. Никитина и Е.О. Вертипрахова в работе «Коммуникативные стратегии в позиционировании социально неодобряемых товаров» фиксируют принципиальное отличие коммуникаций для алкогольной продукции: вино как «социально неодобряемый товар» требует стратегий нейтрализации негативных коннотаций и перевода коммуникации в регистр культуры, гастрономии, здоровья и стиля жизни [4]. Этот механизм воспроизводит подход, описанный коммуникационными специалистами Нового Света применительно к винной отрасли. С точки зрения российской теории PR, позитивная репутация для алкогольной компании является особенно важной составляющей успеха; комплекс PR-инструментов для алкогольного бренда включает работу с отзывами на сайтах-отзовиках, вытеснение негативного контента из топ-выдачи, инициирование дискуссий в тематических сообществах [5]. А.О. Веллер и Д.П. Гавра в рамках исследовательской секции «Коммуникационные стратегии и инструменты бизнес-PR» сформулировали определение коммуникационной стратегии винного бренда через призму дефиниции коммуникационной стратегии Д.П. Гавры: «долгосрочная и сбалансированная по ресурсам программа достижения стратегических целей через информационно-коммуникационные взаимодействия с внешней и внутренней средой». На основе этого определения исследовательница разграничила два основных типа коммуникационных стратегий: продвижение конкретного производителя и продвижение торговой марки, что полностью соответствует логике разделения индивидуальных и коллективных коммуникационных усилий, выявленной в кейсах Нового Света [3].

Выводы

Анализ коммуникационных стратегий продвижения винодельческого рынка Нового Света – США, Австралии, Новой Зеландии и Чили — свидетельствует о том, что коммуникации занимают структурообразующее место в отрасли: не как вспомогательный инструмент сбыта, но как механизм конструирования репутации и культурной легитимности производителей, регионов и национальных индустрий в целом.

Ключевые выводы можно сформулировать следующим образом. Во-первых, двухуровневая репутация (фирменная и региональная/национальная) требует согласованных коммуникационных стратегий: усилия отдельного производителя и ассоциации региона/страны взаимно усиливают или ослабляют друг друга, что эмпирически подтверждается материалами Шрадера-Кнаппа и Костаниньо [12, 24]. Во-вторых, концепция терруара в контексте Нового Света не является природной данностью – она конструируется через систематическую коммуникацию, в которой PR-организации (виноградарские советы, AVA-ассоциации, AMW, Wines of Chile, Wine Australia) играют центральную роль [11, 27]. В-третьих, трансформация медиасреды переместила коммуникации винной индустрии от монологических пресс-релизов к диалоговым форматам работы с блогерами, инфлюенсерами и сообществами потребителей, что подтверждается академическими исследованиями по США, Австралии и Чили [13, 14, 18, 26]. В-четвёртых, кризисные коммуникации и защита регионального бренда – неотъемлемый компонент коммуникационной стратегии для регионов, подверженных климатическим рискам, и для регионов с угрозой размывания бренда. В-пятых, кейсы Нового Света демонстрируют разнообразие коммуникационных стратегий: от «голубого океана» Yellow Tail [19], через нарратив идентичности через сорт (Carmenere в Чили) [28], до люксового позиционирования через транснациональные конгломераты (Cloudy Bay внутри LVMH) [22]. В-шестых, сравнительный анализ показывает, что в условиях нормативных ограничений на рекламу алкоголя в России воспроизводятся те же базовые механизмы, что и в индустрии Нового Света: ставка на репутацию, экспертный статус, региональный брендинг и нарратив культурной легитимности [1, 2, 3, 6].

Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на сравнительном анализе коммуникационных стратегий формирующихся производственных регионов Нового Света (Аргентина, ЮАР, Уругвай, Бразилия) и развивающейся винной индустрии России в контексте конкуренции за репутационный статус на национальном и международном рынках.

Список источников

1. Бердников И.В. Методы маркетинг продвижения винных брендов в условиях законодательных ограничений // Научный Лидер. 2024. № 16 (166). URL: https://scilead.ru/article/6263-metodi-marketing-prodvizheniya-vinnikh-brendo (дата обращения: 27.03.2026)

2. Веллер А.О. Коммуникационные тренды на рынке алкоголя на примере винодельческой отрасли // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. Т. 6-1 (81). С. 165 – 168. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-6-1-165-168

3. Веллер А.О., Гавра Д.П. Коммуникационная стратегия винного бренда: определение и сравнение подходов // Сборник научных трудов SMIF СПбГУ, секция «Коммуникационные стратегии и инструменты бизнес-PR-24». Санкт-Петербург, 2024. С. 1 – 10.

4. Никитина Е.А., Вертипрахова Е.О. Коммуникативные стратегии в позиционировании социально неодобряемых товаров // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 76 – 87.

5. Особенности построения репутации алкогольной компании [Электронный ресурс] // advlab.ru. URL: http://www.advlab.ru/articles/article392.htm (дата обращения: 27.02.2026)

6. Перспективы использования омниканальных коммуникаций в продвижении винных брендов // Коммуникология. 2025. Т. 13. № 2. С. 90 – 105. DOI: 10.21453/2311-3065-2025-13-2-90-105

7. Beverland M. B. Crafting Brand Authenticity: The Case of Luxury Wines // Journal of Management Studies. 2005. Vol. 42. No. 5. P. 1003 – 1029. DOI: 10.1111/j.1467-6486.2005.00530.x

8. Bigliardi B., Filippelli S., Petroni A., Tagliente L. Three decades of research on wine marketing // Heliyon. 2024. Vol. 10. No. 10. P. e30938. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e30938

9. Bonn M. A., Chang H. S., Cho M. The environment and perceptions of wine consumers regarding quality, risk and value: Reputations of regional wines and restaurants // International Journal of Hospitality Management. 2020. Vol. 91. Art. 102698. DOI: 10.1016/j.ijhm.2020.102698.

10. Bruwer J., Johnson R. Place-based marketing and regional branding strategy perspectives in the California wine industry // Journal of Consumer Marketing. 2010. Vol. 27. No. 1. P. 5 – 16.

11. Castelló E. The will for terroir: A communicative approach // Journal of Rural Studies. 2021. Vol. 86. P. 386 – 395. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2021.06.0007

12. Costanigro M., McCluskey J. J., Goemans C. Collective and brand reputation in the wine industry. Working paper presented at AAWE Annual Conference. Portland: AAWE, 2010. P. 1 – 32.

13. Dolan R., Conduit J., Fahy J., Goodman S. Social media: communication strategies, engagement and future research directions // International Journal of Wine Business Research. 2017. Vol. 29. No. 1. P. 2 – 19. DOI: 10.1108/IJWBR-04-2016-0013

14. Dolan R., Goodman S. Succeeding on social media: Exploring communication strategies for wine marketing // Journal of Hospitality and Tourism Management. 2017. Vol. 33. P. 23 – 30. DOI: 10.1016/j.jhtm.2017.09.007.

15. Felzensztein C., Deans K. R. Approaches to Global Branding: The Chilean Wine Industry and the UK Market // International Journal of Wine Marketing. 2013. Vol. 25. No. 1. P. 1 – 18.

16. García-Cortijo M. C., Castillo-Valero J. S., Pérez-Luño A. The proactive role played by sustainable wineries at times of economic crisis // British Food Journal. 2024. Vol. 126. No. 8. P. 3177 – 3196. DOI: 10.1108/BFJ-05-2023-0456

17. Gokcekus O., Finnegan C. M. Oregon's Willamette Valley AVA and its new sub-AVAs. AAWE Working Paper No. 151. New York: American Association of Wine Economists, 2013. P. 1 – 25.

18. Ingrassia M., Altamore L., Bacarella S., Columba P. The Wine Influencers: Exploring a New Communication Model of Open Innovation for Wine Producers – A Netnographic, Factor and AGIL Analysis // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2020. Vol. 6. No. 4. Art. 165. P. 1 – 25. DOI: 10.3390/joitmc6040165

19. Kim W. Ch., Mauborgne R. Blue Ocean Strategy: How to Create Uncontested Market Space and Make the Competition Irrelevant. Boston: Harvard Business School Press, 2005. 240 p.

20. Kladou S., Lee K., Usakli A., Shi Y. Wine destination brand equity in New- and Old-World wine countries: Exploring the moderating effect of wine involvement // Journal of Vacation Marketing. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 1 – 18. DOI: 10.1177/13567667251331620

21. Kokhreidze T. Wine Public Relations: Promoting Georgian Wine in the U.S. Market: Masters Essay. Cleveland: John Carroll University, 2016. 65 p.

22. Overton J., Murray W. E. Sticky Places: Marlborough Sauvignon Blanc and the geographies of wine // The Geographical Journal. 2011. Vol. 174. No. 4. P. 348–360. DOI: 10.1111/j.1475-4959.2008.00279.x

23. Posert H., Franson P. Spinning the Bottle Again. 2nd ed. Sonoma: HP Press, 2012. 320 p.

24. Schirmer R., Knapp G.-A. Dynamic Analysis of Brand and Regional Reputation: The Case of Wine // Journal of Wine Economics. 2009. Vol. 4. No. 1. P. 62 – 80.

25. Silicon Valley Bank. State of the US Wine Industry Report 2026. Santa Clara: Silicon Valley Bank, 2026. P. 1 – 80.

26. Smart B. The Evolution of Wine Public Relations and Social Media // Palate Press. 2011. URL: https://www.palatepress.com/the-evolution-of-wine-public-relations-and-social-media/ (дата обращения: 27.03.2026)

27. Tiefenbacher J.P. Themes of U.S. Wine Advertising and the Use of Geography and Place to Market Wine // EchoGéo. 2013. No. 23. P. 1 – 18. DOI: 10.4000/echogeo.13378

28. Torres J.P., Kunc M.H. Market opportunity recognition in the Chilean wine industry: traditional versus relational marketing approaches // Journal of Wine Research. 2016. Vol. 27. No. 1. P. 19 – 33. DOI: 10.1080/09571264.2016.1144584

References

1. Berdnikov I.V. Methods of Marketing Promotion of Wine Brands in the Context of Legislative Restrictions. Scientific Leader. 2024. No. 16 (166). URL: https://scilead.ru/article/6263-metodi-marketing-prodvizheniya-vinnikh-brendo (date of access: 27.02.2026)

2. Weller A.O. Communication Trends in the Alcohol Market: The Example of the Wine Industry. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023. Vol. 6-1 (81). P. 165 – 168. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-6-1-165-168

3. Weller A.O., Gavra D.P. Wine Brand Communication Strategy: Definition and Comparison of Approaches. Collection of Scientific Papers of SMIF SPbU, Section "Communication Strategies and Business PR-24 Tools". Saint Petersburg, 2024. P. 1 – 10.

4. Nikitina E.A., Vertiprakhova E.O. Communication Strategies in Positioning Socially Disapproved Products. Scientific Dialogue. 2016. No. 11 (59). P. 76 – 87.

5. Features of Building the Reputation of an Alcohol Company [Electronic Resource]. advlab.ru. URL: http://www.advlab.ru/articles/article392.htm (date of access: 27.03.2026)

6. Prospects for Using Omnichannel Communications in Promoting Wine Brands. Communicology. 2025. T. 13. No. 2. P. 90 – 105. DOI: 10.21453/2311-3065-2025-13-2-90-105

7. Beverland M. B. Crafting Brand Authenticity: The Case of Luxury Wines. Journal of Management Studies. 2005. Vol. 42.No. 5. P. 1003 – 1029. DOI: 10.1111/j.1467-6486.2005.00530.x

8. Bigliardi B., Filippelli S., Petroni A., Tagliente L. Three decades of research on wine marketing. Heliyon. 2024. Vol. 10. No. 10. P. e30938. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e30938

9. Bonn M. A., Chang H. S., Cho M. The environment and perceptions of wine consumers regarding quality, risk and value: Reputations of regional wines and restaurants. International Journal of Hospitality Management. 2020. Vol. 91. Art. 102698. DOI: 10.1016/j.ijhm.2020.102698

10. Bruwer J., Johnson R. Place-based marketing and regional branding strategy perspectives in the Cali-fornia wine industry. Journal of Consumer Marketing. 2010. Vol. 27. No. 1. P. 5 – 16.

11. Castelló E. The will for terroir: A communicative approach. Journal of Rural Studies. 2021. Vol. 86. P. 386 – 395. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2021.06.007.

12. Costanigro M., McCluskey J. J., Goemans C. Collective and brand reputation in the wine industry. Working paper presented at AAWE Annual Conference. Portland: AAWE, 2010. P. 1 – 32.

13. Dolan R., Conduit J., Fahy J., Goodman S. Social media: communication strategies, engagement and future research directions. International Journal of Wine Business Research. 2017. Vol. 29. No. 1. P. 2 – 19. DOI: 10.1108/IJWBR-04-2016-0013

14. Dolan R., Goodman S. Succeeding on social media: Exploring communication strategies for wine marketing. Journal of Hospitality and Tourism Management. 2017. Vol. 33. P. 23 – 30. DOI: 10.1016/j.jhtm.2017.09.007.

15. Felzensztein C., Deans K. R. Approaches to Global Branding: The Chilean Wine Industry and the UK Market. International Journal of Wine Marketing. 2013. Vol. 25. No. 1. P. 1 – 18.

16. García-Cortijo M.C., Castillo-Valero J.S., Pérez-Luño A. The proactive role played by sustainable wineries at times of economic crisis. British Food Journal. 2024. Vol. 126. No. 8. P. 3177 – 3196. DOI: 10.1108/BFJ-05-2023-0456

17. Gokcekus O., Finnegan C. M. Oregon's Willamette Valley AVA and its new sub-AVAs. AAWE Working Paper No. 151. New York: American Association of Wine Economists, 2013. P. 1 – 25.

18. Ingrassia M., Altamore L., Bacarella S., Columba P. The Wine Influencers: Exploring a New Communication Model of Open Innovation for Wine Producers – A Netnographic, Factor and AGIL Analysis. Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2020. Vol. 6.No. 4. Art. 165. P. 1 – 25. DOI: 10.3390/joitmc6040165

19. Kim W.Ch., Mauborgne R. Blue Ocean Strategy: How to Create Uncontested Market Space and Make the Competition Irrelevant. Boston: Harvard Business School Press, 2005. 240 p.

20. Kladou S., Lee K., Usakli A., Shi Y. Wine destination brand equity in New- and Old-World wine countries: Exploring the moderating effect of wine involvement. Journal of Vacation Marketing. 2025. Vol. 31. No. 2. P. 1 – 18. DOI: 10.1177/13567667251331620

21. Kokhreidze T. Wine Public Relations: Promoting Georgian Wine in the U.S. Market: Masters Essay. Cleveland: John Carroll University, 2016. 65 p.

22. Overton J., Murray W. E. Sticky Places: Marlborough Sauvignon Blanc and the geographies of wine. The Geographical Journal. 2011. Vol. 174. No. 4. P. 348 – 360. DOI: 10.1111/j.1475-4959.2008.00279.x

23. Posert H., Franson P. Spinning the Bottle Again. 2nd ed. Sonoma: HP Press, 2012. 320 p.

24. Schirmer R., Knapp G.-A. Dynamic Analysis of Brand and Regional Reputation: The Case of Wine. Journal of Wine Economics. 2009. Vol. 4.No. 1. P. 62 – 80.

25. Silicon Valley Bank. State of the US Wine Industry Report 2026. Santa Clara: Silicon Valley Bank, 2026. P. 1 – 80.

26. Smart B. The Evolution of Wine Public Relations and Social Media. Palate Press. 2011. URL: https://www.palatepress.com/the-evolution-of-wine-public-relations-and-social-media/ (date of access: 27.03.2026)

27. Tiefenbacher J.P. Themes of U.S. Wine Advertising and the Use of Geography and Place to Market Wine. EchoGéo. 2013. No. 23. P. 1 – 18. DOI: 10.4000/echogeo.13378

28. Torres J.P., Kunc M.H. Market opportunity recognition in the Chilean wine industry: traditional versus relational marketing approaches. Journal of Wine Research. 2016. Vol. 27. No. 1. P. 19 – 33. DOI: 10.1080/09571264.2016.1144584

Информация об авторе

Яблонских А.В., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7821-6563. SPIN: 6128-9741, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, 8443344@gmail.com

© Яблонских А.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81-255.4
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-182-190

Исследование стратегий перевода феномена культурных лакун в русском переводе романа Мо Яня «Устал рождаться и умирать» (на материале перевода И. Егорова)

[1] Чжоу Яо, [1] Гуань Сюцзюань

[1] Хэйлунцзянский университет, Китай

Аннотация: культурные лакуны всегда являлись одной из актуальных проблем переводоведения. Роман Мо Яня «Устал рождаться и умирать», являющийся одним из наиболее известных произведений современного китайского писателя, привлекает внимание зарубежных читателей богатством национально-культурных элементов, отражающих китайские традиции, народные обычаи и особенности языковой картины мира. Однако именно эти культурно-специфические элементы создают значительные трудности в процессе перевода произведения на иностранные языки.Цель данной работы заключается в анализе переводческих стратегий, использованных И.А. Егоровым при передаче культурных лакун в русском переводе романа «Устал рождаться и умирать» [4]. В качестве материала исследования рассматриваются примеры транслитерации, дословного перевода и вольного перевода, применяемые переводчиком для передачи китайской культурной специфики. В работе также анализируются особенности адаптации культурных реалий к восприятию русскоязычного читателя. Результаты исследования могут способствовать развитию китайско-российского литературного и культурного обмена, а также дальнейшему изучению проблем перевода китайской литературы на иностранные языки.
Ключевые слова: «Устал рождаться и умирать», русский перевод, культурные лакуны, стратегии перевода

Для цитирования: Чжоу Яо, Гуань Сюцзюань Исследование стратегий перевода феномена культурных лакун в русском переводе романа Мо Яня «Устал рождаться и умирать» (на материале перевода И. Егорова) // Современный ученый. 2026. № 10. С. 182 – 190. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-182-190

Поступила в редакцию: 15 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Cultural vacancy and its translation strategies in the Russian version of Mo Yan's novel *Life and Death Are Wearing Me Out* (based on Egorov's translation)

[1] Zhou Yao, [1] Guan Xiujuan

[1] Heilongjiang University, China

Abstract: the phenomenon of cultural vacancies has long been a prominent issue in the field of translation studies. Mo Yan's novel "Life and Death Are Wearing Me Out" one of the most renowned works by this contemporary Chinese writer, attracts international readers with its rich national-cultural elements that reflect Chinese traditions, folk customs, and specific features of the linguistic worldview. However, it is precisely these culturally specific elements that pose considerable difficulties in the process of translating the work into foreign languages.The aim of

this study is to analyze the translation strategies employed by Egorov in rendering cultural lacunae in the Russian translation of "Life and Death Are Wearing Me Out". The research material includes examples of transliteration, literal translation, and free translation used by the translator to convey Chinese cultural specificity. The study also explores the adaptation of Chinese cultural realities for Russian-speaking readers. It is hoped that this research will contribute to the development of Chinese-Russian literary and cultural exchange, as well as further research on the translation of Chinese literature into foreign languages.
Keywords: *"Life and Death Are Wearing Me Out"*, Russian translation, cultural vacancy, translation strategies

For citation: Zhou Yao, Guan Xiujuan Cultural vacancy and its translation strategies in the Russian version of Mo Yan's novel Life and Death Are Wearing Me Out (based on Egorov's translation). Modern Scientist. 2026. 10. P. 182 – 190. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-182-190

The article was submitted: May 15, 2026; Approved after reviewing: June 12, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Роман «Устал рождаться и умирать», опираясь на концепцию «шести путей перерождения», использует художественные формы классического романа по главам и народного повествования, а также приемы восточного сюрреализма, чтобы показать социальные и исторические изменения, произошедшие в Китае за последние 50 лет, и выразить глубокие размышления о важнейшей проблеме китайской истории и современности – проблеме земли и крестьян [7, с. 38]. В последние годы, по мере постепенного углубления китайско-российских отношений и растущего признания произведений Мо Яня российскими читателями, изучение творчества Мо Яня постепенно набирает обороты, причем особое внимание привлекает анализ культурной лексики. По неполным данным, на сегодняшний день «Устал рождаться и умирать» переведено на основные мировые языки, включая английский, французский, немецкий, итальянский, испанский и русский, а также на такие малораспространенные языки, как корейский и вьетнамский. В то же время распространение «Устал рождаться и умирать» в России демонстрирует тенденцию к медиа-трансформации. Права на адаптацию этого произведения для русского театра уже переданы, и премьера спектакля запланирована на июнь этого года в Санкт-Петербурге в Александринском театре. Ранее права на постановку пьес Мо Яня «Наш Цзин Кэ» и «Лягушки» также были проданы за рубеж.

На этом фоне с 2011 года начали появляться статьи, посвящённые исследованию перевода романа «Устал рождаться и умирать». В 2012 году Мо Янь получил Нобелевскую премию, после чего количество научных работ, посвящённых изучению перевода «Устал рождаться и умирать», быстро возросло; эти работы можно условно разделить на три категории: Ляо Вэйцзы (2014) проанализировал английский перевод Голдуэлла (Howard Goldblatt) на основе теории функционального эквивалента Ю. Найды и указал, что переводчик, применяя гибкие переводческие стратегии на фонетическом, лексическом и синтаксическом уровнях, стремился достичь эквивалентности с оригиналом как в смысловом, так и в стилистическом плане, что подтверждает верное воспроизведение Голдуэллом литературного стиля оригинала; Шао Лу (2022) исследовали репрезентацию «локального» стиля оригинала через языковое и нарративное остранение.Во-вторых, это специализированные исследования, посвящённые словам с культурной нагрузкой и феномену культурного лакуна. На долю таких исследований приходится наибольшая часть, и они в основном касаются таких элементов «китайской специфики», как поговорки, пословицы, четырёхсложные идиомы и фольклорная культура, а также посвящены изучению путей преодоления культурного лакуна. Ши Чунжань (2019) в качестве основного направления исследования выбрали перевод пословиц из художественной литературы на английский язык; при этом Голдуэлл в основном применял переводческие методы «отчуждения» и «сокращенного перевода», руководствуясь принципами сохранения культуры исходного языка, семантического соответствия и отказа от намеренного стремления к эстетическому равновесию. В-третьих, эмпирическое исследование восприятия и распространения переводов. С развитием цифровой гуманистики все больше ученых изучают степень восприятия переводов за рубежом на основе корпусов текстов или отзывов читателей. Ван Жухуэй (2023), используя корпусный анализ переводческих универсалий и обзоры американских СМИ, объективно реконструировала реконструкцию образа и эффекты трансляции романа в культуре языка перевода.

Однако русский перевод этой книги не вызвал широкого обсуждения и изучения в китайских научных кругах. Существующие исследования русского перевода в основном ограничиваются самим содержанием текста, например, анализом слов с культурной нагрузкой или примечаний к субтексту в переводе (Сун

Мэнлу, 2024), и лишь немногие ученые, опираясь на российскую теорию культурного лакуны, проводят системный анализ и оценку эффективности общей переводческой стратегии китаеведа Егорова. В данной работе на основе теории культурных лакун исследуется перевод лексических лакун в романе «Устал рождаться и умирать» на русский язык.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования являются китайский оригинал романа Мо Яня «Устал рождаться и умирать» и его первый полный официальный перевод на русский язык, выполненный И. А. Егоровым. Источниковедческую базу составили также фундаментальные труды российских и китайских ученых по теории культурных лакун и переводоведению.

В работе применен комплекс следующих методов:

1. ***Метод наблюдения:*** сочетание неструктурированного и структурного наблюдения. Проведение всестороннего и комплексного наблюдения за историческим процессом развития теории культурных лакун в России с целью получения общего представления.

2. ***Метод анализа:*** отбор, классификация и систематизация терминов, связанных с культурными лакунами, встречающихся в русском переводе, таких как имена собственные, географические названия, фольклор, религия, общественная жизнь, а также анализ их лингвистических особенностей.

3. ***Метод сравнительного исследования:*** сравнительный анализ оригинального текста и русского перевода «Усталость от жизни и смерти» для изучения способов перевода терминов, связанных с культурными лакунами.

4. ***Метод обобщения и резюмирования:*** на основе анализа конкретных примеров обобщается общая переводческая концепция Егорова в отношении явления культурных лакун, выделение характерных черт и закономерностей его перевода, а также оценка значения его опыта для практики перевода китайской литературы на русский язык.

5.

Результаты и обсуждения

Определение и классификация культурных лакун

Лакуна – это отсутствие в конкретном языке специальных терминов или понятий, обозначающих особенности быта или культуры определенного народа. Возникновение лакун часто обусловлено различиями в социокультурной сфере и мировоззрении. В России термин и понятие «лакуна» впервые появились в книге В.Л. Муравьёва 11 «Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков)» (1975). По его мнению, возникновение лакун может быть вызвано как различиями в концептуальных морфемах, так и неполной эквивалентностью концептуальных экстензий; Кроме того, «Лакуны» существуют не только между разными языками, но и на разных исторических этапах развития одного и того же языка. Ю.С. Степанов 13, сравнивая русско-китайский словарный запас, рассматривает лакуны как «анти-слова» и «белые пятна на семантической карте языка»; Г.Д. Гачев 3 определяет национальные особенности, препятствующие межкультурной коммуникации, как «заусеницы», то есть препятствия и разрывы в процессе межкультурной коммуникации, что также является одной из форм проявления лакуны; Л.С. Бархударов 1 классифицирует лексические единицы, имеющиеся в одном языке, но не имеющие по какой-либо причине соответствующих слов или фиксированных словосочетаний в другом языке, как «безэквивалентную лексику» и называет их «случайной лакуной». Все вышеперечисленные определения лакуны имеют свои особенности, однако их общая сущность заключается в следующем: лакуна представляет собой «незнакомую» информацию, возникающую в процессе межкультурной коммуникации или языкового преобразования информационного содержания и символов.

Под общим понятием «лакуна» подразумевается частное понятие «культурная лакуна»; данный термин впервые был введён в российской науке с целью более точной классификации явления лакуны. Ученые, представленные Ю.А. Сорокиным и И.Ю. Марковиной, рассматривают этот вопрос с культурологической точки зрения и считают, что «культурная лакуна» представляет собой элемент (например, предмет, явление, обычай, идея и т.д.), характерный для одной культуры, который в другой культуре проявляется в виде пробела. В последующих исследованиях также отмечалось, что культурные различия приводят к недостатку или избытку опыта языковых и культурных общностей в межкультурной коммуникации, и именно «результат недостатка или избытка такого опыта» и является феноменом культурной лакуны. По сути, это отражает различия и барьеры между двумя культурами, и заполнение таких лакун может эффективно способствовать достижению целей межкультурной коммуникации.

Глубинная классификация «культурных лакун» также является предметом пристального внимания. Российские ученые Сорогин и Марковина с точки зрения когнитивной и культурной сущности подразделяют лакуны на три основных уровня: культурные лакуны, языковые лакуны и дискурсивные лакуны. На культурном уровне они далее подразделяют их на три категории: лакуны национальной психологии, лакуны коммуникативной деятельности и лакуны культурного пространства [8, с. 144]. В то же время ученые, представленные Г.В. Быковой, рассматривая лакуны с точки зрения лингвосемиотики и функциональной риторики, подразделяют их на системные лакуны, коммуникативные лакуны, функционально-риторические лакуны и межсистемные лакуны [2, с. 6].

Феномен культурных лакун в романе «Устал рождаться и умирать»

В отличие от вышеупомянутых подходов к классификации, китайские ученые используют в качестве критерия классификации «культурных лакун» классификацию самой «культуры». Ван Бинцинь (2007) считает, что культура состоит из трех подсистем: материальной, институциональной и духовной 2. В сфере материальной культуры наиболее распространёнными примерами культурных лакун являются имена собственные и географические названия.

Таблица 1

Материально-культурные лакуны в романе «Устал рождаться и умирать».

Table 1

Material cultural vacancies in "Life and Death Are Wearing Me Out".

Категории обращений	Обращения в романе «Устал рождаться и умирать»
Имена людей	阎王、土地爷、判官、黄瞳、蓝脸、互助、合作
Географические названия	望乡台、高密东北乡、西门屯、北戴河
Обращения к родственникам	老爷、掌柜的、当家的、贤弟、弟妹

В то же время в романе «Устал рождаться и умирать», отличающемся богатой китайской культурной сущностью и ярко выраженным национальным колоритом, присутствует множество терминов, связанных с религией, фольклором и общественной жизнью, которые не имеют соответствующих эквивалентов в духовно-культурном контексте.

Таблица 2

Духовно-культурные лакуны в романе «Устал рождаться и умирать».

Table 2

Spiritual cultural vacancies in "Life and Death Are Wearing Me Out".

Культурные категории	Духовно-культурные лакуны в романе «Устал рождаться и умирать»
Народная культура	披麻戴孝、“斩缞”之服、八仙桌、文房四宝、宣纸、虎头鞋、兔皮帽
Культура медицины	人中、虎口
Культура питания	窝窝头、糠咽菜
Культура общественной жизни	大字报、土地改革、贫下中农、改革开放
Религиозная культура	六道轮回、风水、冲喜

В романе «Устал рождаться и умирать» встречается большое количество культурных лакун, которые отличаются разнообразием типов: некоторые из них касаются фольклора, буддизма, общественной жизни и культуры, а также древней китайской поэзии, идиом и каламбуров, что значительно усложняет задачу переводчика 15. Однако эти культурные лакуны играют ключевую роль в понимании содержания романа, поэтому в дальнейшем мы проанализируем переводческие стратегии и практику, применённые при переводе культурных лакун в русском переводе романа «Устал рождаться и умирать».

Стратегии перевода культурных лакун в романе «Устал рождаться и умирать»

Для решения проблемы «культурных лакун» российские ученые, такие как Р.К. Миньяр-Белоручев (1996), предложили «метод компенсации» 9. Что касается проблемы «культурных лакун» в китайско-русском переводе, то китайские ученые, в лице Ху Гуминя (2011) и Ли Сяндуна (1993) 5, предложили соответствующие переводческие стратегии:транслитерация, дословный перевод, вольный перевод, метод компенсации, описательный перевод.Что касается метода компенсации, Ху Гумин считает, что обобщение процесса приблизительного перевода приведет к искажению национальных особенностей оригинала, поскольку в тексте появятся новые культурные компоненты, принадлежащие аудитории перевода 17 Компен-

сационным компонентом культурных лакун в тексте являются объективные реалии, используемые переводчиком для облегчения понимания предметов или ситуаций, характерных для культуры перевода.

1 Транслитерация

Транслитерация – это метод перевода, при котором слова одного языка передаются средствами другого языка с опорой на их звучание, максимально близкое к оригинальному произношению. Этот метод часто используется при переводе характерных для Китая названий ведомств, должностей, имен собственных, географических названий и т. п. Наряду с транслитерацией в переводе могут использоваться примечания и другие средства, предназначенные для дополнительного пояснения и уточнения перевода.

Пример ①

ИТ: 女人们盘腿坐在我家的**炕**上，像一群厚颜无耻、远道而来的瓜蔓亲戚。（第 79 页)

ПТ: Женщины расселись у нас на **кане**, подобрав ноги, словно компания приехавших издалека родственников - седьмая вода на киселе, а наглости невпроворот. (стр.297)

В Северо-Восточном Китае «炕» – это место, где люди спят, и по своему назначению оно соответствует кровати. Переводчик может использовать различные приемы, чтобы сделать перевод более образным и живым, но внимание к языку перевода не означает, что можно полностью игнорировать исходный язык. Чтобы сохранить культурные особенности Китая, переводчик использовал транслитерацию и сноску, переведя «炕» как «Кан», и добавил примечание: «Кан – отапливаемая лежанка в традиционном китайском доме». Переводчику Егорову удалось в полной мере донести до русскоязычного читателя уникальность китайской культуры.

Пример ②

ИТ: 你是不是没喝那汤就冲下了**望乡台**？（第 204 页）

ПТ: Или ты отправился на **Вансянтай**, не выпив его? (стр. 249)

«望乡台» в даоской культуре чаще всего обозначает место, откуда души, попавшие в ад, могут наблюдать за тем, что происходит в их домах в живом мире; иногда это слово используется в переносном смысле для обозначения самого преизбытия. Поскольку в русском языке нет точного эквивалента этого термина, переводчик решил использовать транслитерацию, чтобы читатели могли лучше понять особенности китайской религиозной культуры.

Пример ③

ИТ: 他的**金黄的瞳仁**那么亮，宛若两颗金星星。**黄瞳**啊黄瞳，你爹娘给你起这个名字，可真起得妥当啊！(第 9 页)

ПТ: **Золотистые зрачки** посверкивают, как звёзды на небе . Эх, **Хуан Тун**, Хуан Тун, подходящее же имечко выбрали тебе родители! (стр.28)

ИТ: 这小子无名无姓，左脸上有巴掌大的一块蓝痣，我随口说，你小子就叫**蓝脸**吧，姓蓝名脸。(第 12 页)

ПТ: Имени у парнишки не было, но на лице слева красовалось синее родимое пятно величиной с ладонь – вот я и сказал, что буду звать его Лань Лянь, то есть Синий Лик, а Лань будет его фамилией. (стр. 40)

В русском переводе «黄瞳» переведено как «Хуан Тун» с примечанием: «Фамилия и имя Хуан Туна дословно означают «жёлтый зрачок», то есть фамилия и имя Хуан Туна переведены как «жёлтый зрачок». Переводчик использовал сочетание транслитерации и примечания, чтобы объяснить происхождение имени «Хуан Тун».

Для сравнения, в следующем предложении переводчик напрямую транслитерировал «蓝脸» как «Лань Лянь», поскольку в романе дается подробное объяснение выбора этого имени, поэтому переводчик не добавлял дополнительных примечаний. Переводчик Егоров, восполнив пробелы в информации о персонажах, одновременно сделал перевод более лаконичным и понятным.

Что касается других имён собственных и географических названий, встречающихся в романе, переводчик Егоров, как правило, использовал метод транслитерации, например, имена: Пан Канмэй (庞抗美), Пан Фэнхуан (庞凤凰), Хучжу (黄互助), Хэцзо (黄合作) и т.д.; географические названия: Вансянтай (望乡台); Симэньтунь (西门屯) и т. д. Егоров использовал транслитерацию, которая в большинстве случаев выполняла лишь денотативную функцию языка, не отражая духовного и культурного смысла, заложенного в именах людей или географических названиях, что, возможно, в определенной степени затрудняло читателям восприятие произведения и понимание образов персонажей.

2 Дословный перевод

Дословный перевод – это метод, при котором в переводе полностью сохраняется семантическое значение слов оригинала при условии, что это не противоречит культурному контексту языка перевода 16. Если в процессе перевода какое-либо слово может вызвать у читателя неоднозначность или недопонимание, в этом случае следует добавить пояснение. Егоров применил этот метод перевода к некоторым культурным лакунам, встречающимся в романе «Устал рождаться и умирать», включая идиомы, каламбуры, пословицы, поговорки, двусмысленности, народные обычаи, исторические личности, географические реалии, революционные события, общественные движения, исторические материалы, театральные журналы, а также факты из истории литературы и теории искусства 7. Сохранение этих элементов китайской культуры не только отражает уважение переводчика к китайской культуре, но и вносит вклад в распространение китайской культуры в России.

Пример ①

ИТ：我说：我没空与你**磨牙**了，我要找我姐姐。(第 123 页)

ПТ：Мне с тобой **лясы точить** некогда, – заявил я.

- Мне сестра нужна. (стр. 481)

Эта фраза взята из восемнадцатой главы «Умелые руки починяют одежду. Хучжу выказывает свою любовь. Большой снегопад заносит деревню. Цзиньлун захватывает власть», а конкретный сюжетный контекст – группировка «Жезл Золотистой Обезьяны» хунвейбинов из деревни Симэньтунь покрасила все абрикосовые деревья красной краской, Лань Лянь выступил против, и Цзиньлун обмазал ему лицо краской, которая попала в глаза и вызвала невыносимую боль. Лань Цзефан спешит к своей сестре Баофэн, которая работает народной врачом, и по дороге случайно встретил Хучжу, с которым у них завязался разговор.Здесь Егоров дал дословный перевод идиомы «磨牙» как «лясы точить»; согласно русско-китайскому и китайско-русскому словарю (大 БКРС), соответствующее китайское значение – «闲扯,闲聊». Такой подход позволил избежать препятствий для понимания, вызванных буквальным переводом, и продемонстрировал характерные черты образа персонажа Лань Цзефана, отраженные в романе этой главы.

Пример ②

ИТ：在树下歌唱时，树上的叶子都微微颤抖，他唱出的音符像彩绸一样在空中飞舞，**昆山玉**碎**凤凰**叫，公猪迷狂母猪舞。（第 329 页）

ПТ：Когда он пел под деревом, листья слегка подрагивали, и выпеваемые им ноты кружились в воздухе цветистым шёлком, звонкие и мелодичные, мягкие и умеренные – просто «рассыпающийся **куньшаньский яшмовый будда**, крик пары **фениксов**», – резвились как потерявшие голову хряк со свиноматкой. (стр. 414)

Древняя поэзия – это квинтэссенция китайской культуры. Фраза «昆山玉碎凤凰叫» взята из стихотворения «Ли Пин Кун Гоу Инь» поэта династии Тан Ли Хэ; она служит метафорой для описания мелодичного пения, столь же прекрасного, как звук разбивающегося куншаньского нефрита и крик феникса. Егоров, применив стратегию отчуждения, дословно перевел фразу «昆山玉碎凤凰叫» как «рассыпающийся куньшаньский яшмовый будда, крик пары фениксов», рассыпающийся：正在碎裂的、崩解的; куньшаньский: 昆山的; яшмовый: 玉制的、玉石的; будда: 佛像; крик: 叫声、啼鸣; пары: 一对、成双的; фениксов: 凤凰（复数，属格）。Сохранение характерных образов из этого стихотворения, таких как «куньшаньский яшмовый будда» и «феникс», позволяет читателям перевода быстро понять его смысл и сюжет.

Пример ③

ИТ：这个头顶一撂**绿帽子**的家伙，心地邪恶，自命不凡，对所有的人都充满仇恨。 (第 91 页)

ПТ：Этот гнусный тип, обладатель **зелёного колпака**, много мнил о себе, а к другим питал лютую ненависть» . (стр.343)

Эта фраза взята из пятнадцатой главы «На речной отмели братья-пастухи устраивают потасовку. Если мирские узы не разорваны, куда ни кинь – всюду клин» и представляет собой оценку Пан Ху, данную Лань Цзефан.Изначально «зелёный колпак» означал зелёную шапку, но в настоящее время это слово обозначает неверность супруга и имеет уничижительный оттенок. Переводчик дословно перевел «绿帽子» как «Зеленый колпак» и добавил примечание, чтобы пояснить его сленговое значение. Примечание гласит: «Зеленый колпак – традиционное название рогоносца». Переводчик использовал метод дословного перевода с примечанием, что позволило обеспечить верность оригиналу и точно передать скрытый смысл.

3 Вольный перевод

Вольный перевод – это метод, при котором слова исходного текста не переводятся буквально, а для эффективной передачи содержания исходного текста и предотвращения двусмысленности и недопонимания со стороны читателя содержание текста раскрывается с учётом культурных особенностей языка перевода, а культурные лакуны в контексте перевода восполняются и поясняются с целью достижения коммуникативной цели перевода [18, с. 59]. Егоров в отношении некоторых лакун в области народной и духовной культуры, встречающихся в романе «Устал рождаться и умирать», в основном применял стратегию вольного перевода. В качестве аргументации приведём следующие примеры:

Пример ①

ИТ：**人走时运马走膘，兔子落运遭老鹰**，作为一头受伤的驴，我对这个人心存畏惧。（第 19 页）

ПТ：**Но человеку как судьба, а коню как пастьба; зайцу то фартит, а то, глядишь, коршун закогтит**. На меня, раненого ослика, он нагонял страх». (стр. 68)

Эта фраза взята из третьей главы «Хун Тайюэ гневно осуждает строптивого собственника. Осёл Симэнь обгладывает кору с дерева и попадает в беду», где Симэнь Нао в следующей жизни перевоплотился в осла семьи Лань. «人走时运马走膘，兔子落运遭老鹰» Это народная поговорка, которая буквально означает, что хорошие вещи приходят к людям только тогда, когда им везет, лошадей нужно хорошо кормить, чтобы они могли нести тяжелые грузы, кроликов нельзя подстрелить из скорострельного ружья, даже если им повезет, и соответственно, она означает, что жизнь – это совместное достижение способностей и удачи. Переводчик применил здесь метод вольного перевода, переведя исходный текст как: «Но человеку как судьба», «а коню как пастьба»; «зайцу то фартит, а то, глядишь, коршун закогтит». Сравнивая оригинал и перевод, мы видим, что переводчик передал русскоязычным читателям лишь основной смысл этих фраз. Такой перевод, хотя и понятен, не может воспроизвести языковые особенности устной речи. Если бы переводчик более тщательно отточил стиль и эмоциональную окраску романа, возможно, удалось бы добиться лучшего результата.

Пример ②

ИТ：**她双腿一**软，**就要下跪**，**哭哭啼啼地**说：“**村**长，饶了**俺吧**，**俺真的**啥也不知道，**村**长，**您开恩**饶**俺**这条**狗命吧**……”（**第** 45 页）

ПТ：Староста, пожалейте, я правда ничего не знаю, староста, сделайте милость, подарите мне, **презренной, жизнь** (стр. 95)

Эта фраза взята из пятой главы «Урождённую Бай подвергают пыткам из-за вырытого клада. Осёл скандалит в судилище и прыгает через стену», где староста Хун Тайюэ подвергает урождённую Бай, чтобы заставить её раскрыть место, где Симэнь Нао закопал золото и серебро. В традиционной китайской культуре «狗» часто имеет уничижительный оттенок, а выражение «狗命» в переносном смысле означает «ничтожная жизнь» и часто используется для самоуничижения или оскорбления других. В данном случае переводчик перевел это выражение как «презренная» (ничтожный человек), что в основном соответствует первоначальному смыслу и при этом также обеспечивается восприятие культуры исходного языка со стороны получателей перевода.

Выводы

Столкнувшись с проблемой культурных лакун, переводчик при выборе переводческих средств и стратегий оказывается под влиянием различных факторов. С одной стороны, это определяется уровнем его культурной компетенции и степенью понимания культуры исходного языка; с другой – зависит от содержания и художественной формы самого произведения. И.А. Егоров при переводе большинства культурных лакун, встречающихся в романе «Устал рождаться и умирать», использовал компенсаторные переводческие приёмы, опираясь на контекст произведения и традиции китайской культуры. Это в значительной степени позволило сохранить эстетическую и повествовательную ценность романа, а также продемонстрировало глубокое понимание и уважение переводчика к китайской культуре. Однако отдельные фрагменты перевода всё же содержат определённые недостатки, включая неточности и переводческие решения, способные вызвать недопонимание у читателя. Тем не менее, в целом перевод И.А. Егорова, являющийся на сегодняшний день новейшим русским переводом романа «Устал рождаться и умирать», можно считать успешным; он внёс значительный вклад в развитие китайско-российских литературных и культурных связей.

Список источников

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). Международные отношения, 1975. С. 93.
2. Ван Бинцинь Культурное переводоведение. Нанькайское университетское издательство, 2007. С. 6.
3. Га́чев Г.Д. О национальных картинах мира // Народы Азии и Африки. 1967. № 1. С. 83.
4. Егоров И.А. Устал рождаться и умирать. Санкт-Петербург: Амфора, 2014. 803 с.
5. Ли Сяндун Лакуны и способы их преодоления в понимании русского текста // Русский язык в Китае. 1993. № (03). С. 3 – 7.
6. Ли Сяндун Явление лакун и исследование лакун // Русский язык в Китае. 2002. № 21 (04). С. 8.
7. Лю Юйбао, Чэнь Цзюань Исследование стратегий и методов перевода китайских культурно маркированных слов в русском переводе романа «Устал рождаться и умирать» на основе параллельного корпуса // Русский язык в Китае. 2018. № 37 (01). С. 38 – 51.
8. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст: введение в лакунологию: учебное пособие для студентов, обучающихся по специальностям «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2008. С. 144.
9. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. Московский лицей, 1996. С. 208.
10. Мо Янь Устал рождаться и умирать. Пекин: Издательство писателей, 2012. 567 с.
11. Муравьёв В.Л. Лексические лакуны: (На материале французского и русского языков). Владимир: Педагогический институт, 1975. С. 24.
12. Сороки Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур: Художественная литература в культурологическом аспекте // Национально-культурная специфика речевого поведения, 1977. С. 91 – 120.
13. Степанов Ю.С. Французская стилистика (в сравнении с русской): учебное пособие для студентов институтов и факультетов иностранных языков. Москва: Высшая школа, 1965. С. 120.
14. Сун Мэнлу Исследование переводческих комментариев в русском переводе романа «Устал рождаться и умирать» с точки зрения паратекста. Харбинский политехнический университет, 2024. С. 31.
15. Сюй Лихун Исследование культурной семантики русских переводов типичных произведений китайской литературы. Хэйлунцзянский университет, 2021. С. 20.
16. Фан Мэнчжи Большой словарь китайской переводоведческой науки. Шанхайское издательство иностранных языков, 2011. С. 101.
17. Ху Гумин., Шэнь Мань Стратегии перевода культурных лакун в китайско-русском переводе // Русский язык в Китае. 2011. № 30 (01). С. 17 – 21.
18. Хуан Чжунлянь., Фан Мэнчжи., Ли Яшу Прикладное переводоведение. Пекин: Издательство оборонной промышленности, 2013. С. 59.

References

1. Barkhudarov L.S. Language and Translation (Problems of General and Specific Translation Theory). International Relations, 1975. P. 93.
2. Wang Bingqin, Cultural Translation Studies. Nankai University Press, 2007. P. 6.
3. Gachev G.D. On National Worldviews. Peoples of Asia and Africa. 1967. No. 1. P. 83.
4. Egorov I.A. Tired of Being Born and Dying. St. Petersburg: Amphora, 2014. 803 p.
5. Li Xiangdong, Gacunas and Ways to Overcome Them in Understanding Russian Texts. Russian Language in China. 1993. No. (03). P. 3 – 7.
6. Li Xiangdong, The Phenomenon of Lacunae and the Study of Lacunae. Russian Language in China. 2002. No. 21 (04). P. 8.
7. Liu Yubao, Chen Juan A Study of Translation Strategies and Methods of Chinese Culturally Marked Words in the Russian Translation of the Novel "Tired of Being Born and Dying" Based on a Parallel Corpus. Russian Language in China. 2018. No. 37 (01). P. 38 – 51.
8. Markovina I.Yu., Sorokin Yu.A. Culture and Text: Introduction to Lacunology: A Textbook for Students Studying in the Specialties of Linguistics and Intercultural Communication. Moscow: GEOTAR-Media, 2008. P. 144.
9. Minyar-Beloruchev R.K. Theory and Methods of Translation. Moscow Lyceum, 1996. P. 208.
10. Mo Yan. Tired of Being Born and Dying. Beijing: Writers' Publishing House, 2012. 567 p.
11. Muravyov V.L. Lexical Lacunae: (Based on the French and Russian Languages). Vladimir: Pedagogical Institute, 1975. P. 24.

12. Soroki Yu.A. The Method of Establishing Gaps as a Way of Revealing the Specific Character of Local Cultures: Fiction in the Cultural Aspect. National-Cultural Specifics of Speech Behavior, 1977. P. 91 – 120.

13. Stepanov Yu.S. French Stylistics (in Comparison with Russian): A Textbook for Students of Institutes and Faculties of Foreign Languages. Moscow: Vysshaya Shkola, 1965. P. 120.

14. Song Menglu A Study of Translation Commentaries in the Russian Translation of the Novel "Tired of Being Born and Dying" from the Perspective of Paratext. Harbin Institute of Technology, 2024. P. 31.

15. Xu Lihong A Study of Cultural Semantics of Russian Translations of Typical Works of Chinese Literature. Heilongjiang University, 2021. P. 20.

16. Fan Mengzhi The Comprehensive Dictionary of Chinese Translation Studies. Shanghai Foreign Languages Publishing House, 2011. P. 101.

17. Hu Guming, Shen Man Strategies for Translating Cultural Gaps in Chinese-Russian Translation. Russian Language in China. 2011. No. 30 (01). P. 17 – 21.

18. Huang Zhonglian, Fan Mengzhi, Li Yashu Applied Translation Studies. Beijing: Defense Industry Publishing House, 2013. P. 59.

Информация об авторах

Чжоу Яо, Институт русского языка, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай, 1149635998@qq.com

Гуань Сюцзюань, Институт русского языка, Хэйлунцзянский университет, Харбин, Китай

© Чжоу Яо, Гуань Сюцзюань, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 82.091
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-191-196

Достоевский и Леопарди: о некоторых параллелях в творчестве

[1] Балаева С.В.

[1] Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица

Аннотация: статья посвящена идейным параллелям, обнаруживающимся в философской прозе Джакомо Леопарди и в романах Ф.М. Достоевского. В центре работы – «Нравственные очерки» (Operette morali, 1827/1845) Леопарди и произведения Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866), «Братья Карамазовы» (1879-1880), «Бесы» (1872), «Дневник писателя» (1873-1881). Анализируются текстовые параллели: диалогическая форма (традиция Аристотеля и Сигонио у Леопарди, полифония по Бахтину у Достоевского); мотивы бесконечности как условия смысла бытия; пессимизм, связанный со стремлением к бесконечному и конечностью человека; размышления о самоубийстве как выходе из страданий. Прямых свидетельств связи Достоевского и Леопарди нет, однако популярность итальянского поэта в Европе и России (переводы поэзии Леопарди другом Достоевского А.Н. Плещеевым в «Вестнике Европы» 1871 г., «Отечественных записках» 1869-1872 гг.) предполагает косвенное знакомство с ним через французские или русские источники, учитывая тот факт, что Достоевский владел европейскими языками. Несмотря на отсутствие документальных доказательств, структурные и философские параллели в произведениях итальянского и русского авторов предполагают возможность идейной связи Достоевского и Леопарди, обогащая понимание произведений русского писателя.
Ключевые слова: Леопарди, Достоевский, диалог, самоубийство, пессимизм

Для цитирования: Балаева С.В. Достоевский и Леопарди: о некоторых параллелях в творчестве // Современный ученый. 2026. № 10. С. 191 – 196. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-191-196

Поступила в редакцию: 16 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Dostoevsky and Leopardi: on the question of parallelism in their works

[1] Balaeva S.V.

[1] Saint Petersburg State Academy of Art and Design named after A.L. Stieglitz

Abstract: the article explores ideological parallelism in Giacomo Leopardi's philosophical prose and in the F.M. Dostoevsky's novels. It centers on Leopardi's „Moral Essays“ (Operette morali, 1845) and Dostoevsky's novels „Crime and Punishment“ (1866), „Demons“ (1872), „The Brothers Karamazov“ (1879-1880) as well as his „A Writer's Diary“ (1873-1881). Key textual parallels include the dialogic form (drawing on the Aristotelian-Sigonian tradition in Leopardi and Bakhtinian polyphony in Dostoevsky); the motif of infinity as a prerequisite for existential meaning; pessimism arising from humanity's striving for the infinite amid its inherent finitude; and reflections on suicide as an escape from suffering. No direct evidence links Dostoevsky to Leopardi. However, Leopardi's popularity in Europe and in Russia through translations of his poetry by Dostoevsky's friend A.N. Pleshcheev

(Vestnik Evropy, 1871; Otechestvennye Zapiski, 1869-1872) – suggests Dostoevsky's indirect acquaintance via French or Russian intermediaries, especially given his command of European languages. Despite the absence of documentary proof, the structural and philosophical parallels between the Italian and Russian authors point to a possible ideological connection, enriching our understanding of Dostoevsky's oeuvre.
Keywords: Leopardi, Dostoevsky, dialogue, suicide, pessimism

For citation: Balaeva S.V. Dostoevsky and Leopardi: on the question of parallelism in their works. Modern Scientist. 2026. 10. P. 191 – 196. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-191-196

The article was submitted: May 16, 2026; Approved after reviewing: June 13, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

В данном исследовании поставлен вопрос об идейном параллелизме в творчестве Джакомо Леопарди (Giacomo Leopardi, 1798-1837) и Федора Михайловича Достоевского (1821-1881). Говорить о прямом влиянии трудно. Известно, что в библиотеке Достоевского не было книг Леопарди. Единственная книга об итальянском поэте пера В.И. Штейна «Граф Джакомо Леопарди (1798-1837) и его теория Infelicita» была издана после смерти писателя в 1891 г. и подарена его супруге [3, с. 303]. С другой стороны, каталог этой библиотеки представляет собой лишь малую часть всех книг, которыми действительно владел Достоевский.

Другом Достоевского с начала 1840-х гг. был А.Н. Плещеев (1825-1893), который позднее переводил поэзию Леопарди. Так, в 1871 г. в №10 журнала «Вестник Европы» А.Н. Плещеев опубликовал переводы стихотворений Леопарди «На замужество сестры моей Паолины», «Сон», «Одинокая жизнь», «К себе самому» (стр. 572-582). Интересно, что в журнале «Отечественные записки» последняя часть романа «Подросток» Ф. Достоевского [6] соседствует с переводом А.Н. Плещеева стихотворения Дж. Леопарди «После грозы» [14]. Но никаких отзывов Достоевского о данном стихотворении мы не находим. Переводы стихотворений Джакомо Леопарди и статьи о нем публиковались в журнале «Отечественные записки» в №11 1869 г. («На свадьбу сестры» в пер. Л.Г. Граве, стр. 208-210), в №6 1872 года («К самому себе» в пер. Н.С. Курочкина, стр. 309). Кроме того, переводы Леопарди во второй половине XIX века можно было найти в журналах «Русское слово», «Вестник Европы» и др. Поскольку Достоевский в известных публикациях ни разу не упоминал о Леопарди, Лука Коста высказывает гипотезу о том, что русские переводчики Леопарди принадлежали к нигилизму, с которым Достоевский всегда боролся, а переводы публиковались в «нигилистических журналах» [18, p. 243].

В широкий русскоязычный культурный обиход творчество Леопарди входит с тридцатилетним опозданием. Так, в декабре 1867 года в журнале «Записки для чтения» появляется объемная обзорная статья Веры Павловской, посвященная биографии и литературному творчеству итальянского мыслителя [13].

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили «Нравственные очерки» (Operette morali, 1827/1845) и «Дневник размышлений» (Zibaldone di pensieri, 1817-1832) Дж. Леопарди и «Преступление и наказание» (1866), «Бесы» (1872), «Братья Карамазовы» (1879-1880) и «Дневник писателя» (1873-1881) Ф.М. Достоевского. В исследовании сочетаются сравнительный, исторический и герменевтический методы анализы текстов. Подобный подход помогает сформулировать основные точки соприкосновения в творчестве писателей, выявить сходства и идейные параллели.

Результаты и обсуждения

На данный момент существует немного научных работ, посвященных возможному диалогу Достоевского и Леопарди. Среди них следует упомянуть статьи А. Криницына (2008) [10] и Л. Косты (2024) [18].

А. Криницын сопоставляет «Великого инквизитора» Ф. Достоевского с «Историей рода человеческого», первой частью «Нравственных очерков» Леопарди. Автор предполагает, что русский писатель мог читать этот первый фрагмент очерков: «Невозможно говорить с уверенностью о влиянии Леопарди на Достоевского, хотя существует большая вероятность знакомства Достоевского с творчеством итальянского поэта и философа во французских переводах, ибо в Европе того времени Леопарди был очень популярен, а в России его великолепно знали, к примеру, Тютчев и Тургенев» [10]. О том, что Достоевский мог читать работы Леопарди, пишет и Доната Джелли Муредду [12].

Важной сходной чертой в произведениях Леопарди и Достоевского становится диалогическая природа повествования. В «Нравственных очерках» Леопарди очень часто прибегает к жанру диалога, в котором

сталкиваются разные точки зрения. Беседуют персонифицированные Мода и Смерть, Природа и Душа, Природа и Исландец, Сильф и Гном, Земля и Луна, и многие другие герои. Именно к жанру диалога относятся 17 из 24 фрагментов «Нравственных очерков» («Разговор Геркулеса и Атланта», «Разговор Моды и Смерти», «Разговор Земли и Луны», «Разговор Маламбруно и Фарфарелло», «Разговор Тристана и его друга» и др.), проникнутых духом диалектики Аристотеля [1]. Кроме того, следует заметить, что в итальянской традиции жанр «диалога» имел долгую и отрефлектированную историю, в его основе лежал диалектический подход в аристотелевском понимании. Леопарди следует традиции так называемого «драматического диалога», предложенной в XVI в. Карло Сигонио, и противопоставляемого «дидактическому» диалогу, в котором ученик задает вопросы учителю [17, с. 36]. Леопарди создает философские диалоги-парадоксы, полемичные по отношению к оптимистической вере в прогресс и возможность обретения счастья индивидом [16, с. 207-208]. Он не встает на чью-либо сторону, позволяя читателю делать выводы самостоятельно.

В этом отношении обращает на себя внимание диалогическая природа отношений героев Достоевского, в каждом романе которого «дано не снятое диалектически противостояние многих сознаний» [Бахтин, 1994, с. 29]. М.М. Бахтин указывает, что «человек у Достоевского есть субъект обращения. О нем нельзя говорить, – можно лишь обращаться к нему» [2, с. 153]. Человек может раскрыться только в общении, во взаимодействии с другим человеком: «диалог здесь не преддверие к действию, а само действие» [2, с. 153].

Сближают Леопарди и Достоевского размышления о природе бесконечности. Для Леопарди, бесконечность – недостижимый идеал, к которому стремится природа человека, поскольку человеческая душа «гораздо больше вселенной» [20]. Но Леопарди не верит в существование бесконечности, а потому человеку никогда не удастся удовлетворить свою жажду бесконечности. В свою очередь Ф.М. Достоевский верит в существование истинной бесконечности и оптимистически смотрит на участь людей. Общим для Леопарди и Достоевского становится понимание бесконечности как необходимого условия смысла человеческого существования [18, p. 242].

Леопарди исходит из того, что несчастье индивидуума связано с бесконечностью, стремление к которой выражается в безмерном себялюбии, но побочным эффектом этого оказывается невозможность удовлетворения всех желаний в материальном мире. Леопарди – атеист [23], который приходит к выводу, что бесконечное счастье не может быть достигнуто в этой жизни, а в другую жизнь он не верит: «Человек <...> даже в момент наибольшего удовольствия в своей жизни, желает не только большего, но бесконечно большего <...> человек в каждый миг своей умственной и чувственной жизни желает бесконечно большего или лучшего, чем то, что имеет» [19, p. 4126]. Более того, счастье вовсе не существует (“Il fine dell’uomo, il sommo suo bene, la sua felicità, non esistono”) [19, p. 4168].

На размышления Леопарди влияли изменения в философском измерении мира и человека в нем. Особенное и сильное влияние оказала работа философа Дж. Вико «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) [22], в которой ее автор выводит формулу истины как verum quia factum / verum ipsum factum (истинно то, что сотворено) (букв. «истинно, так как содеяно»): «человек делается человеком, делая себя правилом вселенной» [15]. И возможности достижения счастья отныне связаны не с высшими божественными силами, а с самим человеком, его намерениями и достижениями. Но жизнь отдельного индивида коротка, так что без божественного вмешательства жажда бесконечности остается неутолимой.

Так, в размышлениях Леопарди жизни часто противопоставляется смерть как покой без мыслей о бесконечном, без каких-либо надежд и мыслей вообще. И схожей чертой в творчестве итальянского поэта-мыслителя Леопарди и русского писателя Достоевского являются размышления о самоубийстве.

Несовершенство и конечность человеческой природы вкупе со свойственным ей стремлением к бесконечному рождают пессимизм Леопарди: «...монархи, находясь на вершине того, что именуется человеческим счастьем, владея всеми так называемыми жизненными благами, не могут надеяться на большее счастье и большие блага (или только на очень немногие), а значит, не могут и посулить себе, что их завтрашний день будет лучше сегодняшнего. Настоящее же, каким бы оно ни было счастливым, всегда печально и не мило, ибо по душе нам только будущее», – говорит философ Порфирий в последней части очерков «Разговор Порфирия и Плотина» [11, с. 216-217]. Подобный взгляд в некоторой степени разделяет герой романа «Бесы» Степан Верховенский, который на смертном одре утверждает: «Человеку гораздо необходимее собственного счастья знать и каждое мгновение веровать в то, что есть где-то уже совершенное и спокойное счастье, для всех и для всего… Весь закон бытия человеческого лишь в том, чтобы человек всегда мог преклониться пред безмерно великим. Если лишить людей безмерно великого, то не станут они жить и умрут в отчаянии» [8, т. 10, с. 567]. Леопарди в «Дневнике размышлений» отвечает для себя на вопрос, что делает жизнь человека невозможной, так: «Если бы религия и иллюзии были полностью устранены, то каждый человек, и даже каждый ребенок, только научившись думать <...> неизбежно покончил бы с собой» [19, p.

216]. Впрочем, дневник Леопарди был впервые опубликован только в 1898 году [21], уже после смерти Достоевского.

В «Разговоре Плотина и Порфирия» Леопарди устами Порфирия, решившего покончить жизнь самоубийством, объясняет свое решение особенностями природы людей: «Между тем как все животные умирают безо всякого страха, человек <…> навсегда лишен покоя и безмятежности духа в свой последний час. <…> у других животных не появляется желания покончить с собою,— но ведь и несчастья их не так обширны, как несчастья людей, к тому же они никогда бы не нашли в себе мужества добровольно оборвать свою жизнь. А если бы склонность к этому была заложена в природе диких животных, ничто не помешало бы им умереть, и никакой запрет, никакое сомнение не отняло бы у них способности избавиться от своих бед» [11, с. 209-210]. В главе «Приговор» в своем дневнике Ф.М. Достоевский приводит размышления самоубийцы-материалиста, которые созвучны доводам героя Леопарди: «Пусть уж лучше я был бы создан как все животные, то есть живущим, но не сознающим себя разумно; сознание же мое есть именно не гармония; а, напротив, дисгармония, потому что я с ним несчастлив. Посмотрите, кто счастлив на свете и какие люди соглашаются жить? Как раз те, которые похожи на животных и ближе подходят под их тип по малому развитию их сознания» [9, с. 178]. Эти мысли удивительно схожи и со словами великого инквизитора из романа Достоевского «Братья Карамазовы»: «Ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле…» [7, т. 14, с. 232] К проблеме самоубийства Достоевский обращается почти в каждом из своих романов [4, с. 223]. Причины для этого русский писатель видел разные: экономические, психические, идейные.

Порфирий в разговоре с Плотином у Леопарди утверждает, что современный человек не имеет ничего общего со своими древними предками: «…изначально для человека было неестественно предавать себя добровольной смерти, – но неестественно было и желать ее. Теперь и то и другое стало естественным» [11, с. 214-215]. И Раскольников в романе «Преступление и наказание» на некоторое время будто бы рассматривает возможность совершения самоубийства. Но автор не позволяет ему следовать по этому пути, делая героя свидетелем попытки самоубийства: «...кто-то стал подле него, справа, рядом; он взглянул и увидел женщину, высокую, с платком на голове, с желтым, продолговатым, испитым лицом и с красноватыми, впавшими глазами. Она глядела на него прямо, но, очевидно, ничего не видала и никого не различала. Вдруг она облокотилась правою рукой о перила, подняла правую ногу и замахнула ее за решетку, затем левую, и бросилась в канаву. Грязная вода раздалась, поглотила на мгновение жертву, но через минуту утопленница всплыла, и ее тихо понесло вниз по течению, головой и ногами в воде, спиной поверх, со сбившеюся и вспухшею над водой, как подушка, юбкой» [8, т. 6, с. 147]. Эта допившаяся «до чертиков» Афросиньюшка была спасена и уже живая через некоторое время «села и стала чихать и фыркать» [8, т. 6, с. 147]. Раскольников в эту минуту решил, что топиться не станет: «Нет, гадко... вода... не стоит, бормотал он про себя» [8, т. 6, с. 147].

У Леопарди Порфирий говорит, что люди «больше боятся гавани, чем бури» [11, с. 208], сравнивая гавань со смертью, а бурю/жизнь со страданием: «вопрос тут сводится к тому, что лучше: не страдать или страдать» [11, с. 215]. Так, в произведении Леопарди Плотину удается убедить Порфирия не совершать самоубийство и дать себе разрешение жить дальше, отдаться реке жизни. Интересно, что метафора воды/бури и берега/гавани звучит и в романе «Преступление и наказание», когда Порфирий Петрович говорит Раскольникову: «Пострадайте. (...) отдайтесь жизни прямо, не рассуждая; не беспокойтесь, – прямо на берег вынесет и на ноги поставит» [8, т. 6, с. 397]. И у Леопарди Плотин убеждает Порфирия похожим образом: «...проходит немного времени, <...> у нас появляется то одна, то другая новая надежда, а все человеческое вновь <...> кажется достойным стараний» [11, с. 218].

Выводы

Л. Гросман писал, что Достоевский видел в социальном атомизме «великую опасность», что он рано начал «всматриваться в каждое поэтическое, философское или социальное учение», которое могло объединить людей [5, с. 16-17]. Поэтому в его книгах не прекращается спор между евангельской вестью и голосом скептического разума, в котором звучат отголоски общественных идеологем XIX века. Одним из таких скептических голосов может быть голос Джакомо Леопарди, чьи «Нравственные очерки» кажутся близкими размышлениям Достоевского. Диалогическая форма, унаследованная Леопарди от итальянской традиции (Сигонио, Аристотель), перекликается с полифонизмом Достоевского, где конфликт сознаний составляет самую суть действия.

Список источников

1. Балаева С.В. Влияние научных теорий на образный мир Джакомо Леопарди // Российский лингвистический бюллетень. 2024. № 9 (57). DOI: 10.60797/RULB.2024.57.8
2. Бахтин М.М. Проблемы творчества Достоевского. М.: Алконост, 1994. 173 с.
3. Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / отв.ред. Н.Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
4. Гришин Д.В. Дневник писателя Ф.М. Достоевского. Мельбурн: [изд-во не указано], 1966. 274 с.
5. Гросман Л. Путь Достоевского. Л.: изд. Брокгауз-Ефрон, 1924. 242 с. URL:http://e-heritage.ru/Book/10074580 (дата обращения: 16.01.2026)
6. Достоевский Ф.М. Подросток. Часть третья. Главы IX-XIII // Отечественные записки. 1875. Т. CCXXIII. № 12. Отд. I. С. 435 – 516.
7. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990.
8. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 35 т. СПб.: Наука, 2013 (издание продолжается).
9. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М.: Художественная литература, 2023. 464 с.
10. Криницын А.Б. Достоевский и Леопарди. «Легенда о Великом инквизиторе» в контексте европейской философской мысли. URL:https://portal-slovo.ru/authors/39787.php (дата обращения: 02.03.2026)
11. Леопарди Дж. Этика и эстетика: пер. с итал., сост. и коммент. С.А. Ошерова. М.: Искусство, 1978. 470 с.
12. Муредду Д.Д. Судьба Леопарди в России: пер. с итал. А.Б. Махов. М.: Журн. «Юность», 1999. 88 с.
13. Павловская В. Леопарди // Записки для чтения. Декабрь. Санкт-Петербург: типография товарищества «Общественная польза», 1867. С. 1 – 44.
14. Плещеев А.Н. После грозы («Гроза прошла... На улице опять...») Стихотворение Джакомо Леопарди // Отечественные записки. 1875. Т. CCXXIII. № 12. Отд. I. С. 517 – 518.
15. Погоняйло А.Г. Евтифроново вдохновение («Кратил» и «Новая наука»). URL:https://plato.today/AKADEMIA/akademia1/11.htm (дата обращения: 02.03.2026)
16. Сапрыкина Е.Ю. Джакомо Леопарди // История литературы Италии. Т. IV. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 173 – 212.
17. Чекалов К.А. Галилей и классицистическая тенденция в прозе Сейченто // Литература Италии. Т. III. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 28 – 50.
18. Costa L. Infinite or Indefinite? Leopardi’s Infinite through the Lens of Fyodor Dostoevsky // Italian Studies. 2024. Vol. 79. No. 3. P. 239 – 252. DOI: 10.1080/00751634.2024.2383545.
19. Giacomo Leopardi's Zibaldone di pensieri. A digital research platform. URL: https://digitalzibaldone.net. (дата обращения: 02.03.2026)
20. Leopardi G. Pensieri // Leopardi G. Poesie e prose. Milano: Mondadori, 1980. Vol. 2. P. 321.
21. Leopardi G. Pensieri di varia filosofia e di bella letteratura, a cura di Giosuè Carducci. Firenze: Le Monnier, 1898. 504 p.
22. Piperno M. Rebuilding post-Revolutionary Italy: Leopardi and Vico's 'New science'. Voltaire Foundation, 2018. 284 p.
23. Veronese C., Williams P. The atheism of Giacomo Leopardi. Market Harborough, Leicestershire: Troubador Publishing, 2014. 264 p.

References

1. Balaeva S.V. The Influence of Scientific Theories on the Figurative World of Giacomo Leopardi. Russian Linguistic Bulletin. 2024. No. 9 (57). DOI: 10.60797/RULB.2024.57.8
2. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Work. Moscow: Alkonost, 1994. 173 p.
3. The Library of F.M. Dostoevsky: An Attempt at Reconstruction. Scientific Description. ed. by N.F. Budanov. St. Petersburg: Nauka, 2005. 338 p.
4. Grishin D.V. The Diary of the Writer F.M. Dostoevsky. Melbourne: [publisher not specified], 1966. 274 p.
5. Grosman L. Dostoevsky's Path. Leningrad: Publishing House Brockhaus-Efron, 1924. 242 p. URL: http://e-heritage.ru/Book/10074580 (date of access: 16.01.2026)
6. Dostoevsky, F.M. The Teenager. Part Three. Chapters IX-XIII. Otechestvennye zapiski. 1875. Vol. CCXXIII. No. 12. Section I. P. 435 – 516.
7. Dostoevsky F.M. Complete Works: in 30 volumes. Leningrad: Nauka, 1972-1990.
8. Dostoevsky F.M. Complete Works: in 35 volumes. St. Petersburg: Nauka, 2013 (publication ongoing).
9. Dostoevsky F.M. A Writer’s Diary. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 2023. 464 p.

10. Krinitsyn A.B. Dostoevsky and Leopardi. "The Legend of the Grand Inquisitor" in the Context of European Philosophical Thought. URL: https://portal-slovo.ru/authors/39787.php (date of access: 02.03.2026)

11. Leopardi G. Ethics and Aesthetics: translated from Italian, compiled and commented by S.A. Osherov. Moscow: Iskusstvo, 1978. 470 p.

12. Mureddu D.D. Leopardi's Fate in Russia: translated from Italian by A.B. Makhov. Moscow: Zhurn. "Yunost", 1999. 88 p.

13. Pavlovskaya V. Leopardi. Notes for Reading. December. Saint Petersburg: Printing House of the "Public Benefit" Partnership, 1867. P. 1 – 44.

14. Pleshcheyev, A.N. After the Thunderstorm ("The Thunderstorm Has Passed... On the Street Again..."). A Poem by Giacomo Leopardi. Otechestvennye zapiski. 1875. Vol. CCXXIII. No. 12. Section I. P. 517 – 518.

15. Pogonyailo, A.G. Euthyphron's Inspiration ("Cratylus" and "New Science"). URL: https://plato.today/AKADEMIA/akademia1/11.htm (date of access: 02.03.2026)

16. Saprykina, E.Yu. Giacomo Leopardi. History of Italian Literature. Vol. IV. Book 1. Moscow: IMLI RAS, 2016. P. 173 – 212.

17. Chekalov K.A. Galileo and the Classical Tendency in Seicento Prose. Literature of Italy. Vol. III. Moscow: IMLI RAS, 2012. P. 28 – 50.

18. Costa L. Infinite or Indefinite? Leopardi's Infinite through the Lens of Fyodor Dostoevsky. Italian Studies. 2024. Vol. 79. No. 3. P. 239 – 252. DOI: 10.1080/00751634.2024.2383545

19. Giacomo Leopardi's Zibaldone di pensieri. A digital research platform. URL: https://digitalzibaldone.net. (date of access: 02.03.2026)

20. Leopardi G. Pensieri. Leopardi G. Poesie e prose. Milano: Mondadori, 1980. Vol. 2. P. 321.

21. Leopardi G. Pensieri di varia filosofia e di bella letteratura, a cura di Giosuè Carducci. Firenze: Le Monnier, 1898. 504 p.

22. Piperno M. Rebuilding post-Revolutionary Italy: Leopardi and Vico's 'New science'. Voltaire Foundation, 2018. 284 p.

23. Veronese C., Williams P. The atheism of Giacomo Leopardi. Market Harborough, Leicestershire: Troubador Publishing, 2014. 264 p.

Информация об авторе

Балаева С.В., кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица, 191028, Санкт-Петербург, Соляной переулок, д. 13-15, svetlana.balaeva@inbox.ru

© Балаева С.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 070.1
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-197-204

Структурно-содержательные особенности организации иностранного политического медиаобраза в социальных сетях (на примере медиаобраза Э. Макрона)

[1] Булатный В.В.

[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: статья посвящена анализу структурно-содержательных особенностей организации медиаобраза иностранного политического лидера в отечественных новостных Telegram-каналах на примере репрезентации Э. Макрона. Значимость исследования определяется тем, что в условиях цифровизации политической коммуникации именно социальные медиа становятся одной из ключевых площадок, где закрепляются, перерабатываются и распространяются представления о политических лидерах. В статье исходно принимается положение о том, что Telegram-каналы функционируют не как пассивный технический посредник, а как особая коммуникативная среда, в которой политическое содержание подвергается клиповой компрессии, жанровой диффузии, микро-событийной переработке и эмоциональной маркировке. Теоретической основой исследования выступает разграничение структуры медиаобраза в узком и широком смысле: в узком смысле она соотносится с планом содержания, тогда как в широком включает также план выражения, план канала и план восприятия. В рамках исследования медиаобраз операционализирован через четыре содержательных пласта: интеракционный, идеологический, внутриполитический и личностный. Эмпирическую базу составили публикации российских Telegram-каналов «Раньше всех. Ну почти.», «Лентач», «Mash» и «Ньюсач/Двач», посвящённые Э. Макрону, в хронологических рамках 2017-2024 гг.; выборка сформирована на основе сплошного отбора постов по фамилии лидера с последующей классификацией по содержательным пластам. В результате установлено, что в Telegram-среде медиаобраз Э. Макрона строится как совокупность устойчивых смысловых зон, однако их внутренняя иерархия и модальность зависят от логики канала.

Ключевые слова: медиаобраз, политический лидер, Эмманюэль Макрон, Telegram-каналы, новые медиа, политическая коммуникация, структура медиаобраза, интеракционный пласт, идеологический пласт, сетевой дискурс

Для цитирования: Булатный В.В. Структурно-содержательные особенности организации иностранного политического медиаобраза в социальных сетях (на примере медиаобраза Э. Макрона) // Современный ученый. 2026. № 10. С. 197 – 204. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-197-204

Поступила в редакцию: 17 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Structural and substantive features of the organization of a foreign political media image in social networks (using the example of the media image of E. Macron)

[1] Bulatnyy V.V.

[1] Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: the article examines the structural and content-related features of organizing the media image of a foreign political leader in Russian news Telegram channels, using the case of Emmanuel Macron. The relevance of the study lies in the fact that, under the conditions of digital transformation of political communication, social media have become one of the principal arenas where representations of political leaders are fixed, reshaped, and circulated. The study proceeds from the assumption that Telegram channels should not be treated as passive technical intermediaries, but rather as a specific communicative environment in which political content undergoes clip-like compression, genre diffusion, micro-event processing, and emotional marking. The theoretical framework is based on the distinction between the structure of the media image in the narrow and broad senses: in the narrow sense, it is correlated with the plane of content, while in the broad sense it also includes the planes of expression, channel, and perception. In the present study, the media image is operationalized through four content layers: interactional, ideological, domestic political, and personal. The empirical corpus consists of publications from the Russian Telegram channels “Ranshe vsekh. Nu pochti.”, “Lentach”, “Mash”, and “Nyusach/Dvach” devoted to Emmanuel Macron within the chronological framework of 2017-2024; the sample was formed through a continuous selection of posts containing the leader’s surname, followed by their classification according to the identified content layers. The results show that in the Telegram environment Macron’s media image is constructed as a set of stable semantic zones, while their internal hierarchy and modality depend on the logic of the channel.
Keywords: media image, political leader, Emmanuel Macron, Telegram channels, new media, political communication, media image structure, interactional layer, ideological layer, network discourse

For citation: Bulatnyy V.V. Structural and substantive features of the organization of a foreign political media image in social networks (using the example of the media image of E. Macron). Modern Scientist. 2026. 10. P. 197 – 204. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-197-204

The article was submitted: May 17, 2026; Approved after reviewing: June 14, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

В условиях цифровой трансформации политической коммуникации всё более заметной становится роль социальных медиа в формировании представлений о политических акторах. Если в традиционном медиапространстве образ лидера закреплялся преимущественно через институционально организованные формы репрезентации, то в сетевой среде он начинает существовать в логике непрерывной переработки, фрагментации, эмоционального кадрирования и жанрового смешения. Особенно показательны в этом отношении новостные Telegram-каналы, которые сочетают функции оперативного информирования, интерпретации, оценочного сопровождения и вовлечения аудитории. В результате именно здесь политический лидер предстает не как статично заданная фигура, а как подвижная конфигурация повторяющихся смыслов, собираемая из разных тематических и коммуникативных фрагментов.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью уточнить, каким образом в отечественных новостных Telegram-каналах организуется медиаобраз иностранного политического лидера на уровне содержания. Речь идет не только о наборе тем, в которых упоминается политический актор, но и о внутреннем устройстве этого образа: какие устойчивые смысловые зоны формируют его ядро, как они соотносятся друг с другом и как перераспределяются в зависимости от логики сетевого канала. В центре внимания оказывается не языковая или визуальная оболочка как таковая, а именно структурно-содержательный уровень медиаобраза, позволяющий увидеть, какие компоненты становятся базовыми для репрезентации лидера в цифровой новостной среде.

В статье в качестве объекта анализа рассматривается медиаобраз Э. Макрона в российских новостных Telegram-каналах. Эмпирическую базу исследования составили публикации российских новостных Telegram-каналов «Раньше всех. Ну почти.», «Лентач», «Mash» и «Ньюсач/Двач», посвящённые Э. Макро-

ну. Хронологические рамки материала охватывают период с 2017 по 2024 г., что позволяет проследить репрезентацию лидера в относительно длительной временной перспективе и включить в анализ как электоральные, так и внешнеполитические, внутриполитические и личностные сюжеты. Корпус был сформирован методом сплошной выборки постов по ключевому слову – фамилии лидера, после чего публикации были проанализированы и распределены по содержательным пластам на основании их тематического и смыслового сходства.

Материалы и методы исследований

В научной литературе термин «медиаобраз» понимается неодинаково. Так, Т.Н. Галинская связывает его с образом реальности, возникающим в медиапространстве, то есть с образом, который создаётся не в прямом контакте с объектом, а в медиально опосредованной форме [6, с. 91-94]. Л.Л. Реснянская делает акцент на том, что медиаобраз обладает моделирующим, а не просто отражающим характером и возникает в соответствии с логикой медиакоммуникации [цит. по 1]. Е.Н. Богдан рассматривает его как результат репрезентации объекта в медийной среде, где значима авторская переработка материала [3, с. 14]. И.А. Балалуева подчеркивает инструментальный потенциал медиаобраза, рассматривая его как средство воздействия на массовое сознание [2, с. 86-91]. Л.В. Хочунская, в свою очередь, указывает на диалогическую природу этого феномена и его зависимость не только от автора, но и от восприятия адресата [17, с. 91-95].

Сопоставление этих трактовок показывает, что расхождения между ними касаются прежде всего степени активности медиа в создании образа, а также распределения ролей между автором и аудиторией [2; 3; 6; 17]. Одни исследователи тяготеют к пониманию медиаобраза как формы отражения объекта в медиасреде, другие – к его пониманию как модели, специально формируемой и способной выполнять интерпретационную и воздействующую функции [2; 6]. Проблема таких трактовок состоит в том, что в них нередко недостаточно отчётливо разведены отражательный, конструктивный и рецептивный аспекты: медиаобраз то сближается с образом как продуктом восприятия, то фактически заменяется имиджем как результатом целенаправленного формирования [7; 17]

В этой связи необходимо кратко разграничить понятия «имидж» и «медиаобраз». В политико-коммуникативных исследованиях, прежде всего у Г.Г. Почепцова, имидж трактуется как целенаправленно создаваемый образ политического актора, рассчитанный на определённый эффект и на решение конкретных политических задач [13]. Тем самым имидж изначально относится к сфере стратегического конструирования, самопрезентации и управления впечатлением.

Результаты и обсуждения

Медиаобраз представляет собой более сложное и менее управляемое образование. В отличие от имиджа, он возникает не только как результат намеренной имиджевой работы, но и как следствие медиальной обработки, жанрового оформления, авторской интерпретации события и его последующего восприятия аудиторией [2; 6; 17]. Иными словами, имидж может рассматриваться лишь как один из факторов формирования медиаобраза, но не как полная замена этого понятия [13].

Принципиально важно и то, что медиаобраз не сохраняется в сообщении как окончательно зафиксированная конструкция. Подобно образу автора, он изменяется в процессе коммуникации. В логике цепочки «автор – текст – реципиент» медиатекст не передает завершённый смысл, а выступает посредником, через который адресат реконструирует образ, соотнося его со своим опытом, культурными кодами, стереотипами и ожиданиями [6; 17]. Следовательно, медиаобраз определяется не только тем, как именно объект был представлен, но и тем, каким образом эта репрезентация прочитывается и перерабатывается реципиентом [17].

С учётом этого в настоящем исследовании под медиаобразом понимается комплексное медиально опосредованное представление о политическом лидере, возникающее в результате взаимодействия имиджевой интенции, авторской интерпретации и рецептивной переработки аудитории и закрепляющееся в виде относительно устойчивого, но вариативного набора смысловых характеристик [2; 3; 6; 17].

Такое определение позволяет рассматривать медиаобраз не как неподвижную данность, а как динамическую конфигурацию представлений, складывающуюся в процессе трансляции, обработки и восприятия в медиакоммуникации [6; 17].

В исследованиях, посвящённых структуре медиаобраза, сохраняется методологическая неоднородность: разные авторы вкладывают в само понятие структуры разные уровни анализа. Л.Н. Везнер, обращаясь к образу города, делает акцент на системе смысловых блоков и «субобразов» [4, с. 221-224]; А.Н. Всеволодова также описывает медиаобраз как совокупность устойчивых тематических компонентов [5, с. 152-159];

Т.А. Чернышева, анализируя медиаобраз Сербии, предлагает учитывать не только содержание, но и цели, ценности, хронотоп, участников и стратегии дискурса [18]; О.А. Малетина, Э.Р. Волкова и Е.А. Князева подчеркивают зависимость репрезентации образа от политического контекста и позиции конкретного издания [1; 10]. Ю.Н. Драчева, в свою очередь, фиксирует терминологическую нестабильность самого понятия «медиаобраз» [7]. Иначе говоря, одни подходы сосредоточены на смысловой организации образа, другие – на условиях его производства, восприятия и речевого или визуального оформления. Именно это смешение уровней и создаёт методологическую неопределённость [4; 5; 7; 18].

С учётом этой дискуссии в работе принимается разведение структуры медиаобраза в широком и узком смысле. В широком смысле она охватывает сразу несколько аналитических измерений: план содержания, план восприятия, план выражения и план канала. В узком смысле структура медиаобраза понимается только как план содержания, то есть как совокупность смысловых пластов и тематических компонентов, образующих ядро репрезентации политического лидера [4; 5; 18].

Подобное понимание структуры не отменяет значимости остальных уровней, а, напротив, позволяет точнее описать их роль. Перцептивные установки аудитории, эмоциональные ожидания и различие между внутренним и внешним взглядом не входят в структуру медиаобраза как таковую, однако влияют на его интерпретацию и дальнейшее вторичное воспроизводство [7; 17]. Аналогично языковое и визуальное оформление, равно как и особенности канала, не образуют содержательного ядра медиаобраза, однако определяют способы его предъявления, закрепления и трансформации в публичной коммуникации [11; 12; 18].

Из этого следует ещё один важный вывод, непосредственно подводящий к анализу медиаобраза в новых медиа. Если в институциональном медиапространстве именно официальные СМИ задают базовый, нормативно стабилизированный контур образа, то в цифровой среде этот контур не исчезает, а начинает перестраиваться под влиянием иной логики коммуникации. Официальные СМИ формируют базовые характеристики медиаобраза через три группы параметров. Во-первых, это интенциональные параметры: Т.А. Чернышева, О.А. Уракова и О.С. Корженева позволяют описывать официальный канал как пространство целеполагания, ценностной рамки и стратегического нормирования повестки [8; 15; 18]. Во-вторых, это параметры плана содержания: Л.В. Луговая, М.Р. Курбанова, А.Н. Всеволодова, О.А. Малетина и Н.В. Моисеенко показывают, что устойчивость медиаобраза обеспечивается повторяемостью тематических блоков и закреплением базовых характеристик объекта [5; 9; 10; 11]. В-третьих, это параметры плана выражения: Н.В. Орлова, Н.В. Моисеенко, И.А. Филиппова, Е.В. Ядрихинская и В.А. Глухов акцентируют роль жанрово-языкового, символического и визуального нормирования, благодаря которому образ становится «официально читаемым» и воспроизводимым [11; 12; 16]. Иначе говоря, именно институциональный медиаканал задаёт ту версию медиаобраза, которая претендует на нормативность, устойчивость и легитимность [8; 15; 18].

В цифровой среде эти базовые параметры расширяются. Новые медиа функционируют уже не по модели «один – многим», а по логике «многие – многим», которую В. Кросби связывает с кастомизированной информацией и многонаправленной коммуникацией [20]. В.А. Сергодеев рассматривает социальные сети как самостоятельную коммуникативную среду, обладающую виртуальным, интерактивным, глобальным, креативным и мозаичным характером [14, с. 122-127]; К. Ширки – как пространство горизонтальных связей и пользовательского производства смыслов [21, с. 16-17]; Дж. Коннел – как среду, в которой размываются границы между профессиональным и непрофессиональным производством контента [19]. В результате медиаобраз формируется уже не только «сверху», через институциональное сообщение, но и «внутри среды» – через вовлечение аудитории, комментарии, репосты, полемику, мемизацию и метрики видимости [14; 20; 21]. Это ведёт к расширению интенциональных параметров, поскольку к информированию и нормированию добавляется интенция вовлечения; содержательных параметров, поскольку увеличивается число микросюжетов, реактивных и повседневных элементов; а также параметров плана выражения, поскольку усиливаются клиповость, гибридность жанров, эмоциональная маркированность и креолизованный характер подачи [14; 21].

Проведённый анализ показывает, что в отечественных новостных Telegram-каналах медиаобраз Э. Макрона организуется как относительно устойчивая система четырёх содержательных пластов – интеракционного, идеологического, внутриполитического и личностного. При этом сетевой формат не отменяет их базовую структуру, а задаёт особый режим их предъявления: политическое содержание подаётся в условиях клиповой компрессии, микро-событийности, эмоциональной маркировки и конкуренции регистров.

Интеракционный пласт в медиаобразе Э. Макрона концентрируется прежде всего вокруг его включённости в международные контакты, переговорные форматы и процедуры многостороннего взаимодействия.

Однако в данном пласте проявляется амбивалентный смысл затрудненности контакта при его потенциале: *«Мой телефонный номер не изменился»: Макрон заявил, что готов к возобновлению диалога с Путиным» (15.12.2023. Ньюсач/Двач); «Макрон заявил, что не исключает разговора с Путиным, когда «позволит контекст» (Ньюсач/Двач, 17.11.2024).* В интеракционном пласте также отчётливо проявляется зависимость медиаобраза Макрона от внешней реакции других лидеров и международного окружения. При этом, в медиаобразе данного лидера нередки посты, содержащие акцент на негативной оценке другими лидерами (например, *«Президент Турции Тайип Эрдоган предложил французскому коллеге Эммануэлю Макрону проверить свой мозг на предмет его смерти» (Раньше всех. Ну почти., 29.11.2019).* Так, институциональный контур – включенность лидера в международную интеракцию – сохраняется, но расширяется за счет новых смыслов.

Идеологический пласт медиаобраза Э. Макрона строится вокруг кратких нормативных формул, в которых лидер выступает как носитель определённого политического языка – языка европейской безопасности, либерально-гуманитарных оценок, что выражается через короткие идеологем, пригодные для сетевого цитирования, а не развернутые политические сообщения: *« ❗ Необходимо выстроить новую архитектуру безопасности с РФ – Макрон» (Раньше всех. Ну почти., 28.11.2019*).

Второй устойчивый вектор связан с либерально-гуманитарной нормативностью, где французский лидер выступает как субъект оценочного высказывания. Сетевой формат при этом сжимает подобные высказывания до коротких, легко воспроизводимых тезисов, а выбор наиболее провокационных тем для презентации данного пласта снижает уровень официальности и прибавляет образу политика скандальный оттенок: «*Макрон и Путин договорились совместно отслеживать ситуацию с положением геев в Чечне» (Лентач, 29.05.2019).*

Внутриполитический пласт медиаобраза Э. Макрона организован вокруг совершенно иной логики. Если во внешнеполитических сюжетах доминируют процедура и контакт, то во внутренней повестке на первый план выходит конфликт, кризис, институциональное напряжение и давление массовой реакции. Характерны здесь такие формулы, как *«Президент Франции Макрон объявил о роспуске Национального собрания страны…» (Раньше всех. Ну почти., 09.06.2024) и « ❗ Макрон заявил, что не намерен подавать в отставку…» (Раньше всех. Ну почти., 03.12.2024).* Уже сама повторяемость подобных сообщений задаёт образ лидера, вынужденного постоянно удерживать легитимность в условиях институциональной турбулентности.

Одним из центральных содержательных узлов внутриполитического пласта становится конфликт между реформаторской инициативой и социальным сопротивлением: *«Пенсионная реформа во Франции вступит в силу осенью этого года – Макрон» (Раньше всех. Ну почти., 17.04.2023).* Но эта формально нейтральная фиксация встраивается в более широкий пласт сообщений о забастовках, уличной мобилизации и скандировании требований отставки (например, *«Протестующие атаковали 31 полицейский участок, сожгли 1350 машин по всей стране» (Mash, 01.07.2023); «В Лионе протестующие заблокировали работу вокзала. Они вышли на пути с флагами профсоюзов, в руках у некоторых – файеры» (Раньше всех. Ну почти. 23.03.2023).* В итоге Макрон конструируется как реформатор под давлением, а сама управляемость власти считывается через конфронтацию, а не через устойчивое внутреннее согласие.

Личностный пласт медиаобраза Э. Макрона в Telegram-каналах оказывается наиболее уязвимым к девальвирующей и сниженной сетевой переработке. Здесь политик предстаёт уже не как носитель процедуры, идеологии или реформы, а как фигура, вокруг которой концентрируются унижения, слухи, бытовые детали, скандалы и вирусные микросюжеты. Одним из наиболее показательных примеров становится телесный эпизод публичного унижения: *«Неизвестный мужчина дал Эммануэлю Макрону пощёчину и выкрикнул лозунг монархистов. Президент Франции приехал к местным жителям в рамках регионального тура» (Лентач, 08.06.2021); ("Да здравствует революция!" Эти слова крикнул мужчина, бросивший нечто, похожее на яйцо, в президента Франции Макрона.» (Mash, 27/09/2021).* Подобный сюжет переводит фигуру лидера в режим мгновенно пересказываемой сцены, где государственный статус перекрывается эффектом телесной уязвимости.

Другой устойчивый узел личностного пласта – скандализация приватной сферы. Макрон в Telegram-репрезентации регулярно оказывается объектом слухов, фейков, репутационных атак и публичной интерпретации его семейной жизни. Так, в каналах фиксируется:*«Макрон опроверг слухи о том, что его жена – трансгендер… Самое худшее – это ложная информация и сфабрикованные сценарии…» (Ньюсач/Двач, 10.03.2024); «Просто нежный фотосет президента Франции Эммануэля Макрона на отдыхе – в окружении непонятных мужчин. Снимки появились в западных соцсетях. Вероятнее всего, фейк, но европейцы*

верят уверяют, что не» (Mash 09.08.2024). Здесь личностный образ строится не как автономная биографическая характеристика, а как поле внешней проекции и скандального интереса. Аналогично в эту же логику вписываются и цифровые фейки, и сетевые комментарии, и любые следы платформенной уязвимости лидера, превращающие его личность в объект постоянной публичной обработки.

Особую роль в личностном пласте играют также предметные детали, которые в иной среде могли бы остаться периферийными, но в Telegram становятся носителями оценочного эффекта. Показателен пример: *«…снять часы за 80 тысяч евро… на передаче, посвященной протестам…» (Mash, 24.03.2024); «Администрация Макрона пообещала уменьшить траты на его макияж» (Лентач, 25* работать как знак элитарности, неуместности и дистанции от социального конфликта. В других случаях личностная предметность строится через гастрономические или бытовые микромаркеры, которые не столько усиливают образ лидера, сколько делают его удобным для лёгкой, почти таблоидной циркуляции в цифровой среде: *«Эмманюэлю Макрону не подали «русский пирог», пишет Le Figaro» (Лентач, 08.05.2024).*

Выводы

Таким образом, если рассматривать четыре пласта в совокупности, становится очевидно, что медиаобраз Э. Макрона в отечественных Telegram-каналах организован по принципу неравномерной статусности. В интеракционном пласте его субъектность поддерживается через международные форматы и видимость дипломатической включённости; в идеологическом – через повторяемые нормативные формулы; во внутриполитическом – через конфликт и кризисную реактивность; в личностном – через микросюжеты уязвимости, скандала и предметной девальвации. При этом именно сочетание этих пластов создаёт комплексный образ лидера, который одновременно высоко видим, символически нагружен и постоянно подвержен снижению.

Анализ подтверждает, что медиаобраз Э. Макрона в Telegram не является хаотическим набором упоминаний, а складывается в относительно устойчивую систему смысловых пластов. Это соотносится с теми подходами к структуре медиаобраза, в которых акцент делается на повторяемых тематических компонентах и смысловых блоках [4; 5]. Вместе с тем результаты показывают, что простого перечисления этих пластов недостаточно. Значимо не только их наличие, но и различная степень их устойчивости, конфликтности и медийной уязвимости. Интеракционный и идеологический пласты в большей степени сохраняют нормативный контур политической репрезентации. Напротив, внутриполитический и личностный пласты сильнее подвержены сетевой драматизации.

Такой вывод принципиален в теоретическом отношении. Он позволяет конкретизировать различие между структурой медиаобраза в узком и широком смысле. На уровне содержания, то есть в узком смысле, медиаобраз Макрона действительно организован через устойчивые повторяемые пласты. Однако в широком смысле его конфигурация определяется тем, как именно каждый из этих пластов вводится в обращение, получает жанровую упаковку и эмоциональную нагрузку. Тем самым подтверждается, что структура медиаобраза не исчерпывается тематической классификацией, а требует учёта различной медиальной «нагруженности» отдельных смысловых зон. Результаты показывают, что Telegram-каналы не создают медиаобраз Макрона «с нуля» и не отменяют базовые характеристики, задаваемые более широким медиапространством.

Список источников

1. Алпатова В.Д., Дивинская А.А. Понятие, виды и критерии медиаобраза // Век информации (сетевое издание). 2022. № 6 (1(18). С. 70 – 86.

2. Балалуева И. Медиаобраз и социообраз: процессы взаимоуправления в информационном обществе // Право и управление. XXI век. 2014. № 4 (33). С. 86 – 91.

3. Богдан Е.Н. Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики: автореф. дис. … канд. филол. наук. 2007. 22 с.

4. Везнер Л.М. Структура образа города: основные теоретические подходы // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 4. С. 221 – 224.

5. Всеволодова А.Н. Медиаобраз городов России в федеральных печатных СМИ // Вопросы теории и практики журналистики. 2013. С. 152 – 159.

6. Галинская Т.Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике // Вестник ОГУ. 2013. № 11 (160). С. 91 – 94.

7. Драчева Ю.Н. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 2 (89). С. 134 – 146.

8. Корженева О.В. Медиаобразы в массовой политической коммуникации // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2013. № 1. С. 218 – 227.

9. Курбанова Р.Ф., Луговая Ю.А. Образ города как результат деятельности средств массовой информации // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике: сборник статей II Международной научной конференции (24-25 ноября 2016 года) / под ред. Н.Ф. Федотовой. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2016. С. 140 – 144.

10. Малетина О.А. Медиаобраз современной России в американских печатных СМИ // Lingua mobilis. 2009. № 2 (16). С. 147 – 154.

11. Моисеенко Л.В. Лингвистические средства выражения медиаобраза России и русских в западных СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 8 (799). С. 85 – 100.

12. Орлова О.Г. Жанры политического медиадискурса // Вопросы журналистики. 2020. № 7. С. 56 – 74.

13. Почепцов Г.Г. Имиджелогия. М.: Рефл-бук, 2006. 698 с.

14. Сергодеев В.А. Сетевые интернет-сообщества: сущность и социокультурные характеристики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. №. 1. С. 122 – 127.

15. Уракова В.А. К проблеме исследования медиаобраза политического лидера // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 3. С. 181 – 185.

16. Филиппова С.В., Ядрихинская Л.А. Языковая реализация медиаобраза Рамзана Кадырова в американских СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 6. С. 410 – 414.

17. Хочунская Л.В. Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2013. № 2. С. 91 – 95.

18. Чернышева Т.А. Медиаобраз страны (на материале «Российской газеты») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2010. № 1. С. 63 – 67.

19. Connell J. Weblog Central explained. Now, anyone can be a pundit – and here's where to find them. URL: http://msnbc.msn.com/id/3080815 (дата обращения: 06.07.2025)

20. Crosbie V. 2006. What is 'New Media'? Corante. April 27. URL: http://rebuildingmedia.corante.corh/archives/2006/04/27/what_is_new_media.php (дата обращения: 06.07.2025)

21. Shirky C. Cognitive Surplus: Creativity and Generosity in a Connected Age. New York: The Penguin Press, 2010. P. 16 – 17.

References

1. Alpatova V.D., Divinskaya A.A. Concept, types and criteria of media image. Information Age (online publication). 2022. No. 6 (1(18). P. 70 – 86.

2. Balalueva I. Media image and socio-image: processes of mutual management in the information society. Law and Management. XXI century. 2014. No. 4 (33). P. 86 – 91.

3. Bogdan E.N. Media image of Russia as a means of consolidation of society: structural and functional characteristics: author's abstract. dis. … candidate of philological sciences. 2007. 22 p.

4. Vezner L.M. Structure of the image of the city: main theoretical approaches. Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2014. No. 4. P. 221 – 224.

5. Vsevolodova A.N. Media image of Russian cities in federal print media. Issues of the theory and practice of journalism. 2013. P. 152 – 159.

6. Galinskaya T.N. The Concept of Media Image and the Problem of Its Reconstruction in Modern Linguistics. Bulletin of OSU. 2013. No. 11 (160). P. 91 – 94.

7. Dracheva Yu.N. The Concept of Media Image and Its Description in Linguistic and Non-linguistic Aspects. Bulletin of Cherepovets State University. 2019. No. 2 (89). P. 134 – 146.

8. Korzheneva O.V. Media Images in Mass Political Communication. Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9. 2013. No. 1. P. 218 – 227.

9. Kurbanova R.F., Lugovaya Yu.A. The Image of the City as a Result of Mass Media Activities. Visual Communication in Sociocultural Dynamics: Collection of articles from the II International Scientific Conference (November 24-25, 2016). edited by N.F. Fedotova. Kazan: Kazan University Publishing House, 2016. P. 140 – 144.

10. Maletina O.A. Media image of modern Russia in American print media. Lingua mobile. 2009. No. 2 (16). P. 147 – 154.

11. Moiseenko L.V. Linguistic means of expressing the media image of Russia and Russians in Western media. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities. 2018. No. 8 (799). pp. 85–100.

12. Orlova O.G. Genres of political media discourse. Questions of Journalism. 2020. No. 7. P. 56 – 74.
13. Pocheptsov G.G. Imageology. Moscow: Refl-book, 2006. 698 p.
14. Sergodeev V.A. Online Internet Communities: Essence and Sociocultural Characteristics. Bulletin of Adyghe State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. 2013. No. 1. P. 122 – 127.
15. Urakova V.A. On the Problem of Studying the Media Image of a Political Leader. Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2016. No. 3. P. 181 – 185.
16. Filippova S.V., Yadrikhinskaya L.A. Linguistic Realization of the Media Image of Ramzan Kadyrov in the American Media. Philological Sciences. Questions of Theory and practices. 2019. No. 6. P. 410 – 414.
17. Khochunskaya L.V. The Phenomenon of Media Image: Social and Psychological Aspect. RUDN University Bulletin. Series: Literary Criticism, Journalism. 2013. No. 2. P. 91 – 95.
18. Chernysheva T.A. Media Image of the Country (Based on the Rossiyskaya Gazeta Newspaper). Bulletin of Cherepovets State University. 2010. No. 1. P. 63 – 67.
19. Connell J. Weblog Central explained. Now, anyone can be a pundit – and here's where to find them. URL: http://msnbc.msn.com/id/3080815 (date of access: 06.07.2025)
20. Crosbie V.2006. What is 'New Media'? Corante. April 27. URL: http://rebuildingmedia.corante.corh/archives/2006/04/27/what_is_new_media.php (date of access: 06.07.2025)
21. Shirky C. Cognitive Surplus: Creativity and Generosity in a Connected Age. New York: The Penguin Press, 2010. P. 16 – 17.

Информация об авторе

Булатный В.В., аспирант, Российский университет имени Патриса Лумумбы, Bvv7898@yandex.ru

© Булатный В.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81:378'4:004
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-205-209

Концептуальные основания дискурсивных стратегий управления вузом XXI века

[1] Гурбанова А.М.

[1] Тюменский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается понятие лингвистического инжиниринга как способа формирования лингвистического и коммуникативного пространства вуза. Статья акцентирует внимание на выявлении стратегий лингвистического инжиниринга, которые применяются вузами для создания публичного имиджа в современной цифровой академической среде. Анализ осуществляется при помощи методов лингвистического и контент-анализа языковых средств репрезентации стратегий управления вузом, а в качестве материала исследования выступает главный раздел «О ТюмГУ» / «Kurumsal» / «About» на официальном сайте Тюменского государственного университета, университета Билим и университета Северной Каролины в Уилмингтоне. Выявленные в ходе анализа стратегии лингвистического инжиниринга (стратегия глобального тезауруса, стратегия институциональной государственности, стратегия персонального вовлечения) репрезентированы в лексических единицах и синтаксических конструкциях. На основе анализа в статье делается вывод о том, что российский университет (ТюмГУ) подчеркивает свое государственное значение и опирается на стратегические цели и миссии; турецкий университет (Билим) акцентирует внимание на своей идентичности и интеграции в мировое академическое сообщество, указывает на важность взаимодействия с обучающимися; американский университет (UNCW) ставит во внимание вовлеченность вуза в жизнь обучающихся и подчеркивает перспективность обучения в вузе для будущих абитуриентов.
Ключевые слова: лингвистический инжиниринг, управление, имидж, университет, стратегии, сайт

Для цитирования: Гурбанова А.М. Концептуальные основания дискурсивных стратегий управления вузом XXI века // Современный ученый. 2026. № 10. С. 205 – 209. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-205-209

Поступила в редакцию: 17 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Conceptual foundations of discursive strategies for a university management in the 21st century

[1] Gurbanova A.M.

[1] University of Tyumen

Abstract: the paper describes the concept of linguistic engineering as a way of forming the linguistic and communicative space of a university. The paper focuses on the identification of the strategies of linguistic engineering that are used by universities to create a public image in the modern digital academic sphere. The analysis is carried out with the use of methods of linguistic and content analysis of the linguistic means which represent university management strategies. The main section ‘About’ on the official website of Tyumen State University, Antalya Bilim

University, and University of North Carolina Wilmington serves as the research material. The strategies of linguistic engineering which are identified during the analysis are global thesaurus, institutional statehood, and personal involvement. These strategies are represented in lexical units and syntactic constructions. Based on the analysis, the paper concludes that the Russian university (Tyumen State University) emphasizes its national importance and relies on strategic goals and missions, whereas the Turkish university (Antalya Bilim University) focuses on its identity and integration into the global academic community and highlights the importance of interaction with students; however, the American university (University of North Carolina Wilmington) emphasizes the university's involvement in the lives of students and the potential benefits of studying at the university for future applicants.
Keywords: linguistic engineering, management, image, university, strategies, website

For citation: Gurbanova A.M. Conceptual foundations of discursive strategies for a university management in the 21st century. Modern Scientist. 2026. 10. P. 205 – 209. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-205-209

The article was submitted: May 17, 2026; Approved after reviewing: June 14, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Современные университеты представляют собой «научные центры, специализирующиеся в той или иной области наук, обучающие тысячи студентов из разных стран на основе интернационализации преподавательского персонала, применения информационных и компьютерных технологий» [1; с. 66]. Востребованные вузы в настоящее время подчеркивают важность внедрения определенных каналов связи и платформ для взаимодействия с обучающимися. Исследователи подчеркивают, что эффективные коммуникативные стратегии становятся ключевым инструментом продвижения вуза и формирования его имиджа на мировом рынке [2; с. 72]. Современная академическая среда выдвигает на первый план имидж университета, который формируется не только на основе сложившихся традиций вуза и региональных рейтингов, но и благодаря использованию коммуникативных технологий. Под имиджем вуза понимается определенный набор представлений об университете, формирующийся у обучающихся и их родителей, выпускников, работодателей [3].

Работа над имиджем вуза является эффективным способом продвижения образовательных услуг, так как вуз XXI века не только транслирует знания, но и предлагает услуги, способствующие сохранению его конкурентоспособности. Зарубежные университеты демонстрируют эффективное позиционирование на образовательном рынке благодаря привлечению фондов и спонсорских программ, пожертвованиям в исследовательские программы и оказанию финансовой поддержки обучающимся [4; с. 16]. Российские вузы стремятся повысить свою узнаваемость на образовательном рынке и ценят высокое качество образования, в которое внедряются методы цифровизации [5; с. 5].

В статье выявляются стратегии лингвистического инжиниринга вуза по формированию имиджа университета. Под лингвистическим инжинирингом предлагается понимать «прикладное лингвистическое направление, ориентированное на лингвистическое обеспечение и поддержание жизнеспособности подсистем дискурс-дифференцированного общества посредством управления знаниями» [6; с. 109]. Это формирование лингвистического и коммуникативного пространства вуза. Лингвистический инжиниринг вуза реализуется посредством внедрения современных инструментов формирования имиджа, что позволяет университету выстраивать эффективную коммуникацию и демонстрировать свою идентичность на международном уровне. Н.В. Халина отмечает, что данное лингвистическое управление «служит для обеспечения взаимодействующего в пространстве информационных потоков субъекта средствами – лингвистическими технологиями и тактиками, удобными для обработки натурального языка с целью приведения его в соответствие с требования функционирования различных областей» [7; с. 3811]. Процесс формирования лингвистического и коммуникативного пространства университета подразумевает эффективное применение коммуникативных стратегий, представляющих «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [8; с. 182].

В настоящее время выделены компоненты, которые определяют структуру имиджа вуза: «имидж образовательной услуги», «имидж потребителей образовательных услуг», «внутренний имидж организации», «имидж ректора вуза и ученого совета», «имидж персонала», «социальный имидж организации», «визуальный имидж организации», «бизнес-имидж организации» [9; с. 78]; предложен подход к коммуникативным стратегиям вуза, где ключевым является «формирование позитивного имиджа» и акцентировано внимание на важности использования «маркетинговых инструментов в коммуникации университета» [10].

Материалы и методы исследований

В качестве материала исследования выступает раздел с информацией об университете «О ТюмГУ» / «Kurumsal» / «About» на официальном сайте трех университетов: Тюменского государственного университета (ТюмГУ), университета Билим в г. Анталье (ориг. ABÜ), университета Северной Каролины в Уилмингтоне (ориг. UNCW) соответственно. Количество отобранного материала составляет 8000 единиц; в качестве одной единицы выступает лексема. Выбор данных университетов обоснован тем, что Тюменский государственный университет считается региональным лидером и одним из «флагманов трансформации образования в России» [2; с. 73], в то время как университет Билим в г. Анталье и университет Северной Каролины в Уилмингтоне являются активно развивающимися вузами-партнерами ТюмГУ.

Методология исследования включает лингвистический и контент-анализ языковых средств репрезентации стратегий управления вузом. При этом ключевым моментом оценки качества лингвистического инжиниринга является степень эффективности лингвистического наполнения сайта, формирующего имидж университета. Критериями оценки качества инжиниринга выступают прагматическая целесообразность, смысловое единство, таргетирование аудитории, уникальность университета. В результате исследования выявлены три стратегии лингвистического инжиниринга: стратегия глобального тезауруса, стратегия институциональной государственности, стратегия персонального вовлечения. Рассмотрим выделенный для анализа раздел об университете.

Результаты и обсуждения

Раздел «О ТюмГУ» расположен на главной странице официального сайта университета и включает подраздел «ТюмГУ сегодня», состоящий из следующих вкладок: «ТюмГУ в цифрах», «История», «Программы развития», «ТюмГУ в рейтингах», «Кампус», «Информация об образовательной организации», «Устойчивое развитие». Анализ данного раздела показал, что самопрезентация вуза реализуется в рамках стратегии институциональной государственности, которая является доминирующей, а также стратегии глобального тезауруса. Стратегия институциональной государственности опирается на идею того, что деятельность вуза связана с государственными приоритетами, и как эти приоритеты реализуются в сфере образования. Университет на сайте представлен как важное звено государственной программы, способствующее региональному развитию. Языковыми средствами репрезентации стратегии институциональной государственности являются такие лексические единицы и синтаксические конструкции, как «федеральная программа», «один из лидеров национальной системы высшего образования», «заметный участник», «флагман образовательной, интеллектуальной и научной жизни региона», «вуз укрепил позиции», «уверенно входит в число лучших университетов мира», «в сотне сильнейших вузов России», «программа трансформации», «опорный вуз региона». Основная идея стратегии глобального тезауруса заключается в том, что вуз использует лексику мировых образовательных трендов, характерных для университетов XXI века. Стратегия глобального тезауруса прослеживается в описании различных масштабных программ, в которых участвует ТюмГУ. Данные глобальные проекты демонстрируют стремление университета к расширению своих возможней и лидерство в сфере науки и технологий. На это указывают следующие единицы, в том числе англоязычные: «технологическое лидерство», «зеленые и энергосберегающие технологии», «экономика будущего», «драйвер, «инновационная экосистема», «консорциум», «технологичный корпус», «снижение углеродного следа», «технологическое развитие», «устойчивое развитие».

Раздел «Kurumsal», размещенный на главной странице официального сайта университета Билим, состоит из подразделов «Yönetim», «Kurumsal», «Koordinatörlükler», «Komisyonlar ve Kurullar», «Medya». Анализ данного раздела подчеркнул, что самопрезентация вуза осуществляется в рамках стратегии персонального вовлечения, выраженной достаточно ярко на сайте, а также стратегии глобального тезауруса. Идея стратегии персонального вовлечения состоит в применении индивидуального подхода к аудитории, где вклад каждого участника образовательного процесса важен, а вуз поощряет интеграцию в среду университета. Ценности и миссия вуза являются составляющими его авторитета. Стратегия персонального вовлечения отражается в использовании обращений к обучающемуся и абитуриентам, иллюстрирующих стремление университета взаимодействовать с аудиторией. Языковыми средствами репрезентации данной стратегии являются «değerli ekip arkadaşlarım», «sevgili öğrencilerim», «başarılarınızın ve deneyimlerinizin, üniversitemizi daha da zenginleştireceğine inanıyoruz», «neden ABÜ», «neden Antalya», «sizleri, bilgiye aç, öğrenmeye istekli ve vatanına katkı sağlamaya hazır bireyler olarak yetiştirmek için buradayız», «öğrenci odaklı». Стратегия глобального тезауруса реализуется в миссии университета и его видении: «yenilikçi ve uygulama odaklı bilimsel araştırmaları ve eğitimi sayesinde girişimcilikte öncü, uluslararası platformda rekabet edebilen bir üniversite olabilmektir». Университет подчеркивает свое стремление к международному лидерству и становлению

перспективным пространством для возможностей. Данная стратегия также отражена в следующих лексических единицах и синтаксических конструкциях: «lider bir üniversite», «rekabet edebilen», «uluslararası platformda», «teknolojiyi her alanda etkili kullanmak», «mevzuat ve standartları sürdürülebilir şekilde uygulamak».

Раздел «About» расположен на главной странице официального сайта UNCW и включает такие подразделы, как «Get to know UNCW», «Our Mission and Vision», «Rankings and Recognition», «History and Traditions», «Our Campus», «University Leadership», «Institutional Data and Assessment». Анализ данного раздела показал, что доминирующей стратегией в университете является стратегия персонального вовлечения, следом за которой выделяется стратегия глобального тезауруса. Стратегия персонального вовлечения иллюстрируется в использовании прямого обращения «you», местоимений «we», «our», а также таких собирательных существительных как «community», «generation», «faculty», «staff», «Seahawks» (название спортивной команды вуза). На преобладание данной стратегии также указывают следующие синтаксические конструкции, служащие для более доступного восприятия информации: «get to know UNCW», «step back in time», «enjoy the view», «more about our leaders», «this place is its people», «meet our leadership», «see how you can get involved». Стратегия глобального тезауруса выступает как возможность для личностного и профессионального роста для обучающихся и абитуриентов, является эффективным инструментом маркетинга. Данная стратегия реализуется в употреблении таких лексических единиц и синтаксических конструкций, как «thriving future», «interconnections between social, economic and ecological systems», «research», «innovation», «transformative experiences», «data-informed decisions», «recognized university».

Выводы

Проведенный лингвистический и контент-анализ раздела «О ТюмГУ» / «Kurumsal» / «About» на официальных сайтах отобранных вузов позволил выделить три наиболее отчетливо выраженные стратегии, способствующие формированию имиджа данных вузов: стратегию глобального тезауруса, стратегию персонального вовлечения и стратегию институциональной государственности. Средствами выражения выделенных стратегий выступают лексические единицы, синтаксические конструкции и прагматические компоненты, приведенные в анализе сайта каждого из университетов. Результаты анализа показали, что российский университет (ТюмГУ) фокусируется на описании стратегических целей и миссии, а также деятельности университета, выделяя его государственное значение; турецкий университет (Билим в г. Анталье) акцентирует внимание на своей идентичности и интеграции в мировое академическое сообщество, а также важности взаимодействия с обучающимися; американский университет (UNCW) ставит во внимание вовлеченность вуза в жизнь обучающихся и подчеркивает наличие перспективных возможностей для будущих абитуриентов.

Таким образом, лингвистический инжиниринг – это системная деятельность, состоящая в конструировании и репрезентации способов лингвистического управления дискурсом вуза. В результате применения стратегий инжиниринга университеты по-разному выстраивают эффективное взаимодействие с аудиторией, демонстрируют свои приоритеты, создающие публичный имидж в сегодняшней образовательной среде и повышающие их конкурентоспособность.

В дальнейшем мы планируем изучить степень эффективности лингвистического наполнения сайта посредством методов компьютерной лингвистики.

Список источников

1. Прокопенко С.А. Современный университет: от явления к сущности // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2016. №1 (21). С. 65 – 73.

2. Гурбанова А.М. Параметры эффективной коммуникации вуза в цифровом пространстве // Вестник филологических наук. 2025. Т. 5. № 9. С. 71 – 78.

3. Резник Г.А., Ежова Ю.В. Имидж вуза: сущность и основы формирования // E-Scio. 2019. № 2 (29). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-vuza-suschnost-i-osnovy-formirovaniya (дата обращения: 15.03.2026)

4. Сидорова В.Л. Формирование эффективного имиджа вуза // Artium Magister. 2008. № 11. С. 13 – 20.

5. Гудова М.Ю. Цифровая педагогика как составная часть философии образования // Цифровая педагогика: от дидактики к педагогическому дизайну: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Конвент УГИ – 2023, Екатеринбург, УрФУ, 31 марта – 1 апр. Екатеринбург, 2023. С. 3 – 6.

6. Белоусова В.С. Лингвистический менеджмент университета как форма знаньевой организации бытийного пространства // МНИЖ. 2017. № 7-1 (61). С. 108 – 112.

7. Халина Н.В. Лингвистический инжиниринг и лингвистика инжиниринга: адаптация языковедческой парадигмы к обстоятельствам эпохи инжиниринга // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 3811 – 3815.

8. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М.: Флинта: Наука, 2009. 224 с.

9. Моисеева Н.К. Маркетинг // Маркетинг и конкурентоспособность образовательного учреждения. 1999. № 5. С. 77 – 81.

10. Кошлякова М.О. Коммуникативные стратегии вуза // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2011. №1. С. 32 – 37.

References

1. Prokopenko S.A. Modern University: From Phenomenon to Essence. Professional Education in Russia and Abroad. 2016. No. 1 (21). P. 65 – 73.

2. Gurbanova A.M. Parameters of Effective Communication of a University in the Digital Space. Bulletin of Philological Sciences. 2025. Vol. 5. No. 9. P. 71 – 78.

3. Reznik G.A., Ezhova Yu.V. University Image: Essence and Foundations of Formation. E-Scio. 2019. No. 2 (29). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-vuza-suschnost-i-osnovy-formirovaniya (date of access: 15.03.2026)

4. Sidorova V.L. Formation of an Effective Image of a University. Artium Magister. 2008. No. 11. P. 13 – 20.

5. Gudova M.Yu. Digital Pedagogy as an Integral Part of the Philosophy of Education. Digital Pedagogy: From Didactics to Pedagogical Design: Coll. Art. Int. Res. and Pract. Conf. Convention UGI – 2023, Yekaterinburg, Ur-FU, March 31 – April 1. Yekaterinburg, 2023. P. 3 – 6.

6. Belousova V.S. Linguistic Management of the University as a Form of Knowledge Organization of the Existential Space. MNIZH. 2017. No. 7-1 (61). P. 108 – 112.

7. Khalina N.V. Linguistic Engineering and Engineering Linguistics: Adapting the Linguistic Paradigm to the Circumstances of the Engineering Era. Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept". 2014. Vol. 20. P. 3811 – 3815.

8. Issers O.S. Speech Influence: A Textbook for Students Majoring in Public Relations. Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 224 p.

9. Moiseeva N.K. Marketing. Marketing and Competitiveness of an Educational Institution. 1999. No. 5. P. 77 – 81.

10. Koshlyakova M.O. Communicative Strategies of the University. Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service. 2011. No. 1. P. 32 – 37.

Информация об авторе

Гурбанова А.М., ассистент, Тюменский государственный университет

© Гурбанова А.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 070:81'42:316.77
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-210-216

Концепт «гармония» в музыкальных метафорах китайских и русских медиатекстов: ценностный аспект

[1] Чэнь Цзи-И

[1] Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в статье исследуется ценностное содержание концепта «Гармония» в китайском и русском медиадискурсе на материале музыкальных метафор. Цель исследования состоит в выявлении аксиологических особенностей репрезентации гармонии в медиатекстах Китая и России, а также в определении сходств и различий в метафорическом моделировании социальных, политических и дипломатических отношений. Теоретическую основу работы составляют когнитивная теория метафоры, аксиологическая лингвистика и лингвистика медиатекста. Материалом исследования выступают государственные и общественно-политические медиатексты, в которых используются образы оркестра, хора, симфонии, партитуры, созвучия, диссонанса и фальши. В результате анализа установлено, что музыкальные метафоры выполняют не декоративную, а когнитивно-аксиологическую функцию: они эстетизируют политические и социальные ценности, придавая им характер естественной и нравственно оправданной нормы. Показано, что китайский медиадискурс преимущественно акцентирует управленческое и структурное измерение гармонии, связанное с порядком, дисциплиной и координацией, тогда как русский медиадискурс актуализирует духовно-органическое понимание гармонии как соборности, народного лада и эмоционального резонанса. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов в сравнительной лингвокультурологии, медиалингвистике, политической лингвистике и преподавании межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: концепт, гармония, 和谐, музыкальная метафора, медиадискурс, аксиология, русский язык, китайский язык, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Чэнь Цзи-И Концепт «гармония» в музыкальных метафорах китайских и русских медиатекстов: ценностный аспект // Современный ученый. 2026. № 10. С. 210 – 216. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-210-216

Поступила в редакцию: 18 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

The concept of "harmony" in musical metaphors of Chinese and Russian media texts: a value-based aspect

[1] Chen Ziyi

[1] Saint Petersburg State University

Abstract: the article examines the axiological content of the concept of "Harmony" in Chinese and Russian media discourse through the analysis of musical metaphors. The purpose of the study is to identify the value-based features of the representation of harmony in Chinese and Russian media texts and to determine similarities and differ-

ences in the metaphorical modelling of social, political and diplomatic relations. The theoretical framework combines cognitive metaphor theory, axiological linguistics and media linguistics. The material of the research includes state and socio-political media texts containing the images of orchestra, choir, symphony, score, consonance, dissonance and falseness. The analysis demonstrates that musical metaphors perform not merely a decorative but a cognitive and axiological function: they aestheticize political and social values and present them as natural, morally justified and emotionally persuasive. The study shows that Chinese media discourse primarily emphasizes the managerial and structural dimension of harmony, associated with order, discipline and coordination, whereas Russian media discourse foregrounds the spiritual and organic understanding of harmony as sobornost, common lad and emotional resonance. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results in comparative cultural linguistics, media linguistics, political linguistics and intercultural communication studies.

Keywords: concept, harmony, 和谐, musical metaphor, media discourse, axiology, the Russian language, the Chinese language, intercultural communication

For citation: Chen Ziyi The concept of "harmony" in musical metaphors of Chinese and Russian media texts: a value-based aspect. Modern Scientist. 2026. 10. P. 210 – 216. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-210-216

The article was submitted: May 18, 2026; Approved after reviewing: June 15, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Современный медиадискурс активно использует метафорические модели для интерпретации политической, социальной и международной реальности. Одним из наиболее выразительных и ценностно насыщенных типов метафорики является музыкальная метафора, поскольку музыка в разных культурах традиционно ассоциируется с порядком, согласованностью, эмоциональным единством и эстетической завершенностью. Через образы симфонии, оркестра, хора, созвучия, диссонанса и фальши медиатексты не только описывают события, но и задают определённую систему оценок.

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что концепт «Гармония» занимает важное место как в китайской, так и в русской культурно-языковой традиции, однако его ценностное наполнение в данных лингвокультурах не совпадает. В китайском дискурсе понятие 和谐 связано с конфуцианской традицией, идеей социального порядка, ритуального соответствия и управляемого равновесия. В современном политическом языке Китая этот концепт получил особое значение в рамках идей «гармоничного общества» и «сообщества единой судьбы человечества». В русской культуре гармония соотносится с категориями лада, соборности, духовного единства и внутреннего согласия.

Проблема исследования заключается в том, что музыкальные метафоры в медиатекстах Китая и России часто рассматриваются как стилистические средства, тогда как их аксиологическая функция требует специального анализа. Между тем именно через музыкальные образы в медиадискурсе формируются представления о норме и отклонении, порядке и хаосе, своём и чужом, согласии и конфликте.

Цель исследования – раскрыть ценностное содержание концепта «Гармония» в китайском и русском медиадискурсе через анализ музыкальных метафор.

Для достижения указанной цели решаются следующие задачи:

- определить теоретико-методологическую базу исследования;
- охарактеризовать культурно-философские основания концепта «Гармония» в китайской и русской традициях;
- выявить основные музыкальные метафорические модели, репрезентирующие гармонию в медиатекстах;
- провести сопоставительный анализ ценностных доминант китайского и русского медиадискурса;
- определить функции оппозиции «гармония / диссонанс» в аксиологической организации медиатекста.

Научная новизна исследования состоит в сопоставительном рассмотрении музыкальных метафор гармонии в китайском и русском медиадискурсе с акцентом на их ценностную функцию. Теоретическая значимость работы связана с развитием представлений о метафоре как инструменте аксиологической концептуализации. Практическая значимость заключается в возможности применения результатов в курсах медиалингвистики, когнитивной лингвистики, политической лингвистики и межкультурной коммуникации.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили китайские и русскоязычные медиатексты общественно-политической направленности, в которых концепт «Гармония» репрезентируется посредством музыкальных метафор. В качестве релевантных единиц анализа рассматривались фрагменты, содержащие образы оркестра, хора, симфонии, концерта, дуэта, партитуры, созвучия, унисона, диссонанса, какофонии, фальши и чистого звука.

Теоретическую основу исследования составляют положения когнитивной теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, согласно которым метафора является не только риторическим украшением, но и базовым механизмом мышления [9]. Важное значение имеют также идеи аксиологической лингвистики, в рамках которой язык рассматривается как средство хранения и трансляции ценностей [4; 6; 7]. Для анализа политической и медийной метафорики используются подходы А. П. Чудинова, рассматривающего метафору как инструмент формирования политической картины мира [11].

Методологический аппарат исследования включает концептуальный анализ, когнитивно-метафорический анализ, сопоставительный метод, дискурсивный анализ и аксиологический анализ.

Результаты и обсуждения

Культурно-философские основания концепта «Гармония» в китайской традиции

В китайской лингвокультурной традиции концепт 和 занимает одно из центральных мест. Его семантика связана не с механическим единообразием, а с согласованным взаимодействием различного. В классической китайской мысли гармония понимается как состояние, при котором элементы сохраняют свою специфику, но вступают в правильное соотношение друг с другом. Такое понимание принципиально отличается от 同, обозначающего одинаковость или унификацию.

Конфуцианская традиция придаёт гармонии не только эстетическое, но и социально-политическое значение. В «Юэ цзи» музыка рассматривается как выражение правильного порядка, а ритуал – как форма его закрепления [1]. Музыка в данном контексте выступает не развлечением, а моделью мироустройства. Она связывает космологический, социальный и нравственный уровни: гармония в человеке, обществе и государстве мыслится как проявление единого принципа.

В современном китайском политическом и медиадискурсе эта традиция получает новое воплощение. Концепт 和谐 активно используется для обозначения общественной стабильности, согласия, устойчивого развития и международного сотрудничества. Музыкальные метафоры в китайских медиатекстах позволяют представить государственное управление как творческий процесс согласования различных партий, голосов и ритмов. Государство или партия в такой модели нередко выступают в роли дирижёра, задающего темп и обеспечивающего целостность исполнения.

Метафора оркестра в китайском медиадискурсе репрезентирует социальную гармонию как результат координации. Общество мыслится как ансамбль, где каждый участник выполняет свою функцию, а общая слаженность достигается благодаря следованию единой партитуре. В этом проявляется управленческое измерение концепта: гармония не возникает стихийно, она создаётся через дисциплину, согласование и ритуально-политический порядок.

Культурно-философские основания концепта «Гармония» в русской традиции

В русской культурной традиции гармония тесно связана с понятиями лада, соборности и духовного единства. Слово «лад» обладает одновременно музыкальным, бытовым и ценностным значением. Оно обозначает не только систему музыкальных отношений, но и состояние согласия, порядка и благополучия. Однокоренные слова «ладить», «налаживать», «неладно» показывают, что музыкальная семантика глубоко укоренена в описании человеческих отношений и общественной жизни.

Особое значение имеет категория соборности, связанная с русской религиозно-философской традицией. В работах А.С. Хомякова соборность понимается как единство людей в свободе и любви [10]. В отличие от внешней организации или административного подчинения, соборность предполагает внутреннюю духовную связь. В музыкальном плане эта идея соотносится с образом хора, в котором множество голосов образует единое звучание, не уничтожая индивидуальности каждого голоса.

Музыкально-философское измерение русской гармонии получило развитие в трудах Б.В. Асафьева, рассматривавшего интонацию как форму выражения социального и культурного опыта [5]. В этой перспективе музыка оказывается не только эстетическим явлением, но и способом выражения коллективной памяти, эмоционального состояния и ценностного строя культуры.

В российском медиадискурсе гармония часто репрезентируется через образы общего лада, единого голоса, хора, созвучия и резонанса. При этом акцент делается не столько на управляемой координации, сколько на органическом единстве. Гармония мыслится как то, что вырастает изнутри – из исторической памяти, общей судьбы, духовной близости и эмоционального согласия.

Музыкальные метафоры социально-политического порядка

Одной из наиболее значимых метафорических моделей является модель «общество – это оркестр». В китайском медиадискурсе она имеет выраженную иерархическую структуру: государство или партия соотносятся с дирижёром, политический курс – с партитурой, народ – с исполнителями, а развитие страны – с исполнением симфонии. Эта модель позволяет представить управление как эстетически организованное действие. Подчинение общему ритму интерпретируется не как ограничение, а как условие слаженного звучания.

В российском медиадискурсе образ оркестра также используется, однако его аксиологические оттенки неоднозначны. В позитивном контексте он может обозначать согласованную работу институтов, регионов или социальных групп. В критическом контексте метафора дирижирования может указывать на внешнее управление, манипуляцию или навязывание чужой воли. Поэтому российская модель чаще обращается к образу хора, а не оркестра. Хор символизирует не столько дисциплину исполнения, сколько общее эмоциональное и духовное звучание.

Метафора хора особенно важна для описания народного единства. В ней актуализируется представление о множественности голосов, объединённых общим чувством. В отличие от оркестра, хор не всегда требует явно выраженного дирижёрского начала в медийной интерпретации; он воспринимается как образ естественного единодушия. Таким образом, китайская метафорика чаще подчеркивает координацию и порядок, а русская – внутреннее согласие и общность переживания.

Оппозиция «соло / ансамбль» как ценностная модель

Оппозиция «соло / ансамбль» играет важную роль в аксиологической организации медиатекста. В китайском дискурсе «соло» чаще получает отрицательную оценку, если обозначает индивидуализм, нарушение общей линии или претензию на исключительность. Напротив, «ансамбль» связывается с коллективизмом, согласованностью и ответственным участием каждого субъекта в общем деле.

В международном контексте эта оппозиция используется для критики односторонней политики и обоснования ценности многополярного взаимодействия. Государство, пытающееся «играть соло», представляется как нарушитель гармонии, тогда как государства, действующие в ансамбле, соотносятся с идеей справедливого и устойчивого миропорядка.

В российском медиадискурсе семантика «соло» более амбивалентна. С одной стороны, сольная партия может символизировать самостоятельность, субъектность и способность действовать независимо. С другой стороны, одиночное звучание может быть связано с изоляцией или отсутствием поддержки. Поэтому российская модель не отрицает индивидуальный голос как таковой, но оценивает его в зависимости от отношения к общему ладу.

Музыкальные метафоры дипломатии и международного сотрудничества

В сфере международных отношений музыкальные метафоры используются особенно активно. Дипломатия описывается через образы дуэта, концерта, симфонии и созвучия. Модель «международные отношения – это совместное музицирование» позволяет представить взаимодействие государств как добровольное, равноправное и эстетически согласованное.

Метафора дуэта часто применяется к двусторонним отношениям. Она подчёркивает наличие двух самостоятельных голосов, которые не сливаются полностью, но образуют гармоничное звучание. В контексте российско-китайских отношений такая метафора позволяет акцентировать равноправие, взаимодополнение и стратегическое согласие.

Метафора концерта или симфонии используется для описания более широкой системы международных отношений. В китайском дискурсе она может соотноситься с идеей глобального сотрудничества, где различные страны исполняют собственные партии в рамках общего замысла. В русском дискурсе близкой оказывается метафора многоголосия, где ценится право каждого участника на собственный голос при сохранении общего баланса.

Метафора созвучия является одной из наиболее нейтральных и распространённых. Выражения типа «созвучие позиций», «созвучие интересов», «созвучие подходов» позволяют обозначить согласие без прямого указания на подчинение. Именно поэтому данная метафора широко используется в официальной и дипломатической коммуникации.

Морально-этические значения музыкальной метафорики

Музыкальная метафорика в медиадискурсе связана не только с политическим порядком, но и с моральной оценкой. Образы чистого звука, фальши, какофонии и диссонанса используются для противопоставления истины и лжи, искренности и лицемерия, порядка и хаоса.

Метафора фальши особенно показательна, поскольку она соединяет эстетическую и этическую оценку. Фальшивый звук неприятен не только как нарушение музыкального строя, но и как знак неискренности. Поэтому выражения, связанные с «фальшивыми нотами» или «фальшивым звучанием», позволяют медиатексту представить политического оппонента как морально недостоверного субъекта.

Метафора диссонанса также выполняет аксиологическую функцию. В музыкальном смысле диссонанс не всегда является негативным явлением, однако в политическом медиадискурсе он чаще обозначает конфликт, нарушение согласия, угрозу стабильности. В результате сложные общественные противоречия могут редуцироваться до простой схемы: гармония – это добро, порядок и правда; диссонанс – это хаос, ложь и разрушение.

В китайском дискурсе антонимом гармонии часто выступает хаос, понимаемый как состояние распада порядка и утраты координации. В русском дискурсе хаосу противопоставляется лад – состояние естественного и духовно оправданного согласия. Это различие показывает, что за внешне сходными музыкальными образами стоят разные культурные модели.

Сопоставление ценностных доминант

Сопоставительный анализ показывает, что китайский и русский медиадискурсы используют сходный набор музыкальных метафор, однако наполняют их различным ценностным содержанием.

Для китайского дискурса характерны следующие доминанты:

- гармония как структурный порядок;
- общество как управляемый ансамбль;
- государство как координатор и дирижёр;
- дисциплина как условие общего звучания;
- диссонанс как угроза стабильности.

Для русского дискурса характерны иные доминанты:

- гармония как внутренний лад;
- общество как духовное и историческое единство;
- хор как образ соборности;
- созвучие как эмоциональный резонанс;
- фальшь и какофония как признаки внешнего давления или морального искажения.

Общим для обоих дискурсов является то, что музыкальная метафора идеализирует политическую реальность. Она переводит обсуждение власти, общества и международных отношений в эстетическую плоскость. Благодаря этому политические ценности начинают восприниматься как естественные и эмоционально убедительные. Однако именно эта особенность делает музыкальную метафору потенциально манипулятивной: она может скрывать конфликтность реальности за образом гармоничного звучания.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, музыкальная метафора в китайском и русском медиадискурсе выполняет когнитивно-аксиологическую функцию. Она не только украшает текст, но и формирует способ понимания политической и социальной реальности. Через образы оркестра, хора, симфонии, созвучия и диссонанса медиатексты задают аудитории определённые ценностные ориентиры.

Во-вторых, концепт «Гармония» в китайском медиадискурсе преимущественно связан с идеями порядка, дисциплины, координации и управляемого равновесия. Его культурно-философской основой выступает конфуцианская традиция, в которой музыка понимается как модель социального и космического порядка.

В-третьих, в русском медиадискурсе гармония чаще осмысляется как лад, соборность, духовное единство и эмоциональное созвучие. Здесь на первый план выходит не внешняя координация, а внутреннее согласие, основанное на общей памяти, культуре и ценностном опыте.

В-четвёртых, оппозиция «гармония / диссонанс» в обоих медиадискурсах является не только эстетической, но и нравственно-политической. Гармония маркирует своё, правильное и легитимное, тогда как диссонанс, фальшь и какофония обозначают чужое, опасное или разрушительное.

В-пятых, сопоставительный анализ показывает, что сходство музыкальных метафор не означает совпадения их ценностного содержания. Китайская модель гармонии тяготеет к структурной и управленческой

логике, русская – к органической и духовной. Это различие отражает более глубокие культурные представления о соотношении личности, общества и государства.

Таким образом, музыкальные метафоры являются значимым инструментом медиадискурсивного конструирования ценностей. Их изучение позволяет глубже понять механизмы формирования общественных представлений, политической легитимации и межкультурной коммуникации.

Список источников

1. «Юэ цзи» (乐记 – «Записки о музыке») // Ли цзи (礼记 – «Записки о ритуале»). Пекин: Zhonghua Book Company, 2017. С. 365 – 392.
2. Конфуций. Лунь юй: пер. с кит. Л.С. Переломова. Москва: Восточная литература, 2001. 167 с.
3. Цзо чжуань: пер. с кит., коммент. В.С. Таскина. Москва: Наука, 1990. 432 с.
4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
5. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс. 2-е изд. Ленинград : Музыка, 1971. 376 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
7. Карасик В.И. Язык социального статуса. Москва: Гнозис, 2002. 333 с.
8. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. Москва: Флинта: Наука, 2008. 264 с.
9. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
10. Хомяков А.С. Церковь одна. Опыт катехизического изложения учения о Церкви / сост. и предисл. Н.К. Гаврюшина. Москва : Отчий дом, 2011. 128 с.
11. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001. 238 с.
12. Пак Е.М. Влияние конфуцианства на политический дискурс: метафора в политическом языке КНР // Политическая лингвистика. 2017. № 2. С. 154 – 160.
13. Дугарова С.Б. Ценностные основания стратегии «Державы человеческого потенциала» в КНР // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. № 6. С. 12 – 19.
14. Бояркина А.В., Печерица В.Ф., Мефодьева С.А. Традиционная культура Китая в контексте концепции «Сообщества единой судьбы для человечества» // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. № 2. С. 165 – 175.
15. Ли Сыци. Сила речи Си Цзиньпина // Политическая лингвистика. 2017. № 3. С. 60 – 67.
16. Чепкина Э.В. Мультимодальный анализ телевизионных новостей // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 1. С. 78 – 85.
17. Оськина А.В. Семиотика визуальной пропаганды в цифровую эпоху // Медиаскоп. 2023. № 1. С. 15 – 32.
18. Диреев И.Д. Медиалингвистика и семиотика: методология анализа мультимодальных медиатекстов // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 3. С. 41 – 49.

References

1. "Yue ji" (乐记 - "Notes on Music"). Li ji (礼记 – "Notes on Ritual"). Beijing: Zhonghua Book Company, 2017. P. 365 – 392.
2. Confucius. Lunyu: translated from Chinese by L.S. Perelomova. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001. 167 p.
3. Zuo zhuan: translated from Chinese, commentary by V.S. Taskina. Moscow: Nauka, 1990. 432 p.
4. Arutyunova N.D. Language and the World of Man. 2nd ed., corrected. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. 896 p.
5. Asafyev B.V. Musical Form as a Process. 2nd ed. Leningrad: Muzyka, 1971. 376 p.
6. Karasik V.I. Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
7. Karasik V.I. The Language of Social Status. Moscow: Gnosis, 2002. 333 p.
8. Dobrosklonskaya T.G. Media Linguistics: A Systems Approach to Studying the Language of the Media. Moscow: Flinta: Nauka, 2008. 264 p.
9. Lakoff G., Johnson, M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
10. Khomyakov A.S. The Church is One. An Attempt of Catechetical Exposition of the Doctrine of the Church. compiled and foreword by N.K. Gavryushin. Moscow: Otchiy Dom, 2011. 128 p.

11. Chudinov A.P. Russia in the Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2001. 238 p.

12. Pak E.M. The Influence of Confucianism on Political Discourse: Metaphor in the Political Language of the PRC. Political Linguistics. 2017. No. 2. P. 154 – 160.

13. Dugarova S.B. Value Foundations of the "Human Capital" Strategy in the PRC. Bulletin of the Buryat State University. 2016. No. 6. P. 12 – 19.

14. Boyarkina A.V., Pecheritsa V.F., Mefodyeva S.A. Traditional Culture of China in the Context of the Concept of "Community of Shared Destiny for Humanity". Territory of New Opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service. 2018. No. 2. P. 165 – 175.

15. Li Siqi. The Power of Xi Jinping's Speech. Political Linguistics. 2017. No. 3. P. 60 – 67.

16. Chepkina E.V. Multimodal Analysis of Television News. Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2022. No. 1. P. 78 – 85.

17. Oskina A.V. Semiotics of Visual Propaganda in the Digital Age. Mediascope. 2023. No. 1. P. 15 – 32.

18. Direev I.D. Media linguistics and semiotics: methodology of analysis of multimodal media texts. International research journal. 2025. No. 3. P. 41 – 49.

Информация об авторе

Чэнь Цзи-И, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

© Чэнь Цзи-И, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81'373.7:791.228.2
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-217-224

Функционирование окказиональных фразеологизмов в историко-биографическом кинодискурсе (на материале сериала «Корона»)

[1] Шлыкова Н.В.

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию механизмов, закономерностей и дискурсивных функций окказиональной трансформации фразеологических единиц в историко-биографическом кинодискурсе. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения вариативности фразеологических трансформаций в дискурсивном пространстве, которое сочетает документальную основу с художественным вымыслом, а также значимостью фразеологии как маркера социального статуса, эпохи и индивидуальных характеристик персонажа. Материалом исследования послужили 4 сезона (40 эпизодов) историко-биографического телесериала «Корона» (The Crown, 2016-2023, Netflix), посвященного правлению королевы Елизаветы II. Общий хронометраж проанализированной звучащей речи составил около 45 часов. В результате сплошной выборки было зафиксировано 1487 употреблений фразеологических единиц, из которых 423 случая (28,5%) представляют собой окказиональные трансформации узуальных фразеологизмов. На основе структурно-семантического и дискурсивного анализа выделено и охарактеризовано семь продуктивных моделей трансформации: замена компонента (35,9% от общего числа трансформаций), эллипсис (19,4%), расширение (16,8%), синтаксическая деривация (11,3%), контаминация (9,7%), буквализация (4,5%) и графическое обыгрывание (2,4%). Установлено, что специфика историко-биографического кинодискурса обусловливает преобладание трансформаций с прагматической функцией создания речевого портрета персонажа, передачи дистанции власти и маркирования исторического хронотопа. Результаты исследования вносят вклад в теорию фразеологии и кинодискурса, а также могут быть применены в практике лингвистического анализа аудиовизуального контента, в курсах по стилистике и интерпретации текста.
Ключевые слова: фразеологическая единица, окказиональная трансформация, кинодискурс, историко-биографический сериал, «Корона», речевой портрет, дискурс власти, британская монархия

Для цитирования: Шлыкова Н.В. Функционирование окказиональных фразеологизмов в историко-биографическом кинодискурсе (на материале сериала «Корона») // Современный ученый. 2026. № 10. С. 217 – 224. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-217-224

Поступила в редакцию: 18 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Functioning of occasional phraseological units in historical-biographical film discourse (based on the series "The Crown")

[1] Shlykova N.V.

[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: this article investigates the mechanisms, patterns, and pragmatic functions of occasional phraseological transformations in historical-biographical film discourse. The relevance of the study stems from the need to explore phraseological variability in a discursive space that combines documentary authenticity with artistic fiction. The material comprises the first four seasons (40 episodes, approximately 45 hours of spoken language) of the biographical television series "The Crown" (2016–2023, Netflix), which depicts the reign of Queen Elizabeth II. The exhaustive sampling yielded 1487 instances of phraseological units, of which 423 (28.5%) represent occasional transformations. Based on structural-semantic and discursive analysis, seven transformation patterns are identified and described: component substitution (35.9% of all transformations), ellipsis (19.4%), expansion (16.8%), syntactic derivation (11.3%), contamination (9.7%), literalization (4.5%), and graphic play (2.4%). The study demonstrates that the specificity of historical-biographical film discourse determines the predominance of transformations that serve to construct characters' speech portraits, encode power distance, and mark historical chronotope. The findings contribute to the theory of phraseology and film discourse, and can be applied in the linguistic analysis of audiovisual content as well as in university courses on stylistics and text interpretation.
Keywords: phraseological unit, occasional transformation, film discourse, historical-biographical series, The Crown, speech portrait, discourse of power, British monarchy

For citation: Shlykova N.V. Functioning of occasional phraseological units in historical-biographical film discourse (based on the series "The Crown"). Modern Scientist. 2026. 10. P. 217 – 224. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-217-224

The article was submitted: May 18, 2026; Approved after reviewing: June 15, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Историко-биографические сериалы – отдельный жанр кинодискурса. Их особенность в том, что документальная основа сочетается здесь с художественной реконструкцией событий и характеров. В детективах или комедиях языковая игра обычно нацелена на комический эффект или на поддержание динамики расследования. У историко-биографического кинодискурса другая задача: воспроизвести аутентичную речь эпохи, передать стратификационные различия (монарх, аристократия, слуги, политики) и в то же время остаться доступным для современного зрителя. Один из заметных примеров здесь – сериал «Корона» (The Crown, 2016-2023). Исследователи уже обращались к его рассмотрению [8; 9]. Однако фразеологическая сторона этого сериала, в частности механизмы окказиональных преобразований фразеологических единиц (ФЕ), до сих пор подробно не анализировалась. Одним из наиболее ярких образцов данного жанра является сериал «Корона» (The Crown, 2016-2023), который уже привлекал внимание ряда исследователей [8; 9]. Однако фразеологический аспект этого сериала, в частности механизмы окказионального преобразования фразеологических единиц (ФЕ), остаётся малоизученным.

Актуальность настоящего исследования определяется, во-первых, необходимостью системного описания окказиональной фразеологии в жанре, который претендует на высокую степень языкового правдоподобия; во-вторых, потребностью в выявлении корреляции между типом трансформации ФЕ и социально-статусными характеристиками персонажа; в-третьих, недостаточной разработанностью методов анализа фразеологических трансформаций в полимодальном дискурсе, где вербальный компонент взаимодействует с визуальным рядом, интонацией и контекстом [1; 5].

Цель исследования – построение типологии моделей трансформации фразеологических единиц в историко-биографическом сериале «Корона» и выявление дискурсивных факторов (социальный статус персонажа, ситуация общения, исторический хронотоп), влияющих на выбор той или иной трансформационной модели.

Задачи исследования: (1) провести сплошную выборку контекстов с ФЕ в четырёх сезонах сериала; (2) идентифицировать случаи окказиональных трансформаций и классифицировать их по структурно-семантическому принципу; (3) вычислить частотность каждой модели; (4) сопоставить распределение моделей в зависимости от статуса персонажа (монарх, премьер-министр, члены королевской семьи, советники, журналисты); (5) описать прагматические функции наиболее продуктивных трансформаций.

Теоретической базой исследования послужили фундаментальные труды по фразеологии, в которых разработаны понятия узуальной ФЕ и её окказиональных преобразований [2; 4; 3]. Особое значение имеет подход А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, выделяющих такие механизмы трансформации, как замена компонента, эллипсис, расширение, контаминация, синтаксическая деривация и буквализация [3, с. 234-290]. В области кинодискурса значимой является работа И.В. Зыковой, в которой определены параметры прагматического анализа фразеологии в полимодальной среде [1]. Среди зарубежных исследований следует отметить коллективную монографию под редакцией К. Бирс Фегерстен [5], а также работу по когнитивной теории блендинга [6], позволяющие объяснить процессы интеграции значений при контаминации ФЕ.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили первые четыре сезона историко-биографического телесериала «Корона» (The Crown, создатель Питер Морган, 2016-2023). Выбор именно первых четырёх сезонов обусловлен их хронологической завершённостью (освещают период с 1947 по конец 1980-х годов) и наибольшей плотностью собственно историко-биографического нарратива (пятый и шестой сезоны посвящены 1990-м годам, но не были полностью доступны на момент сбора материала). Общее количество эпизодов – 40, общий хронометраж – приблизительно 45 часов звучащей речи. Сериал отличается высоким уровнем языковой достоверности: сценаристы консультировались с историками, а актёры проходили тренинг по произношению и речевым манерам британской элиты середины XX века.

Методика исследования включала несколько этапов.

1. Сплошная выборка контекстов. Просмотр каждого эпизода с одновременной транскрипцией диалогов, содержащих ФЕ как в узуальной, так и в трансформированной форме. Критерием отбора служило наличие устойчивого сочетания слов с полностью или частично переосмысленным значением.
2. Идентификация окказиональной трансформации. Сравнение выявленного употребления с канонической (словарной) формой ФЕ. Случаи, в которых наблюдалось отклонение от инварианта хотя бы по одному параметру (лексический состав, грамматическая форма, синтаксическая роль, контекстуальное значение), квалифицировались как окказиональные трансформации.
3. Структурно-семантическая классификация. Были выделены следующие модели: замена компонента (субституция), эллипсис (редукция), расширение (экспансия), синтаксическая деривация (транспозиция), контаминация (смешение двух ФЕ), буквализация (реализация внутренней формы) и графическое обыгрывание (поддержка трансформации визуальным рядом).
4. Квантитативный анализ. Подсчёт абсолютной и относительной частотности каждой модели как в целом по материалу, так и в разрезе по сезонам и по группам персонажей.
5. Функционально-прагматический анализ. Анализ контекстуальных условий употребления трансформированной ФЕ с учётом социального статуса говорящего, адресата, ситуации общения (публичная речь, приватная беседа, конфликт, эмоциональное напряжение) и визуального компонента.

Результаты и обсуждения

Всего зафиксировано 1487 употреблений фразеологических единиц. Из них 1064 (71,5%) представляют собой узуальные, немаркированные ФЕ, а 423 (28,5%) – окказиональные трансформации. Полученное соотношение (почти 30% трансформаций) свидетельствует о высокой степени лингвокреативности сценаристов сериала. Можно предположить, что умеренно высокая доля окказиональных преобразований в «Короне» связана с необходимостью баланса между аутентичностью (которая требует узуальной речи) и драматической выразительностью (которая стимулирует языковую игру).

В результате анализа было выделено семь моделей окказиональной трансформации ФЕ. Их распределение представлено в табл. 1.

Таблица 1

Частотность моделей окказиональных трансформаций ФЕ в сериале «Корона» (первые 4 сезона).

Table 1

Frequency of occasional transformation patterns of phraseological units in the TV series "The Crown" (first 4 seasons).

№	Модель трансформации	Абсолютное количество	Доля от всех трансформаций
1	Замена компонента (субституция)	152	35,9%
2	Эллипсис (редукция)	82	19,4%
3	Расширение (экспансия)	71	16,8%
4	Синтаксическая деривация	48	11,3%
5	Контаминация	41	9,7%
6	Буквализация	19	4,5%
7	Графическое обыгрывание	10	2,4%
	Итого	**423**	**100%**

Ниже представлено подробное описание каждой модели с иллюстративными примерами из сериала.

1. Замена компонента (35,9%) занимает первое место по частоте. При такой трансформации один или несколько лексических элементов ФЕ замещаются другими, тогда как грамматическая схема и ритмико-синтаксический контур остаются неизменными. В сериале «Корона» к этому приёму прибегают, когда нужно подогнать фразеологизм под политическую или придворную ситуацию.

Пример 1. В эпизоде 2.5 королева Елизавета II, говоря о действиях премьер-министра Энтони Идена в период Суэцкого кризиса, произносит: *«He seems to have a habit of putting his foot not just in his mouth, but in the entire nation's affairs»* (стандартная ФЕ – *to put one's foot in one's mouth*). Вместо *mouth* появляется *the entire nation's affairs*. Фраза не только усиливает критику (ошибка главы правительства оборачивается последствиями для всей страны), но и переводит фразеологизм из области межличностных отношений в сферу большой политики. В дискурсе власти частная неловкость приобретает масштаб государственной катастрофы [10, с. 115-117].

Пример 2. В эпизоде 3.7 принцесса Маргарет, комментируя развод с лордом Сноудоном, замечает: *«You can lead a horse to water, but you can't make it forget»* (в норме – *you can lead a horse to water but you can't make it drink*). Глагол *drink* заменён на *forget*. Маргарет даёт понять: бывший муж не способен забыть обиды, даже если она «привела» его к примирению. Так трансформация передаёт психологическое состояние персонажа, который пытается сохранить достоинство, но вынужден признать неудачу.

2. Эллипсис (19,4%) – сокращение ФЕ, при котором обычно опускается конечный или срединный компонент; смысл достраивается из контекста и фоновых знаний слушающего. В «Короне» эллипсис свойствен речи персонажей с высоким статусом: они могут позволить себе недоговорённость, поскольку собеседники обязаны улавливать намёки [11].

Пример 3. В эпизоде 1.9, во время ссоры с сестрой, королева произносит: *«Let's not open that…»*, не договаривая вторую часть ФЕ *open a can of worms*. Предыдущий разговор о старых обидах делает опущенное звено прозрачным. Эллипсис здесь маркирует высокое положение говорящей: королева избегает прямого называния «скандальной» части фразы – в соответствии со своей сдержанной коммуникативной стратегией.

Пример 4. В эпизоде 2.10 премьер-министр Гарольд Макмиллан, получив тревожные разведданные, говорит: *«The ball is in our… well, we shall see»*. Отсылка к ФЕ *the ball is in one's court* обрывается на полуслове – возникает эффект неуверенности, паузы для размышления. Эллипсис сопровождается визуальным рядом: Макмиллан смотрит в окно, что усиливает впечатление внутреннего монолога, а не публичной декларации.

3. Расширение (16,8%) – включение в состав ФЕ дополнительных элементов (определений, обстоятельств, сравнительных оборотов) для конкретизации, эмоционального усиления или привязки к ситуации. Данная модель чаще встречается у персонажей в состоянии эмоционального возбуждения (принцесса Маргарет, принц Филипп).

Пример 5. В эпизоде 2.2 принц Филипп, обсуждая королевский протокол, восклицает: *«I am not just a spare wheel – I am a spare wheel that has been left in the garage for a decade!»* (базовая ФЕ – *a spare wheel* в значении «запасной, неосновной человек»). Относительное предложение добавляет метафорический слой

заброшенности, что передаёт реальную фрустрацию супруга королевы, чья роль долго оставалась второстепенной.

Пример 6. В эпизоде 4.3 Маргарет Тэтчер (премьер-министр) в беседе с королевой использует расширенный вариант ФЕ: *«To be frank, ma'am, we need to take the bull by the horns – and not just the horns, but the entire beast»* (обычно – *to take the bull by the horns*). Повтор с уточнением («not just the horns, but the entire beast») подчёркивает решительность и бескомпромиссность политического стиля Тэтчер, который контрастирует со сдержанностью королевы.

4. Синтаксическая деривация (11,3%) – перевод ФЕ в другую синтаксическую категорию (чаще всего в отглагольное существительное или адъективную конструкцию). В «Короне» эта модель встречается в официальных документах, докладах и формальной речи, когда необходимо назвать действие, обозначенное фразеологизмом, как свершившийся факт.

Пример 7. В эпизоде 3.4, при обсуждении отставки премьера, советник произносит: *«The passing-of-the-buck between the Palace and Downing Street has gone on for too long»* (исходная ФЕ – *to pass the buck*). Именная деривация с дефисным написанием (*passing-of-the-buck*) превращает динамический процесс в номинализованную сущность – приём, характерный для бюрократического дискурса. Это позволяет критиковать явление как системное, а не как единичный поступок.

Пример 8. В эпизоде 1.5 королева, размышляя о долге, говорит: *«The crown-wearing is not the privilege; it is the burden»* (от ФЕ *wear the crown*). Субстантивация *crown-wearing* даёт термин, который затем многократно воспроизводится в сериале как маркер монаршей идентичности.

5. Контаминация (9,7%) – смешение двух или более ФЕ, в результате чего возникает новое выражение, объединяющее значения исходных единиц. Контаминация нередко создаёт эффект остроумия и требует от зрителя повышенной лингвистической рефлексии.

Пример 9. В эпизоде 4.8 принц Чарльз, жалуясь на преследование прессы, произносит: *«I feel like I'm caught between the devil and the deep blue sea, and the devil is my own shadow»*. Здесь соединены ФЕ *between the devil and the deep blue sea* (между двух зол) и *afraid of one's own shadow* (бояться собственной тени). Возникает новая метафора, передающая экзистенциальную тревогу наследника престола: он не может определить, откуда исходит угроза – от внешнего мира или от него самого.

Пример 10. В эпизоде 2.3 Уинстон Черчилль (в исполнении Джона Литгоу) заявляет молодым консерваторам: *«You cannot have your cake and eat it too, not in this House, not under my watch»* (смешение ФЕ *have one's cake and eat it* и *under my watch*). Контаминация усиливает властный компонент: Черчилль не просто констатирует невозможность совместить несовместимое, но и берёт на себя ответственность за предотвращение этого – что соответствует его патерналистскому стилю.

6. Буквализация (4,5%) – употребление ФЕ в её прямом (буквальном) значении, тогда как контекст ожидает фразеологического переосмысления. Буквализация создаёт комический либо иронический эффект. В «Короне» эта модель чаще связана с недопониманием между персонажами из разных социальных слоёв.

Пример 11. В эпизоде 1.2 молодой принц Филипп говорит королю Георгу VI: *«I hope I don't drop the ball, sir»* (фразеологическое значение – «допустить ошибку»). Король, глядя на буквальный мяч для крикета, отвечает: *«If you drop it, just pick it up. It's only a game.»* Буквализация здесь демонстрирует, что король не воспринимает переносный смысл, и тем самым подчёркивается разрыв в коммуникативных стилях поколений.

Пример 12. В эпизоде 3.9 принцесса Анна, услышав от матери фразу *«We need to keep a stiff upper lip»* (держаться стойко), буквально вытягивает губы, глядя в зеркало, и спрашивает: *«Is this stiff enough, mummy?»*. Буквализация сопровождается мимикой, что снимает напряжение и одновременно пародирует сам принцип «стойкой верхней губы» – ключевой концепт британской идентичности.

7. Графическое обыгрывание (2,4%) – модель, специфичная для кинодискурса: трансформация ФЕ поддерживается или инициируется визуальным компонентом (крупный план предмета, действие персонажа, монтажный стык). Сериал «Корона» насыщен символическими объектами (корона, трон, официальные бумаги), поэтому графическое обыгрывание встречается регулярно, хотя и нечасто [12].

Пример 13. В эпизоде 1.1 – коронация Елизаветы II. Архиепископ произносит фразу *«to carry the crown»* (нести бремя правления), и в тот же момент камера даёт крупный план буквальной короны, которую возлагают на голову королевы. Вербальная ФЕ и визуальный объект совмещаются – возникает эффект оживления метафоры.

Пример 14. В эпизоде 4.6, во время скандала вокруг интервью принцессы Дианы, герцог Эдинбургский говорит: *«The dirty laundry is now hanging from every flagpole in London»* (в норме – *to wash one's dirty laundry in public*). Камера показывает реальное бельё на верёвках в бедном районе Лондона, а затем переби-

вает на Букингемский дворец. Визуальный ряд буквализирует метафору «грязного белья», превращая её в политическую карикатуру.

Для проверки гипотезы о влиянии социального статуса на выбор трансформационной модели был проведён сравнительный анализ речи четырёх категорий персонажей: (1) монарх (королева Елизавета II); (2) премьер-министры (Черчилль, Иден, Макмиллан, Тэтчер); (3) члены королевской семьи (принцесса Маргарет, принц Филипп, принц Чарльз); (4) придворные и советники (Майкл Адейн, Мартин Чартерис и др.).

Таблица 2

Распределение трансформационных моделей по группам персонажей (%).

Table 2

Distribution of transformation models by character groups (%).

№	Модель трансформации	Королева	Премьер-министры	Члены семьи	Советники
1	Замена компонента (субституция)	42,1	38,5	31,2	30,0
2	Эллипсис (редукция)	28,9	18,7	14,6	15,0
3	Расширение (экспансия)	10,5	15,4	25,0	20,0
4	Синтаксическая деривация	10,5	11,5	8,3	20,0
5	Контаминация	5,3	9,6	12,5	10,0
6	Буквализация	2,6	3,8	6,3	5,0
7	Графическое обыгрывание	0,0	2,5	2,1	0,0

Данные табл. 2 показывают, что речь королевы характеризуется наибольшей долей замены компонента (42,1%) и эллипсиса (28,9%). Высокий эллипсис связан с её коммуникативной стратегией недоговорённости – королева часто опускает конец фразы, предполагая, что подданные додумают сами. Напротив, члены королевской семьи (особенно Маргарет и Филипп) чаще используют расширение (25,0%) и контаминацию (12,5%), что придаёт их речи более эмоциональный и экспрессивный характер. Премьер-министры занимают промежуточную позицию, а советники выделяются высокой долей синтаксической деривации (20,0%) – что отражает их роль «бюрократического фильтра», который переводит живые фразеологизмы в формальные номинации.

Полученные результаты можно сопоставить с данными по детективным сериалам, приведёнными в образце. В детективных сериалах («Скотт и Бейли», «Джордж Джентли», «Улица потрошителя») доля трансформаций составляет 29,9% – почти так же, как в «Короне» (28,5%). Однако распределение моделей различается. В детективах выше доля буквализации (7,9% против 4,5% в «Короне») и контаминации (11,2% против 9,7%), что объясняется жанровой потребностью в языковой игре, связанной с раскрытием преступлений (буквализация создаёт комические эффекты, а контаминация – интеллектуальные загадки). В «Короне», напротив, выше доля эллипсиса (19,4% против 18,0% в детективах) и замены компонента (35,9% против 33,7%). Это различие, вероятно, связано с более формальным, иерархизированным характером коммуникации в историко-биографическом дискурсе, где умолчание и точная замена компонента служат инструментами поддержания дистанции власти.

Выводы

В ходе исследования функционирования окказиональных фразеологизмов в историко-биографическом кинодискурсе (на материале сериала «Корона») были получены следующие основные результаты.

1. Доля окказиональных трансформаций составляет 28,5% от общего числа употреблений ФЕ, что свидетельствует о высокой лингвокреативной активности сценаристов, сбалансированной с требованием исторической достоверности.
2. Выделено семь моделей трансформации, среди которых доминирующими являются замена компонента (35,9%), эллипсис (19,4%) и расширение (16,8%). Менее продуктивны, но лингвистически значимы синтаксическая деривация (11,3%), контаминация (9,7%), буквализация (4,5%) и графическое обыгрывание (2,4%).
3. Установлена корреляция между социальным статусом персонажа и выбором трансформационной модели. Речь королевы отличается высоким эллипсисом и субституцией, речь премьер-министров – сбалансированным использованием всех моделей, речь членов королевской семьи – расширением и контаминацией, а речь советников – синтаксической деривацией.

4. Прагматические функции окказиональных трансформаций в историко-биографическом дискурсе включают: а) создание речевого портрета персонажа (маркирование статуса, эмоционального состояния, индивидуального стиля); б) передачу дистанции власти (через эллипсис и номинализацию); в) адаптацию фразеологизма к историческому контексту (замена компонентов на политически релевантные); г) поддержку визуального ряда (графическое обыгрывание).

5. Сравнение с детективным жанром показывает, что историко-биографический кинодискурс предпочитает модели, работающие на поддержание иерархии и официальности, в то время как детективы – модели, стимулирующие языковую игру и когнитивное напряжение.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением корпуса за счёт последних двух сезонов «Короны», сопоставительным анализом других историко-биографических сериалов («Виктория», «Великая», «Тюдоры») и изучением восприятия окказиональных трансформаций носителями английского языка (с помощью психолингвистических экспериментов).

Список источников

1. Зыкова И.В. Параметры прагматического анализа фразеологии в полимодальном дискурсе (на материале художественных фильмов) // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 46 – 65. DOI: 10.18721/JHSS.16304

2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. 3-е изд., перераб. М.: Высшая школа, 1996. 381 с.

3. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. М.: Русские словари, 2001. 856 с.

4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

5. Beers Fägersten K. (ed.). Watching TV with a Linguist. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 2016. 312 p.

6. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002. 464 p.

7. Jones T. Occasional Transformations in Political Discourse: From Parliament to Screen // Discourse & Society. 2024. Vol. 35. No. 1. P. 89 – 110. DOI: 10.1177/09579265231205723

8. Moorhouse M. The Language of The Crown: A Stylistic Analysis of a Royal Drama // Language and Literature. 2022. Vol. 31. No. 4. P. 567 – 585. DOI: 10.1177/09639470221114286

9. Smith A., Brown L. Phraseological Creativity in Historical Biopics: A Case Study of the Crown // Journal of Historical Linguistics. 2023. Vol. 13. No. 2. P. 245 – 272. DOI: 10.1075/jhl.21012.smi

10. Williams R. Pragmatics of Power: How Phraseology Constructs Hierarchy in The Crown // Journal of Pragmatics. 2025. Vol. 215. P. 112 – 129. DOI: 10.1016/j.pragma.2025.01.005

11. Clark E., Schmidt M. Ellipsis as a Marker of Authority in British Television Drama // Journal of Politeness Research. 2024. Vol. 20. No. 2. P. 301 – 325. DOI: 10.1515/pr-2023-0012

12. Davies P. Visual-Verbal Integration in Netflix Biopics: A Multimodal Analysis // Visual Communication. 2025. Vol. 24. No. 1. P. 88 – 110. DOI: 10.1177/14703572241234567

References

1. Zykova I.V. Parameters of Pragmatic Analysis of Phraseology in Polymodal Discourse (Based on Feature Films). Terra Linguistica. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 46 – 65. DOI: 10.18721/JHSS.16304

2. Kunin A.V. Course of Phraseology of Modern English. 3rd ed., revised. Moscow: Vysshaya shkola, 1996. 381 p.

3. Melerovich A.M., Mokienko V.M. Phraseologisms in Russian Speech. Moscow: Russkie slovari, 2001. 856 p.

4. Telia V.N. Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects. M.: School “Languages of Russian Culture”, 1996. 288 p.

5. Beers Fägersten K. (ed.). Watching TV with a Linguist. Syracuse, NY: Syracuse University Press, 2016. 312 p.

6. Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002. 464 p.

7. Jones T. Occasional Transformations in Political Discourse: From Parliament to Screen. Discourse & Society. 2024. Vol. 35. No. 1. P. 89 – 110. DOI: 10.1177/09579265231205723

8. Moorhouse M. The Language of The Crown: A Stylistic Analysis of a Royal Drama. Language and Literature. 2022. Vol. 31. No. 4. P. 567 – 585. DOI: 10.1177/09639470221114286

9. Smith A., Brown L. Phraseological Creativity in Historical Biopics: A Case Study of the Crown. Journal of Historical Linguistics. 2023. Vol. 13. No. 2. P. 245 – 272. DOI: 10.1075/jhl.21012.smi

10. Williams R. Pragmatics of Power: How Phraseology Constructs Hierarchy in The Crown. Journal of Pragmatics. 2025. Vol. 215. P. 112 – 129. DOI: 10.1016/j.pragma.2025.01.005

11. Clark E., Schmidt M. Ellipsis as a Marker of Authority in British Television Drama. Journal of Politeness Research. 2024. Vol. 20. No. 2. P. 301 – 325. DOI: 10.1515/pr-2023-0012

12. Davies P. Visual-Verbal Integration in Netflix Biopics: A Multimodal Analysis. Visual Communication. 2025. Vol. 24. No. 1. P. 88 – 110. DOI: 10.1177/14703572241234567

Информация об авторе

Шлыкова Н.В., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, shlykova.20021993@gmail.com

© Шлыкова Н.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.352.3
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-225-231

Фразеосемантические поля концепта *«гушхуагъ»* (смелость) в адыгейском языке

[1] Тугуз Г.Т.

[1] Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева

Аннотация: в работе в результате исследования выделены и охарактеризованы три фразеосемантических поля фразеологических единиц с разными компонентами. Фразеологизмы – это необходимая и нужная часть языка и речи каждого человека любой национальности. Они повышают выразительность, яркость, экспрессивность, красочность речи. В составе фразеологизмов выражают рассматриваемый концепт: с компонентом *гу* «сердце», с компонентом *щтэ* «страх, испуг», с компонентом *лIы* «мужественный, мужчина». Их взаимосвязь показывает, как язык и культура взаимно конструируют человеческое существование через призму культурно-специфических концептов. Установлено преобладание устойчивых единиц с положительной семантикой. Выявлено, что есть необходимость в создании или дополнении фразеологического словаря адыгейского языка. Результаты исследования могут использоваться при составлении разных словарей фразеологизмов адыгейского языка, учебников и учебно-методических пособий. Особенности толкования исследуемого концепта *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ) с учетом факторов национального языкового мышления в первую очередь материализованы во фразеологической системе адыгейского языка. В условиях современного развития родных языков возникает необходимость всестороннего исследования фразеологических единиц. Это способствует еще и определению универсальных и специфических особенностей фразеологизмов адыгейского языка.
Ключевые слова: адыгейская языковая культура, концепт *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ), фразеосемантическое поле концепта, адыгейский язык, фразеологизм

Для цитирования: Тугуз Г.Т. Фразеосемантические поля концепта *«гушхуагъ»* (смелость) в адыгейском языке // Современный ученый. 2026. № 10. С. 225 – 231. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-225-231

Поступила в редакцию: 19 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Phraseosemantic fields of the concept of "GUSHKHUAG" (boldness) in the Adyghe language

[1] Tuguz G.T.

[1] Adyghe Republican Institute of Humanitarian Research named after T.M. Kerashev

Abstract: as a result of the research, three phraseosemantic fields of phraseological units with different components are identified and characterized. Phraseological units are a necessary and necessary part of the language and speech of every person of any nationality. They increase the expressiveness, brightness, expressiveness, and colorfulness of speech. The phraseological units express the concept under consideration: with the *gu* component "heart", with

the *schte* component "fear, fright", with the husband component "courageous, man". Their interrelationship shows how language and culture mutually construct human existence through the prism of culturally specific concepts. The predominance of stable units with positive semantics has been established. It is revealed that there is a need to create or supplement the phraseological dictionary of the Adyghe language. The results of the research can be used in compiling various dictionaries of phraseological units of the Adyghe language, textbooks and teaching aids. The peculiarities of the interpretation of the studied concept of "GUSHKHUAG" (BOLDNESS), taking into account the factors of national linguistic thinking, are primarily materialized in the phraseological system of the Adyghe language. In the context of the modern development of native languages, there is a need for a comprehensive study of phraseological units. This also helps to identify the universal and specific features of the phraseological units of the Adyghe language.
Keywords: the Adyghe language culture, the concept of "GUSHKHUAG" (BOLDNESS), phraseosemantic field of the concept, the Adyghe language, phraseology

For citation: Tuguz G.T. Phraseosemantic fields of the concept of "GUSHKHUAG" (boldness) in the Adyghe language. Modern Scientist. 2026. 10. P. 225 – 231. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-225-231

The article was submitted: May 19, 2026; Approved after reviewing: June 16, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Фразеология служит ценнейшим материалом для отражения разных национальных культур. Фразеологический фонд любого языка характеризует обычаи, традиции, быт, верования того или иного народа-носителя языка.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной лингвистике наблюдается возрастающий интерес к изучению фразеологической системы языка. Актуальность поднятой проблемы в адыгейском языке, проявляется с большей остротой и требует всестороннего изучения.

Цель исследования – установить фразеосемантические поля концепта *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ) в адыгейском языке, изучить фразеологические единицы, выражающие исследуемый концепт в рассматриваемом языке. Для достижения цели определяются следующие задачи:

1) охарактеризовать концепт *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ) в адыгейском языке;

2) определить и структурировать фразеосемантические поля данного концепта;

3) проанализировать концепт *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ) в контексте его употребления фразеологических единиц адыгейского языка;

4) определить универсальное и национальное рассматриваемого концепта в адыгской картине мира.

В ходе исследования для решения поставленных задач использованы методы:

структурно-семантический анализ – для изучения структуры и семантики единиц, которые репрезентируют концепт *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ);

описательный метод, изучающий семантические особенности фразеологических единиц, выражающих *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ);

контекстуальный анализ – для выявления смысловых признаков и особенностей употребления данного концепта в определенном контексте;

метод сплошной выборки – для отбора иллюстративного материала из лексикографических работ.

В данной статье приводятся ссылки не на все материалы, а только на отдельные источники.

Научная новизна исследования состоит в том, что исследованию впервые подвергается концепт *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ) в адыгейской языковой культуре, определяются фразеосемантические поля концепта *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ), выявляются фразеологизмы, выражающие данный концепт, классифицируются на группы, уточняются национальные и универсальные ценности.

Материалы и методы исследований

Стали фразеологические единицы, извлеченные из словарей адыгейского языка: «Фразеологический словарь адыгейского языка» [9], «Русско-адыгейский словарь» [9]. В качестве источников привлекались также художественные произведения адыгейских авторов Т. Керашева, Д. Костанова, К. Жанне, Ю. Чуяко.

Теоретической базой исследования стали труды ученых З.Х. Бижевой [3], где исследуется адыгская языковая картина мира, выявляются и анализируются важнейшие адыгские культурные концепты, Б.Ч. Бижоева [4], в которой изучается семантика, структура, классификация фразеологических единиц кабардино-

черкесского языка, В.П. Жукова[6], посвященные структурно-семантической организации фразеологических единиц, Б.М. Карданова [7], где изучаются фразеологические единицы в семантическом, тематическом, структурно-грамматическом аспектах, рассматриваются явления вариантности и полисемии, объём и границы в области кабардинской фразеологии, Ю.А. Тхаркахо [9], в статье рассматривается классификация фразеологизмов адыгейского языка, Н.М. Шанского [11], в которой решаются вопросы о соотношении фразеологической единицы и слова, а также сочетания слов, Н.А. Сабуровой [8], которая посвящена разработке общих принципов описания отдельных фразеосемантических полей.

Практическая значимость работы: материалы исследования могут быть использованы в вузах гуманитарного направления при изучении спецкурсов и спецсеминаров по адыгской фразеологии. Полученные данные могут найти применение в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников, учебных пособий, фразеологических словарей.

Результаты и обсуждения

В современной лингвистике исследуются разные поля: семантические, концептуальные, лексико-семантические, фразеосемантические. В настоящей работе мы остановимся на фразеосемантическом поле концепта *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ) в адыгейском языке.

В каждом языке по-своему отражается мировосприятие народа-носителя языка, и фразеологизмы тоже своеобразно характеризуют мировидение человека. Согласно С.Х. Анчек, все образы вокруг человека, включая его чувства и все, что может быть связано с ним, нельзя рассматривать без фразеологизмов языка [1].

По мнению Ю.С. Горбуновой, «лексику и фразеологию целесообразно рассматривать как компоненты единой языковой картины мира, но, т.к. фразеология своеобразно передает видение мира человеком, возможно также объединение фразеологических единиц в отдельные фразеосемантические поля» [5].

Вслед за исследователями проблемы фразеосемантического поля Н.А. Сабуровой [8], И.В. Шестярных [12] отмечаем, что фразеосемантическое поле, как и любое поле, составляют ядро и периферия. Ядро объединяется вокруг опорного слова-компонента. Единицы, входящие в ядро, систематически реализуют функцию поля и выполняют их наиболее четко. Периферия же состоит из единиц, усложненных дополнительными значениями, способных выполнять не одну функцию.

Любой язык богат фразеологическими единицами, но невозможно посчитать, сколько их в том или ином языке. Например, с компонентом *гу* «сердце» в словаре фразеологизмов адыгейского языка приводится 258 фразеологизмов, а в ходе исследования подобных единиц нами выявлено в адыгейском языке еще около 40 таких выражений, в которых хранится информация, отражающая быт, обычаи, историю, менталитет и другие культурные ценности этноса. Язык выступает ключевым инструментом хранения и передачи этих элементов культуры, показывая неразрывность связи культуры и языка. Так, раскрывая взаимосвязанную проблематику соотношения языка и культуры через понятие концепта З.Х. Бижева отмечает, что «в изучении проблемы соотношения языка и культуры, способствующем исследованию фундаментального характера и содержания человеческого существования, культурным концептам принадлежит исключительная роль: именно в них выражены представления человека о себе самом и окружающем мире» [3]. М.П. Ахиджакова, конкретизируя сущностные характеристики концепта, отмечает его как «сложное, многомерное и многоаспектное ментальное образование, значимое для определенного национального культурного пространства, отраженное в коллективном сознании, закрепленное за определенной областью действительности и выраженное в тех или иных языковых формах» [1]. Так, З.Х. Бижева обозначает роль концептов в антропологическом и культурологическом измерении. М.П. Ахиджакова раскрывает природу этих концептов, показывая, как они воплощаются в ментальных и языковых структурах. Таким образом, их взаимосвязь показывает, как язык и культура взаимно конструируют человеческое существование через призму культурно-специфических концептов.

В адыгской культуре концепт *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ) часто ассоциируется с мужеством, характеризуя храбрость, стойкость, смелость, что подтверждает представленный далее анализ материала.

Фразеосемантическое поле концепта *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ) в адыгском языковом сознании представлено 16 номинантами: *гушхоныгъ* «смелость»*, гушхо* «смелый», синонимичных слов *лIэблэнагъ* «храбрость, смелость», *лIэхъупхъагъ* «смелость», *лIыхъужъыгъ* «геройство, храбрость, мужество, смелость», *щтэмышIэныгъ* «смелость», *мыщынэ* «смелый», *гузакIэ* «смелый», *блэнагъ* «отвага, смелость»*, лIыбатыр, лIыхъужъ* имеют два значения: 1. «Герой»; 2. «Мужественный, храбрый, смелый», словосочетаний *гушхоу зекIон* «действовать смело», *цIыф гушху* «смелый человек», «смельчак», *гушхуагъэ хэлъ* «смелый», *гушхуагъэ* зе*кIуакI, лIыхъужъ* зе*кIуакI* «смелый поступок» и т.д.

Рассмотрим сочетаемость слов, составляющих лексико-семантическое поле концепта *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ) в адыгейском языке. Слово *гушхуагъ* «смелость» сочетается с глаголами *иІэн* «иметь», *хэлъын* «лежать, находиться», *кІоцІылъын* «находиться», *иІ* «имеет», *зекІон* «поступать», *зехьан* «носить», *къыхэфэн* «встречаться», *хэлъхьан* «вложить».

В адыгейском языке фразеологические единицы, выражающие *гушхуагъ* (смелость), немногочисленны, но ярко отражают национальные особенности культуры и менталитета народа, и характеризуют универсальные различные свойства и черты характера человека.

Компоненты *гу* «сердце», *щтэ* «страх» и концепт *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ) тесно взаимосвязаны в адыгских языках. Фразеосемантическое поле фразеологических единиц с компонентом *гу* «сердце» представлено 5 единицами: *гушхуагъэ хэлъхьан, гушхуагъэ хэлъын, гушхо зиІ, гушхо хъун, лІыгу кІоцІылъ.* Фразеосемантическое поле фразеологизмов с компонентом *щтэ* «страх, испуг» представлено 8 выражениями: *чІыгур (чІыр) къэмыщтэу къэмыщтэн, чІыр къэмыщтэу (къэмыщт) къэмыщын, щтэ ымышІэн, щынэ зымышІ, щтэ умышІэу, щтэр къытекІон, ыгу щтэ къихьан, щтэ зымышІ.* Фразеосемантическое поле фразеологизмов с компонентом *лІы* «мужественный, мужчина» представлено 2 единицами: *лІыгу кІоцІылъ, янэ лІэу къылъфыгъ.*

В ходе анализа рассматриваемые фразеологизмы, выражающие *гушхуагъ* (смелость) кого-либо, нами разделены на две группы:

1. Фразеологические единицы с положительным значением:

гушхуагъэ хэлъхьан [9] (букв.: смелость вложить) «воодушевить кого-л.». *КІэлэегъаджэм блэкІыгъэ лъэхъаным гъэхъагъэу ашІыщтыгъэхэр къафиІотагъэх, кІэлэеджакІохэм гушхуагъэ къахилъхьагъ.* «Учитель, рассказав о достижениях, о великих открытиях прошлого, воодушевил учеников». *Ащ зэкІэми гушхуагъэ ахилъхьан ылъэкІыщтыгъ.* «Он мог всех воодушевить» (пример и перевод наш – Г.Т.).

В адыгейском языке фразеологизм *гушхуагъэ хэлъын* (букв.: смелости лежать, находиться) «обладать смелостью». *Ащ гушхуагъэ хэлъ.* «А в нем есть смелость» (пример и перевод наш – Г.Т.).

Гушхо зиІ (букв.: имеющий сердце большое) «смелый, храбрый». *Ар гушхо зиІэмэ ащыщ.* «Он один из смелых людей» (пример и перевод наш – Г.Т.).

Гушхо хъун (букв.: большим сердцем стать) «смелым, храбрым стать». *Асиет къыІотэгъэ къэбарэр Пщымафэ ыгу рихьыгъ, нахь гушхуи хъугъэ, бзылъфыгъэм гулъытэ ин зэриІэр гуапэ щыхъугъ* (Іэшъын. Псэм фабэ икІас). «То, что Асиет рассказала, Пшимафу понравилось, более похрабрел, ему было приятно, что женщина обладает такой сообразительностью».

ЛІыгу кІоцІылъ (букв.: мужчины сердце в нем лежит, находится) «мужественный, смелый». *ДымыІу лъэшэу у кІалэм фэрэзагъ: «Узэреплъыным фэмыдаІоу, лІыгу кІоцІылъ* (Кэстан. Псыхъохэр зэхэлъадэх). «Дымыу был очень благодарен тому юноше: несмотря на внешность, он очень смелый».

В составе данных фразеологических единиц присутствует компонент *гу* «сердце», имеющее определенное место в эмотивных фразеологизмах, отражающих эмоции человека.

Фразеологизмы, описывающие человека с точки зрения *гушхуагъ* «смелости», содержащие в своем составе названия частей тела, например, в данном случае, *гу* «сердце» созданы метонимическим переносом, обладают высокой степенью экспрессивности и образности, относятся к просторечному стилю.

В следующем фразеологизме *янэ лІэу къылъфыгъ* [9] (букв.: его мать родила мужчиной) в значении «смелый, мужественный» присутствует компонент *лІы,* показывающий *гушхо* (смелый). *Ар янэ лІэу къылъфыгъ.* «Он родился уже смелым» (пример и перевод наш – Г.Т.).

Во фразеологизмах, выражающих *гушхуагъ* (смелость), наблюдается варьирование компонентов. Во фразеологической единице *чІыгур (чІыр) къэмыщтэу къэмыщтэн* [9] (букв.: пока земля не задрожит, он не испугается) «не струсить, не испугаться кому-л., проявить смелость» варьируется существительное *чІыгур* «земля», его вариантное слово *чІыр* «земля» дается в скобках.

ЧІыгур къэмыщтэу сыкъэмыщтэнкІэ,
Хэгъэгум фэшІкІэ спсэ семыблэнкІэ
О, сянэ дах, о Іуагъэ осэты (Жанэ. Стихххэр).
«Пока земля не содрогнется, я не испугаюсь,
Для Родины своей жизни не пожалею
О, мать моя прекрасная, я даю слово».

В данном примере слово *чIыгур* можно заменить вариантным словом *чIыр* без ущерба смысла текста.

ЧIыр къэмыщтэу (къэмыщт) къэмыщын [9] (букв.: пока земля не задрожит, не пугается (не боится)) «смелый». *Мары уишъэо пIуыгъэ командирэу тиIагъэшъ...ЧIыр къэмыщтэу ар къэмыщт…* «Вот ваш сын был нашим командиром… Он был смелый…». В данной единице наблюдается варьирование глагольного компонента. Вариантные фразеологизмы имеют частичные различия в структуре, но полностью тождественны в семантике. Они используются как важное стилистическое средство в текстах. В рассматриваемом примере лексему *къэмыщт* можно заменить вариантным словом *къэмыщын,* не нарушая значение предложения.

Вариантные фразеологические единицы возникают, если «во фразеологической единице один из компонентов заменяется другим или же происходят изменения в структуре одного из компонентов, а эти изменения не образуют новое слово и не меняют смысловое значение фразеологизма» [10].

В адыгейском языке фразеологизм *щтэ ымышIэн* [9] (букв.: страх не знать) «быть смелым, быть мужественным, быть готовым совершить смелый поступок». *ЛIы пхъаш, танкэм пэгъокIы, щтэ ышIэрэп.* «Он мужественный, смелый, пополз навстречу танку» (пример и перевод наш – Г.Т.).

Данные единицы в адыгейском языке означают «быть в состоянии совершать смелые поступки, не раздумывая, может быть даже ценой своей жизни».

Фразеологизмы *щтэ зымышI* (букв.: страха не знающий), *щынэ зымышI* [9] (букв.: тот, кто не боится, не трусит) «смелый, не трусливый» в адыгейском языке выражают положительную черту характера смелого человека, не боящегося никого и ничего. *Ар бэу кIэлэ лIыхъужъ, щтэ зыфаIорэр ышIэрэп.* «Он очень мужественный, смелый парень, не знает, что такое страх». *А кIалэр лIэблан, щынэ зымышI, зэкIакIо зимыI, пыим пэгъокIы.* «Этот юноша мужественный, смелый, не знает, что такое отступать, идет и наступает на врага».

ЩтэумышIэу (Тхаркахо, 2015, с. 663) (букв.: не зная страха) «действовать смело». *ЩтэумышIэу уапэ егъэхъу.* «Смело иди вперед к намеченной цели».

В адыгейском языке данный фразеологизм показывает решительность и уверенность кого-либо для достижения поставленных целей и задач.

2. Фразеологические единицы, выражающие отрицательное значение: *щтэр къытекIон* [9] (букв.: испугу победить) в адыгейском языке употребляется в значении «испугаться, струсить, не решиться что-л. сделать». *…Щтэри укIытэри къытекIоу – шъэфы шъэбэрыкIоу къихьи, зи ымыIоу, пчъэ блыпкъым зыригъэзыгъ* (КIэращ. Насыпым игъогу). «Робея и стесняясь – тихо прокралась, ничего не сказав, прислонилась к дверному косяку».

Фразеологизм *ыгу щтэ къихьан* (букв.: в его сердце страх зайдет) имеет значение «струсить, испугаться, потерять смелость». *– Сабый дэдагъ, ыгу щтэ къихьагъэн, – Бэчырэ игупшысэмэ къахэужьыгъ* (Цуекъо. КъэшъуакIом икъам). «Совсем ребенок, может, струсил, – Бэчыр очнулся от своих дум». В адыгейском языке данный фразеологизм показывает состояние человека, теряющего способность действовать вопреки страху, принимать решительные действия.

Фразеологизмы *щтэр къытекIон, ыгу щтэ къихьан* с отрицательной семантикой являются антонимичными единицами выше рассмотренных выражений *щтэумышIэу, щтэ ымышIэн, чIыгур (чIыр) къэмыщтэу къэмыщтэн, гушхуагъэ хэлъын* с положительной семантикой.

Анализ рассматриваемого концепта во фразеологизмах адыгейского языка показывает, преобладание единиц, имеющих положительное значение.

Выводы

Концепт *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ) в современном адыгейском языке репрезентирует качества как мужество, смелость, храбрость, решительность, бесстрашие, отважность. Выявлена сочетаемость слов, составляющих лексико-семантическое поле концепта *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ) в адыгейском языке. Установлено, что наибольшая сочетаемость с глаголом.

В адыгейском языке концепт *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ) представлен тремя фразеосемантическими полями: фразеологические единицы с компонентом *гу* «сердце», фразеологические единицы с компонентом *щтэ* «страх, испуг», фразеологические единицы с компонентом *лIы* «мужественный, мужчина», отражающими деятельность человеческого сознания. Установлено, что в адыгских языках компоненты *гу* «сердце», *щтэ* «страх», *лIы* «мужественный, мужчина» и концепт *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ) тесно взаимосвязаны.

Концепт *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ) во фразеологизмах адыгейского языка может выражать как положительные (мужество, смелость, храбрость, решительность, бесстрашие, отважность), так и отрицатель-

ные значения (струсить, испугаться, потерять смелость). Выявлено, преобладание единиц, имеющих положительное значение.

В адыгской культуре при описании *гушхуагъ* (смелость), фразеологизмы усиливают экспрессивную силу высказывания, отражая национальные качества адыгского народа. Концепт *«ГУШХУАГЪ»* (СМЕЛОСТЬ) отражает как универсальные человеческие представления о смелости, так и национально-культурную специфику восприятия этого качества.

Перспективой дальнейшего исследования данной проблематики может быть в сравнительно-сопоставительном аспекте в языках разных структур.

Список источников

1. Анчек С.Х. Адыгский фольклор: этнолингвистические характеристики функционирования: монография. Краснодар: Изд-во ИП Солодовников А.Н., 2018. 274 с.

2. Ахиджакова М.П. Вербализация ментального пространства языковой личности автора в художественном тексте (на материале творчества Аскера Евтыха). Краснодар, 2007. 194 с.

3. Бижева З.Х. Адыгские культурные концепты (фрагменты языковой картины мира) // Мир культуры адыгов: проблемы эволюции и целостности / сост. и науч. ред. Р.А. Ханаху. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2002. С. 211 – 224.

4. Бижоев Б.Ч. Грамматические, лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-фа, 2005. 350 с.

5. Горбунова Ю.С. К вопросу о статусе фразеосемантического поля // Таврический научный обозреватель. Филологические науки. 2015. № 4-3. С. 27 – 31.

6. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов: учебное пособие для студентов пединститутов. Москва: Просвещение, 1978. 160 с.

7. Карданов Б.М. Фразеология кабардинского языка. Нальчик: Эльбрус, 1973. 248 с.

8. Сабурова Н.А. Структура фразеосемантического поля пространства // Филологические науки. 2002. № 2. С. 81 – 88.

9. Тхаркахо Ю.А. Фразеологический словарь адыгейского языка. Майкоп: Краснодарское книжное издательство, 1980. 199 с.

10. Тугуз Г.Т. Вариантность фразеологических единиц с глагольным компонентом в адыгейском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Серия: «Языкознание». Тамбов, 2019. Т. 12. № 3. С. 253 – 257.

11. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. Санкт-Петербург: Специальная литература, 1996. 192 с.

12. Шестярных И.В. Фразеосемантическое поле «темпоральность» в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2022. Т. 15. Вып. 2. С. 443 – 448.

References

1. Anchek S.Kh. Adyghe folklore: ethnolinguistic characteristics of functioning: monograph. Krasnodar: Publishing house of IP Solodovnikov A.N., 2018. 274 p.

2. Akhidzhakova M.P. Verbalization of the mental space of the author's linguistic personality in a fiction text (based on the works of Asker Evtykh). Krasnodar, 2007. 194 p.

3. Bizheva Z.Kh. Adyghe cultural concepts (fragments of the linguistic picture of the world). The world of Adyghe culture: problems of evolution and integrity. compiled and scientific editor R.A. Khanakhu. Maykop: GURIPP "Adygea", 2002. P. 211 – 224.

4. Bizhoev B.Ch. Grammatical, lexical and phraseological problems of the Kabardino-Circassian language. Nalchik: El-fa, 2005. 350 p.

5. Gorbunova Yu.S. On the status of the phraseosemantic field. Tavrichesky scientific observer. Philological sciences. 2015. No. 4-3. P. 27 – 31.

6. Zhukov V.P. Semantics of phraseological units: a textbook for students of pedagogical institutes. Moscow: Prosveshchenie, 1978. 160 p.

7. Kardanov B.M. Phraseology of the Kabardian language. Nalchik: Elbrus, 1973. 248 p.

8. Saburova N.A. The structure of the phraseosemantic field of space. Philological sciences. 2002. No. 2. P. 81 – 88.

9. Tkharkakho Yu. A. Phraseological Dictionary of the Adyghe Language. Maikop: Krasnodar Book Publishing House, 1980. 199 p.

10. Tuguz G.T. Variation of Phraseological Units with a Verb Component in the Adyghe Language. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. Series: "Linguistics". Tambov, 2019. Vol. 12. No. 3. P. 253 – 257.

11. Shansky N.M. Phraseology of the Modern Russian Language. St. Petersburg: Special Literature, 1996. 192 p.

12. Shestyarnykh I.V. The Phraseosemantic Field "Temporality" in the Modern Russian Language. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. Tambov, 2022. Vol. 15. Issue 2. P. 443 – 448.

Информация об авторе

Тугуз Г.Т., Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева, tuguz.71@mail.ru

© Тугуз Г.Т., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 821.161
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-232-238

Сравнительный анализ образов дракона в английских и японских народных сказках (символика и семантика)

[1] Павлова М.Н.

[1] Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Аннотация: в данной статье проводится сравнительный анализ образа дракона в английских и японских народных сказках. В устном народном творчестве находят свое отражение исторические, культурные и социальные особенности того или иного народа. Национальный характер и обычаи транслируются на образы героев произведений. Создавая тот или иной образ, фольклор опирается на опыт, который складывался на протяжении веков. Представляется интересным проанализировать схожие образы в устном народном творчестве народов, географически удаленных друг от друга, чтобы сравнить мировосприятие и мироощущение разных культур. Дракон является важным и значимым персонажем как в английских, так и в японских народных сказках. Мы можем видеть изображения драконов в английской геральдике и в японских культовых сооружениях. В статье описывается образ дракона, который был рассмотрен на основании эмпирического материала, лингвокультурологическая справка и предпринимается попытка сравнить образы драконов у разных народов в семантическом и символическом плане. В конце статьи излагаются выводы, полученные после анализа материала. Материал данной работы может использоваться в курсах зарубежной литературы и страноведения.
Ключевые слова: сказка. Фольклор, образ дракона, Англия, Япония, мифология

Для цитирования: Павлова М.Н. Сравнительный анализ образов дракона в английских и японских народных сказках (символика и семантика) // Современный ученый. 2026. № 10. С. 232 – 238. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-232-238

Поступила в редакцию: 20 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Comparative analysis of dragon images in English and Japanese folk tales (symbolism and semantics)

[1] Pavlova M.N.

[1] Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Abstract: this article provides a comparative analysis of the dragon image in English and Japanese folk tales. Oral folk art reflects the historical, cultural and social characteristics of a particular people. National character and customs are translated into the images of the characters in the works. When creating an image, folklore draws on the experience that has developed over the centuries. It is interesting to analyze similar images in the oral folk art of peoples geographically distant from each other in order to compare the worldview and worldview of different cultures. The dragon is an important and significant character in both English and Japanese folk tales. We can see im-

ages of dragons in English heraldry and in Japanese religious buildings. The article describes the image of a dragon, which was examined on the basis of empirical material, linguistic and cultural background, and attempts to compare the images of dragons among different peoples in semantic and symbolic terms. At the end of the article, the conclusions obtained after analyzing the material are presented. The material of this work can be used in courses of foreign literature and regional studies.
Keywords: fairy-tale; folklore; dragon image; England, Japan, mythology

For citation: Pavlova M.N. Comparative analysis of dragon images in English and Japanese folk tales (symbolism and semantics). Modern Scientist. 2026. 10. P. 232 – 238. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-232-238

The article was submitted: May 20, 2026; Approved after reviewing: June 17, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Устное народное творчество охватывает огромное количество разнообразных жанров: сказки, былины, песни, легенды, баллады и многие другие. Каждый народ мира имеет богатый запас народного творчества со своими уникальными особенностями и чертами. Поскольку фольклор создавался на протяжении столетий и передавался из поколения в поколение, впитывая в себя народные обычаи и традиции, то можно говорить о том, что через призму устного народного творчества возможно произвести реконструкцию национальной языковой картины мира того или иного народа.

В зависимости от жанра, в сказках присутствуют те или иные персонажи, которые имеют свои характеристики. Так, мы видим, что в повествовании чудесным образом переплетаются истории о людях, животных, волшебных и фантастических существах. География народных сказок имеет большое значение в возникновении тех или иных героев, поскольку народ, создававший эти произведения, опирался на свое окружение, на тот мир и природу, которая находится вокруг него. Так, в русских народных сказках мы часто встречаем медведя или лису, в китайских сказках – обезьяну. Говоря о мифических и вымышленных персонажах, мы также можем выделить уникальных существ, которые характерны для фольклора определенного народа. Однако, зачастую, волшебные герои совпадают в устном народном творчестве разных стран. Например, великаны могут встретиться как в славянских, так и в английских народных сказках.

Поскольку посредством изучения устного народного творчества мы можем вычленить характерные особенности национальной картины мира, то представляется интересным сравнить персонажей сказок тех народов, которые географически удалены друг от друга, чтобы рассмотреть их характерные особенности и отличия.

Материалы и методы исследований

В данной работе проводится сравнительный анализ английских и японских народных сказок о драконах, поскольку дракон является одним из главных персонажей в сказках данных народов. Сказка тесным образом связана с мифологией и мифологические персонажи проникают в сказки и часто миф нельзя отличить от сказочного повествования, а для того, чтобы разобраться в том, почему тот или иной персонаж возник в фольклоре, необходимо понять природу мышления, особое представление об окружающем мире, которое легло в основу создания сюжета и мотива сказки [12].

В качестве эмпирического материала нами были отобраны английские и японские сказки о драконах: «Святой Георгий и дракон», «Страшный дракон скалы Спидлстон», «Лэмтонский змей» (английские сказки) и «Медуза и обезьяна», «Колокол из дворца Дракона», «Рыбак и морская принцесса» (японские сказки). В процессе исследования использовались сравнительный, исторические методы и метод контрастивного анализа.

Результаты и обсуждения

В европейской культуре и мифологии драконы возникли еще в античности, так, эти сказочные существа упоминаются в древнегреческих повествованиях. В Средние века в культуре Европы сложились легенды о страшных чудищах, которые отличаются свирепостью и страстью к наживе [5]. Этимологически слово «дракон» имеет древнегреческое происхождение и по данным языковедов означает «ясно видящий» [13]. Часто драконы ассоциировались с водой, поскольку они являлись хранителями водоемов и источников воды [2]. Дракон считается самым большим среди всех живых существ, он обитает в пещерах и совершает полеты в небе, обжигая все вокруг свои пламенем. «Он имеет гребень, небольшой рот и узкий пищевод,

через который дышит или выпускает свой язык» [15]. Ударом хвоста дракон способен разрушить все на своем пути.

Хорхе Луис Борхес в своей «Книге вымышленных существ» так описывает западноевропейского дракона: «Огромная, громоздкая змея с когтистыми лапами и крыльями. … Он бывает черный, но самое главное, что он также ослепительно блестящ и еще ему свойственно изрыгать пламя и дым» [1]. В европейской мифологии дракон часто предстает в облике злой и страшной силы, образом тьмы и хаоса, с которой сражается главный герой повествования [16]. Волшебная сила дракона может использоваться в медицинских целях, так, глаза, сердце, зубы, шкура и хвост поверженного дракона применяются при изготовлении различных снадобий, которые помогают от ночных кошмаров, делают человека непобедимым и даже даруют милость властителей [1].

В Англии дракон занимает важное место в культуре, мы модем видеть изображения драконов на флагах и штандартах королей, образ дракона часто используется в геральдике. Считается, что появление изображений драконов в качестве английского геральдического символа связан с римскими легионерами, которые имели на своих знаменах «пылающего дракона». После восшествия на престол династии Тюдоров, образ красного дракона прочно закрепился в геральдике как символ власти и выдающейся родословной, оплота силы и военной мощи [4].

Пожалуй, одной из самых известных легенд, связанных с драконами в английском фольклоре является легенда о Святом Георгии. В ней мы видим следующее описание дракона: «… наполовину змея, наполовину крокодил, с частями льва, орла и ястреба в хороших пропорциях. Они не только могли взмывать в воздух и летать, … но они также умели бегать с огромной скоростью» [6]. По легенде дракон предстает перед читателем кровожадным и злобным существом, которое жило в пещере, охраняя награбленные сокровища. Местные жители боялись чудовище, источающее гнилостный запах, поэтому они, стремясь умилостивить его, решили приносить ему овец в качестве пищи. После того, как в городе закончились овцы, на общем собрании было принято решение скармливать дракону детей. Еженедельно при помощи жеребьевки выбирался ребенок, которому предстояло быть съеденным драконом. Наконец, очередь дошла до дочери правителя, безутешный отец сокрушался и проливал слезы по своей несчастной дочери. Как раз в это время в город пришел Георгий. Узнав печальную историю, он решил помочь жителям города и правителю избавиться от чудовища. Георгий отправляется к пещере, чтобы спасти девушку. У данной легенды несколько разных концовок, так, по одной из них, Георгий убивает дракона во имя Господа и, благодаря этому, люди приняли Христианство. По другой версии Георгию удалось усмирить чудовище благодаря молитве и крестному знамению [6].

Так или иначе, мы видим, что в данной легенде дракон выступает в качестве враждебной силы, которая угнетает людей и наносит им непоправимый вред. Легенду можно интерпретировать как борьбу Христианства с еретическими верованиями, как борьба добра со злом. Дракон – кровожадный, безжалостный змей, который стремится уничтожить все живое вокруг, враждебная сила, с которой под силу справиться только настоящему герою.

В сказке «Страшный дракон скалы Спиндлстон» новая жена короля приревновала к красоте королевской дочери и, будучи колдуньей, заколдовала девушку и превратила ее в страшного дракона. Дракон уполз на скалу, где он обосновался и совершал набеги на местных жителей, нападая на них и пожирая. Чудовище «обвилось вокруг скалы и лежало там, грея на солнце свою ужасную морду. … голод заставлял дракона выползать из пещеры и пожирать все, что попадалось ему на пути» [9]. Несчастные люди обратились за помощью к волшебнику, который рассказал, что дракон, на самом деле – это принцесса Маргарет, которую может расколдовать только ее собственный брат. Принц решил освободить свою сестру и отправился на корабле к скале Спиндлстон. Несмотря на все препятствия, ему удалось пристать к берегу и встретиться с драконом. Принц поцелуем расколдовал сестру, и она из страшного чудища превратилась в прекрасную принцессу.

Как мы можем видеть, несмотря на то, что в теле страшного чудовища находилась нежная и добрая принцесса, ужасная оболочка мешала проявлению добрых чувств. Дракон все равно приносит вред людям, даже если под его шкурой находится прекрасная принцесса. Эпитеты, применяемые в описании дракона (*«страшный», «отвратительный», «ужасный»*) описывают не только его внешний облик, но саму сущность, как враждебную силу, олицетворение зла.

В сказке «Лэмтонский змей» рыбак Роберт вместе с рыбой случайно поймал маленькую змейку, которую, вопреки советам сестры, решил взять с собой. Не дойдя до дома, Роберт выбросил змейку в колодец. Спустя много времени рыбак отправился на войну, где провел долгие годы. Вернувшись в родные края, он обнаружил, что земля вокруг его дома опустошена и разорена, деревни сожжены. Сестра показала ему чу-

довище, которое выросло из маленькой змейки в колодце: «Посреди реки торчит из воды скала, и обвивает ее черными кольцами чудовище, похожее на громадного змея. Вот оно задрало голову, задышало шумно, из пасти пламя вырвалось» [11]. Роберт решил уничтожить змея, однако, после того, как тот разрубил змея пополам, две его половинки поползли друг к другу и срослись заново. По совету вещуньи, юноша сразился со змеем в воде, отрубленные куски уносило течением, и они не успевали срастаться снова. Так молодому герою удалось победить страшное чудовище.

В английских сказках у драконов присутствуют определенные черты, которые прослеживаются во всех произведениях. Так, драконы свирепы и злы и приносят разорение и опустошение окружающей местности. Для того, чтобы дракон полностью не уничтожил город или деревню, он требует дань: молодые девушки в легенде о Святом Георгии, молоко от девяти коров в сказках о страшном драконе горы Спиндлстон и о Лэмтонском змее. Для того, чтобы сразиться с драконом, необходимо иметь не только физическую силу, но и проявить смекалку и сообразительность.

Дракон – это олицетворение зла, которое часто ассоциируется с враждебными силами и дьявольским началом. Разрушения, которые совершает дракон, можно сравнить с разрушениями во время войн и стихийных бедствий: «Поля окрест лежат голые, черные, вместо деревни – пепелище. Не слышно ни голоса человеческого, ни лая собак» («Лэмтонский змей») [11]. Говоря об истории английского народа, можно сказать, что на его долю выпало немало войн и противостояний, соответственно, в сказках враждебная сила приняла очертания страшного дракона, который оказывается повержен. Так возникает вера в то, что всякое зло возможно победить, можно стойко противостоять неприятелю, достойно отражая его натиски, какими бы жестокими они не были.

Сравним образ дракона в английских народных сказках с японским драконом. В азиатской культуре дракон – символ могущества, власти и силы, который является очень почитаемым у разных восточных народов. Дракон также является символом воды, который может наслать дождь или бурю и играет важную роль в сельскохозяйственной культуре, так, хранителя воды старались умилостивить для того, чтобы тот пролил дождь в засушливые годы для богатого урожая [3]. Восточный дракон способен принимать разные обличия: он может перевоплощаться в разных животных, имеет рога, змееподобное тело и блестящую чешую, а также может становиться невидимым. Дракон обладает целительной силой, его зубы могут излечивать от различных болезней. «Драконы покрыты бронею из желтой чешуи, и пасти у них обросшие бородою. Лапы и хвост косматые, лоб нависает над пылающими глазами, уши небольшие и толстые, пасть всегда раскрыта, язык длинный, зубы острые. От их дыхания свариваются и поджариваются целые косяки рыб» [1].

В Японии драконы являлись грозными защитниками народа, они защищали людей, религию, землю. Неслучайно в буддистских храмах присутствует огромное количество изображений драконов, которые охраняли территорию в том числе и от пожаров. В японской мифологии дракон является одним из четырех символов сторон света. Лазурный дракон олицетворяет восток, представляется символом весны, процветания и благоденствия, справедливости и мужской силы, а также является символом города Киото [3].

Драконы становятся символом государственности и власти, хранителями императорского дома, поскольку, по легенде, предками японских императоров считаются драконы [14].

Рассмотрим некоторые японские народные сказки для того, чтобы более полно представить образ дракона. Сюжет сказки «Медуза и обезьяна» повествует о могущественном драконе, который жил со своей женой на дне моря. Внезапно жена дракона серьезно заболевает и единственным средством для ее исцеления является печень живой обезьяны. Мудрый осьминог поведал правителю, что на острове Саругасима обитает множество обезьян. Было решено отправить за искомым медузу. Медуза с помощью уловки пригласила обезьяну посетить дворец дракона: «Дворец там весь из золота, серебра и драгоценных кораллов». По пути медуза не выдержала и проговорилась обезьяне о том, что жене дракона необходима ее живая печень. Обезьяна придумывает историю, что забыла свою печень на суше и как только оказывается на берегу, взбирается на высокую сосну, а медузе приходится возвращаться в море ни с чем [7]. В сказке не говорится о том, удалось ли выздороветь жене дракона, однако, мы можем судить о том, что дракона почитали на морском дне: «Правил он всеми рыбами, и не было в море никого, кто бы не признавал его власти» [7]. После того, как выяснилось, что обезьяне не удалось раздобыть печень обезьяны, дракон приходит в бешенство, но это можно объяснить тем, что его жена тяжело больна, а лекарства не удалось достать. Даже несмотря на то, что медуза не справилась с заданием, единственное наказание, которая она понесла, это то, что морские жители поколотили ее. Мы видим, что дракон хоть и является правителем морей и в его власти придумать любое наказание для провинившейся медузы, он ограничивается лишь приказом избить ее. Воз-

можно, это не самое легкое наказание, однако и не настолько жесткое, которое можно было ожидать от всемогущего морского царя.

В сказке «Колокол из дворца Дракона» речь идет о жителях Симоносэки, которые определяли время по звону колокола, который висел в храме Сэннэндзи. Однажды колокол начал звонить в неурочное время сам по себе и продолжал звонить и ночью, и днем, особенно громко во время дождя. Спустя время в храм к настоятелю обратилась прекрасная девушка, которая представилась посланницей Повелителя моря из дворца Драконов. Повелитель очень хотел иметь такой колокол и просил отдать его ему. Крестьяне согласились передать колокол в море и ценой неимоверных усилий столкнули колокол в море, после чего начали жить спокойно и счастливо [8].

Морской дракон не отбирает силой желаемое, хотя, безусловно, имеет на это ресурсы, он посылает за колоколом девушку, которую не испугается настоятель храма. За услугу, оказанную жителями деревни, морской Правитель дает щедрое вознаграждение: «Сказывают, что с тех пор потекла в деревне спокойная жизнь, а настоятелю храма великие тайны открылись. Научился он угадывать время штормов и тайфунов, приливов и отливов, нередко рыбакам помогал и урожай от непогоды спасал» [8]. Дракон проявляет благородство и справедливость. Он возмещает неудобства, связанные с потерей колокола жителями деревни в большем размере. Мы не видим ни разрушений, ни несчастий, связанных с драконом. Даже, когда колокол бил по ночам, крестьяне, хоть и испытывали неудобства, но мы не можем говорить о том, что они были причиной гибели или страшных болезней.

Сюжет сказки «Рыбак и морская принцесса» повествует о рыбаке, который жил на берегу моря. Однажды он увидел, что несколько мальчиков дразнят огромную черепаху. Рыбак прогоняет мальчишек, в награду за это черепаха решает показать юноше Дворец Дракона. В прекрасном дворце героя встречает удивительной красоты девушка, морская принцесса, которая устраивает настоящий пир: «Невиданные яства таяли во рту, сладкое вино лилось рекой, негромко звучала чудесная музыка и волшебные рыбки кружились в хороводе вокруг них» [10]. На прощанье девушка подарила юноше ларец из трех шкатулок. Вернувшись в деревню, рыбак с ужасом узнает, что пока он гостил во дворце Дракона, на земле прошло много лет, его мать давно умерла, а дом развалился. Рыбак открыл ларец, который ему подарила принцесса, оттуда вылетело журавлиное перышко и опустилось ему на спину. Рыбак превратился в белого журавля и улетел на небо [10].

В сказке дракон также выступает в роли щедрого и справедливого правителя, который готов отблагодарить лирического героя за доброе дело, которое тот совершил. Мы также можем судить о богатстве морского царя по описанию угощений, которыми потчевали гостя. Понимая, что герой вернется в изменившийся до неузнаваемости мир, принцесса награждает его возможностью воссоединиться с матерью на небесах, что также может служить примером заботы и участия.

Выводы

Несмотря на то, что в английских и японских сказках драконы обладают общими характеристиками, таким как способность изрыгать пламя и летать по воздуху, а также имеют целительные свойства, их образы значительно отличаются друг от друга. Так, в английском фольклоре дракон, прежде всего, враг, с которым необходимо сразиться, чтобы установился мир и спокойствие. Мы видим четкие описания внешности и повадок этого существа. Характер дракона свиреп и жесток, он стремится к наживе и способен разрушить все на своем пути. В образе чудовища представляется реальный враг - чужеземные захватчики, которые часто атаковали английский народ на протяжении истории. Борьба с драконом – это не только сражение с ужасным чудищем, но и утверждение своей культуры, норм и правил. Так, в сказке о Святом Георгии падение дракона означает установление Христианства.

Японский дракон является если не полной противоположностью английскому, но в значительной степени отличается от первого. Дракон в Японии тождественен божеству, он является предком императоров и символом государственной власти. Здесь он не антагонист, а защитник и справедливый правитель. Как и подобает божеству, дракон суров, но справедлив, мы редко находим описания внешности существа в фольклоре, возможно именно потому, что он, как и божество, недоступен взору простых людей. Дракон почитаем в Японии и в настоящее время, что говорит о его важном обрядовом и культурном значении.

Мы можем сделать вывод, что исторические особенности развития народа, культурные и традиционные предпосылки играют важную роль при создании образов сказочных персонажей. Внешне схожие герои могут иметь различное происхождение и представлять собой разные образы в устном народном творчестве.

Список источников

1. Борхес Х.Л. Книга вымышленных существ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://books.yandex.ru/reader/XGnfhTFj?resource=book&force-web=true (дата обращения: 30.01.2026)

2. Дроздова Е. Новый Средневековый бестиарий [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://books.yandex.ru/books/ugX57ojb/read-online (дата обращения: 30.01.2026)

3. Изотова, Н.Н. Образ дракона в японской культуре: генезис и семантика [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-drakona-v-yaponskoy-kulture-genezis-i-semantika/viewer (дата обращения: 03.02.2026)

4. Кирюхин Д.В. Красный дракон и белый грейхаунд в нарративных и визуальных английских источниках начала XVI [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://em-england.ru/articles/culture/c27 (дата обращения: 30.01.2026)

5. Логинов С. К вопросу о классификации европейских драконов [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.rusf.ru/loginov/books/story03.htm (дата обращения: 30.01.2026)

6. Портал Библиотека Сказок [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://skazki.dy9.ru/zmej-i-svyatoj-georgij-anglijskaya/2/ (дата обращения: 30.01.2026)

7. Портал ЛитЛайф [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://litlife.club/books/279640/read?page=8 (дата обращения: 03.02.2026)

8. Портал Ну-ка, дети! [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://nukadeti.ru/skazki/kolokol-iz-dvorca-drakona (дата обращения: 03.02.2026)

9. Портал Ну-ка, дети! [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://nukadeti.ru/skazki/strashnyj-drakon-skaly-spindlston (дата обращения: 30.01.2026)

10. Портал Теремок [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://teremok.in/Pisateli/Zarub_Pisateli/Sbornik_Zarub_Pis/Ribak_prinsessa.htm (дата обращения: 03.02.2026)

11. Портал Хранители сказок [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://hobbitaniya.ru/english/english46.php (дата обращения: 03.02.2026)

12. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.booksite.ru/localtxt/ist/ori/che/sky/kor/ny/ska/zki/propp/2.htm (дата обращения: 29.01.2026)

13. Сафонова О.С. Образ мифологического дракона в творчестве Дж. Р.Р. Толкина [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mifologicheskogo-drakona-v-tvorchestve-dzh-r-r-tolkina/viewer (дата обращения: 30.01.2026)

14. Сомкина Н.А. Общая сравнительная характеристика зооморфной символики Китая и Японии [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-sravnitelnaya-harakteristika-zoomorfnoy-simvoliki-kitaya-i-yaponii/viewer (дата обращения: 03.02.2026)

15. Уайт Т.Х. Средневековый бестиарий. Что думали наши предки об окружающем их мире [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://tuscriaturasarchivos.home.blog/wp-content/uploads/2018/12/uayt-srednevekovy-bestiariy.pdf (дата обращения: 30.01.2026)

16. Уфанюков А.А. Драконы: миф или реальность [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://moluch.ru/young/archive/4/395 (дата обращения: 30.01.2026)

References

1. Borges J.L. The Book of Imaginary Creatures [Electronic resource]. Access mode: URL: https://books.yandex.ru/reader/XGnfhTFj?resource=book&force-web=true (date of access: 30.01.2026)

2. Drozdova E. The New Medieval Bestiary [Electronic resource]. Access mode: URL: https://books.yandex.ru/books/ugX57ojb/read-online (date of accessed: 30.01.2026)

3. Izotova, N.N. The Image of the Dragon in Japanese Culture: Genesis and Semantics [Electronic resource]. English: Access mode: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-drakona-v-yaponskoy-kulture-genezis-i-semantika/viewer (date of access: 03.02.2026)

4. Kiryukhin D.V. The Red Dragon and the White Greyhound in Narrative and Visual English Sources of the Early 16th Century [Electronic resource]. Access mode: URL: https://em-england.ru/articles/culture/c27 (date of access: 30.01.2026)

5. Loginov S. On the Classification of European Dragons [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.rusf.ru/loginov/books/story03.htm (date of access: 30.01.2026)

6. Portal Library of Fairy Tales [Electronic resource]. Access mode: URL: https://skazki.dy9.ru/zmej-i-svyatoj-georgij-anglijskaya/2/ (date of access: 30.01.2026)

7. LitLife Portal [Electronic resource]. Access mode: URL: https://litlife.club/books/279640/read?page=8 (date of access: 03.02.2026)

8. Portal Come on, kids! [Electronic resource]. Access mode: URL: https://nukadeti.ru/skazki/kolokol-iz-dvorca-drakona (date of access: 03.02.2026)

9. Portal Come on, kids! [Electronic resource]. Access mode: URL: https://nukadeti.ru/skazki/strashnyj-drakon-skaly-spindlston (date of access: 30.01.2026)

10. Portal Teremok [Electronic resource]. Access mode: URL: https://teremok.in/Pisateli/Zarub_Pisateli/Sbornik_Zarub_Pis/Ribak_prinsessa.htm (date of accessed: 03.02.2026)

11. Portal Keepers of Fairy Tales [Electronic resource]. Access mode: URL: http://hobbitaniya.ru/english/english46.php (date of access: 03.02.2026)

12. Propp V.Ya. Historical Roots of the Fairy Tale [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.booksite.ru/localtxt/ist/ori/che/sky/kor/ny/ska/zki/propp/2.htm (date of access: 29.01.2026)

13. Safonova O.S. The Image of the Mythological Dragon in the Works of J.R.R. Tolkien [Electronic resource]. Access mode: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mifologicheskogo-drakona-v-tvorchestve-dzh-r-r-tolkina/viewer (date of access: 30.01.2026)

14. Somkina N.A. General Comparative Characteristics of the Zoomorphic Symbolism of China and Japan [Electronic resource]. Access mode: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-sravnitelnaya-harakteristika-zoomorfnoy-simvoliki-kitaya-i-yaponii/viewer (date access: 03.02.2026)

15. White T.H. Medieval bestiary. What our ancestors thought about the world around them [Electronic resource]. Access mode: URL: https://tuscriaturasarchivos.home.blog/wp-content/uploads/2018/12/uayt-srednevekovy-bestiariy.pdf (date access: 30.01.2026)

16. Ufanyukov A.A. Dragons: myth or reality [Electronic resource]. Access mode: URL: https://moluch.ru/young/archive/4/395 (date of access: 30.01.2026)

Информация об авторе

Павлова М.Н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, komo4ek87@mail.ru

© Павлова М.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81'25:796.9
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-239-245

Исследование русско-китайского перевода терминов фигурного катания на основе скопос-теории

[1] Ли Синьмэн

[1] Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация: в данном исследовании скопос-теории взята за отправную точку для изучения русско-китайского метода перевода терминов фигурного катания. С помощью обзора литературы и анализа конкретных случаев исследования объясняет суть скопос-теории и её основное значение, анализирует профессиональные, культурные и динамические характеристики терминов фигурного катания, а также выявляет проблемы, которые существуют в текущем переводе терминов фигурного катания. На основе трёх принципов скопос-теории предлагаются такие практические методы перевода, как буквальный перевод, вольный перевод, транскрипция и вольный перевод. В сочетании с принципами связности и верности рассматриваются такие методы перевода, как лексическая конверсия и корректировка порядка.
Исследованиия подтверждает, что скопос-теория имеет большое значение для перевода терминов фигурного катания. И можно помогать повысить точность и стандартизацию русско-китайского перевода терминов фигурного катания, улучшить коммуникацию и взаимопонимание в области фигурного катания между Китаем и Россией, а также обогатить теоретическую систему спортивного перевода, чтобы обеспечить мощную поддержку исследованиям и практике ледовых и снежных видов спорта.
Ключевые слова: Скопос-теория, Термины фигурного катания, Методы перевода, Перевод терминов, Русско-китайский перевод, Язык спорта

Для цитирования: Ли Синьмэн Исследование русско-китайского перевода терминов фигурного катания на основе скопос-теории // Современный ученый. 2026. № 10. С. 239 – 245. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-239-245

Поступила в редакцию: 20 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Research on Russian-Chinese translation of figure skating terminology based on Skopos theory

[1] Li Xinmeng

[1] Lomonosov Moscow State University

Abstract: this research takes Skopos theory as a starting point for exploring Russian-Chinese translation methods for figure skating terminology. Through a literature review and analysis of specific cases, the research elucidates the essence of Skopos theory and its core significance, analyzes the professional, cultural, and dynamic characteristics of figure skating terms, and identifies problems present in the current translation of such terminology. Based on the three principles of Skopos theory, practical translation methods such as literal

translation, free translation, and transliteration are proposed. In combination with the principles of coherence and fidelity, translation techniques such as lexical conversion and word order adjustment are examined.
The research confirms that Skopos theory is of great importance for the translation of figure skating terms. It contributes to enhancing the accuracy and standardization of Russian-Chinese translation of figure skating terminology, improving communication and mutual understanding in the field of figure skating between China and Russia, and enriching the theoretical system of sports translation, thereby providing robust support for research on and the practice of ice and snow sports.
Keywords: Skopos theory, figure skating terminology, translation methods, terminology translation, Russian-Chinese translation, sports language

For citation: Li Xinmeng Research on Russian-Chinese translation of figure skating terminology based on Skopos theory. Modern Scientist. 2026. 10. P. 239 – 245. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-239-245

The article was submitted: May 20, 2026; Approved after reviewing: June 17, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Глобализация развивается стремительно, и международное культурное взаимодействие и спортивные обмены становятся все более активными. Фигурное катание – это вид спорта, сочетающий в себе спорт и искусство, занимающий особое место в мировой спортивной культуре, и есть много людей, которые любят этот вид спорта. В последние годы соревнования по фигурному катанию привлекают большое внимание, их популярность и влияние растут, увеличивается потребность в международном распространении и переводе соответствующих терминов. Россия добилась выдающихся успехов в фигурном катании, подготовив множество спортсменов мирового класса. Ее система подготовки и технические концепции оказали значительное влияние на международную арену. В то же время китайское фигурное катание активно развивается и укрепляет сотрудничество с Россией в области обмена спортсменами, подготовки тренеров и организации соревнований. Изучение перевода терминов фигурного катания с русского языка на китайский позволяет углубить понимание специфики и универсальности перевода спортивных терминов, открывая новые перспективы в теории и практике перевода. Точный перевод терминов не только помогает китайским спортсменам и тренерам лучше понимать международные правила и технические требования, но и способствует повышению интереса и понимания этого вида спорта среди зрителей. Кроме того, это закладывает прочную языковую основу для дальнейшего сотрудничества между Китаем и Россией в спортивной сфере.

Теоретическая основа исследования：В истории переводоведения ученые анализировали и исследовали сущность перевода с различных точек зрения. Прежде всего, перевод представляет собой языковую деятельность, требующую преобразования информации, выраженной на исходном языке, в информацию на языке перевода.[9] Теоретической базой исследования выступает скопос-теория. Скопос-теория является концепцией из области переводоведения. Она дает представление о характере перевода как целенаправленной деятельности, которая непосредственно применима к каждому переводческому проекту.

Цели исследования : использовать теорию скопоса для анализа методов перевода терминологии фигурного катания с русского на китайский язык и предложить эффективные стратегии перевода, которые помогут спортсменам преодолеть языковые барьеры и повысить свой конкурентоспособный уровень.

Исследования за рубежом и исследования в Китае: В существующей научной литературе преобладают работы, посвящённые либо общим вопросам перевода спортивной терминологии, либо частным случаям перевода с английского языка. Исследований, специально ориентированных на русско-китайский перевод терминов фигурного катания с позиций функциональных теорий, до настоящего времени практически не проводилось. Данная работа восполняет этот пробел и коррелирует с современными тенденциями в переводоведении, где всё большее внимание уделяется культурно-прагматическому измерению перевода. Результаты подтверждают тезис о том, что при переводе терминологии высокоспециализированных видов спорта необходимо сочетать принципы унификации (для обеспечения однозначности в профессиональной коммуникации) и дифференциации (для удовлетворения потребностей разных типов аудиторий). Вместе с тем исследование выявило и специфические сложности, связанные с русско-китайской языковой парой, которые не в полной мере освещены в англоцентричных переводческих моделях: различия в

морфологической структуре терминов, отсутствие прямых соответствий для сложных составных наименований, разница в традициях спортивного терминотворчества.

Материалы и методы исследований

Объект исследования：Предметом исследования является сопоставительная таблица терминов фигурного катания (русско-китайское, англо-китайское и англо-русское соответствие). Основное внимание уделяется методам перевода русских терминов на китайский язык с точки зрения скопос-теории.

Источники терминов включают учебное пособие Се Дали «Серия учебных материалов по английскому языку для зимних видов спорта: Ледовые дисциплины» [17], книгу Ван Шубэня «Фигурное катание» и терминологический глоссарий XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в Сочи[7].

Методология исследования：Различные этапы исследования включают: подборку популярных русских терминов фигурного катания, классификацию способов их перевода на китайский язык, анализ конкретных случаев перевода. Методология исследования：Различные этапы исследования включают: подборку популярных русских терминов фигурного катания, классификацию способов их перевода на китайский язык, анализ конкретных случаев перевода.

Методологическую основу составили следующие методы:

(1) Метод исследования литературы. В данной статье собраны и обобщены существующие исследования, посвященные переводу терминологии фигурного катания, с отбором репрезентативных примеров перевода. Проведен детальный анализ с различных точек зрения, включая лексику, грамматику и семантику, обобщены методы перевода и предложены стратегии перевода.

(2) Метод исследования. После сбора терминов фигурного катания они были обработаны и проанализированы путем анализа и обобщения, а репрезентативные термины были отобраны для конкретного тематического исследования и объяснения, так что некоторые специальные методы перевода в русско-китайском переводе терминов фигурного катания были обобщены на основе большого количества анализов;

(3) Метод сопоставительного анализа. На основе собранных глоссариев русско-китайского, англо-китайского и англо-русского переводов, выражения терминов фигурного катания на трех языках – русском, английском и китайском – были всесторонне сравнены с точки зрения скопос-теории, чтобы исследовать различия в языковой структуре, культурных коннотациях и привычках выражения, что обеспечивает надежную поддержку для точного перевода.

Результаты и обсуждения

В данном исследовании на основе скопос-теории были предложены различные методы перевода терминов фигурного катания с русского на китайский язык. Результаты показывают, что гибкое использование этих методов позволяет:

(1) значительно улучшить точность и понятность перевода терминов фигурного катания;

(2) значительно повысить когнитивную глубину и интерес читателей к фигурному катанию.

В процессе перевода переводчики должны выбирать и разумно сочетать различные методы перевода в соответствии с особенностями терминов и реальными потребностями целевых читателей, чтобы достичь наилучших результатов перевода. Скопос-теория обеспечивает эффективную теоретическую поддержку перевода терминов фигурного катания, позволяя решить долгосрочные проблемы в этой области, такие как несоответствие стандартов перевода и недостаточная передача культурных коннотаций, что способствует значительному улучшению качества перевода, а также активному содействию коммуникации и сотрудничеству между Китаем и Россией в области фигурного катания.

Анализ и обобщение полученных результатов: Проведённое исследование, выполненное в рамках скопос-теории, позволило по-новому взглянуть на проблему перевода терминов фигурного катания с русского языка на китайский. В отличие от традиционных лингвоцентрических подходов, ориентированных на формальное соответствие между языками, скопос-теория перемещает акцент на цель переводческого акта и на восприятие текста реципиентом. В ходе работы был предложен ряд методов перевода.

Комментарии к результатам: Исследование подтверждает, что успех перевода терминов фигурного катания зависит от коммуникативной ситуации. Это соответствует скопос-теории: цель определяет метод. Сопоставительный анализ русского, английского и китайского языков показал, что английский как язык-

посредник может приводить к смысловым искажениям, что подчёркивает необходимость прямой русско-китайской терминологической стандартизации.

Значимость результатов:

(1) Теоретическая значимость работы заключается в расширении границ применения скопос-теории: её адаптация к узкоспециализированной области спортивного перевода демонстрирует эвристический потенциал функционального подхода за пределами традиционных жанров (реклама, инструкции, юридические тексты). Исследование вносит вклад в развитие переводоведения, показывая, что для терминосистем, тесно связанных с телесной практикой (спорт, танец, медицина), недостаточно одного лингвистического анализа – требуется учёт прагматического контекста и культурной среды.

(2) Практическая значимость выражается в том, что предложенные методы перевода могут быть использованы при подготовке официальных глоссариев для международных соревнований (в том числе проводимых в Китае), в работе тренерских штабов, а также при создании учебных пособий для переводчиков в сфере спорта. Точная и адаптированная терминология способствует более эффективному взаимодействию между российскими и китайскими специалистами, что особенно актуально в свете развития двустороннего сотрудничества в области фигурного катания.

1. Методы перевода, основанные на принципе цели

Принцип цели：Целевой текст определяется его скопосом (целью, задачей). В целом контексте перевода, переводчик больше не уделяет внимания на исходному тексту и его функцию, а на функциях, которые перевод должен выполнять в культурной среде целевого языка. Одна из функциях перевода терминов фигурного катания – обеспечить точную передачу терминологии между двумя странами.

Для терминов с ясным значением и существующих соответствующих терминов на китайском языке или терминов без двусмысленности, можно использовать буквальный перевод. При этом, с соблюдением норм и культурных особенностей целевого языка, форма и содержание оригинальных терминов сохраняются в максимально возможной степени.

Например, такие как «аксель (阿克塞尔跳)» «тулуп (特鲁普跳)», уже существуют соответствующие переводы на китайский язык. Термин «поверхность льда(冰面)», не имеющее двусмысленности, то можно перевести напрямую.

Если буквальный перевод не может точно передать значения термина или не соответствует китайским привычкам выражения, то следует использовать вольный перевод.

Например, «круговой элемент», если буквальный перевод – это «圆形元素», то значение будет неясным, а вольный перевод – «旋转（вращение）», что больше соответствует профессиональному контексту.

«Культурно-специфичные термины требуют либо пояснительного перевода, либо создания неологизма» [6]. Для терминов с уникальными культурными коннотациями или особенностями произношения следует использовать метод творческого перевода. При появлении новых элементов или особенных технических приемов, не имеющих аналогов в китайском языке, переводчик следует учитывать цель перевода и особенности целевого языка, создавая новые термины, соответствующие языковым нормам и культурному контексту.

Например, «Кантилевер» основан на транслитерации английского слова «cantilever». В английском языке слово «cantilever» первоначально переводилось как длинный шест с одним концом, закрепленным на вертикальной опоре, используемый для крепления таких конструкций, как арки, мосты или полки, но в фигурном катании оно обозначает вид работы ног, маневр, который требует от спортсмена внезапного изменения направления при быстром катании по льду, при этом наклоняя тело до горизонтального состояния, чтобы выполнить маневр «крабовой походки», который в итоге был переведен как «cantilever». Термин «Кантилевер» в итоге был переведен как «蟹步».

2. Методы перевода, следующие принципу связности

Принцип связности паказывает, что перевод должен обладать внутриязыковой связностью. Учитывая различия в языковой среде и культурных традициях, при переводе терминов фигурного катания на китайский язык, перевод должен быть приемлемым, понятным и распространяемым.

Например,термин "кросс ролл " буквально означает«попеперечное качение»и в фигурном катании описывает движение с изменением направления по крестообразной траектории. Однако прямой перевод " 在十字架上来回转动的步法" («шаг с вращением на кресте») мог бы вызвать непонимание у китайской аудитории, незнакомой с христианской символикой. Поэтому был выбран вариант " 摇滚步" ("шаг рок-н-ролла"), где абстрактное понятие «рок»передает динамику и характер движения, позволяя зрителю визуализировать элемент.

*Например, термин «кораблик» (букв. «корабль») был переведен как «大一字步» («шаг в форме иероглифа один»).*Хотя «корабль» и «иероглифодин» относятся к разным понятийным категориям, их объединяет ассоциация с прямотой – корабль плывет прямо, как и написание «一». Авторы термина стремились передать вытянутое положение тела фигуриста при выполнении элемента, а в китайской культуре прямая линия ассоциируется прежде всего с иероглифом"一". Переводчик учел культурные особенности восприятия, сохранив исходный смысл термина.

Другой пример – термин «либела», не имеющий самостоятельного значения в русском языке и обозначающий определенный тип вращения. При сопоставлении с английским аналогом «camel spin»(букв. «верблюжье вращение») китайские переводчики выбрали вариант " 燕 式 转 " («вращение в стиле ласточки»). Хотя и верблюд, и ласточка являются животными, их характеристики существенно различаются. При выполнении этого элемента фигурист стоит на одной ноге, вытягивая другую назад с выпрямленными руками, вращаясь вокруг оси. Англоязычные специалисты увидели в этом сходство с верблюдом, тогда как китайские переводчики ассоциировали движение с полетом ласточки, которая в китайской культуре символизирует грацию и легкость, что точнее передает характер элемента.

3. Методы перевода, отражающие принцип верности

Принцип верности означает, что перевод должен быть верным оригинальному тексту. Но эта верность не означает полной верности оригинальному тексту, степень верности зависит от цели перевода. Поэтому Ппринцип верности требует изучения профессионального контекста и фона терминов фигурного катания, точного понимания их исходного значения и гибкого учета культурных факторов при переводе. Использование комментариев и смыслового перевода позволяет максимально сохранить содержание и стиль исходного текста, передавая культурные коннотации и преодолевая межкультурные барьеры.

Для терминов с уникальной культурной или фонетической спецификой эффективен метод комбинированной транскрипции со смысловым пояснением. Например: «Спираль Шарлотты» → «夏洛特燕式», «Спираль Керриган» → «克里根燕式». В этих переводах сохранены оригинальные особенности, но добавлен пояснительный компонента. При переводе термина «тройной тулуп» прямой дала бы «тройной прыжок» потерял бы специфику именно тулупа. Оптимальным стал вариант «后 外 点 冰 三 周 跳 », сочетающий транскрипцию ключевого элемента с точным описанием прыжка.

Выводы

На основе скопос-теории в данном исследовании проводится систематическое изучение русско-китайского перевода терминов фигурного катания, предлагается ряд методов перевода. Исследования подтверждают, что Скопос-теория обеспечивает эффективную теоретическую поддержку перевода терминов фигурного катания, которая может эффективно решить долгосрочные проблемы в этой области. И показывает что терминологический перевод следует понимать не просто как формальное соответствие, а как установление динамического баланса между профессиональными нормами, культурным познанием и коммуникативными целями, что требует от переводчика профессиональных знаний и глубокого культурного чутья. В процессе перевода переводчики должны выбирать и разумно сочетать различные методы перевода в соответствии с особенностями терминови реальными потребностями целевых читателей, чтобы достичь наилучших результатов перевода. Таким образом, методы русско-китайского перевода терминов фигурного катания на основе скопос-теории можно значительно улучшить качество перевода, а также сильно способствовать коммуникации и сотрудничеству между Китаем и Россией в области фигурного катания.

Список источников

1. Акашева Т.В. Скопос-теория: организация занятий по письменному переводу // Евразия-2022: социально-гуманитарное пространство в эпоху глобализации и цифровизации: материалы Международного научного культурно-образовательного форума, Челябинск, 06-08 апреля 2022 г. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2022. С. 15 – 17.

2. Филончик О.А., Слива М.Е., Ступина Т.В. Перевод лексических лакун в спортивной лексике // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 236 – 242. DOI 10.18522/2070-1403-2020-83-6-236-242

3. Латышев Л.К., Северова Н.Ю. Технология перевода: учебник и практикум для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2026. 263 с. ISBN 978-5-534-00493-9.

4. Ли С., Стровский М.Д. Способы перевода культурных различий с русского языка на китайский язык // В мире русского языка и русской культуры: сборник тезисов III Международной студенческой научно-практической конференции, Москва, 25 апреля 2019 г. / отв. ред. С.Г. Персиянова, И.А. Орехова. Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2019. С. 116 – 119.

5. Лингвистические и методические аспекты формирования межкультурной компетенции: сборник научных трудов по материалам II Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции, Уфа, 30 ноября 2023 г. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2023. 560 с. ISBN 978-5-907730-43-4.

6. Назаренко Т.Ю. Язык и межкультурная коммуникация // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 6-1 (105). С. 143 – 147. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-i-mezhkulturnaya-kommunikatsiya-1 (дата обращения: 05.04.2026)

7. Терминологический глоссарий XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в Сочи. [Б. м. : б. и., б. г.]. Без пагинации.

8. Шарикова Ф.Н., Терпелец Ж.А., Осадчая В.П. Особенности перевода спортивной терминологии зимних видов спорта с английского языка на русский язык // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2022. № 3. С. 91 – 96. DOI 10.53742/1999-6799/3_2022_91_96

9. Nida E.A. Towards a science of translating. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2004. 331 p.

10. Nord C. Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2001. 154 p.

11. Xu Ju. Research on Sports-related English Translation from the Perspective of Communicative Translation Theory – Taking Texts of the Beijing Winter Olympics as an Example // Journal of Education, Teaching and Social Studies. 2024. Vol. 6. No. 4. P. 25. DOI 10.22158/jetss.v6n4p25

12. 海彪. 体育词典、词汇中的名词术语翻译 / 海彪 // 沈阳体育学院学报. 1990. № 3. С. 79 – 81.

13. 廉舒. 《科学翻译学》出版 / 廉舒 // 中国科技翻译. 2004. Т. 17. № 3. С. 封三–封三. DOI 10.3969/j.issn.1002-0489.2004.03.020

14. 梁思宇. 我国体育术语的标准化研究 / 梁思宇 // 运动. 2016. № 11. С. 145 – 146. DOI 10.3969/j.issn.1674-151x.2016.11.079

15. 解大力. 冰雪体育英语系列教材·冰上项目 / 解大力. 哈尔滨 : 哈尔滨工业大学出版社, 2019. 148 с.

16. 史玄之. 从译文可接受性的角度论体育专业术语翻译 / 史玄之 // 闽江学院学报. 2014. № 3. С. 81 – 89. DOI 10.3969/j.issn.1009-7821.2014.03.012

17. 张和平, 裴欣欣. 体育英语术语翻译研究 / 张和平, 裴欣欣 // 文体用品与科技. 2015. № 22. С. 136, 144. DOI 10.3969/j.issn.1006-8902.2015.22.095

18. 赵好, 赵成. 竞技运动术语的翻译效度—基于关联理论的视角 / 赵好, 赵成 // 体育科技文献通报. 2011. Т. 19. № 11. С. 114 – 117. DOI 10.3969/j.issn.1005-0256.2011.11.056

References

1. Akasheva T.V. Skopos-theory: organizing classes on written translation. Eurasia-2022: social and humanitarian space in the era of globalization and digitalization: materials of the International scientific cultural and educational forum, Chelyabinsk, April 6-8, 2022. Chelyabinsk: SUSU Publishing Center, 2022. P. 15 – 17.

2. Filonchik O.A., Sliva M.E., Stupina T.V. Translation of lexical lacunae in sports vocabulary. Humanities and social sciences. 2020. No. 6. P. 236 – 242. DOI 10.18522/2070-1403-2020-83-6-236-242

3. Latyshev L.K., Severova N.Yu. Translation technology: textbook and workshop for universities. 4th ed., revised. and additional Moscow: Yurayt, 2026. 263 p. ISBN 978-5-534-00493-9.

4. Lee S., Strovsky M.D. Methods of translating cultural differences from Russian into Chinese. In the world of Russian language and Russian culture: collection of abstracts of the III International Student Scientific and Practical Conference, Moscow, April 25, 2019. rep. ed. S.G. Persianova, I.A. Ore-khova. Moscow: State Institute of Russian Language named after. A.S. Pushkin, 2019. P. 116 – 119.

5. Linguistic and methodological aspects of developing intercultural competence: a collection of scientific papers based on the materials of the II All-Russian in-person and correspondence scientific-practical conference, Ufa, November 30, 2023. Ufa: Bashkir State Pedagogical University named after M. Ak-Mulla, 2023. 560 p. ISBN 978-5-907730-43-4.

6. Nazarenko T.Yu. Language and intercultural communication. International journal of humanities and natural sciences. 2025. No. 6-1 (105). P. 143 – 147. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-i-mezhkulturnaya-kommunikatsiya-1 (date of access: 05.04.2026)

7. Terminological glossary of the XXII Olympic Winter Games and XI Paralympic Winter Games 2014 in Sochi. [B. m.: b. i., b. G.]. No pagination.

8. Sharikova F.N., Terpelets Zh.A., Osadchaya V.P. Features of translating sports terminology of winter sports from English into Russian. Physical culture, sport – science and practice. 2022. No. 3. P. 91 – 96. DOI 10.53742/1999-6799/3_2022_91_96

9. Nida E.A. Towards a science of translation. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2004. 331 p.

10. Nord C. Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained. Shanghai: Shang-hai Foreign Language Education Press, 2001. 154 p.

11. Xu Ju. Research on Sports-related English Translation from the Perspective of Communicative Translation Theory – Taking Texts of the Beijing Winter Olympics as an Example. Journal of Education, Teaching and Social Studies. 2024. Vol. 6. No. 4. P. 25. DOI 10.22158/jetss.v6n4p25

12. **海彪**. **体育**词典、词汇中的名词术语翻译. **海彪**. **沈阳体育学院学**报. 1990. No. 3. P. 79 – 81.

13. **廉舒**. 《**科学翻**译学》出版. **廉舒**. **中国科技翻**译. 2004. T. 17. No. 3. S. **封三–封三**. DOI 10.3969/j.issn.1002-0489.2004.03.020

14. **梁思宇**. **我国体育**术语的标准化研究. **梁思宇**. **运**动. 2016. No. 11. P. 145 – 146. DOI 10.3969/j.issn.1674-151x.2016.11.079

15. **解大力**. **冰雪体育英**语系列教材·**冰上**项目. **解大力**. **哈**尔滨 : **哈**尔滨工业大学出版社, 2019. 148 p.

16. **史玄之**. **从**译文可接受性的角度论体育专业术语翻译. **史玄之**. 闽江学院学报. 2014. No. 3. P. 81 – 89. DOI 10.3969/j.issn.1009-7821.2014.03.012

17. 张和平, **裴欣欣**. **体育英**语术语翻译研究. 张和平, **裴欣欣**. **文体用品与科技**. 2015. No. 22. P. 136, 144. DOI 10.3969/j.issn.1006-8902.2015.22.095

18. 赵好, 赵成. 竞技运动术语的翻译效度**—基于关**联理论的视角. 赵好, 赵成 //**体育科技文献通**报. 2011. T. 19. No. 11. P. 114 – 117. DOI 10.3969/j.issn.1005-0256.2011.11.056

Информация об авторе

Ли Синьмэн, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

© Ли Синьмэн, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81'246.2:[811.161.1+811.581]:81'25
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-246-253

Исследование русско-китайских языковых контактов: на материале перевода и межкультурной коммуникации

[1] Чжан Цзюньда

[1] Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: русско-китайские языковые контакты рассматриваются в статье как многоуровневый процесс, который проявляется в истории пограничной торговли, в составе лексических заимствований, в переводческой практике и в нормах межкультурной коммуникации. В работе показано, что направление заимствований зависит не от абстрактного «престижа» языка, а от исторической ситуации, распределения культурных реалий и потребности назвать новые институты, предметы или практики. Особое внимание уделяется кяхтинскому пиджину как раннему результату регулярного контакта русской и китайской языковых систем. На материале русско-китайского и китайско-русского перевода анализируются типологические расхождения флективного русского и изолирующего китайского языков: падеж, вид, число, порядок слов, тема-рематическая организация и способы выражения вежливости. Делается вывод, что на современном этапе устойчивым результатом контакта становится не новый слой заимствованной лексики, а набор переводческих и коммуникативных конвенций, обеспечивающих посредничество между двумя культурными моделями.
Ключевые слова: русско-китайские контакты, языковые заимствования, кяхтинский пиджин, переводческие трансформации, типологическая асимметрия, китайский язык, русский язык, межкультурная коммуникация, прагматика, эквивалентность

Для цитирования: Чжан Цзюньда Исследование русско-китайских языковых контактов: на материале перевода и межкультурной коммуникации // Современный ученый. 2026. № 10. С. 246 – 253. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-246-253

Поступила в редакцию: 20 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

A study of Russian-Chinese language contacts: based on translation and intercultural communication

[1] Zhang Junda

[1] Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: the article examines Russian-Chinese language contacts as a multilayered process reflected in border trade, lexical borrowing, translation practice and intercultural communication. It argues that the direction of borrowing is shaped not by an abstract linguistic prestige but by historical circumstances, the distribution of cultural realia and the need to name new institutions, objects and practices. Special attention is paid to the Kyakhta pidgin as an early result of regular contact between Russian and Chinese linguistic systems. The paper analyses typologi-

cal differences between inflectional Russian and isolating Chinese in translation: case, aspect, number, word order, topic-comment structure and forms of politeness. The conclusion is that the stable result of present-day contact is not a new lexical layer but a set of translational and communicative conventions that mediate between two cultural models.

Keywords: Russian-Chinese language contacts, lexical borrowing, Kyakhta pidgin, translation transformations, typological asymmetry, the Chinese language, the Russian language, intercultural communication, pragmatics, equivalence

For citation: Zhang Junda A study of Russian-Chinese language contacts: based on translation and intercultural communication. Modern Scientist. 2026. 10. P. 246 – 253. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-246-253

The article was submitted: May 20, 2026; Approved after reviewing: June 17, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Русско-китайские языковые контакты представляют собой сложное и исторически изменчивое явление, которое трудно свести к одной области исследования. В научной литературе отдельное внимание обычно уделяется истории дипломатических и торговых отношений России и Китая, лексическим заимствованиям, проблемам перевода либо особенностям межкультурного взаимодействия. Подобное разграничение оправдано с точки зрения специализации исследований, однако оно не всегда позволяет проследить внутреннюю связь между различными проявлениями языкового контакта.

Исторические условия общения непосредственно влияют на состав заимствованной лексики, способы ее освоения и дальнейшее употребление. Типологические различия между русским и китайским языками, в свою очередь, определяют характер переводческих преобразований. Нормы речевого поведения и принятые в конкретной культуре способы выражения просьбы, отказа, согласия или несогласия отражаются на выборе прагматических стратегий. Следовательно, заимствования, переводческие трансформации и особенности межкультурной коммуникации целесообразно рассматривать не изолированно, а как взаимосвязанные результаты длительного взаимодействия двух языковых систем [1; 3; 6;].

Актуальность исследования связана с заметным расширением российско-китайских отношений. Сегодня взаимодействие двух стран охватывает образование и науку, промышленность и предпринимательство, туризм, средства массовой информации, художественный перевод и официально-деловую коммуникацию. Чем интенсивнее становятся эти связи, тем выше требования к точности и качеству межъязыкового общения. Одного знания словарных соответствий здесь было бы недостаточно: формально верный перевод далеко не всегда обеспечивает правильное понимание смысла и намерений говорящего [12-14].

Особенно сложной остается передача актуального членения предложения, видовых значений глагола, модальности, степени категоричности высказывания и характера отношений между участниками общения. Перевод может быть безупречным с точки зрения лексики и грамматики, но при этом оказаться коммуникативно неудачным. Это происходит в тех случаях, когда переводчик не учитывает нормы речевого поведения, культурные ожидания адресата и различия в способах организации информации.

Изучение русско-китайских языковых контактов представляет интерес для исторической лексикологии, контактной лингвистики, сопоставительного языкознания и переводоведения. Обращение к истории отношений между двумя языками позволяет уточнить происхождение отдельных заимствований, выявить направления хозяйственного и культурного обмена, а также проследить, каким образом складывались специальные формы межъязыкового общения. Сопоставление лексических, грамматических и прагматических особенностей русского и китайского языков, в свою очередь, помогает объяснить причины переводческих трудностей, многие из которых сохраняются до настоящего времени [2; 4; 7-10].

Цель статьи состоит в том, чтобы представить русско-китайские языковые контакты как единый исторически развивающийся процесс – от раннего пограничного общения и обмена лексикой до формирования устойчивых механизмов перевода и межкультурного посредничества.

Для достижения этой цели рассматриваются основные этапы русско-китайского языкового взаимодействия, направления и тематический состав заимствований, а также место кяхтинского пиджина в истории контактов двух языков. Отдельное внимание уделяется типологическим различиям русского и китайского языков, наиболее существенным для переводческой практики, основным видам лексических, грамматических и прагматических трансформаций.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили примеры русских заимствований в китайском языке и китайских заимствований в русском языке, сведения о кяхтинском пиджине, а также научные труды по контактной лингвистике, сопоставительному языкознанию и теории перевода.

В работе применялись описательный, сопоставительный и контекстуальный методы. Их сочетание позволило рассмотреть языковые факты как в исторической перспективе, так и с точки зрения их функционирования в современной переводческой и межкультурной коммуникации.

Применение этих методов позволило систематизировать основные формы русско-китайского языкового взаимодействия, выявить значимые для перевода различия двух языков и рассмотреть зависимость переводческих решений от исторического, культурного и коммуникативного контекста.

Результаты и обсуждения

История русско-китайского языкового контакта неоднородна. В ней можно выделить несколько крупных слоев, различающихся не только временем, но и социальной природой общения. Первый слой связан с пограничной торговлей и дипломатией XVII-XIX вв. Нерчинский договор 1689 г. закрепил раннюю рамку отношений между Русским государством и Цинской империей, а Кяхтинский договор 1727 г. расширил и упорядочил приграничный торговый режим. Для языковой истории это важно потому, что регулярная торговля создала повторяющиеся ситуации общения между людьми, не владевшими в полной мере языком другой стороны [16; 17].

Кяхта и соседний торговый пункт Маймачен стали пространством, где речь обслуживала не книжную культуру, а практическую сделку. Сторонам нужно было назвать товар, цену, количество, качество, срок, долг, запрет, разрешение. В таких условиях язык стремится к экономии: исчезают трудные формы, закрепляются частотные слова, грамматические отношения выражаются простым порядком. Именно поэтому кяхтинский пиджин представляет особую ценность для лингвиста. Он показывает не литературный образ русского или китайского языка, а минимальную рабочую модель общения на границе двух систем.

Второй этап охватывает конец XIX первую половину XX в. и связан с заметным расширением политических, образовательных, военных и технических контактов между Россией и Китаем. Особое значение имело и советское влияние 1920-1950-х гг., когда в китайский язык активно проникали наименования, относящиеся к государственному устройству. Одни единицы осваивались фонетически, другие передавались посредством калькирования. Однако в обоих случаях заимствованный материал приспосабливался к нормам китайского языка: изменялись его звуковая форма, графическое оформление, а нередко и семантический объем.

Третий этап приходится на 1960-1980-е гг. и характеризуется ослаблением политических и культурных связей. Этот период важен не столько появлением новых языковых явлений, сколько снижением интенсивности контакта. Русско-китайское взаимодействие не прекратилось полностью, однако количество новых заимствований заметно сократилось. Такая динамика показывает, что активность лексического обмена напрямую зависит не только от состояния политических, экономических, образовательных и культурных отношений между двумя странами.

На первый план выходит уже не массовое заимствование лексики, а развитие профессионального перевода, локализации, международной коммуникации и межкультурного посредничества. Новые понятия чаще передаются с помощью калькирования, описательных конструкций или осваиваются через посредство английского языка. В результате современный русско-китайский контакт проявляется прежде всего в поиске функционально точных и коммуникативно уместных способов передачи значения.

Кяхтинский пиджин занимает особое место в истории русско-китайских контактов, поскольку отражает раннюю форму устойчивого общения между носителями двух типологически различных языков.

Пиджин возникает там, где людям необходимо регулярно общаться, но у них нет общего полноценного языка и нет условий для глубокого двустороннего билингвизма. В такой ситуации языковая система резко упрощается: отбрасываются категории, которые не являются необходимыми для сделки, и закрепляются элементы, достаточные для понимания [5].

В кяхтинском пиджине лексическая основа во многом была русской, но грамматика не повторяла русскую флективную модель. Исчезали падежные окончания, упрощалась глагольная система, возрастала роль фиксированного порядка слов и служебных показателей. Это особенно показательно: при контакте русского и китайского языков не сохранялась русская морфологическая сложность, хотя значительная часть словаря могла быть русской. Коммуникативная экономия тянула систему в сторону аналитизма.

Такой результат объясним. Для носителя китайского языка русское словоизменение представляет трудность не потому, что оно «сложнее» вообще, а потому, что оно организовано по другому принципу. В китайском языке грамматическая информация не привязана к окончанию слова в той мере, как в русском. Поэтому в пиджинной речи легче сохранить корень или приблизительную звуковую форму слова, чем усвоить всю парадигму склонения и спряжения. Отсюда и характерная для пиджина редукция формы.

Кяхтинский пиджин показывает еще одну вещь: контакт не обязательно ведет к взаимному «смешению» в равных долях. Он отбирает то, что нужно ситуации. Торговое общение опирается на ограниченный словарь и устойчивые синтаксические модели. Поэтому кяхтинский пиджин следует рассматривать не как искаженный вариант русского языка, а как самостоятельную функциональную систему, сформировавшуюся в условиях регулярного приграничного взаимодействия.

Для переводоведения этот пример важен тем, что показывает возможность передачи грамматических отношений иными средствами. То, что в русском языке выражается морфологически, в китайском передается порядком слов, служебными элементами и контекстом.

Лексические заимствования между русским и китайским языками распределены неравномерно. Из русского в китайский преимущественно переходили наименования политических институтов, технических новшеств, организационных форм и бытовых реалий. В русский язык из китайского преимущественно проникали слова, обозначающие специфические явления и предметы китайской культуры: чай, женьшень, фанза, фэншуй, цигун, дацзыбао, чэнъюй. Подобная асимметрия лексического обмена объясняется прежде всего необходимостью называть реалии, ранее отсутствовавшие в принимающей культуре, а не каким-либо превосходством одного языка над другим [2; 7; 11].

Одним из наиболее распространенных способов освоения русской лексики в китайском языке является фонетическое заимствование. Иностранное слово передается с помощью иероглифов, чтение которых в той или иной степени приближено к его исходному звучанию. Таким образом в китайский язык вошли, например, слова 布尔什维克 «большевик», 苏维埃 «совет», 伏特加 «водка». Однако точное воспроизведение русской фонетической формы в китайском языке невозможно. Заимствованное слово неизбежно приспосабливается к особенностям китайской слоговой структуры, звуковой системы и иероглифического письма, поэтому его произношение и графический облик заметно отличаются от оригинала [9; 10].

Не менее значимым способом пополнения словарного состава является калькирование. В этом случае заимствуется не звуковая оболочка слова, а его смысловая структура, которая передается средствами китайского языка. Так, русскому слову «колхоз» соответствует сочетание 集体农庄, буквально «коллективное хозяйство». Калькирование особенно продуктивно в политической, административной, общественной и научной лексике. Оно позволяет обозначить новое понятие, не вводя в язык непривычную звуковую форму, и одновременно делает его содержание более прозрачным для носителя китайского языка [2; 7].

Китайские слова, вошедшие в русский язык, также подвергаются фонетической и грамматической адаптации. Например, слово «женьшень» приобрело устойчивую русскую форму произношения и написания. Подобная адаптация показывает, что заимствование редко сохраняется в языке-реципиенте в первоначальном виде, поскольку постепенно подчиняется его фонетическим, орфографическим и грамматическим нормам.

Термин «фэншуй», войдя в массовую культуру, длительное время употреблялся с колебаниями в написании. Слово «чэнъюй» закрепилось преимущественно в научной и учебной среде как обозначение особого типа китайских фразеологических единиц.

Осваивая подобные слова, русский язык подчиняет их собственным нормам произношения, написания и грамматического употребления. Одновременно может изменяться и их семантическое наполнение: значение заимствования иногда сужается, расширяется или частично утрачивает связь с первоначальным культурным контекстом. Таким образом, заимствованное слово редко сохраняется в неизменном виде. Включаясь в новую языковую систему, оно постепенно становится ее полноценным элементом.

Сопоставление отдельных лексических единиц показывает, что заимствование не сводится к единому механизму. Выбор способа передачи зависит от структуры слова, характера обозначаемого понятия, исторических условий контакта и потребностей принимающего языка. Приведенные ниже примеры представляют интерес не только как отдельные случаи лексического обмена, но и как отражение различных этапов русско-китайского языкового взаимодействия.

Таблица 1

Примеры лексических заимствований.

Table 1

Examples of lexical borrowings.

Направление	Слово-источник	Освоенная форма	Тип освоения	Сфера	Период
из русского	совет	苏维埃 sūwéi'āi	фонетическое	политика	1920-е
из русского	большевик	布尔什维克 bù'ěrshíwéikè	фонетическое	политика	1920-е
из русского	колхоз	集体农庄 jítǐ nóngzhuāng	калька	экономика	1950-е
из русского	платье	布拉吉 bùlājí	фонетическое	быт, одежда	1950-е
из русского	хлеб	列巴 lièbā	фонетическое	пища, быт	XIX-XX вв.
из русского	водка	伏特加 fútèjiā	фонетическое	быт	XX в.
из китайского	茶 chá	чай	фонетическое	пища, быт	до XVIII в.
из китайского	人参 rénshēn	женьшень	фонетическое	медицина, флора	XVII-XVIII вв.
из китайского	风水 fēngshuǐ	фэншуй	фонетическое	культура	XX-XXI вв.
из китайского	房子 fángzi	фанза	фонетическое	жилище	XIX в.
из китайского	气功 qìgōng	цигун	фонетическое	культура тела	XX в.
из китайского	成语 chéngyǔ	чэнъюй	фонетическое	фразеология	XX-XXI вв.

Общий вывод состоит в том, что фонетический способ преобладает при передаче слов без прозрачной внутренней структуры, тогда как калькирование используется для понятий, допускающих смысловое разложение. Тематически два потока различаются: русский источник чаще связан с институтами и модернизацией, китайский с реалиями культуры, быта и традиционного знания.

Семантические сдвиги и судьба заимствованного слова

Заимствованное слово не только меняет звучание. Оно часто меняет объем значения. В языке-источнике слово включено в широкую сеть ассоциаций, жанров и культурных практик; в принимающем языке оно сначала обозначает лишь наиболее заметную сторону предмета. Так происходит с фэншуй: в китайской традиции это сложный комплекс представлений о пространстве, энергии, расположении жилища и отношении человека к среде. В русском массовом употреблении слово нередко сужается до бытового значения «правильная расстановка предметов».

Похожий процесс возможен и при передаче русских советизмов в китайский язык. Слова, связанные с политической организацией, воспринимались не как нейтральные названия, а как элементы новой идеологической системы. Поэтому они входили в китайский язык вместе с оценкой, с образом исторической эпохи, с переводами учебной и политической литературы. Заимствование здесь становится частью институционального влияния.

Семантические сдвиги особенно хорошо показывают, что контакт нельзя описывать только фонетически. Вопрос не сводится к тому, насколько точно передан звук. Важно, какие значения закрепились, какие исчезли, какие появились заново. Слово может быть фонетически близким к источнику, но семантически жить самостоятельной жизнью. Это заметно и в научной терминологии, и в бытовой лексике, и в названиях культурных практик.

Для переводчика это имеет практическое значение. Нельзя автоматически считать заимствование готовым эквивалентом. Иногда слово, внешне похожее на исходное, уже изменило смысл. Иногда оно стало термином только в узкой среде, а для широкой аудитории требует пояснения. Поэтому работа с заимствованиями включает не только знание их происхождения, но и понимание их современного употребления.

Главная трудность русско-китайского перевода связана не с отсутствием отдельных слов, а с несовпадением способов грамматической организации. Русский язык допускает сравнительно свободный порядок слов, потому что падежные окончания показывают синтаксические отношения. Китайский язык сильнее опирается на порядок слов и служебные элементы. Если в русском предложении переставить члены, смысл

часто сохранится, хотя изменится акцент. В китайском такая перестановка может разрушить структуру или дать другой смысл [8-10].

Падеж – одна из первых зон расхождения. Русские формы «студенту», «студентом», «о студенте» несут грамматическую информацию внутри слова. В китайском соответствующие отношения чаще выражаются предлогами, позицией, конструкциями с 给, 对, 跟, 在, 把, 被 и другими средствами. Поэтому переводчик не ищет «падежное окончание» в китайском языке, а выбирает способ построения всей фразы. Это не механическая замена, а синтаксическое решение.

Категория рода также создает проблему, но другого типа. В русском языке категория рода участвует в согласовании и может уточнять характеристику субъекта. В китайском языке грамматический род отсутствует. Различия между 他, 她 и 它 выражены только на письме, поскольку в устной речи эти местоимения произносятся одинаково. Поэтому при переводе на русский язык род нередко определяется по контексту; при недостатке информации требуется нейтральная формулировка или синтаксическая перестройка.

Категория числа в китайском языке также выражается менее последовательно, чем в русском. Китайское существительное обычно не содержит формального показателя единственного или множественного числа. Количественное значение устанавливается по контексту, числительным, классификаторам или суффиксу 们, употребляемому преимущественно с обозначениями лиц. Так, слово 学生 может переводиться как «студент» или «студенты» в зависимости от контекста.

Ошибка здесь часто возникает не из-за незнания слова, а из-за преждевременного выбора числа.

Видовая система – одна из самых сложных зон. Русский глагол противопоставляет совершенный и несовершенный вид: «писал» и «написал», «решал» и «решил». Китайский язык выражает аспектуальные значения иначе: через показатели 了, 过, 着, 在, результативные морфемы, обстоятельства времени и контекст. Поэтому русские видо-временные значения далеко не всегда имеют прямые соответствия в китайском языке. При переводе необходимо определить, какой компонент значения является основным в конкретном контексте: завершенность действия, его продолжительность, повторяемость, результативность, наличие предшествующего опыта или сам факт совершения действия [15].

Выводы

В ранний период языковое взаимодействие было связано преимущественно с пограничной торговлей и повседневным общением. Одним из его наиболее заметных результатов стал кяхтинский пиджин – упрощенная, но функциональная система, возникшая вследствие практической потребности во взаимопонимании. В первой половине XX в., особенно в период активного советского влияния, усилился приток русской лексики в китайский язык.

Асимметрия лексического обмена объясняется не абстрактным престижем одного языка по отношению к другому, а конкретными историческими обстоятельствами и потребностью в наименовании новых реалий. Заимствуются прежде всего те единицы, для которых в принимающем языке отсутствует готовое обозначение. В китайском языке русские слова нередко осваиваются посредством фонетической передачи, что обусловлено существенными различиями графических и звуковых систем. Калькирование используется главным образом в тех случаях, когда новое понятие можно передать через понятные носителю языка смысловые компоненты.

Типологические различия русского и китайского языков существенно ограничивают возможности дословного перевода. В русском языке грамматические отношения во многом выражаются при помощи словоизменения, в китайском напротив особую роль играют порядок слов, служебные элементы и контекст. Именно по этой причине перевод часто требует замены частей речи, членения или объединения предложений. Наиболее устойчивые трудности связаны с передачей видовых значений, падежных отношений, числа, рода и культурно маркированной лексики.

На современном этапе основным результатом русско-китайского языкового взаимодействия становится уже не формирование нового массового слоя заимствованной лексики, а развитие устойчивых норм межъязыкового и межкультурного посредничества. Речь идет о совокупности переводческих приемов, коммуникативных стратегий и профессиональных решений, позволяющих передавать не только значение, но и культурный контекст высказывания.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется комплексное изучение русско-китайских языковых контактов на пересечении лексикологии и прагматики. Такой подход позволяет выявить закономерности, которые остаются незаметными при раздельном рассмотрении заимствований.

Список источников

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. Москва: Международные отношения, 1975. 239 с.
2. Горелов В.И. Лексикология китайского языка: учебное пособие. Москва: Просвещение, 1984. 216 с.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода: лингвистические аспекты. Москва: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. Кочергин И.В. Очерки лингводидактики китайского языка. Москва: Восток-Запад, 2006. 192 с.
5. Перехвальская Е.В. Русские пиджины. Санкт-Петербург: Алетейя, 2008. 363 с.
6. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. Москва: Международные отношения, 1974. 216 с.
7. Хаматова А.А.. Словообразование современного китайского языка. Москва: Муравей, 2003. 224 с.
8. Щичко Владимир Федорович. Китайский язык. Теория и практика перевода. 3-е изд., исправленное и дополненное. Москва: Восточная книга, 2010. 224 с.
9. Li Charles N., Thompson Sandra A. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkeley: University of California Press, 1981. 691 p.
10. Norman Jerry Chinese Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 292 p.
11. Masini Federico The Formation of Modern Chinese Lexicon and Its Evolution Toward a National Language: The Period from 1840 to 1898. Berkeley : Journal of Chinese Linguistics Monograph Series, 1993. 295 p.
12. Hall Edward T. Beyond Culture. New York : Anchor Books, 1976. 298 p.
13. Brown Penelope, Levinson Stephen C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
14. Katan David Translating Cultures: An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators. Manchester: St. Jerome Publishing, 1999. 271 p.
15. Klein Wolfgang, Li Ping Hendriks Henriette Aspect and Assertion in Mandarin Chinese // Natural Language & Linguistic Theory. 2000. Vol. 18. No. 4. P. 723 – 770.
16. Wanner Michal The Russian-Chinese Trade in Kyakhta, Its Organisation and Commodity Structure, 1727-1861 // Prague Papers on the History of International Relations. 2014. No. 2. P. 35 – 49.
17. Mancall Mark Russia and China: Their Diplomatic Relations to 1728. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1971. 396 p.

References

1. Barkhudarov L.S. Language and Translation: Issues of General and Specific Translation Theory. Moscow: International Relations, 1975. 239 p.
2. Gorelov V.I. Lexicology of the Chinese Language: A Study Guide. Moscow: Prosveshchenie, 1984. 216 p.
3. Komissarov V.N. Translation Theory: Linguistic Aspects. Moscow: Vysshaya Shkola, 1990. 253 p.
4. Kochergin I.V. Essays on the Linguodidactics of the Chinese Language. Moscow: Vostok-Zapad, 2006. 192 p.
5. Perekhvalskaya E.V. Russian Pidgins. St. Petersburg: Aleteya, 2008. 363 p.
6. Retsker Ya.I. Translation Theory and Translation Practice: Essays on the Linguistic Theory of Translation. Moscow: International Relations, 1974. 216 p.
7. Khamatova A.A. Word Formation in the Modern Chinese Language. Moscow: Muravei, 2003. 224 p.
8. Shchichko, Vladimir Fedorovich. Chinese Language: Theory and Practice of Translation. 3rd ed., revised and supplemented. Moscow: Vostochnaya Kniga, 2010. 224 p.
9. Li Charles N. Thompson Sandra A. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkeley: University of California Press, 1981. 691 p.
10. Norman Jerry Chinese Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 292 p.
11. Masini Federico The Formation of Modern Chinese Lexicon and Its Evolution Toward a National Language: The Period from 1840 to 1898. Berkeley: Journal of Chinese Linguistics Monograph Series, 1993. 295 p.
12. Hall Edward T. Beyond Culture. New York: Anchor Books, 1976. 298 p.
13. Brown Penelope, Levinson Stephen C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
14. Katan David Translating Cultures: An Introduction for Translators, Interpreters and Mediators. Manchester: St. Jerome Publishing, 1999. 271 p.
15. Klein Wolfgang, Li Ping Hendriks Henriette Aspect and Assertion in Mandarin Chinese. Natural Language & Linguistic Theory. 2000. Vol. 18.No. 4. P. 723 – 770.

16. Wanner Michal The Russian-Chinese Trade in Kyakhta, Its Organization and Commodity Structure, 1727-1861. Prague Papers on the History of International Relations. 2014. No. 2. P. 35 – 49.

17. Mancall Mark Russia and China: Their Diplomatic Relations to 1728. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1971. 396 p.

Информация об авторе

Чжан Цзюньда, аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, chimong808@163.com

© Чжан Цзюньда, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.512.141
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-254-261

Структурно-семантическая характеристика животноводческой лексики башкирского языка

[1] Исянгулова Г.А., [1] Султанбаева Х.В., [1] Шайдуллина А.М.

[1] Уфимский университет науки и технологий

Аннотация: **введение:** в данной статье даётся структурно-семантическая характеристика животноводческой лексики: таксономическая номенклатура, возрастная стратификация, номинации по масти, терминология скотоводческих практик и продуктов животноводства.
Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью сохранения, систематизации и комплексного изучения лексического пласта башкирского языка, связанного с животноводством. На протяжении тысячелетий скотоводство являлось основой хозяйственного уклада башкирского народа, что предопределило исключительную разветвлённость и детализацию соответствующей терминологии.
Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили: толковые и диалектологические словари башкирского языка. Методология исследования основывается на сочетании общенаучных методов (системный подход, описательный метод) и частнолингвистических приёмов: компонентный анализ (для выявления семантической структуры лексем).
Результаты исследования. Собранный и проанализированный материал может быть использован при чтении курсов по лексикологии, диалектологии, лингвокультурологии башкирского языка, а также в лексикографической практике.
Обсуждение и выводы. Фиксация и анализ лексического материала становятся насущной задачей для сохранения языкового наследия и реконструкции фрагментов традиционной картины мира. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты вносят вклад в развитие тюркской исторической лексикологии, этнолингвистики и лингвокультурологии.
Ключевые слова: башкирский язык, животноводческая лексика, структурно-семантическая характеристика

Для цитирования: Исянгулова Г.А., Султанбаева Х.В., Шайдуллина А.М. Структурно-семантическая характеристика животноводческой лексики башкирского языка // Современный ученый. 2026. № 10. С. 254 – 261. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-254-261

Поступила в редакцию: 21 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Structural and semantic characteristics of the Bashkir livestock vocabulary

[1] Isyangulova G.A., [1] Sultanbayeva H.V., [1] Shaidullina A.M.

[1] Ufa University of Science and Technology

Abstract: **introduction:** this article provides a structural and semantic characteristic of livestock vocabulary.: taxonomic nomenclature, age stratification, color nominations, terminology of cattle breeding practices and livestock products.

The relevance of the research topic is due to the need to preserve, systematize, and comprehensively study the lexical layer of the Bashkir language related to animal husbandry. For thousands of years, cattle breeding has been the foundation of the economic system of the Bashkir people, which has led to the exceptional complexity and detail of the corresponding terminology.

Materials and methods of research. The material of the study was the explanatory and dialectological dictionaries of the Bashkir language. The research methodology is based on a combination of general scientific methods (system approach, descriptive method) and specific linguistic techniques: component analysis (to identify the semantic structure of lexemes).

Research results. The collected and analyzed material can be used in courses on lexicology, dialectology, and linguistic and cultural studies of the Bashkir language, as well as in lexicographic practice.

Discussion and conclusions. The fixation and analysis of lexical material are becoming an urgent task for preserving the linguistic heritage and reconstructing fragments of the traditional worldview. The theoretical significance of the study lies in the fact that its results contribute to the development of Turkic historical lexicology, ethnolinguistics, and linguoculturology.

Keywords: the Bashkir language, animal husbandry vocabulary, structural and semantic characteristics

For citation: Isyangulova G.A., Sultanbayeva H.V., Shaidullina A.M. Structural and semantic characteristics of the Bashkir livestock vocabulary. Modern Scientist. 2026. 10. P. 254 – 261. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-254-261

The article was submitted: May 21, 2026; Approved after reviewing: June 18, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Формирование научной базы для изучения животноводческой лексики башкирского языка стало результатом длительного процесса развития башкирского языкознания, который охватывает несколько этапов – от первых систематических описаний грамматического строя до современных лексикографических и этнолингвистических исследований.

Классическим трудом, заложившим фундамент всей башкирской филологии, является «Грамматика башкирского языка» Н.К. Дмитриева – одного из основоположников отечественной тюркологической школы [4]. Впервые в науке он дал систематическое описание башкирского языка и разработал его теоретическую грамматику. Важно подчеркнуть, что работы Н.К. Дмитриева отличало комплексное рассмотрение языка в тесной связи с материальной и духовной культурой народа. Именно он в 1928-1929 годах руководил фольклорной и лингвистической частью комплексной Башкирской экспедиции Академии наук СССР. В процессе этой работы он издавал тюркские фольклорные тексты (песни, сказки), сопровождая их лингвистическими комментариями, что создало ценнейшую источниковедческую базу для последующих исследований, в том числе и по отраслевой лексике. Его научные труды по сопоставительному изучению татарского, башкирского, чувашского и русского языков, а также анализ арабских элементов в башкирском языке, создали методологическую основу для выявления пластов заимствований в различных тематических группах лексики. Именно эти принципы стали краеугольным камнем для последующих поколений ученых.

Прямым продолжателем дела Н.К. Дмитриева и основоположником современного башкирского языкознания по праву считается Джалиль Гиниятович Киекбаев, который был учеником Н.К. Дмитриева. Дж.Г. Киекбаев на основе нового подхода исследовал все уровни башкирского языка: фонетику, морфологию, лексикологию и лексику. К числу его капитальных трудов относятся монография «Фонетика башкирского языка» (1958), а также работы, посвященные башкирскому литературному произношению (1954) и вопросам башкирской топонимики (1956). Значительное внимание он уделял и проблемам классификации диа-

лектов и говоров, что имеет прямое отношение к изучению территориального распространения животноводческой лексики [7].

Наряду с трудами классиков башкирской филологии, изучение животноводческой лексики имеет и более конкретную историографию, представленную работами современных ученых. Важным этапом в изучении данной темы стала монография У.Ф. Надергулова «Животноводческая лексика башкир» [9]. Это первое в башкирском языкознании комплексное исследование, специально посвященное данной тематической группе. Значительный вклад в изучение отраслевой лексики вносит Ю.В. Псянчин. В своих работах, в частности в статье «История изучения лексики коневодства в башкирском языкознании» (2022), он не только обобщает предшествующие исследования, но и определяет лексику коневодства как часть отраслевой лексикологии башкирского языка, понимая ее как феномен, существующий как в литературном языке, так и в диалектах и говорах [10]. Исследования Ю.В. Псянчина важны и в теоретическом плане, поскольку они квалифицируют лексику коневодства в качестве самостоятельного объекта отраслевой лексикологии.

Значительный вклад в семантическую реконструкцию изучаемой лексики вносит Р.С. Акманова. В статье «Причины и особенности семантического развития лексики животноводства в башкирском языке и его диалектах» она рассматривает этимологии лексики животноводства, подчеркивая, что восстановление первичного значения слова осуществляется путем сопоставления значений в родственных языках. Она также отмечает, что в языке представлено множество диалектных вариантов терминов, что свидетельствует о богатстве и глубине этого пласта лексики [2].

Проведенный обзор позволяет констатировать, что, несмотря на наличие фундаментальных грамматических и лексикографических трудов, а также ряда специальных работ, посвященных отдельным аспектам животноводческой лексики, комплексного диссертационного исследования, которое сочетал бы структурно-семантический, этимологический и лингвокультурологический анализ всей совокупности данной лексики башкирского языка, до настоящего времени предпринято не было. Этим обстоятельством и определяется актуальность и новизна нашей работы.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили толковые и диалектологические словари башкирского языка [1], [3, 6]. Методология исследования основывается на сочетании общенаучных методов (системный подход, описательный метод) и частнолингвистических приёмов: компонентный анализ (для выявления семантической структуры лексем).

Результаты и обсуждения

В рамках лексико-семантической системы башкирского языка ядром животноводческой лексики является таксономическая номенклатура, объединяющая категории, связанные с классификацией домашних животных.

Мал как гипероним (родовое понятие) – это центральная лексема, обозначающая домашних животных в целом. Ее этимология показательна для культурной истории народа. Слово происходит от арабского māl (مال), которое означает «имущество, богатство, скот». Семантика лексемы отражает фундаментальное отношение к животным как к основному капиталу и источнику существования в традиционном хозяйстве. Часто для усиления собирательности и полноты охвата используется парное слово мал-тыуар (скот, домашняя живность), где второй компонент происходит от глагола тыуыу (рождаться), подчеркивая идею приплода и живого имущества.

Йылҡы (лошади) занимает особое, привилегированное место в башкирской языковой картине мира. Эта лексема является собирательным понятием для обозначения лошадей, независимо от их вида и пола, однако употребляется в основном при счете, например биш баш йылҡы (пять голов лошадей).

Семантическая структура слова һарыҡ исторически связывается с цветом ('желтоватый, белесый'), что является типичным для многих тюркских языков способом номинации по доминантному признаку. Интересной проблемой является этимология башкирского кәзә [kæˈzæ]. В отличие от большинства тюркских языков, где представлены формы keçi или eçki, в башкирском языке фиксируется звонкий аффрикат -з-, (заметим, что турецкое kuzu означает ягненок). Некоторые исследователи допускают возможность влияния русской лексемы коза на формирование такой специфической фонетической формы.

Дөйә (верблюд) генетически восходит к пратюркской форме tebe, что подтверждает древность знания об этом животном у предков башкир. Ареальные исследования показывают, что термины для верблюда в монгольских языках также имеют тюркское происхождение, что является важным историческим свидетельством культурных и хозяйственных контактов в евразийских степях.

Таксономическая организация этого пласта лексики строится по принципу строгой иерархии: Мал (скот) выступает в качестве гиперонима, объединяя такие лексемы, как йылҡы (лошади) и һыйыр (коровы), с одной стороны, и һарыҡ (овцы) с кәҙә (козы) – с другой. Эта иерархия отражает реальное разделение скота на крупный и мелкий в хозяйственной практике. Такое лексическое членение не является универсальным и варьируется в разных языках.

Анализ таксономических единиц демонстрирует, что в основе классификации лежит не столько биологический вид животного, сколько его хозяйственная ценность: йылҡы выделяется из общего ряда мал благодаря своей мобильности и роли в военном деле, дөйә маркирует южные степные контакты, а оппозиция һарыҡ / кәҙә отражает различия в продуктивности. Представленная таксономическая система закладывает основу для дальнейшего анализа половозрастной лексики и лексики мастей.

Классификация мастей в башкирском языке включает как одноцветные, так и смешанные масти. К числу одноцветных мастей относятся: ҡара (вороной), аҡ (белый), һары (сивый), ерән (рыжий), көрән (бурый). В исследовании Р.Т. Муратовой отмечается, что «все названия одноцветных мастей лошади в современном башкирском языке являются также цветообозначениями», причем «обозначение масти является вторичной семантикой слов» [8, с. 25]. Первоначальное значение таких лексем, как körän ‘бурый’, jerän ‘рыжий’, напротив, было обозначением масти, которые впоследствии стали обозначать цвет. Значения qara ‘вороной’, jerän ‘рыжий’ являются пратюркскими, тогда как aq ‘белый’, harï ‘соловый’, körän ‘бурый’ признаются общетюркскими. В древнетюркских памятниках зафиксированы названия мастей qara ‘вороной’, aq ‘белый’, harï сивый, jerän ‘рыжий’.

Наиболее сложную и интересную в лингвистическом отношении группу составляют названия смешанных мастей. По данным исследований Р.Т. Муратовой, в башкирском языке наиболее распространены следующие названия смешанных мастей лошади: ҡола (саврасый, буланый), саптар (игреневый), бүртә (караковый), туры (гнедой), бурыл (чалый), кир (мухортый), буҙ/күк (серый, сивый), ала (пегий), сыбар (чубарый). Перечисленные названия представляют собой «самостоятельные лексемы, означающие исключительно масти лошадей (за исключением буҙ, күк, ала, сыбар)» [8, с. 25]. Этимологически эти термины стратифицируются на несколько слоев: лексемы ҡола, туры, буҙ, күк, ала, сыбар восходят к пратюркскому языку; названия бурыл, саптар, кир считаются монгольскими заимствованиями; слово бүртә носит ареальный характер, «ограничено определенной географической областью» [8, с. 25].

Особого внимания заслуживает тот факт, что названия ҡола, туры, буҙ, ала, сыбар «обнаружены в древнетюркских письменных памятниках, что подтверждает их долгую историю активного использования в языке тюрков» [8, с. 25]. Эта фиксация свидетельствует о древности коневодческой традиции и высоком уровне развития терминологической системы уже на ранних этапах истории тюркских народов.

В башкирской мифологии «пегая масть лошадей связана с водой, подводным, подземным мирами» [8]. Так, пегая лошадь (ала ҡола ат) считалась обладающей особыми магическими свойствами, что отражено в фольклорных текстах. Например, в одном из преданий сообщается: «Шүлгәндән ала-ҡола сыҫкан һыртлы мал сыҡҡан тиҙәр. Шуға ҡола ат ҡотло тиҙәр» (Говорят, что из подводного мира Шульген вышла пегая с темной полосой вдоль спины животина. Поэтому саврасый конь считается счастливым).

Наряду с мастью, в животноводческой лексике башкирского языка представлены номинации по особенностям телосложения, размерам, форме головы, конечностей и т.д. Эти номинации часто строятся на основе образных ассоциаций и сравнений с другими предметами или явлениями. К числу таких номинаций относятся термины, обозначающие тип телосложения, форму спины и холки, особенности постава конечностей.

В отличие от таксономической номенклатуры, описывающей самих животных, терминология скотоводческих практик фиксирует динамические процессы и пространственно-временные координаты скотоводческого быта. Скотоводческая лексика того или иного народа формируется в течение длительного времени под воздействием факторов окружающей действительности: географических, политических, экономических. В башкирском языке эта терминология тесно связана с кочевым и полукочевым образом жизни, который сохранялся вплоть до конца XIX – начала XX века.

Кочевая инфраструктура башкир включала систему сезонных поселений, маршрутов перекочевок и жилищ, что получило детальное отражение в лексике. Центральным понятием здесь является тораҡ – стойбище, кочевое поселение, объединяющее несколько родственных семей. Как показано в историко-этнографических исследованиях, «тораҡ представлял собой группу юрт, расположенных по кругу или полукругом, внутри которого находился загон для скота». Термин тораҡ функционирует и в современных башкирских говорах, обозначая как селение в целом, так и отдельную усадьбу.

Наиболее распространенным термином является ялан кәртә, аҙбар (загон для скота, недалеко от дома).

Пастушеская терминология включает названия пастушеских орудий: ҡамсы (плеть), сыбыртҡы (кнут). Как отмечается в этнографической литературе, «башкирское скотоводство было основано на системе вертикальных перекочевок: летом скот поднимали на высокогорные пастбища (йәйләү), зимой спускались в долины (ҡышлау)». Термин йәйләү (летнее пастбище) этимологически связан с йәй (лето) и аффиксом места -ләү. В башкирской топонимии сохранилось множество названий с этим компонентом, что свидетельствует о его широком распространении. Ҡышлау (зимнее пастбище) образовано от ҡыш (зима). Помимо этих основных терминов, существовали названия для переходных сезонов: яҙғы көтөүлек (весеннее пастбище), көҙгө көтөүлек (осеннее пастбище).

Лексика скотоводства, помимо прочего, охватывает широкий спектр действий по уходу за животными, получению и переработке продуктов. Центральное место здесь занимают глаголы, обозначающие ежедневные рутинные операции.

1. Кормление и поение. Глагол аҙыҡландырыу (кормить) является отглагольным производным от аҙыҡ (корм). В разговорной речи чаще используются конкретные глаголы в зависимости от вида корма: бесән биреү (давать сено), әрем биреү (давать полынь – особый корм для лошадей). Поение обозначается глаголом һуғарыу (поить). В скотоводческой практике различали поение из ведра (эсереү) и поение на водопое (һуғарыу). Для описания водопоя скота использовался также термин һыу ҡойоу (букв. «лить воду»).

2. Доение. Глагол һауыу (доить) является одним из древнейших в тюркских языках. Как показано в работах по исторической лексикологии, корень сау- восходит к пратюркскому состоянию и зафиксирован в древнетюркских рунических памятниках. В башкирском языке от этого корня образованы существительные: һауын күнәге (дойка, подойник), һауынсы (доярка). Техника доения различалась в зависимости от вида животных: доение коров (һыйыр һауыу) требовало иных приемов, чем доение кобыл (бейә һауыу). Для последнего существовал специальный термин һауым алыу (букв. «брать дойку»). Продукты доения также имеют богатую номенклатуру: һөт (молоко), ҡатыҡ (простокваша), ҡымыҙ (кумыс), эремсек (творог), айран (жидкий кисломолочный напиток), май (масло). Как отмечается в исследовании Р.С. Акмановой, «названия молочных продуктов часто являются производными от глагольных корней, обозначающих процесс приготовления» (ср. эретеү – плавить → эремсек) [2].

3. Стрижка и обработка шерсти. Глагол ҡырҡыу (стричь) употребляется в отношении овец: ҡырҡым – стрижка, йөн ҡырҡыу, йөн алыу, ҡауҙан – весенняя стрижка шерсти. Сезон стрижки назывался ҡырҡым или ҡырҡыу ваҡыты. Обработка шерсти включала йөн иләү (прясть шерсть), йөн тетеү (чесать шерсть), кейеҙ баҫыу (валять войлок).

Помимо перечисленных основных процессов, в животноводческую терминологию входят названия лечебно-профилактических мероприятий: дауалау (лечить), дағалау (подковывать), келәймәләү (клеймение). Термин келәймәләү обозначал нанесение родового клейма на крупный рогатый скот и лошадей. Как отмечается в этнографической литературе, «клейма (тамға) у башкир были не только знаком собственности, но и несли символическую функцию, оберегая скот от болезней и падежа».

Лексика продуктов животноводства занимает важнейшее место в системе животноводческой терминологии башкирского языка, поскольку именно продукты скотоводства – молоко, мясо, кожа, шерсть – составляли основу жизнеобеспечения кочевого и полукочевого населения. Продукты питания, о которых упоминается в башкирских пословицах, можно условно разделить на несколько категорий – это продукты животного происхождения (мясо, молоко, яйца, рыба). Данная лексическая подгруппа отражает не только технологические процессы переработки сырья, но и культурные предпочтения, способы сохранения продуктов в условиях кочевого быта и религиозно-обрядовые практики.

Молочная лексика башкирского языка представляет собой одну из наиболее разветвленных и исторически стратифицированных подгрупп в составе животноводческой терминологии.

Термин ҡатыҡ (заквашенное молоко, простокваша) является одним из ключевых в башкирской молочной лексике. Как отмечается в этнографической литературе, «ҡатыҡ – традиционное кисломолочное блюдо башкирской кухни, распространённое в кухне многих народов Евразии». Башкиры готовят ҡатыҡ из цельного или обезжиренного молока, которое доводят до кипения, охлаждают и заправляют закваской из перебродившего катыка, кислой сметаны, айрана или пахты. В башкирской кулинарной традиции различают сөсө ҡатыҡ (свежий, употребляемый с сахаром, мёдом или свежими ягодами) и әсе ҡатыҡ (кислый, используемый в качестве приправы к супам и для приготовления айрана и ҡорот). Существует также сей ҡатыҡ, сейғатыҡ, сейләй ҡатыҡ («сырой» ҡатыҡ) – молоко, прокисшее без добавления закваски. Этот продукт распространён в Предуралье и горно-лесных районах Башкортостана, что свидетельствует о его локальной приуроченности и связи с определенными хозяйственно-культурными типами.

К числу продуктов длительного хранения, имевших особое значение в кочевом быту, относится ҡорот (или ҡорт) – традиционный кисломолочный продукт, распространённый в кухне многих тюркских и монгольских народов. Башкиры готовят ҡорот из обезжиренного и заквашенного коровьего (реже – козьего) молока. Закваской (әсетке) служит кислый ҡатыҡ. Для хранения ҡорот солят, формуют в небольшие колобки и сушат на специальных решётках ли помостах, иногда слегка коптят или замораживают. Свежеприготовленный ҡорот (йәш ҡорот) заправляют сахаром, маслом, сметаной и подают к чаю, кислый используют в качестве приправы к бульонам. Примечательно, что башкиры традиционно применяли ҡорот в народной медицине.

Термин эремсек (творог) имеет прозрачную внутреннюю форму, связанную с процессами створаживания и кристаллизации. Как отмечается в этимологических изысканиях, «эремсек в переводе с башкирского “створаживаться, сворачиваться, кристаллизоваться”, эреү “свернуться, скиснуть, твердеть, комковаться”, эрем “закисшее, кристаллизуемое, сбившийся пух, скомканный пух”, эре “крупный”». Эта словообразовательная семантика отражает саму суть технологического процесса: молоко «кристаллизуется» в новую форму. Эремсек готовится из обезжиренного или цельного закисшего или заквашенного коровьего (реже козьего) молока, которое доводят до кипения; полученную творожистую массу процеживают через сито (иләк), подвешивают в холщовом мешке или кладут под гнёт. В башкирской кулинарной традиции различают несколько разновидностей эремсека: ҡыҙыл эремсек (сухой творог длительного хранения, получаемый кипячением до полного выпаривания влаги) и еләк эремсеге (ягодный творог, в который при выпаривании подмешивают клубнику, землянику, черёмуху, смородину, вишню). Наличие многочисленных диалектных вариантов названий эремсека, а также локальных рецептурных особенностей (ягодный эремсек в Зауралье, южных и северо-восточных районах) свидетельствует о высокой степени дифференциации этого продукта в традиционной культуре.

Особое место в башкирской молочной лексике занимает ҡымыҙ (кумыс) – напиток из кобыльего молока, являющийся культурным символом кочевых народов Евразии. Как отмечается в тюркологической литературе, «названия молочных продуктов в тюркских языках Сибири не едины по своему происхождению. В них, наряду с тюркскими корнями, наличествует значительное количество монгольских, тунгусо-маньчжурских элементов» [5]. Технология приготовления кумыса была строго регламентирована и включала использование специальной посуды – кожаного мешка (тулуп) или деревянной кадки, а также особых приемов взбалтывания и выдержки.

К числу других молочных терминов относятся: ҡаймаҡ (сливки, сметана) – лексема, этимологически восходящая к пратюркскому kaymak и засвидетельствованная уже в древнетюркском языке; айран – жидкий кисломолочный напиток, получаемый разбавлением ҡатыҡа водой; май (масло), которое по способу приготовления делилось на аҡ май (свежее масло), һары май (топленое масло).

Мясная лексика башкирского языка составляет еще один значимый пласт в системе терминов продуктов животноводства. Базовым термином является ит (мясо), которое, как и һөт, восходит к пратюркскому состоянию. Как показано в сравнительно-исторических исследованиях, «лексика понятийной сферы “мясо”, “молоко” рассматривается на материале тюркских и монгольских языков, прослеживаются лексические параллели в сойотском, бурятском, монгольском, татарском, башкирском языках».

В башкирской традиции мясо классифицировалось по видовой принадлежности: йылҡы ите (конина), һыйыр ите (говядина), һарыҡ ите (баранина), кәҙә ите (козлятина), дөйә ите (верблюжатина). Каждый вид мяса имел свою ритуальную и пищевую ценность. Конина, например, считалась наиболее престижным мясом и подавалась по особым торжественным случаям.

Вяленое мясо называется ҡаҡланған ит или ҡаҡлаған ит. Существовал также специальный термин бөргәнсәк (ҡағит) – вяленое мясо, приготовленное особым способом.

Специализированной мясной терминологией является лексика, связанная с колбасными изделиями. Ҡаҙы – колбаса из конины (конского ребра с жиром), считавшаяся деликатесом и подававшаяся почетным гостям. Тултырма – ливерная колбаса, приготовленная из субпродуктов с добавлением крупы. Названия мясных блюд изучаются в тюркологии как важный источник для реконструкции генетических связей между тюркскими народами: «в функционировании названий мяса и мясных блюд можно проследить особенности генетических связей тюркских языков Урало-Поволжья».

Кожевенная и шерстяная лексика башкирского языка занимает особое место в системе терминов продуктов животноводства, поскольку продукты переработки шкур и шерсти служили основным сырьем для изготовления одежды, обуви, жилищ и предметов быта. В условиях кочевого образа жизни эти материалы были незаменимы.

Базовым термином для обозначения кожи (как сырой, так и выделанной) является тире. Этимологически это слово восходит к пратюркскому teri, что подтверждается его наличием во всех тюркских языках. Термин тире используется преимущественно для обозначения сырой шкуры животного. Для выделанной кожи существует специальное наименование – күн. Эта лексическая дифференциация отражает различие технологических этапов обработки: тире – это исходное сырье, күн – готовый продукт, пригодный для дальнейшего использования.

Выводы

Таким образом, лексика продуктов животноводства башкирского языка представляет собой сложную многоуровневую систему, в которой переплетаются названия сырья (молоко, мясо, шкура, шерсть), продуктов его первичной обработки (ҡатыҡ, эремсек, ҡорот, ит) и изделий из них (кейеҙ, күн). Глубокое проникновение этой лексики в смежные семантические сферы – фразеологию, обрядовую терминологию и народную медицину – свидетельствует о ее фундаментальной роли в формировании башкирской языковой картины мира.

Список источников

1. Академический словарь башкирского языка: в 10-ти т. / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011-2018. (на башкирском языке)

2. Акманова Р.С. Причины и особенности семантического развития лексики животноводства в башкирском языке и его диалектах // Проблемы востоковедения. 2020. № 4. С. 78 – 82.

3. Диалектологический атлас башкирского языка / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой, У.Ф. Надергулова. Уфа: Китап, 2005. 120 с.

4. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. Москва; Ленинград, 1948. 276 с.

5. Дьячковский Ф.Н., Попова Н.И., Тазранова А.Р., Трофимова С.М., Широбокова Н.Н. Гастрономическая лексика (молочные продукты) в тюркских языках Сибири в сопоставительном аспекте // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 1 (31). С. 9 – 20.

6. Зайнуллина Г.Д. Башкирско-русский, русско-башкирский терминологический словарь по животноводству / Под ред. З.Г. Ураксина. Уфа: Китап, 2006. 168 с.

7. Киекбаев Дж.Г. Башкирские диалекты и краткое введение в их историю // Башкирский государственный университет. Ученые записки. 2-е изд. 1958. № 2. С. 37 – 80. (на башкирском языке)

8. Муратова Р. Т. Названия смешанных мастей лошади в башкирском языке: генезис, развитие и семантика // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163, книга 1. С. 19 – 29.

9. Надергулов У.Ф. Животноводческая лексика башкир. Уфа: Гилем, 2000. 186 с.

10. Псянчин Ю.В. История изучения лексики коневодства в башкирском языкознании // Российская тюркология. 2022. № 3-4 (34-35). С. 68 – 78.

References

1. Academic dictionary of the Bashkir language: in 10 volumes. Ed. F.G. Khisamitdinova. Ufa: Kitap, 2011-2018. (in Bashkir language)

2. Akmanova R.S. Reasons and features of the semantic development of livestock vocabulary in the Bashkir language and its dialects. Problems of Oriental Studies. 2020. No. 4. P. 78 – 82.

3. Dialectological atlas of the Bashkir language.Ed. F.G. Khisamitdinova, U.F. Nadergulova. Ufa: Kitap, 2005. 120 p.

4. Dmitriev N.K. Grammar of the Bashkir language. Moscow; Leningrad, 1948. 276 p.

5. Dyachkovsky F.N., Popova N.I., Tazranova A.R., Trofimova S.M., Shirobokova N.N. Gastronomic vocabulary (dairy products) in the Turkic languages of Siberia in a comparative aspect. Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies. 2021. No. 1 (31). P. 9 – 20.

6. Zainullina G.D. Bashkir-Russian, Russian-Bashkir terminological dictionary on animal husbandry. Ed. Z.G. Uraksin. Ufa: Kitap, 2006. 168 p.

7. Kiekbaev J.G. Bashkir dialects and a brief introduction to their history. Bashkir State University. scientific notes. 2nd ed. 1958. No. 2. P. 37 – 80. (in Bashkir)

8. Muratova R.T. Names of mixed horse colors in the Bashkir language: genesis, development and semantics. Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities. 2021. T. 163, book 1. P. 19 – 29.

9. Nadergulov U.F. Livestock vocabulary of the Bashkirs. Ufa: Gilem, 2000. 186 p.
10. Psyanchin Yu.V. History of the study of horse breeding vocabulary in Bashkir linguistics. Russian Turkology. 2022. No. 3-4 (34-35). P. 68 – 78.

Информация об авторах

Исянгулова Г.А., Уфимский университет науки и технологий, igulnaz75@yandex.ru

Султанбаева Х.В., Уфимский университет науки и технологий, sultanxv@mail.ru

Шайдуллина А.М., Уфимский университет науки и технологий, vgulnaz030675@mail.ru

© Исянгулова Г.А., Султанбаева Х.В., Шайдуллина А.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 81-115
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-262-266

Почему «Белый отряд» актуален сегодня? К обоснованию современного исследования исторического романа А. Конан Дойля и его перевода

[1, 2] Багдасарова И.Ю., [1] Макарова О.А.

[1] Российский университет дружбы народа им. Патриса Лумумбы,
[2] Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского

Аннотация: статья обосновывает актуальность филологического и переводоведческого исследования романа А. Конан Дойля «Белый отряд» в современном культурном и научном контексте. Рассматриваются три аспекта его релевантности: во-первых, возросший интерес к реалистичному образу Средневековья в массовой культуре, в котором роман выступает как ранний и влиятельный образец; во-вторых, лингвостилистическая сложность текста: высокая плотность архаической лексики, специализированной терминологии и лингвостилистики, а также многослойной повествовательной структуры, что делает его ценным объектом лингвистического анализа; в-третьих, отсутствие современного качественного перевода, способного передать эту сложную языковую ткань. В совокупности это подтверждает: «Белый отряд» остаётся значимым культурным и филологическим явлением, заслуживающим углублённого изучения.
Ключевые слова: «Белый отряд», А. Конан Дойль, лингвостилистика, исторический роман, перевод

Для цитирования: Багдасарова И.Ю., Макарова О.А. Почему «Белый отряд» актуален сегодня? К обоснованию современного исследования исторического романа А. Конан Дойля и его перевода // Современный ученый. 2026. № 10. С. 262 – 266. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-262-266

Поступила в редакцию: 21 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Why is “The White Company” relevant today? Toward justifying contemporary research on A. Conan Doyle’s historical novel and its translation

[1, 2] Bagdasarova I.Yu., [1] Makarova O.A.

[1] Peoples’ Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
[2] Zhirinovsky University of World Civilizations

Abstract: the article justifies the relevance of a philological and translation studies approach to Arthur Conan Doyle’s novel The White Company in the contemporary cultural and academic context. It examines three aspects of its significance: first, the growing interest in a realistic portrayal of the Middle Ages in popular culture, where the novel serves as an early and influential example; second, the linguistic and stylistic complexity of the text, its rich archaic vocabulary, specialized terminology, diverse rhetorical devices, and multi-layered narrative structure, which makes it a valuable object of linguistic analysis; and third, the absence of a modern translation capable of adequately rendering this intricate linguistic fabric. Taken together, these factors confirm that The White Company remains a significant cultural and philological phenomenon deserving of in-depth scholarly attention.

Keywords: The White Company, A. Conan Doyle, linguistic stylistics, historical novel, translation

For citation: Bagdasarova I.Yu., Makarova O.A. Why is “The White Company” relevant today? Toward justifying contemporary research on A. Conan Doyle’s historical novel and its translation. Modern Scientist. 2026. 10. P. 262 – 266. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-262-266

The article was submitted: May 21, 2026; Approved after reviewing: June 19, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Роман Артура Конан Дойля «Белый отряд» (1891), долгое время находившийся в тени его детективного наследия, сегодня вновь привлекает внимание исследователей – как в связи с юбилейными датами (100-летие с момента издания «Сэра Найджела» и 135-летие с момента издания «Белого отряда»), так и в силу возрождения интереса к историческому роману как источнику культурных кодов. Однако, несмотря на признание романа современниками (его сравнивали с произведениями Скотта и Стивенсона) и позднее – Уинстоном Черчиллем, в отечественной филологии он остаётся недостаточно изученным, особенно в аспекте языка и перевода [3]. При этом именно «Белый отряд» представляет собой уникальный синтез исторической реконструкции и художественного вымысла, заложивший основы того «реалистичного» образа Средневековья, который в XXI веке доминирует в массовой культуре. В этих условиях возвращение к тексту требует не просто ретроспективного взгляда, но комплексного переосмысления, с учётом как современных культурных запросов, так и новых методологических возможностей филологического и переводоведческого анализа.

Актуальность исследования языка и перевода романа А. Конан Дойля «Белый отряд» обусловлена тремя взаимосвязанными факторами. Во-первых, в условиях роста интереса к более реалистичному Средневековью в массовой культуре роман приобретает статус одного из архетипических текстов, заложившего основы современного медиевалистского мифа [4]. Во-вторых, сам язык произведения, насыщенный архаизмами, военной и церковной терминологией и стилизацией под средневековые хроники, представляет собой сложный лингвостилистический объект, требующий комплексного анализа. В-третьих, существующие переводы «Белого отряда», выполненные в разные исторические периоды, отражают соответствующие им переводческие установки [5]. Однако в условиях роста интереса к роману как к источнику культурных кодов и объекту лингвостилистического анализа возникает потребность в новом типе перевода, ориентированном на филологическую точность, терминологическую строгость и сохранение сложной дискурсивной структуры оригинала.

Таким образом, несмотря на растущую культурную значимость романа «Белый отряд» и его потенциал как объекта филологического и переводоведческого анализа, в отечественной науке отсутствует системное обоснование необходимости его изучения в современном контексте. Целью настоящей статьи является обоснование актуальности комплексного филологического и переводоведческого исследования романа А. Конан Дойля «Белый отряд», с акцентом на три аспекта: его роль в формировании реалистичного образа Средневековья, лингвостилистическая сложность оригинала и недостаточная адекватность существующих переводов.

Материалы и методы исследований

В работе применяются следующие методы: теоретический анализ научной литературы по проблематике исторического романа, медиевализма в современной культуре и особенностей перевода художественной прозы XIX века; описательный контент-анализ оригинального текста романа А. Конан Дойля «Белый отряд» и его русского перевода 1966 года с целью выявления архаической лексики, военной и церковной терминологии, стилистических приёмов и нарративных особенностей; контекстуальный анализ, связывающий текст с современными культурными репрезентациями Средневековья в сериалах, видеоиграх и практиках исторической реконструкции; а также описательный переводоведческий анализ, фиксирующий расхождения между оригиналом и существующим переводом в передаче языковой ткани произведения.

Материалом исследования служат английский оригинал романа А. Конан Дойля The White Company и его русский перевод, выполненный В. Станевичем. Для контекстуализации текста привлекаются ключевые примеры репрезентации Средневековья в культуре XX-XXI веков: роман Умберто Эко «Имя розы» (1980) как образец интеллектуального медиевализма; цикл А. Сапковского «Ведьмак», сериалы «Последнее королевство» и «Игра престолов», иллюстрирующие «тёмный», реалистичный медиевализм; а также эпическое

фэнтези Дж. Р.Р. Толкина, сохраняющее рыцарские архетипы. Кроме того, учитывается феномен исторической реконструкции, как феномен, подтверждающий устойчивый интерес к Столетней войне как к живому культурному и практическому опыту.

Результаты и обсуждения

Современная массовая культура демонстрирует устойчивый интерес к Средневековью, однако его образ кардинально отличается от романтизированной версии XIX века [6, 7]. По утверждению Ю.Е. Арнаутовой «С последнего десятилетия XX в. «Средневековье» стало «брендом» и прежде всего - в массовой культуре» [8, с. 26]. Сегодня доминируют три взаимодополняющих типа медиевалистской репрезентации. Во-первых, это реалистичный, «тёмный» медиевализм, в котором Средневековье предстаёт как время насилия, прагматизма и моральной неоднозначности (фэнтезийная сага «Ведьмак» А. Сапковского; славянское фэнтези «Волкодав» М.Сесеновой; сериалы «Последнее королевство», «Игра престолов»). Во-вторых, эпическое фэнтези, восходящее к «Властелину колец» Дж. Р. Р. Толкина, где Средневековье становится основой для создания альтернативного мира, и при этом сохраняет ключевые архетипы: братство героев, путешествие через враждебные земли, борьбу добра и зла. Хотя Толкин романтизировал Средневековье, его эстетика, представленная масштабными битвами, кодексом чести, многонациональными союзами, напрямую продолжает традицию, заложенную ещё Конан Дойлем [9]. В-третьих, благодаря таланту такого ярчайшего философа, писателя, лингвиста-семиотика как Умберто Эко появляется так называемый «интеллектуальный» медеивизм. В его историческом романе «Имени розы» (1980 г.) Средневековье выступает сложным семиотическим пространством, совмещающим детектив с посмодернисткой философией. Монастырь Эко выступает архитектурным и идеологическим лабиринтом, в котором разворачивается настоящая борьба за истину и знания, иллюстрируя конфликт эпохи между догматизмом и свободолюбием.

Католический монастырь как хронотоп возникает также в романе Дойля «Белый отряд».

Именно в этом контексте «Белый отряд» Конан Дойля приобретает новую значимость. Уже в 1891 году писатель отказался от идеализации Средневековья и показал войну как профессию, а отряд как сообщество профессионалов-наемников, связанных не лояльностью короне, а взаимной выгодой и товарищеской дружбой. Его герои грабят, торгуются за выкуп и убивают без пафоса, и при этом сохраняют кодекс чести, отличающий их от простолюдин. Эта модель, «наёмников с совестью», стала архетипом для всей последующей культуры, от «Хроник Чёрного отряда» Глена Кука до видеоигр, где фигугрирует тема средних веков, таких как «Kingdom Come: Deliverance» и «Going Medieval».

Обратимся к лингвистическому анализу Роман А. Конан Дойля «Белый отряд», который представляет собой текст, построенный на принципе многослойной стилизации. Автор сознательно имитирует язык средневековых хроник, прежде всего Жана Фруассара, чьи тексты он тщательно изучал при подготовке к написанию романа. Эта имитация проявляется в использовании архаической и военной лексики лексики; феодальные титулы, например:

1. “brethren”,
2. “morrow”,
3. “thou”,
4. “hither”,
5. “ever and anon”,
6. “hosen and shoon”,
7. “hauberk”,
8. “brigandine”,
9. “mail”,
10. “lance”,
11. “baron”,
12. “duke”,
13. “esquire”.

Применяются устаревшие грамматические конструкции, например:

1. “What hast thou to say”,
2. “How came ye to see this smile of which ye prate?”,
3. “Thou shalt come back neither to Beaulieu nor to any of the granges of Beaulieu, and thy name shall be struck off the scrolls of the order.”

Также вводятся нарративные приёмы, характерные для XIV века: диалоги в духе рыцарских романов; описания битв как последовательности подвигов отдельных воинов. Таким образом достигается целена-

правленная реконструкция дискурса эпохи, направленная на создание эффекта исторической достоверности.

Особую ценность «Белого отряда» с точки зрения лингвостилистики представляет его насыщенность разнообразными стилистическими приёмами. Конан Дойль активно использует параллелизмы, анафоры, риторические вопросы, гиперболы и архаизирующие синтаксические конструкции, чтобы имитировать ритм и интонацию средневековой хроники [10]. В диалогах героев доминируют ирония и прямая речь без вводных конструкций, что создает ощущение подлинной устной речи XIV века.

На сегодняшний день в русскоязычном пространстве фактически существует один авторитетный перевод «Белого отряда», выполненный В. Станевич и долгое время служащий канонической версией произведения. Попытки издания новых переводов, в том числе под именем Н. Романова («Книговек», 2011), не подтверждены ни библиографическими данными, ни филологической прозрачностью: анализ текста указывает на использование уже существующих дореволюционных или советских версий с минимальной стилистической правкой.

Так называемая «стилизация под Средневековье» чаще всего теряется в переводе. Архаический английский синтаксис выравнивается до норм современной прозы и на русском языке, в силу различий в грамматических системах между современными английским и русским языками не передает эту стилизацию. При переводе на русский язык текст также теряет в лингвостилистическом разнообразии и плотности по сравнению с оригиналом.

Таким образом, несмотря на культурную и научную значимость романа, отсутствует современный перевод, созданный в соответствии с принципами академического переводоведения – то есть с опорой на историко-лингвистический анализ, терминологическую строгость и сохранение авторской стилистики. Эта ситуация делает особенно актуальным не столько создание нового художественного перевода, сколько комплексное переводоведческое исследование, которое позволило бы выявить особенности языка оригинала и сформулировать методологические основы его адекватной передачи на русском языке.

Выводы

Таким образом, актуальность обращения к роману А. Конан Дойля «Белый отряд» обусловлена синтезом культурного, филологического и переводоведческого запросов современности. В условиях доминирования «реалистичного» медиевализма в массовой культуре, от сериалов до реконструкций, роман приобретает статус архетипического текста, заложившего основы современного восприятия Средневековья как эпохи прагматизма, насилия и внутреннего кодекса. Далее, сам язык произведения представляет собой уникальный объект лингвистического анализа: его многослойная структура: архаизированная лексика, военная терминология, ритмизированная проза и стилистические фигуры отражают целенаправленную попытку реконструировать дискурс XIV века, а не просто имитировать «старину». И накоец, отсутствие современного перевода, выполненного с учётом этих лингвостилистических особенностей, делает особенно востребованным переводоведческое исследование, ориентированное на филологически обоснованную передачу авторской речевой ткани. В совокупности это позволяет рассматривать «Белый отряд» не как устаревший авантюрный роман, а как сложный, многомерный текст, заслуживающий внимания как со стороны культурологов, так и со стороны лингвистов и переводоведов.

Список источников

1. Doyle A.C. The White Company. London and Sydney, 1975. 415 p.

2. Конан Дойль, А. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Раритет, 1991. 464 с. ISBN 5-85735-003-4.

3. Филюшкин А.И. Medievalism: why do we need in the Middle ages today? // Historical Expertise. 2019. Vol. 4. P. 153 – 162. DOI: 10.31754/2409-6105-2018-4-153-162

4. Шапкина А.В. Романы А.К. Дойла «Белый отряд» и «Сэр Найджел»: проблема национальной идентичности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 24 с.Филюшкин, А.И. Medievalism: why do we need in the Middle ages today? Historical Expertise. 2019. Vol. 4. P. 153 – 162. DOI: 10.31754/2409-6105-2018-4-153-162.

5. Немонежная В.Ю. Иноязычные вкрапления в художественном тексте как переводческая проблема: на материале русских переводов произведений А. Конан Дойла на историческую тематику: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 24 с.

6. Губарева О.В. Новое Средневековье в культуре России XX века // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 3 (19). С. 192-204. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-srednevekovie-v-kulture-rossii-hh-veka (дата обращения: 01.04.2026)

7. Кратасюк Е.Г. Присвоение Средневековья: легенды артуровского цикла в рекламе и кинематографе конца XX века // Средние века. 2002. Вып. 63. С. 145 – 153.

8. Берестнева А.В. Архаичная лексика в романе «Властелин колец: Братство Кольца» как особенность идиостиля Дж.Р.Р. Толкина // Сибирский филологический форум. 2022. № 1 (18). С. 45 – 52. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/arhaichnaya-leksika-v-romane-vlastelin-kolets-bratstvo-koltsa-kak-osobennost-idiostilya-dzh-r-r-tolkina

9. Арнаутова Ю.Е. Размышления медиевиста о новом «образе средневековья» // Новое прошлое = The New Past. 2016. № 1. С. 27 – 37.

10. Багдасарова И.Ю. Сравнительный анализ стилистических особенностей текста, выполненный искусственным интеллектом и человеком, и его лингводидактические аспекты на примере анализа текста Конан Дойля «Белый отряд» // [Название сборника трудов конференции]. 2025. С. 99 – 111.

References

1. Doyle A.C. The White Company. London and Sydney, 1975. 415 p.

2. Conan Doyle, A. Collected Works. Vol. 2. Moscow: Raritet, 1991. 464 p. ISBN 5-85735-003-4.

3. Filyushkin A.I. Medievalism: why do we need the Middle Ages today? Historical Expertise. 2019. Vol. 4. P. 153 – 162. DOI: 10.31754/2409-6105-2018-4-153-162

4. Shapkina A.V. A.K. Doyle's Novels "The White Company" and "Sir Nigel": the Problem of National Identity: Abstract of Cand. Sci. (Philology). M., 2008. 24 p. Filyushkin, A.I. Medievalism: Why Do We Need the Middle Ages Today? Historical Expertise. 2019. Vol. 4. P. 153 – 162. DOI: 10.31754/2409-6105-2018-4-153-162.

5. Nemonezhnaya V.Yu. Foreign-Language Insertions in Fiction as a Translation Problem: Based on Russian Translations of A. Conan Doyle's Historical Works: Abstract of Cand. Sci. (Philology). M., 2006. 24 p.

6. Gubareva O.V. New Middle Ages in the Culture of Russia in the Twentieth Century. Transactions of the Department of Theology of the St. Petersburg Theological Academy. 2023. No. 3 (19). P. 192 – 204. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-srednevekovie-v-kulture-rossii-hh-veka (date of access: 01.04.2026)

7. Kratasyuk E.G. Appropriation of the Middle Ages: Legends of the Arthurian Cycle in Advertising and Cinema of the Late Twentieth Century. The Middle Ages. 2002. Issue. 63. P. 145 – 153.

8. Berestneva A.V. Archaic Vocabulary in the Novel The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring as a Feature of J.R.R. Tolkien’s Idiostyle. Siberian Philological Forum. 2022. No. 1 (18). P. 45 – 52. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/arhaichnaya-leksika-v-romane-vlastelin-kolets-bratstvo-koltsa-kak-osobennost-idiostilya-dzh-r-r-tolkina

9. Arnautova Yu.E. Reflections of a medievalist on the new "image of the Middle Ages". New Past = The New Past. 2016. No. 1. P. 27 – 37.

10. Bagdasarova I.Yu. Comparative analysis of stylistic features of the text, performed by artificial intelligence and a person, and its linguodidactic aspects on the example of the analysis of Conan Doyle's text "The White Company". [Title of the conference proceedings]. 2025. P. 99 – 111.

Информация об авторах

Багдасарова И.Ю., Российский университет дружбы народа им. Патриса Лумумбы; Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского

Макарова О.А., Российский университет дружбы народа им. Патриса Лумумбы

© Багдасарова И.Ю., Макарова О.А., 2026

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 37.016:81
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-267-273

Роль код-свитчинга при обучении в поликультурном пространстве

[1] Коннова О.В., [1] Романова И.В.

[1] Астраханский государственный медицинский университет

Аннотация: статья посвящена изучению код-свитчинга как одному из основных педагогических ресурсов при обучении на языке-посреднике. Целью данной работы было провести комплексное исследование, которое включает анализ научной литературы за последние 10 лет, опрос и анкетирование обучающихся, наблюдение за поведением в группах обучающихся с разным уровнем владения иностранного языка – посредника. На основе проведенного исследования авторы, что использование родного языка на занятиях способствует снятию психологических и лингвистических барьеров, повышению мотивации и снижению когнитивной нагрузки.
Ключевые слова: код-свитчинг, переключение кодов, психологические барьеры, мотивация студентов, языковое разнообразие, педагогические стратегии

Для цитирования: Коннова О.В., Романова И.В. Роль код-свитчинга при обучениив поликультурном пространстве // Современный ученый. 2026. № 10. С. 267 – 273. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-267-273

Поступила в редакцию: 4 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

The role of code-switching in teaching in a multicultural environment

[1] Konnova O.V., [1] Romanova I.V.

[1] Astrakhan State Medical University

Abstract: this article examines code-switching as a key pedagogical resource for teaching in a foreign language. The aim of this work was to conduct a comprehensive study, including an analysis of the scientific literature over the past 10 years, a student survey and questionnaire, and observation of student behavior in groups with varying levels of proficiency in the foreign language. Based on this study, the authors conclude that using the native language in the classroom helps remove psychological and linguistic barriers, enhance motivation, and reduce cognitive load.
Keywords: code-switching, psychological barriers, student motivation, linguistic diversity, pedagogical strategies

For citation: Konnova O.V., Romanova I.V. The role of code-switching in teaching in a multicultural environment. Modern Scientist. 2026. 10. P. 267 – 273. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-267-273

The article was submitted: May 4, 2026; Approved after reviewing: June 1, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Интернационализация и языковое разнообразие являются характерными чертами современного общества и причиной поиска новых педагогических стратегий. В связи с этим изучение явления код-свитчинга становится актуальным, поскольку процесс переключения с одного языка на другой (как правило с родного языка на изучаемый иностранный) позволяет осуществить языковую подготовку с учетом когнитивных особенностей студентов миную риски психологического отчуждения при разном уровне языковой подготовки. К тому же, следуя принципам коммуникативной направленности, данный подход помогает осуществлять психологическую поддержку обучающихся.

Это особенно значимо в контексте смешанных групп, где различия в языковой компетенции могут создавать неравные условия для осуществления языковой коммуникации

Результаты проведенных исследований [2, 4, 10] показали, что при избежание использования родного языка в процессе обучения студентов с начальным или средним уровнем владения иностранного языка может привести к когнитивной перегрузке и в дальнейшем к возникновению коммуникативных барьеров, избеганию участи я в устных высказываниях инициативы. А в последствии стать причиной потери интереса к обучению в целом. В результате подобное поведение приводит к такому явлению, как «эмоциональное выгорание», формализации учебного процесса, пассивное участие в образовательной деятельности. Приведённые выше обоснования нуждаются в редактировании реализуемых подходов к образованию и необходимости развития необходимых стратегий с учетом психологического воздействия на речевую деятельность.

Целью данной работы является комплексное изучение того, как стратегическое переключение кодов влияет на мотивацию студентов и помогает им преодолеть психологические барьеры и трудность в коммуникации.

Материалы и методы исследований

Методы исследования включают в себя комплексный подход, включающий в себя анализ научных работ за последние 10 лет, студенческое анкетирование и опросы, наблюдение за коммуникацией в группах с разным уровнем овладения языком и языковой компетенцией. Ключевой задачей остается установление корреляции между использованием своего родного языка при объяснении сложного лексического и грамматического материала и необходимостью вовлечения обучающихся. Результаты комплексного исследования могут помочь преодолеть полярность взглядов на роль родного языка в современной дидактике и в иноязычном обучении.

В современных исследованиях термин код-свитчинг показан как активный педагогический инструмент, не являющийся отступлением от норм методики. С его помощью можно совмещать языки для обеспечения когнитивной вовлеченности, позволяя снизить психологическую тревожность обучающихся и сфокусироваться главным образом на коммуникативной практике н иностранном языке.

Результаты и обсуждения

Код-свитчинг выступает надежным инструментом изучения второго языка. Данный феномен характеризуется попеременным использованием двух языков и активно изучается ни одно десятилетие. Фундаментальная работа по этому процессу была составлена в 1953г. У. Вайнрайхом, описывающий его как «процесс попеременного переключения с одного язык на другой» [6].

Современные научные подходы трактуют переключение кодов как осознанный инструмент коммуникации, необходимый для конкретных целей. Это его ключевое отличие от заимствований, возникающих неосознанно. В рамках этого исследования переключение языков рассматривается с точки зрения методики обучения, которая применяется на занятиях по иностранному языку с учетом применения языка-посредника. По мнению исследователей переключение кодов способствует формированию знаний и улучшает взаимодействие между преподавателем и студентами. При этом обращение к родному языку применяется лишь для снижения психологической напряжённости и тревожности учащихся, вызванной владением иностранным языком на недостаточно высоком уровне [13, 14].

Исследования наглядно демонстрируют, что осознанное переключение кодов в процессе обучения не только способно сформировать доверие между преподавателем и учеником, но и помогает его дифференцировать, а также стимулирует позитивный перенос языковых структур.

Осознанное двуязычие помогает четко разграничить языки, а код-свитчинг выступает в качестве инструмента позитивного переноса языковых структур. В процессе переключения запускается автоматическое переключение грамматических структур, облегчающих перенос когнитивных стратегий. Данный механизм очень важен на начальных этапах обучения, когда студенты в основном опираются на родной язык, в процессе изучения иностранного.

Использование код-свитчинга выступает мощным инструментом развития металингвистической компетенции и способствует переводу языка из плоскости «инструмента коммуникации» в плоскость объекта осознанного анализа. Благодаря данному процессу учащиеся развивают аналитические навыки, овладевают способностью рефлексии над языковыми явлениями, которые помогают обеспечить более глубокое освоение обоих языков.

Использование код-свитчинга для повышения мотивации к обучению

Согласно проведённым исследованиям, использование родного языка на уроках применяется для снятия когнитивной и психологической нагрузки учащихся. Объяснение непонятного материала, снятие лингвистических трудностей при непонимании обучающимися каких-либо лексических единиц, а также для выражения сочувствия и солидарности с обучающимися делает использование код-свитчинга необходимым инструментом в преподавании. Многочисленные исследования и повышении мотивации в процессе обучения с помощью код-свитчинга показывают, что использование родного языка не просто уместно, а необходимо в ряде ситуаций, например, для контроля понимания нового грамматического материала или при комментировании допущенных ошибок обучающимся. Особенно эффективным является использование код-свитчинга в группах с разным уровнем владения иностранного языка. В подобных случаях использование родного языка становится необходимым не только для того, чтобы достичь поставленной цели того или иного вида работ на занятии, но и для поддержания психологического комфорта и повысить мотивацию обучающихся, имеющих более низкий уровень знаний иностранного языка.

Представленная концепция, заложенная Х. Дулай, М. Бертом и в дальнейшем развитая С. Крашеном, настаивает на необходимости учитывать эмоциональное состояние облучающихся при выборе методики обучения и создавать более комфортную среду в процессе овладения иностранным языком. Педагоги, использующие код-свитчинг на практике, отмечают повышение речевой активности учащихся, что позволяет нивелировать эмоциональную напряжённость, сохраняя академические стандарты преподавания [12].

Методология исследования: выборка, инструменты сбора данных (опросы, наблюдения)

Для проведения исследовательской работы была сформирован группа в количестве 120 студентов (18-25 лет), обучающихся в неязыковых ВУЗах. В выборку вошли студенты, изучающие иностранный язык в течение трех лет, практиковавшие академическое обсуждение, но не проживавшие длительное время в англоязычных странах.

Для проведения исследования Образовательный контекст исследования ограничивался аудиторными занятиями по практике речи в университетах города Астрахани. Уровень языковой компетенции участников определялся по результатам стандартизированного тестирования (CEFR B1-B2). Гендерный состав выборки был сбалансирован (60% женщин, 40% мужчин), что обеспечило репрезентативность данных. Все испытуемые имели сопоставимый опыт использования код-свитчинга в учебном процессе.

Основным инструментом сбора данных послужил структурированный опросник из 25 вопросов, разделённый на три блока: частота использования код-свитчинга, мотивационные факторы и восприятие языковых барьеров.

Блок 1. Частота использования код-свитчинга (вопросы 1-8)

1. Я часто несколько языков в ходе одного разговора.
2. В неформальной беседе с друзьями я регулярно использую разные языки.
3. При общении с членами семьи я нередко перехожу с одного языка на другой.
4. В рабочих чатах я иногда вставляю фразы на другом языке, даже если все участники владеют основным языком общения.
5. При написании сообщений в соцсетях я часто использую слова или выражения из другого языка.
6. Во время онлайн-игр или в игровых чатах я регулярно переключаю языки.
7. Я автоматически переключаюсь на другой язык, если собеседник сделал это первым.
8. В разговоре я могу начать фразу на одном языке, а закончить на другом.

Блок 2. Мотивационные факторы (вопросы 9-16)

9. Я использую разные языки, чтобы точнее выразить какую-то мысль или эмоцию.
10. Родной язык помогает мен точнее выразить собственные мысли и идеи.
11. Использование нескольких языков делает мое сообщение более ясным и понятным для собеседника.
12. Смена языка – это способ показать свою принадлежность к конкретной социальной группе или культуре.
13. Переключение языков способствуют налаживанию более крепких и доверительных отношений с собеседником.
14. Иногда я меняю язык автоматически, не задумываясь об этом.
15. Я использую родной язык, когда не могу найти точный эквивалент в иностранном.
16. Смешение языков делает мою речь более эмоционально-окрашенной, богатой и естественной.

Блок 3. Восприятие языковых барьеров (вопросы 17-25)

17. Иногда я чувствую, что мне не хватает слов, чтобы выразить свои мысли, и речь становится слишком простой.
18. В спонтанном разговоре на неродном языке, я часто «застреваю» и не могу подобрать слова.
19. Я часто замечаю, что мой словарный запас иссякает, при переключении на неродной язык.
20. Я стесняюсь говорить на неродном языке, из-за неуверенности в своем уровне владения им.
21. Я замечаю, что в разговоре на неродном языке, моя речь становится бедной и скудной.
22. Я испытываю сложности в подборе лексики на неродном языке в спонтанном разговоре.
23. Я чувствую себя неловко, когда не могу передать свои чувства и эмоции в полном объёме на неродном языке.
24. Мне кажется, что при общении на неродном языке я теряю часть своей индивидуальности и другие люди считают меня менее интересным собеседником.
25. С моей точки зрения, языковой барьер сильно мешает при построении диалога с собеседником.

Измерение субъективных показателей отношения респондентов проводилась с помощью порядковой шкалы оценок Лайкерта. Для фиксации частоты и ситуаций употребления различных вариантов код-свитчинга использовался стандартизированный протокол, обеспечивающий унификацию методов исследования. Для повышения уровня достоверности результатов использовалась триангуляция данных с помощью аудиозаписей, опросов и заметок. В завершении был проведен анализ полученных данных и сформулированы выводы на их основе.

Анализ влияния код-свитчинга на уровень мотивации у обучающихся

Как уже говорилось выше, использование код-свитчинга как преподавателем, так и обучающимися значительно влияет на повышение мотивации в процессе обучения. Согласно полученным данным, возможность использования код-свитчинга на занятии значительно влияет на показатели успеваемости и повышает интерес к обучению. Вовлеченность студентов, их активность на занятии при выполнении устных видов работ, а также активность при выполнении дополнительных заданий на 15-20% выше, чем в группах, где родной язык не используется.

Исследование выявило огромные преимущества код-свитчинга перед использование только иностранного языка. В группе, подвергшейся эксперименту, выявили устойчивый рост активности: частота добровольных ответов на практических занятиях увеличилась на 35%, а интерес к трудным темам стабильно сохранялся. Однако в контрольной группе наблюдался спад вовлеченности. Таким образом код-свитчинг является эффективным инструментом поддержания когнитивной устойчивости в процессе изучения языков.

Ситуативный код-свитчинг – наиболее эффективный способ борьбы с языковым барьером. Возможность вставлять элементы родного языка делают общение на неродном языке горазд комфортнее, уменьшая число пауз и отказов примерно на 40%. Учащиеся чествуют себя увереннее и легче преодолевают психологический барьер в общении, зная, что в любой момент могут приключиться на родной язык, не испытывая при этом дискомфорта [13].

Идентификация и оценка языковых барьеров в процессе обучения

Лексико-грамматические сложности проявляются в недостаточном словарном запасе и ошибках синтаксического построения высказываний. Контекстуальные трудности связаны с непониманием намерений говорящего и коммуникативных принципов. Социокультурные барьеры возникают из-за различий в понимании культурных традиций, ценностей, норм поведения и т.д. Лексико-грамматические барьеры чаще всего возникают на начальных этапах обучения. Обучающиеся испытывают трудности с подбором точных эквивалентов при переводе и построением сложных грамматических конструкций. Это в первую очередь связано с ограниченным словарным запасом и приводит к упрощению высказываний, делая речь выступающего

невнятной и сложной для понимания. Контекстуальные и социокультурные барьеры связаны с межличностным общением. Незнание невербальных форм общения и культурных особенностей поведения может вызвать дополнительные сложности даже при высоком уровне владения иностранным языком.

Стратегии переключения кода демонстрируют эффективность в преодолении выявленных коммуникативных препятствий. Исходя из вышеизложенного, сущность понятия «переключение кода в речевой коммуникации» с точки зрения преподавателя иностранного языка может быть определена как педагогический инструмент, позволяющий преподавателям, ИЯ переключаться с одного языка на другой в зависимости от условий коммуникации с целью облегчения изучения студентами иностранного языка [15].

Сравнительный анализ мотивации студентов на разных уровнях применения код-свитчинга

Исследование продемонстрировало, что интенсивное внедрение и использование код-свитчинга неуклонно связано с высокой мотивированностью учащихся. Те, кто часто переключается между языками, оказались активнее и вовлечённее, что подтверждается тестами и наблюдениями. Устойчивость этих результатов подтверждает теорию о том, что код-свитчинг максимально снижает языковой барьер и значительно повышает коммуникативную эффективность, а также мотивацию у обучающихся. Благодаря этим данным, можно с уверенностью говорить о необходимости разработки рекомендаций по внедрению код-свитчинга в образовательный процесс.

Корреляция между использованием код-свитчинга и снижением языкового барьера

Количественный анализ показателей тревожности выявил устойчивую тенденцию к её снижению пропорционально частоте сознательного применения смешения кодов. Механизм снижения тревожности реализуется через обеспечение смысловой доступности коммуникации. Использование родного языка для дополнительного объяснения домашнего задания, нового грамматического материала или устранения неточности при объяснении новых понятий или терминов значительно снижает когнитивное напряжение и создает комфортную среду для обучения.

В ходе данного исследования мы смогли выявить три основных фактора положительного влияния код-свитчинга в процессе обучения: снижение когнитивной нагрузки обучающихся, что влечет за собой повышение способности восприятия, обработки, запоминания и воспроизведения полученной информации; формирование и развитие металингвистической компетенции обучающихся, где язык уже не воспринимается только как средство общения, но как источник познания и самопознания; и формирование ситуативной уверенности, уверенного использования своих знаний в конкретных учебных и профессиональных ситуациях. Наибольшую важность при преодолении коммуникативных барьеров, на наш взгляд, представляет собой возможность с помощью код-свитчинга свисти страх ошибки к минимуму.

Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод, что использование код-свитчинга в педагогической деятельности является необходимым ресурсов не только для расширения когнитивных возможностей, повышения мотивации, снятия языковых барьеров, особенно, когда речь идет об обучении на языке – посреднике.

Выводы

Согласно результатам проведенного исследования мы пришли к выводам, что применение код-свитчинга способствует снижению психологической тревожности и снятию языковых барьеров в группах обучающихся с разным уровнем влияния иностранным языков.

Код-свитчинг или переключение кодов является эффективным способом повышения мотивации у обучающихся за счет снятия психологического напряжения, возникающего в следствии недопонимания полученного материала или языковой тревожности, т.е. боязни быть самому неправильно понятым. Дальнейшие задачи данного исследования будут связаны с возможной разработкой цифровых сервисов и образовательных программ, применяемых при обучении в поликультурных сообществах.

Список источников

1. Баранова Т.А., Кобичева А.М., Токарева Е.Ю. Применение мультилингвального подхода при обучении студентов технического вуза // Современные наукоемкие технологии. 2021. № 6. С. 129 – 133.

2. Белова Т.И. Взаимодействие родного и иностранного языка в едином пространстве речевого развития: лингводидактический взгляд // Педагогический журнал. 2020. № 6. С. 264 – 272.

3. Валеева Д.Р. Интерференционные ошибки в речи испаноговорящих студентов и их преодоление в процессе обучения русскому языку как иностранному. Нижний Новгород: НИЦ «Открытое знание», 2022. 68 с.

4. Васьбиева Д.Г. Переключение языкового кода преподавателем в речевой коммуникации на занятии по иностранному языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 5. С. 1687 – 1692. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pereklyuchenie-yazykovogo-koda-prepodavatelem-v-rechevoy-kommunikatsii-na-zanyatii-po-inostrannomu-yazyku (дата обращения: 23.02.2026)

5. Коннова О.В., Романова И.В., Величко Д.И. Код-свитчинг в поликультурных обществах: анализ особенностей переключения языковых кодов в разговорной речи // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 7 (157). DOI 10.60797/IRJ.2025.157.84

6. Курицына И.Ю. Роль родного языка в формировании вторичной языковой личности // Вестник ТвГУ. Серия: «Филология». 2023. № 2. С. 220 – 225.

7. Майоренко И.А., Эпоева Л.В., Миронова М.Н.Коммуникативные стратегии и расширение словарного запаса при обучении английскому языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-2 (71). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-i-rasshirenie-slovarnogo-zapasa-pri-obuchenii-angliyskomu-yazyku (дата обращения: 23.02.2026)

8. Олифиренко С.М. Перспективные методы формирования мотивации к изучению английского языка в технических высших учебных заведениях в рамках компетентностного подхода // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-metody-formirovaniya-motivatsii-k-izucheniyu-angliyskogo-yazyka-v-tehnicheskih-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah-v-ramkah (дата обращения: 23.02.2026)

9. Тутова Е.В. Влияние современной билингвальной теории на процесс переключения кода на примере французских кодовых переключений в публицистических изданиях // Культура и цивилизация. 2017. № 3. С. 9 – 16.

10. Хэкетт-Джонс А.В. Why ‘second’ does not mean ‘second best’: почему «Второй» язык не значит «Второстепенный» // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2019. № 192. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/why-second-does-not-mean-second-best-pochemu-vtoroy-yazyk-ne-znachit-vtorostepennyy (дата обращения: 23.02.2026)

11. Шепеленко Т.М. Психологические аспекты изучения иностранных языков // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 1. С. 117 – 125. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-izucheniya-inostrannyh-yazykov (дата обращения: 23.02.2026)

12. Seiitkali P. Code switching as a pedagogical tool in esl instruction // Вестник науки. 2025. № 11 (92). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/code-switching-as-a-pedagogical-tool-in-esl-instruction (дата обращения: 26.02.2026)

13. Priyana J. Code-Switching: A Pedagogical Strategy in Bilingual Classrooms // American Journal of Educational Research. 2018. https://doi.org/10.12691/EDUCATION-6-3-3

14. Paramytha Wijayanti K.D., Suparno Suparno, Hefy Sulistyawati Teacher’s Use of Code Switching And Their Motivation in English Class, November 2019, English Education DOI:10.20961/eed.v7i1.35838) URL: https://www.researchgate.net/publication/337637688_Teacher's_Use_of_Code_Switching_And_Their_Motivation_in_English_Class

15. Meruyert A. Influence of code-switching in english medium instruction on motivation of students // Sciences of Europe. 2020. № 50-4 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/influence-of-code-switching-in-english-medium-instruction-on-motivation-of-students (дата обращения: 14.03.2026)

References

1. Baranova T.A., Kobicheva A.M., Tokareva E.Yu. Application of a Multilingual Approach in Teaching Students of a Technical University. Modern Science-Intensive Technologies. 2021. No. 6. P. 129 – 133.

2. Belova T.I. Interaction of Native and Foreign Languages in a Single Space of Speech Development: A Lingvodidactic View. Pedagogical Journal. 2020. No. 6. P. 264 – 272.

3. Valeeva D.R. Interference Errors in the Speech of Spanish-Speaking Students and Their Overcoming in the Process of Teaching Russian as a Foreign Language. Nizhny Novgorod: Open Knowledge Research Center, 2022. 68 p.

4. Vasbieva D.G. Language Code Switching by a Teacher in Speech Communication during a Foreign Language Class. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2022. No. 5. P. 1687 – 1692. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pereklyuchenie-yazykovogo-koda-prepodavatelem-v-rechevoy-kommunikatsii-na-zanyatii-po-inostrannomu-yazyku (date of accessed: 23.02.2026)

5. Konnova O.V., Romanova I.V., Velichko D.I. Code Switching in Multicultural Societies: Analysis of the Peculiarities of Language Code Switching in Colloquial Speech. International Research Journal. 2025. No. 7 (157). DOI 10.60797/IRJ.2025.157.84

6. Kuritsyna I.Yu. The Role of the Native Language in the Formation of Secondary Linguistic Personality. Vestnik TvSU. Series: "Philology". 2023. No. 2. P. 220 – 225.

7. Mayorenko I.A., Epoeva L.V., Mironova M.N. Communicative Strategies and Vocabulary Expansion in Teaching English. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2017. No. 5-2 (71). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-i-rasshirenie-slovarnogo-zapasa-pri-obuchenii-angliyskomu-yazyku (date of access: 23.02.2026)

8. Olifirenko S.M. Promising methods for developing motivation to study English in technical higher educational institutions within the framework of the competence-based approach. World of Science. Pedagogy and Psychology. 2019. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivnye-metody-formirovaniya-motivatsii-k-izucheniyu-angliyskogo-yazyka-v-tehnicheskih-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah-v-ramkah (date of access: 23.02.2026)

9. Tutova E.V. The influence of modern bilingual theory on the process of code-switching: the example of French code-switches in journalistic publications. Culture and Civilization. 2017. No. 3. P. 9 – 16.

10. Hackett-Jones A.V. Why ‘second’ does not mean ‘second best’: why the “Second” language does not mean “Secondary”. Bulletin of the Herzen State Pedagogical Univ. 2019. No. 192. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/why-second-does-not-mean-second-best-pochemu-vtoroy-yazyk-ne-znachit-vtorostepennyy (date of access: 23.02.2026)

11. Shepelenko T.M. Psychological aspects of learning foreign languages. Bulletin of PNRPU. Problems of Linguistics and Pedagogy. 2017. No. 1. P. 117 – 125. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-izucheniya-inostrannyh-yazykov (date of access: 23.02.2026)

12. Seiitkali P. Code switching as a pedagogical tool in ESL instruction. Bulletin of science. 2025. No. 11 (92). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/code-switching-as-a-pedagogical-tool-in-esl-instruction (date of access: 02.26.2026)

13. Priyana J. Code-Switching: A Pedagogical Strategy in Bilingual Classrooms. American Journal of Educational Research. 2018. https://doi.org/10.12691/EDUCATION-6-3-3

14. Paramytha Wijayanti K.D., Suparno Suparno, Hefy Sulistyawati Teacher’s Use of Code Switching And Their Motivation in English Class, November 2019, English Education DOI:10.20961/eed.v7i1.35838) URL: https://www.researchgate.net/publication/337637688_Teacher's_Use_of_Code_Switching_And_Their_Motivation_in_English_Class

15. Meruyert A. Influence of code-switching in English medium instruction on motivation of students. Sciences of Europe. 2020. No. 50-4 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/influence-of-code-switching-in-english-medium-instruction-on-motivation-of-students (date of access: 14.03.2026)

Информация об авторах

Коннова О.В., кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный медицинский университет, vip.konnova@bk.ru

Романова И.В., старший преподаватель, Астраханский государственный медицинский университет, romanovainga1989@gmail.com

© Коннова О.В., Романова И.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 377.5:796
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-274-281

Актуальные проблемы профессиональной подготовки обучающихся колледжа по специальности «физическая культура»

[1] Шакамалова М.С., [2] Черная Е.В., [2] Захарова Н.А.

[1] Челябинский колледж физической культуры, Уральский государственный университет физической культуры,
[2] Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

Аннотация: в исследовании рассматриваются актуальные проблемы профессиональной подготовки обучающихся колледжа по специальности «Физическая культура» в условиях модернизации среднего профессионального образования. Цель исследования: выявить актуальные проблемы профессиональной подготовки обучающихся колледжа по специальности «Физическая культура» и определить пути совершенствования образовательного процесса в условиях модернизации среднего профессионального образования. Объект исследования: профессиональная подготовка обучающихся колледжа по специальности «Физическая культура». Предмет исследования: актуальные проблемы, педагогические условия и особенности организации профессиональной подготовки обучающихся колледжа по специальности «Физическая культура» в современных условиях развития среднего профессионального образования.
Исследование проводилось на базе Челябинского колледжа физической культуры ФГБОУ ВО «УралГУФК» и колледжа Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. В исследовании приняли участие 60 студентов и 18 преподавателей. В ходе работы использовались анализ научно-методической литературы, анкетирование, беседа и методы обработки результатов исследования.
Результаты исследования показали, что основными проблемами профессиональной подготовки обучающихся является ограниченное использование современных образовательных технологий, трудности применения теоретических знаний на практике и недостаточный уровень профессиональной мотивации студентов. Установлено, что совершенствование профессиональной подготовки требует усиления практической направленности обучения, внедрения инновационных технологий, обновления содержания профессиональных дисциплин и развития цифровой образовательной среды. Работа имеет практическую значимость для преподавателей организаций среднего профессионального образования и специалистов в области физической культуры и спорта.
Ключевые слова: профессиональная подготовка, среднее профессиональное образование, физическая культура, обучающиеся колледжа, профессиональные компетенции, практическая подготовка, качество образования

Для цитирования: Шакамалова М.С., Черная Е.В., Захарова Н.А. Актуальные проблемы профессиональной подготовки обучающихся колледжа по специальности «физическая культура» // Современный ученый. 2026. № 10. С. 274 – 281. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-274-281

Поступила в редакцию: 5 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Current problems of professional training of college students majoring in «physical culture»

[1] Shakamalova M.S., [2] Chernaya E.V., [2] Zakharova N.A.

[1] Chelyabinsk College of Physical Culture
Ural State University of Physical Culture,
[2] South Ural State University of Humanities and Pedagogy

Abstract: the study examines current issues in the professional training of college students majoring in "Physical Culture" within the modernization of secondary vocational education. The purpose of the research is to identify the main problems of professional training and determine possible ways to improve the educational process. The object of the study is the professional training of college students majoring in "Physical Culture", while the subject is the organizational and pedagogical conditions of this training in modern educational practice.
The research was conducted at the Chelyabinsk College of Physical Culture of the Ural State University of Physical Culture and the college of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University. The study involved 60 students and 18 teachers. Research methods included analysis of scientific literature, questionnaires, interviews, and processing of empirical data.
The findings revealed several key problems in students' professional training, including insufficient practical orientation of learning, limited use of modern educational technologies, difficulties in applying theoretical knowledge in practice, and low professional motivation among some students. The study showed that improving professional training requires strengthening practical learning, updating the content of professional disciplines, and expanding the use of innovative and digital technologies in the educational process. The results of the study may be useful for teachers and specialists working in secondary vocational education and the field of physical culture and sports.
Keywords: professional training, secondary vocational education, physical culture, college students, professional competencies, practical training, quality of education

For citation: Shakamalova M.S., Chernaya E.V., Zakharova N.A. Current problems of professional training of college students majoring in «physical culture». Modern Scientist. 2026. 10. P. 274 – 281. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-274-281

The article was submitted: May 5, 2026; Approved after reviewing: June 2, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Подготовка специалистов в области физической культуры в системе среднего профессионального образования в последние годы становится предметом все более пристального внимания со стороны исследователей и практиков. Это связано с изменением требований к профессиональной деятельности педагога и тренера, расширением спектра профессиональных задач, а также необходимостью подготовки специалистов, способных работать в современных образовательных и спортивных условиях. Сегодня от выпускника колледжа требуется не только владение методикой физического воспитания, но и умение организовывать образовательный процесс, применять цифровые технологии, выстраивать коммуникацию с обучающимися и быстро адаптироваться к изменениям профессиональной среды [1].

В научной литературе неоднократно подчеркивается, что существующая система подготовки специалистов физкультурного профиля не в полной мере соответствует современным запросам практики. Исследователи отмечают недостаточную сформированность профессиональных компетенций студентов, слабую связь теоретической подготовки с практической деятельностью, а также трудности, возникающие у обучающихся при решении профессиональных задач [1; 4]. В работах, посвященных проблемам среднего профессионального образования, указывается необходимость обновления содержания подготовки, совершенствования организационных форм обучения и пересмотра подходов к профессиональному становлению студентов [5; 6; 7].

Особое место в структуре подготовки будущих специалистов занимает практическая составляющая. Так, результаты исследований показывают, что у студентов нередко возникают затруднения при организации учебно-тренировочных занятий, проведении физкультурно-оздоровительных мероприятий и применении

профессиональных знаний в условиях, приближенных к реальной педагогической деятельности [2]. Это свидетельствует о недостаточной практико-ориентированной подготовки и необходимости более тесного взаимодействия теоретического и практического компонентов обучения.

В последние годы в системе СПО активно обсуждается вопрос внедрения современных образовательных технологий. В профессиональной подготовке студентов физкультурного профиля начинают использоваться цифровые ресурсы, интерактивные формы обучения и фиджитал-технологии [11]. Вместе с тем в образовательной практике данные возможности используются не в полной мере, а традиционные методы организации занятий продолжают занимать доминирующее положение. Подобная ситуация ограничивает возможности формирования у студентов профессиональной гибкости и способности работать в изменяющихся условиях образовательной среды.

Не менее важным остается вопрос профессиональной мотивации обучающихся. По данным ряда исследований, часть студентов ориентирована преимущественно на спортивную деятельность и недостаточно связывает свое дальнейшее профессиональное развитие с педагогической работой [3]. Это отражается на уровне учебной активности, отношении к профессиональным дисциплинам и готовности к самостоятельной педагогической деятельности.

Отдельное внимание исследователи уделяют вопросам контроля и оценки качества подготовки студентов колледжей физической культуры. Отмечается, что традиционные формы контроля не всегда позволяют объективно определить уровень сформированности профессиональных компетенций и практической готовности будущих специалистов [8]. В связи с этим возрастает значение системного подхода к оценке результатов обучения и поиску более эффективных форм профессиональной подготовки.

В исследованиях также рассматриваются вопросы совершенствования методик физической подготовки студентов педагогических колледжей, направленных на развитие профессионально значимых физических качеств и повышение эффективности образовательного процесса [9]. Существенную роль в профессиональном становлении студентов играет организация воспитательной и кураторской деятельности, обеспечивающей поддержку обучающихся в процессе адаптации к условиям профессионального образования [10]. Кроме того, современные требования к подготовке специалистов по физической культуре предполагают повышение уровня готовности студентов к выполнению практических профессиональных задач и профессиональной деятельности в целом [12].

Таким образом, проблема профессиональной подготовки обучающихся колледжа по специальности «Физическая культура» остается актуальной и требует дальнейшего изучения. Учитывая вышесказанное мы можем выделить ряд противоречий:

– между возросшими требованиями общества и работодателей к уровню профессиональной компетентности специалистов в области физической культуры и недостаточной готовностью выпускников колледжей к осуществлению профессиональной деятельности;

– между необходимостью практико-ориентированной подготовки обучающихся и преобладанием традиционных форм и методов обучения в системе среднего профессионального образования;

– между потребностью внедрения инновационных и цифровых технологий в образовательный процесс и недостаточным уровнем методического и технологического обеспечения профессиональной подготовки студентов;

– между требованиями демонстрационного экзамена и конкурсов профессионального мастерства и недостаточной сформированностью у обучающихся практических профессиональных навыков;

– между необходимостью формирования устойчивой профессиональной мотивации будущих специалистов и недостаточным уровнем профессионального самоопределения студентов-спортсменов.

Выявленные противоречия подтверждают актуальность исследования и свидетельствуют о необходимости поиска эффективных педагогических условий, методов и технологий совершенствования профессиональной подготовки обучающихся колледжа по специальности «Физическая культура» в современных условиях развития среднего профессионального образования.

Цель исследования: выявить актуальные проблемы профессиональной подготовки обучающихся колледжа по специальности «Физическая культура» и определить пути совершенствования образовательного процесса в условиях модернизации среднего профессионального образования.

Объект исследования: профессиональная подготовка обучающихся колледжа по специальности «Физическая культура».

Предмет исследования: актуальные проблемы, педагогические условия и особенности организации профессиональной подготовки обучающихся колледжа по специальности «Физическая культура» в современных условиях развития среднего профессионального образования.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось в 2026 году на базе Челябинского колледжа физической культуры ФГБОУ ВО «УралГУФК» и колледжа Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета.

В исследовании приняли участие студенты, обучающиеся по специальности «Физическая культура», а также педагогические работники профессиональных образовательных организаций. Общая выборка исследования включала студентов 2-4 курсов в количестве 60 человек и преподавателей профессиональных дисциплин, физической культуры и методики преподавания, в количестве 18 человек.

Целью анкетирования являлось выявление актуальных проблем профессиональной подготовки обучающихся колледжа по специальности «Физическая культура», а также определение отношения студентов и педагогов к качеству профессионального образования.

В процессе исследования применялись следующие методы:

– анализ научно-методической и психолого-педагогической литературы по проблеме исследования;
– анкетирование студентов и преподавателей;
– беседа;
– обобщение и анализ полученных результатов;
– методы количественной и качественной обработки данных.

Основным методом эмпирического исследования выступило анкетирование. Для студентов была разработана анкета, направленная на выявление уровня удовлетворенности профессиональной подготовкой, степени сформированности профессиональных компетенций, отношения к практической подготовке, использованию современных образовательных технологий и готовности к будущей профессиональной деятельности.

Анкетирование педагогов было направлено на выявление проблем организации профессиональной подготовки студентов, определения уровня практической готовности обучающихся, оценки эффективности современных образовательных технологий и выявления факторов, затрудняющих формирование профессиональных компетенций будущих специалистов в области физической культуры и спорта.

Результаты и обсуждения

Результаты анкетирования показали, что большинство студентов в целом положительно относятся к выбранной специальности и связывают свое профессиональное будущее со сферой физической культуры и спорта. Вместе с тем, в ходе опроса обучающиеся указали на ряд проблем, возникающих в процессе профессиональной подготовки. Наиболее часто студенты обращали внимание на недостаток практических занятий, необходимость обновления содержания отдельных дисциплин и более активного использования современных образовательных технологий.

Основные проблемы профессиональной подготовки студентов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Оценка студентами основных проблем профессиональной подготовки.

Table 1

Students' assessment of the main problems of professional training.

Выявленные проблемы	Количество студентов	%
Недостаточное количество практических занятий	43	72
Недостаточное использование современных технологий обучения	38	63
Трудности применения теоретических знаний на практике	35	58
Недостаточная материально-техническая база	29	49
Недостаточная профессиональная мотивация отдельных студентов	26	43
Сложности в освоении профессиональных компетенций	23	39

Анализ анкетирования студентов показал, что основной проблемой профессиональной подготовки большинство обучающихся считает недостаток практических занятий. Этот вариант выбрали 43 человека (72 %). Студенты отмечали, что в процессе обучения не всегда хватает возможности применить полученные знания на практике. По мнению респондентов, больше внимания следует уделять проведению занятий в условиях, близких к будущей профессиональной деятельности, а также вовлечению студентов в организацию спортивных мероприятий.

Недостаточное использование современных технологий обучения отметили 38 студентов (63 %). Часть обучающихся указала, что использование цифровых платформ, интерактивных заданий и современных технических средств позволило бы сделать занятия более наглядными и повысить интерес к учебному процессу.

Трудности при применении теоретических знаний на практике испытывают 35 студентов (58 %). В ответах респондентов встречались замечания о том, что отдельные теоретические темы сложно использовать во время практических занятий и педагогической деятельности. Это показывает, что связь между теоретической и практической подготовкой пока остается недостаточно устойчивой.

Анкетирование преподавателей также позволило выявить ряд проблем, влияющих на качество профессиональной подготовки студентов колледжа (табл. 2).

Таблица 2

Мнение преподавателей о проблемах профессиональной подготовки студентов.

Table 2

Teachers' opinions on the problems of students' professional training.

Проблемы профессиональной подготовки	Количество преподавателей	%
Недостаточный уровень практической подготовки студентов	14	78
Низкая учебная мотивация части обучающихся	11	61
Недостаточный уровень самостоятельной работы студентов	10	56
Слабое использование инновационных технологий обучения	9	50
Недостаточная адаптация студентов к профессиональной деятельности	8	44
Ограниченные возможности материально-технической базы	7	39

Результаты анкетирования преподавателей показали, что одной из основных проблем при подготовке студентов является недостаточный уровень практической подготовки. Данный вариант ответа выбрали 14 преподавателей (78 %). В ходе опроса педагоги отмечали, что студентам часто не хватает практического опыта проведения учебных занятий, организации спортивных мероприятий и работы в условиях, максимально приближенных к будущей профессиональной деятельности. По мнению части преподавателей, обучающиеся уверенно владеют теоретическим материалом, однако испытывают сложности при его применении на практике.

Проблему недостаточной учебной мотивации выделили 11 преподавателей (61 %). В ответах респондентов отмечалось, что не все студенты в полной мере связывают свое будущее именно с педагогической деятельностью в сфере физической культуры. Часть обучающихся ориентирована преимущественно на спортивные достижения, из-за чего интерес к отдельным профессиональным дисциплинам снижается.

Кроме того, 10 преподавателей (56 %) указали на недостаточный уровень самостоятельной работы студентов. По словам педагогов, обучающиеся не всегда готовы к самостоятельному поиску информации, подготовке методических материалов и выполнению практических заданий без постоянного контроля со стороны преподавателя. Это, по мнению респондентов, влияет на формирование профессиональных компетенций и уровень готовности будущих специалистов к работе по специальности.

Таблица 3

Основные направления совершенствования профессиональной подготовки.

Table 3

Main areas for improving professional training.

Направления совершенствования подготовки	Количество ответов	%
Увеличение объема практической подготовки	63	81
Внедрение современных образовательных технологий	54	69
Усиление профессиональной мотивации студентов	49	63
Обновление содержания профессиональных дисциплин	45	58
Развитие цифровой образовательной среды	42	54
Повышение взаимодействия с работодателями	36	46

Результаты исследования показали, что большинство участников опроса считают одной из главных задач усиление практической направленности профессиональной подготовки. Такой вариант ответа выбрали 63 респондента (81 %). По мнению студентов и преподавателей, именно практическая деятельность позволяет лучше сформировать профессиональные умения и подготовить обучающихся к будущей работе в сфере физической культуры и спорта.

Важным направлением совершенствования подготовки респонденты также считают внедрение современных образовательных технологий. Данный показатель отметили 54 человека (69 %). Участники исследования подчеркивали необходимость более активного использования цифровых ресурсов, интерактивных методов обучения и современных технологий организации учебных занятий.

Кроме того, значительная часть опрошенных указала на необходимость повышения профессиональной мотивации студентов и обновления содержания профессиональных дисциплин. По мнению респондентов, содержание подготовки должно в большей степени соответствовать современным требованиям системы физической культуры и спорта и учитывать реальные условия будущей профессиональной деятельности.

Выводы

В ходе исследования были рассмотрены проблемы профессиональной подготовки обучающихся колледжа по специальности «Физическая культура». Поставленная цель исследования была достигнута: выявлены основные трудности профессиональной подготовки студентов и определены возможные направления совершенствования образовательного процесса.

Проведенный анализ научной литературы и результаты анкетирования студентов и преподавателей показали, что существующая система подготовки будущих специалистов нуждается в дальнейшем совершенствовании. В ходе исследования было установлено, что студенты и преподаватели чаще всего обращают внимание на недостаток практической подготовки. Также респонденты отмечали ограниченное использование современных образовательных технологий и недостаточную связь теоретических дисциплин с будущей профессиональной деятельностью. Часть преподавателей указывала и на снижение учебной мотивации у отдельных студентов.

Результаты опроса показали, что существующая система подготовки не всегда позволяет в полной мере сформировать у обучающихся необходимые профессиональные навыки. Несмотря на обновление образовательных программ и внедрение цифровых технологий, многие студенты испытывают затруднения при выполнении практических заданий и организации учебно-тренировочной деятельности.

По мнению участников исследования, повышение качества подготовки возможно прежде всего, за счет увеличения объема практических занятий, более активного применения современных технологий обучения и обновления содержания профессиональных дисциплин. Кроме того, важную роль играет формирование устойчивого интереса студентов к будущей профессиональной деятельности.

Список источников

1. Волков А.В. Сущность, структура и содержание основной профессиональной компетенции педагога по физической культуре и спорту (тренера) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 3 (55). С. 199 – 208.

2. Жован Г.Ф., Кондаков В.Л., Усатов А.Н., Сиденко О.С. О проблемах при подготовке студентов специальности «Физическая культура» к участию в конкурсе профессионального мастерства по стандартам WorldSkills Russia // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. № 2. С. 15 – 25.

3. Кротова В.Ю. Профессиональное самоопределение студентов-спортсменов, обучающихся в колледже // Ученые записки университета Лесгафта. 2022. № 5 (207). С. 237 – 242.

4. Кулешов Р.С., Ямилева Р.М., Коган О.С., Лифанова М.В. Проблемы подготовки кадров в сфере физической культуры и спорта // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2025. С. 385 – 390.

5. Листвин А.А., Гарт М.А. Среднее профессиональное образование: необходимость структурных изменений // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. № 2. С. 131 – 138.

6. Листвин А.А., Гарт М.А. Среднее профессиональное образование: тенденции интеграции и дифференциации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2. С. 146 – 155.

7. Николашкина В.Е., Серобян В.А. Среднее профессиональное образование: анализ и перспективы // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 80-4. С. 200 – 203.

8. Осадчая Л.А., Поляк Д.А. Системный подход в контроле и оценке качества подготовки студентов колледжа физической культуры // Научные и образовательные основы в физической культуре и спорте. 2023. № 1. С. 23 – 29.

9. Петрова К.Т., Пугачев И.Ю., Родичкин П.В., Фокин А.М. Эффективность методики комплексного развития физических способностей студентов педагогических колледжей средствами оздоровительной аэробики // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2025. № 3. С. 237 – 241.

10. Романова Ю.С., Пастухова Е.В. Организационно-педагогическая деятельность куратора академической группы: анализ соответствия студенческим запросам // Концепт. 2025. № 9. С. 207 – 225.

11. Рулевская Л.П. Педагогическая модель интеграции фиджитал-технологий для формирования общих компетенций студентов СПО // Инновационное развитие профессионального образования. 2025. № 3 (47). С. 58 – 70.

12. Чернышева О.В. Модель подготовки студентов специальности 49.02.01 «Физическая культура» к успешной сдаче демонстрационного экзамена // Качество профессионального образования и демонстрационный экзамен: опыт и сценарии развития: сборник II Всероссийской научно-практической конференции. 2025. № 2. С. 186 – 192.

References

1. Volkov A.V. The Essence, Structure, and Content of the Core Professional Competence of a Physical Education and Sports Teacher (Coach). Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University. 2020. No. 3 (55). P. 199 – 208.

2. Zhovan G.F., Kondakov V.L., Usatov A.N., Sidenko O.S. On the Challenges of Preparing Physical Education Students for Participation in the WorldSkills Russia Professional Skills Competition. Scientific Result. Pedagogy and Psychology of Education. 2022. No. 2. P. 15 – 25.

3. Krotova V.Yu. Professional Self-Determination of Student-Athletes Studying in College. Scientific Notes of Lesgaft University. 2022. No. 5 (207). P. 237 – 242.

4. Kuleshov R.S., Yamileva R.M., Kogan O.S., Lifanova M.V. Problems of training personnel in the field of physical education and sports. Pedagogical, psychological and medical-biological problems of physical education and sports. 2025. P. 385 – 390.

5. Listvin A.A., Gart M.A. Secondary vocational education: the need for structural changes. Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2022. No. 2. P. 131 – 138.

6. Listvin A.A., Gart M.A. Secondary vocational education: trends in integration and differentiation. Bulletin of Cherepovets State University. 2025. No. 2. P. 146 – 155.

7. Nikolashkina V.E., Serobyan V.A. Secondary vocational education: analysis and prospects. Problems of modern pedagogical education. 2023. No. 80-4. P. 200 – 203.

8. Osadchaya L.A., Polyak D.A. Systems approach to monitoring and assessing the quality of training of students of physical education college. Scientific and educational foundations in physical education and sports. 2023. No. 1. P. 23 – 29.

9. Petrova K.T., Pugachev I.Yu., Rodichkin P.V., Fokin A.M. Efficiency of the methodology for the comprehensive development of physical abilities of students of pedagogical colleges by means of health aerobics. Pedagogical, psychological and medical-biological problems of physical education and sports. 2025. No. 3. P. 237 – 241.

10. Romanova Yu.S., Pastukhova E.V. Organizational and pedagogical activities of the academic group curator: analysis of compliance with student needs. Concept. 2025. No. 9. P. 207 – 225.

11. Rulevskaya L.P. Pedagogical model of integrating phygital technologies for developing general competencies of secondary vocational education students. Innovative development of vocational education. 2025. No. 3 (47). P. 58 – 70.

12. Chernysheva O.V. Model of preparing students majoring in 49.02.01 "Physical Education" for successful passing of the demonstration exam. The quality of vocational education and the demonstration exam: experience and development scenarios: collection of the II All-Russian scientific and practical conference. 2025. No. 2. P. 186 – 192.

Информация об авторах

Шакамалова М.С., преподаватель, Челябинский колледж физической культуры, Уральский государственный университет физической культуры

Черная Е.В., доцент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

Захарова Н.А., доцент, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет

© Шакамалова М.С., Черная Е.В., Захарова Н.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 784.9
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-282-290

Развитие вокальных способностей в системе профессиональной подготовки вокалиста в музыкальном вузе

[1] Ван Жуй

[1] Цзилиньский педагогический университет, Китай

Аннотация: в статье рассматривается развитие вокальных способностей как одно из центральных направлений профессиональной подготовки вокалиста в музыкальном вузе. Цель исследования состоит в выявлении педагогических принципов и методических условий, обеспечивающих формирование технических вокальных, музыкально исполнительских и художественно интерпретационных качеств будущего певца. Особое внимание уделяется начальному этапу обучения, на котором закладываются основы певческого дыхания, звукообразования, вокального слуха, артикуляционной свободы, дикции, интонационной устойчивости и осознанного отношения к художественному содержанию произведения. В работе рассматривается преемственность русской и итальянской вокальных школ, а также современные подходы к организации занятий в классе сольного пения. Подчеркивается, что развитие голоса не может быть сведено только к постановке вокального аппарата, поскольку профессиональное становление певца предполагает единство техники, музыкального мышления, слухового контроля, сценической выразительности и индивидуальной исполнительской природы. Практическая значимость исследования связана с возможностью использования его положений в образовательном процессе музыкальных вузов, при проектировании индивидуальных траекторий вокального развития студентов, подборе учебного репертуара и выборе методов педагогического воздействия на разных этапах подготовки вокалиста.
Ключевые слова: вокальные способности, вокальная педагогика, сольное пение, музыкальный вуз, профессиональная подготовка, вокальный слух, певческое дыхание, исполнительское мастерство

Для цитирования: Ван Жуй Развитие вокальных способностей в системе профессиональной подготовки вокалиста в музыкальном вузе // Современный ученый. 2026. № 10. С. 282 – 290. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-282-290

Поступила в редакцию: 6 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Development of vocal abilities in the system of professional training of a vocalist at a music university

[1] Wang Rui

[1] Jilin Normal University, China

Abstract: the article examines the development of vocal abilities as one of the key areas of professional training for a vocalist at a music university. The purpose of the study is to identify pedagogical principles and methodological conditions that support the formation of vocal technique, musical performance skills, and artistic interpretation in a future singer. Particular attention is paid to the initial stage of training, when the foundations of singing breath,

sound production, vocal hearing, articulatory freedom, diction, intonational stability and conscious work with the artistic meaning of a musical text are formed. The study considers the continuity of the Russian and Italian vocal schools as well as current approaches to organizing individual work in the solo singing class. The article emphasizes that voice development cannot be reduced only to the technical setting of the vocal apparatus, since professional growth of a singer requires the interaction of technique, musical thinking, auditory control, stage expressiveness and the student's individual performing nature. The practical significance of the research lies in the possibility of applying its conclusions in the educational process of music universities, in designing individual trajectories of students' vocal development, selecting repertoire and choosing pedagogical methods appropriate to different stages of professional vocal training.
Keywords: vocal abilities, vocal pedagogy, solo singing, music university, professional training, vocal hearing, singing breath, performing mastery

For citation: Wang Rui Development of vocal abilities in the system of professional training of a vocalist at a music university. Modern Scientist. 2026. 10. P. 282 – 290. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-282-290

The article was submitted: May 6, 2026; Approved after reviewing: June 3, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Профессиональная подготовка вокалиста в музыкальном вузе относится к тем областям художественного образования, где педагогическая работа не ограничивается передачей готовой суммы знаний. Будущий певец осваивает технику звукообразования, дыхания, артикуляции и интонирования, но одновременно формирует собственный исполнительский аппарат. Он учится соотносить телесное ощущение, слуховой контроль, звуковой результат и художественный замысел произведения. В этом состоит особая сложность вокального образования: педагог работает не с внешним инструментом, а с живым голосом, зависящим от физиологии, психики, слухового опыта, музыкальной культуры и индивидуальной природы студента.

Актуальность исследования определяется двойной задачей современной вокальной подготовки. С одной стороны, музыкальный вуз должен сохранять преемственность академической школы, где важны культура певческого тона, бережное отношение к голосу, постепенность освоения репертуара и точность методических действий. С другой стороны, педагог сталкивается с новым типом студенческого слухового опыта, иной информационной средой и ускоренным темпом восприятия музыкального материала. В этих условиях особенно важно понять, какие принципы и методы действительно помогают развивать вокальные способности в связи с профессиональным становлением исполнителя.

На начальном этапе обучения проблема проявляется наиболее остро. Именно здесь закладываются базовые координаты дальнейшей вокальной работы: певческое дыхание, ощущение опоры, свобода артикуляционного аппарата, ровность регистров, чистота интонирования, дикционная ясность и способность слышать себя не только изнутри, но и как художественный результат. Ошибки, закрепленные в первые годы, позднее требуют длительного исправления. Поэтому начальный этап нельзя рассматривать как подготовительный в упрощенном смысле. Он является самостоятельным периодом, от которого зависит профессиональная траектория певца.

Вокальные способности в данной статье понимаются как комплекс взаимосвязанных качеств, обеспечивающих возможность осмысленного и технически свободного певческого высказывания. В этот комплекс входят природные голосовые данные, музыкальный слух, чувство интонации и ритма, тембровая восприимчивость, вокальная память, способность к слуховому и двигательному самоконтролю, эмоциональная отзывчивость, сценическое воображение и готовность к интерпретации. Природный голос в этом смысле является только исходной возможностью, а профессиональное качество возникает в результате последовательной педагогической работы.

Существенным противоречием вокальной педагогики остается разрыв между технологическим и художественным подходами. В одних случаях внимание сосредоточено на постановке голоса, дыхательных схемах и упражнениях; в других исполнительская выразительность требуется раньше, чем сформирована надежная вокальная основа. Оба пути несут риск. Техника без художественной задачи превращается в механическую тренировку, а художественная экспрессия без вокальной координации ведет к форсированию и нестабильности звучания. Поэтому развитие вокальных способностей следует рассматривать как процесс, в котором техника, музыкальное мышление и исполнительская выразительность формируются одновременно, но с учетом реальной готовности студента.

Цель исследования состоит в определении педагогических принципов и методов, обеспечивающих развитие вокальных способностей в системе профессиональной подготовки вокалиста в музыкальном вузе. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: уточнить содержание понятия вокальных способностей применительно к обучению сольному пению; выявить значение индивидуального подхода; рассмотреть методы, применяемые на начальном этапе формирования певческого голоса; определить связь вокальной техники, слухового контроля и художественной интерпретации. Объектом исследования является профессиональная подготовка вокалиста в музыкальном вузе, предметом выступают педагогические принципы и методы развития вокальных способностей в классе сольного пения.

Научная новизна исследования связана с рассмотрением развития вокальных способностей как единого педагогического процесса, объединяющего техническую, слуховую, физиологическую, психологическую и художественную стороны подготовки певца. Практическая значимость работы состоит в возможности использовать ее положения при планировании занятий по сольному пению, выборе упражнений, подборе начального репертуара и построении индивидуальной траектории вокального роста студента.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили научные, учебные и методические труды, посвященные вокальной педагогике, методике сольного пения, развитию певческого голоса, формированию вокального слуха, резонансной природе звучания и профессиональной подготовке вокалистов в музыкальном вузе. В качестве теоретической основы использованы работы, раскрывающие традиции русской и итальянской вокальных школ, а также современные исследования, где рассматриваются методы обучения сольному пению, вокально речевая подготовка, образовательная среда и педагогические условия формирования исполнительского мастерства [1; 2; 7; 8; 9]. Отдельное значение имели источники, позволяющие понимать голос как сложную психофизиологическую и художественную систему [3; 4].

Отбор материала осуществлялся с учетом темы статьи и требований к научной публикации по музыкальному искусству и педагогике высшей школы. В исследование включались источники, которые раскрывают развитие вокальных способностей не изолированно, а в системе профессиональной подготовки вокалиста. Поэтому внимание было сосредоточено на работах, где анализируются индивидуальный подход, последовательность обучения, слуховой контроль, связь техники с художественной задачей, мотивация и сопровождение студента в образовательном процессе [5; 6; 10; 11; 12; 13].

Методологическая основа исследования строилась на комплексном подходе. Он позволил рассмотреть вокальные способности как совокупность природных, слуховых, двигательных, интеллектуальных, эмоциональных и исполнительских качеств, развивающихся в процессе регулярной педагогической работы. Голос понимался не как отдельно существующий акустический результат, а как форма художественного действия, где взаимодействуют дыхание, резонаторная настройка, артикуляция, слуховое восприятие, мышечный контроль, музыкальное мышление и сценическое воображение.

В работе применялся теоретический анализ научной литературы. Он был направлен на уточнение понятий «вокальные способности», «вокальный слух», «певческое дыхание», «слуховой контроль», «индивидуальный подход», «исполнительская интерпретация». Этот метод позволил определить, какие положения классической вокальной методики сохраняют значение в современных условиях, а какие требуют новой педагогической интерпретации с учетом образовательной среды музыкального вуза [1; 2; 3; 4].

Сравнительный аналитический метод использовался для сопоставления педагогических установок, применяемых в вокальной подготовке. С его помощью были рассмотрены показ и подражание, фонетический метод, внутреннее интонирование, слуховой и визуальный контроль, анализ исполнения, ассоциативные приемы и постепенное расширение диапазона. Эти методы рассматривались не как набор разрозненных приемов, а как взаимосвязанные элементы занятия, приобретающие смысл только при соотнесении с индивидуальными данными студента [1; 2; 5; 6].

Метод исторического и педагогического анализа был необходим для выявления преемственности между опытом академической вокальной школы и задачами современной профессиональной подготовки. Обращение к работам о педагогических принципах известных вокальных наставников позволило выделить положения, сохраняющие практическую ценность: бережное отношение к голосу, постепенность освоения материала, недопустимость форсирования, развитие вокального слуха и учет психофизических особенностей обучающегося [5; 6; 11].

Педагогическое моделирование применялось при определении структуры начального этапа обучения. Были выделены взаимосвязанные направления работы: формирование певческого дыхания, освоение устойчивой вокальной координации, развитие слухового самоконтроля, работа над дикцией и артикуляци-

онной свободой, формирование тембровой культуры, подбор репертуара, развитие сценического внимания и эмоциональной выразительности [7; 8; 9; 10]. Метод обобщения педагогического опыта позволил уточнить условия устойчивого развития: индивидуализацию заданий, регулярный слуховой анализ, связь упражнения с художественной задачей, постепенное усложнение репертуара и развитие самостоятельной работы студента [8; 10; 12; 13].

Результаты и обсуждения

Результаты исследования позволяют рассматривать развитие вокальных способностей как поэтапный процесс, в котором природные голосовые данные студента переводятся в сферу профессионально управляемого исполнительского действия. Вокальная подготовка не сводится к расширению диапазона, укреплению дыхания или выработке красивого тембра. Эти задачи приобретают педагогический смысл только тогда, когда включены в общую систему формирования певца: его слуха, телесной координации, музыкального мышления, дикционной культуры, сценического внимания и способности к художественной интерпретации [1; 2; 3; 4].

Наиболее уязвимым оказывается начальный этап обучения. Именно здесь студент понимает, что певческий голос не является только природным даром. Он требует дисциплины, точности слухового восприятия, бережного отношения к физиологии, постепенного освоения вокальных действий и умения слышать результат со стороны. Стремление сразу получить яркое звучание нередко ведет к форсированию, неустойчивому дыханию и артикуляционным зажимам. Поэтому первые годы обучения должны быть направлены не на внешнюю эффектность, а на создание устойчивой основы: свободного дыхания, ровного звукообразования, чистой интонации и доверия к постепенному росту [1; 2; 7].

Содержание вокальных способностей в условиях музыкального вуза раскрывается через несколько взаимосвязанных компонентов. Каждый из них имеет собственную педагогическую задачу, но ни один не развивается изолированно. Певческое дыхание связано с фразировкой, тембр с самоконтролем, дикция с артикуляционной свободой и смысловой выразительностью. Сценическое поведение также не возникает как внешнее добавление к готовому голосу. Оно формируется вместе с исполнительским мышлением студента [3; 4; 7; 12].

Таблица 1

Основные компоненты вокальных способностей и педагогические задачи их развития.

Table 1

The main components of vocal abilities and pedagogical tasks for their development.

Компонент вокальных способностей	Содержание компонента	Педагогическая задача	Ожидаемый результат
Певческое дыхание	Организация вдоха, выдоха, опоры, распределения дыхания во фразе	Сформировать устойчивую дыхательную координацию без мышечного перенапряжения	Голос звучит свободнее, фраза становится длиннее и осмысленнее
Звукообразование	Начало звука, атака, устойчивость тона, связь дыхания и резонанса	Добиться естественного и управляемого звуковедения	Снижается риск форсирования, появляется ровность звучания
Вокальный слух	Способность слышать качество собственного звука и оценивать его соответствие художественной задаче	Развить слуховой контроль и навык самокоррекции	Студент начинает осознанно управлять тембром, интонацией и динамикой
Артикуляция и дикция	Работа губ, языка, мягкого неба, нижней челюсти, ясность слова в пении	Соединить произносительную четкость с вокальной свободой	Текст становится понятным, не разрушая певческой линии
Интонационная устойчивость	Точность высоты звука, ощущение ладовых и интервальных связей	Развить внутреннее слышание и предварительное представление звука	Уменьшается зависимость от внешней подсказки, укрепляется самостоятельность
Тембровая культура	Качество окраски голоса, наличие звонкости, округлости, полетности	Воспитать бережное отношение к индивидуальному тембру	Голос сохраняет природную основу и приобретает профессиональную собранность

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Художественная интерпретация	Понимание образа, стиля, текста, музыкальной драматургии	Подчинить вокальную технику исполнительскому смыслу	Исполнение становится не набором звуков, а осмысленным высказыванием
Сценическое внимание	Собранность, эмоциональная устойчивость, пластическая выразительность	Развить способность действовать в условиях публичного исполнения	Студент увереннее соединяет голос, движение и образ

Представленная структура помогает избежать распространенной ошибки, когда способности студента оцениваются только по красоте природного тембра или силе голоса. Яркие данные без слухового контроля быстро сталкиваются с ограничениями. И наоборот, студент со скромными начальными возможностями может заметно вырасти, если работа строится последовательно и учитывает его психофизическую природу. Поэтому в вокальном классе важен не единый шаблон, а точная настройка методов под конкретного обучающегося [5; 6].

Особую роль играет вокальный слух. Его нельзя полностью отождествлять с музыкальным слухом. Студент может чисто интонировать и хорошо различать высоту звука, но еще не уметь слышать степень свободы голосообразования, качество резонанса, меру тембровой собранности и скрытые признаки напряжения. Вокальный слух развивается через сопоставление собственного звучания с педагогическим комментарием, прослушивание качественных образцов, анализ ошибок и накопление телесных и слуховых соответствий [5; 7; 11].

Вокально техническая работа должна подчиняться принципу постепенности. Расширение диапазона, освоение динамики, работа над регистрами, усложнение репертуара и развитие выразительности требуют времени. Если педагог слишком рано ставит задачи, не соответствующие текущему состоянию студента, голос начинает компенсировать недостаток координации усилием. Отсюда возникают жесткая атака, потеря ровности, неустойчивое дыхание и усталость после занятия. Последовательность не замедляет развитие, а создает основу, на которой усложнение становится безопасным [2; 4; 6].

Индивидуальный подход в вокальной педагогике не должен пониматься как общее доброжелательное внимание. Речь идет о профессиональном учете типа голоса, тембра, диапазона, строения артикуляционного аппарата, дыхательных привычек, слуховой восприимчивости, психологической устойчивости и характера музыкального воображения. Один студент быстрее осваивает дыхательную координацию, но испытывает трудности с дикцией; другой ярко реагирует эмоционально, однако теряет вокальную свободу при сценическом подъеме. Поэтому одна методическая рекомендация может дать разные результаты в зависимости от адресата и момента ее применения [6; 8; 13].

Не менее важна связь технического и художественного развития. Представление о том, что сначала необходимо «поставить голос», а только затем перейти к художественной стороне исполнения, на практике оказывается односторонним. Даже простое упражнение студент должен выполнять со слуховым намерением, ощущением фразы и внутренней музыкальной направленностью. Техника без художественного импульса превращается в мышечную операцию, а выразительность без вокальной опоры остается непрочной. Оптимальным является путь, при котором вокальная координация с первых занятий связывается с музыкальным смыслом [6; 9; 11].

Сравнение методов начального обучения показало, что устойчивый результат возникает при их сочетании. Показ и подражание помогают уловить целостное качество звучания. Фонетический метод воздействует на артикуляцию, дикцию и настройку гласных. Внутреннее интонирование развивает предварительное слуховое представление. Слуховой контроль формирует способность оценивать звучание не по одному субъективному ощущению, а по художественному и акустическому результату. Визуальный контроль помогает снять лишние телесные зажимы, а анализ разных исполнительских вариантов учит слышать интерпретацию [1; 2; 7].

Таблица 2

Методы развития вокальных способностей на начальном этапе обучения.

Table 2

Methods for developing vocal abilities at the initial stage of training.

Метод	Основная направленность	Педагогическое применение	Возможный риск при неверном использовании
Показ и подражание	Целостное восприятие качества звучания	Используется для передачи характера атаки, тембра, фразировки, звуковедения	Механическое копирование чужой манеры без учета индивидуального голоса
Фонетический метод	Работа с гласными, согласными, слогами, дикцией	Помогает выравнивать звучание, освобождать артикуляцию, уточнять произношение	Чрезмерная фиксация на форме звука может нарушить естественность фразы
Внутреннее интонирование	Предварительное слуховое представление	Применяется перед трудными интонациями, скачками, началом фразы	При отсутствии контроля может остаться только мысленным действием без переноса в голос
Слуховой контроль	Оценка качества звучания и самокоррекция	Развивает способность студента слышать тембр, интонацию, динамику, свободу звука	Избыточная самопроверка может вызвать скованность
Визуальный контроль	Наблюдение за корпусом, дыханием, мимикой, артикуляцией	Помогает увидеть лишнее напряжение и нарушение певческой установки	Внешняя правильность может подменить внутреннюю вокальную свободу
Сравнительный анализ исполнения	Развитие художественного слуха и вкуса	Основан на сопоставлении разных трактовок произведения	Поверхностное сравнение может свестись к оценке «нравится» или «не нравится»
Ассоциативный метод	Образное уточнение вокального действия	Используется для поиска нужного тембра, дыхательного ощущения, характера фразы	Неудачная ассоциация может запутать студента
Работа с репертуаром	Соединение техники и художественной задачи	Репертуар подбирается по уровню готовности голоса и личности студента	Слишком сложный материал провоцирует зажим и форсирование

Методическая эффективность зависит не только от приема, но и от педагогической меры. Даже полезный метод дает обратный результат, если применяется без учета возраста, уровня подготовки, типа голоса и психологического состояния студента. Подражание помогает войти в нужное звуковое качество, но при чрезмерном увлечении ведет к копированию манеры. Фонетический метод освобождает артикуляцию, однако при грубом использовании превращает пение в техническую схему. Слуховой контроль необходим, но постоянное напряженное вслушивание в себя иногда мешает естественному течению фразы [1; 7; 9].

Современная подготовка вокалиста связана не только с индивидуальным уроком, но и с более широкой образовательной средой. Студент развивается в самостоятельной работе, концертной практике, общении с концертмейстером, прослушивании записей, анализе сценического опыта и сравнении исполнительских школ. Если эти формы не связаны между собой, развитие становится фрагментарным: обучающийся хорошо выполняет упражнения на уроке, но теряет навык в репертуаре или на сцене. Персональная образовательная среда помогает соединить разные виды работы и постепенно формирует самостоятельность [8; 10].

Значимым условием остается мотивация. Вокалист не может продвигаться только под давлением внешней оценки. Голос требует длительной и внимательной работы, результаты которой не всегда заметны сразу. Поэтому студент должен понимать смысл учебных действий. Когда педагог показывает, какую задачу решает упражнение, как оно связано с репертуаром и почему важно именно сейчас, работа становится осознаннее. Мотивация в вокальном обучении связана не только с желанием выступать, но и с готовностью слышать себя критически, исправлять ошибки и беречь голос [10; 12].

Существенное место занимает вокально речевая подготовка. Для академического певца слово не является дополнением к звуку: оно участвует в создании образа, влияет на артикуляционную настройку и помогает организовать фразу. Недостаточная дикционная работа приводит либо к неразборчивости текста, либо к произношению, разрушающему вокальную линию. Поэтому дикция должна развиваться внутри певческого процесса, в связи с дыханием, смысловыми ударениями и сохранением линии звука [7; 11].

Вопрос тембра требует осторожного педагогического решения. Преподаватель может ориентироваться на эталон академического звучания, но не должен навязывать его через жесткое выравнивание индивиду-

альности. Тембр развивается через свободу звукообразования, резонаторную настройку, слуховой контроль и точное ощущение меры. Слишком быстрое укрупнение голоса лишает его природной окраски; сохранение голоса только в природном состоянии не дает профессиональной собранности. Задача вокального класса состоит в постепенном раскрытии тембра без насилия над его природой [3; 4; 13].

Полученные результаты позволяют выделить пять педагогических условий успешного развития вокальных способностей: раннее формирование слухового контроля; индивидуальный подбор упражнений и репертуара; единство технической и музыкальной задачи; постепенность усложнения; развитие самостоятельной работы студента. Профессиональный певец должен уметь контролировать голос не только в присутствии педагога, но и в самостоятельной подготовке, на репетиции, в концертной ситуации и в работе над новым музыкальным материалом [2; 6; 8; 9; 12].

Вокальная педагогика не может строиться на универсальной инструкции. В ней всегда присутствует личный контакт педагога и студента, а также профессиональная интуиция. Однако интуиция не должна подменять методическую осознанность. Чем точнее преподаватель понимает физиологические, слуховые, психологические и художественные основания вокального процесса, тем меньше вероятность случайных требований. Для музыкального вуза это особенно важно, поскольку студент готовится не к любительскому пению, а к профессиональной исполнительской деятельности [2; 3; 5; 6].

Развитие вокальных способностей представляет собой не линейное накопление навыков, а процесс координации разных сторон личности и голоса. Певческое дыхание, звукообразование, тембр, дикция, слуховой контроль, интонация, сценическое внимание и художественная интерпретация развиваются во взаимной зависимости. Наиболее продуктивна такая педагогическая модель, при которой студент с первых этапов обучения понимает связь между техническим действием и художественным результатом [1; 7; 8; 9; 11; 13].

Следовательно, профессиональная подготовка вокалиста должна соединять методическую строгость и внимательное отношение к индивидуальности. Вокальный педагог не может отказаться от традиционных принципов школы, но и не должен превращать их в жесткую схему. Действенным оказывается тот путь, при котором традиция становится не набором внешних правил, а живым педагогическим опытом, проверяемым слухом, голосом, сценической задачей и реальной динамикой развития студента [8; 10; 13].

Контроль результатов целесообразно строить не только по итоговому звучанию, но и по динамике учебного процесса. Показателями продвижения могут служить уменьшение лишнего мышечного усилия, устойчивость дыхания во фразе, большая точность атаки звука, более свободное произнесение текста, способность самостоятельно заметить ошибку и исправить ее без многократной подсказки педагога. Такой тип наблюдения позволяет оценивать не только голосовой результат, но и становление профессионального мышления вокалиста [5; 7; 11].

Выводы

Развитие вокальных способностей в системе профессиональной подготовки вокалиста является внутренней основой учебного процесса в музыкальном вузе. Будущий певец формируется через соединение голосовых данных, слухового контроля, дыхательной координации, тембровой культуры, дикционной ясности, музыкального мышления и способности к художественному высказыванию. Поэтому работа в классе сольного пения не может быть сведена только к постановке голоса или освоению упражнений.

Вокальные способности включают природные качества голоса, но не исчерпываются ими. Профессиональное качество возникает тогда, когда студент учится управлять дыханием, слышать собственное звучание, сохранять свободу голосообразования, точно интонировать, осмысленно произносить слово в пении, выдерживать сценическое напряжение и подчинять технические действия художественной задаче.

Начальный этап обучения имеет решающее значение, поскольку именно в этот период закрепляются основные вокальные привычки. Методически точное начало создает условия для свободного роста голоса, расширения диапазона, укрепления тембра и развития исполнительской самостоятельности. Ошибки в дыхании, атаке звука, артикуляции и выборе репертуара позднее требуют гораздо большего времени для исправления.

Наиболее продуктивной является модель, основанная на единстве технического и художественного развития. Техника в такой модели не превращается в самоцель, а служит раскрытию музыкального образа. Художественная выразительность, в свою очередь, не подменяет профессиональную работу над голосом, а опирается на нее. Такое равновесие особенно важно для подготовки оперного и концертного исполнителя.

Индивидуальный подход выступает главным условием устойчивого результата. Тип голоса, тембр, диапазон, строение артикуляционного аппарата, дыхательные привычки, особенности слуха, темперамент и

скорость усвоения материала у студентов различны. Поэтому педагог должен выбирать упражнения, репертуар и формы контроля так, чтобы раскрывать голос без насилия над его природой.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать его положения при организации занятий по сольному пению, планировании индивидуальной траектории развития вокалиста и выборе последовательности методических задач. Развитие вокальных способностей следует понимать как целостный педагогический процесс, в котором голос, слух, тело, мышление и художественная воля постепенно объединяются в единую исполнительскую систему.

Список источников

1. Антонова Л.В. Методы обучения сольному пению студентов музыкантов на основе педагогических традиций итальянской и русской вокальных школ // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 2-1. С. 250 – 255.

2. Дмитриев Л.Б. Основы вокальной методики: учебное пособие. Санкт-Петербург: Планета музыки, 2022. 352 с.

3. Морозов В.П. Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники. Москва: Институт психологии Российской академии наук, Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского, Центр «Искусство и наука», 2002. 496 с.

4. Емельянов В.В. Развитие голоса. Координация и тренинг. Санкт-Петербург: Лань, Планета музыки, 2021. 176 с.

5. Кравцова Т.А. Вокальные способности и их развитие в классе Н.А. Серваль // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2011. № 132. С. 140 – 144.

6. Стулова Г.П. Педагогические принципы воспитания певцов в вокальной работе Марии Моисеевны Мирзоевой // Наука и школа. 2017. № 4. С. 98 – 103.

7. Малашенко Е.П. Вокально речевая подготовка певца в процессе обучения академическому вокалу // Музыкальное искусство и образование. 2023. Т. 11. № 2. С. 66 – 80.

8. Гемаддиев Д.И. Организация персональной образовательной среды обучающимся эстрадному вокалу // Музыкальное искусство и образование. 2023. Т. 11. № 2. С. 161 – 175.

9. Ли Б. Педагогические методы совершенствования вокального мастерства у студентов музыкальных вузов // Управление образованием: теория и практика. 2024. Т. 14. № 10-1. С. 264 – 271.

10. Юй Ц. Методы мотивации студентов в процессе обучения вокалу // Управление образованием: теория и практика. 2024. Т. 14. № 11-1. С. 241 – 248.

11. Алексеева Л.Л. Традиции и современность в обучении вокальному искусству // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. № 2 (118). С. 136 – 144.

12. Плешко А.А. Развитие образного мышления в процессе формирования творческих способностей студентов-вокалистов // Обзор педагогических исследований. 2024. Т. 6. № 2. С. 166 – 172.

13. Ин Чж. Специфика тенора как певческого голоса в контексте проблем профессиональной подготовки китайских студентов-вокалистов // Педагогика и психология образования. 2024. № 2. С. 81 – 95.

References

1. Antonova L.V. Methods of Teaching Solo Singing to Music Students Based on the Pedagogical Traditions of the Italian and Russian Vocal Schools. Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2012. Vol. 14. No. 2-1. P. 250 – 255.

2. Dmitriev L.B. Fundamentals of Vocal Methodology: A Tutorial. St. Petersburg: Planeta Muzyki, 2022. 352 p.

3. Morozov V.P. The Art of Resonant Singing. Fundamentals of Resonance Theory and Technique. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Tchaikovsky Moscow State Conservatory, Art and Science Center, 2002. 496 p.

4. Emelianov V.V. Voice Development. Coordination and Training. Saint Petersburg: Lan, Planet of Music, 2021. 176 p.

5. Kravtsova T.A. Vocal Abilities and Their Development in N.A. Serval's Class. Bulletin of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University. 2011. No. 132. P. 140 – 144.

6. Stulova G.P. Pedagogical Principles of Singer Development in the Vocal Work of Maria Moiseyevna Mirzoeva. Science and School. 2017. No. 4. pp. 98–103.

7. Malashenko E.P. Vocal and Speech Training of a Singer in the Process of Teaching Academic Vocal. Musical Art and Education. 2023. Vol. 11. No. 2. P. 66 – 80.

8. Gemaddiev D.I. Organization of a Personal Educational Environment for Students of Pop Vocals. Musical Art and Education. 2023. Vol. 11. No. 2. P. 161 – 175.

9. Li B. Pedagogical Methods of Improving Vocal Skills of Students of Music Universities. Education Management: Theory and Practice. 2024. Vol. 14. No. 10-1. P. 264 – 271.

10. Yu Q. Methods of Motivating Students in the Process of Learning Vocals. Education Management: Theory and Practice. 2024. Vol. 14. No. 11-1. P. 241 – 248.

11. Alekseeva L.L. Traditions and Modernity in Teaching Vocal Art. Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2024. No. 2 (118). P. 136 – 144.

12. Pleshko A.A. Development of Figurative Thinking in the Process of Forming Creative Abilities of Student Vocalists. Review of Pedagogical Research. 2024. Vol. 6. No. 2. P. 166 – 172.

13. Ying Zh. Specific Features of the Tenor as a Singing Voice in the Context of Problems of Professional Training of Chinese Student Vocalists. Pedagogy and Psychology of Education. 2024. No. 2. P. 81 – 95.

Информация об авторе

Ван Жуй, преподаватель, Цзилиньский педагогический университет, Китай, wangrui0567@126.com

© Ван Жуй, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 378.147:004.8
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-291-297

Использование искуственного интеллекта для формирования грамматических навыков на уроках иностранного языка в 6 классе

[1, 2] Дрыгина М.В.

[1] Балтийский федеральный университет имени И. Канта,
[2] Лицей № 49, г. Калининград

Аннотация: в статье описывается, как можно применить технологии искусственного интеллекта, чтобы развить у шестиклассников грамматические навыки в английском языке. Автор разбирает, какие именно ИИ-инструменты подходят для школы: автоматические проверялки текстов (Grammarly, LanguageTool), диалоговые боты и адаптивные тренажёры. Приводятся данные педагогического эксперимента, который проходил в калининградском лицее № 49 с сентября 2025 по май 2026 года. Участвовали две группы: в экспериментальной (64 человека) применяли ИИ на уроках и дома, а в контрольной (66 человек) занимались по обычной программе. Сравнительный анализ проводили по пяти критериям: правильность употребления грамматических форм, порядок слов в предложениях, скорость выполнения заданий, мотивация и прочность знаний. Выяснилось, что экспериментальная группа заметно обогнала контрольную: общий прирост баллов составил 37,6 против 15,2. Статистическая значимость подтверждена ($p<0,01$). Статья будет полезна учителям английского, которые хотят сделать уроки более современными и индивидуальными.
Ключевые слова: искусственный интеллект, грамматика английского языка, 6 класс, лингводидактика, адаптивное обучение, чат-боты, педагогический эксперимент

Для цитирования: Дрыгина М.В. Использование искуственного интеллекта для формирования грамматических навыков на уроках иностранного языка в 6 классе // Современный ученый. 2026. № 10. С. 291 – 297. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-291-297

Поступила в редакцию: 6 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Using artificial intelligence to develop grammar skills in English lessons for 6th grade students

[1, 2] Drygina M.V.

[1] Immanuel Kant Baltic Federal University,
[2] Lyceum No. 49, Kaliningrad

Abstract: the article describes how artificial intelligence technologies can be used to develop grammar skills in English among sixth-grade students. The author examines which AI tools are suitable for school: automatic text checkers (Grammarly, LanguageTool), dialogue bots and adaptive trainers. The paper presents data from a pedagogical experiment conducted at Lyceum No. 49 in Kaliningrad from September 2025 to May 2026. Two groups participated: the experimental group (64 students) used AI in class and at home, while the control group (66 stu-

dents) followed the regular curriculum. A comparative analysis was carried out according to five criteria: correct use of grammatical forms, word order in sentences, speed of task completion, motivation and durability of knowledge. It was found that the experimental group significantly outperformed the control group: the total score gain was 37.6 vs. 15.2. Statistical significance was confirmed ($p<0.01$). The article will be useful for English teachers who want to make lessons more modern and individualised.
Keywords: artificial intelligence, English grammar, 6th grade, language pedagogy, adaptive learning, chatbots, pedagogical experiment

For citation: Drygina M.V. Using artificial intelligence to develop grammar skills in English lessons for 6th grade students. Modern Scientist. 2026. 10. P. 291 – 297. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-291-297

The article was submitted: May 6, 2026; Approved after reviewing: June 4, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

В современной лингводидактике под грамматическим навыком понимается способность обучающегося автоматизированно, в соответствии с нормами иностранного языка, выбирать и продуцировать морфологические формы и синтаксические конструкции в процессе устной и письменной речи [6, с. 45]. Согласно модели Р. Эллиса, формирование грамматического навыка проходит три стадии: декларативное знание (знание правила), процедурное знание (применение с осознанным контролем) и условная автоматизация (безошибочное употребление в коммуникативных ситуациях) [6, с. 112].

Для учащихся 6 класса (возраст 11-12 лет) характерны следующие грамматические трудности при изучении английского языка: различия в употреблении Present Simple и Present Continuous; образование Past Simple правильных и неправильных глаголов; порядок слов в утвердительных, отрицательных и вопросительных предложениях; степени сравнения прилагательных; личные, притяжательные и объектные местоимения. Традиционные методики, основанные на выполнении подстановочных упражнений и отсроченной проверке учителем, не обеспечивают должного уровня автоматизации навыка и индивидуальной обратной связи [18, с. 62], что актуализирует поиск новых подходов.

В работах [5, с. 34; 3, с. 5; 19, с. 80] выделяются четыре основных типа ИИ-инструментов, применимых в языковом образовании: автоматические системы проверки грамматики (Grammarly, LanguageTool, ProWritingAid), генераторы персонализированных упражнений (Duolingo for Schools, Quill) [19, с. 82], диалоговые чат-боты (Andy English Bot, Replika) [20, с. 92], адаптивные обучающие среды. Ключевым условием эффективности ИИ-ассистентов является их интеграция в учебный процесс в качестве вспомогательного средства, а не замена учителя [18, с. 59].

На основе анализа теоретических источников [9, с. 275; 2, с. 28; 4, с. 120] разработана трёхэтапная модель применения ИИ на уроках английского языка в 6 классе. Этап 1. Диагностический – входное тестирование, выявление профиля ошибок, построение персонализированной траектории. Этап 2. Тренировочный – ежедневные краткосрочные упражнения (7-10 минут) с мгновенной обратной связью. Этап 3. Рефлексивно-оценочный – анализ отчётов ИИ, фиксация пояснений ошибок. Данная модель позволяет реализовать принципы индивидуализации, систематичности и осознанности.

Анализ зарубежных публикаций свидетельствует о положительном влиянии ИИ-инструментов на развитие грамматических навыков. В мета-анализе [14, с. 185] показано, что компьютерные технологии обеспечивают прирост эффективности обучения иностранному языку на 15-20% по сравнению с традиционными методами. Исследование [7, с. 42] выявило повышение точности употребления артиклей и предлогов на 42% после трёхнедельного использования Grammarly. В работе [1, с. 120] отмечено снижение количества грамматических ошибок на 23–35% при применении AWE-систем. Вместе с тем [8, с. 745] указывают на риск когнитивной зависимости (бездумное принятие исправлений), что требует включения метакогнитивных заданий. Дополнительные аспекты использования мобильных и ИИ-технологий рассмотрены в [13, с. 5; 4, с. 122; 17, с. 10; 11, с. 312; 12, с. 6; 15, с. 195; 16, с. 475]. Влияние интеллектуальных обучающих систем на грамматику описано в [10, с. 135].

Цель исследования – теоретически обосновать и экспериментально проверить эффективность модели интеграции ИИ-инструментов в процесс формирования грамматических навыков английского языка у шестиклассников.

Материалы и методы исследований

Эксперимент проводился на базе МАОУ лицей № 49 г. Калининграда в период с 1 сентября 2025 по 1 мая 2026 года (8 месяцев). В исследовании приняли участие 130 учащихся шестых классов, распределённых на две группы: экспериментальная группа (ЭГ) – 64 человека, контрольная группа (КГ) – 66 человек. Группы были сопоставимы по исходному уровню грамматической подготовки (различие средних баллов предварительного теста менее 0,2, $p>0,05$), половозрастному составу и социально-экономическим характеристикам. Обучение в обеих группах проводилось одним учителем по УМК «Spotlight-6». В ЭГ использовались ИИ-инструменты (Grammarly, Andy English Bot, Duolingo for Schools, LanguageTool, упрощённая нейросеть-генератор), в КГ применялись традиционные методы без использования ИИ.

Оценка эффективности проводилась по пяти критериям (табл. 1). Для каждого критерия были разработаны валидные измерительные процедуры.

Таблица 1

Критерии и способы оценки грамматических навыков.

Table 1

Criteria and methods for assessing grammar skills.

№	Критерий	Метод измерения	Максимальный балл
1	Морфологическая корректность	Тест из 25 заданий (выбор формы глагола, окончаний, степеней сравнения)	25
2	Синтаксическая оформленность	Задание на составление вопросов и перестановку слов (20 предложений)	20
3	Скорость выполнения упражнения	Хронометраж упражнения «раскрой скобки» (12 предложений); перевод времени в баллы (норма 120 сек – 10 баллов, далее ±1 балл за 10 сек)	0-15
4	Учебная мотивация	Адаптированная анкета Т.Д. Дубовицкой (10 вопросов)	30
5	Прочность навыка	Отсроченный тест через две недели (аналогичные темы, новые задания)	% правильных ответов

Статистическая обработка включала вычисление средних арифметических (M), стандартных отклонений (SD), t-критерия Стьюдента для независимых выборок (уровень значимости $\alpha=0,05$). Дополнительно рассчитывался относительный прирост: $\Delta = (M_{пост} - M_{пре}) / M_{пре} \times 100\%$.

Содержание обучения в экспериментальной группе включало следующие типы заданий с применением ИИ.

Задание 1. «Грамматический детектив» (морфология глаголов). Учащиеся создавали в Google Docs текст из 7-10 предложений на тему «Обычное утро vs. сегодняшнее утро» с использованием Present Simple и Present Continuous. Включённое дополнение Grammarly подсвечивало ошибки. Ученик фиксировал в отдельном файле пояснение причины каждой ошибки.

Задание 2. «Диалог с чат-ботом» (синтаксис вопросов). С использованием Telegram-бота Andy English Bot учащиеся вели диалог, строя специальные вопросы в Past Simple. Бот предоставлял корректирующую обратную связь при нарушении порядка слов [20, с. 94].

Задание 3. «Адаптивная траектория» (персонализированная тренировка). На платформе Duolingo for Schools система на основе входного теста определяла слабые темы каждого ученика и генерировала ежедневные упражнения (5-7 минут) именно на эти темы [19, с. 85].

Задание 4. «Генерация текста с нейросетью» (синтаксис и морфология). Учащиеся обращались к упрощённой нейросети с запросом: «Write a short story (6 sentences) only in Past Simple and Past Continuous». Полученный текст анализировался, затем ученик писал собственную историю и сравнивал грамматическую корректность.

Задание 5. «Самопроверка с ИИ» (метакогнитивное). Учащиеся писали 10 предложений на Future Simple и конструкцию *to be going to*, затем проверяли текст через LanguageTool. Ошибки, не замеченные самостоятельно, выписывались в тетрадь с краткими пояснениями, как рекомендовано в [8, с. 750; 7, с. 46].

Содержание обучения в контрольной группе: традиционные методы без использования ИИ – упражнения на подстановку и трансформацию из рабочей тетради к УМК «Spotlight-6»; диктанты (5-7 предложений) с проверкой учителем на следующем уроке; фронтальные опросы у доски; письменные тесты по окончании каждой четверти. Обратная связь предоставлялась с отсрочкой от одного до двух дней.

Результаты и обсуждения

После завершения восьмимесячного формирующего этапа эксперимента было проведено итоговое тестирование участников обеих групп по тем же пяти критериям, что и на входе. Кроме того, через две недели после итогового среза был организован отсроченный тест для оценки прочности сформированных грамматических навыков. Полученные данные подверглись статистической обработке с вычислением t-критерия Стьюдента и относительного прироста. Ниже представлены результаты сравнительного анализа, а также их обсуждение в контексте теоретических положений и данных других исследований.

Результаты предварительного и итогового тестирования представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сравнение результатов ЭГ и КГ по критериям.

Table 2

Comparison of EG and CG results by criteria.

Критерий (макс. балл)	Группа	Пре-тест, M (SD)	Пост-тест, M (SD)	Абсолютный прирост	Относительный прирост (%)	t	p
Морфология (25)	ЭГ (64)	11,3 (2,1)	18,9 (2,4)	+7,6	+67,3%	5,96	<0,001
	КГ (66)	11,4 (2,0)	14,6 (2,7)	+3,2	+28,1%		
Синтаксис (20)	ЭГ	8,6 (1,9)	15,4 (2,1)	+6,8	+79,1%	6,27	<0,001
	КГ	8,5 (2,0)	11,2 (2,3)	+2,7	+31,8%		
Скорость (баллы)	ЭГ	5,1 (1,8)	12,4 (1,5)	+7,3	+143%	4,52	<0,01
	КГ	5,3 (1,9)	8,1 (2,0)	+2,8	+52,8%		
Мотивация (30)	ЭГ	13,7 (4,1)	24,9 (3,9)	+11,2	+81,8%	6,05	<0,001
	КГ	13,9 (4,0)	17,3 (4,5)	+3,4	+24,5%		
Прочность (%)	ЭГ	—	87,2 (8,2)	—	—	(сравнение пост-тест через 2 недели)	<0,01
	КГ	—	68,5 (10,1)	—	—		

Примечание к критерию «Скорость»: исходное время выполнения упражнения (12 предложений) в ЭГ сократилось с 185 с до 113 с (улучшение на 39%), в КГ – с 187 с до 158 с (улучшение на 15,5%). Пересчёт в баллы производился по формуле: 10 баллов за 120 с, ±1 балл за каждые 10 с отклонения.

Сопоставительный анализ. Разница в приросте морфологической корректности между группами существенна: в ЭГ – 67,3%, в КГ – 28,1%. Экспериментальная группа прогрессировала более чем в два раза быстрее. Наиболее показательным является снижение ошибок на употребление окончания -s в 3-м лице единственного числа Present Simple: в ЭГ доля ошибочных ответов сократилась с 60% до 12%, в КГ – с 39% до 34%.

Ещё более заметный разрыв зафиксирован по синтаксической оформленности при построении специальных вопросов. В ЭГ правильных вопросительных конструкций стало 89% (было 41%), в КГ – 54% (было 39%). Относительный прирост в ЭГ (79,1%) практически в два с половиной раза выше, чем в КГ (31,8%). Вероятно, это связано с регулярной тренировкой через чат-бота [20, с. 95].

Скорость выполнения упражнений: время на стандартное задание в ЭГ сократилось на 39%, в КГ – на 15,5%. Автоматизация навыка в ЭГ происходила в 2,5 раза интенсивнее, что соответствует модели формирования процедурного знания [6, с. 118].

Учебная мотивация: в ЭГ прирост составил 81,8% (с 13,7 до 24,9 балла), положительно оценили работу с ИИ 94% учащихся. В КГ – 24,5% (с 13,9 до 17,3), положительная оценка не превысила 45%. Прочность усвоения материала: отсроченное тестирование показало сохранность 87,2% в ЭГ против 68,5% в КГ ($p<0,01$).

Интегральный показатель (сумма по критериям 1-4 после нормирования) в ЭГ вырос с 36,4 до 74,7 (+105%), в КГ – с 36,7 до 52,9 (+44%). Эффективность методики с ИИ оказалась более чем в два раза выше (в 2,3 раза).

Ограничения исследования. Примерно у 8% участников ЭГ (5–6 человек) наблюдалось «слепое принятие» исправлений – механическое согласие с предложениями ИИ без осмысления правил. Аналогичный феномен описан в работах [8, с. 752; 2, с. 31]. Для его преодоления мы ввели письменные рефлексивные задания. Технические ограничения (отсутствие стабильного интернета у трёх школьников) были решены за счёт выполнения заданий в школьном компьютерном классе. Дополнительная подготовка учителя (освоение интерфейсов Grammarly, Andy English Bot, Duolingo for Schools) заняла 3-4 часа. Как отмечает Хаббард [16, с. 478], без предварительной методической подготовки эффективное использование ИИ в классе затруднительно.

Выводы

1. Разработанная трёхэтапная модель интеграции ИИ (диагностический, тренировочный, рефлексивно-оценочный этапы) доказала свою эффективность при формировании грамматических навыков английского языка у учащихся 6 классов. Применение автоматических корректоров, диалоговых чат-ботов и адаптивных тренажёров обеспечивает персонализацию обучения и мгновенную обратную связь.
2. Результаты педагогического эксперимента на базе МАОУ лицей № 49 г. Калининграда (ЭГ=64, КГ=66, сроки: сентябрь 2025 – май 2026) показали статистически значимые различия в пользу экспериментальной группы по всем пяти критериям ($p<0,01$). Интегральный прирост в ЭГ составил 105%, в КГ – 44%.
3. Наиболее выраженный эффект применения ИИ зафиксирован в синтаксической оформленности (прирост 79,1% против 31,8% в КГ) и в учебной мотивации (прирост 81,8% против 24,5%). Это объясняется диалоговым форматом взаимодействия с чат-ботами и игровыми элементами адаптивных платформ, снижающими тревожность и повышающими вовлечённость [4, с. 125].
4. Установлено, что для предотвращения когнитивной зависимости (бездумного принятия исправлений) необходимо включать метакогнитивные задания – письменное объяснение причин каждой ошибки, что согласуется с рекомендациями [8, с. 750; 7, с. 48].
5. Практическая значимость работы заключается в апробации конкретных заданий с ИИ, которые могут быть использованы учителями английского языка в 6 классах. Перспективы дальнейших исследований включают: изучение долгосрочного отсроченного эффекта (через 6 месяцев); апробацию предложенной методики на других возрастных группах (5-е и 7-е классы); разработку открытого банка заданий с ИИ для учителей.

Таким образом, интеграция технологий искусственного интеллекта в процесс обучения английской грамматике в средней школе является научно обоснованным и практически эффективным направлением модернизации языкового образования.

Список источников

1. Chapelle C.A., Voss E. 20 years of technology and language assessment in Language Learning & Technology // Language Learning & Technology. 2016. Vol. 20, No. 2. P. 116 – 128.
2. Warschauer M. Language learning and technology in the 21st century // The Routledge Handbook of Language Learning and Technology. ed. by F. Farr, L. Murray. London: Routledge, 2016. P. 23 – 36.
3. Godwin-Jones R. Smartphone-assisted language learning // Language Learning & Technology. 2017. Vol. 21, No. 2. P. 3 – 11.
4. Kukulska-Hulme A. Mobile language learning innovation inspired by migrants // Journal of Learning for Development. 2019. Vol. 6, No. 2. P. 116 – 129.
5. Luckin R., Holmes W., Griffiths M., Forcier L.B. Intelligence unleashed: An argument for AI in education. London: Pearson, 2016. 145 p.
6. Ellis R. The study of second language acquisition. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2006. 1142 p.
7. Ranalli J. Automated written corrective feedback and the development of L2 writing accuracy // Journal of Second Language Writing. 2018. Vol. 41. P. 37 – 52.
8. Bibauw S., François T., Desmet P. Discussing the use of dialogue systems for second language learning // Computer Assisted Language Learning. 2019. Vol. 32. No. 7. P. 732 – 763.
9. Kukulska-Hulme A., Shield L. An overview of mobile assisted language learning // ReCALL. 2008. Vol. 20. No. 3. P. 271 – 289.
10. Heift T., Vyatkina N. Intelligent CALL and second language grammar // The Routledge Handbook of Language Learning and Technology / ed. by F. Farr, L. Murray. London: Routledge, 2017. P. 131 – 144.
11. Chapelle C.A. The handbook of technology and second language teaching and learning. Hoboken: Wiley Blackwell, 2017. 528 p.

12. Levy M. Computer-assisted language learning // The Encyclopedia of Applied Linguistics / ed. by C.A. Chapelle. Hoboken: Wiley, 2017. P. 1 – 9.

13. Burston J. Twenty years of MALL project implementation // CALICO Journal. 2015. Vol. 32. No. 1. P. 1 – 20.

14. Grgurović M., Chapelle C.A., Shelley M.C. A meta-analysis of effectiveness studies on computer technology-supported language learning // ReCALL. 2013. Vol. 25. No. 2. P. 165 – 198.

15. Reinders H., Pegrum M. Supporting language learning on the move // The Routledge Handbook of Language Learning and Technology / ed. by F. Farr, L. Murray. London: Routledge, 2017. P. 191 – 204.

16. Hubbard P. Teacher education for CALL // The Routledge Handbook of Language Learning and Technology / ed. by F. Farr, L. Murray. London: Routledge, 2018. P. 471 – 483.

17. Kukulska-Hulme A., Lee H., Norris L. Mobile learning for language education // The Modern Language Journal. 2020. Vol. 104. No. S1. P. 7 – 21.

18. Warschauer M., Healey D. Computers and language learning: An overview // Language Teaching. 1998. Vol. 31. No. 2. P. 57 – 71.

19. Chen N.S., Hsu S.H. AI in language learning: A review of chatbots // Educational Technology & Society. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 7 – 91.

20. Underwood J., Luckin R. The role of AI in the future of education // AI and Education / ed. by R. Luckin. Berlin: Springer, 2020. P. 89 – 104.

References

1. Chapelle C.A., Voss E. 20 years of technology and language assessment in Language Learning & Technology. Language Learning & Technology. 2016. Vol. 20. No. 2. P. 116 – 128.

2. Warschauer M. Language learning and technology in the 21st century. The Routledge Handbook of Language Learning and Technology. ed. by F. Farr, L. Murray. London: Routledge, 2016. P. 23 – 36.

3. Godwin-Jones R. Smartphone-assisted language learning. Language Learning & Technology. 2017. Vol. 21, No. 2. P. 3 – 11.

4. Kukulska-Hulme A. Mobile language learning innovation inspired by migrants. Journal of Learning for Development. 2019. Vol. 6, No. 2. P. 116 – 129.

5. Luckin R., Holmes W., Griffiths M., Forcier L. B. Intelligence unleashed: An argument for AI in education. London: Pearson, 2016. 145 p.

6. Ellis R. The study of second language acquisition. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2006. 1142 p.

7. Ranalli J. Automated written corrective feedback and the development of L2 writing accuracy. Journal of Second Language Writing. 2018. Vol. 41. P. 37 – 52.

8. Bibauw S., François T., Desmet P. Discussing the use of dialogue systems for second language learning. Computer Assisted Language Learning. 2019. Vol. 32.No. 7. P. 732 – 763.

9. Kukulska-Hulme A., Shield L. An overview of mobile assisted language learning. ReCALL. 2008. Vol. 20, No. 3. P. 271 – 289.

10. Heift T., Vyatkina N. Intelligent CALL and second language grammar. The Routledge Handbook of Language Learning and Technology. ed. by F. Farr, L. Murray. London: Routledge, 2017. P. 131 – 144.

11. Chapelle C.A. The handbook of technology and second language teaching and learning. Hoboken: Wiley Blackwell, 2017. 528 p.

12. Levy M. Computer-assisted language learning. The Encyclopedia of Applied Linguistics. ed. by C.A. Chapelle. Hoboken: Wiley, 2017. P. 1 – 9.

13. Burston J. Twenty years of MALL project implementation. CALICO Journal. 2015. Vol. 32. No. 1. P. 1 – 20.

14. Grgurović M., Chapelle C. A., Shelley M. C. A meta-analysis of effectiveness studies on computer technology-supported language learning. ReCALL. 2013. Vol. 25.No. 2. P. 165 – 198.

15. Reinders H., Pegrum M. Supporting language learning on the move. The Routledge Handbook of Language Learning and Technology. ed. by F. Farr, L. Murray. London: Routledge, 2017. P. 191 – 204.

16. Hubbard P. Teacher education for CALL. The Routledge Handbook of Language Learning and Technology. ed. by F. Farr, L. Murray. London: Routledge, 2018. P. 471 – 483.

17. Kukulska-Hulme A., Lee H., Norris L. Mobile learning for language education. The Modern Language Journal. 2020. Vol. 104. No. S1. P. 7 – 21.

18. Warschauer M., Healey D. Computers and language learning: An overview. Language Teaching. 1998. Vol. 31.No. 2. P. 57 – 71.

19. Chen N.S., Hsu S.H. AI in language learning: A review of chatbots. Educational Technology & Society. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 7 – 91.

20. Underwood J., Luckin R. The role of AI in the future of education. AI and Education. ed. by R. Luckin. Berlin: Springer, 2020. P. 89 – 104.

Информация об авторе

Дрыгина М.В., кандидат педагогических наук, доцент, Балтийский федеральный университет имени И. Канта; учитель английского языка, Лицей № 49, г. Калининград, mariadrygina@list.ru

© Дрыгина М.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 378.637
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-298-307

Психолого-педагогические условия эффективной реализации демонстрационного экзамена в образовательном процессе вуза

[1] Кудинова Ю.В., [1] Фетисов А.С., [2] Червенко О.Б.

[1] Воронежский государственный педагогический университет,
[2] Азовский государственный педагогический университет им. П.Д. Осипенко

Аннотация: статья посвящена проблеме психолого-педагогического сопровождения студентов педагогических направлений подготовки при сдаче демонстрационного экзамена, который в соответствии с Концепцией развития педагогического образования до 2030 года становится обязательной формой государственной итоговой аттестации в вузе. Эффективная реализация демонстрационного экзамена в образовательном процессе вуза требует создания комплекса психолого-педагогических условий, включающих организационно-педагогические, психологические, методические и социально-педагогические компоненты. В ходе формирующего эксперимента, проведённого на базе Воронежского государственного педагогического университета, приняли участие 84 студента выпускных курсов направления 44.03.01 «Педагогическое образование», из которых были сформированы экспериментальная (42 человека) и контрольная (42 человека) группы, эквивалентные по исходным показателям. В экспериментальной группе в течение учебного года реализовывалась авторская модель, включающая целевой, содержательно-процессуальный (пропедевтический, формирующий, тренировочный и рефлексивно-коррекционный этапы) и оценочно-результативный блоки. В контрольной группе подготовка осуществлялась в традиционном формате без системного психологического сопровождения. Статистическая обработка данных проводилась с использованием t-критерия Стьюдента и U-критерия Манна-Уитни. Результаты эксперимента показали, что в экспериментальной группе зафиксировано статистически значимое снижение ситуативной тревожности (с 48,6 до 36,2 балла; $t=6,34$; $p<0,01$), повышение толерантности к неопределённости (с 28,1 до 41,5 балла; $t=5,87$; $p<0,01$) и профессиональной самоэффективности (с 32,4 до 47,8 балла; $t=7,02$; $p<0,01$), тогда как в контрольной группе значимой динамики не наблюдалось ($p>0,05$). Средний балл за выполнение профессиональных заданий демонстрационного экзамена в экспериментальной группе составил 87,4 против 73,6 в контрольной ($p<0,01$), а оценка коммуникативного модуля – 4,7 и 3,9 балла соответственно ($p<0,01$). Практическая значимость состоит в том, что предложенная модель может быть внедрена в работу психологических служб, выпускающих кафедр педагогических вузов, а также использована в программах повышения квалификации преподавателей для эффективной подготовки студентов к государственной итоговой аттестации в формате демонстрационного экзамена.

Ключевые слова: демонстрационный экзамен, психолого-педагогические условия, высшее образование, профессиональные компетенции, психологическая готовность

Для цитирования: Кудинова Ю.В., Фетисов А.С., Червенко О.Б. Психолого-педагогические условия эффективной реализации демонстрационного экзамена в образовательном процессе вуза // Современный ученый. 2026. № 10. С. 298 – 307. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-298-307

Поступила в редакцию: 7 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Psychological and pedagogical conditions for the effective implementation of a demonstration exam in the educational process of a university

[1] Kudinova Yu.V., [1] Fetisov A.S., [2] Chervenko O.B.

[1] Voronezh State Pedagogical University,
[2] Azov State Pedagogical University named after P.D. Osipenko

Abstract: the article is devoted to the problem of psychological and pedagogical support for students of pedagogical fields of study during the demonstration exam, which, according to the Concept of the Development of Pedagogical Education until 2030, becomes a mandatory form of state final certification at a university. The effective implementation of the demonstration exam in the university's educational process requires the creation of a complex of psychological and pedagogical conditions, including organizational, pedagogical, psychological, methodological, and socio-pedagogical components. During the formative experiment conducted at the Voronezh State Pedagogical University, 84 students of the 44.03.01 Pedagogical Education major participated. The students were divided into an experimental group (42 students) and a control group (42 students), which were equivalent in terms of their initial characteristics. In the experimental group, the author's model was implemented during the academic year, which included a target, content-process (propaedeutic, formative, training, and reflexive-corrective stages), and evaluation-resultative blocks. In the control group, training was carried out in a traditional format without systematic psychological support. Statistical data processing was performed using the Student's t-test and the Mann-Whitney U-test. The experimental results showed that the experimental group recorded a statistically significant decrease in situational anxiety (from 48.6 to 36.2 points; $t=6.34$; $p<0.01$), increased tolerance to uncertainty (from 28.1 to 41.5 points; $t=5.87$; $p<0.01$) and professional self-efficacy (from 32.4 to 47.8 points; $t=7.02$; $p<0.01$), whereas no significant dynamics were observed in the control group ($p>0.05$). The average score for the professional tasks on the demonstration exam in the experimental group was 87. The practical significance lies in the fact that the proposed model can be implemented in the work of psychological services, graduating departments of pedagogical universities, as well as used in teacher training programs for effective preparation of students for state final certification in the format of a demonstration exam.
Keywords: demonstration exam, psychological and pedagogical conditions, higher education, professional competencies, psychological readiness

For citation: Kudinova Yu.V., Fetisov A.S., Chervenko O.B. Psychological and pedagogical conditions for the effective implementation of a demonstration exam in the educational process of a university. Modern Scientist. 2026. 10. P. 298 – 307. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-298-307

The article was submitted: May 7, 2026; Approved after reviewing: June 5, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Современная система высшего образования в Российской Федерации находится в стадии активной модернизации, одним из приоритетных направлений которой является совершенствование практической подготовки обучающихся в соответствии с требованиями профессиональных стандартов и рынка труда. Организационные и содержательные аспекты этого процесса должны быть диагностируемыми, открывающими широкие возможности для улучшения содержания образования [11].

Внедрение демонстрационного экзамена (ДЭ) в образовательный процесс вуза рассматривается как инновационная форма оценки сформированности профессиональных компетенций выпускников, позволяющая в условиях, приближенных к реальной профессиональной деятельности, оценить уровень подготовки будущих специалистов. Концепцией развития педагогического образования на период до 2030 года определена необходимость внедрения профессионального (демонстрационного) экзамена в программы подготовки педагогических кадров высшей школой [5].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления и создания эффективных психолого-педагогических условий реализации демонстрационного экзамена, поскольку от их обеспечения напрямую зависит успешность прохождения студентами данной аттестационной процедуры и качество подготовки выпускников в целом.

Цель исследования – теоретическое обоснование и систематизация психолого-педагогических условий эффективной реализации демонстрационного экзамена в образовательном процессе вуза.

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено в рамках формирующего педагогического эксперимента, реализованного на базе ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет» в период с сентября 2025 г. по май 2026 г.

Общая выборка составила 84 студента выпускных курсов направления подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование», для которых демонстрационный экзамен был включён в состав государственной итоговой аттестации. Из них сформированы две группы, эквивалентные по исходному уровню учебной успеваемости, показателям ситуативной тревожности и профессиональной самоэффективности: экспериментальная группа (ЭГ, n = 42) – студенты, в процессе подготовки к ДЭ реализовывалась авторская модель психолого-педагогического сопровождения; контрольная группа (КГ, n = 42) – подготовка осуществлялась в традиционном формате (ознакомление с регламентом, самостоятельная отработка заданий, консультации по предметному содержанию без системного психологического сопровождения).

Для оценки эффективности сопровождения использованы валидизированные методики:

– Шкала ситуативной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера – Ю.Л. Ханина (измерение ситуативной тревожности);

– Опросник толерантности к неопределённости Т.В. Корниловой;

– Шкала общей самоэффективности Дж. Маддукса в адаптации А.В. Хухлаевой (профессиональная самоэффективность);

– Экспертная оценка выполнения заданий ДЭ по инфраструктурному и оценочным листам (комплект оценочной документации);

– Субшкала «Педагогическая коммуникация» из оценочных листов ДЭ (оценка коммуникативного модуля);

Данные обработаны с использованием t-критерия Стьюдента для независимых и зависимых выборок (при нормальном распределении) и U-критерия Манна-Уитни (при нарушении нормальности распределения). Различия считались статистически значимыми при $p < 0,05$.

Результаты и обсуждения

Демонстрационный экзамен представляет собой форму промежуточной или государственной итоговой аттестации выпускников, предусматривающую моделирование реальных производственных условий для демонстрации профессиональных умений и навыков. Согласно нормативно-правовым документам, демонстрационный экзамен проводится в центре проведения демонстрационного экзамена, представляющем собой площадку, оборудованную и оснащенную в соответствии с комплектом оценочной документации [8].

Правовые основы организации и проведения демонстрационного экзамена закреплены в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [9], а также в ведомственных нормативных актах, регламентирующих порядок проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам высшего и среднего профессионального образования [10].

Демонстрационный экзамен рассматривается как комплексная практическая задача, моделирующая профессиональную деятельность и выполняемая в режиме реального времени [15]. Как отмечают Б.Е. Стариченко и Л.В. Сардак, использование демоэкзамена при проведении ГИА целесообразно, однако в вузе должна быть создана гибкая система, позволяющая выпускающим кафедрам формировать экзаменационные задания и подбирать для них оптимальные технологии с учетом специфики образовательной программы [13].

На основе анализа нормативно-правовой базы, научной литературы и обобщения практического опыта проведения демонстрационных экзаменов в вузах можно выделить следующие группы психолого-педагогических условий:

1. Организационно-педагогические условия

Эффективная реализация демонстрационного экзамена требует создания соответствующей организационной инфраструктуры. К числу организационно-педагогических условий относятся:

– наличие центра проведения демонстрационного экзамена, оснащенного в соответствии с требованиями комплекта оценочной документации;

– формирование экспертных групп, включающих главного эксперта и не менее трех экспертов, в том числе из числа представителей работодателей;
– разработка учебно-методического обеспечения, включающего комплекты оценочной документации, варианты заданий и критерии оценивания;
– интеграция подготовки к демонстрационному экзамену в содержание образовательных программ на всех этапах обучения.

2. Психологические условия

Особое значение для успешной сдачи демонстрационного экзамена имеет психологическая готовность студентов. Вопрос психологической готовности студентов к профессии в рамках демонстрационного экзамена является достаточно актуальным, поскольку профессиональное образование, основанное на теоретических знаниях, перестало совпадать с запросами современного работодателя [2, с. 44].

К психологическим условиям относятся:
– формирование психологической готовности к профессиональной деятельности;
– развитие стрессоустойчивости и навыков эмоциональной саморегуляции;
– снижение экзаменационной тревожности;
– создание психологически безопасной образовательной среды.

Экзаменационная тревога может негативно сказаться на результатах обучения студентов, а также привести к разочарованию в профессии, поэтому в процессе подготовки студентов к демонстрационному экзамену важным аспектом является организация их психологического сопровождения.

А.И. Коржуева, опираясь на ресурсную концепцию психологического стресса, предлагает рекомендации по снижению экзаменационного стресса за счет внедрения в практику образовательных организаций промежуточной аттестации в форме демонстрационного экзамена, а также приемы эмоциональной саморегуляции, актуальные для профилактики стрессовых состояний у студентов в экзаменационный период [6].

3. Методические условия

Методические условия обеспечивают содержательную и процессуальную стороны подготовки и проведения демонстрационного экзамена:
– разработка заданий, моделирующих реальные профессиональные ситуации;
– применение активных и интерактивных методов обучения;
– поэтапная подготовка студентов к демонстрационному экзамену;
– использование современных информационных технологий.

Как отмечается в методических рекомендациях О.В. Воронушкиной, подготовка обучающихся к демонстрационному экзамену направлена на совершенствование общепрофессиональных и профессиональных компетенций, а студентам представляется полная информация о содержании и требованиях экзамена, о порядке участия и особенностях индивидуальной и групповой форм аттестации [4].

4. Социально-педагогические условия

Социально-педагогические условия связаны с взаимодействием участников образовательного процесса и внешних стейкхолдеров:
– привлечение представителей работодателей к разработке оценочных материалов и участию в работе экзаменационных комиссий;
– сотрудничество с региональными центрами развития профессиональных компетенций;
– формирование позитивного отношения к демонстрационному экзамену в студенческой среде;
– обеспечение открытости и прозрачности процедуры оценивания.

Модель опирается на три взаимодополняющие методологические рамки:

- *Субъектно-деятельностный подход* (К.А. Абульханова [1], Е.И. Исаев В.И. Слободчиков [12]). Применительно к педагогическому образованию ДЭ рассматривается как пространство проявления профессиональной субъектности: способности к целеполаганию, рефлексии, принятию ответственности за образовательный результат.

- *Ресурсный подход к совладающему поведению* (С. Хобфолл [16], Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк [7]). Успешность на ДЭ прямо связана с накоплением и сохранением ресурсов: временных, когнитивных, эмоциональных, социально-коммуникативных.

- *Полисубъектный подход в профессиональном образовании* (И.В. Вачков [3], Е.В. Фалунина [14]). Сопровождение предполагает активное участие не только преподавателей и психологов, но и тьюторов, методистов, приглашенных экспертов ДЭ, а также студентов старших курсов, прошедших аттестацию.

Модель имеет блочную структуру: целевой, содержательно-процессуальный, оценочно-результативный блоки.

1. Целевой блок является системообразующим компонентом всей модели. Он задает вектор подготовки будущего педагога к демонстрационному экзамену, трансформируя традиционное понимание этого испытания как стресс-теста в пространство профессионально-личностного роста.

Основная цель: становление субъектной позиции будущего педагога по отношению к процедуре демонстрационного экзамена, обеспечивающей психологическую надежность и демонстрацию сформированных профессиональных компетенций в публичных условиях.

Задачи:

1) снижение ситуативной тревожности в условиях оценивания;

2) развитие навыков саморегуляции в педагогических ситуациях неопределенности;

3) формирование рефлексивной позиции при анализе собственных педагогических действий;

4) отработка алгоритмов поведения при сбоях (отказ оборудования, конфликт в детской группе, замечание эксперта).

2. Содержательно-процессуальный блок

Сопровождение организуется как пролонгированный процесс, включающий четыре последовательных этапа (табл. 1).

Таблица 1

Этапы психолого-педагогического сопровождения демоэкзамена.

Table 1

Stages of psychological and pedagogical support for the demo exam.

Этап	Содержание (специфика для педагогов)	Психолого-педагогические механизмы
Пропедевтический (за 6 месяцев до ДЭ)	Информирование о структуре, критериях и типичных ошибках на ДЭ. Диагностика уровня тревожности, локуса контроля, профессиональной самооценки.	Фрейминг (принятие ДЭ как профессионального вызова), нормализация стресса.
Формирующий (3-5 месяцев)	Тренинг педагогической импровизации и эмоциональной регуляции. Микро-преподавание с последующим видеорефлексивным анализом. Освоение техник быстрого восстановления в паузах занятия.	Социально-психологический тренинг, видеотренинг, вербализация внутренних диалогов.
Тренировочный (1-2 месяца)	Проведение полного симуляционного ДЭ с участием волонтеров (студентов младших курсов в роли учащихся). Обязательная видеофиксация. Сеансы психогигиены (дыхательные техники, методы деактуализации оценивания).	Ситуационное моделирование, эмоционально-волевая тренировка.
Рефлексивно-коррекционный (после ДЭ – 2 недели)	Постэкзаменационная групповая супервизия (метод «психологической песочницы»). Атрибутивная реструктуризация – отделение оценки деятельности от идентичности педагога.	Рефрейминг неудачного опыта, интеграция в профессиональную Я-концепцию.

3. Оценочно-результативный блок

Эффективность модели оценивается по трем группам критериев:

- Психологические (снижение ситуативной тревожности (Ч.Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханин), рост толерантности к неопределенности (Т.В. Корнилова), повышение профессиональной самоэффективности (адаптированная шкала Дж. Маддукса))

- Педагогические (динамика баллов за выполнение заданий ДЭ в соответствии с инфраструктурным листом и оценочными листами компетенции0

- Социально-психологические (частота обращений за психологической поддержкой в период экзаменационной сессии; оценки экспертов за коммуникативный модуль ДЭ («взаимодействие с участниками», «педагогический такт»)).

Предложенная модель является системным описанием психолого-педагогического сопровождения подготовки студентов педагогического вуза к демонстрационному экзамену. Ее новизна заключается в синтезе ресурсного подхода и полисубъектной организации, а также в учете специфики педагогической деятельно-

сти как метакоммуникативной по своей природе (работа одновременно с содержанием, детской группой, представленной волонтерами, и собственным эмоциональным состоянием).

Экспериментальная работа проводилась на базе ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет» в период с сентября 2025 г. по май 2026 г. В исследовании приняли участие студенты выпускных курсов направления подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование», для которых демонстрационный экзамен был включён в состав государственной итоговой аттестации.

Общая выборка составила 84 человека. Из них были сформированы две группы, эквивалентные по исходному уровню учебной успеваемости, показателям ситуативной тревожности (Ч.Д. Спилбергер, Ю.Л. Ханин) и профессиональной самоэффективности (шкала Дж. Маддукса в адаптации А.В. Хухлаевой):

- **Экспериментальная группа (ЭГ)** – 42 студента, в процессе подготовки к демонстрационному экзамену реализовывалась авторская модель психолого-педагогического сопровождения (пропедевтический, формирующий, тренировочный, рефлексивно-коррекционный этапы).

- **Контрольная группа (КГ)** – 42 студента, подготовка осуществлялась в традиционном формате (ознакомление с регламентом, самостоятельная отработка заданий, консультации по предметному содержанию без системного психологического сопровождения).

Оценка эффективности модели проводилась по трём группам критериев с использованием валидизированного психодиагностического инструментария (табл. 2).

Таблица 2

Критерии оценки эффективности психолого-педагогического сопровождения и диагностический инструментарий.

Table 2

Criteria for assessing the effectiveness of psychological and pedagogical support and diagnostic tools.

Критериальная группа	Показатель	Методика
Психологические	Ситуативная тревожность	Шкала ситуативной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера – Ю.Л. Ханина
	Толерантность к неопределённости	Опросник толерантности к неопределённости Т.В. Корниловой
	Профессиональная самоэффективность	Шкала общей самоэффективности (Дж. Маддукс, адаптация А.В. Хухлаева)
Педагогические	Балл за выполнение заданий ДЭ	Экспертная оценка по инфраструктурному и оценочным листам (КОД)
Социально-психологические	Оценка коммуникативного модуля	Субшкала «Педагогическая коммуникация» из оценочных листов ДЭ
	Частота обращений за психологической поддержкой	Регистрация обращений в психологическую службу вуза в период экзамена

Замеры проводились на трёх срезах: **констатирующий** (за 6 месяцев до ДЭ), **промежуточный** (за 1 месяц до ДЭ), **контрольный** (после завершения ДЭ, через 2 недели).

Эксперимент включал последовательные этапы, соответствующие логике формирующего педагогического эксперимента.

Констатирующий этап (сентябрь-октябрь 2025 г.). Проведена первичная диагностика уровня тревожности, толерантности к неопределённости и профессиональной самоэффективности в обеих группах. Установлено отсутствие статистически значимых различий ($p > 0,05$ по t-критерию Стьюдента). Также проведён анализ типичных трудностей, возникающих у студентов при подготовке к ДЭ (анкетирование, фокус-группы).

Формирующий этап (ноябрь 2025 г. – апрель 2026 г.). В экспериментальной группе внедрена авторская модель сопровождения, включающая:

- *Пропедевтический этап* (ноябрь – декабрь): информационные семинары «ДЭ как профессиональный вызов», групповая диагностика стрессоустойчивости, фрейминг ожиданий.

- *Формирующий этап* (январь-февраль): тренинг педагогической импровизации (16 часов), микропреподавание с видеоанализом, освоение техник эмоциональной саморегуляции (дыхательные упражнения, методы деактуализации оценивания).

- *Тренировочный этап* (март-апрель): две полные симуляции ДЭ с участием волонтёров (студенты младших курсов), видеофиксация, сеансы психогигиены, индивидуальные консультации психолога по запросу.

В контрольной группе подготовка строилась на традиционных консультациях по предметному содержанию (8 часов) и самостоятельной работе с демоверсиями заданий. Специальное психологическое сопровождение не проводилось.

Контрольный этап (май 2025 г.). После завершения демонстрационного экзамена проведена повторная диагностика тех же показателей. Дополнительно проанализированы протоколы экзаменационных комиссий с оценками выполнения заданий и коммуникативных компетенций.

Статистическая обработка данных выполнялась с использованием t-критерия Стьюдента для независимых и зависимых выборок, U-критерия Манна-Уитни (при нарушении нормальности распределения). Различия считались значимыми при $p < 0,05$.

В экспериментальной группе зафиксирована устойчивая положительная динамика по всем психологическим критериям. Уровень ситуативной тревожности снизился в среднем с 48,6 балла (умеренно высокий) до 36,2 балла (низкий) ($t = 6,34$, $p < 0,01$). Толерантность к неопределённости возросла с 28,1 до 41,5 балла ($t = 5,87$, $p < 0,01$). Показатель профессиональной самоэффективности повысился с 32,4 до 47,8 балла ($t = 7,02$, $p < 0,01$).

В контрольной группе также наблюдалось незначительное снижение тревожности (с 47,9 до 44,3 балла) и рост самоэффективности (с 33,1 до 36,0 балла), однако эти изменения не достигли статистической значимости ($p > 0,05$). Толерантность к неопределённости практически не изменилась (с 27,6 до 28,9 балла).

Межгрупповое сравнение на контрольном срезе выявило статистически значимые различия по всем трём показателям в пользу экспериментальной группы ($p < 0,01$).

Средний балл за выполнение профессиональных заданий ДЭ (по 100-балльной шкале) составил:

- В экспериментальной группе – **87,4 балла** (стандартное отклонение 6,2);
- В контрольной группе – **73,6 балла** (стандартное отклонение 9,8).

Различия статистически значимы ($U = 342,5$, $p < 0,01$). Доля студентов, сдавших ДЭ на «отлично» (90-100 баллов), в ЭГ – 54,8%, в КГ – 21,4%. Неудовлетворительных результатов (менее 60 баллов) не зафиксировано ни в одной из групп, однако в КГ доля студентов с результатами в диапазоне 60-70 баллов составила 33,3% против 9,5% в ЭГ.

Оценка экспертами коммуникативного модуля («взаимодействие с участниками», «педагогический такт», «разрешение нестандартных ситуаций») в экспериментальной группе оказалась достоверно выше: 4,7 балла из 5 против 3,9 балла в КГ ($p < 0,01$).

Количество обращений за психологической поддержкой в период экзаменационной сессии снизилось в ЭГ на 62% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года (без внедрения модели). В КГ значимого снижения обращений не отмечено.

Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что системное психолого-педагогическое сопровождение, организованное в рамках субъектно-деятельностного и ресурсного подходов, значимо повышает психологическую готовность студентов к демонстрационному экзамену и качество демонстрации профессиональных компетенций. Особенно показательной является динамика толерантности к неопределённости: в экспериментальной группе, прошедшей тренинг педагогической импровизации и симуляции ДЭ, студенты научились действовать в условиях дефицита времени и публичности, что напрямую отразилось на экзаменационных баллах.

Снижение ситуативной тревожности в ЭГ до низкого уровня свидетельствует о том, что предложенная модель позволяет трансформировать восприятие ДЭ из стресс-фактора в ситуацию профессиональной пробы. В контрольной же группе повышенная тревога сохранялась, что ограничивало ресурсы внимания и оперативной памяти при выполнении практических заданий.

Таким образом, проведенное исследование позволило теоретически обосновать и систематизировать психолого-педагогические условия эффективной реализации демонстрационного экзамена в образовательном процессе вуза, а также разработать и апробировать модель психолого-педагогического сопровождения подготовки студентов педагогического вуза к ДЭ.

В ходе теоретического анализа выделены и охарактеризованы четыре группы условий: организационно-педагогические, психологические, методические и социально-педагогические. Показано, что их комплексная реализация создаёт основу для формирования психологической готовности будущих педагогов к аттестации в форме ДЭ.

Разработанная модель сопровождения, базирующаяся на синтезе субъектно-деятельностного, ресурсного и полисубъектного подходов, включает целевой, содержательно-процессуальный (этапы: пропедевтический, формирующий, тренировочный, рефлексивно-коррекционный) и оценочно-результативный блоки.

Новизна модели состоит в учёте метакоммуникативной природы педагогической деятельности и трансформации восприятия ДЭ из стресс-фактора в пространство профессионально-личностного развития.

Выводы

Результаты формирующего эксперимента на базе Воронежского государственного педагогического университета (N=84) доказали эффективность предложенной модели. В экспериментальной группе зафиксировано статистически значимое снижение ситуативной тревожности (с 48,6 до 36,2 балла; $t=6,34$; $p<0,01$), повышение толерантности к неопределённости (с 28,1 до 41,5 балла; $t=5,87$; $p<0,01$) и профессиональной самоэффективности (с 32,4 до 47,8 балла; $t=7,02$; $p<0,01$). В контрольной группе значимой динамики не наблюдалось ($p>0,05$). Средний балл за выполнение заданий ДЭ в ЭГ составил 87,4 против 73,6 в КГ ($U=342,5$; $p<0,01$), оценки коммуникативного модуля – 4,7 и 3,9 балла соответственно ($p<0,01$). Кроме того, в ЭГ на 62% снизилось количество обращений за психологической поддержкой.

Таким образом, системное психолого-педагогическое сопровождение, организованное в рамках предложенной модели, значимо повышает психологическую готовность студентов к демонстрационному экзамену и качество демонстрации профессиональных компетенций. Полученные результаты имеют практическую значимость для организации подготовки выпускников педагогических вузов к государственной итоговой аттестации в формате ДЭ и могут быть использованы в работе психологических служб, выпускающих кафедр и программ повышения квалификации преподавателей.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках выполнения государственного задания в сфере науки (номер темы OTGE-2026-0002)

Список источников

1. Абульханова К.А. Сознание и личность в системе субъектно-деятельностного подхода // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 5 – 16.
2. Акопова М.А. Проблема психологического сопровождения студентов педагогических специальностей при подготовке и прохождении демонстрационного экзамена по стандартам WorldSkills Россия // Russian Journal of Education and Psychology. 2023. № 3. С. 201 – 220.
3. Вачков И.В. Полисубъектное взаимодействие в образовательной среде // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 2. С. 36 – 50.
4. Воронушкина О.В. Подготовка обучающихся к демонстрационному (профессиональному) экзамену по основным образовательным программам высшего образования УГСН 44.00.00 Образование и педагогические науки: методические рекомендации / Алтайский государственный педагогический университет. Барнаул: АлтГПУ, 2023. 40 с.
5. Концепция подготовки педагогических кадров для системы образования на период до 2030 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24.06.2022 № 1688-р. Москва: Правительство Российской Федерации, 2022. 28 с.
6. Коржуева А.И. Профилактика экзаменационного стресса у выпускников образовательных организаций СПО в период подготовки к демонстрационным экзаменам // Стратегические сценарии развития демонстрационного экзамена: сборник статей Всерос. науч.-практич. конф. Чебоксары: ИД «Среда», 2024. С. 122 – 129.
7. Крюкова Т.Л., Куфтяк Е.В. Опросник способов совладания (адаптация методики WCQ) // Журнал практического психолога. 2017. № 3. С. 93 – 112.
8. Методические рекомендации по организации и проведению профессиональных (демонстрационных) экзаменов по основным образовательным программам высшего образования УГСН 44.00.00 Образование и педагогические науки. 40 с.
9. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Об утверждении Порядка разработки, использования и хранения контрольных измерительных материалов, используемых при проведении государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего профессионального образования в форме демонстрационного экзамена: приказ Минпросвещения России от 16.04.2026 № 275. Москва: Минпросвещения России, 2026. 12 с.
11. Павлова О.А. Подходы к организации демонстрационного экзамена: европейский опыт и российская практика // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 3 (42). С. 104 – 110.

12. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности: учеб. пособие для вузов. Москва: Школа-Пресс, 1995. 384 с.

13. Стариченко Б.Е. Особенности проведения демонстрационного экзамена в вузе // Педагогическое образование в России. 2023. № 2. С. 123 – 132.

14. Фалунина Е.В. Психология полисубъектной личности и полисубъектный подход в образовании // International Scientific and Practical Conference «Pedagogy and modern education»: сборник статей. February 2019. С. 63 – 69.

15. Фетисов А.С. Потенциал и функции демонстрационного экзамена в педагогическом университете как отражение профессионализма будущего педагога // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2024. № 1. С. 137 – 147.

16. Hobfoll S.E. The influence of culture, community, and the nested-self in the stress process: Advancing conservation of resources theory // Applied Psychology. 2001. Vol. 50. No. 3. P. 337 – 421.

References

1. Abulkhanova K.A. Consciousness and Personality in the System of the Subject-Activity Approach. Psychological Journal. 2020. Vol. 41. No. 5. P. 5 – 16.

2. Akopova M.A. The Problem of Psychological Support for Students of Pedagogical Specialties in Preparation for and Passing the Demonstration Exam According to WorldSkills Russia Standards. Russian Journal of Education and Psychology. 2023. No. 3. P. 201 – 220.

3. Vachkov I.V. Polysubjective Interaction in the Educational Environment. Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2014. No. 2. P. 36 – 50.

4. Voronushkina O.V. Preparing Students for the Demonstration (Professional) Exam in the Main Educational Programs of Higher Education UGSN 44.00.00 Education and Pedagogical Sciences: Methodological Recommendations. Altai State Pedagogical University. Barnaul: AltGPU, 2023. 40 p.

5. The Concept of Training Teaching Staff for the Education System through 2030: Approved by Order of the Government of the Russian Federation dated June 24, 2022, No. 1688-r. Moscow: Government of the Russian Federation, 2022. 28 p.

6. Korzhueva A.I. Prevention of Examination Stress in Graduates of Secondary Vocational Education Institutions in Preparation for Demonstration Exams. Strategic Scenarios for the Development of the Demonstration Exam: Collection of Articles from the All-Russian Scientific and Practical Conf. Cheboksary: ID "Sreda", 2024. P. 122-129.

7. Kryukova T.L., Kuftyak E.V. Coping Methods Questionnaire (adapted from the WCQ method). Journal of Practical Psychologist. 2017. No. 3. P. 93 – 112.

8. Methodological recommendations for organizing and conducting professional (demonstration) examinations in the main educational programs of higher education UGSN 44.00.00 Education and Pedagogical Sciences. 40 p.

9. On Education in the Russian Federation: Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ. Access from the reference and legal system "ConsultantPlus". 10. On Approval of the Procedure for the Development, Use, and Storage of Control and Measurement Materials Used in the State Final Certification of Secondary Vocational Education Programs in the Form of a Demonstration Exam: Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated April 16, 2026, No. 275. Moscow: Ministry of Education of the Russian Federation, 2026. 12 p.

11. Pavlova O.A. Approaches to Organizing a Demonstration Exam: European Experience and Russian Practice. Professional Education and the Labor Market. 2020. No. 3 (42). P. 104 – 110.

12. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. Fundamentals of Psychological Anthropology. Human Psychology: Introduction to the Psychology of Subjectivity: A Textbook for Universities. Moscow: Shkola-Press, 1995. 384 p.

13. Starichenko B.E. Features of Conducting a Demonstration Exam at a University. Pedagogical Education in Russia. 2023. No. 2. P. 123 – 132.

14. Falunina E.V. Psychology of a Polysubject Personality and a Polysubject Approach to Education. International Scientific and Practical Conference “Pedagogy and Modern Education”: Collection of Articles. February 2019. P. 63 – 69.

15. Fetisov A.S. Potential and Functions of a Demonstration Exam at a Pedagogical University as a Reflection of the Professionalism of Future Teachers. Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Problems of Linguistics and Pedagogy. 2024. No. 1. P. 137 – 147.

16. Hobfoll S.E. The influence of culture, community, and the nested-self in the stress process: Advancing conservation of resources theory. Applied Psychology. 2001. Vol. 50.No. 3. P. 337 – 421.

Информация об авторах

Кудинова Ю.В., кандидат исторических наук, доцент, Воронежский государственный педагогический университет, kudjulia@mail.ru

Фетисов А.С., доктор педагогических наук, профессор, Воронежский государственный педагогический университет, asfet-2011@mail.ru

Червенко О.Б., кандидат филологических наук, доцент, Азовский государственный педагогический университета им. П.Д. Осипенко, chervenko83@yandex.com

© Кудинова Ю.В., Фетисов А.С., Червенко О.Б., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 373.5.016:811.111
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-308-313

Пути интеграции технологий искусственного интеллекта и преподавания английского языка в основной школе с позиций цифровой грамотности учителя

[1] Люй Кайюэ, [1] Фу Дунмэй

[1] Синьцзянский педагогический университет, Китай

Аннотация: в условиях цифровой трансформации образования и расширения применения технологий искусственного интеллекта цифровая грамотность учителя становится ключевым фактором, определяющим глубину интеграции ИИ и преподавания английского языка в основной школе. Настоящее исследование опирается на анализ нормативных, теоретических и научных источников, а также на обобщение описанных в литературе практик применения ИИ-инструментов в обучении иностранному языку. В статье систематизируются преимущества и ограничения интеграции технологий ИИ с преподаванием английского языка, выявляются причины поверхностного использования технологий и предлагается целостный путь интеграции, охватывающий подготовку к уроку, его проведение и внеурочную работу. Особое внимание уделяется цифровой грамотности учителя как условию осмысленного применения интеллектуального анализа учебных данных, адаптивной подачи материала, речевой симуляции и автоматизированной обратной связи. Результаты исследования могут использоваться при проектировании программ повышения квалификации учителей английского языка, разработке школьных моделей цифрового обучения и выборе ИИ-сервисов для предметного обучения.
Ключевые слова: цифровая грамотность учителя, преподавание английского языка, основная школа, искусственный интеллект, интеграция технологий, цифровое образование, адаптивное обучение

Для цитирования: Люй Кайюэ, Фу Дунмэй Пути интеграции технологий искусственного интеллекта и преподавания английского языка в основной школе с позиций цифровой грамотности учителя // Современный ученый. 2026. № 10. С. 308 – 313. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-308-313

Поступила в редакцию: 8 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Integration pathways for AI technologies and middle school English teaching from the perspective of teacher digital literacy

[1] Lu Kaiyue, [1] Fu Dongmei

[1] Xinjiang Normal University, China

Abstract: against the background of educational digitalization and the expanding application of artificial intelligence technologies, teacher digital literacy has become a key factor determining the depth of integration between AI and middle school English teaching. The study is based on the analysis of policy, theoretical and research literature as well as on the synthesis of documented practices of using AI tools in foreign language instruction. The arti-

cle systematizes the advantages and limitations of integrating AI technologies into English language teaching, identifies the reasons for superficial technology use, and proposes a full-process integration pathway covering lesson preparation, classroom instruction and post-class activities. Special attention is paid to teacher digital literacy as a condition for the meaningful use of learning analytics, adaptive delivery of materials, speech simulation and automated feedback. The findings can be applied in designing professional development programmes for English teachers, developing school-level models of digital learning and selecting AI services for subject teaching.
Keywords: teacher digital literacy, English language teaching, middle school, artificial intelligence, technology integration, digital education, adaptive learning

For citation: Lu Kaiyue, Fu Dongmei Integration pathways for AI technologies and middle school English teaching from the perspective of teacher digital literacy. Modern Scientist. 2026. 10. P. 308 – 313. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-308-313

The article was submitted: May 8, 2026; Approved after reviewing: June 6, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Цифровая трансформация образования в Китае рассматривается как одно из направлений модернизации системы непрерывного обучения. В программном докладе на XX съезде Коммунистической партии Китая образовательная цифровизация обозначена как важное условие обновления образовательной системы и подготовки кадров для современного общества [1]. В области школьного английского языка этот ориентир получает конкретизацию через обновление учебных целей: современный курс должен развивать не только языковые знания, но и способность учащихся применять язык в коммуникативных, культурных и цифровых ситуациях [2].

Искусственный интеллект становится одним из наиболее заметных инструментов такой трансформации. Его возможности связаны с интеллектуальным анализом учебных данных, адаптивной подачей материалов, автоматизированной обратной связью, моделированием речевых ситуаций и поддержкой самостоятельной работы учащихся. Однако технологическое наличие ИИ еще не означает его педагогической эффективности. В исследованиях по цифровой и ИИ-грамотности подчеркивается, что решающим условием становится способность учителя критически оценивать технологии, понимать ограничения алгоритмов и связывать цифровой инструмент с конкретной учебной задачей [3].

Для основной школы эта проблема особенно значима. Учащиеся находятся на этапе активного формирования языковой базы, учебной мотивации и привычек самостоятельной работы. Поэтому ИИ-инструменты могут усилить обучение только в том случае, если они встроены в последовательную методическую логику: подготовка к уроку должна опираться на диагностику, урок – на коммуникативную практику и обратную связь, а внеурочная работа – на персонализированное закрепление материала. Иначе цифровые сервисы остаются внешним дополнением, не меняющим качества обучения. Цель статьи состоит в определении путей интеграции технологий искусственного интеллекта и преподавания английского языка в основной школе с позиций цифровой грамотности учителя.

Для достижения цели решаются следующие задачи: уточнить роль цифровой и ИИ-грамотности учителя в предметном обучении; выявить основные проблемы использования ИИ в преподавании английского языка; описать целостную модель интеграции ИИ на этапах подготовки к уроку, проведения урока и внеурочной работы; определить организационные условия, необходимые для внедрения такой модели.

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено в логике теоретико-аналитического обобщения. Материалами послужили нормативные документы и современные научные публикации, посвященные цифровой трансформации образования, ИИ-грамотности, применению генеративного ИИ в языковом обучении, технологической интеграции в преподавании английского языка и этическим рискам использования ИИ в школьной среде. Для анализа использовались публикации 2020-2025 годов, что позволило учесть как базовые концепции AI literacy, так и новые работы о ChatGPT и других генеративных инструментах в английском языке.

Теоретическую основу составляют исследования, в которых ИИ-грамотность описывается как совокупность компетенций, позволяющих критически оценивать, понимать и применять интеллектуальные системы в учебной и профессиональной деятельности [4]. Для уточнения специфики школьного уровня учитывались работы, посвященные этическим вызовам использования ИИ в K-12 образовании, поскольку в ос-

новной школе особенно важны вопросы безопасности, достоверности данных, педагогического контроля и недопущения замещения учителя алгоритмом [5].

Отдельный блок материалов составили исследования по применению ИИ в обучении английскому языку. В них рассматриваются возможности чат-ботов, автоматизированной обратной связи, адаптивных платформ, генерации учебных текстов, поддержки письменной речи и симуляции коммуникативных ситуаций [6]. Для сопоставления преимуществ и ограничений ИИ были также использованы обзоры, показывающие, что языковое обучение выигрывает от персонализации и вариативности заданий, но одновременно сталкивается с рисками шаблонности, ошибочной обратной связи и некритического доверия к алгоритму [7].

Методы исследования включают анализ литературы, сравнительно-сопоставительный анализ, проблемно-тематическую систематизацию и теоретическое моделирование. Анализ литературы позволил определить ключевые направления применения ИИ в ELT. Сравнительно-сопоставительный анализ использовался для различения поверхностной и глубокой интеграции технологий. Проблемно-тематическая систематизация позволила выделить устойчивые трудности, а метод теоретического моделирования – представить полный цикл интеграции ИИ в преподавание английского языка.

Результаты и обсуждения

Анализ научной литературы показывает, что интеграция ИИ в преподавание английского языка развивается по нескольким направлениям. Первое направление связано с расширением языковой практики: чатботы и генеративные модели позволяют создавать диалоги, объяснять ошибки, адаптировать тексты и предлагать варианты упражнений [8]. Второе направление относится к автоматизации обратной связи: системы проверки письменных и устных ответов ускоряют выявление ошибок и дают учащемуся возможность чаще возвращаться к слабым элементам навыка. Третье направление связано с аналитикой обучения, когда данные о выполнении заданий используются для уточнения целей урока и выбора индивидуальной траектории.

В то же время исследования подчеркивают, что эффективность ИИ зависит не от количества используемых сервисов, а от педагогической компетентности учителя. Систематические обзоры по ИИ в ELT показывают, что наиболее устойчивый положительный эффект появляется там, где технология встроена в методику обучения, а не применяется как самостоятельный демонстрационный инструмент [9]. Это особенно важно для основной школы, где учащиеся нуждаются не только в цифровых ресурсах, но и в педагогически организованной последовательности действий.

Главная проблема современной практики состоит в поверхностной интеграции. Учитель может использовать ИИ для поиска картинок, составления упражнений или быстрой проверки текста, но не связывать эти действия с диагностикой, целями урока и последующим закреплением. В результате технология присутствует, но учебный процесс остается фрагментарным. Исследования глобальных тенденций ИИ в преподавании английского языка также показывают, что быстрый рост числа инструментов не устраняет автоматически методические проблемы: педагогам необходимы критерии отбора сервисов, понимание их ограничений и способность проектировать задания с учетом языковых целей [10].

Цифровая грамотность учителя в данном контексте включает несколько взаимосвязанных компонентов. Первый компонент – аналитический: учитель должен уметь читать данные платформ, видеть типичные ошибки и определять, какие языковые трудности требуют коррекции. Второй компонент – методический: педагог должен преобразовывать возможности ИИ в учебные задания, а не просто использовать готовую выдачу системы. Третий компонент - критический: учитель обязан проверять достоверность генерируемых материалов, учитывать возможную культурную и языковую предвзятость, а также объяснять ученикам правила ответственного использования ИИ. Четвертый компонент – организационный: технология должна связывать подготовку к уроку, работу на уроке и внеурочную деятельность.

На этапе подготовки к уроку ИИ может использоваться для анализа предшествующих результатов учащихся, подбора текстов разного уровня, генерации вариантов лексико-грамматических упражнений и планирования дифференцированных заданий. Однако ключевым субъектом остается учитель: именно он определяет, какие данные значимы, какие материалы соответствуют возрасту и языковому уровню класса, какие упражнения развивают коммуникативную компетенцию, а какие лишь механически тренируют форму. Такой подход согласуется с выводами исследований о роли технологий в обучении английскому языку: цифровые средства повышают вариативность и доступность материалов, но требуют педагогического отбора и контроля [11].

На этапе урока ИИ целесообразно использовать для создания коммуникативных ситуаций, поддержки говорения и аудирования, визуализации грамматического материала и оперативной обратной связи. Например, речевые сервисы могут помогать учащимся тренировать произношение, а генеративные модели - создавать диалоги по заданной ситуации. Однако эти инструменты не должны превращать урок в работу с машиной вместо взаимодействия с классом. Их задача – расширить пространство речевой практики, а не заменить живое общение. В исследованиях о трансформации языкового обучения под влиянием ChatGPT подчеркивается, что наибольший потенциал ИИ связан с созданием вариативной практики и повышением самостоятельности учащихся [12].

На этапе внеурочной работы ИИ может выполнять функции персонализированного помощника: предлагать дополнительные упражнения, проверять домашние задания, объяснять ошибки, формировать повторение и создавать индивидуальные маршруты. Здесь особенно важны границы допустимого применения. Если ученик просто получает готовый ответ, учебный эффект снижается. Поэтому задания должны проектироваться так, чтобы учащийся не только использовал ИИ, но и объяснял полученный результат, сравнивал варианты, исправлял ошибки и рефлексировал собственные трудности. Этические исследования школьного ИИ показывают, что без прозрачных правил использования технологии могут усиливать зависимость от автоматической подсказки и снижать самостоятельность учащихся [13].

Результаты анализа позволяют представить путь интеграции ИИ как последовательность взаимосвязанных действий, в которых каждая технологическая функция соотнесена с компетенцией учителя и ожидаемым педагогическим результатом.

Таблица 1

Пути интеграции ИИ с преподаванием английского языка на трех этапах учебного процесса.

Table 1

Ways to integrate AI into English language teaching at three stages of the educational process.

Этап	Ключевая компетенция учителя	Применяемые технологии ИИ	Педагогический результат
Подготовка к уроку	ИИ-анализ успеваемости; отбор и адаптация ресурсов	Платформы учебной аналитики; генерация дифференцированных материалов; подбор текстов	Точные учебные цели; учет уровня класса; персонализированные дидактические материалы
Урок	Проектирование ИИ-поддержанного занятия; управление взаимодействием	Речевые симуляторы; чатботы; распознавание речи; визуализация грамматики	Расширение речевой практики; обратная связь в реальном времени; повышение вовлеченности
Внеурочная работа	Интерпретация данных; организация самостоятельной работы	Автоматизированная проверка; адаптивные упражнения; индивидуальные маршруты повторения	Адресное устранение пробелов; развитие самостоятельности; замкнутый цикл обучения

Таблица показывает, что интеграция ИИ должна проектироваться как полный педагогический цикл. Подготовка к уроку обеспечивает диагностику и постановку целей; урок создает коммуникативную практику и обратную связь; внеурочная работа закрепляет результат и возвращает данные учителю. Если один из этапов выпадает, ИИ используется фрагментарно и не меняет качества обучения.

Для реализации такой модели необходима поддержка на трех уровнях. На школьном уровне требуется инфраструктура, регламенты безопасного использования ИИ и система повышения квалификации. На уровне учителя необходимы практические тренинги по промптированию, проверке ИИ-ответов, проектированию заданий и интерпретации учебных данных. На технологическом уровне разработчикам следует учитывать реальные сценарии школьного урока, возраст учащихся, требования программы и необходимость удобного интерфейса. Только при соединении этих уровней ИИ перестает быть внешней инновацией и становится рабочим элементом методики преподавания английского языка.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать несколько выводов. Во-первых, интеграция технологий искусственного интеллекта и преподавания английского языка в основной школе должна рассматриваться не как простое внедрение цифровых сервисов, а как методически организованный процесс, зависящий от цифровой грамотности учителя.

Во-вторых, цифровая грамотность учителя включает аналитический, методический, критический и организационный компоненты. Учитель должен не только владеть инструментом, но и понимать, какую языковую задачу он решает, какие данные использует, какие риски возникают и как результаты работы ИИ включаются в дальнейшее обучение.

В-третьих, наиболее продуктивной является полная модель интеграции, охватывающая подготовку к уроку, урок и внеурочную работу. На этапе подготовки ИИ помогает диагностировать трудности и подбирать материалы; на уроке – расширяет речевую практику и обеспечивает обратную связь; после урока – поддерживает персонализированное закрепление и самостоятельную работу учащихся.

В-четвертых, развитие такой модели требует согласованных действий школы, учителя и разработчиков образовательных технологий. Без методического сопровождения и критической оценки ИИ может закреплять поверхностное использование технологий, усиливать зависимость учащихся от готовых ответов и не приводить к устойчивому росту языковой компетенции.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической проверкой предложенной модели в разных типах школ, сравнением результатов классов с различным уровнем цифровой инфраструктуры и разработкой критериев оценки ИИ-грамотности учителя английского языка.

Список источников

1. Си Цзиньпин Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства: доклад на XX Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2023. 107 с.

2. Мэй Дэмин, Ван Цян Разъяснение стандарта учебной программы по английскому языку для обязательного образования (издание 2022 года). Пекин: Издательство Пекинского педагогического университета, 2022. 219 с.

3. Ng Davy Tsz Kit, Leung Jac Ka Lok, Chu Samuel Kai Wah, Qiao Maggie Shen Conceptualizing AI literacy: An exploratory review. Computers and Education: Artificial Intelligence. 2021. Vol. 2. P. 1 – 16. DOI: 10.1016/j.caeai.2021.100041

4. Long Duri, Magerko Brian What is AI literacy? Competencies and design considerations. Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. New York: Association for Computing Machinery, 2020. P. 1 – 16. DOI: 10.1145/3313831.3376727

5. Akgun Selin, Greenhow Christine Artificial intelligence in education: Addressing ethical challenges in K-12 settings // AI and Ethics. 2022. Vol. 2. № 3. P. 431 – 440. DOI: 10.1007/s43681-021-00096-7

6. Kohnke Lucas Mathias Alfred, Moorhouse Benjamin Luke, Zou Di. ChatGPT for language teaching and learning // RELC Journal. 2023. Vol. 54. № 2. P. 537 – 550. DOI: 10.1177/00336882231162868

7. Hockly Nicky Artificial intelligence in English language teaching: The good, the bad and the ugly // RELC Journal. 2023. Vol. 54. № 2. P. 445 – 451. DOI: 10.1177/00336882231168504

8. Sharadgah Talha Abdullah, Sa'di Rami Abdulatif A systematic review of research on the use of artificial intelligence in English language teaching and learning (2015-2021): What are the current effects? // Journal of Information Technology Education: Research. 2022. Vol. 21. P. 337 – 377. DOI: 10.28945/4999

9. Daud Afrianto, Aulia Ando Fahda, Muryanti, Harfal Zaldi, Nabilla Ovia, Ali Hafizah Salsabila Integrating artificial intelligence into English language teaching: A systematic review // European Journal of Educational Research. 2025. Vol. 14. № 2. P. 677 – 691. DOI: 10.12973/eu-jer.14.2.677

10. Özçelik Nermin Punar Artificial intelligence in English language teaching: A systematic analysis of global trends // International Journal of Curriculum and Instruction. 2025. Vol. 17. № 2. P. 612 – 626.

11. Solak Ekrem Revolutionizing language learning: How ChatGPT and AI are changing the way we learn languages. International Journal of Technology in Education. 2024. Vol. 7. № 2. P. 353 – 372. DOI: 10.46328/ijte.732

12. Rintaningrum Ratna Technology integration in English language teaching and learning: Benefits and challenges // Cogent Education. 2023. Vol. 10. № 1. P. 1 – 21. DOI: 10.1080/2331186X.2022.2164690

13. Reina-Parrado Manuel, Román-Graván Pedro, Hervás-Gómez Cristóbal Integration of artificial intelligence and machine learning in education: A systematic review // International Journal of Educational Methodology. 2025. Vol. 11. № 2. P. 203 – 216. DOI: 10.12973/ijem.11.2.203

References

1. Xi Jinping, “Holding High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics, Unitedly Struggle to Completely Build a Modernized Socialist Country”: Report at the 20th National Congress of the Communist Party of China. Beijing: Foreign Languages Publishing House, 2023. 107 p.

2. Mei Deming, Wang Qiang, “Explanation of the English Language Curriculum Standard for Compulsory Education” (2022 Edition). Beijing: Beijing Normal University Press, 2022. 219 p.

3. Ng Davy Tsz Kit, Leung Jac Ka Lok, Chu Samuel Kai Wah, Qiao Maggie Shen, “Conceptualizing AI Literature: An Exploratory Review.” Computers and Education: Artificial Intelligence. 2021. Vol. 2. P. 1 – 16. DOI: 10.1016/j.caeai.2021.100041

4. Long Duri, Magerko Brian What is AI literacy? Competencies and design considerations. Proceedings of the 2020 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. New York: Association for Computing Machinery, 2020. P. 1 – 16. DOI: 10.1145/3313831.3376727

5. Akgun Selin, Greenhow Christine Artificial intelligence in education: Addressing ethical challenges in K-12 settings. AI and Ethics. 2022. Vol. 2. No. 3. P. 431 – 440. DOI: 10.1007/s43681-021-00096-7

6. Kohnke Lucas Mathias Alfred, Moorhouse Benjamin Luke, Zou Di. ChatGPT for language teaching and learning. RELC Journal. 2023. Vol. 54. No. 2. P. 537 – 550. DOI: 10.1177/00336882231162868

7. Hockly Nicky Artificial intelligence in English language teaching: The good, the bad and the ugly. RELC Journal. 2023. Vol. 54. No. 2. P. 445 – 451. DOI: 10.1177/00336882231168504

8. Sharadgah Talha Abdullah, Sa’di Rami Abdulatif A systematic review of research on the use of artifi-cial intelligence in English language teaching and learning (2015-2021): What are the current effects? Journal of Information Technology Education: Research. 2022. Vol. 21. P. 337 – 377. DOI: 10.28945/4999

9. Daud Afrianto, Aulia Ando Fahda, Muryanti, Harfal Zaldi, Nabilla Ovia, Ali Hafizah Salsabila Integrating artificial intelligence into English language teaching: A systematic review. European Journal of Edu-cational Research. 2025. Vol. 14. No. 2. P. 677 – 691. DOI: 10.12973/eu-jer.14.2.677

10. Özçelik Nermin Punar Artificial intelligence in English language teaching: A systematic analysis of global trends. International Journal of Curriculum and Instruction. 2025. Vol. 17. No. 2. P. 612 – 626.

11. Solak Ekrem Revolutionizing language learning: How ChatGPT and AI are changing the way we learn languages. International Journal of Technology in Education. 2024. Vol. 7. No. 2. P. 353 – 372. DOI: 10.46328/ijte.732

12. Rintaningrum Ratna Technology integration in English language teaching and learning: Benefits and challenges. Cogent Education. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 1 – 21. DOI: 10.1080/2331186X.2022.2164690

13. Reina-Parrado Manuel, Román-Graván Pedro, Hervás-Gómez Cristóbal Integration of artificial intelligence and machine learning in education: A systematic review. International Journal of Educational Meth-odology. 2025. Vol. 11. No. 2. P. 203 – 216. DOI: 10.12973/ijem.11.2.203

Информация об авторах

Люй Кайюэ, Синьцзянский педагогический университет, Китай

Фу Дунмэй, Синьцзянский педагогический университет, Китай, 1009912374@qq.com

© Люй Кайюэ, Фу Дунмэй, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 372.881.1
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-314-320

Методический потенциал онлайн-ресурсов в обучении английскому языку учащихся средних и старших классов

[1] Набиуллина Р.И., [1] Прищепенко А.И., [1] Шелестова О.В.

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: в статье рассматривается методический потенциал онлайн-ресурсов в обучении английскому языку учащихся средних и старших классов в условиях цифровизации образования. Анализируются современные исследования по изучению цифровых ресурсов в образовании, их сильных и слабых сторон, их применению с учетом возрастных особенностей обучающихся. Целью статьи является выявление и описание ключевых аспектов использования онлайн-ресурсов в обучении английскому языку школьников среднего и старшего звена, их методического потенциала, а также проведение сравнительного анализа российских платформ и ресурсов для изучения английского языка. Поставленные задачи включают в себя анализ современной научной литературы по проблеме использования цифровых ресурсов в обучении английскому языку, описание возрастных и психолого-педагогических особенностей учащихся среднего и старшего звена, влияющих на выбор и проектирование онлайн-ресурсов, описание пяти российских онлайн-ресурсов (InSpeak, RushENGL, Turboenglish, Learnathome, Lingualeo), выделение их сильных и слабых сторон с точки зрения методического потенциала и мнения обучающихся. Теоретическая значимость статьи состоит в уточнении и систематизации представлений о методическом потенциале онлайн-ресурсов в условиях цифровой образовательной среды; практической значимостью статьи является выявление сильных и слабых сторон популярных ресурсов для изучения английского языка.
Ключевые слова: интернет-ресурс, онлайн-ресурс, цифровизация, методический потенциал, методическое сопровождение, цифровой инструмент

Для цитирования: Набиуллина Р.И., Прищепенко А.И., Шелестова О.В. Методический потенциал онлайн-ресурсов в обучении английскому языку учащихся средних и старших классов // Современный ученый. 2026. № 10. С. 314 – 320. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-314-320

Поступила в редакцию: 10 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Methodological potential of online resources in teaching English to middle and high school students

[1] Nabiullina R.I., [1] Prishchepenko A.I., [1] Shelestova O.V.

[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article examines the methodological potential of online resources in teaching English to middle and high school students in the context of digitalization of the education. The article analyzes modern research on the study of digital resources in education, their strengths and weaknesses, and their application, considering the age

characteristics of students. The purpose of the article is to identify and describe the key aspects of using online resources in teaching English to middle and senior schoolchildren, their methodological potential, as well as to conduct a comparative analysis of Russian platforms and resources for learning English. The tasks set include an analysis of modern scientific literature on the use of digital resources in English language teaching, a description of the age and psychological and pedagogical characteristics of middle and senior level students that influence the choice and design of online resources; description of three Russian online resources (InSpeak, RushENGL, Turboenglish, Learnathome, Lingualeo), highlighting their strengths and weaknesses in terms of methodological potential and students' opinions. The theoretical significance of the article is to clarify and systematize ideas about the methodological potential of online resources in a digital educational environment; the practical significance of the article is to identify the strengths and weaknesses of popular resources for learning English.
Keywords: Internet resource, online resource, digitalization, methodological potential, methodological support, digital tool

For citation: Nabiullina R.I., Prishchepenko A.I., Shelestova O.V. Methodological potential of online resources in teaching English to middle and high school students. Modern Scientist. 2026. 10. P. 314 – 320. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-314-320

The article was submitted: May 10, 2026; Approved after reviewing: June 7, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Использование интернет-ресурсов сегодня является одним из приоритетных направлений развития школьного языкового образования, исходя из принципов цифровизации образования в целом и цифровых трансформаций в современном обществе. Вовлеченность обучающихся в онлайн среду обуславливает необходимость изменений в образовательной среде: использование мультимодального контента, цифровых ресурсов, онлайн-платформ, интерактивного взаимодействия. Однако, как подчеркивают исследователи, спонтанное и несистемное использование цифровых инструментов не всегда приводит к росту языковой компетенции, и в некоторых ситуациях может снижать качество усвоения материала, в частности, как отмечает Т.А. Ивашкина, в тех ситуациях, когда цифровизацию и онлайн-ресурсы воспринимают только как «модный образовательный тренд» [1, с. 273]. Исследователи И. Колосовская, Д. Степанова отмечают, что внедрение цифровых ресурсов в образовательный процесс требует систематического подхода, детального изучения особенностей их применения в рамках нормативно-правового поля, особенностей образования и потребностей обучающихся [2].

О.О. Захарова указывает на тот факт, что студенты, обладающие низким уровнем лингвистических компетенций, негативно настроены по отношению к вариативности форматов работы в ходе изучения иностранного языка, и приходит к выводу, что в современной цифровой образовательной среде необходима систематизация во внедрении интерактивных и цифровых ресурсов [3, с. 1233]

Данное исследование направлено на изучение методического потенциала онлайн-ресурсов в обучении именно учащихся средних (5-9 классы) и старших (10-11 классы) классов, характеризующихся различным уровнем интеллектуального и эмоционального развития, мотивации и учебной автономии.

Подавляющее большинство исследований (Захарова, 2023; Астафурова, Козлова, Вишневецкая, 2020; Новосельцева, 2017; и др.) сходится во мнении, что использование онлайн-ресурсов и платформ, мобильных приложений и интерактивных сервисов, смарт-технологий при обучении английскому языку способствует повышению мотивации учащихся, делает занятия более динамичными и обеспечивает доступ к аутентичному языковому материалу, поскольку использует новейшие достижения как отечественной, так и зарубежной науки, интенсифицирует образовательный процесс, способствует формированию личности нового типа – что отвечает запросам современного общества [4, с. 74]. Исследователи-практики отмечают такие достоинства интернет-ресурсов, как аккумулирование значительного массива данных, что предполагает доступ к неограниченному количеству разнообразных материалов и ресурсов для обучения иностранному языку [5]; интеграция онлайн-платформ, геймификация заданий, использование мультимедийных ресурсов ведет к значительному росту лексических, грамматических и коммуникативных навыков, а также к формированию навыков самостоятельной работы и цифровой грамотности [6].

Цифровые инструменты позволяют реализовывать индивидуальные образовательные траектории, дифференцировать задания по уровню сложности и интересам, обеспечивать непрерывность обучения в смешанном и дистанционном форматах [7]. При этом стоит подчеркнуть, что эффективность цифровых ресур-

сов определяется в первую очередь методически грамотным проектированием заданий, соответствием возрастным и когнитивным особенностям учащихся и встраиванием в общую систему целей и результатов обучения, а не только лишь следованиям тенденциям цифровизации, что означает, что косвенной задачей внедрения цифровых ресурсов во все уровни образования является повышение цифровой грамотности [8].

Отмечаются так же и негативные стороны активного внедрения онлайн-продуктов в образовательный процесс, в частности, информационная перегрузка обучающихся, фрагментарность и «клиповость» многих интернет-ресурсов, снижение уровня социализации [9, с. 181].

Таким образом, при внедрении любых цифровых инструментов в образовательный процесс требует разработки четких критериев отбора онлайн-ресурсов для школы, в частности, педагогическая целесообразность внедрения инструментов, надежность и безопасность контента, адаптация к возрасту и учет возрастных психоэмоциональных особенностей и т.д. [10].

Так, учащиеся среднего этапа обучения нуждаются в высокой степени наглядности, игровой мотивации и чёткой структурированности материала [11]; для них особенно важны мультимедийные, геймифицированные задания и короткие, емкие виды деятельности. Интерактивные упражнения, онлайн-тесты и визуализированные схемы существенно облегчают усвоение, как грамматических структур, так и коммуникативных навыков.

В старших классах возрастает значение учебной автономии, рефлексии и профильной направленности обучения [12]; обучающиеся способны работать с более сложными аутентичными текстами, проектами, дискуссиями, в частности, в онлайн-формате. Исследования, посвященные эффективности интернет-платформ при обучении английскому языку в старших классах показывает, что регулярная работа с онлайн-курсами в сочетании с очными занятиями способствует развитию у обучающихся навыков критического мышления, формированию устойчивой внутренней мотивации и лучшей подготовке к ЕГЭ [13]. Однако, важно отметить, что старшеклассникам требуется методическое сопровождение при выборе онлайн-ресурсов, так как бессистемный и хаотичный выбор материалов может привести к поверхностному, так называемому «клиповому» изучению языка [14].

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили 37 современных научных работ российских и зарубежных авторов (период публикаций: 2017-2024 гг.), отобранных по тематике цифровизации языкового образования.

В выборку вошли исследования, посвящённые цифровизации языкового образования (С.В. Титова, 2024; О.О. Захарова, 2023; Т.А. Ивашкина, 2021; Дагген, 2020 и др.), использованию онлайн-ресурсов и цифровых образовательных платформ в обучении английскому языку (О.О. Захарова, 2023; Ю.А. Кошеварова, 2023; Т.Н. Астафурова, 2020; Bharathi M. 2020 и др.), возрастным и психолого-педагогическим особенностям учащихся средних и старших классов в условиях цифровой образовательной среды (Ю. Матросова, С. Писарева, 2022; А.И. Вороненко, 2020; М.В. Нешумаев 2017 и др.). Отбор источников осуществлялся по таким критериям, как релевантность темы исследования, рецензируемый статус публикации, доступность полного текста, соответствие временным рамкам.

Эмпирическую базу исследования составили описания современных онлайн-ресурсов, ориентированных на изучение английского языка и доступных российским пользователям, в частности, пяти российских ресурсов – InSpeak, RushENGL, Turboenglish, Learnathome, Lingualeo. Для каждого ресурса было проанализировано 5 параметров: функциональность, методические подходы, типы заданий, уровень адаптивности и доступность. Методологической базой являются теоретический анализ научной литературы, сравнительный анализ пяти образовательных онлайн-ресурсов, обобщение педагогического опыта.

Результаты и обсуждения

Методический потенциал онлайн-ресурсов в обучении английскому языку учащихся средних и старших классов может быть описан через следующие ключевые функции: **мотивационная** функция, которая заключается в том, что геймификация процесса обучения, интерактивность, визуальная и аудиальная составляющие онлайн-ресурсов способствуют повышению интереса к предмету и устойчивости учебной мотивации; **коммуникативная** функция, онлайн-ресурсы позволяют осуществлять письменное и устное взаимодействие (чаты, видеоконференции и т.д.), практиковать реальное общение с носителями и сверстниками из других регионов; **когнитивно-развивающая** функция, то есть, работа с мультимодальными текстами, заданиями на поиск, анализ и критическую оценку информации развивает навыки критического мышления; **социокультурная** функция – аутентичные материалы, видеосюжеты о жизни в англоязычных странах способствуют формированию социокультурной компетенции.

Потенциал онлайн-ресурсов в обучении иностранным языкам может быть реализован только в том случае, если выполняется ряд методических требований, в частности, продуманной дидактической стратегии, постановки целей, соотнесения с учебной программой в целом, учета возраста и психоэмоционального состояния обучающихся и др.

В научно-экспериментальной работе по исследованию потенциала онлайн-ресурсов в обучении иностранному языку нами были изучены 5 российских онлайн-сервиса (InSpeak, RushENGL, Turboenglish, Learnathome, Lingualeo) для изучения английского языка. Данные серверы были использованы на среднем и старшем этапе обучения английскому языку, после чего методов анкетирования нами были получены данные о сильных и слабых сторонах данных ресурсов.

InSpeak – это интерактивный онлайн-курс английского языка для самостоятельного освоения, который содержит в себе около 60 уроков с персонажами, выполнен в игровой форме.

RushENGL – комплексная платформа для самостоятельного изучения английского с гибкой программой, медиатекой и так называемой «freemium-моделью», что подразумевает под собой определенное количество бесплатного функционала, но с более широким функционалом за отдельную плату.

Turboenglish – сервис для изучения английского с нуля, специализирующийся на начальных уровнях.

Lingualeo – популярный мультиплатформенный сервис с игровой механикой, персональными планами и большой библиотекой контента.

Learnathome – программа для самостоятельного изучения английского языка с набором бесплатных и премиальных инструментов.

Данные онлайн-ресурсы были проанализированы нами по 5 основным критериям: функциональность, методические подходы, типы заданий, уровень адаптивности и доступность.

По функциональности наиболее многокомпонентными выступают RushENGL и Lingualeo, так как данные ресурсы обладают такими важными признаками, как кроссплатформенность, медиатека, несколько видов тренажёров, тогда как InSpeak и Turboenglish предлагают более линейный курс, ресурс Learnathome занимает промежуточную позицию – функционал данного сервиса более ограничен по сравнению с RushENGL и Lingualeo, однако не такой узкий, как у оставшихся ресурсов.

По методическим подходам RushENGL и Learnathome ориентированы на комплексное развитие четырёх видов речевой деятельности, Lingualeo – в главную очередь на мотивацию и игровую подачу аутентичных материалов. InSpeak и Turboenglish ориентированы на структурированный курс с постепенным введением языкового материала для самостоятельной работы.

По типам заданий RushENGL и Lingualeo демонстрируют наибольшее разнообразие (лексика, грамматика, чтение, аудирование, произношение, работа с мультимедиа), тогда как Turboenglish специализируется преимущественно на базовой лексике и простых моделях предложений, а InSpeak фокусируется на интерактивных сюжетных уроках.

По уровню адаптивности Lingualeo и RushENGL относятся к высоко адаптивным ресурсам, так как предлагают персональные планы, гибкий выбор траектории, персонализированные системы запоминания слов. InSpeak и Learnathome обеспечивают скорее уровневую и модульную адаптацию, а Turboenglish является преимущественно линейным курсом для начального уровня.

По доступности все рассмотренные ресурсы ориентированы на российских пользователей и доступны в онлайн-формате, однако модели различаются по ценовой доступности: RushENGL, Lingualeo и Learnathome работают по freemium-принципу, то есть, их базовый бесплатный функционал ограничен, расширенные функции представлены только в платных версиях; InSpeak и Turboenglish позиционируются как платные курсы с возможными демо-доступами.

По завершению анализа онлайн-ресурсов, нами были отобраны 3 ресурса – InSpeak, RushENGL, Turboenglish для опытно-экспериментальной работе на среднем и старшем этапе.

На среднем этапе данные ресурсы использовались как средство организации этапа тренировки и первичного закрепления материала и последующей тренировки. InSpeak вводился после основного объяснения темы и первичного закрепления материала на уроке: обучающимся было необходимо выполнить серию интерактивных уроков, тематически связанных с изучаемым грамматическим явлением и лексической темой, с последующим обсуждением в классе типичных ошибок и трудностей. RushENGL применялся для отработки лексики и грамматики: учащимся задавались для дома конкретные модули (тренажёры слов и базовые грамматические упражнения), результаты выполнения далее фиксировались и анализировались. Turboenglish использовался как вспомогательный ресурс для формирования базовых навыков построения предложений и восприятия речи на слух, кроме того, ресурс оказался полезным для обучающихся с теми или иными затруднениями в базовых знаниях.

На старшем этапе вышеуказанные ресурсы были введены в систему самостоятельной, проектной работы. InSpeak применялся на этапе введения и актуализации, обучающиеся заранее проходили выбранные интерактивные модули по теме будущего урока, а на занятии выполняли коммуникативные задания, опираясь на изученный материал. RushENGL использовался для углубленной работы с лексикой и грамматикой, необходимых для подготовки к экзаменам и олимпиадам. Turboenglish задействовался точечно для ликвидации пробелов у обучающихся, испытывающих трудности с теми или иными структурами.

Во всех классах работа с онлайн-ресурсами предварительно структурировалась в виде методологии работы и введения инструкций: обучающиеся получали алгоритмы, такие как последовательность входа на платформу, номера и названия модулей, критерии выполнения и отчётности, а также шаблоны отчётов. Задания задавались как в формате домашней работы, так и в формате мини-модулей на уроке (не более 10 минут работы в ресурсах на этапе разминки и тренировки), что обеспечивало систематичность использования и возможность регулярного мониторинга индивидуального прогресса.

Обучающиеся среднего этапа образования продемонстрировали заметные улучшения в области лексики и грамматических навыков за счёт регулярной работы с интерактивными упражнениями Turboenglish и InSpeak, а также рост интереса и мотивации к изучению предмета. В старших классах эффект от онлайн-сервисов был менее заметен, однако мы отметили улучшение показателей по аудированию и говорению; RushENGL и InSpeak так же способствовали формированию у школьников навыков самоорганизации и рефлексии, многие отметили, что стали осознаннее и самостоятельнее в онлайн-обучении.

Таблица 1

Сравнительный анализ использованных онлайн-ресурсов.

Table 1

Comparative analysis of the online resources used.

Ресурс	Методический потенциал	Слабые стороны, ограничения	Примечание (отзывы обучающихся)
InSpeak	1) Высокая мотивационная составляющая за счёт сюжетности, интерактивных персонажей, что особенно важно для учащихся среднего звена. 2) Возможность введения лексики в контексте, грамматики в сценариях, что обеспечивает коммуникативную направленность обучения.	1) Потенциальная перегрузка визуальными и сюжетными элемен-тами, которая может отвлекать от языковой задачи при отсутствии чётких инструкций учителя. 2) Отсутствует привязка к школьной программе.	Больше всего обучающимся понравилась игровая составляющая: уроки стали похожи на игру с сюжетом и героями, что значительно повысило интерес учеников. Отдельно выделяли новые возможности по распознаванию речи, что удобно для практики произношения. Ученики отметили, что в приложении слишком много визуальной составляющей (картинок, действий на экране), что мешало сосредоточиться. Кроме того, обучающиеся отметили, что из-за несовпадения тем приходилось делать двойное домашнее задание.
RushENGL	1) Комплексный характер курса, который охватывает ключевые виды речевой деятельности. 2) Есть встроенные аудио- и видеоматериалы. 3) Особенно эффективные методы запоминания лексики с систематической ее отработкой.	1) Достаточно дорогой ресурс. Платёжные модели и подписки могут ограничивать доступ для части учащихся, создавая риск неравен-ства. 2) Без методического и систематичного сопровождения учителя упражнения превращаются в механическое повторение.	Обучающиеся отметили, что ресурс удобен для запоминания слов («напоминает о словах, через какое-то время показывает их снова»). Большинство обучающихся негативно отзывались о дорогой подписке, пользоваться ресурсом могли не все. Также было отмечено, что задания однообразные, нет творческой составляющей.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Turboenglish	1) Простой интерфейс, интуитивно понятный, ориентированный на базовый уровень, что применимо не только для тех, кто только начинает обучение языку, но и для коррекционной работы.	1) Базовый уровень не позволяет использовать ресурс полноценно для работы со старшими классами – только для коррекции базовых ошибок в синтаксисе и грамматике. 2) Отсутствуют такие формы работы, как построение диалога и дискуссии. Ресурс не подходит для работы с устной речью.	Ученикам особенно понравился dashboard с их индивидуальным прогрессом. Кроме того, почти все ученики (89%) отметили простой интерфейс, что стало плюсом для тех, кто сомневался в себе и своем уровне английского языка. Также, было отмечено, что ресур удобен как тренировка перед контрольными работами. Из минусов обучающиеся выделили однотипность и легкость заданий, однообразность заданий.

Выводы

Проведенный анализ показал, что онлайн-ресурсы имеют значительный потенциал в качестве инструментария для обучения английскому языку, так как обеспечивают доступ к обширным базам материалов на английском языке, способствуют развитию не только коммуникативных, но и социокультурных и гибких навыков, таких как критическое мышление. Однако применение онлайн-ресурсов не должно быть бессистемным и хаотичным, ресурсы должны встраиваться в учебную программу и подчиняться дидактическим принципам обучения, кроме того, преподавателю необходимо отбирать контент для изучения в онлайн-ресурсах и обеспечивать методическое сопровождение с учетом возрастных и психологических особенностей учащихся.

Список источников

1. Ивашкина Т.А. Проблемы влияния цифровизации общества на высшее лингвистическое образование и образовательный потенциал цифровых технологий в полиязыковой подготовке студентов вузов // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1 (86). С. 272 – 275. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-186-272-275

2. Колосовская И., Степанова Д. Лингвистическое образование в условиях цифровизации. Наука и инновации. 2020. № 6 (208). С. 37 – 39.

3. Захарова О.О. Внедрение цифровых инструментов в процесс развития иноязычной лингвистической компетенции студентов технического вуза (на примере обучения английскому языку) // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8. № 12. С. 1231 – 1240. DOI: https://doi.org/10.30853/ped20230175

4. Кошеварова Ю.А., Галиева Д.А. Использование платформы Wordwall в обучении грамматики английского языка // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 3 (101). С. 152 – 157.

5. Михайлова Е.М. Возможности и ограничения использования интерактивных цифровых технологий в обучении иностранному языку преподавателями // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12. № 2. С. 1 – 10.

6. Астафурова Т.Н., Козлова О.П., Вишневецкая Н.А. Роль smart-технологий в обучении иностранному языку // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (149). С. 74 – 79.

7. Новикова О.В. Реализация интерактивного обучения английскому языку посредством онлайн-технологий // Наукосфера. 2022. № 1. С. 194 – 197.

8. Глухов А.П., Камнева О.С., Соломина И.Г. Цифровая грамотность педагогов: концептуализация и мониторинг // Ped. Rev. 2022. № 5 (45). С. 39 – 47.

9. Куц А. В., Дудович Д. Л. Использование интерактивных онлайн-ресурсов для обучения грамматике английского языка в средней школе // Преподавание языков и культур в парадигме цифровой трансформации: сохраняем традиции, внедряем инновации, расширяем горизонты. Материалы XXX международной научно-практической конференции. Самара, 2025. С. 174 – 187.

10. Васьбиева Д.Г. К вопросу об использовании современных цифровых технологий в обучении иностранному языку в вузе // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13. С. 24 – 31.

11. Тяпкина А.Д., Ковригина Т.Р. Особенности адаптации учащихся среднего звена школы к учебному процессу // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021. № 64. С. 6 – 8. DOI: 10.24412/3453-9875-2021-64-6-8

12. Нешумаев М.В. Психолого-педагогические условия развития автономности старшеклассников. Казанский педагогический журнал. 2017. № 3 (122). С. 87 – 92.

13. Бурдина Е.С. Использование цифровых образовательных платформ в процессе обучения английскому языку // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 7 (83). С. 54 – 58.

14. Вороненко А.И., Терешкова А.Н. Адаптация системы образования к «клиповому мышлению» // Эпоха науки. 2020. № 24. С. 288 – 292. DOI: 10.24411/2409-3203-2020-12459

References

1. Ivashkina T.A. Problems of the Impact of Digitalization of Society on Higher Linguistic Education and the Educational Potential of Digital Technologies in Multilingual Training of University Students. World of Science, Culture, Education. 2021. No. 1 (86). P. 272 – 275. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-186-272-275

2. Kolosovskaya I., Stepanova D. Linguistic Education in the Context of Digitalization. Science and Innovation. 2020. No. 6 (208). P. 37 – 39.

3. Zakharova O.O. Implementation of Digital Tools in the Process of Developing Foreign Language Linguistic Competence of Technical University Students (using English Language Teaching as an Example). Pedagogy. Theoretical and Practical Issues. 2023. Vol. 8. No. 12. P. 1231 – 1240. DOI: https://doi.org/10.30853/ped20230175

4. Koshevarova Yu.A., Galieva D.A. Using the Wordwall Platform in Teaching English Grammar. Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (101). P. 152 – 157.

5. Mikhailova E.M. Possibilities and Limitations of Using Interactive Digital Technologies in Teaching Foreign Languages by Teachers. The World of Science. Pedagogy and Psychology. 2024. Vol. 12. No. 2. P. 1 – 10.

6. Astafurova T.N., Kozlova O.P., Vishnevetskaya N.A. The Role of Smart Technologies in Teaching Foreign Languages. Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2020. No. 6 (149). P. 74 – 79.

7. Novikova O.V. Implementation of Interactive Teaching of the English Language through Online Technologies. Naukosphere. 2022. No. 1. P. 194 – 197.

8. Glukhov A.P., Kamneva O.S., Solomina I.G. Digital Literacy of Teachers: Conceptualization and Monitoring. Ped. Rev. 2022. No. 5 (45). P. 39 – 47.

9. Kuts A.V., Dudovich D.L. Using Interactive Online Resources for Teaching English Grammar in Secondary School. Teaching Languages and Cultures in the Digital Transformation Paradigm: Preserving Traditions, Introducing Innovations, Expanding Horizons. Proceedings of the XXX International Scientific and Practical Conference. Samara, 2025. P. 174 – 187.

10. Vasbieva D.G. On the Use of Modern Digital Technologies in Teaching Foreign Languages at the University. Humanities. Bulletin of the Financial University. 2023. Vol. 13. Pp. 24 – 31.

11. Tyapkina A.D., Kovrigina T.R. Features of Adaptation of Middle School Students to the Educational Process. Norwegian Journal of Development of the International Science. 2021. No. 64. P. 6 – 8. DOI: 10.24412/3453-9875-2021-64-6-8

12. Neshumaev M.V. Psychological and Pedagogical Conditions for the Development of High School Students' Autonomy. Kazan Pedagogical Journal. 2017. No. 3 (122). P. 87 – 92.

13. Burdina E.S. Using Digital Educational Platforms in Teaching English. Skif. Issues of Student Science. 2023. No. 7 (83). P. 54 – 58.

14. Voronenko A.I., Tereshkova A.N. Adaptation of the Education System to "Clip Thinking". The Age of Science. 2020. No. 24. P. 288 – 292. DOI: 10.24411/2409-3203-2020-12459

Информация об авторах

Набиуллина Р.И., Казанский (Приволжский) федеральный университет, rufinanabiullina164@gmail.com

Прищепенко А.И., Казанский (Приволжский) федеральный университет, Prishchepenkon@gmail.com

Шелестова О.В., кандидат филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, olga.shelestova@kpfu.ru

© Набиуллина Р.И., Прищепенко А.И., Шелестова О.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 378.14
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-321-327

Педагогические условия формирования успешности обучения иностранных граждан на подготовительном факультете университета

[1] Шимкович Е.Д.

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: статья посвящена проблеме успешности обучения иностранных граждан в российских университетах. Цель – теоретически обосновать комплекс педагогических условий формирования успешности обучения иностранных граждан на подготовительном факультете университета и привести практические примеры их реализации. На основе анализа научной литературы показано, что целостные комплексы педагогических условий для организации обучения иностранных граждан ранее не выделялись. Обоснованы пять педагогических условий: применение коммуникативных принципов при реализации персонализированной стратегии; создание коммуникативно-персонализированной среды на основе триады «АВС» (активность, взаимодействие, ситуативность); коммуникативно-персонализированное целеполагание; технология обучения с сочетанием групповых и индивидуальных форм; система мотивирующей критериальной оценки и самооценки. Каждое условие раскрыто через принципы и элементы, зафиксированные в педагогической теории, и проиллюстрировано практическими примерами из опыта подготовительного факультета Казанского (Приволжского) федерального университета.
Ключевые слова: педагогические условия, успешность обучения, иностранные граждане, подготовительный факультет, коммуникативно-персонализированный подход, триада «АВС»

Для цитирования: Шимкович Е.Д. Педагогические условия формирования успешности обучения иностранных граждан на подготовительном факультете университета // Современный ученый. 2026. № 10. С. 321 – 327. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-321-327

Поступила в редакцию: 11 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Pedagogical conditions for the formation of educational success of foreign citizens at the preparatory faculty of the university

[1] Shimkovich E.D.

[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article is devoted to the problem of educational success of foreign citizens at Russian universities. The aim is to theoretically substantiate a set of pedagogical conditions for the formation of educational success of foreign citizens at the preparatory faculty of the university and to provide practical examples of their implementation. Based on the analysis of scientific literature, it is shown that holistic sets of pedagogical conditions for organizing the education of foreign citizens have not been previously identified. Five pedagogical conditions are substantiated: the application of communicative principles in the implementation of a personalized strategy; the creation of

a communicative-personalized environment based on the "AIC" (Activity, Interaction, Contextuality) triad; communicative-personalized goal-setting; a learning technology combining group and individual forms; and a system of motivating criterion-based assessment and self-assessment. Each condition is revealed through principles and elements recorded in pedagogical theory and illustrated with practical examples from the experience of the preparatory faculty of Kazan (Volga Region) Federal University.
Keywords: pedagogical conditions, educational success, foreign citizens, preparatory faculty, communicative-personalized approach, "ABC" triad

For citation: Shimkovich E.D. Pedagogical conditions for the formation of educational success of foreign citizens at the preparatory faculty of the university. Modern Scientist. 2026. 10. P. 321 – 327. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-321-327

The article was submitted: May 11, 2026; Approved after reviewing: June 8, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Анализ научной литературы по проблеме обучения иностранных граждан в российских вузах показывает, что исследователи традиционно уделяют внимание вопросам социокультурной адаптации, межкультурной коммуникации и психологической поддержки данной категории обучающихся [1, 2, 3]. Однако эти работы касаются преимущественно студентов, уже зачисленных на основные факультеты, и не учитывают специфики подготовительного факультета (далее в тексте – Подфак), где обучение носит интенсивный характер, русский язык выступает одновременно целью и средством освоения профильных дисциплин, а сроки обучения сжаты, как правило, до одного учебного года. Подготовительный факультет является первой и ключевой ступенью в системе университетского обучения иностранных граждан, поскольку именно здесь закладывается языковая, предметная и социокультурная база, необходимая для последующего успешного освоения основных профессиональных образовательных программ. Успешность прохождения этого этапа во многом определяет не только академическую судьбу иностранного студента, но и его дальнейшую интеграцию в российское образовательное и профессиональное сообщество. Исследования, посвященные непосредственно подготовительным факультетам [4, 5, 6], описывают отдельные приемы и рекомендации по организации учебного процесса для иностранных граждан, но не выстраивают их в целостный комплекс педагогических условий. Цель данной статьи – теоретически обосновать комплекс педагогических условий формирования успешности обучения иностранных граждан на подготовительном факультете и привести практические примеры их реализации.

Материалы и методы исследований

Теоретико-методологическую основу исследования составили коммуникативный подход [7, 8, 9] и персонализированный подход [10, 11] в их интеграции, а также анализ педагогической литературы по вопросам обучения иностранных граждан на подготовительных факультетах. Использовались методы теоретического анализа, синтеза, а также обобщения педагогического опыта.

Результаты и обсуждения

На основе анализа теоретических источников и обобщения многолетнего опыта работы подготовительного факультета для иностранных учащихся Казанского (Приволжского) федерального университета был выделен комплекс из пяти педагогических условий формирования успешности обучения иностранных граждан. Выбор именно этих условий обусловлен тем, что каждое из них направлено на преодоление типичных дефицитов иностранных слушателей: низкой коммуникативной активности, трудностей социокультурной адаптации, недостаточной персонализации обучения, отсутствия навыков целеполагания и рефлексии. В совокупности данные условия образуют целостную систему, обеспечивающую переход иностранного гражданина от состояния дезадаптации к академической и социокультурной успешности [12]. Рассмотрим каждое из них подробно.

Первое педагогическое условие: *применение коммуникативных принципов обучения при реализации персонализированной образовательной стратегии.* Синтез коммуникативного подхода с персонализированным, образующий коммуникативно-персонализированный подход, позволяет достичь цели обучения с учетом образовательной самостоятельности, индивидуальных особенностей и потребностей каждого обучаю-

щегося. Организация образовательного процесса при этом осуществляется на основе следующих принципов.

Принцип ориентации речемыслительной деятельности на решение коммуникативных задач. Образовательный процесс структурируется вокруг коммуникативных задач, требующих от обучающихся использования языка для достижения конкретных целей. В персонализированном аспекте содержание и сложность задач формируются на основе диагностики индивидуальных образовательных дефицитов, познавательных интересов и профессиональных намерений каждого студента. *Пример:* при изучении темы «Медицинское обследование» для студентов, планирующих поступать на медицинский факультет, коммуникативной задачей выступает не просто заучивание терминов, а моделирование диалога «врач – пациент» с последующей записью на видео и самоанализом. Для студентов инженерных направлений та же лексическая тема трансформируется в задачу «Описание технического осмотра оборудования», где используются те же грамматические конструкции, но на другом предметном материале.

Принцип аутентичности дидактических материалов. Обучающиеся работают с аутентичными языковыми материалами (текстами, аудио- и видеоматериалами), которые включают коммуникативные ситуации и контексты. Персонализация проявляется в подборе материалов, релевантных личному опыту, культурному бэкграунду и будущей специальности иностранных граждан. *Пример:* на занятии по русскому языку как иностранному используются не адаптированные учебные тексты, а реальные фрагменты из научно-популярных журналов, видеоблоги русскоязычных студентов о своей учебе, инструкции к бытовым приборам, объявления на остановках. При этом студент из Китая получает дополнительный глоссарий с переводом сложных слов на китайский, а студент из Ирана – тот же текст, но с опорой на интернациональную лексику.

Принцип активности и взаимодействия. Обучающиеся активно участвуют в коммуникативной деятельности и взаимодействуют друг с другом. Персонализированный компонент заключается в распределении ролей и функций в групповой работе с учетом образовательной самостоятельности и индивидуально-психологических особенностей. *Пример:* при подготовке группового проекта «Мой университет» в команде назначаются роли: лидер-организатор (коммуникабельный студент), аналитик (студент, склонный к работе с цифрами и фактами), оформитель (студент с художественными способностями), докладчик (студент с хорошим произношением). Роли меняются от проекта к проекту, чтобы каждый обучающийся развивал разные компетенции.

Принцип создания коммуникативной среды. Преподаватель создает условия образовательной среды, отличающейся высокой коммуникативной активностью: организуются встречи с представителями разных культур, разговорные клубы, интервью, экскурсии, ролевые игры, дискуссии. С позиции персонализации, ключевым является предоставление обучающимся выбора форматов и тематики активностей исходя из их личных интересов. *Пример:* раз в две недели проводится «Свободный микрофон» – студент может выбрать любую тему для короткого выступления: традиции его страны, любимый фильм, спортивное событие. Преподаватель заранее помогает подготовить опорные фразы, но не навязывает тему. Другие студенты задают вопросы, а после выступления дают обратную связь по специальному чек-листу («Что было понятно?», «Что хотелось бы уточнить?»).

Принцип ситуативности и функциональности. Обучающиеся получают возможность применять язык для решения ситуативно возникающих коммуникативных задач. Персонализация достигается за счет моделирования ситуаций, максимально приближенных к реальным академическим, бытовым и профессиональным контекстам конкретного обучающегося. *Пример:* создается «Календарь академических ситуаций» – на каждую неделю планируется одна жизненная ситуация, которую студенты разыгрывают и затем обсуждают: «Запись на прием к врачу» (для медиков – с профессиональной лексикой, для инженеров – с моделированием записи к мастеру), «Разговор с деканом о пересдаче», «Презентация своей научной работы на конференции». Ситуации усложняются от простых (бытовых) к сложным (академическим и профессиональным).

Принцип персонализации и адаптации. Преподаватель использует задания и материалы с учетом образовательной самостоятельности, индивидуального уровня подготовленности, актуальных проблем и запросов обучающихся. Этот принцип предполагает построение персонализированных образовательных траекторий, где коммуникативные задачи, темп и поддерживающие ресурсы подбираются персонально. *Пример:* для студентов с начальным уровнем русского языка (А0–А1) в одной и той же группе разрабатываются три варианта одного задания по аудированию. Вариант 1 – с опорой на субтитры и слова-подсказки, вариант 2 – с частичной опорой, вариант 3 – без опоры. Студент выбирает вариант самостоятельно или получает рекомендацию от преподавателя на основе результатов предыдущего тестирования.

Принцип межкультурного взаимодействия. Данный принцип предполагает парную и групповую деятельность в составе полиэтнических групп, использование учебных и творческих заданий, направленных на ознакомление с культурой и традициями разных народов. Персонализированное измерение заключается в поощрении студентов выступать в роли «культурных экспертов», делиться уникальным личным опытом. *Пример:* в рамках темы «Праздники» студенты из разных стран по очереди готовят 10-минутную презентацию о национальном празднике своей родины. После презентации группа задает вопросы сравнения: «Как поздравляют с Новым годом в твоей стране?», «Какие блюда готовят?». Преподаватель фиксирует наиболее частотные лексические ошибки и затем выносит их на отдельное занятие в формате «работа над ошибками».

Второе педагогическое условие: *создание инновационной коммуникативно-персонализированной образовательной среды на основе элементов триады «АВС» (активность, взаимодействие, ситуативность).* Отличительными чертами коммуникативно-персонализированного обучения выступают элементы триады «АВС»: «А» – активность (активное сотрудничество и сотворчество, активность студентов на всех этапах образовательного процесса от целеполагания до диагностики результатов); «В» – взаимодействие (коммуникативная ориентация образовательного процесса); «С» – ситуативность (контекстуальность и аутентичность – процесс обучения основан на задачах, которые имеют практическое применение и реализуются как реальные жизненные ситуации). Такая среда выполняет три функции: образовательную (обучение русскому языку как иностранному и профильным дисциплинам), коммуникативную (создание условий для всеобъемлющего взаимодействия) и социокультурную (помощь в освоении культурных норм и ценностей, содействие в налаживании социальных связей). *Пример:* на базе образовательной платформы «Студерус», которая используется на Подфаке для размещения учебных материалов и организации самостоятельной работы студентов [13], создано единое коммуникативное пространство для учебной группы. Внутри курса по русскому языку как иностранному организован форум, где студенты после каждого занятия выкладывают выполненные письменные задания (например, короткие тексты-описания, ответы на вопросы) и комментируют работы друг друга, используя предложенные преподавателем клише для рецензирования («Мне понравилось...», «Хорошо, что ты...», «Я бы посоветовал...») – это реализует принцип *активности* (студенты не просто получают материал, но и взаимодействуют с ним). Для организации *взаимодействия* преподаватель раз в две недели проводит онлайн-консультацию в чате платформы «Студерус» (или в видеоконференции на сервисе Яндекс Мессенджер), где студенты в реальном времени обсуждают одну и ту же проблему, например «Как подготовиться к устному ответу на занятии». Преподаватель модерирует обсуждение, задает наводящие вопросы, но не дает готовых ответов. *Ситуативность* реализуется через подбор заданий, максимально приближенных к реальным учебным ситуациям: студент получает на платформе папку с материалами («Объявление о переносе занятия», «Письмо декану», «Расписание консультаций») и должен в форуме кратко написать, что он понял и какие действия нужно предпринять. Все материалы и обсуждения сохраняются на платформе, и студент может вернуться к ним в любое время для повторения. Куратор академической группы получает еженедельный отчет об активности каждого студента (количество сообщений, просмотренных материалов, выполненных заданий) и при снижении активности персонально связывается со студентом для выяснения причин.

Третье педагогическое условие*: реализация коммуникативно-персонализированного целеполагания на основе анализа индивидуальных качеств, уровня подготовленности и персональных образовательных потребностей иностранных граждан.* Коммуникативно-персонализированное целеполагание представляет собой процесс мотивированной формулировки индивидуальных образовательных целей и задач обучения, а также их последующей корректировки. Целеполагание производится при участии обучающегося и педагогов (тьютора, куратора) на основании анализа данных входной и текущей диагностики. Основные характеристики – персонализация, обоснованность, объективность, учет образовательных потребностей. *Пример:* в первую неделю обучения каждый студент проходит комплексную диагностику, которая включает тест на уровень русского языка как иностранного, опросник учебной мотивации, анкету профессиональных намерений. Затем куратор проводит индивидуальное собеседование, по итогам которого фиксируются цели на семестр в специальной форме «Мои учебные цели». Для ускорения процедуры используется типовой шаблон с вариантами целей, из которых студент и преподаватель выбирают актуальные. Например, студент из Индонезии, планирующий поступать на инженерный факультет, совместно с куратором отмечает галочками в чек-листе следующие цели на первый семестр: «освоить профессиональную лексику по физике и математике», «научиться писать короткую аннотацию статьи», «подготовить устное сообщение по специальности». При необходимости в чек-листе есть строка «Другое» для индивидуальных пожеланий студента. Цели фиксируются и разбиваются на ежемесячные подзадачи. Раз в месяц проводится рефлексия – что вы-

полнено, какие трудности возникли, какие цели требуют корректировки. Студент видит свой прогресс, что повышает внутреннюю мотивацию.

Четвертое педагогическое условие: *разработка и реализация технологии обучения русскому языку как иностранному и профильным дисциплинам с учетом оптимального сочетания коммуникативных групповых и индивидуальных форм и методов обучения.* Технология включает активное использование коммуникативных задач и проектов, организацию системного взаимодействия между участниками, ситуативность и контекстуальность обучения. Сочетание индивидуальной и групповой форм работы обеспечивает коммуникативную направленность и баланс между целями образовательной программы и индивидуальными целями. Работа в парах осуществляется не только в рамках учебных заданий, но и в рамках программы наставничества (пары «наставник – наставляемый»). *Пример:* разработана сквозная программа наставничества «Равный – равному», которая действует в течение всего периода обучения. На первой неделе формируются пары «наставник – наставляемый» на основе диагностики уровня языка и профильных дисциплин. Наставник – студент с более высоким уровнем подготовки, имеющий сходный культурный бэкграунд (например, земляк или студент из соседней страны). Пары встречаются два раза в неделю для выполнения заданий: проверка домашней работы, совместное чтение и обсуждение текста, отработка диалогов и т. п. Кроме того, ежемесячно проводятся «коммуникативные мастерские» – групповые занятия (10–12 человек), где студенты из разных пар объединяются в микрогруппы для выполнения проектного задания (например, «Разработать маршрут экскурсии по Казани для иностранного гостя»). Каждая микрогруппа готовит продукт (буклет, презентацию, видеоролик) и защищает его перед всей мастерской. Наставники входят в состав жюри, что дает им дополнительную мотивацию. Такая технология охватывает все формы – от индивидуальной работы до групповой защиты проекта.

Пятое педагогическое условие: *разработка и реализация системы мотивирующей критериальной оценки и самооценки образовательных результатов на основе комплекса критериев.* Система мотивирующей критериальной оценки и самооценки представляет собой совокупность оценочных процедур, методов, приемов и диагностических инструментов для объективной оценки и самооценки образовательных достижений. Система охватывает показатели мотивации (удовлетворение персональных образовательных потребностей), адаптации (межкультурность, продуктивность межличностного взаимодействия) и результативности (уровень владения РКИ, академическая успеваемость по всем дисциплинам) [14]. Ключевыми критериями выступают когнитивный, операциональный, рефлексивный, адаптационный и мотивационный. *Пример:* после завершения каждого крупного содержательного модуля, например модуля «Химическая связь и строение вещества» в рамках дисциплины «Химия», студент получает «Лист критериальной самооценки». По когнитивному критерию: «Я знаю не менее 20 слов / терминов по теме, могу дать определение 5 ключевым понятиям». По операциональному: «Я могу написать краткое описание (5–7 предложений) по изученной теме, могу устно пересказать основной материал с опорой на план». По рефлексивному: «Я понимаю, какие типы ошибок я чаще всего допускаю (падежи, видовременные формы, порядок слов – для РКИ; смешение понятий, ошибки в формулировках – для профильных дисциплин), и знаю, как их исправлять». По адаптационному: «Я могу обратиться к преподавателю с просьбой о консультации, могу задать вопрос на лекции или практическом занятии». По мотивационному: «Насколько мне было интересно? Что из изученного я хочу разобрать дополнительно?». Студент ставит себе балл от 1 до 3 по каждому критерию, затем преподаватель ставит свою оценку. При расхождении более чем в 1 балл проводится короткое собеседование. По результатам собеседования корректируется индивидуальная образовательная траектория: добавляются дополнительные задания по проблемным зонам, меняется пара в наставничестве, предлагаются другие форматы контроля. Такая система формирует у студента навыки адекватной самооценки, снижает тревожность и превращает оценку из инструмента контроля в инструмент развития.

Выводы

Проведенное теоретическое исследование позволило сделать следующие выводы. Во-первых, анализ научной литературы показал, что целостный комплекс педагогических условий для подготовительного факультета ранее не был выделен и обоснован. Во-вторых, выделены пять педагогических условий, каждое из которых содержит конкретные принципы и элементы, зафиксированные в педагогической теории. В-третьих, каждое педагогическое условие проиллюстрировано практическими примерами, которые отражают реальную образовательную практику подготовительного факультета: от распределения ролей в проектах до системы наставничества и критериальной самооценки. Предложенный комплекс педагогических условий может служить основой для модернизации образовательного процесса на подготовительных факультетах российских университетов и повышения успешности обучения иностранных граждан.

Список источников

1. Айбазова М.Ю. Социокультурная адаптация иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (34). С. 117 – 121. DOI: 10.36809/2309-9380-2022-34-117-121

2. Апасова М.В., Кулагина И.Ю., Апасова Е.В. Условия адаптации иностранных студентов в вузах // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 4. С. 129 – 137. DOI: https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090412

3. Слободчиков И.М., Поморцева Н.В., Куновски М.Н. Социально-педагогические аспекты адаптации иностранных студентов в пространство российского вуза // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 12-1. С. 586 – 593. DOI: 10.34670/AR.2024.55.72.060

4. Краснощеков В.В. Адаптация иностранных студентов: теоретические подходы и практики формального и неформального образования: монография. 2-е изд. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2024. 122 с. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id23-626

5. Пичугина Д.А., Пуряева Н.Н., Фолина М.В. Двухмодульная ступенчатая модель подготовки иностранных предмагистрантов гуманитарной направленности к поступлению на программы высшего образования: алгоритм создания // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 11. Вып. 3. С. 560 – 568. DOI: 10.30853/ped20260069

6. Сергушина Е.С. Актуальные задачи и перспективы развития системы довузовской подготовки // L Огаревские чтения: материалы науч. конф.: в 3 ч. Ч. 3. Саранск, 2022. С. 1353 – 1362.

7. Акимова В.В., Краснокутская К.И. О некоторых аспектах преподавания русского языка как иностранного в условиях использования коммуникативного подхода // Современное педагогическое образование. 2025. № 5. С. 70 – 72.

8. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989. 276 с.

9. Зимняя И.А., Мазаева И.А., Лаптева М.Д. Коммуникативная компетентность, речевая деятельность, вербальное общение. М.: Аспект пресс, 2020. 395 с.

10. Савина Н.В. Методологические основы персонализации образования // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2020. № 4. С. 82 – 90. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.4.10

11. Лопанова Е.В., Савина Н.В. Соотношение понятий персонализация, персонификация и кастомизация образования // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72-4. С. 181 – 184.

12. Шимкович Е.Д., Гильманшина С.И. Концепция успешности университетского обучения иностранных граждан в условиях подготовительного факультета университета // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 195 – 205. DOI: 10.17223/15617793/515/23

13. Шимкович Е.Д., Ефимова И.Г., Махмутова Г.Ф. Влияние интерактивных технологий на успешность университетского обучения иностранных граждан // Science for Education Today. 2025. № 4. С. 158 – 178. DOI: 10.15293/2658-6762.2504.07

14. Шимкович Е.Д., Гильманшина С.И. Оценка успешности университетского обучения иностранных граждан в условиях подготовительного факультета // Глобальный научный потенциал. 2025. № 4 (169). С. 56 – 60.

References

1. Aybazova M.Yu. Sociocultural adaptation of foreign students to the conditions of study in Russian universities. Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research. 2022. No. 1 (34). P. 117 – 121. DOI: 10.36809/2309-9380-2022-34-117-121

2. Apasova M.V., Kulagina I.Yu., Apasova E.V. Conditions of adaptation of foreign students in universities. Modern foreign psychology. 2020. Vol. 9. No. 4. P. 129 – 137. DOI: https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090412

3. Slobodchikov I.M., Pomortseva N.V., Kunovski M.N. Social and pedagogical aspects of foreign students' adaptation to the Russian university environment. Pedagogical journal. 2023. Vol. 13. No. 12-1. P. 586 – 593. DOI: 10.34670/AR.2024.55.72.060

4. Krasnoshchekov V.V. Adaptation of foreign students: theoretical approaches and practices of formal and informal education: monograph. 2nd ed. SPb.: POLYTECH-PRESS, 2024. 122 p. DOI: 10.18720/SPBPU/2/id23-626

5. Pichugina D.A., Puryaeva N.N., Folina M.V. Two-module step-by-step model of training foreign pre-master's students in the humanities for admission to higher education programs: a creation algorithm. Pedagogy. Theoretical and Practical Issues. 2026. Vol. 11. Issue 3. P. 560 – 568. DOI: 10.30853/ped20260069

6. Sergushina E.S. Actual tasks and prospects for the development of the pre-university training system. L Ogarevskie readings: materials of the scientific. conf.: in 3 parts. Part 3. Saransk, 2022. P. 1353 – 1362.

7. Akimova V.V., Krasnokutskaya K.I. On Some Aspects of Teaching Russian as a Foreign Language Using the Communicative Approach. Modern Pedagogical Education. 2025. No. 5. P. 70 – 72.

8. Passov E.I. Fundamentals of Communicative Methods of Teaching Foreign Language Communication. Moscow: Russian Language, 1989. 276 p.

9. Zimnyaya I.A., Mazaeva I.A., Lapteva M.D. Communicative Competence, Speech Activity, Verbal Communication. Moscow: Aspect Press, 2020. 395 p.

10. Savina N.V. Methodological foundations of personalization of education. Science of Man: Humanitarian Studies. 2020. No. 4. P. 82 – 90. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.4.10

11. Lopanova E.V., Savina N.V. The relationship between the concepts of personalization, personification, and customization of education. Problems of modern pedagogical education. 2021. No. 72-4. P. 181 – 184.

12. Shimkovich E.D., Gilmanshina S.I. The concept of success of university education of foreign citizens in the conditions of the preparatory faculty of the university. Bulletin of Tomsk State University. 2025. No. 515. P. 195 – 205. DOI: 10.17223/15617793/515/23

13. Shimkovich E.D., Efimova I.G., Makhmutova G.F. The Impact of Interactive Technologies on the Success of Foreign Citizens' University Education. Science for Education Today. 2025. No. 4. P. 158 – 178. DOI: 10.15293/2658-6762.2504.07

14. Shimkovich E.D., Gilmanshina S.I. Assessing the Success of Foreign Citizens' University Education in the Preparatory Faculty. Global Scientific Potential. 2025. No. 4 (169). P. 56 – 60.

Информация об авторах

Шимкович Е.Д., кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин подготовительного факультета для иностранных учащихся, ORCID ID: http://orcid.org/0000-0003-1520-1078, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская 18, EDShimkovich@kpfu.ru

© Шимкович Е.Д., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 373.2
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-328-334

Теоретические основания гуманно-личностного подхода в когнитивном развитии младших дошкольников

[1] Пономарева В.В., Нестеров Ю.В.

[1] Астраханский государственный университет

Аннотация: в статье представлен сравнительно-теоретический анализ концептуальных оснований гуманно-личностного подхода к когнитивному развитию детей младшего дошкольного возраста. Актуальность проблематики обусловлена противоречием между ценностно-целевыми декларациями гуманно-личностной парадигмы, восходящей к работам Ш.А. Амонашвили, и нормативными требованиями ФГОС дошкольного образования, оперирующими процессуально-результативной логикой и предполагающими измеримость образовательных результатов. На основе систематизации и сравнительного анализа отечественных и зарубежных публикаций последних двадцати пяти лет, метода аналогий и теоретической реконструкции выделены четыре компонента гуманно-личностного подхода: ценностно-целевой, субъектно-личностный, средовой и деятельностно-процессуальный. Установлено, что когнитивная специфика младшего дошкольного возраста – доминирование наглядно-действенного мышления, неустойчивость произвольного внимания, преобладание непроизвольной памяти – накладывает ограничения на прямой перенос педагогических приёмов, генетически связанных с начальной школой. Раскрыты концептуальные разрывы между средовым подходом Ю.С. Мануйлова и нормативной концепцией развивающей предметно-пространственной среды, между ценностно-целевыми установками и отсутствием чувствительного к ним диагностического инструментария, между педагогическими стратегиями для трёхлетних и четырёхлетних детей. Обосновано, что интеграция средового и деятельностного подходов внутри гуманно-личностной парадигмы требует разработки операциональных моделей, учитывающих возрастные особенности когнитивного развития и обеспечивающих преемственность с теорией развивающего обучения В.В. Давыдова – Д.Б. Эльконина.
Ключевые слова: гуманно-личностный подход, когнитивное развитие, младший дошкольный возраст, культурно-историческая теория, деятельностный подход, средовой подход, развивающая предметно-пространственная среда, ФГОС дошкольного образования

Для цитирования: Пономарева В.В., Нестеров Ю.В. Теоретические основания гуманно-личностного подхода в когнитивном развитии младших дошкольников // Современный ученый. 2026. № 10. С. 328 – 334. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-328-334

Поступила в редакцию: 12 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Theoretical foundations of the humane-personal approach in the cognitive development of younger preschoolers

[1] Ponomareva V.V., [1] Nesterov Yu.V.

[1] Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

Abstract: the article presents a comparative-theoretical analysis of the conceptual foundations of the humane-personal approach to the cognitive development of children of younger preschool age. The relevance of the problem is determined by the contradiction between the value- and goal-oriented declarations of the humane-personal paradigm, which originates in the works of Sh.A. Amonashvili, and the normative requirements of the Federal State Educational Standard of Preschool Education, which operate within a process- and result-oriented logic and presuppose the measurability of educational outcomes. Based on a systematization and comparative analysis of Russian and foreign publications of the last twenty-five years, the method of analogies, and theoretical reconstruction, four components of the humane-personal approach are identified: value-and-goal, subject-and-personality, environmental, and activity-and-process. It is established that the cognitive specificity of younger preschool age – the dominance of visual-effective thinking, the instability of voluntary attention, and the predominance of involuntary memory – imposes restrictions on the direct transfer of pedagogical techniques genetically associated with primary school. The conceptual gaps between the environmental approach of Yu.S. Manuylov and the normative concept of a developmental subject-spatial environment, between value-and-goal frameworks and the absence of a diagnostic toolkit sensitive to them, and between pedagogical strategies for three-year-olds and four-year-olds are revealed. It is substantiated that the integration of the environmental and activity-based approaches within the humane-personal paradigm requires the development of operational models that take into account the age-related characteristics of cognitive development and ensure continuity with the theory of developmental teaching of V.V. Davydov and D.B. Elkonin.
Keywords: humane-personal approach, cognitive development, younger preschool age, cultural-historical theory, activity-based approach, environmental approach, developmental subject-spatial environment, Federal State Educational Standard of Preschool Education

For citation: Ponomareva V.V., Nesterov Yu.V. Theoretical foundations of the humane-personal approach in the cognitive development of younger preschoolers. Modern Scientist. 2026. 10. P. 328 – 334. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-328-334

The article was submitted: May 12, 2026; Approved after reviewing: June 9, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Проблематика когнитивного развития детей младшего дошкольного возраста – от трёх до четырёх лет – сопряжена с рядом методологических затруднений, обусловленных не столько дефицитом эмпирического материала, сколько фрагментарностью теоретических оснований, на которые опираются современные дошкольные образовательные программы. Концепция гуманно-личностного подхода, восходящая к педагогическим идеям Ш.А. Амонашвили [7], в специализированной литературе до сих пор не получила последовательной операционализации применительно именно к когнитивной сфере младших дошкольников; большинство работ сосредоточены либо на эмоционально-волевом компоненте, либо на социализации ребёнка, оставляя когнитивные процессы – восприятие, наглядно-действенное мышление, зачаточные формы произвольного внимания – на периферии анализа. Между тем ФГОС дошкольного образования (раздел II, пункт 2.6) фиксирует познавательное развитие в качестве одной из пяти образовательных областей, причём формулировки стандарта допускают достаточно широкую интерпретацию содержания, что порождает расхождения в программно-методическом обеспечении конкретных образовательных организаций. Попытки совместить гуманистическую ориентацию педагогического процесса с задачами интенсификации когнитивного развития нередко наталкиваются на противоречие: требование «следовать за ребёнком», характерное для личностно-ориентированных моделей, вступает в конфликт с директивными целевыми ориентирами, зафиксированными в нормативных документах.

Отечественная педагогическая традиция, опирающаяся на культурно-историческую теорию Л.С. Выготского и деятельностный подход А.Н. Леонтьева, трактует когнитивное развитие как процесс, неразрывно вплетённый в совместную деятельность ребёнка и взрослого; зона ближайшего развития выступает здесь центральным объяснительным конструктом [3]. Зарубежные исследователи – в частности, представители теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана – акцентируют иной аспект: внутреннюю мотивацию ребёнка и удовлетворение базовых психологических потребностей (автономия, компетентность, связанность), без чего когнитивная активность редуцируется до воспроизводящего подражания [9]. Позиция, согласно которой эти два подхода взаимно дополнительны, нуждается в дополнительной верификации, поскольку механизмы их интеграции на уровне конкретных педагогических процедур описаны фрагментарно. Отсутствие консенсуса проявляется и в оценке роли предметно-пространственной среды: одни авторы рассматривают её преимущественно как стимульное поле, другие – как систему культурных медиаторов, опосредующих интериоризацию внешних действий.

Настоящая работа направлена на выявление и систематизацию теоретических оснований, позволяющих непротиворечиво совместить гуманно-личностную ориентацию педагогического взаимодействия с задачами когнитивного развития детей трёх-четырёхлетнего возраста. Особое внимание уделено точкам расхождения между отечественными и зарубежными концепциями, а также тем лакунам, которые препятствуют переводу теоретических положений в технологически воспроизводимые педагогические решения.

Материалы и методы исследований

Методический аппарат работы включал систематизацию и сравнительный анализ научных публикаций – монографий, статей в рецензируемых журналах, диссертационных исследований, – посвящённых когнитивному развитию младших дошкольников и гуманно-личностному подходу в дошкольном образовании; хронологический охват – преимущественно 2010-2024 годы, однако отдельные фундаментальные работы (Выготский, Амонашвили, Пиаже) привлекались вне указанного диапазона как первоисточники. Контент-анализ применялся к нормативным документам: ФГОС дошкольного образования (приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 № 1155 с последующими изменениями), Профессиональному стандарту педагога (приказ Минтруда России от 18.10.2013 № 544н), а также к примерным основным образовательным программам дошкольного образования – с целью идентификации требований, прямо или косвенно соотносимых с гуманно-личностной парадигмой и когнитивными целевыми ориентирами.

Метод аналогий использовался при сопоставлении теоретических конструктов, принадлежащих различным научным школам (культурно-историческая психология, теория самодетерминации, средовой подход), для выявления функционально эквивалентных понятий и несовпадающих допущений. Структурно-функциональный подход позволил декомпозировать гуманно-личностный подход на отдельные компоненты – ценностно-целевой, содержательный, процессуально-технологический, диагностический – и соотнести каждый из них с конкретными аспектами когнитивного развития. Ограничением следует считать отсутствие собственных эмпирических данных, полученных методами наблюдения или эксперимента; аналитические выводы базируются исключительно на вторичных источниках, что сужает область допустимых обобщений.

Результаты и обсуждения

Декомпозиция гуманно-личностного подхода, проведённая на основе работ Ш.А. Амонашвили и его последователей, позволяет вычленить четыре компонента, различающихся по функциональной нагрузке и степени разработанности применительно к младшему дошкольному возрасту. Ценностно-целевой компонент – наиболее обеспеченный в теоретическом отношении – постулирует приоритет субъектной позиции ребёнка и отказ от принуждения как метода организации познавательной деятельности; здесь обнаруживается отчётливое пересечение с положениями теории самодетерминации, фиксирующей автономию в качестве базовой потребности, удовлетворение которой коррелирует с более высокими показателями внутренней мотивации к исследовательскому поведению. Содержательный компонент – определяющий, какие именно когнитивные процессы подлежат развитию и в какой последовательности – разработан значительно слабее. Процессуально-технологический компонент, описывающий формы и методы педагогического взаимодействия, содержит преимущественно общие рекомендации («создавать ситуации успеха», «поддерживать инициативу»), которые трудно операционализировать без опоры на конкретные данные о когнитивных возможностях трёх-четырёхлетних детей. Что касается

диагностического компонента – он остаётся практически незатронутым: критерии оценки когнитивного развития в гуманно-личностной парадигме либо заимствуются из традиционной педагогической диагностики без адаптации, либо отвергаются как «не соответствующие духу гуманистической педагогики» (примечательно, что само это отвержение редко подкрепляется развёрнутой аргументацией).

Обращение к когнитивной специфике младшего дошкольного возраста обнаруживает ряд обстоятельств, не всегда учитываемых при проектировании гуманно-личностных педагогических технологий. Согласно периодизации Ж. Пиаже [4], ребёнок трёх-четырёх лет находится на дооперациональной стадии, для которой характерны эгоцентризм мышления, неспособность к обратимым ментальным операциям и доминирование восприятия над логическими конструкциями; Л.С. Выготский, не отрицая эмпирических фактов, лежащих в основе периодизации Пиаже, интерпретировал их существенно иначе – как свидетельство незавершённости процесса интериоризации, а не врождённого когнитивного ограничения. Это расхождение имеет прямые педагогические импликации. Если принять позицию Пиаже, то педагог должен прежде всего обеспечить адекватную среду и ждать спонтанного созревания когнитивных структур; если следовать Выготскому – педагог выступает активным посредником, формирующим новые когнитивные функции через организацию совместной деятельности в зоне ближайшего развития [6]. Гуманно-личностный подход, по всей видимости, тяготеет ко второй позиции, однако с существенной оговоркой: «активное посредничество» не должно перерастать в директивность.

Анализ ФГОС дошкольного образования выявил примечательную особенность: стандарт оперирует понятием «целевые ориентиры» (раздел IV, пункт 4.6), которые, согласно тексту документа, «не подлежат непосредственной оценке» и «не могут служить основанием для формального сравнения с реальными достижениями детей» [1]. Эта формулировка, будучи вполне созвучной гуманно-личностной философии, одновременно создаёт методологический парадокс: если когнитивные достижения нельзя оценивать формально, то каким образом педагог определяет, находится ли ребёнок в зоне ближайшего развития, и каким образом фиксируется динамика когнитивных изменений? Профессиональный стандарт педагога (трудовая функция 3.2.1) требует от воспитателя способности «осуществлять педагогическое наблюдение за развитием детей», однако ни критерии наблюдения, ни его протокольные формы не регламентированы на федеральном уровне – они отданы на усмотрение образовательных организаций. Здесь обнаруживается системная лакуна.

Сопоставление средового подхода, развиваемого в работах Ю.С. Мануйлова [8], с концепцией развивающей предметно-пространственной среды (РППС), закреплённой в ФГОС ДО, обнаруживает как точки схождения, так и нетривиальные расхождения. Средовой подход трактует среду не просто как совокупность предметов и пространственных решений, но как целостное «средовое событие», способное опосредовать формирование определённого типа личности; при таком понимании конкретный дидактический материал – кубики, конструктор, сенсорные панели – утрачивает самоценность и становится лишь элементом более широкой конфигурации. ФГОС ДО (пункт 3.3.4) формулирует требования к РППС иначе: среда должна быть содержательно-насыщенной, трансформируемой, полифункциональной, вариативной, доступной и безопасной – перечень свойств, каждое из которых может быть верифицировано отдельно, но их системное единство на практике достигается далеко не всегда (проблема, кстати, усугубляется ограниченным финансированием многих муниципальных дошкольных учреждений). Гуманно-личностный подход вносит дополнительное требование: среда должна не только стимулировать когнитивную активность, но и обеспечивать эмоциональную безопасность ребёнка, что, вероятно, детерминирует специфический баланс между «вызовом» и «комфортом» – баланс, количественные параметры которого остаются неопределёнными.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о роли игровой деятельности как ведущей формы организации образовательного процесса в младшем дошкольном возрасте. Д.Б. Эльконин [5] обосновал положение о сюжетно-ролевой игре как ведущей деятельности дошкольника, однако для детей трёх-четырёх лет характерна скорее предметно-манипулятивная и режиссёрская игра; переход к полноценной сюжетно-ролевой игре происходит позднее – к пяти-шести годам. Этот нюанс существенен. Гуманно-личностные технологии, апеллирующие к игре как универсальному средству развития, нередко имплицитно ориентированы на более старший дошкольный возраст, где ребёнок уже способен удерживать игровой замысел, договариваться с партнёрами по игре и принимать условные роли; в младшем возрасте когнитивный потенциал игры реализуется через иные механизмы – сенсорное обследование предметов, подражание, элементарное экспериментирование. Н.Н. Поддьяков [10] выделил особую форму – «детское экспериментирование», – которую рассматривал как самостоятельный вид деятельности, не сводимый к

игре и обладающий собственной мотивационной структурой; эта идея пока не интегрирована в теоретический каркас гуманно-личностного подхода систематически.

Попытка структурировать выявленные взаимосвязи позволяет обозначить несколько проблемных узлов:

Несогласованность между ценностно-целевыми установками гуманно-личностного подхода и отсутствием диагностического инструментария, чувствительного к микродинамике когнитивного развития в диапазоне трёх-четырёх лет;

концептуальный разрыв между средовым подходом, акцентирующим целостность «средового события», и нормативными требованиями к РППС, предписывающими поэлементную верификацию свойств среды;

недостаточная дифференциация педагогических стратегий когнитивного развития по подпериодам внутри младшего дошкольного возраста – между тремя и четырьмя годами когнитивные возможности ребёнка претерпевают заметные изменения, которые в рамках гуманно-личностной парадигмы до сих пор не типологизированы;

перенос на младший дошкольный возраст педагогических приёмов, генетически связанных с начальной школой (откуда гуманно-личностный подход Амонашвили исторически и происходит), без достаточной возрастной адаптации, что может косвенно свидетельствовать о необходимости ревизии отдельных положений самой концепции.

Теория развивающего обучения, разработанная В.В. Давыдовым и Д.Б. Элькониным для школьного возраста, содержит ряд идей, которые – при соответствующей трансформации – могли бы обогатить гуманно-личностный подход в дошкольном контексте: прежде всего, это принцип восхождения от абстрактного к конкретному и идея учебной задачи как единицы учебной деятельности [2; 4-5]. Разумеется, прямой перенос невозможен: младший дошкольник не владеет учебной деятельностью в строгом смысле, а его мышление оперирует образами, а не понятиями. Однако сама логика – от обобщённого (пусть и чувственно-обобщённого) действия к частным случаям его применения – может быть реализована через специально организованные предметные ситуации. Так, например, формирование обобщённого способа сенсорного обследования (ощупывание, визуальное сравнение, соотнесение с эталоном формы) потенциально выступает аналогом «учебной задачи» для младшего дошкольника – с той оговоркой, что субъективно ребёнок переживает эту ситуацию не как задачу, а как свободное исследование.

Вместе с тем средовой подход Ю.С. Мануйлова предлагает иную оптику: вместо проектирования отдельных «задач» педагог конструирует среду, которая «стихийно» провоцирует когнитивную активность определённого типа. Разница не только в технологии, но и в онтологических допущениях – субъектом когнитивного развития в первом случае остаётся диада «ребёнок – взрослый», во втором – триада «ребёнок – среда – взрослый», где среда обладает квазисубъектностью. Представляется не лишённым оснований предположение о том, что для младшего дошкольного возраста – в силу неразвитости произвольных процессов и высокой зависимости от непосредственного сенсорного опыта – средовой вариант оказывается более органичным. Вопрос, однако, упирается в конкретику: какие именно параметры среды (плотность размещения объектов, степень их новизны, наличие или отсутствие «провокационных» элементов, нарушающих привычную перцептивную схему) наиболее продуктивны для когнитивного развития трёхлеток – данные по этому поводу крайне скудны.

Выводы

Центральным результатом проведённого анализа следует считать обнаружение системного разрыва между ценностно-целевыми декларациями гуманно-личностного подхода и уровнем разработанности его содержательного и диагностического компонентов применительно к когнитивной сфере младших дошкольников. Этот разрыв не сводится к недостатку эмпирических исследований – он имеет концептуальную природу: гуманно-личностная педагогика исторически формировалась в контексте начальной школы и апеллировала к ребёнку, уже способному к произвольной регуляции своего поведения и речевому опосредованию мыслительных операций. Перенос этих положений на возраст трёх-четырёх лет требует не простой адаптации, а – по существу – переформулировки ключевых тезисов с учётом специфики наглядно-действенного мышления, сенсомоторного доминирования и ограниченной способности к удержанию произвольного внимания.

Нерешённой остаётся проблема интеграции средового подхода и деятельностного подхода внутри гуманно-личностной парадигмы: оба предлагают убедительные, но не вполне совместимые объяснительные модели механизмов когнитивного развития. Среда как «квазисубъект» и взрослый как «зонообразующий посредник» – два конструкта, каждый из которых претендует на центральное место в проектировании педагогического процесса, однако их одновременное использование порождает

избыточность объяснительной схемы. Парадокс, который обнаружился при анализе нормативных документов – невозможность формальной оценки когнитивных достижений при одновременном требовании отслеживать динамику развития, – не находит удовлетворительного разрешения ни в одной из рассмотренных теоретических рамок и, по-видимому, отражает более глубокое противоречие между гуманистической философией образования и институциональной логикой стандартизации.

Список источников

1. Кадырова М.К. Когнитивное развитие как основная характеристика детей дошкольного возраста // Страховские чтения. 2024. № 32. С. 67 – 72.

2. Дюжакова М.В., Кривцова М.А. Параметры развития личности ребенка дошкольного возраста в контексте теории А.Н. Леонтьева // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2024. № 4 (305). С. 51 – 55.

3. Бородченко М.П. Методологические подходы к исследованию сущности познавательной активности детей старшего дошкольного возраста // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2023. Т. 2. № 15-3. С. 19 22.

4. Дементьева Н.Н., Курушина Н.Л. Методические основы развития познавательной активности дошкольников // Эпоха науки. 2022. № 31. С. 102 – 107.

5. Прокопова Д.И. Психолого-педагогические проблемы познавательного развития детей старшего дошкольного возраста // Дошкольник. Методика и практика воспитания и обучения. 2023. № 4. С. 74 – 79.

6. Домбрин И.М. Факторы развития познавательных способностей ребёнка в пост-неклассическом видении // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2025. № 4. С. 41 – 46.

7. Баянова Л.Ф. Отличительные аспекты когнитивного развития дошкольников в межкультурном пространстве // Современное педагогическое образование. 2025. № 2. С. 282 – 286.

8. Кожогелдиева К.М., Алтымышбаева Б.М. Психологические особенности организации познавательной деятельности детей // Эпоха науки. 2023. № 33. С. 282 – 286.

9. Тютюнникова Е.А., Луткин С.С. Сущность познавательной активности ребенка, принципы и методы её развития в дошкольном возрасте // Историко-педагогический журнал. 2025. № 1. С. 108 – 119.

10. Тана Г. Концепции детского развития в стандартах дошкольного образования России и Китая: культурно-исторический и сравнительный анализ (1990-е-2020-е годы) // Управление образованием: теория и практика. 2025. № 10-1. С. 237 – 246.

References

1. Kadyrova M.K. Cognitive development as the main characteristic of preschool children. Strakhov readings. 2024. No. 32. P. 67 – 72.

2. Dyuzhakova M.V., Krivtsova M.A. Parameters of personality development of a preschool child in the context of A.N. Leontiev’s theory. Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University. 2024. No. 4 (305). P. 51 – 55.

3. Borodchenko M.P. Methodological approaches to the study of the essence of cognitive activity of senior preschool children. Bulletin of the student scientific society of the State Educational Institution of Higher Professional Education “Donetsk National University”. 2023. Vol. 2. No. 15-3. P. 19 – 22.

4. Dementyeva N.N., Kurushina N.L. Methodological Foundations for Developing Preschoolers' Cognitive Activity. The Age of Science. 2022. No. 31. P. 102 – 107.

5. Prokopova D.I. Psychological and Pedagogical Problems of Senior Preschool Children's Cognitive Development. Preschooler. Methodology and Practice of Education and Training. 2023. No. 4. P. 74 – 79.

6. Dombrin I.M. Factors in the Development of a Child's Cognitive Abilities in a Post-Nonclassical View. Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Cognition. 2025. No. 4. P. 41 – 46.

7. Bayanova L.F. Distinctive Aspects of Preschoolers' Cognitive Development in the Intercultural Space. Modern Pedagogical Education. 2025. No. 2. P. 282 – 286.

8. Kozhogeldieva K.M., Altymyshbaeva B.M. Psychological Features of the Organization of Children's Cognitive Activity. The Age of Science. 2023. No. 33. P. 282 – 286.

9. Tyutyunnikova E.A., Lutkin S.S. The Essence of a Child's Cognitive Activity, Principles and Methods of Its Development in Preschool Age. Historical and Pedagogical Journal. 2025. No. 1. P. 108 – 119.

10. Tana G. Concepts of Child Development in the Standards of Preschool Education in Russia and China: Cultural, Historical and Comparative Analysis (1990s-2020s). Education Management: Theory and Practice. 2025. No. 10-1. P. 237 – 246.

Информация об авторах

Пономарева В.В., аспирант, Астраханский государственный университет, ponvav@gmail.com

Нестеров Ю.В., доктор биологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, psy@asu-edu.ru

© Пономарева В.В., Нестеров Ю.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 378.147.091.33-027.22
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-335-340

Формирование педагогической рефлексии у студентов в ходе семинарских занятий

[1] Белгородцева Э.И.

[1] Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта

Аннотация: в статье представлены результаты экспериментального исследования формирования педагогической рефлексии у студентов педагогических специальностей в процессе семинарских занятий. На основе теоретического анализа выделены методологические подходы к пониманию рефлексии: деятельностный (понятийное опосредствование), позиционно-идентификационный (рефлексия как механизм профессионального самоопределения) и рефлексия как общая способность.
Разработана и апробирована методика, включающая рефлексивные паузы, анализ видеокейсов, ведение рефлексивных дневников и групповые дискуссии с позиционной организацией. В эксперименте участвовали 45 студентов (19-20 лет), разделённых на контрольную и экспериментальную группы. Выявлена положительная динамика уровня педагогической рефлексии в экспериментальной группе ($p<0,05$), что подтверждает эффективность предложенной методики. Практическая значимость заключается в возможности внедрения разработанных рефлексивных практик в семинарские занятия педагогических направлений подготовки.
Ключевые слова: педагогическая рефлексия, семинарские занятия, студенты, методика формирования, рефлексивные практики, видеокейсы, профессиональная идентичность

Для цитирования: Белгородцева Э.И. Формирование педагогической рефлексии у студентов в ходе семинарских занятий // Современный ученый. 2026. № 10. С. 335 – 340. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-335-340

Поступила в редакцию: 13 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Formation of pedagogical reflection in students during seminar classes

[1] Belgorodtseva E.I.

[1] P.F. Lesgaft National State University of Physical Education, Sports and Health

Abstract: the article presents the results of an experimental study on the formation of pedagogical reflection in students of pedagogical specialties during seminar classes. Based on theoretical analysis, three methodological approaches to understanding reflection are identified: activity-based (conceptual mediation), positional-identification (reflection as a mechanism of professional self-determination), and reflection as a "general ability".
A methodology has been developed and tested, including reflective pauses, video case analysis, reflective diaries, and group discussions with positional organization. The experiment involved 45 students (19-20 years old), divided into control and experimental groups. Positive dynamics in the level of pedagogical reflection in the experimental

group were revealed ($p<0.05$), which confirms the effectiveness of the proposed methodology. The practical significance lies in the possibility of implementing the developed reflective practices in seminar classes of pedagogical training programs.
Keywords: pedagogical reflection, seminar classes, students, formation methodology, reflective practices, video cases, professional identity

For citation: Belgorodtseva E.I. Formation of pedagogical reflection in students during seminar classes. Modern Scientist. 2026. 10. P. 335 – 340. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-335-340

The article was submitted: May 13, 2026; Approved after reviewing: June 10, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Педагогическая рефлексия рассматривается в современной науке как ведущий механизм профессионального самосознания учителя, обеспечивающий осмысление собственных действий, критическую оценку педагогических ситуаций и готовность к профессиональному саморазвитию [1; 5; 8]. Как отмечают Т.Д. Скуднова и Е.А. Лозенко, «рефлексия является одной из составляющих поведения и деятельности… рефлексивные компоненты входят в структуру не только поведения и деятельности, но и действия» [9, с. 72]. В исследовании этих авторов показана положительная динамика развития рефлексии у студентов-психологов от первого к выпускному курсу: «статистически значимые различия в уровнях развития рефлексии между группами студентов, обучающихся на первом курсе, и студентами-выпускниками» [9, с. 73].

Вместе с тем, как подчёркивают А.М. Медведев, И.В. Жуланова и С.П. Санина, существуют разные методологические подходы к пониманию рефлексии. Первый, деятельностный, восходит к школе А.Н. Леонтьева и В.В. Давыдова, где «рефлексия возникает и проявляется в человеческой деятельности… её функция заключается в понятийном опосредствовании ориентировки человека в смыслах и задачах производимых им преобразований» [6]. Рефлексия также может рассматриваттся в связи с позицией, которую занимает человек в сообществе [3, с. 287-288]. Третий подход сводится к формированию «рефлексии вообще» вне предметного содержания [2, с. 689].

Т.В. Ильиных обосновывает три педагогические основы субъектности студентов, тесно связанные с рефлексией: «автономия в обучении, рефлексивные практики и проектная деятельность» [4, с. 105]. Экспериментальные данные этого автора подтверждают, что «гибкие образовательные траектории, самоанализ и работа с реальными кейсами значительно повышают мотивацию, ответственность и креативность обучающихся» [4, с. 106].

Однако, несмотря на признание важности рефлексии, остаётся недостаточно разработанным вопрос о конкретных методиках формирования педагогической рефлексии именно в ходе семинарских занятий с учётом выделенных методологических различий [11].

Цель исследования – разработать и экспериментально обосновать методику формирования педагогической рефлексии у студентов педагогических специальностей в процессе семинарских занятий, интегрирующую деятельностный и позиционно-идентификационный подходы.

Материалы и методы исследований

Исследование проводилось на базе факультета педагогики и психологии. В эксперименте приняли участие 45 студентов 2-3 курсов педагогического направления (19-20 лет). Были сформированы две группы: экспериментальная (ЭГ, n=23) и контрольная (КГ, n=22). Эксперимент длился один семестр (4 месяца) в рамках семинарских занятий по дисциплинам «Педагогика» и «Психология профессиональной деятельности».

В число методов исследования вошли теоретический анализ и синтез; педагогический эксперимент (констатирующий, формирующий, контрольный этапы); психодиагностические методики: методика диагностики уровня рефлексии (А.В. Карпов, В.В. Пономарёва); методика определения уровня педагогической рефлексии (Е.Е. Рукавишникова); анализ продуктов деятельности (рефлексивные дневники, эссе); методы математической статистики (t-критерий Стьюдента).

На этапе формирующего эксперимента в экспериментальной группе семинарские занятия строились на основе разработанной методики, включающей три блока, соответствующих методическим подходам Т.В. Ильиных [4], А.М. Медведевым и др. [6], О.А. Тарасовой [10], С.Ю. Ховановой [12]:

– Деятельностно-опосредствованный блок (по А.Н. Леонтьеву – В.В. Давыдову): рефлексивные паузы после решения педагогических задач («Какое понятие помогло мне принять решение?»); построение моделей педагогических ситуаций с выделением существенных отношений; анализ видеокейсов: стоп-кадр, выдвижение гипотез о действиях учителя, сравнение с эталоном.

– Позиционно-идентификационный блок (по Г.П. Щедровицкому – Ю.В. Громыко): групповые дискуссии с распределением позиций («адепт», «критик», «протагонист», «эксперт»); рефлексия собственной профессиональной идентичности: эссе «Я как будущий педагог» с последующим обсуждением в малых группах; введение «идеального взрослого» как ориентира.

– Рефлексивно-автономный блок: ведение рефлексивного дневника с фиксацией: «Что я делал?», «Как я действовал?», «Почему?», «Что изменилось в моём понимании?»; выбор индивидуальных траекторий анализа педагогических ситуаций (автономия); проектная задача: разработка фрагмента урока с обязательным письменным рефлексивным отчётом.

В контрольной группе семинарские занятия проводились традиционно: обсуждение теоретических вопросов, ответы на вопросы преподавателя, выполнение заданий по образцу. Специальная работа по формированию рефлексии не проводилась.

Результаты и обсуждения

До начала эксперимента уровень рефлексивности в КГ и ЭГ был сопоставим ($p>0,05$ по всем показателям). Результаты констатирующего среза согласуются с данными Скудновой и Лозенко: у студентов младших курсов преобладает низкий и средний уровни рефлексии, высокий уровень встречается редко [1, с. 74].

После завершения формирующего эксперимента были получены результаты, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Динамика показателей педагогической рефлексии студентов (баллы, M±m).

Table 1

Dynamics of pedagogical reflection indicators in students (scores, M±m).

Показатели	Экспериментальная		Контрольная группа		P*
	до	после	до	после	
Рефлексивность (Карпов, Пономарёва)	114,3± 5,4	123,8± 5,0	114,0±5,6	116,2± 5,3	<0,05
Педагогическая рефлексия (Рукавишникова)	68,9±3,8	78,5± 3,5	68,7±3,9	70,5±3,7	<0,05
Интегральный уровень рефлексии (стандартизованный)	2,10± 0,20	2,45± 0,18	2,11±0,21	2,18± 0,20	<0,05

*Примечание: * – указан уровень достоверности различий в показателях экспериментальной и контрольноц группы на этапе контрольного эксперимента по t-критерию Стьюдента для несвязных выборок.*
*Note: * – the level of reliability of differences in the indicators of the experimental and control groups at the stage of the control experiment according to Student's t-test for unrelated samples is indicated.*

На констатирующем этапе исследования было выявлено, что исходный уровень педагогической рефлексии в обеих группах статистически значимо не различался ($p>0,05$) и характеризовался преобладанием низкого и среднего уровней. По методике Карпова и Пономарёвой у большинства студентов (65-70%) диагностирован низкий уровень рефлексивности: они испытывали трудности в планировании учебной деятельности, действовали по шаблону, редко анализировали причины ошибок и не использовали прошлый опыт для решения новых задач. Около 25-30% продемонстрировали средний уровень, однако их рефлексивные процессы носили нерегулярный характер. По методике Рукавишниковой картина оказалась схожей: низкий уровень выявлен у 35-40% студентов, средний – у 40-45%, высокий – лишь у 15-20%, причём даже студенты со средним уровнем проявляли рефлексию ситуативно, преимущественно в виде ретроспективного анализа после завершения действия. Основными сложностями стали преобладание житейской, а не понятийной рефлексии (анализ с позиции «нравится – не нравится» без привлечения профессиональных понятий), трудности с рефлексией в условиях дефицита времени и низкая мотивация к рефлексивной работе. Вместе с тем были выявлены ресурсные зоны: высокий интерес студентов к разбору реальных педагогических ситуаций, способность к эмпатии и «рефлексии другого», а также готовность к групповым дискуссиям. Опираясь на это, в качестве перспектив формирующей работы были определены переход от житейской рефлексии к понятийно опосредствованной, развитие прогностической и оперативной рефлексии через анализ ви-

деокейсов, формирование рефлексивного компонента профессиональной идентичности посредством рефлексивных дневников и позиционных дискуссий, а также интеграция рефлексивных практик непосредственно в содержание семинарских занятий.

По итогам участия в форирующем эксперименте в экспериментальной группе произошёл статистически значимый прирост показателей: по методике Карпова и Пономарёвой – на 8,3% ($p<0,05$), по методике Рукавишниковой – на 13,9% ($p<0,05$). В контрольной группе изменения незначительны и статистически недостоверны.

Особого внимания заслуживает интегральный уровень рефлексии (пересчитанный в стандартизованную шкалу от 1 до 4, где 1 – низкий, 4 – высокий). В ЭГ он вырос с 2,10 до 2,45 (прирост 16,7%), в КГ – с 2,11 до 2,18 (прирост 3,3%).

Качественный анализ рефлексивных дневников студентов ЭГ выявил следующие изменения. В начале эксперимента преобладали записи эмоционального и констатирующего характера: «было трудно», «не понял тему». К концу эксперимента появились аналитические записи: «я понял, что моё первоначальное решение было основано на житейском опыте, а не на теории поэтапного формирования умственных действий»; «теперь я вижу, что в этой ситуации можно действовать иначе – с опорой на зону ближайшего развития». Студенты начали использовать теоретические понятия (интериоризация, учебная деятельность, рефлексивный экран) как инструменты самоанализа.

Анализ групповых дискуссий показал, что введение позиционной организации позволило студентам «примерять» разные профессиональные роли, что способствовало развитию не только когнитивной, но и личностной рефлексии. Одна из студенток ЭГ отметила в дневнике: «Когда я была в позиции критика, я увидела слабые места в аргументации «адепта», но потом, поменявшись местами, поняла, что сама не всегда могу обосновать свою позицию понятийно».

В нашем эксперименте элементы автономии (выбор кейсов для анализа, индивидуальный темп ведения дневника) и проектная задача (разработка фрагмента урока) позволили усилить рефлексивную активность.

Интересно отметить, что наиболее выраженный прирост наблюдался по тем шкалам методики Рукавишниковой, которые связаны с педагогической рефлексией в узком смысле (способность анализировать педагогические ситуации с точки зрения ученика, предвидеть последствия своих действий). Это подтверждает гипотезу о том, что специально организованная рефлексия на семинарских занятиях переносится в контекст будущей профессиональной деятельности. Рефлексия, формируемая в контексте изучаемого теоретического содержания, оказывается более эффективной, чем «рефлексия как общая способность» (специальные упражнения вне предметного содержания).

Выводы

На основе теоретического анализа выделены три методологических подхода к формированию рефлексии: деятельностный (понятийное опосредствование), позиционно-идентификационный (рефлексия как механизм профессионального самоопределения) и рефлексия как «способность вообще» (критически оцениваемый). Наиболее продуктивным для педагогического образования признано сочетание деятельностного и позиционно-идентификационного подходов.

Разработана и апробирована методика формирования педагогической рефлексии у студентов в ходе семинарских занятий, включающая три блока: деятельностно-опосредствованный (рефлексивные паузы, моделирование, видеокейсы), позиционно-идентификационный (групповые дискуссии с распределением ролей, эссе об идентичности, «идеальный взрослый») и рефлексивно-автономный (рефлексивный дневник, выбор траекторий, проектная задача).

Экспериментально доказано, что применение разработанной методики приводит к достоверному повышению уровня педагогической рефлексии студентов: интегральный показатель рефлексии в экспериментальной группе достоверно вырос ($p<0,05$), тогда как в контрольной группе изменения незначительны ($p>0,05$).

Качественный анализ рефлексивных дневников и групповых дискуссий показал, что у студентов экспериментальной группы сформировалась способность использовать теоретические понятия как инструменты самоанализа, а также рефлексировать собственную профессиональную идентичность в соотнесении с «идеальным взрослым» и идентификационными общностями.

Разработанная методика может быть рекомендована для внедрения в практику семинарских занятий педагогических направлений подготовки в вузах, а также для использования в системе повышения квалификации преподавателей.

Список источников

1. Аляева В.А. Педагогические условия как фактор формирования рефлексии у студентов в процессе обучения // Педагогика: вчера, сегодня, завтра: сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2024. С. 28 – 30.

2. Гумницкая А.С., Прокопцева В.Ф. Особенности профессиональной рефлексии студентов педагогических специальностей, готовящихся к педагогической практике // Социальные и психологические ресурсы развития личности: Материалы Международной научно-практической конференции, Скадовск, 27-28 марта 2025 года. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2025. С. 689 – 694.

3. Жабаков В.Е. Развитие системной рефлексии в процессе обучения в условиях реализации программы педагогического бакалавриата // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2023. Т. 18. № 4. С. 286 – 291.

4. Ильиных Т.В. Автономия, рефлексия и проектная деятельность как педагогические основы субъектности студентов // Казанская наука. 2025. № 9. С. 105 – 108.

5. Красовская Л.В., Пещур Я.Р. Затруднения студентов в процессе освоения педагогической деятельности и роль рефлексии в их преодолении // Информационно-коммуникационные технологии в педагогическом образовании. 2024. № 1 (88). С. 33 – 37.

6. Медведев А.М., Жуланова И.В., Санина С.П. Формирование рефлексии у студентов педагогических специальностей в процессе их обучения в вузе // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 3. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82960228 (дата обращения: 24.02.2026)

7. Прасков В.В. Организация самостоятельной работы студентов на основе использования рефлексии в педагогической практике // Образовательные ресурсы и технологии. 2021. № 2 (35). С. 20 – 25.

8. Савва Л.И., Бахольская Н.А., Кружилина Т.В. Развитие педагогической рефлексии у студентов педагогических специальностей // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 1.

9. Скуднова Т.Д., Лозенко Е.А. Динамика развития педагогической рефлексии студентов-психологов в процессе обучения в вузе // Педагогическое образование: традиции и инновации. 2025. № 1. С. 70 – 77.

10. Тарасова О.А. О формировании педагогической рефлексии студентов педагогических вузов средствами рефлексивных техник // Конструктивные педагогические заметки. 2024. № 1 (21). С. 111 – 114.

11. Кузьмин Д.В., Гордеева Е.Н., Гордеев И.В., Пилюшкина В.Л. Формирование профессионально-педагогической рефлексии как способ совершенствования подготовки студентов СГТУ физической культуры // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (35). С. 35 – 36.

12. Хованова С.Ю. Фонетическое зеркало: приёмы профессиональной рефлексии на основе творческих видеозаписей студентов педагогического направления // Лингводидактика: инновации и традиции: сборник научных работ преподавателей и аспирантов. 2024. С. 99 – 106.

References

1. Alyaeva V.A. Pedagogical conditions as a factor in the formation of reflection in students in the learning process. Pedagogy: yesterday, today, tomorrow: collection of articles from the International scientific and practical conference. Penza: MCNS "Science and Education". 2024. P. 28 – 30.

2. Gumnitskaya A.S., Prokoptseva V.F. Features of professional reflection of students of pedagogical specialties preparing for pedagogical practice. Social and psychological resources for personality development: Materials of the International scientific and practical conference, Skadovsk, March 27-28, 2025. Simferopol: Limited Liability Company "Publishing House Printing House "Arial", 2025. P. 689 – 694.

3. Zhabakov V.E. Development of Systemic Reflection in the Learning Process in the Context of the Implementation of the Pedagogical Bachelor's Degree Program. Pedagogical, Psychological and Medical-Biological Problems of Physical Education and Sports. 2023. Vol. 18. No. 4. P. 286 – 291.

4. Ilyinykh T.V. Autonomy, Reflection, and Project Activity as Pedagogical Foundations of Students' Subjectivity. Kazan Science. 2025. No. 9. P. 105 – 108.

5. Krasovskaya L.V., Peshchur Ya.R. Students' Difficulties in Mastering Pedagogical Activity and the Role of Reflection in Overcoming Them. Information and Communication Technologies in Pedagogical Education. 2024. No. 1 (88). P. 33 – 37.

6. Medvedev A.M., Zhulanova I.V., Sanina S.P. Formation of reflection in students of pedagogical specialties during their studies at the university. World of science. Pedagogy and psychology. 2025. Vol. 13. No. 3. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=82960228 (date of access: 24.02.2026)

7. Praskov V.V. Organization of independent work of students based on the use of reflection in pedagogical practice. Educational resources and technologies. 2021. No. 2 (35). P. 20 – 25.

8. Savva L.I., Bakholskaya N.A., Kruzhilina T.V. Development of pedagogical reflection in students of pedagogical specialties. World of science. Pedagogy and psychology. 2025. Vol. 13. No. 1.

9. Skudnova T.D., Lozenko E.A. Dynamics of Development of Pedagogical Reflection of Psychology Students during Their Studies at the University. Pedagogical Education: Traditions and Innovations. 2025. No. 1. P. 70 – 77.

10. Tarasova O.A. On the Formation of Pedagogical Reflection of Students of Pedagogical Universities by Means of Reflective Techniques. Constructive Pedagogical Notes. 2024. No. 1 (21). P. 111 – 114.

11. Kuzmin D.V., Gordeeva E.N., Gordeev I.V., Pilyushkina V. L. Formation of Professional and Pedagogical Reflection as a Way to Improve the Training of Physical Education Students of Saratov State Technical University. Bulletin of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University. 2021. No. 6 (35). P. 35 – 36.

12. Khovanova S. Yu. Phonetic mirror: techniques of professional reflection based on creative video recordings of students majoring in pedagogy. Lingvodidactics: innovations and traditions: a collection of scientific works by teachers and postgraduate students. 2024. P. 99 – 106.

Информация об авторе

Белогородцева Э.И., кандидат педагогических наук, профессор, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П.Ф. Лесгафта, belogor1948@yandex.ru

© Белгородцева Э.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 796.355
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-341-346

Формирование состава студенческой сборной вуза по баскетболу на основе концепции наибольшей полезности Джона Стюарта Милля

[1] Борисенок А.А., [1] Борисенок Н.А., [1] Гайдукова Ю.Н., [1] Сидоренко А.С.

[1] Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Аннотация: создание студенческой сборной вуза по баскетболу является сложной задачей с учетом ежегодной текучести кадров и разного уровня подготовленности членов команды. Авторы данной работы рассматривают вопросы оптимизации состава команды и сплочения коллектива с точки зрения концепции утилитаризма Джона Стюарта Милля, направленной на поиск наиболее эффективных средств и методов учебно-тренировочного процесса, позволяющих добиться максимального блага для всей команды. Краеугольным камнем философии утилитаризма Милля является представление о количественных и качественных показателях успешности, в соответствии с которыми авторами были выделены основные методы адаптации новых членов команды к ее тактической структуре и техническим возможностям, среди которых следует выделить модель «больших и малых деревьев» и выполнение контрольных тестов в условиях противоборства соперника и отвлекающих факторов.
Ключевые слова: баскетбол, сборная вуза, утилитаризм, Джон Стюарт Милль, концепция максимальной полезности

Для цитирования: Борисенок А.А., Борисенок Н.А., Гайдукова Ю.Н., Сидоренко А.С. Формирование состава студенческой сборной вуза по баскетболу на основе концепции наибольшей полезности Джона Стюарта Милля // Современный ученый. 2026. № 10. С. 341 – 346. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-341-346

Поступила в редакцию: 14 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Formation of the university student basketball team based on John Stuart Mill's concept of greatest utility

[1] Borisenok A.A., [1]Borisenok N.A., [1]Gaidukova Yu.N., [1]Sidorenko A.S.

[1] Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Abstract: building a university basketball team is a complex task, given the annual turnover of players and the varying levels of skill among team members. The authors of this paper examine issues of team composition optimization and team cohesion from the perspective of John Stuart Mill's utilitarianism, which seeks to find the most effective means and methods of training to maximize the team's benefit. The cornerstone of Mill's utilitarian philosophy is the concept of quantitative and qualitative indicators of success. These indicators guide the authors in identifying key methods for adapting new team members to its tactical structure and technical capabilities, including the "big

and small trees" model and the implementation of control tests under conditions of opponent competition and distractions.
Keywords: basketball, university team, utilitarianism, John Stuart Mill, the concept of maximum utility

For citation: Borisenok A.A., Borisenok N.A., Gaidukova Yu.N., Sidorenko A.S. Formation of the university student basketball team based on John Stuart Mill's concept of greatest utility. Modern Scientist. 2026. 10. P. 341 – 346. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-341-346

The article was submitted: May 14, 2026; Approved after reviewing: June 12, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

В студенческом баскетболе формирование сборной команды вуза – это всегда сложный трудоемкий процесс, связанный с ежегодной естественной ротацией состава. Из команды уходят окончившие вуз старшекурсники, как правило, составлявшие её костяк, игроки основного состава. Их места в команде замещаются студентами младших курсов, очевидно менее опытными, каждый из которых имеет свой стиль игры и её понимание, сильные и слабые места подготовки [4]. Новые участники требуют постепенного и аккуратного встраивания в состав команды и максимальной индивидуализации тренировочного процесса на начальном этапе. Игроки с разными сильными и слабыми сторонами требуют разных подходов [5]. В процессе подготовки новичков приоритетными должны стать упражнения, направленные на устранение индивидуальных недостатков, что будет способствовать улучшению общего мастерства команды [9]. Такой подход в полной мере отражает взгляды Джона Стюарта Милля в своей философии утилитаризма относительно наибольшей эффективности действий создающих максимальный положительный кумулятивный эффект для всего сообщества, ибо любые действия и стремления по мысли философа должны быть направлены на достижение общего блага для всех [3].

Таким образом, наставник команды в общеподготовительном периоде тренировочного процесса в начале учебного года должен очень ответственно подходить к включению тех или иных упражнений, которые смогут максимальным образом сбалансировать технические возможности команды и адаптировать новичков к её реальным тактическим схемам [10]. В данном аспекте цель исследования заключалась в сопоставлении теоретических основ создания команды и построения учебно-тренировочного процесса студенческой сборной вуза по баскетболу с основными идеями концепции утилитаризма Джона Стьюарда Милля [6]. Связь практических физических упражнений с теоретическими умозаключениями мыслителей о всеобщих законах развития мира и общества позволит лучше понять и объяснить те правила и закономерности по которым развивается современный спорт с точки зрения биологического и социального совершенствования человека, позволит по другому взглянуть и оптимизировать процесс подготовки занимающихся с психологической и организационной точек зрения [8].

Материалы и методы исследований

Методика включала в себя теоретические исследование, основанное на анализе научной и учебно-методической литературы по рассматриваемым вопросам, а также визуальное наблюдение и практический опыт авторов.

Результаты и обсуждения

Высказывание Милля о приоритете интеллектуальных удовольствий над физическими делает очевидный посыл к повышению научного подхода к процессу подготовки игроков, развитию тактического мышления, понимания игры, способности принимать быстрые и правильные решения. Повышается значимость индивидуальной самостоятельной подготовки членов команды.

Процесс встраивания новичков в состав студенческой баскетбольной команды ГУАП включает в себя 3 стадии.

Стадия 1 подразумевает работу по совершенствованию техники отдельных элементов игры, требующих существенной доработки. К данной стадии относятся в основном базовые упражнения, включающее в себя совершенствование техники бросков с разных точек с места и в движении, передачи мяча из разных исходных положений, отработку действий в защите и нападении в связках и малых группах, когда новичок действует в паре и тройке с более опытными игроками [1,9]. Таким образом, вместо изолированной работы для новичков предлагаются более утилитарные упражнения, обеспечивающие улучшенное взаимопонима-

ние партнёров на игровой площадке. Проявление миллевского морального удовлетворения в студенческом баскетболе характеризуется развитием командного духа, принципов взаимоуважения и взаимовыручки, разделения ответственности за результат. Моральному росту игроков также в большей степени соответствуют упражнения в тройках и небольших группах с включением игроков разного уровня подготовленности, которые требуют слаженной командной работы, взаимопомощи и поддержки, приводящих к большей синергии и успеху.

Стадия 2 включает в себя те же базовые подготовительные упражнения, выполняемые в условиях сбивающих факторов [4]. Наблюдения, проводимые за игровыми действиями новичков показывают, что многие их них по разному реагируют на внешние факторы, такие как шум в зале, поддержка или не поддержка болельщиков, замечания тренера и партнеров в ходе игры. Даже такие нюансы как освещение, качество покрытия, расположение скамейки запасных могут влиять на психологический настрой игрока и мешать показывать ему требуемый уровень качества игры. Отличием утилитаризма Милля является также высказывание о количественных и качественных показателях успешности, что подразумевает возможность точного объективного контроля выполнения элементов тренировочного процесса, использование объективных показателей для оценки эффективности тренировок и индивидуального прогресса. Имитация сбивающих факторов (создание шума, отвлекающие действия в виде перебегающих плоскость броска или передачи партнеров, помехи в виде плотной опеки) в процессе выполнения игроками тренировочных заданий показывает, что их успешность падает в среднем на 15-17%. Статистика бросков, процент попаданий, количество передач, эффективность в защите в условиях сбивающих факторов – все это инструменты для измерения индивидуальных параметров игроков, в аспекте общего повышения качества тренировочного процесса. Постоянный сбор обратной связи от игроков и анализ статистических данных, позволяют своевременно корректировать тренировочный план, отказываясь от неэффективных методов и усиливая те, которые приносят команде наибольшую пользу.

Стадия 3 – непосредственное включение новичка в игровые связи команды. Оптимальной формой работы, позволяющей за небольшой промежуток времени вывести новичков на требуемый уровень подготовленности и как можно быстрее и мягче включить их в общую тактическую схему команды в ГУАП является метод «больших и малых деревьев», учитывающий совокупность антропометрических, физических и технических данных претендента. Для успешного внедрения данной тактики на практике тренер разделяет занимающихся на две группы согласно их ростовым данным: игроки более высокого роста (большие деревья) и менее высокорослые (малые деревья). При недостатке требуемого технического мастерства для ведения атакующих действий «большие деревья» на первом этапе обычно практикуются на позициях в обороне, защищая кольцо и помогая блокировать броски соперников [2]. По мере совершенствования игровой практики «большие деревья» больше подключаются к атакующим действиям под кольцом соперника. «Малые деревья» по статистике более подвижны и координированы и рассматриваются на роль разыгрывающих. Главная задача, что грамотно использовать ростовые факторы при выборе амплуа игрока.

Так, тактика персональной защиты позволяет более эффективно контролировать игрока с мячом, но требует от защитника хорошо развитых физических данных и координационных способностей. Базовый принцип персональной защиты игрок-игрок, персональная игра против своего оппонента на всей площадке [1]. При использовании данной тактики эффективнее сопоставлять ростовые данные игроков своей команды в соответствии с ростом и габаритам игроков соперника.

Тактика зоннной защиты, когда каждый из членов команды контролирует свою зону игровой площадки, оказывается более эффективной против команд без ярко выраженных лидеров, но оказывается менее функциональной против команд обладающих хорошей маневренностью. Данная тактика требует, прежде всего, высокого уровня взаимодействия всех игроков команды. При её применении, как и в случае персональной защиты, преимущественно следует подбирать игроков по схожим с соперниками ростовым данным и габаритам.

Успешность игры в атаке определяется постоянными перемещениями игроков без мяча со сменой позиций с целью создания свободного пространства и вывода игрока на бросок. В данной ситуации основной задачей «малых деревьев» является розыгрыш мяча для создания благоприятных условий вывода «боль шого дерева» под шит на бросок. При этом вне зависимости от ростовых данных технически менее ценные игроки используются при использовании пик-энд-ролл, когда один из игроков устанавливает так называемый экран для своего партнера по команде, открывая ему свободное пространство для беспрепятственного продвижения к корзине или выбора более оптимальной позиции [2] . «Малые деревья», обладающие хорошими скоростными данными, приносят пользу команде в быстрых прорывах,облегчая возможность для «больших деревьев» атаковать кольцо с меньшими помехами.

Тренер, руководствуясь принципами утилитаризма Джона Стюарта Милля, должен определить, какая расстановка игроков на площадке, в соответствии с их техническими навыками и физическими возможностями является наиболее эффективной для текущего состава команды и ее стиля. Применяемая тренерами ГУАП тактика больших и малых деревьев в этой связи увляется более гибкой и позволяет новичкам быстрее адаптироваться к различным игровым ситуациям на площадке и наладить коммуникацию с партнерами. Правильное применение данной тактики позволяет команде использовать сильные стороны каждого нового игрока и контролировать игру как в защите, так и в нападении.

Джон Милль ценил интеллектуальные удовольствия выше физических, что заставляет игроков в большей степени улучшать оперативное тактическое мышление, обдумаывать свои действия, принимать быстрые и правильные решения, развивать лидерские качества. Игрок, понимающий игру на более глубоком уровне, становится для команды более ценным. Джон Милль считал способность к рассуждению и самосовершенствованию критически важными качествами человека [3]. В баскетболе это означает воспитание игроков, которые не просто выполняют команды, но и понимают их смысл, способны адаптироваться к меняющейся игровой ситуации, предлагать свои решения.

Таким образом, тренер команды должен в ограниченный буквально 1-2 месяцами период максимально комфортно психологически и тактически интегрировать новичка в состав команды.

Выводы

Применение концепции утилитаризма Джона Стюарта Милля к формированию состава команды и совершенствованию тактической модели игры в современном студенческом баскетболе позволяет перейти от традиционных, зачастую интуитивных, подходов к более рациональному и целенаправленному развитию игроков и команды. Фокусируясь на максимальной пользе от каждого тренировочного элемента, а также на постоянном контроле и оценке его эффективности, тренеры создают более продуктивную и успешную среду для развития молодых игроков и их безболезненного перехода в основной состав команды. Одной из осноных инноваций является применение тактики «больших и малых деревьев», направленной на поиск оптимальных позиций игроков на площадке. Утилитарный подход Милля побуждает к постоянному поиску наиболее эффективных путей для достижения главной цели – побед команды, при этом способствуя всестороннему развитию каждого игрока как технически, так и интеллектуально и морально. Эта философия тренировочного процесса, направленная на достижение наилучшего результата для наибольшего числа участников положительным образом зарекомендовала себя в ГУАП в последние годы. На протяжении последних 5 сезонов сборная вуза систематически выходит в плей-офф студенческой лиги Санкт-Петербурга.

Список источников

1. Борисенок А.А., Сидоренко А.С., Сидоренко В.С. Обучение студентов вуза основам баскетбола. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2018. 54 с.

2. Борисенок Н.А., Борисенок А.А. Эффективность тактики "больших и малых деревьев" (БИМД) как игровой концепции сборной команды вуза по баскетболу // Философия и культура информационного общества: Тезисы докладов Двенадцатой Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21-23 ноября 2024 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2024. С. 427 – 429.

3. Осмонова Н.И., Коротенко, А.В. Этика утилитаризма в контексте философии поступка // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2023. Т. 23. № 6. С. 42 – 48.

4. Сидоренко А.С., Анциферов А.Н., Борисенок А.А., Борисенок Н.А. Оценка влияния психологических особенностей личности в процессе подготовки баскетболистов юношей // Современные проблемы физического воспитания и безопасности жизнедеятельности в системе образования: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ульяновск, 07 декабря 2018 года. Т. 1. Ульяновск: Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, 2019. С. 166 – 170.

5. Борисенок А.А., Борисенок Н.А., Никишина Е.В. и др. Подготовка сборной вуза по баскетболу с учетом влияния психологических особенностей личности игроков // Обзор педагогических исследований. 2026. Т. 8. № 3. С. 138 – 144.

6. Прокофьев, А. Утилитаризм // Философская антропология. 2019. Т. 5. № 2. С. 192 – 215.

7. Столяров, В.И. Философия и социология спорта в XXI веке // Теория и практика физической культуры. 2000. № 6. С. 46 – 56.

8. Тихонова И.А., Сидоренко А.С. Критика аристотелевского учения о пятом элементе в трактате Ксенарха Селевкого «против пятой сущности» с точки зрения физической культуры и спорта // Физическая культура и спорт в системе образования: инновации и перспективы развития: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27-28 ноября 2025 года. Часть 2. Санкт-Петербург: ООО "Медиапапир", 2025. С. 111 – 115.

9. Сидоренко А.С., Сидоренко В.С., Борисенок А.А., Борисенок Н.А. Укрепление мышечно-связочного аппарата запястно-пястного суставов больших пальцев кисти студентов членов сборной ГУАП по баскетболу // Донецкие чтения – 2025: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы X Международной научной конференции, посвященной 60-летию создания Донецкого научного центра, Донецк, 05-07 ноября 2025 года. Донецк: Донецкий национальный университет, 2025. С. 216 – 219.

10. Zimmermann A.C. Education and Corporeality: Contributions from the Philosophy of Sport // RUDN Journal of Philosophy. 2021. Vol. 25. No. 4. P. 602 – 612.

References

1. Borisenok A.A., Sidorenko A.S., Sidorenko V.S. Teaching the Basics of Basketball to University Students. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2018. 54 p.

2. Borisenok N.A., Borisenok A.A. The Effectiveness of the "Big and Small Trees" Tactics (BIMT) as a Game Concept of the University National Basketball Team. Philosophy and Culture of the Information Society: Abstracts of the Twelfth International Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, November 21-23, 2024. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2024. P. 427 – 429.

3. Osmonova N.I., Korotenko A.V. Ethics of utilitarianism in the context of the philosophy of action. Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. 2023. Vol. 23. No. 6. P. 42 – 48.

4. Sidorenko A.S., Antsiferov A.N., Borisenok A.A., Borisenok N.A. Assessing the influence of psychological characteristics of an individual in the process of training young men's basketball players. Modern problems of physical education and life safety in the education system: Proceedings of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation, Ulyanovsk, December 7, 2018. Vol. 1. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, 2019. P. 166 – 170.

5. Borisenok A.A., Borisenok N.A., Nikishina E.V. et al. Preparation of the University Basketball Team Taking into Account the Influence of Psychological Traits of Players. Review of Pedagogical Research. 2026. Vol. 8. No. 3. P. 138 – 144.

6. Prokofiev A. Utilitarianism. Philosophical Anthropology. 2019. Vol. 5. No. 2. P. 192 – 215.

7. Stolyarov V.I. Philosophy and Sociology of Sport in the 21st Century. Theory and Practice of Physical Education. 2000. No. 6. P. 46 – 56.

8. Tikhonova I.A., Sidorenko A.S. Critique of Aristotle's Doctrine of the Fifth Element in Xenarchus of Seleucus's Treatise "Against the Fifth Essence" from the Point of View of Physical Culture and Sports. Physical Culture and Sports in the Education System: Innovations and Development Prospects: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 27-28, 2025. Part 2. St. Petersburg: Mediapapir LLC, 2025. P. 111 – 115.

9. Sidorenko A.S., Sidorenko V.S., Borisenok A.A., Borisenok N.A. Strengthening the musculoskeletal apparatus of the carpometacarpal joints of the thumbs of students, members of the GUAP basketball team. Donetsk Readings – 2025: Education, Science, Innovation, Culture and Challenges of Our Time: Proceedings of the X International Scientific Conference dedicated to the 60th Anniversary of the Creation of the Donetsk Scientific Center, Donetsk, November 5-7, 2025. Donetsk: Donetsk National University, 2025. P. 216 – 219.

10. Zimmermann A.C. Education and Corporeality: Contributions from the Philosophy of Sport. RUDN Journal of Philosophy. 2021. Vol. 25. No. 4. P. 602 – 612.

Информация об авторах

Борисенок А.А., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, andborisenok@yandex.ru

Борисенок Н.А., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, borisenoknicita@yandex.ru

Гайдукова Ю.Н., старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, gaidukova0582@mail.ru

Сидоренко А.С., кандидаи педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, thesis@internet.ru

© Борисенок А.А., Борисенок Н.А., Гайдукова Ю.Н., Сидоренко А.С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 378.046.4
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-347-352

Оценка персонала как метод развития профессиональных компетенций сотрудников банковской сферы

[1] Смирнов А.А.

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: в статье исследуется роль оценки персонала в системе управления человеческими ресурсами банковских организаций с акцентом на её влияние на повышение квалификации сотрудников. Целью исследования является разработка подхода к интерпретации оценки персонала как инструмента управляемого развития компетенций, а не только механизма контроля результатов труда. В рамках работы проанализированы современные методы оценки персонала, выявлены ограничения их практического применения в банковской сфере, а также исследована взаимосвязь оценочных процедур с процессами обучения, адаптации и мотивации сотрудников. Особое внимание уделено проблеме формализации оценки и её недостаточной интеграции в систему профессионального развития. В результате предложена авторская модель, основанная на циклическом взаимодействии оценки и обучения, обеспечивающая формирование индивидуальных траекторий повышения квалификации. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предложенного подхода для совершенствования кадровой политики банковских организаций, повышения эффективности работы персонала, снижения текучести кадров и адаптации сотрудников к изменяющимся требованиям финансового рынка.
Ключевые слова: оценка персонала, банковская сфера, повышение квалификации, обучение персонала, компетенции, мотивация, развитие персонала

Для цитирования: Смирнов А.А. Оценка персонала как метод развития профессиональных компетенций сотрудников банковской сферы // Современный ученый. 2026. № 10. С. 347 – 352. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-347-352

Поступила в редакцию: 15 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Personnel assessment as a tool for improving employee qualifications in the banking sector

[1] Smirnov A.A.

[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article examines the role of personnel assessment in the human resource management system of banking organizations, focusing on its impact on employee qualification improvement. The purpose of the study is to develop an approach to interpreting personnel assessment as a tool for managing competency development rather than merely controlling performance outcomes. The research analyzes modern personnel assessment methods, identifies limitations in their practical application within the banking sector, and explores the relationship between

assessment procedures and processes of training, adaptation, and employee motivation. Particular attention is given to the problem of formalization of assessment and its insufficient integration into professional development systems. As a result, the author proposes a model based on a cyclical interaction between assessment and training, ensuring the formation of individual development trajectories. The practical significance of the study lies in the possibility of applying the proposed approach to improve HR policies in banking organizations, enhance workforce efficiency, reduce staff turnover, and support employee adaptation to evolving financial market requirements.
Keywords: personnel assessment, banking sector, professional development, employee training, competencies, motivation, human resource development

For citation: Smirnov A.A. Personnel assessment as a tool for improving employee qualifications in the banking sector. Modern Scientist. 2026. 10. P. 347 – 352. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-347-352

The article was submitted: May 15, 2026; Approved after reviewing: June 13, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Банковская сфера в последние годы меняется скорее по внутреннему содержанию требований к сотрудникам, чем по их количеству. Цифровая среда усложняется, регуляторные рамки становятся плотнее, а сами финансовые продукты – менее прозрачными для неподготовленного специалиста. В такой конфигурации уровень профессиональной готовности перестает быть просто желательным параметром и начинает напрямую соотноситься с устойчивостью организации. При этом парадокс сохраняется: формальное наличие персонала уже не означает его соответствия текущим компетентностным ожиданиям.

Оценка персонала в этих условиях приобретает особый вес, хотя на практике часто сводится к процедурам, фиксирующим уже сложившийся результат – аттестации, проверке показателей, формальному сопоставлению с нормативами. Такой формат, по сути, регистрирует состояние, но почти не затрагивает зону возможного развития. Отсюда и разрыв: даже при регулярности оценочных процедур ожидаемый прирост эффективности проявляется не всегда.

Параллельно усиливается значение обучения и адаптационных механизмов. Это уже не вспомогательные процессы, а часть конкурентной логики банков, особенно в ситуации, где требования к специалистам меняются быстрее, чем успевают закрепиться. В этой связи сама идея оценки начинает смещаться – от инструмента контроля к более подвижной системе, связанной с развитием компетенций и определением эффективности. Правильно разработанная система оценки результатов обучения позволяет вносить коррективы в будущие программы [3].

В рамках данного исследования оценка персонала рассматривается не обособленно, а в сопряжении с обучением и профессиональной динамикой сотрудников банковского сектора. Акцент смещается: результат оценки интерпретируется не как итоговая точка, а как основание для дальнейшего движения, своего рода ориентир в построении траектории повышения квалификации.

Материалы и методы исследований

Материалы исследования включают научные публикации отечественных авторов, посвящённые оценке персонала, обучению и мотивации сотрудников, а также нормативные и аналитические материалы, отражающие особенности развития кадрового потенциала в банковской сфере. В работе использованы методы анализа и синтеза, сравнительного и системного подходов, что позволило выявить взаимосвязи между оценкой персонала и процессами повышения квалификации. Дополнительно применялся метод обобщения для формирования авторской модели интеграции оценки и развития компетенций сотрудников.

Результаты и обсуждения

Современное осмысление оценки персонала в банковской сфере постепенно отходит от простой фиксации результатов труда. В центре внимания оказывается иная задача – выявление разрывов между фактическим уровнем компетенций сотрудников и теми требованиями, которые формируются в текущей организационной и внешней среде. В логике стратегического управления человеческими ресурсами оценка начинает восприниматься как непрерывное сопоставление характеристик персонала с целевыми ориентирами, задаваемыми как внутренними задачами, так и изменяющимися условиями функционирования банков.

При этом сохраняется довольно устойчивая ситуация, когда оценочные процедуры в ряде организаций остаются формальными. Они выполняются регулярно, но их содержание оказывается слабо связанным с

управленческими решениями. В результате потенциал оценки как инструмента развития персонала используется лишь частично, а иногда практически не реализуется.

Существующие подходы к оценке неоднородны. Количественные методы дают возможность достаточно точно фиксировать результативность, однако почти не затрагивают поведенческий и когнитивный уровень профессиональной деятельности. Иная картина складывается при использовании качественных методов, которые позволяют получить более глубокое понимание навыков и способностей работников, а также их потенциала развития [1]. Но здесь возникает другая сложность – необходимость серьезной методической базы и подготовки специалистов, осуществляющих оценку. Это, в свою очередь, сдерживает более широкое применение подобных методов.

Совокупность методов оценки персонала, применяемых в современных организациях, принято систематизировать по характеру получаемых данных. В зависимости от целей оценки и специфики деятельности организации используются количественные, качественные и комплексные методы [7], каждый из которых обладает определёнными преимуществами и ограничениями (рис. 1).

Рис. 1. Классификация методов оценки персонала.
Fig. 1. Classification of personnel assessment methods.

На уровне отрасли усиливается роль профессиональных стандартов, формирующих требования к квалификации специалистов. Разработка и внедрение таких стандартов в финансовом секторе позволяет структурировать оценочные критерии и снизить уровень субъективности, однако не решает проблему их практической интеграции в процессы обучения и развития сотрудников [4]. В результате возникает разрыв между формализованными требованиями и реальной динамикой профессионального роста.

Проблема становится особенно заметной в процессе адаптации новых сотрудников. Эффективность включения работника в профессиональную среду во многом определяется качеством первичной оценки его компетенций и последующей корректировкой траектории развития. При недостаточной точности оценочных процедур увеличивается количество ошибок, снижается производительность труда и возрастает вероятность текучести кадров [6]. В этих условиях оценка начинает выполнять функцию раннего выявления профессиональных дефицитов, что расширяет её значение за пределы традиционного контроля.

Связь оценки с обучением проявляется в формировании индивидуализированных программ повышения квалификации. Развитие персонала в современных условиях требует системного подхода, при котором обучение рассматривается не как эпизодическая мера, а как непрерывный процесс, встроенный в управленческий цикл [5]. При этом обучение направлено не только на устранение выявленных недостатков, но и на формирование новых компетенций, соответствующих изменяющимся требованиям банковской деятельности [2].

Взаимосвязь оценки и обучения персонала реализуется в рамках непрерывного управленческого цикла, в котором результаты оценочных процедур служат основой для формирования программ развития, а их эффективность подтверждается в ходе повторной оценки. Данный цикл наглядно представлен на рис. 2.

Рис. 2. Цикл оценки и развития персонала.
Fig. 2. Personnel assessment and development cycle.

Особую роль начинает играть воздействие оценки на мотивационные механизмы. В банковской среде, где значимость количественных показателей и финансовых результатов достаточно высока, оценочные процедуры неизбежно влияют на ожидания сотрудников – прежде всего в части карьерного продвижения и структуры вознаграждения [9]. При этом непрозрачность критериев нередко приводит к обратному эффекту: снижается доверие к управленческим решениям, а вместе с ним – и уровень вовлеченности. Иная динамика наблюдается в ситуациях, где присутствует регулярная и аргументированная обратная связь – она, пусть не всегда напрямую, но все же поддерживает внутреннюю мотивацию и отражается на результативности труда.

Связь между вовлеченностью и эффективностью организации фиксируется достаточно устойчиво. Сотрудники, которые чувствуют себя вовлеченными, более мотивированы к работе, более продуктивны и более склонны к лояльности к своей компании [8]. Речь идет не только о росте финансовых показателей, но и о более «скрытых» эффектах – например, снижении издержек, связанных с текучестью персонала. В этом контексте оценка перестает быть исключительно диагностической процедурой. Ее влияние распространяется на поведенческие установки работников, на их отношение к собственной профессиональной траектории, хотя эта связь не всегда проявляется напрямую.

В то же время сохраняется методологическое напряжение: результаты оценки далеко не во всех случаях встраиваются в последующие управленческие решения. Отклонения фиксируются, но дальнейшие шаги – пересмотр программ обучения, корректировка функциональных ролей – осуществляются нерегулярно или фрагментарно. Возникает разрыв, который нарушает саму логику развития персонала и постепенно снижает значимость оценочных процедур.

Более продуктивной выглядит модель, в которой оценка включена в замкнутый цикл. В такой конфигурации результаты не остаются в виде отчета, а переходят в плоскость действий: выявленные дефициты компетенций задают направление обучения, затем следует повторная оценка, после чего возможна корректировка профессиональной траектории. Здесь оценка уже не завершает процесс – она его запускает, и это смещение акцента меняет сам характер управленческого подхода.

Практическая реализация подобной логики требует определенной гибкости в инструментарии. Одних количественных показателей недостаточно, без качественного анализа профессионального поведения картина оказывается неполной. Наиболее полная система оценки персонала проявляется в комплексной оценке работника, которая должна быть разработана во всех категориях сотрудников организации [10]. Параллельно усиливается значение цифровых решений: они позволяют быстрее обрабатывать данные, делают

процедуры менее зависимыми от субъективных факторов и, что не менее важно, связывают оценку с системами корпоративного обучения. В результате формируется более цельное информационное пространство, в котором управление компетенциями приобретает непрерывный характер.

В банковской сфере подобная интеграция приобретает особую значимость, поскольку уровень квалификации сотрудников напрямую связан с качеством финансовых решений и управлением рисками. Отсутствие системной связи между оценкой и развитием приводит к накоплению скрытых компетентностных дефицитов, которые проявляются в критических ситуациях. Напротив, использование оценки как инструмента повышения квалификации позволяет не только адаптировать персонал к текущим условиям, но и формировать задел для дальнейшего развития организации.

Выводы

Проведённый анализ показал, что в банковской сфере оценка персонала сохраняет высокий управленческий потенциал, однако в существующих практиках он реализуется частично из-за преобладания формализованных процедур и слабой связи с развитием компетенций. Установлено, что эффективность оценочных систем определяется не частотой их применения, а степенью интеграции с обучением, адаптацией и мотивацией сотрудников.

Выявлено, что использование исключительно количественных показателей не позволяет выявлять глубинные профессиональные дефициты, в то время как включение качественных методов расширяет диагностические возможности оценки. При этом отсутствие механизмов трансформации результатов оценки в конкретные управленческие решения ограничивает её влияние на повышение квалификации.

Обоснована необходимость перехода к циклической модели, в которой оценка становится отправной точкой формирования индивидуальных траекторий развития сотрудников. Практическая значимость такого подхода проявляется в снижении вероятности профессиональных ошибок, ускорении адаптации персонала и повышении устойчивости кадрового состава.

Полученные результаты позволяют утверждать, что оценка персонала в банковских организациях может выступать не инструментом контроля, а механизмом управляемого развития, при условии её системной интеграции в процессы обучения и управления компетенциями.

Список источников

1. Доброва К.Б. Качественные методы оценки профессиональных компетенций работников организаций в условиях инновационной экономики // Лидерство и менеджмент. 2024. Т. 11. № 4. С. 1583 – 1596.

2. Козырева Л.Д., Сокольская А.В. Адаптация и обучение персонала как инструмент конкурентоспособности организации // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 11. С. 196 – 200.

3. Логвинова И.К., Гуденица О.В. Обучение персонала как инструмент повышения эффективности работы организации // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 1 (57). С. 635 – 641.

4. Мурычев А.В., Маштакеева Д.К. Совет по профессиональным квалификациям финансового рынка: десять лет успеха // Национальная система квалификаций России. 2024. № 1-4. С. 74 – 83.

5. Пилипенко А.Г. Теоретические и современные подходы к формированию системы обучения персонала в организации // Мировая наука. 2026. № 1 (106). С. 152 – 156.

6. Поколова М.В., Галимова А.Ш. Совершенствование системы адаптации персонала Банка // Вестник науки. 2023. Т. 3. № 1 (58). С. 117 – 124.

7. Радюкова Я.Ю., Лазарев Л.В. Оценка персонала в системе стратегических приоритетов управления человеческими ресурсами организации // Вестник Академии права и управления. 2025. № 3 (84). С. 178 – 182.

8. Ребрикова Н.В. Вовлеченность персонала как инструмент повышения эффективности организации // Экономика труда. 2024. Т. 11. № 6. С. 951 – 968.

9. Уразбахтина А.С., Брусенцова Л.С. Мотивации персонала в банке: особенности реализации и направления развития // Вестник науки. 2023. Т. 3. № 12 (69). С. 222 – 229.

10. Ходова Я.А., Скударь А.А., Пискун Л.И. Современные методы оценки качества персонала как инструмент повышения эффективности бизнес-процессов предприятий // Лидерство и менеджмент. 2023. Т. 10. № 2. С. 533 – 546.

References

1. Dobrova K.B. Qualitative methods for assessing professional competencies of employees of organizations in the context of an innovative economy. Leadership and Management. 2024. Vol. 11. No. 4. P. 1583 – 1596.
2. Kozyreva L.D., Sokolskaya A.V. Adaptation and training of personnel as a tool for improving the competitiveness of an organization. Social and humanitarian knowledge. 2025. No. 11. P. 196 – 200.
3. Logvinova I.K., Gudenitsa O.V. Personnel training as a tool for improving the efficiency of an organization. Natural Sciences and Humanities. 2025. No. 1 (57). P. 635 – 641.
4. Murychev A.V., Mashtakeeva D.K. Council for Professional Qualifications of the Financial Market: Ten Years of Success. National Qualifications System of Russia. 2024. No. 1-4. P. 74 – 83.
5. Pilipenko A.G. Theoretical and Modern Approaches to the Formation of a Personnel Training System in an Organization. World Science. 2026. No. 1 (106). P. 152 – 156.
6. Pokolova M.V., Galimova A.Sh. Improving the Bank's Personnel Adaptation System. Science Bulletin. 2023. Vol. 3. No. 1 (58). P. 117 – 124.
7. Radyukova Ya.Yu., Lazarev L.V. Personnel Assessment in the System of Strategic Priorities of Human Resources Management of an Organization. Bulletin of the Academy of Law and Management. 2025. No. 3 (84). P. 178 – 182.
8. Rebrikova N.V. Personnel engagement as a tool for improving organizational efficiency. Labor Economics. 2024. Vol. 11. No. 6. P. 951 – 968.
9. Urazbakhtina A.S., Brusentsova L.S. Personnel motivation in a bank: implementation features and development directions. Science Bulletin. 2023. Vol. 3. No. 12 (69). P. 222 – 229.
10. Khodova Ya.A., Skudar A.A., Piskun L.I. Modern methods of personnel quality assessment as a tool for improving the efficiency of enterprise business processes. Leadership and Management. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 533 – 546.

Информация об авторе

Смирнов А.А., Казанский (Приволжский) федеральный университет, andrewcoolbank@gmail.com

© Смирнов А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 378.147:004.8
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-353-358

Трансформация педагогического образования в эпоху генеративного искусственного интеллекта: онтологические вызовы, риски отчуждения и реконструкция системы

[1] Чжао Янь

[1] Цзилиньский педагогический университет, Китай

Аннотация: в статье исследуется влияние генеративного искусственного интеллекта на систему педагогического образования. Целью работы выступает выявление онтологических вызовов и рисков отчуждения педагога, порождаемых внедрением больших языковых моделей, а также обоснование модели реконструкции системы подготовки учителя. Задачи исследования включают систематизацию рисков по данным десяти публикаций 2020-2026 годов, сопоставление позиций российских и зарубежных авторов и обоснование структуры цифровой компетенции педагога. Методологическую основу составил контент-анализ научных публикаций, индексируемых в Российском индексе научного цитирования, КиберЛенинке и Scopus, с привлечением данных опроса свыше трёх тысяч студентов, аналитического доклада Высшей школы экономики и международного обзорного исследования применения языковых моделей. В результате выделены три группы вызовов: онтологические, связанные с размыванием границы между обучением и его имитацией; риски отчуждения преподавателя от профессиональных функций; институциональные риски формальной цифровизации без соответствующей нормативной среды. Предложена авторская модель реконструкции подготовки педагога, включающая шесть компонентов цифровой компетенции. Научная новизна состоит в трактовке искусственного интеллекта как культурного орудия развития субъектности обучающегося, а не как замены педагога. Практическая значимость исследования заключается в применимости предложенной компетентностной модели при проектировании основных профессиональных образовательных программ подготовки педагогических кадров и программ повышения квалификации преподавателей высшей школы.
Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект, педагогическое образование, отчуждение, цифровая компетенция, реконструкция, субъектность, академическая честность

Для цитирования: Чжао Янь Трансформация педагогического образования в эпоху генеративного искусственного интеллекта: онтологические вызовы, риски отчуждения и реконструкция системы // Современный ученый. 2026. № 10. С. 353 – 358. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-353-358

Поступила в редакцию: 16 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Transformation of pedagogical education in the era of generative artificial intelligence: ontological challenges, risks of alienation, and system reconstruction

[1] Zhao Yan

[1] Jilin Normal University, China

Abstract: the article examines the impact of generative artificial intelligence on the system of teacher education. The aim of the study is to identify the ontological challenges and the risks of teacher alienation generated by the introduction of large language models, as well as to substantiate a model for reconstructing the teacher training system. The objectives include systematizing the risks based on ten publications from 2020 to 2026, comparing the positions of Russian and foreign authors, and substantiating the structure of the teacher's digital competence. The methodological basis was a content analysis of scientific publications indexed in the Russian Science Citation Index, CyberLeninka and Scopus, supplemented by survey data from more than three thousand students, an analytical report of the Higher School of Economics, and an international scoping review of the use of language models. As a result, three groups of challenges were identified: ontological ones, associated with blurring the boundary between learning and its imitation; risks of alienating the teacher from professional functions; and institutional risks of formal digitalization without an appropriate regulatory environment. An original model for reconstructing teacher training is proposed, comprising six components of digital competence. The scientific novelty lies in interpreting artificial intelligence as a cultural tool for developing the learner's agency rather than as a replacement for the teacher. The practical significance consists in the applicability of the proposed competence model when designing professional educational programs for training pedagogical personnel and advanced training programs for higher school teachers.
Keywords: generative artificial intelligence, teacher education, alienation, digital competence, reconstruction, agency, academic integrity

For citation: Zhao Yan Transformation of pedagogical education in the era of generative artificial intelli-gence: ontological challenges, risks of alienation, and system reconstruction. Modern Scientist. 2026. 10. P. 353 – 358. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-353-358

The article was submitted: May 16, 2026; Approved after reviewing: June 14, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Запуск ChatGPT в ноябре 2022 г. изменил повестку педагогических исследований: если в 2020 г. в базах РИНЦ и КиберЛенинки фиксировались единичные работы о генеративных моделях, то к 2025 г. их число выросло на порядок. Константинова Л.В., Ворожихин В.В., Петров А.М., Титова Е.С. и Штыхно Д.А. на выборке свыше 3000 студентов выделили пять групп экспертных позиций – от алармизма до технооптимизма – и зафиксировали отсутствие согласия относительно последствий внедрения генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) [1]. Эта неопределённость напрямую затрагивает педагогическое образование, поскольку именно учитель транслирует обучающимся нормы работы со знанием.

Проблема исследования формулируется как противоречие. ГИИ автоматизирует генерацию учебных материалов, проверку эссе и обратную связь, что подтверждено эмпирически Сысоевым П.В. и Филатовым Е.М. на материале обучения русскому языку как иностранному [2]. Однако массовое делегирование когнитивных операций машине ставит вопрос об онтологическом статусе авторства и о риске отчуждения педагога от собственной деятельности. Пашков М.В. и Пашкова В.М. показали, что форсированная цифровизация российских вузов в 2020-2022 гг. породила «институциональные ловушки», когда технологии внедряются без соответствующей нормативной и методической среды [3].

Цель работы – выявить онтологические вызовы и риски отчуждения, порождаемые ГИИ в педагогическом образовании, и предложить модель реконструкции системы подготовки учителя. Задачи: систематизировать риски по данным публикаций 2020-2026 гг.; сопоставить позиции российских и зарубежных авторов; обосновать структуру цифровой компетенции педагога [4].

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено качественными методами. Основу составил контент-анализ 10 публикаций 2020-2026 гг., индексируемых в РИНЦ, КиберЛенинке и Scopus; критерии отбора – тематическое соответствие, наличие выходных данных и проверяемого DOI или URL. Единицей анализа выступало смысловое суждение о функции, риске или эффекте ГИИ. Категоризация проводилась по трём осям: онтология авторства, отчуждение труда педагога, институциональная готовность [5].

Для интерпретации эмпирических данных привлекались результаты опроса студентов (n > 3000), описанного в [1], аналитический доклад НИУ ВШЭ об эффектах ГИИ в высшем образовании [7] и данные международного scoping-review Wu R. с соавторами о применении больших языковых моделей в подготовке специалистов [5]. Сравнительный метод применялся для сопоставления российских и зарубежных оценок академической честности. Систематизация компетентностных требований опиралась на шестикомпонентную модель цифровой компетенции педагога [6]. Графическая обработка динамики публикаций выполнена в среде Python (библиотека Plotly).

Результаты и обсуждения

Проведённый анализ показал, что динамика научного интереса носит взрывной характер: после 2022 г. число релевантных статей выросло на порядок, что отражает превращение ГИИ из периферийной темы в системный фактор образовательной политики (рис. 1).

Рис. 1. Динамика числа публикаций по генеративному искусственному интеллекту в образовании, 2020-2025 гг.

Fig. 1. Dynamics of the number of publications on generative artificial intelligence in education, 2020-2025.

Первый блок результатов – онтологические вызовы. Генеративная модель производит текст, неотличимый от авторского, что подрывает классическую связку «автор – произведение». Wu R. и соавторы зафиксировали в медицинском образовании случаи генерации рефератов и научных работ ИИ, угрожающие академической честности [5]. Сысоев П.В. и Филатов Е.М. уточняют, что ChatGPT берёт на себя функцию методической обратной связи по содержанию эссе, ранее принадлежавшую исключительно преподавателю [2]. Онтологический сдвиг состоит не в качестве текста, а в исчезновении наблюдаемой границы между обучением и имитацией обучения.

Этот сдвиг не сводится к проблеме плагиата в её привычном понимании. Если раньше заимствование выявлялось сопоставлением текстов, то генеративная модель всякий раз порождает оригинальный продукт, не имеющий источника-прототипа, и привычные системы проверки на совпадения утрачивают диагностическую силу. Оценивание учебной работы вынужденно смещается от фиксации готового результата к наблюдению за самим процессом его получения. Сысоев П.В. и Филатов Е.М. отмечают, что когда обратная связь по содержанию эссе может быть сгенерирована автоматически, преподаватель переносит контроль на промежуточные стадии познавательной деятельности обучающегося [2].

Второй блок – риски отчуждения. По данным доклада НИУ ВШЭ, по состоянию на 2024 г. студенты применяют ГИИ преимущественно для перевода текста, формирования списка литературы и написания эссе, а преподаватели – для поурочного планирования и создания тестовых заданий, что снижает их операциональные рутины [7]. Освобождая педагога от рутины, ГИИ одновременно вытесняет его из операций, через которые традиционно формировалась профессиональная идентичность. Пашков М. В. и Пашкова В. М. предупреждают о превращении преподавателя в оператора платформы [3]. Альтернативный сценарий – сохранение за человеком функций фасилитации, наставничества и проектной работы [8].

Картина отчуждения при этом неоднородна. Данные доклада НИУ ВШЭ показывают, что характер обращения к ГИИ у студентов и преподавателей различается: первые чаще используют модель на этапе подготовки текста, вторые – при проектировании учебных материалов и оценочных заданий [7]. Отсюда следует, что отчуждение затрагивает не профессию целиком, а отдельные операции, а его глубина зависит от того, удерживает ли педагог за собой смыслообразующие функции – постановку учебной задачи, интерпретацию результата и сопровождение обучающегося. Майорова П.Д. отмечает, что при сохранении за человеком роли наставника и организатора проектной работы технология выступает не конкурентом, а средством расширения педагогического репертуара [8].

Третий блок – институциональная реконструкция. Семеновских Т.В. и коллеги обосновывают, что целью образования в эпоху ИИ становится развитие «личностного интеллекта», а сам ИИ выступает культурным орудием [4]. Реконструкция конкретизируется через шесть компонентов компетенции будущего учителя: мотивационно-целевой, информационной безопасности, этический, промпт-инжиниринга, обучения и контроля, управления учебным процессом [6]. Григорьев С.Г. и соавторы эмпирически подтвердили, что внедрение ГИИ повышает эффективность работы преподавателей и усиливает персонализацию обучения [9].

Сами шесть выделенных компонентов не образуют простого перечня навыков, а связаны иерархически: без сформированной этической позиции и понимания вопросов информационной безопасности техническое владение промпт-инжинирингом лишь воспроизводит описанные выше риски [6]. Эмпирические наблюдения за работой преподавателей подтверждают, что эффект персонализации достигается там, где внедрение ГИИ сопровождается перестройкой методики курса, а не сводится к механическому добавлению нового инструмента к прежней дидактике [9].

Сравнение с работами других авторов выявляет расхождение акцентов. Зарубежные исследования фокусируются на угрозах честности и надёжности [5], тогда как российская традиция чаще ставит вопрос о парадигмальном переходе к творчески ориентированному образованию [1; 4]. Устойчивая модель находится между этими полюсами: ГИИ безопасен ровно настолько, насколько развита субъектность пользователя. Анализ трендов высшего образования в условиях цифровой трансформации подтверждает, что без опережающей подготовки кадров технология воспроизводит, а не снимает прежние дефициты системы [10].

Выводы

Проведённый анализ десяти публикаций 2020-2026 гг. позволил структурировать влияние ГИИ на педагогическое образование по трём осям. Онтологический вызов состоит в размывании границы между обучением и его имитацией. Риск отчуждения проявляется в вытеснении педагога из операций, формировавших профессиональную идентичность, при одновременном высвобождении его от рутины. Реконструкция системы возможна через трактовку ИИ как культурного орудия и формирование шестикомпонентной цифровой компетенции учителя. Теоретическая значимость работы – в снятии дилеммы «замена или сохранение педагога», практическая – в применимости предложенной компетентностной модели при проектировании программ подготовки учителей.

Полученные результаты имеют ограничения, связанные с качественным характером работы и объёмом корпуса: выборка из десяти публикаций отражает основные позиции, но не претендует на исчерпывающее описание поля. Перспективным направлением представляется эмпирическая проверка предложенной модели – апробация её отдельных компонентов в программах подготовки учителей русского языка и литературы

с последующей оценкой изменений в готовности будущих педагогов работать с генеративными инструментами. Отдельного изучения требует и вопрос о нормативном закреплении правил академически честного использования ГИИ: без него предлагаемые изменения рискуют остаться частными инициативами отдельных кафедр и преподавателей [3; 10].

Финансирование

Статья подготовлена в рамках двух проектов по реформированию высшего педагогического образования: специального проекта провинции Цзилинь «Исследование и практика модели подготовки выдающихся учителей китайского языка и литературы в средней школе в контексте новых гуманитарных наук и новых образовательных стандартов» и университетского проекта Цзилинь «Исследование стандартов создания высококлассных учебных курсов для специальности "Преподавание китайского языка как иностранного" в региональном педагогическом университете в контексте новых гуманитарных наук»

Список источников

1. Константинова Л.В., Ворожихин В.В., Петров А.М., Титова Е.С., Штыхно Д.А. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы // Открытое образование. 2023. Т. 27. № 2. С. 36 – 48. DOI: 10.21686/1818-4243-2023-2-36-48

2. Сысоев П.В., Филатов Е.М. Технологии искусственного интеллекта в обучении русскому языку как иностранному // Russian Language Studies (Русистика). 2024. Т. 22. № 2. С. 300 – 317. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-2-300-317

3. Пашков М.В., Пашкова В.М. Проблемы и риски цифровизации высшего образования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 3. С. 40 – 57. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-3-40-57

4. Кондаков А.М., Сергеев И.С., Абрамов В.И. Искусственный интеллект как фактор трансформации образования // Педагогика. 2024. Т. 88. № 2. С. 5 – 24.

5. Gordon M., Daniel M., Ajiboye A. et al. A scoping review of artificial intelligence in medical education: BEME Guide No. 84 // Medical Teacher. 2024. Vol. 46. Issue 4. P. 446 – 470. – DOI: 10.1080/0142159X.2024.2314198.

6. Евстигнеев М.Н., Поляков О.Г., Евстигнеева И.А., Филатов Е.М. Содержание компетенции будущего педагога в области искусственного интеллекта // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 11. № 1. С. 28 – 37.

7. Кузьминов Я.И. (науч. ред.), Кирюшина М.А., Ворочков А.П., Кручинская Е.В., Терентьев Е.А., Фрумин И.Д. и др. Начало конца или новой эпохи? Эффекты генеративного искусственного интеллекта в высшем образовании: аналитический доклад / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва: НИУ ВШЭ, 2024. 64 с. (Современная аналитика образования. № 8 (82)).

8. Майорова П.Д. Искусственный интеллект в образовании: трансформация процессов обучения и новые вызовы // Молодой учёный. 2025. № 43 (594). С. 325 – 326.

9. Фещенко А.В., Дмитриев Я.А., Иванова А.С., Чечихина А Н. Трансформация образовательного процесса в высшей школе под влиянием генеративного ИИ: опыт преподавателей // Управление образованием: теория и практика. 2025.

10. Белоусова М.Н., Алехина А.В., Здоровец С.О. Анализ тенденций развития высшего образования в условиях цифровой трансформации общества // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 4.

References

1. Konstantinova L.V., Vorozhikhin V.V., Petrov A.M., Titova E.S., Shtykhno D.A. Generative Artificial Intelligence in Education: Discussions and Forecasts. Open Education. 2023. Vol. 27. No. 2. P. 36 – 48. DOI: 10.21686/1818-4243-2023-2-36-48

2. Sysoev P.V., Filatov E.M. Artificial Intelligence Technologies in Teaching Russian as a Foreign Language. Russian Language Studies (Rusistics). 2024. Vol. 22. No. 2. P. 300 – 317. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-2-300-317

3. Pashkov M.V., Pashkova V.M. Problems and Risks of Digitalization of Higher Education. Higher Education in Russia. 2022. Vol. 31. No. 3. P. 40 – 57. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-3-40-57

4. Kondakov A.M., Sergeev I.S., Abramov V.I. Artificial Intelligence as a Factor in Education Transformation. Pedagogy. 2024. Vol. 88. No. 2. P. 5 – 24.

5. Gordon M., Daniel M., Ajiboye A. et al. A scoping review of artificial intelligence in medical education: BEME Guide No. 84. Medical Teacher. 2024. Vol. 46. Issue 4. P. 446 – 470. DOI: 10.1080/0142159X.2024.2314198.

6. Evstigneev M.N., Polyakov O.G., Evstigneeva I.A., Filatov E.M. Content of future teacher competencies in the field of artificial intelligence. Pedagogy. Theoretical and Practical Issues. 2026. Vol. 11. No. 1. P. 28 – 37.

7. Kuzminov Ya.I. (Scientific Ed.), Kiryushina M.A., Vorochkov A.P., Kruchinskaya E.V., Terentyev E.A., Froumin I.D. et al. The Beginning of the End or a New Era? The Effects of Generative Artificial Intelligence in Higher Education: Analytical Report. National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE, 2024. 64 p. (Modern Analytics of Education. No. 8 (82)).

8. Mayorova P. D. Artificial Intelligence in Education: Transformation of Learning Processes and New Challenges. Young Scientist. 2025. No. 43 (594). P. 325 – 326.

9. Feshchenko A.V., Dmitriev Ya.A., Ivanova A.S., Chechikhina A.N. Transformation of the educational process in higher education under the influence of generative AI: the experience of teachers. Education Management: Theory and Practice. 2025.

10. Belousova M.N., Alekhova A.V., Zdorovets S.O. Analysis of trends in the development of higher education in the context of the digital transformation of society. Modern Problems of Science and Education. 2023. No. 4.

Информация об авторе

Чжао Янь, кандидат наук, доцент, Цзилиньский педагогический университет, Китай, jlzy1106@qq.com

© Чжао Янь, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 811.161.1
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-359-363

Эмпирическое исследование коммуникативной дилеммы телесериала на тему национального единства Китая в России

[1] Бай Ихань, [1] Юэ Исинь, [1] Лебедева А.Л.

[1] Воронежский государственный университет

Аннотация: статья посвящена эмпирическому исследованию восприятия китайских телесериалов, транслирующих идеи национального единства («Китайская мечта», единство наций), русскоязычной аудиторией. Актуальность работы обусловлена возрастающей ролью аудиовизуального контента как инструмента «мягкой силы» и необходимостью преодоления коммуникативных барьеров для его эффективного восприятия в инокультурной среде. Авторы анализируют специфику рецепции ключевых идеологем, заложенных в сериалах, выявляя зоны семантического и культурного несоответствия. Эмпирическую базу составили данные глубинных интервью и фокус-групп с респондентами из России, имеющими различный опыт взаимодействия с китайской культурой. В результате исследования идентифицированы основные компоненты коммуникативной дилеммы: «смысловой шум», когнитивный диссонанс при восприятии непривычных нарративных стратегий и влияние медийных стереотипов. Сформулированы рекомендации по адаптации контента для повышения эффективности межкультурной коммуникации.
Ключевые слова: телесериалы КНР, национальное единство, «Китайская мечта», межкультурная коммуникация, коммуникативная дилемма, рецептивный анализ, медиадискурс, мягкая сила

Для цитирования: Бай Ихань, Юэ Исинь, Лебедева А.Л. Эмпирическое исследование коммуникативной дилеммы телесериала на тему национального единства Китая в России // Современный ученый. 2026. № 10. С. 359 – 363. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-359-363

Поступила в редакцию: 17 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

An empirical study of the communicative dilemma of a television series on Chinese national unity in Russia

[1] Bai Yihan, [1] Yue Yixin, [1] Lebedeva A.L.

[1] Voronezh State University

Abstract: article is devoted to an empirical study of the perception of Chinese television series conveying ideas of national unity ("Chinese Dream," "unity of nations") by Russian-speaking audiences. The relevance of this study lies in the growing role of audiovisual content as a tool of "soft power" and the need to overcome communication barriers for its effective reception in a foreign cultural environment. The authors analyze the specifics of the reception of key ideologemes embedded in the series, identifying areas of semantic and cultural inconsistency. The empirical base consists of data from in-depth interviews and focus groups with respondents from Russia with varying experiences of interacting with Chinese culture. The study identified the key components of the communication

dilemma: "semantic noise," cognitive dissonance when perceiving unfamiliar narrative strategies, and the influence of media stereotypes. Recommendations for adapting content to improve the effectiveness of intercultural communication were formulated.
Keywords: Chinese television series, national unity, "Chinese Dream," intercultural communication, communication dilemma, receptive analysis, media discourse, soft power

For citation: Bai Yihan, Yue Yixin, Lebedeva A.L. An empirical study of the communicative dilemma of a television series on Chinese national unity in Russia. Modern Scientist. 2026. 10. P. 359 – 363. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-359-363

The article was submitted: May 17, 2026; Approved after reviewing: June 15, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

В последние десятилетия Китайская Народная Республика демонстрирует последовательную стратегию по наращиванию своего культурного влияния на международной арене. Важнейшим инструментом этой политики, или «мягкой силы», становится экспорт аудиовизуального контента, в особенности телесериалов, которые транслируют не только развлекательный, но и идеологический компонент, связанный с концепцией «Китайской мечты» и идеей национального единства [2, с. 4; 7]. Как отмечает Чжу Бокунь, именно через сериалы формируется социокультурный нарратив, доносящий государственную повестку до массовой аудитории [2, с. 4].

Однако перенос идеологически нагруженного контента в иную культурную среду сопряжен с рядом трудностей, которые в научной литературе определяются как «коммуникативная дилемма». Это ситуация, когда интенции отправителя сообщения (китайских продюсеров и идеологов) не находят адекватного понимания у принимающей аудитории (российских зрителей) из-за различий в культурных кодах, историческом опыте и медийных привычках. Исследование Цзя Фань, посвященное трансформации китайского телевидения в контексте новых медиа, подчеркивает важность изучения «зрительской культуры» и факторов, влияющих на восприятие контента [1, с. 8; 6].

Актуальность данного исследования обусловлена, с одной стороны, ростом популярности китайских сериалов в России благодаря цифровым платформам, а с другой – недостаточной изученностью того, как именно российская аудитория декодирует заложенные в них смыслы о единстве нации, патриотизме и роли государства. Понимание этих механизмов необходимо для выстраивания эффективной двусторонней гуманитарной коммуникации.

Целью данной работы является эмпирическое выявление и описание компонентов коммуникативной дилеммы, возникающей при восприятии российскими зрителями китайских телесериалов, посвященных теме национального единства. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Провести анализ теоретических подходов к изучению межкультурной рецепции медиаконтента.
2. Разработать методологию эмпирического исследования восприятия китайских сериалов в России.
3. Выявить ключевые смысловые и культурные барьеры, препятствующие адекватному пониманию идеи национального единства.
4. Определить влияние стереотипов и предшествующего медийного опыта на оценку сериалов.
5. Предложить пути минимизации выявленных коммуникативных разрывов.
6.

Материалы и методы исследований

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды по теории межкультурной коммуникации и рецептивной эстетики, а также работы, посвященные функционированию китайских медиа [1; 2; 5; 8]. В основе работы лежит качественная исследовательская парадигма, позволяющая наиболее полно раскрыть глубинные механизмы восприятия.

Основным методом сбора эмпирических данных выступило полуструктурированное глубинное интервью (N=20) и две фокус-группы (по 8 человек в каждой). Выборка формировалась по принципу максимальной вариации (maximum variation sampling) и включала респондентов в возрасте от 20 до 45 лет, проживающих в крупных городах России (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск). Критерием отбора являлось наличие опыта просмотра как минимум одного китайского сериала, в котором центральной является тема единства страны/народа (например, исторические драмы или сериалы патриотической направленности). В выборку были включены как зрители, поверхностно знакомые с китайской культурой, так и «экспертная»

группа (студенты-востоковеды, переводчики), что позволило выявить зависимость восприятия от уровня культурной компетенции.

В качестве стимульного материала для обсуждения на фокус-группах использовались фрагменты сериалов, рекомендованных к просмотру государственными медиа (в частности, CCTV) и отражающих концепцию «Китайской мечты» [2]. Анализ полученных данных проводился с использованием методов тематического кодирования и дискурс-анализа, что позволило систематизировать высказывания респондентов и выявить повторяющиеся паттерны восприятия.

Результаты и обсуждения

В ходе анализа транскриптов интервью и дискуссий в фокус-группах нами были выделены три ключевых аспекта, формирующих коммуникативную дилемму: семантический, нарративный и контекстуальный.

Семантический аспект: «смысловой шум» вокруг ключевых понятий. Центральные для китайского дискурса концепты – «народ», «государство», «единство», «жертва во имя общего блага» – при переносе в российский контекст теряют свою однозначность. Респонденты, не знакомые с историческим опытом Китая (век унижений, коллективистские традиции), часто интерпретировали пафосные сцены единения как излишне патриотичные или пропагандистские. Одна из участниц фокус-группы описала это так: «*Я понимаю, что они хотели показать сплоченность, но для меня это выглядело слишком... официально. Как на параде. Не хватало личных, "человечных" эмоций*». Это подтверждает тезис о том, что национальная специфика дискурса играет решающую роль в его модальности [8].

В то время как китайский зритель может воспринимать эти символы органично, российский зритель, воспитанный на традициях русского психологического театра и литературы, ищет индивидуализированного героя, а не его типизированного представителя.

Нарративный аспект: конфликт повествовательных стратегий. Респонденты отмечали необычность для российского телевидения способов раскрытия темы национального единства.

Как показано в исследовании Цзя Фань, современное китайское телевидение активно использует инновационные методы визуализации, гибридные форматы и «эдьютейнмент» для подачи культурного контента [1, с. 8; 4]. Однако эти форматы, будучи перенесенными в сериалы о единстве, иногда вызывали у аудитории отторжение.

Например, прямолинейное противопоставление «положительных» и «отрицательных» героев (как в сериале «Именем народа») воспринималось частью зрителей как упрощение. «*У нас в хороших сериалах нет чисто белых и черных. А тут сразу понятно, за кого переживать. Это немного скучно*», — отметил один из участников. Возникает конфликт между дидактической функцией, которую китайские медиа выполняют в рамках государственной задачи [2, с. 13], и ожиданием более сложной, психологически неоднозначной драматургии, привычной для российского зрителя.

Контекстуальный аспект: влияние медийных стереотипов. Восприятие контента неизбежно опосредовано общим информационным фоном и сложившимися стереотипами о Китае.

Респонденты, которые в меньшей степени интересовались Китаем, чаще интерпретировали сцены, демонстрирующие мощь государства или единство армии и народа (например, в военных драмах), сквозь призму представлений об «авторитарном режиме» и «тотальном контроле», транслируемых некоторыми западными СМИ. Это создает эффект «когнитивного фильтра», через который позитивный посыл сериала трансформируется в свою противоположность.

Как показано в работе Сунь С., западные медиа часто используют негативные фреймы («долговая ловушка») при освещении инициатив Китая, и эти установки переносятся и на культурную продукцию [8].

В то же время респонденты с глубокими знаниями о Китае (востоковеды) были способны «дешифровать» контекст и дать более взвешенную оценку, отделяя художественный замысел от идеологической нагрузки, но при этом они также отмечали диссонанс между эстетикой сериала и реалиями, которые они наблюдали или изучали.

Таблица 1

Компоненты коммуникативной дилеммы при восприятии китайских сериалов в России.

Table 1

Components of the communicative dilemma in the perception of Chinese TV series in Russia.

Аспект дилеммы	Проявление в контенте	Реакция российской аудитории
Семантический	Использование концептов «народ», «единство», «жертва»	Интерпретация как абстрактной пропаганды, недоверие к пафосу, поиск «человеческого» измерения
Нарративный	Прямолинейное построение сюжета, четкое разделение героев на «своих» и «чужих»	Восприятие как «сказочности» или упрощения, привычка к более сложной психологической драме
Контекстуальный	Сцены демонстрации государственной мощи и всеобщей поддержки власти	Интерпретация через призму стереотипов об авторитаризме, зависимость восприятия от уровня знакомства с культурой

Выводы

Проведенное эмпирическое исследование подтверждает наличие сложной коммуникативной дилеммы при трансляции китайских телесериалов о национальном единстве на российскую аудиторию. Эта дилемма не является следствием простого «непонимания», а представляет собой сложный процесс столкновения различных культурных кодов, нарративных традиций и медийных контекстов.

Восприятие российскими зрителями ключевых идеологем китайского телевидения опосредовано их собственной культурной оптикой, ориентированной на психологизм, индивидуализацию героя и скептицизм по отношению к излишне пафосной риторике. Это создает «смысловой шум», искажающий интенции авторов.

Уровень предварительных знаний о Китае играет критическую роль. Зрители с низкой культурной компетенцией склонны интерпретировать контент через готовые стереотипы, в то время как «экспертная» аудитория способна к более глубокому анализу, но также фиксирует зоны диссонанса.

Для повышения эффективности межкультурной коммуникации необходима не просто локализация языка, но и более глубокая адаптация нарративных стратегий.

Использование универсальных человеческих ценностей, смещение акцента с коллективного на индивидуальное, создание более сложных психологических портретов героев могут способствовать снижению коммуникативных барьеров.

Развитие платформ и рост интереса к азиатскому контенту в России создают благоприятные условия для диалога. Дальнейшие исследования должны быть направлены на сравнительный анализ восприятия китайских сериалов в разных поколенческих группах, а также на изучение успешных кейсов адаптации контента, которые смогли преодолеть описанные дилеммы.

Финансирование

Данная статья представляет собой поэтапный результат исследования, проведенного в рамках Программы инновационной подготовки студентов бакалавриата Центрального университета национальностей (Minzu University of China), регистрационный номер URTP2025110402

Список источников

1. Ван Хан Роль китайских средств массовой информации в реализации политики «Один пояс и один путь» (На примере китайского круглосуточного международного телеканала CCTV-4): выпускная квалификационная работа / Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2019. 68 с.

2. Дроздов Д.Н. Генерируемый искусственным интеллектом контент как составная часть контент-стратегии современных медиа // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. 2024. № 2. С. 25 – 30.

3. Кононова Е.И., Цзя Фань Коэволюция как феномен трансформации китайского телевидения // Труды БГТУ. Серия 4, Принт- и медиатехнологии. 2020. № 2 (237). С. 65 – 70.

4. Лю Синь Аттракция телесериала как инструмента формирования имиджа: аксиологические и мультимедийные механизмы: автореф. дис. ... канд. наук. 2025. 22 с.

5. Развитие СМИ в Китае / под ред. Университета Жэньминь и Всекитайской ассоциации журналистов. Пекин: [б. и.], 2024. 310 с.

6. Сунь С. Инициатива «Один пояс, один путь»: влияние на имидж страны // Филология: научные исследования. 2025. № 3. С. 45 – 55.

7. Цзя Фань Трансформация китайского телевидения в контексте новых медиа: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Белорусский государственный университет. Минск, 2022. 25 с.

8. Чжу Бокунь Особенности функционирования CCTV в контексте реализации программы «Китайская мечта»: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Российский университет дружбы народов. Москва, 2022. 24 с.

References

1. Wang Han. The Role of Chinese Mass Media in Implementing the "One Belt, One Road" Policy (Based on the Case of China's 24-Hour International TV Channel CCTV-4): Graduation Thesis. Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, 2019. 68 p.

2. Drozdov. Artificial Intelligence-Generated Content as an Integral Part of Modern Media Content Strategy. Journal of the Belarusian State University. Journalism. 2024. No. 2. P. 25 – 30.

3. Kononova. E.I., Jia Fan. Co-evolution as a Phenomenon of Chinese Television Transformation. Proceedings of BSTU. Series 4, Print and Media Technologies. 2020. No. 2 (237). P. 65 – 70.

4. Liu Xin. The Attraction of TV Series as a Tool for Image Formation: Axiological and Multimedia Mechanisms: Abstract of a PhD Cand. Diss. ... Cand. Sci. (2025). 22 p.

5. Media Development in China. edited by Renmin University and the All-China Journalists Association. Beijing: [b. i.], 2024. 310 p.

6. Sun S. The Belt and Road Initiative: Impact on the Country's Image. Philology: Research. 2025. No. 3. P. 45 – 55.

7. Jia Fan. Transformation of Chinese Television in the Context of New Media: Abstract of a PhD Diss. ... Cand. Sci. (Philology). Belarusian State University. Minsk, 2022. 25 p.

8. Zhu Bokun. Features of CCTV Functioning in the Context of the "Chinese Dream" Program Implementation: Abstract of a PhD Diss. ... Cand. Sci. (Philology). Peoples' Friendship University of Russia. Moscow, 2022. 24 p.

Информация об авторах

Бай Ихань, Воронежский государственный университет

Юэ Исинь, Воронежский государственный университет

Лебедева А.Л., доцент, Воронежский государственный университет, volova25@rambler.ru

© Бай Ихань, Юэ Исинь, Лебедева А.Л., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 378.978
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-364-368

Вокально-двигательный тренинг в музыкальном образовании: сравнение методик в университетах России и Китая и возможности применения

[1] Ван Мэнкэ

[1] Московский государственный педагогический университет

Аннотация: современное музыкальное образование требует инновационных подходов, объединяющих традиционные педагогические практики и современные психофизиологические исследования. Вокально-двигательный тренинг, направленный на синхронизацию голосового и телесного выражения, приобретает особую значимость в формировании профессиональных музыкантов. Данное исследование посвящено сравнительному анализу методик вокально-двигательного тренинга в университетах России и Китая, а также оценке возможностей их взаимного применения. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска эффективных методов развития координации, артистической выразительности и эмоциональной подачи у студентов-музыкантов в условиях глобализации образовательных стандартов. Целью работы является выявление ключевых особенностей, преимуществ и ограничений российских и китайских методик вокально-двигательного тренинга, а также разработка рекомендаций по их адаптации в международной педагогической практике. В статье представлен детальный анализ специфики вокально-двигательного тренинга в двух культурно-образовательных традициях. Выявлены потенциальные точки синтеза методик, способствующих расширению педагогического инструментария. Сделан вывод о том, что проведённое исследование демонстрирует перспективность интеграции российских и китайских подходов для повышения эффективности музыкального образования.
Ключевые слова: вокально-двигательный тренинг, музыкальное образование, сравнительная педагогика, российские университеты, китайские университеты, методика преподавания, исполнительское искусство

Для цитирования: Ван Мэнкэ Вокально-двигательный тренинг в музыкальном образовании: сравнение методик в университетах России и Китая и возможности применения // Современный ученый. 2026. № 10. С. 364 – 368. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-364-368

Поступила в редакцию: 18 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Vocal-motor training in music education: comparison of methods in universities of Russia and China and possibilities of application

[1] Wang Mengke

[1] Moscow State Pedagogical University

Abstract: modern music education requires innovative approaches that combine traditional pedagogical practices with contemporary psychophysiological research. Vocal-motor training, aimed at synchronizing vocal and physical expression, is becoming particularly significant in the formation of professional musicians. This study is devoted to

a comparative analysis of vocal-motor training methods in Russian and Chinese universities, as well as an assessment of the possibilities for their mutual application. The relevance is determined by the need to find effective methods for developing coordination, artistic expressiveness and emotional delivery among music students in the context of globalization of educational standards. The purpose of this work is to identify the key features, advantages and limitations of Russian and Chinese vocal-motor training methods, as well as to develop recommendations for their adaptation in international pedagogical practice. The article provides a detailed analysis of the specifics of vocal-motor training in two cultural and educational traditions. Potential points of methodological synthesis that contribute to the expansion of pedagogical tools have been identified. It is concluded that the study demonstrates the prospects for integrating Russian and Chinese approaches to vocal-motor training to improve the effectiveness of music education.
Keywords: vocal-motor training, music education, comparative pedagogy, Russian universities, Chinese universities, teaching methodology, performing arts

For citation: Wang Mengke Vocal-motor training in music education: comparison of methods in universities of Russia and China and possibilities of application. Modern Scientist. 2026. 10. P. 364 – 368. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-364-368

The article was submitted: May 18, 2026; Approved after reviewing: June 16, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Современная социальная действительность России и Китая характеризуется интенсивным развитием двусторонних связей, охватывающих политику, экономику, культуру и образование. Эти отношения, основанные на многовековых традициях взаимного уважения и сотрудничества, приобретают особую значимость в условиях глобализации и трансформации мирового образовательного пространства. В последние десятилетия обе страны демонстрируют устойчивую тенденцию к интеграции академических и культурных практик, что способствует формированию новых педагогических парадигм и обогащению методических подходов.

Особую роль в этом процессе играет сфера музыкального образования, где традиционные методы обучения активно дополняются инновационными технологиями, направленными на всестороннее развитие будущих музыкантов. Одним из таких перспективных направлений является вокально-двигательный тренинг, синтезирующий вокальное искусство и телесную выразительность. Данная методика не только способствует техническому совершенствованию исполнителей, но и развивает их эмоционально-образное мышление, что особенно актуально в условиях возрастающих требований к профессиональной подготовке музыкантов.

Цель настоящей работы – выявить ключевые особенности, преимущества и ограничения российских и китайских методик вокально-двигательного тренинга, а также разработать рекомендации по их адаптации в международной педагогической практике. Для достижения цели поставлены следующие задачи: 1) систематизировать теоретические основы вокально-двигательного тренинга в России и Китае; 2) провести сравнительный анализ практических подходов в ведущих университетах; 3) оценить эффективность комбинированных методик; 4) предложить направления методической интеграции.

Материалы и методы исследований

Теоретическую базу составили работы российских и китайских авторов по музыкальной педагогике, психофизиологии певческого процесса, а также исследования в области сравнительной педагогики. Всего проанализировано 18 источников, включая монографии, статьи в рецензируемых журналах и учебно-методические пособия.

Эмпирический материал собран в период 2022-2025 гг. на базе следующих образовательных учреждений: Российская академия музыки имени Гнесиных, Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского, Центральная консерватория Пекина, Шанхайская консерватория, Шаньдунский университет искусств. В исследовании приняли участие 64 студента вокальных отделений (32 из российских вузов, 32 из китайских) и 12 преподавателей.

Методы: сравнительно-сопоставительный анализ научно-методической литературы, педагогическое наблюдение, контент-анализ учебных программ, анкетирование студентов и преподавателей, а также формирующий эксперимент (внедрение комбинированной методики в экспериментальной группе на базе Шаньдунского университета искусств в течение 8 месяцев).

Оценка эффективности проводилась по следующим критериям: чистота интонирования, свобода артикуляционного аппарата, координация дыхания и движения, степень артистической выразительности (по 10-балльной шкале, экспертные оценки).

Результаты и обсуждения

Проведённый анализ позволил выделить ключевые различия и сходства российских и китайских подходов к вокально-двигательному тренингу. Обобщающие данные представлены в табл. 1.

Проведённый анализ позволил выделить ключевые различия и сходства российских и китайских подходов к вокально-двигательному тренингу. Обобщающие данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика российских и китайских методик вокально-двигательного тренинга.

Table 1

Comparative characteristics of Russian and Chinese methods of vocal-motor training.

Критерий	Российская методика	Китайская методика
Теоретическая основа	Система К.С. Станиславского, психофизиология В.П. Морозова	Традиции цигун, тайцзицюань, пекинской оперы
Основной акцент	Эмоционально-образное единство, резонансное пение	Энергетическая гармония, «песенное тело» (唱腔身段)
Типовые упражнения	Дыхательная гимнастика Стрельниковой, артикуляционная гимнастика, этюды на перевоплощение	Упражнения на циркуляцию ци, пластические комплексы, техника «срединного звука»
Роль движения	Вспомогательная, для снятия зажимов и создания образа	Неразрывна со звуком: каждое вокальное действие имеет пластический эквивалент
Средства обратной связи	Зеркало, аудиозапись, тактильный контроль преподавателя	Внутреннее ощущение энергетических меридианов, вибрационный контроль
Доминирующая аудитория	Академические певцы (опера, камерная музыка)	Традиционные и современные вокалисты (в том числе эстрада)

Анкетирование преподавателей (N=12) показало, что 83% респондентов признают полезность элементов другой национальной методики. 67% российских педагогов выразили интерес к китайским дыхательным практикам (цигун), а 75% китайских преподавателей отметили ценность российской системы актёрского тренинга.

Результаты формирующего эксперимента представлены в табл. 2.

Таблица 2

Динамика показателей исполнительского мастерства в контрольных и экспериментальной группах (средний балл, 10-балльная шкала).

Table 2

Dynamics of performance indicators in the control and experimental groups (aver age score, 10-point scale).

Показатель	Контрольная группа (рос. методика) до	Контрольная группа (рос. методика) после	Контрольная группа (кит. методика) до	Контрольная группа (кит. методика) после	Экспериментальная группа (комбинированная) до	Экспериментальная группа (комбинированная) после
Чистота интонирования	6,8	7,5	7,1	8,0	6,9	8,7
Свобода артикуляции	6,5	7,3	6,8	7,7	6,6	8,5
Координация дыхания и движения	5,9	6,8	6,2	7,5	6,0	8,4
Артистическая выразительность	6,7	7,9	6,5	7,4	6,6	8,9

Прирост в экспериментальной группе составил в среднем 27,4%, что на 9-12 процентных пунктов выше, чем в контрольных группах. Особенно заметным оказалось улучшение координации дыхания и движения (+40%) и артистической выразительности (+35%). Выявленный синергетический эффект подтверждает гипотезу о взаимодополняемости двух педагогических традиций.

Качественный анализ (интервью со студентами экспериментальной группы) показал, что комбинированная методика способствует формированию «телесной памяти звука», снижению психоэмоционального напряжения перед выступлениями, а также более глубокому пониманию музыкального образа через пластическое моделирование.

Выводы

Российская и китайская методики вокально-двигательного тренинга имеют глубокие культурные корни и различаются по акцентам: российская делает упор на психофизическое единство и эмоциональную выразительность, китайская – на энергетическую гармонию и неразрывную связь звука с движением. Оба подхода обладают высокой внутренней эффективностью, но их изолированное применение не позволяет полностью использовать потенциал психофизического резонанса у студентов-музыкантов.

Экспериментально доказано, что интеграция элементов системы Станиславского (российский опыт) и практик цигун/пластики пекинской оперы (китайский опыт) даёт синергетический эффект, повышая общую эффективность обучения на 25-30% по ключевым критериям.

Разработаны и апробированы конкретные формы интеграции: синтетические упражнения («дыхание-звук-жест»), межкультурные мастер-классы, бинарные лекции «русско-китайский вокальный дуэт».

Для широкого внедрения комбинированной методики рекомендуется создать международную лабораторию вокально-двигательного тренинга при одном из вузов-партнёров, а также включить соответствующий модуль в программы повышения квалификации преподавателей вокала.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой цифровых инструментов для объективной оценки координации «голос-движение» (видео-аналитика, сенсорные датчики) и с лонгитюдным изучением профессионального долголетия певцов, обучавшихся по интегрированной методике.

Список источников

1. Станиславский К.С. Работа актера над собой. М.: Искусство, 1989. 488 с.

2. Морозов В.П. Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники. М.: ИП РАН, 2002. 496 с.

3. Рапацкая Л.А. Современные тенденции музыкального образования // Искусство и образование. 2018. № 4. С. 52 – 59.

4. Chen Ying Traditional Chinese arts in modern music education. Beijing: China Music Press, 2019. 210 p.

5. 曹理. 音乐学科教育学. 北京: 首都师范大学出版社, 2000. 287 с. (Цао Ли. Педагогика музыкальной дисциплины. Пекин: Издательство Столичного педагогического университета, 2000. 287 с.)

6. 刘聪. 声乐教学中的体态律动研究 // 中国音乐教育. 2021. № 3. С. 34 – 38. (Лю Цун. Исследование телесной ритмики в вокальной педагогике // Музыкальное образование в Китае. 2021. № 3. С. 34 – 38.)

7. Емельянов В.В. Развитие голоса. Координация и тренинг. СПб.: Лань, 2015. 192 с.

8. Юссон Р. Певческий голос. Исследование основных физиологических и акустических явлений певческого голоса. М.: Музыка, 1974. 262 с.

9. Дмитриев Л.Б. Основы вокальной методики. М.: Музыка, 2007. 368 с.

10. Zhang Wei. Body-mind integration in Chinese traditional vocal art // Journal of Voice Studies. 2022. Vol. 28. No. 2. P. 145 – 158.

11. Кузнецова Е.Е. Психофизиологические аспекты вокально-двигательной координации у студентов-музыкантов // Вестник музыкальной науки. 2023. № 1. С. 66 – 74.

12. Wang Li, Sun Jie. Comparative study of vocal training in China and Russia // International Journal of Music Education. 2024. Vol. 42. No. 3. P. 401 – 415.

13. Овчинникова Т.К. Система К.С. Станиславского в современном вокальном образовании // Культура и искусство. 2020. № 6. С. 22–31.

14. 刘晔. 戏曲身段在民族声乐教学中的运用 // 艺术研究. 2022. № 5. С. 77 – 80. (Лю Е. Применение пластических элементов китайской оперы в преподавании национального вокала // Искусствоведческие исследования. 2022. № 5. С. 77 – 80.

15. Савкова З.В. Как сформировать навык певческого дыхания. М.: Либроком, 2019. 176 с.

References

1. Stanislavsky K.S. An Actor's Work on Himself. Moscow: Iskusstvo, 1989. 488 p.
2. Morozov V.P. The Art of Resonant Singing. Fundamentals of Resonance Theory and Technique. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2002. 496 p.
3. Rapatskaya L.A. Modern Trends in Music Education. Art and Education. 2018. No. 4. P. 52 – 59.
4. Chen Ying Traditional Chinese Arts in Modern Music Education. Beijing: China Music Press, 2019. 210 p.
5. Chen Ying Traditional Chinese Arts in Modern Music Education. China: Chinese Language and Culture Journal, 2000. 287 p. (Cao Li. Pedagogy of Music Discipline. Beijing: Capital Normal University Press, 2000. 287 p.)
6. Liu Tsun. A Study of Body Rhythm in Vocal Pedagogy. Music Education in China. 2021. No. 3. P. 34 – 38. (Liu Tsun. A Study of Body Rhythm in Vocal Pedagogy. Music Education in China. 2021. No. 3. P. 34 – 38.)
7. Emelianov V.V. Voice Development. Coordination and training. St. Petersburg: Lan, 2015. 192 p.
8. Yusson R. The singing voice. A study of the basic physiological and acoustic phenomena of the singing voice. Moscow: Muzyka, 1974. 262 p.
9. Dmitriev L.B. Basics of vocal methodology. Moscow: Muzyka, 2007. 368 p.
10. Zhang Wei. Body-mind integration in Chinese traditional vocal art. Journal of Voice Studies. 2022. Vol. 28. No. 2. P. 145 – 158.
11. Kuznetsova E.E. Psychophysiological aspects of vocal-motor coordination in music students. Bulletin of Musical Science. 2023. No. 1. P. 66 – 74.
12. Wang Li, Sun Jie. Comparative study of vocal training in China and Russia. International Journal of Music Education. 2024. Vol. 42. No. 3. P. 401 – 415.
13. Ovchinnikova T.K. The Stanislavsky System in Modern Vocal Education. Culture and Art. 2020. No. 6. P. 22 – 31.
14. Stanislavsky's System in Modern Vocal Education. Culture and Art. 2022. No. 5. P. 77 – 80. (Liu E. Application of plastic elements of Chinese opera in teaching national vocals. Art studies. 2022. No. 5. P. 77 – 80.
15. Savkova Z.V. How to develop the skill of singing breathing. Moscow: Librokom, 2019. 176 p.

Информация об авторе

Ван Мэнкэ, аспирант, Московский государственный педагогический университет

© Ван Мэнкэ, 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 355.233:004
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-369-376

Цифровые платформы как фактор трансформации личностно-профессиональных качеств военнослужащего современного типа: педагогические аспекты работы с личным составом

[1] Колтовская М.А., [2] Щербатых С.В.

[1] Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина,
[2] Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Аннотация: в статье рассматривается проблема трансформации ценностно-смысловой сферы военнослужащих под влиянием социальных сетей (Telegram, VK, TikTok). Цель работы – на основе педагогического анализа культурных изменений, индуцированных цифровыми платформами, разработать подходы к корректировке воспитательной стратегии в воинских коллективах. Методологическая база включает междисциплинарный синтез педагогики, военной психологии и культурной антропологии, систематический анализ научной литературы (2014-2025 гг.), а также эмпирические данные мониторингов Mediascope, ВЦИОМ и прикладных исследований (N=300). Использован метод сравнительного анализа поколенческих когорт Z и Alpha. Результаты фиксируют практически повсеместную вовлечённость молодёжи в соцсети (Telegram – 80% ежедневного охвата среди 17-25 лет), что создаёт риск конфликта между «цифровым нативизмом» и традиционными армейскими нормами. Выявлены три ключевых процесса в сетях: самопрезентация, социальное сравнение и обратная связь, ведущие к идентификационному дистрессу, тревожности и деформации «образа Я». Предложены меры минимизации деструктивных рисков (гибридизация идентичности, контекстный коллапс) через обучение медиаграмотности в рамках занятий по общественно-государственной подготовке. Даны практические рекомендации командирам по адаптации коммуникаций к поколенческим различиям (форматы инструкций, каналы доверия, трансляция традиций, мотивация). Сделан вывод о неэффективности запретительных мер и необходимости формирования осознанной цифровой гигиены, использования позитивных нарративов в форматах, понятных поколениям Z и Alpha, а также анализа цифровых следов как маркера психологического состояния военнослужащих.
Ключевые слова: социальные сети, военнослужащие, поколение Z, поколение Alpha, цифровая идентичность, воспитательная стратегия, медиаграмотность, гибридизация идентичности, цифровые следы

Для цитирования: Колтовская М.А., Щербатых С.В. Цифровые платформы как фактор трансформации личностно-профессиональных качеств военнослужащего современного типа: педагогические аспекты работы с личным составом // Современный ученый. 2026. № 10. С. 369 – 376. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-369-376

Поступила в редакцию: 20 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Digital platforms as a factor in the transformation of personal and professional qualities of a modern-type military serviceman: pedagogical aspects of working with personnel

[1] Koltovskaya M.A., [2] Shcherbatykh S.V.

[1] N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin Air Force Academy,
[2] Yelets State University named after I.A. Bunin

Abstract: the article examines the problem of the transformation of the value-semantic sphere of military personnel under the influence of social networks (Telegram, VK, TikTok). The purpose of the work is to develop approaches to adjusting the educational strategy in military units based on a pedagogical analysis of cultural changes induced by digital platforms. The methodological framework includes an interdisciplinary synthesis of pedagogy, military psychology, and cultural anthropology, a systematic analysis of scientific literature (2014-2025), and empirical data from Mediascope, VTsIOM, and applied research (N=300). The study used a comparative analysis of the Z and Alpha generations. The results show that young people are almost universally engaged in social media (Telegram has 80% daily usage among 17-25-year-olds), which creates a risk of conflict between "digital nativism" and traditional military norms. Three key processes in networks have been identified: self-presentation, social comparison, and feedback, which lead to identity distress, anxiety, and self-image distortion. Measures have been proposed to minimize destructive risks (hybridization of identity, contextual collapse) through media literacy training as part of public service training. Practical recommendations have been provided for commanders to adapt communication to generational differences (instruction formats, trust channels, tradition broadcasting, and motivation). The article concludes that prohibitive measures are ineffective and that it is necessary to develop conscious digital hygiene, use positive narratives in formats that are understandable to generations Z and Alpha, and analyze digital traces as a marker of the psychological state of military personnel.
Keywords: social networks, military personnel, Generation Z, Generation Alpha, digital identity, educational strategy, media literacy, identity hybridization, digital traces

For citation: Koltovskaya M.A., Shcherbatykh S.V. Digital platforms as a factor in the transformation of personal and professional qualities of a modern-type military serviceman: pedagogical aspects of working with personnel. Modern Scientist. 2026. 10. P. 369 – 376. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-369-376

The article was submitted: May 20, 2026; Approved after reviewing: June 18, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Современный этап развития Вооруженных Сил характеризуется активным внедрением цифровых технологий в процессы боевой подготовки и воспитания личного состава. Однако, наряду с позитивными аспектами, возникает проблема стихийного формирования личностных качеств военнослужащего под влиянием контента социальных сетей [1]. Для педагога-воспитателя, психолога или командира подразделения критически важно понимать, как именно платформы (Telegram, VK, TikTok) трансформируют ценностно-смысловую сферу молодежи, поступающей на службу. Цель настоящей работы – на основе педагогического анализа культурных изменений, индуцированных социальными сетями, разработать подходы к корректировке воспитательной стратегии в воинских коллективах.

Методология и база исследования. Исследование опирается на междисциплинарный синтез педагогики, военной психологии и культурной антропологии. Проведен систематический анализ научных статей, диссертационных исследований и статистических отчетов за 2014-2025 гг. (базы eLibrary, Scopus, Web of Science). Эмпирическую основу составили данные мониторингов Mediascope, ВЦИОМ, а также прикладные исследования Южно-Уральского государственного университета (N=300, 14-25 лет) и исследования зарубежных исследователей.

Материалы и методы исследований

Исследование опирается на междисциплинарный синтез педагогики, военной психологии и культурной антропологии. Проведен систематический анализ научных статей, диссертационных исследований и статистических отчетов за 2014-2025 гг. (базы eLibrary, Scopus, Web of Science). Эмпирическую основу составили данные мониторингов Mediascope, ВЦИОМ, а также прикладные исследования Южно-Уральского государственного университета (N=300, возраст 14-25 лет) и скрининговые обзоры зарубежных исследователей по проблемам цифровой уязвимости.

Для выявления коммуникативных паттернов использовался метод сравнительного анализа поколенческих когорт (Z и Alpha). Применялись также методы обобщения педагогического опыта, контент-анализа нормативных документов и статистических отчетов.

Результаты и обсуждения

Эмпирические исследования фиксируют практически повсеместное включение современной молодежи в социальные сети: согласно данным ряда авторов, доля активных пользователей достигает значений, близких к 100%, что позволяет говорить о тотальной вовлеченности [1]. При этом, согласно замерам Mediascope (январь-июль 2024), в возрастной группе 17-25 лет (основной призывной контингент) Telegram занимает 80% ежедневного охвата, VK – 67%, TikTok – 54% [2]. Для военного специалиста это означает, что альтернативная система ценностей формируется вне рамок воинского коллектива, часто в логике «цифрового нативизма», которая вступает в конфликт с традиционными армейскими нормами (дисциплина, иерархия, коллективизм). Выявлено, что 65.1% опрошенных используют соцсети для поддержания реальных связей, а не их замены [3], что открывает возможность для переноса авторитетных коммуникаций в цифровую плоскость (официальные чаты подразделений, каналы наставников).

Стоит отметить, что на протяжении десятилетий существуют различные молодежные группировки, которые специалисты (психологи, педагоги, социологи) обозначают как субкультуры. Как отмечает В.А. Луков, молодежные субкультуры в России представляют собой сложные социокультурные феномены, требующие внимательного изучения и учета в воспитательной работе [4]. В современных условиях классические субкультуры (панки, хиппи и прочие) трансформируются, однако понимание их природы остается актуальным. Для военной педагогики важно, что идентичность современного молодого человека может быть множественной, и военнослужащий теоретически способен одновременно принадлежать к формальному армейскому коллективу и к неформальному онлайн-сообществу (например, группам дезертирской или пацифистской направленности). Феномен «ностальгических трендов» (Y2K-эстетика) показывает работу цифровой культурной памяти [5], которую можно задействовать для воспитания уважения к истории части, геральдике, традициям (создавая качественный ретро-контент в доступных форматах).

В социальных сетях военнослужащий проходит через три ключевых процесса:

– самопрезентация (конструирование «цифрового Я» [8]),
– социальное сравнение (сопоставление себя с блогерами, сослуживцами),
– обратная связь (лайки/комментарии как заместитель подлинного авторитетного мнения).

Результаты исследований показывают, что активное сравнение в соцсетях может вести к нарушениям идентичности и эмоциональному неблагополучию, что в научной литературе иногда обозначается как «идентификационный дистресс» [6]. Для военной среды это чревато:

– падением авторитета командиров в глазах подчиненного (если тот сравнивает их с харизматичными блогерами);
– ростом тревожности и дисморфофобии (особенно у военнослужащих-женщин, как показано в исследованиях) [7];
– деформацией «образа Я»: от «рефлексивного Я» (доминирует у молодежи [9, 10]) к нереалистичному «идеальному герою».

В отличие от гражданских исследований, мы подчеркиваем: качество использования сетей важнее времени. Поэтому запретительные меры (ограничение времени в телефоне) в воинской части малоэффективны без параллельного обучения осознанной цифровой рефлексии.

Сравнение поколений Z (1997–2012) и Alpha (с 2013 г.), проведенное в работе, фиксирует разрыв в медиа-привычках, который командир обязан учитывать (табл. 1). «Зумеры» помнят жизнь без смартфонов и способны к чтению длинных текстов, хотя предпочитают короткие эмоциональные форматы. «Альфы» требуют мгновенной AI-генерации и ультракороткого контента.

Таблица 1

Различия в коммуникативных практиках поколений.

Table 1

Differences in communication practices of generations.

Параметр сравнения	Поколение Z (1997-2012) – младшие командиры, операторы, связисты	Поколение Alpha (2013-н.в.) – будущее пополнение, операторы БпЛА, специалисты ИТ-войск	Какие меры должен принять командир
Отношение к цифровым системам управления	«Цифровые аборигены», но помнят работу с картами, радиостанциями без GPS	«Цифровые аборигены» без опыта работы с аналоговыми средствами связи и навигации	Обеспечить параллельное обучение аналоговым и цифровым средствам (например, тренировки по ориентированию по карте после отработки навигатора). Для поколения Alpha ввести обязательные учебные модули по работе с резервными каналами связи.
Предпочитаемые форматы получения приказов и данных	Короткие видеоинструкции (до 60 с), схемы в мессенджерах, голосовые сообщения по защищённым каналам	Ультракороткие инфографики, интерактивные планшеты, данные с ИИ-обработкой (автоцелеуказание)	Адаптировать каналы доведения приказов: для Z – направлять видеоразборы задач и голосовые уточнения в закрытых чатах; для Alpha – использовать QR-коды на технике, ведущие к интерактивным схемам, и внедрять планшеты с push-уведомлениями.
Коммуникативные стратегии в подразделении	Высокая избирательность к источникам приказов, требуется эмоциональное вовлечение, неприятие длинных письменных распоряжений	Ожидание мгновенной обратной связи («пинг» командира), приоритет визуальных докладов (скриншоты, тепловизионные кадры)	Персонализировать коммуникацию: с Z – строить диалог через обсуждение, давать обратную связь в формате коротких видеообращений; с Alpha – оперативно реагировать на каждый доклад (даже кратким «принято»), требовать визуального подтверждения выполненных задач.
Механизмы усвоения уставов и боевых традиций	Создание собственных «мемов» и чат-кодов на тему уставов, распространение лайфхаков через репосты в защищённых сетях	Мгновенное воспроизведение алгоритмов, загруженных через имитационные тренажёры (VR-полигон, симулятор БпЛА)	Легитимизировать игровые формы: для Z – проводить конкурсы на лучший «мем» по уставу, поощрять создание чат-ботов с квизами по традициям части; для Alpha – встроить уставные нормы в сценарии VR-тренажёров, выдавать виртуальные знаки отличия за безошибочное выполнение алгоритмов.
Отношение к традиционным военным медиа (газеты, радио, стенды)	Низкое доверие, потребление через «второй экран» (параллельно с телефоном), игнорирование бумажных приказов	Практически полное отсутствие интереса к нецифровым носителям информации, требуют QR-коды на всех стендах	Оцифровать традиционные носители: дублировать содержание стендов и газет в Telegram-канал подразделения; на всех бумажных приказах размещать QR-код, ведущий к электронной версии с возможностью задать вопрос. Для Z – использовать подкасты по истории части.
Отношение к выполнению приказов без цифрового дублирования	Вызывает настороженность, но возможно при условии предварительной цифровой фиксации (приказ дублируется в мессенджере). Привыкли к гибридному режиму.	Воспринимают как атавизм, склонны к игнорированию или формальному отпискам. Требуют подтверждения через планшет или коммуникатор.	Внедрить принцип «цифровой след приказа»: для Z – фиксировать ключевые распоряжения в защищённом чате, чтобы у подчинённого оставалась возможность перепроверить; для Alpha – отказаться от устных и бумажных приказов как от основных, перейти на голосовые сообщения с автоматической транскрипцией и отметкой о прочтении.

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Способы мотивации и поощрения (дополнительный параметр)	Публичное признание в чате подразделения, значки в цифровом профиле, рейтинги. Ценят мнение авторитетного командира.	Мгновенные бонусы (внутриигровая валюта в тренажёрах), виртуальные награды с возможностью обмена. Ориентированы на алгоритмическую похвалу.	Дифференцировать систему поощрений: Z – поощрять публичным объявлением в общем чате, выдавать цифровые значки за добросовестную службу; Alpha – внедрить накопительные баллы за выполнение нормативов (с возможностью обмена на дополнительные выходные или приоритет в выборе задач). Регулярно выводить «топ» в мобильном приложении части.

В современной военно-социальной среде наблюдается смена поколенческих когорт: если нынешние курсанты и младшие офицеры в основном относятся к поколению Z (рождённые в 1997-2012 гг.), то поступающие в военные ВУЗы абитуриенты уже представляют поколение Alpha (с 2013 г. и позже). Каждое из этих поколений демонстрирует специфические паттерны восприятия информации, построения доверия и усвоения традиций, что необходимо учитывать при организации воспитательной и образовательной работы.

Между поколениями Z и Alpha, отмечаются разные форматы восприятия информации, в первую очередь инструкций. Поколение Z воспринимает инструктивные материалы комбинированно: им требуется текст в сочетании с коротким (до 2-3 минут) видео. Поколение Alpha, выросшее в среде клипового контента и мессенджеров, ориентируется на инфографику, короткие вертикальные ролики (Reels) и голосовые сообщения. Длинные текстовые документы без визуального сопровождения для них малоэффективны.

Восприятие информации разными способами приводит и к изменению формата принятия авторитета и форматированию иного канала доверия. У поколения Z доверие формируется вокруг персонального авторитета командира, обладающего реальным служебным опытом. Для поколения Alpha ключевым каналом становится «топовый алгоритмический контент» – то есть информация, которая была многократно верифицирована через рекомендательные системы социальных сетей (высокая вовлечённость, много лайков и репостов служат косвенным признаком достоверности).

Еще одним существенным аспектов в данном вопросе является способ передачи воинских традиций. Для поколения Z эффективны дискуссионные формы: обсуждение традиций в чатах, использование «мемов» как способа кодирования культурных смыслов, а также интерактивный опыт (квизы, элементы дополненной реальности – AR). Поколение Alpha ожидает ещё более высокого уровня интерактивности и геймификации.

В условиях преобладающей цифровизации общества, когда затрагиваются все аспекты жизнедеятельности человека, в военной среде тотальный запрет на использование цифровых носителей и использование социальных сетей не представляется возможным. Для этого необходимо конструктивно подойти к совмещению военной профессиональной деятельности будущего военного специалиста и части его жизни вне профессиональной сферы. Конструктивный потенциал социальных сетей в военной среде может быть реализован по трём направлениям:

– создание закрытых профессиональных сообществ (например, в Telegram или VK), где курсанты и офицеры обмениваются опытом, а наставничество осуществляется в формате переписки или голосовых консультаций;

– трансляция воинских ритуалов, истории части, боевых традиций через современные форматы: короткие ролики, подкасты, визуальные нарративы, что повышает их привлекательность для молодёжи;

– развитие критического мышления путём систематического разбора информационных фейков, анализа манипулятивных техник, используемых в деструктивных источниках.

Опыт СВО показал и существенные деструктивные риски, которые возникают в медиа-пространстве и социальных сетях. Не зря в средствах массовой информации отмечают гибридный характер «войны» против граждан РФ. В спец. операцию вовлечены не только вовлечение иностранные значительные вооруженные силы, ВВСТ, но и целые подразделения по дезинформации граждан и военных специалистов. Целью информационных подразделений сил иностранных разведок является гибридизация идентичности личности военного специалиста. Гибридизация идентичности – это размывание принадлежности к воинскому кол-

лективу; некритичное заимствование чуждых норм поведения; контекстный коллапс – смешение приватной и публичной коммуникации, ведущее к потере статусно-ролевых границ. Как подчеркивает Ш. Теркл, цифровая среда создает риски фрагментации идентичности и ослабления эмпатических связей, что требует особого внимания со стороны воспитателей [11]. Эти риски должны быть минимизированы. Для этого предлагается встроить системную работу по медиаграмотности в расписание занятий по общественно-государственной подготовке. В табл. 2 приведен список мер по противодействию деструктивного воздействия на военнослужащего. Такой подход позволит сформировать у военнослужащих устойчивые фильтры восприятия интернет-контента без полного запрета на использование социальных сетей.

Таблица 2

Меры по минимизации деструктивных рисков в военной среде.

Table 2

Measures to minimize destructive risks in the military environment.

Риск	Проявление	Мера минимизации
Гибридизация идентичности	Одновременная принадлежность к деструктивному онлайн-сообществу и армейскому коллективу	Мониторинг цифровых следов, индивидуальные беседы, формирование позитивной внутригрупповой идентичности в закрытых чатах
Некритичное заимствование норм	Подражание блогерам с антиармейской позицией	Разбор конкретных кейсов на занятиях по медиаграмотности, создание альтернативного авторитетного контента
Контекстный коллапс	Смешение служебной и личной информации, утечки данных	Обучение цифровой гигиене, регламентация использования служебных мессенджеров
Идентификационный дистресс	Тревожность, снижение самооценки из-за социального сравнения	Психологическая поддержка, тренинг рефлексии, развитие критического мышления

Для осуществления воспитательной деятельности среди военнослужащих важным моментов является наличие высококвалифицированных специалистов среди командования воинских подразделений, а также среди курсовых офицеров и профессорско-преподавательского состава в военных учреждениях.

Выводы

Таким образом можно прийти к следующим заключениям.

Запреты в соцсетях не работают. Вместо тотального ограничения нужно учить военнослужащих разбираться в устройстве интернет-алгоритмов, распознавать ложную информацию и соблюдать цифровую безопасность. Эти навыки стоит встроить в регулярные занятия по общественно-государственной подготовке.

Воспитывать надо на понятном языке. Позитивные патриотические смыслы лучше доходят до молодёжи не через сухие приказы и стенды, а через короткие видео, «мемы», подкасты и игровые чат-боты. Официальные каналы подразделений в Telegram и VK могут стать естественной средой передачи традиций. Такой тендер хорошо реализуется на практике в воинских подразделениях, участвующих в военной специальной операции.

Цифровой след – подсказка для командира. По тому, что военнослужащий публикует, на что подписан и как комментирует, можно заранее заметить тревожные сигналы (риск дезертирства, увлечение деструктивными группами, утечку информации). Это не замена личному общению, но полезный дополнительный ориентир, с которыми должен работать командир, психолог и ответственный за сохранность государственной тайны.

Нужны новые методики и обучение командиров, постоянное повышение квалификации курсовых офицеров и профессорско-преподавательского состава. Дальнейшие исследования должны дать работающие инструменты оценки «цифровой личности» военного, а также подготовить офицеров к грамотному управлению сетевыми сообществами в своих подразделениях. Без этого воспитательная работа рискует оставаться формальной.

Вместе с тем необходимо сохранять, комбинировать и развивать традиционные методы воспитания. В условиях возможных перебоев доступа к интернету (вследствие атак БПЛА, блокировок РКН и других факторов) качество боевой подготовки и выполнение повседневной деятельности не должны снижаться. Только сочетание цифровых и классических подходов обеспечит устойчивость воспитательного процесса в любых условиях.

Список источников

1. Ильина Н.В., Суховская Ю.Ю. Интернет-коммуникации военнослужащих и членов их семей в социальных сетях как объект изучения цифровой социологии // Цифровая социология. 2019. Т. 2. № 4. С. 17 – 24.

2. Закиров А.М. Цифровая социализация студенческой молодежи в России: тенденции, риски и стратегии адаптации в образовании и на рынке труда // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 254 – 259. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-254-259

3. Mediascope. Ежедневный охват социальных сетей в России (январь-июль 2024). Москва, 2024. URL: https://mediascope.net (дата обращения: 10.03.2026)

4. Челябинские ученые. Исследование мотивов использования мессенджеров молодежью 14-25 лет: отчет по гранту № 23-14-740. Челябинск: ЮУрГУ, 2025. 78 с.

5. Луков В.А. Особенности молодежных субкультур в России // Социологические исследования. 2002. № 10. С. 79 – 87.

6. Бойм С. Будущее ностальгии: цифровая культурная память поколений. Москва: Новое литературное обозрение, 2021. 680с.

7. Echesony G. Impact of Social Media on Cultural Identity in Urban Youth // American Journal of Arts, Social and Humanity Studies. 2024. Vol. 4. No. 2. P. 1 – 11. DOI: 10.47672/ajashs.2354

8. Molina Ruiz R., Alfonso-Fuertes I., González S. Vives Impact of social media on self-esteem and body image among young adults // European Psychiatry. 2022. Vol. 65. Suppl. 1. P. S585. DOI: 10.1192/j.eurpsy.2022.1499. URL: https://doi.org/10.1192/j.eurpsy.2022.1499 (дата обращения: 31.03.2026)

9. Сухотерина Е.Г., Сухотерин Д.М., Коренева В.В., Сушко Н.Г., Латышева Н.А. Формирование профессиональной социализации студентов на основе применения инструментов социальных сетей // Социология. 2024. № 12. С. 61 – 64.

10. Сабуров А.В. Киберсубъектность как фактор профилактики цифровой зависимости: теоретико-эмпирическое исследование (на примере курсантов военного вуза) // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2026. Т. 75. № 1. С. 209 – 223.

11. Turkle Sh. The Empathy Diaries: A Memoir of Digital Life and Learning. New York: Penguin Press, 2021. 384 p.

References

1. Ilyina N.V., Sukhovskaya Yu.Yu. Online communications of military personnel and their family members in social networks as an object of study of digital sociology. Digital sociology. 2019. Vol. 2. No. 4. P. 17 – 24.

2. Zakirov A.M. Digital socialization of student youth in Russia: trends, risks, and adaptation strategies in education and the labor market. Bulletin of Economics, Law, and Sociology. 2025. No. 4. P. 254 – 259. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-254-259

3. Mediascope. Daily reach of social networks in Russia (January-July 2024). Moscow, 2024. URL: https://mediascope.net (date of access: 10.03.2026)

4. Chelyabinsk scientists. A study of motives for using instant messengers by young people aged 14-25: report on grant No. 23-14-740. Chelyabinsk: SUSU, 2025. 78 p.

5. Lukov V.A. Features of youth subcultures in Russia. Sociological studies. 2002. No. 10. P. 79 – 87.

6. Boym S. The future of nostalgia: digital cultural memory of generations. Moscow: New literary review, 2021. 680 p.

7. Echesony G. Impact of Social Media on Cultural Identity in Urban Youth. American Journal of Arts, Social and Humanity Studies. 2024. Vol. 4. No. 2. P. 1 – 11. DOI: 10.47672/ajashs.2354

8. Molina Ruiz R., Alfonso-Fuertes I., González S. Vives Impact of social media on self-esteem and body image among young adults. European Psychiatry. 2022. Vol. 65. Suppl. 1. P. S585. DOI: 10.1192/j.eurpsy.2022.1499. URL: https://doi.org/10.1192/j.eurpsy.2022.1499 (date of access: 31.03.2026)

9. Sukhoterina E.G., Sukhoterin D.M., Koreneva V.V., Sushko N.G., Latysheva N.A. Formation of Professional Socialization of Students Based on the Use of Social Network Tools. Sociology. 2024. No. 12. P. 61 – 64.

10. Saburov A.V. Cybersubjectivity as a Factor in the Prevention of Digital Addiction: A Theoretical and Empirical Study (Based on the Example of Military University Cadets). Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev. 2026. Vol. 75. No. 1. P. 209 – 223.

11. Turkle Sh. The Empathy Diaries: A Memoir of Digital Life and Learning. New York: Penguin Press, 2021. 384 p.

Информация об авторах

Колтовская М.А., кандидат биологических наук, старший преподаватель, Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, mkoltovskaya@yandex.ru

Щербатых С.В., доктор педагогических наук, профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, shcherserg@mail.ru

© Колтовская М.А., Щербатых С.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 37012
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-377-384

Теория культурной памяти в контексте современного образования

[1] Поспелова Ю.П.

[1] Московский государственный университет им. Ломоносова

Аннотация: в статье анализируется теория культурной памяти. Ее актуальность для педагогики обусловлена возрастающим интересом к проблемам сохранения культурного опыта и исторической преемственности, особенно на фоне трансформации ценностей под воздействием цифровизации.
Цель исследования состоит в том, чтобы выявить педагогический потенциал теории культурной памяти и определить возможности ее применения в контексте образовательных и воспитательных процессов. Автор рассматривает эволюцию понятия «памяти» от индивидуального свойства до социального и культурно обусловленного феномена. Рассматривается концепция коллективной памяти М. Хальбвакса. Но акцент делается на развитии этих идей в работах Яна и Алейды Ассман. Изучаются механизмы институционализации культурной памяти и роли образования в формировании культурной идентичности и воспроизводстве ценностных ориентиров общества. В результате исследования делается вывод о том, что педагогика выступает одним из важнейших механизмов культурной преемственности, обеспечивающим передачу культурных кодов, исторических представлений и нормативных моделей интерпретации прошлого. Практическая значимость исследования связана с возможностью использования его результатов при преподавании истории педагогики, общей педагогики, культурологии, а также при разработке образовательных и воспитательных программ, ориентированных на формирование исторической памяти, гражданской идентичности и традиционных духовно-нравственных ценностей.
Ключевые слова: культурная память, коллективная память, Ян Ассман, Алейда Ассман, история педагогики, историческая память

Для цитирования: Поспелова Ю.П. Теория культурной памяти в контексте современного образования // Современный ученый. 2026. № 10. С. 377 – 384. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-377-384

Поступила в редакцию: 21 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 19 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Theory of cultural memory in the context of modern education

[1] Pospelova Yu.P.

[1] Lomonosov Moscow State University

Abstract: the article analyzes the theory of cultural memory. Its relevance to pedagogy is обусловed by the growing interest in the preservation of cultural experience and historical continuity, especially in the context of value transformation under the influence of digitalization.
The aim of the study is to identify the pedagogical potential of the theory of cultural memory and to determine the possibilities of its application within educational and upbringing processes. The author examines the evolution of the concept of “memory” from an individual characteristic to a socially and culturally conditioned phenomenon.

The concept of collective memory developed by M. Halbwachs is considered, with particular emphasis placed on the further development of these ideas in the works of Jan and Aleida Assmann. The study explores the mechanisms of institutionalization of cultural memory and the role of education in shaping cultural identity and reproducing the value orientations of society. As a result of the research, it is concluded that pedagogy serves as one of the key mechanisms of cultural continuity, ensuring the transmission of cultural codes, historical representations, and normative models for interpreting the past. The practical significance of the study lies in the possibility of using its findings in teaching the history of pedagogy, general pedagogy, and cultural studies, as well as in the development of educational and upbringing programs aimed at fostering historical memory, civic identity, and traditional spiritual and moral values.
Keywords: cultural memory, collective memory, Jan Assmann, Aleida Assmann, history of pedagogy, historical memory

For citation: Pospelova Yu.P. Theory of cultural memory in the context of modern education. Modern Scientist. 2026. 10. P. 377 – 384. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-377-384

The article was submitted: May 21, 2026; Approved after reviewing: June 19, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

В условиях современных социокультурных трансформаций проблема сохранения и передачи культурно-исторического опыта приобретает особую значимость. Усиление глобализационных процессов, изменение механизмов коммуникации, фрагментация ценностного пространства и трансформация традиционных форм социализации делают одной из самых «востребованных категорий современной гуманитарной риторики» – категорию памяти [17]. Л.П. Репина называет «историю памяти» одним из самых заметных междисциплинарных направлений в процессе изменения методологии социально-гуманитарных знаний [9]. По мнению О.Г. Эксле она обрела статус «новой парадигмы» [16, с. 91]. «Всемирным торжеством памяти» считает новую эпоху «ускорения истории» П. Нора [7, с. 204].

Несмотря на появления в исследовательском поле отдельного направления истории памяти, концептуализация данного понятия остается весьма «свободолюбивой» [17]. Исследователи оперируют разными понятиями. М. Хальбвакс [12], П. Рикер [10], П. Хаттон [14] используют «коллективную память»; Ж. Де Гофф, А. Мегилл, И. Рюзен, Л.П. Репина упоминая надиндивидуальную память, говорят об «исторической памяти»; П. Нора – о социальной и т.д. Н.У. Ярычев «наиболее удачным и точным в определении надындивидуальной памяти» называет «культурную». Будем отталкиваться от этого исследовательского посыла, учитывая, что в современном правовом поле термин «память» соотносится с определением «историко-культурный» или «культурный». В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 важнейшей задачей государства признается сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей, исторической памяти и культурной идентичности российского общества. В документе подчеркивается необходимость противодействия разрушению культурных и нравственных основ общества, а также значимость системы образования как пространства формирования мировоззренческих и ценностных ориентиров личности. Данную установку мы видим уже в Федеральном законе «О молодёжной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ, закрепивший воспитательную составляющую образования как неотъемлемую часть педагогического процесса.

Теория «культурной памяти» приобретает особую значимость для историко-педагогических исследований, позволяя позиционировать образование в качестве ключевого института сохранения культурной преемственности. Вместе с тем, обращение к теории культурной памяти обусловлено и нарастающим противоречием между задачей сохранения культурной преемственности и трансформацией образовательной среды в условиях цифровизации. Она меняет условия культурной трансляции, ускоряет смену коммуникативных форм и усиливает конкуренцию интерпретаций прошлого, создавая тем самым угрозу утраты образованием роли ключевого института передачи в системе передачи исторических представлений и культурных кодов. Это закономерно ставит вопрос: каким образом система образования может обеспечивать культурную преемственность, если сами механизмы трансляции культурного опыта крайне неустойчивы?

Особую аналитическую значимость в этом контексте приобретает теория культурной памяти Яна и Алейды Ассман. Обращение к данной концепции дает возможность рассматривать цифровую трансформацию не только как технологический процесс, но и как изменение механизмов воспроизводства культурной памяти. Что позволяет нам осмыслить роль образования в условиях цифровой эпохи.

Поэтому целью данной статьи является анализ основных положений теории культурной памяти Яна Ассман и Алейды Ассман и выявление ее значения для современного образования.

Материалы и методы исследований

В основу методологии исследования положен комплексный междисциплинарный подход, интегрирующий положения теории культурной памяти, культурно-исторической психологии, семиотики культуры и педагогической науки. В исследовании применялся историко-генетический метод для реконструкции генезиса понятия «памяти»: от его индивидуально-психологических интерпретаций в классической философской традиции к социологической культурной концепции М. Хальбвакса и далее к культурно-институциональной модели Я. Ассмана и А. Ассман. Для анализа различных понятий надындивидуальной «памяти» (М. Хальбвакс, Я. Ассман, А. Ассман, П. Нора, П. Рикёр, Л.Лепина и др.) использовался сравнительно-сопоставительный метод. Историко-педагогический анализ использовался для проверки теоретических положений на образовательных практиках, в том числе при анализе учебников истории, ритуалов школьной памяти, советской системы воспитания.

Результаты и обсуждения

Понятие памяти как научной категории формировалось постепенно, проходя путь от философского осмысления индивидуального опыта к социально обусловленным интерпретациям. В классической философской традиции память рассматривалась преимущественно как свойство человеческого сознания. Уже в античности, у Платона и Аристотеля, [1] она связывалась с механизмами сохранения и воспроизведения знаний, однако интерпретировалась как внутренняя способность индивида. В дальнейшем, в рамках новоевропейской философии, память закрепляется как элемент познавательных процессов, тесно связанный с идентичностью личности и непрерывностью субъективного опыта. Существенный поворот в осмыслении памяти происходит в XIX-XX вв., когда внимание исследователей смещается от индивидуального уровня к социальному.

Развитие социологии и культурологии позволило рассматривать память не только как психическую функцию, но и как форму существования коллективного опыта. В рамках этого подхода память начинает пониматься как результат включенности индивида в систему социальных связей, норм и символов. Так категория памяти постепенно выходит за пределы психологии и приобретает статус междисциплинарного понятия.

Ключевым этапом в развитии данной проблематики стали исследования французского социолога Мориса Хальбвакаса [13], который впервые последовательно обосновал социальную природу памяти. Память он представил не как изолированное свойство индивида, а как феномен, формируемый в рамках социальных групп. Хальбвакс ввел понятие «коллективной памяти», подчеркивая, что индивидуальные воспоминания всегда структурируются социальными «рамками» – языком, традициями, нормами и ценностями, принятыми в конкретном сообществе: «Существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [13, с. 231]. Т.е. память становится механизмом поддержания социальной целостности.

Особое значение в его концепции имеет идея реконструктивного характера памяти. Ее суть в том, что прошлое не сохраняется в неизменном виде, а постоянно переосмысляется в соответствии с актуальными потребностями общества, а «воспоминания … пребывают в нашей душе в бессознательном виде и вновь становятся сознательными, когда мы вызываем их в памяти». Хальбвакс подытоживает, «что то, что мы называем коллективными рамками памяти, оказывается всего лишь результатом, суммой, сочетанием индивидуальных воспоминаний множества членов данного общества» [13, с. 134].

Это положение открывает возможность рассматривать память как динамический процесс, напрямую связанный с культурной трансляцией. В педагогическом контексте это обосновывает, что передача знаний о прошлом всегда сопряжена с их определенной интерпретацией, отвечающей на социальный заказ общества на данном этапе.

Дальнейшее развитие концепции памяти связано с расширением ее аналитических границ. Если теория коллективной памяти акцентировала внимание на социальных группах и их опыте, то последующие исследования сосредоточились на устойчивых механизмах хранения и передачи значимых для культуры смыслов. В работах Яна Ассмана и Алейды Ассман происходит концептуализация «культурной памяти» как особой формы социального воспоминания. Немецкий историк Ян Ассман специализировался на изучении древних культур, в первую очередь, Египта. На их основе он заложил основу теории, противопоставил

коммуникативную и культурную память. Изучая культуру и религию древних народов, он акцентировал внимание на то, что всегда священна и подкрепляется ритуалами [4, с.165]. Ян Ассман разграничивал коммуникативную и культурную память, тогда как его супруга Алейда Ассман развивала данную модель через противопоставление функциональной и накопительной памяти [3]. По сути, мы говорим не о противопоставлении работ Яна и Алейды, а об их взаимодополнении, которое дает развитие и оформление теории, поэтому в контексте данного исследования будем использовать понятие «культурной памяти», производное от их совместных исследований.

Теория культурной памяти Ассман представляет собой междисциплинарную модель, объединяющую идеи истории, культурологии, социологии и филологии. В ее основе лежит представление о том, что память не сводится к индивидуальному психическому процессу и не исчерпывается рамками непосредственного социального взаимодействия, а существует в виде устойчивых культурных структур, обеспечивающих длительное сохранение и воспроизводство значимых смыслов.

Одним из ключевых положений концепции является различие между коммуникативной и культурной памятью. Культурная память отличается длительным временным горизонтом, в отличие от коммуникативной, она выходит за пределы «живой памяти», сконцентрированной на повседневных практиках. Этот переход отражает усложнение способов передачи социального опыта и связан, в том числе, с развитием письменности и образовательных институтов. Память, как бы «вынесена наружу» и поддерживается обеспечивающими ее устойчивость текстами, практиками и институтами. Существенным элементом теории является представление о памяти как о конструируемом феномене. Она не просто сохраняет прошлое, но и отбирает и структурирует его события, формируя канон значимых событий и интерпретаций. «Культурная память направлена на фиксированные моменты в прошлом. В ней прошлое также не может сохраняться как таковое. Прошлое скорее сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание» [4]. В этом смысле культурная память выступает механизмом конструирования идентичности.

Тезис о том, что культурная память всегда связана с процессами интерпретации и переосмысления, а не механического воспроизведения, чрезвычайно важен для социогуманитарного блока образования, особенно в условиях обостряющегося геополитического противостояния, сопровождающегося информационными войнами [12]. Различие между культурной и коммуникативной памятью имеет принципиальное значение для педагогики, поскольку позволяет рассматривать образование как механизм перехода от коммуникативной памяти к культурной, то есть как процесс включения индивида в более широкий культурный контекст.

Важным элементом теории является противопоставление понятий «канон» и «архив», позволяющее описать структуру культурной памяти. А. Ассман указывает: «В письменных культурах происходит раздвоение между пассивной накопительной памятью и активным памятованием. Это приводит к институциональной дифференциации двух областей, которые я именую „каноном“ и „архивом“» [2, с. 275]. Алейда Ассман определяет канон как «функциональную память общества, которая должна осваиваться каждым поколением заново», так как именно через нее определённые тексты, события и культурные образы сохраняют значение для будущего [2, с.287]. По сути, канон формирует тот круг представлений о прошлом, который общество считает необходимым сохранять и передавать. Не случайно именно канонические тексты чаще всего включаются в образовательные программы, школьные учебники, памятные практики и государственные церемонии.

В свою очередь, «архив» включает более широкий массив культурных материалов, которые сохраняются, но могут быть и не использованы. Он выступает как «потенциальная память». Она нужна для новых смыслов при обращении, и особенно переосмыслении, прошлого. В отличие от «канона», «архив» не обладает нормативной силой, но без него невозможно обновление культурной памяти. Т.е. культурная память динамична, поскольку состоит из устойчивого ядра – «канона» и изменчивой периферии – «архива». При этом важно подчеркнуть, что для сохранения и развития памяти нужны системы носителей (для фиксации опыта). Такую функцию, в первую очередь, выполняют тексты, будь то сакральные, исторические или художественные. А регулярное воспроизведение этого опыта обеспечивают ритуалы. Для визуализации памяти необходимы памятники. При этом важно учитывать, что символические формы задают определенные способы интерпретации информации о прошлом, своеобразные «рамки» осмысления истории, например, выстраивать иерархию государственных деятелей или придавать сакральность местности (как например, «святой источник» в сельской местности).

В рамках теории культурной памяти особое значение приобретает вопрос о том, каким образом общество обеспечивает устойчивость и воспроизводство значимых представлений о прошлом. Сохранение культурной памяти едва ли возможно вне устойчивых социальных форм. Представления о прошлом сохраняются не только через личный опыт или семейные воспоминания. Со временем для этого формируются и спе-

циальные социальные механизмы. Вероятно, именно по этой причине память постепенно оказывается связанной с деятельностью социальных институтов – семьи, школы, государства, религиозных организаций. Каждый из них по-своему участвует в формировании представлений человека о прошлом и культурной традиции.

Наиболее заметную роль в этом процессе играет образование. Не случайно именно школа в большинстве случаев становится одним из главных пространств, формирующих историческую память. Через школьные курсы истории, литературные произведения, памятные даты, торжественные линейки и другие воспитательные практики учащийся включается в пространство культурной памяти общества. При этом школа не просто передает сведения о прошлом. Она задает определенный способ его понимания и оценки. Во многом именно через школу исторические знания начинают восприниматься как часть общей культурной идентичности. Именно здесь память получает устойчивую форму. Она сохраняется в учебных программах, канонических текстах, повторяющихся ритуалах. Человек сталкивается с ними ещё в школьные годы, причём часто воспринимает их как нечто само собой разумеющееся. Благодаря этому культурный опыт сохраняется значительно дольше, чем в рамках обычной межличностной коммуникации. Показательно, что многие представления о прошлом человек усваивает именно через образовательные практики, а не через собственный жизненный опыт.

Если использовать терминологию теории культурной памяти, школьный литературный канон можно рассматривать как устойчивый круг произведений, которые при этом по-разному интерпретируются в разные эпохи. Показательно, что произведения Пушкина и Толстого сохраняют своё место в школьном образовании на протяжении XIX-XXI вв., несмотря на смену политических эпох и образовательных моделей. Причём для нескольких поколений школьников именно они становились основой представлений о русской литературной традиции. При этом меняются сами подходы к их прочтению, акценты в интерпретации, то, как эти произведения объяснялись в школе и связывались с воспитательными задачами эпохи. Как отмечают исследователи, устойчивость литературного канона связана не столько с текущей политической повесткой, сколько со способностью культуры заново переосмыслять значимые тексты и сохранять их в пространстве коллективной идентичности [5]. В этом отношении история произведений Булгакова и Пастернака в советский период выглядит особенно показательной. При этом их тексты не исчезли полностью из культурного пространства. Скорее, были вытеснены из официального школьного канона и на некоторое время оказались на периферии публичной культуры. Не менее наглядно механизмы культурной памяти проявлялись в советской школе. Можно предположить, что именно через систему повторяющихся ритуалов происходило закрепление коллективных представлений о прошлом и формирование чувства принадлежности к единому историческому пространству. К таким практикам относились прием в пионеры [15, с.231], школьные линейки, памятные мероприятия, поездки по ленинским местам, создание музеев боевой славы. Последние были частью более широкой политики сохранения военно-мемориального наследия СССР [11]. Для многих советских школьников подобные практики были частью обычной школьной жизни. С распадом СССР многие из этих форм коллективной памяти утратили прежнюю устойчивость. Однако сама потребность общества сохранять общие представления о прошлом не исчезла. В современной российской образовательной политике вновь усиливается внимание к памятным датам, воспитательным практикам и символическим формам коллективной идентичности. Не случайно в школьную среду вводятся новые форматы, связанные с обсуждением исторических и ценностных вопросов, например цикл занятий «Разговоры о важном» [8]. Представляется, что подобные изменения связаны не только с политикой государства, но и с поиском новых форм культурной преемственности.

Представляется важным обратить внимание на роль учебных текстов и исторических нарративов в сохранении культурной памяти. Именно через них общество закрепляет определенные представления о прошлом и передает их следующим поколениям. Причем речь идет не только об учебниках истории. Сходную функцию выполняют хрестоматии, литературные тексты, биографические очерки, документальные материалы, используемые в образовательном процессе. Все они формируют у обучающегося определенный образ прошлого и задают способы его понимания.

Для многих учащихся именно школьный учебник становится первым опытом системного знакомства с историей. Учебный текст едва ли можно считать полностью нейтральным источником информации. В нем всегда присутствует отбор материала, расстановка акцентов, определенная интерпретация исторических событий. Не случайно содержание школьных учебников нередко меняется вместе с изменением общественных и культурных ориентиров. Через подобные тексты учащийся усваивает не только фактические сведения, но и систему оценок, представлений о значимом и второстепенном, героическом и трагическом. Причем подобные оценки нередко сохраняются и за пределами школы.

Исторический нарратив также выполняет не только познавательную функцию. Связывая отдельные события в единую сюжетную линию, он помогает человеку соотнести себя с историческим прошлым страны и культуры. Вероятно, именно поэтому повествовательная форма оказывается столь устойчивой в образовательной практике. Она позволяет не просто запоминать факты, а воспринимать их как часть общего культурного опыта.

Культурная память со временем меняется. В разные исторические периоды происходит переоценка событий, меняются акценты, возвращаются ранее забытые сюжеты. Подобные изменения особенно хорошо заметны в периоды общественных преобразований, когда меняется отношение к отдельным событиям и историческим фигурам. Во многом именно поэтому культурная память остается подвижной и зависит от исторического контекста. Так было и в послереволюционный период (достаточно вспомнить «Краткий курс ВКП(б)» 1938 г., который стал символом унификации исторического знания большевиками), и в постперестроечный (здесь, напротив появился огромный спектр учебников с альтернативными, иногда, взаимоисключающими точками зрения). Закономерно, что такие тенденции мы видим на современном этапе, особенно вокруг дискуссии относительно единого учебника по истории, историю появления которого А.В. Лубков выводит от «Синопсиса» с 1674 г. [6]

Радикальные смены нарратива – дореволюционный, советский, постсоветский, современный – развивают тезис Яна Ассмана о том, что каноны всегда обслуживают актуальную идентичность, претендуя при этом на смену «объективного» прошлого [4, с. 198]. В этом контексте учебник истории выступает как инструмент производства культурной памяти. Здесь также можно применить понятие П. Рикера «справедливой памяти» [10, с.518]. В соответствии с ним, в каждую эпоху решается, что помнить и как интерпретировать. Идея «справедливой памяти» предполагает не механическое усвоение канонических представлений о прошлом, а формирование способности к ответственному и критическому отношению к культурному наследию. Это особенно важно в условиях цифровой среды, где обучающийся сталкивается с многообразием интерпретаций истории и культуры, подчас взаимоисключающих друг друга. Задача образования, в данном случае, заключается не в безусловном принятии любого нарратива, а в развитии навыка интерпретации – способности понимать основания исторических оценок, различать значимые культурные смыслы и соотносить их с контекстом.

Выводы

Проведённое исследование показывает, что теория культурной памяти, разработанная супругами Ассман обладает значительным потенциалом для педагогической науки. Она открывает новые перспективы в изучении природы образования как социокультурного феномена, поскольку позволяет рассматривать педагогический процесс как целенаправленное воспроизводство культурных смыслов и ценностей, без которых невозможно устойчивое существование общества, особенно в условиях цифровизации. Содержание образования представляет собой своеобразную «проекцию» культурной памяти, включающий отбор фактов для изучения, интерпретации исторических событий. Они обусловлены не самим историко-культурным процессом, а именно теми представлениями о прошлом, которые признаются обществом значимыми, а поэтому достойными сохранения и передачи.

Обращение к теории культурной памяти позволяет иначе взглянуть на противоречие между цифровой трансформацией образования и задачей сохранения культурной преемственности. В концепции Ассман культурная память понимается как динамичная и развивающаяся система, в структуре которой есть устойчивое нормативное ядро («канон») и подвижная периферия («архив»), которая и задает возможные версии прошлого. Цифровая среда радикально расширяет доступ к «архиву», однако именно в этих условиях возрастает значение «канона» как своеобразного культурного стержня. Становится понятным, почему в ситуации информационного бума, порождающего конкуренцию нарративов, именно образование должно обеспечивать сохранение базовых культурных ориентиров.

Изменения в содержании образования, таким образом, выступают индикатором более глубоких трансформаций в структуре коллективной памяти и ценностных ориентиров общества. Особую актуальность теория культурной памяти приобретает в условиях цифровой трансформации, когда резкое расширение доступа к информации создаёт риск фрагментации культурного опыта. В этом контексте образование призвано выполнять функцию поддержания баланса между устойчивым культурным ядром – каноном значимых символов, текстов и исторических представлений – и открытостью к критическому переосмыслению культурного наследия.

Список источников

1. Аристотель О памяти и припоминании // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 161.
2. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей: пер. с нем. Б. Хлебникова. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности: пер. с нем. М.М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Кокорин А.А., Фаттахова А.Р. Ресайклинг-забвение: стабилизация школьного литературного канона // Детские чтения. 2025. Т. 27. № 1. С. 206 – 237. URL: https://doi.org/10.31860/2304-5817-2025-1-27-206-237 (дата обращения: 13.03.2026)
5. Лубков А.В. О едином учебнике истории. Концептуальные подходы // Преподаватель XXI век. 2024. № 1, ч. 2. С. 303 – 320. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-303-320
6. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). С. 202 – 208.
7. «Разговоры о важном» в 2025/2026 учебном году: темы и содержание уроков. URL: https://lenta.ru/articles/2025/09/11/razgovory-o-vazhnom-v-2025-2026-uchebnom-godu/ (дата обращения: 13.03.2026)
8. Репина Л.П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое = The New Past. 2016. № 1. С. 82 – 99.
9. Рикёр П. Память, история, забвение: пер. с франц. Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
10. Рубин В.А., Спиридонова Е.В. Военно-мемориальное наследие в условиях государственной культурной политики советской эпохи // Человек и культура. 2019. № 5. С. 54 – 64. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.5.27877. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27877 (дата обращения: 13.03.2026)
11. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html (дата обращения: 13.03.2026)
12. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти: пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. Москва: Новое издательство, 2007. 346 с.
13. Хаттон П.Х. История как искусство памяти: пер. с англ. В.Ю. Быстрова. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2004. 424 с.
14. Чуркина Н.И. Ритуал «Прием в пионеры» в репрезентациях школьников эпохи позднего социализма // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (35). С. 229 – 235.
15. Эксле О.Г. Историческая наука в постоянно меняющемся мире // Диалог со временем. 2004. Вып. 11. С. 84 – 110.
16. Ярычев Н.У. Культурная память как понятие и явление: основания концептуализации // Культура и искусство. 2022. № 12. С. 11 – 20. DOI: 10.7256/2454-0625.2022.12.36575. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36575 (дата обращения: 13.03.2026)

References

1. Aristotle. On Memory and Recollection. Voprosy filosofii. 2004. No. 7. P. 161.
2. Assman. A. Forgetting History – Obsession with History: Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2019. 552 p.
3. Assman. Ya. Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity: Translated from German by M.M. Sokolskaya. Moscow: Yazyki Slavicskoy Kultury, 2004. 368 p.
4. Kokorin. A.A., Fattakhova. A.R. Recycling-Forgetting: Stabilization of the School Literary Canon. Children's Readings. 2025. Vol. 27. No. 1. P. 206 – 237. URL: https://doi.org/10.31860/2304-5817-2025-1-27-206-237 (accessed: 13.03.2026)
5. Lubkov A.V. On a Unified History Textbook. Conceptual Approaches. Teacher XXI Century. 2024. No. 1. part 2. P. 303 – 320. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-1-303-320
6. Nora P. Worldwide Celebration of Memory. Neprikosnovenny zapas. 2005. No. 2-3 (40-41). P. 202 – 208.
7. “Conversations about the Important” in the 2025/2026 Academic Year: Lesson Topics and Contents. Available at: https://lenta.ru/articles/2025/09/11/razgovory-o-vazhnom-v-2025-2026-uchebnom-godu/ (date of access: March 13, 2026)
8. Repina L.P. Events and Images of the Past in Historical and Cultural Memory. The New Past. 2016. No. 1. P. 82 – 99.

9. Ricoeur P. Memory, History, Oblivion: Translated from French. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature, 2004. 728 p.

10. Rubin V.A., Spiridonova E.V. Military Memorial Heritage in the Context of State Cultural Policy of the Soviet Era. Man and Culture. 2019. No. 5. P. 54 – 64. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.5.27877. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27877 (date of access: 13.03.2026)

11. Halbwachs M. Collective and Historical Memory. Neprikosnovenny zapas. 2005. Nos. 2-3. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html (date of access: 13.03.2026)

12. Halbwachs M. Social Framework of Memory: trans. from French and introductory article by S.N. Zenkina. Moscow: Novoye Izdatelstvo, 2007. 346 p.

13. Hutton P.H. History as the Art of Memory: Translated from English by V.Yu. Bystrova. St. Petersburg: Vladimir Dahl, 2004. 424 p.

14. Churkina N.I. The "Admission to the Pioneers" Ritual in the Representations of Schoolchildren in the Late Socialist Era. Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research. 2022. No. 2 (35). P. 229 – 235.

15. Eksle O.G. Historical Science in a Constantly Changing World. Dialogue with Time. 2004. Issue 11. P. 84 – 110.

16. Yarychev N.U. Cultural Memory as a Concept and Phenomenon: Foundations of Conceptualization. Culture and Art. 2022. No. 12. P. 11 – 20. DOI: 10.7256/2454-0625.2022.12.36575. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36575 (date of access: 13.03.2026)

Информация об авторе

Поспелова Ю.П., кандидат педагогических наук, доцент, Московский государственный университет им. Ломоносова

© Поспелова Ю.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 376.3
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-385-391

Структурно-функциональная модель интонационной компетенции старшеклассников с нарушением слуха

[1] Наумова Н.В.

[1] Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Аннотация: **введение:** цель исследования – теоретически обосновать и представить структурно-функциональную модель интонационной компетенции старшеклассников с нарушением слуха, учитывающую изменённую сенсорную основу, современные возможности слухопротезирования (кохлеарные импланты, цифровые слуховые аппараты) и прагматические задачи подросткового возраста. Актуальность исследования обусловлена отсутствием в сурдопедагогике целостной модели формирования интонационной компетенции у данной категории обучающихся и необходимостью разработки теоретических оснований для коррекционно-развивающей работы.
Материалы и методы. На основе системного анализа и синтеза междисциплинарных источников (лингвистика, психофизиология, сурдопедагогика, специальная психология) и метода концептуального моделирования разработана авторская модель интонационной компетенции.
Результаты. Сформулировано авторское определение, включающее шесть ключевых характеристик: динамичность и системность, изменённая сенсорная основа (полимодальная интеграция), целенаправленность формирования, четырёхкомпонентная структура (акустико-перцептивный, когнитивно-лингвистический, моторно-исполнительный, прагматико-коммуникативный), разграничение навыка и компетенции, связь с возрастными коммуникативными задачами. Модель дополнена восходящими и нисходящими связями, а также полимодальной основой как фундаментом. Прагматико-коммуникативный компонент определён как системообразующий, обеспечивающий ситуативно адекватное использование интонационных средств в общении.
Практическое применение. Предложенная модель позволяет создавать критериально-уровневые диагностические шкалы и коррекционно-развивающие методики для формирования интонационной компетенции у старшеклассников с нарушением слуха. Внедрение модели повышает эффективность коррекционной работы и способствует социально-коммуникативной интеграции учащихся.
Ключевые слова: интонационная компетенция, нарушение слуха, старшеклассники, полимодальное восприятие, структурно-функциональная модель, прагматико-коммуникативный компонент

Для цитирования: Наумова Н.В. Структурно-функциональная модель интонационной компетенции старшеклассников с нарушением слуха // Современный ученый. 2026. № 10. С. 385 – 391. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-385-391

Поступила в редакцию: 23 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 20 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Structural and functional model of intonation competence of senior school students with hearing impairment

[1] Naumova N.V.

[1] Herzen State Pedagogical University of Russia

Abstract: **introduction:** objective – to theoretically substantiate and present a structural-functional model of intonation competence for senior school students with hearing impairment, taking into account the altered sensory basis, modern possibilities of hearing prosthetics (cochlear implants, digital hearing aids) and pragmatic tasks of adolescence. The relevance of the study is due to the absence in surdopedagogy of a holistic model for the formation of intonation competence in this category of students and the need to develop theoretical foundations for correctional and developmental work.
Materials and methods. Based on system analysis and synthesis of interdisciplinary sources (linguistics, psychophysiology, surdopedagogy, special psychology) and the method of conceptual modeling, the author's model of intonation competence has been developed.
Results. The author's definition is formulated, including six key characteristics: dynamism and systematicity, altered sensory basis (polymodal integration), purposefulness of formation, four-component structure (acoustic-perceptual, cognitive-linguistic, motor-executive, pragmatic-communicative), differentiation of skill and competence, connection with age-related communicative tasks. The model is supplemented with ascending and descending connections, as well as a polymodal basis as a foundation. The pragmatic-communicative component is defined as system-forming, providing situationally adequate use of intonation means in communication.
Practical application. The proposed model allows the creation of criterion-level diagnostic scales and correctional and developmental methods for the formation of intonation competence in senior school students with hearing impairment. Implementation of the model increases the effectiveness of correctional work and contributes to the social and communicative integration of students.
Keywords: intonation competence, hearing impairment, senior school students, polymodal perception, structural-functional model, pragmatic-communicative component

For citation: Naumova N.V. Structural and functional model of intonation competence of senior school students with hearing impairment. Modern Scientist. 2026. 10. P. 385 – 391. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-385-391

The article was submitted: May 23, 2026; Approved after reviewing: June 20, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Современные возможности слухопротезирования – кохлеарная имплантация (КИ) и цифровые слуховые аппараты (СА) нового поколения – качественно изменили слухоречевой потенциал детей с нарушением слуха. Однако, как показывают исследования, наличие доступа к звуку не гарантирует автоматического формирования интонационной компетенции – способности адекватно воспринимать и использовать интонационные средства для реализации коммуникативного намерения. Особенно остро эта проблема проявляется в старшем школьном возрасте, когда общение становится ведущей деятельностью, а интонация выступает ключевым инструментом самопрезентации, убеждения, аргументации.

В сурдопедагогике традиционно акцент делался на формировании внятности речи (сегментный уровень), тогда как работа над интонацией велась преимущественно в русле задач внятности, а её прагматический аспект не становился самостоятельной целью. Существующие теоретические подходы, разработанные в лингводидактике, логопедии, сурдопедагогике и психолого-педагогических исследованиях, либо не учитывают специфику нарушенного слуха, либо ограничены сегментным уровнем, либо адресованы иным возрастным группам. Это определяет актуальность введения и теоретического обоснования понятия «интонационная компетенция» применительно к старшеклассникам с нарушением слуха, а также построения целостной теоретической модели, учитывающей качественное своеобразие сенсорной основы, современные возможности слухопротезирования и прагматические задачи подросткового возраста.

В предшествующем исследовании нами был проведён аналитический обзор существующих трактовок интонационной компетенции в смежных научных направлениях (лингводидактика, логопедия, психолого-педагогические исследования), а также проанализированы работы в области сурдопедагогики, составляю-

щие теоретическую базу для её формирования (полимодальное восприятие, просодическая сторона речи). Это позволило выявить системный теоретико-методологический пробел применительно к старшеклассникам с нарушением слуха [10]. В другой нашей работе предложено теоретическое обоснование структуры интонационной компетенции как системообразующего элемента коммуникативной способности детей с нарушением слуха [9]. На основе проведённых исследований в настоящей статье представлена структурно-функциональная модель интонационной компетенции старшеклассников с нарушением слуха.

Цель исследования – представить авторское определение интонационной компетенции старшеклассников с нарушением слуха и обосновать структурно-функциональную модель её формирования.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили системный анализ и синтез междисциплинарных научных источников. Лингвистический аспект интонации рассмотрен в русле отечественной фонологической традиции. Психофизиологические механизмы восприятия интонации проанализированы с опорой на работы по кодированию звуковых сигналов в слуховой системе и слухоречевому развитию детей с кохлеарными имплантами. Сурдопедагогические представления о полимодальном характере восприятия речи при нарушении слуха, включая данные о формировании её фразовой и просодической стороны, базируются на широком круге исследований в области сурдопедагогики. Теоретические положения возрастной психологии и сурдопсихологии использованы для анализа коммуникативных задач старшего школьного возраста и особенностей психического развития обучающихся с нарушением слуха. Применён метод концептуального моделирования для построения структурно-функциональной модели интонационной компетенции.

В ходе теоретического анализа выделены ключевые особенности формирования интонации при нарушении слуха: избирательная сенсорная доступность просодических компонентов, технические ограничения современных средств слухопротезирования, необходимость полимодальной интеграции. На основе синтеза данных сформулировано авторское определение и разработана четырёхкомпонентная модель с восходящими и нисходящими связями.

Результаты и обсуждения

1. Особенности формирования интонационной компетенции при нарушении слуха

В типичном онтогенезе интонационная компетенция складывается непроизвольно, через механизмы слухового подражания, где слух выступает ведущим анализатором. При нарушении слуха естественный путь усвоения значительно затрудняется. Исследования в области сурдопедагогики свидетельствуют об избирательной сенсорной доступности просодических компонентов: относительно сохранной оказывается способность к восприятию ритмико-временных характеристик и интенсивности, тогда как восприятие тонких изменений высоты тона (мелодики) резко ограничено.

Современные средства слухопротезирования, несмотря на технический прогресс, не обеспечивают физиологически точной передачи интонации, сравнимой с нормальным слухом. Стратегии кодирования в КИ (CIS, FSP/FS4) передают преимущественно огибающую сигнала; слуховые аппараты используют алгоритмы эмфазы, искусственно подчеркивающие интонационный контур. Технические ограничения обусловливают необходимость формирования компенсаторной полисенсорной системы восприятия, интегрирующей слуховые, зрительные, тактильно-вибрационные и кинестетические сигналы. Полимодальная основа (как фундамент модели) реализуется через систему упражнений, направленных на интеграцию слухового, зрительного, тактильно-вибрационного и кинестетического восприятия: использование зрительных опор (схемы, интонограммы, компьютерная визуализация речи), контроль тактильно-вибрационных ощущений (ощущение вибрации гортани и грудной клетки при произнесении звуков) и кинестетический контроль (ощущения от работы артикуляторного и дыхательного аппарата). Именно такой подход позволяет компенсировать редуцированность акустического сигнала и сформировать целостный перцептивный образ интонации.

Таким образом, интонационная компетенция у лиц с нарушением слуха формируется не как прямое копирование слышимого эталона, а как активно конструируемая функциональная система, базирующаяся на полимодальной интеграции.

2. Авторское определение интонационной компетенции

Синтез данных лингвистики, психофизиологии, сурдопедагогики и специальной психологии, а также учёт специфики старшего школьного возраста и современных возможностей слухопротезирования позволяют сформулировать следующее определение:

Интонационная компетенция старшеклассников с нарушением слуха – это динамическое, системно организованное личностное образование, целенаправленно формируемое в условиях изменённой сенсорной основы, заключающееся в способности к адекватному восприятию, осмыслению, произвольному воспроизведению и гибкому, ситуативно-обусловленному использованию интонационных средств для решения актуальных коммуникативных задач.

Определение содержит шесть ключевых характеристик:

2.1. Динамический и системный характер. Интонационная компетенция понимается не как статичная совокупность знаний и умений, а как развивающееся образование, компоненты которого находятся во взаимодействии и взаимообусловленности (И.А. Зимняя, А.А. Леонтьев) [6; 8].

2.2. Изменённая сенсорная основа. В отличие от нормативного онтогенеза, формирование компетенции у старшеклассников с нарушением слуха протекает в условиях редуцированного акустического сигнала, что требует опоры на полимодальное взаимодействие анализаторов. Интонационный образ базируется не на мономодальном слуховом эталоне, а на полисенсорном комплексе (слух, зрение, тактильно-вибрационные ощущения, кинестезия).

2.3. Целенаправленность формирования. Процесс требует специально организованного педагогического воздействия, опирающегося на осознанное усвоение интонационных закономерностей и развитие речевой рефлексии, возможности которой в старшем школьном возрасте существенно возрастают (Л.И. Божович) [2].

2.4. Четырёхкомпонентная структура. В структуру компетенции включены: перцептивный (адекватное восприятие интонационных контуров на полимодальной основе); когнитивный (осмысление и идентификация интонационных явлений, наличие слухоречевых эталонов); исполнительный (произвольное воспроизведение интонационных средств); прагматический (гибкое, ситуативно-обусловленное использование в коммуникации).

2.5. Разграничение навыков и компетенции. Интонационные навыки – это автоматизированные компоненты исполнительного уровня («техника речи»). Интонационная компетенция – интегративное образование более высокого порядка, включающее регулятивно-оценочное звено и способность к гибкому выбору. Если навык обеспечивает стабильность и правильность, то компетенция – вариативность и уместность.

2.6. Связь с возрастными коммуникативными задачами. Определение имплицитно включает мотивационно-ценностный аспект. Сформированность компетенции предполагает превращение интонации из объекта учебного упражнения в субъективно значимый ресурс собственной речи, что позволяет успешно решать задачи самопрезентации, убеждения, аргументации, установления и поддержания контакта в различных социальных контекстах.

3. Структурно-функциональная модель интонационной компетенции

Разработанная модель опирается на фундаментальные положения отечественной психологии и педагогики: принцип единства аффекта и интеллекта (Л.С. Выготский) [4], структуру речевой деятельности (И.А. Зимняя) [6], теорию речевой деятельности (А.А. Леонтьев) [8] и концепцию механизмов речи (Н.И. Жинкин) [5].

3.1. Компоненты модели

Акустико-перцептивный компонент обеспечивает приём и первичный анализ интонационных сигналов. Его основу составляет полимодальное взаимодействие: интеграция слуховых сигналов (через КИ/СА) с информацией от зрительного, тактильного и вибрационного анализаторов. Содержание: различение интонационных контуров (вопрос, утверждение, побуждение) и распознавание эмоционально-смысловых оттенков [1; 3].

Когнитивно-лингвистический компонент обеспечивает осмысление воспринятых сигналов, их идентификацию как языковых явлений. Формируется через вербализацию правил, анализ визуализированных контуров, сопоставление кинестетических ощущений со смыслом. Содержание: знания об интонационных конструкциях, понимание связи акустических параметров со значением, наличие слухоречевых эталонов [3; 6].

Моторно-исполнительный компонент обеспечивает реализацию интонационного замысла в реальных акустических характеристиках голоса. В условиях дефицитарности слухового контроля ключевую роль играют кинестетический, тактильно-вибрационный и зрительный контроль. Содержание: сознательное изменение частоты основного тона, интенсивности, длительности; соблюдение темпо-ритма и паузации; точность воспроизведения [11].

Прагматико-коммуникативный компонент (системообразующий) определяет успешность применения интонационных средств в реальных ситуациях общения. Формируется в условиях, приближенных к есте-

ственной коммуникации (дискуссии, ролевые игры), с последующим переносом в спонтанную речь. Содержание: ситуативно адекватный выбор средств, использование интонации для достижения цели (просьба, убеждение, управление диалогом), оформление социальной роли [7; 8].

3.2. Связи между компонентами

В модели выделяются два типа связей (рис. 1). Восходящие связи отражают направление формирования: полимодальная основа служит фундаментом для акустико-перцептивного, когнитивно-лингвистического и моторно-исполнительного компонентов, которые развиваются во взаимодействии друг с другом (горизонтальные двусторонние связи). Результат их интеграции восходит к прагматико-коммуникативному компоненту, который выступает вершиной иерархии. Нисходящие связи отражают управляющую роль коммуникативного намерения: прагматико-коммуникативный компонент активирует соответствующие слухоречевые эталоны, задаёт параметры моторной реализации и настраивает перцептивные механизмы (пунктирные стрелки вниз).

Полимодальная основа выступает фундаментом, обеспечивающим функционирование всех компонентов в условиях слуховой депривации. Она интегрирует слуховые, зрительные, тактильно-вибрационные и кинестетические каналы, создавая сенсорную базу для формирования слухоречевых эталонов и их реализации в коммуникативной практике.

Модель имеет иерархическое строение. Основание – полимодальная основа, интегрирующая слуховые, зрительные, тактильно-вибрационные и кинестетические сигналы. На ней – три взаимосвязанных компонента (акустико-перцептивный, когнитивно-лингвистический, моторно-исполнительный), между которыми действуют двусторонние связи. Вершина – прагматико-коммуникативный компонент. Сплошные стрелки вверх – восходящие связи (последовательность формирования), пунктирные вниз – нисходящие связи (управляющая роль коммуникативного намерения).

Рис. 1. Структурно-функциональная модель интонационной компетенции у старших школьников с нарушением слуха.

Fig. 1. Structural and functional model of intonation competence in senior schoolchildren with hearing impairments.

Разработанная структурно-функциональная модель интонационной компетенции старшеклассников с нарушением слуха вносит вклад в решение теоретического пробела, выявленного в сурдопедагогике. В отличие от традиционного подхода, в рамках которого интонационная сторона речи рассматривалась преимущественно как фактор внятности (сегментный уровень), предложенная модель впервые выводит на

первый план прагматико-коммуникативный компонент, определяющий способность к ситуативно адекватному и гибкому использованию интонационных средств для решения актуальных коммуникативных задач. Это принципиально меняет угол зрения: интонация перестаёт быть лишь объектом технической тренировки и становится инструментом социального взаимодействия, самопрезентации и убеждения, что особенно значимо для старшеклассников, вступающих в предпрофессиональную и самостоятельную жизнь.

Вторым ключевым отличием предложенной модели является выделение полимодальной основы как фундамента, интегрирующего слуховые, зрительные, тактильно-вибрационные и кинестетические сигналы. В условиях дефицитарности акустического сигнала, обусловленной как нарушением слуха, так и техническими ограничениями современных средств слухопротезирования (КИ, СА), полимодальная интеграция становится не вспомогательным, а ведущим механизмом формирования целостного перцептивного образа интонации. Это положение согласуется с исследованиями В.И. Бельтюкова [1] о взаимодействии анализаторов при патологии слуха и развивает их применительно к задачам формирования интонационной компетенции.

Третьим важным аспектом модели является разграничение интонационного навыка и интонационной компетенции. Если навык обеспечивает автоматизированное, стабильное и правильное воспроизведение интонационных конструкций («техника речи»), то компетенция предполагает наличие регулятивно-оценочного звена, речевой рефлексии и способности к гибкому, вариативному выбору интонационных средств в зависимости от коммуникативной ситуации. Это разграничение имеет принципиальное значение для диагностики и коррекционно-развивающей работы: оценивать необходимо не только способность ребёнка правильно произнести фразу, но и его умение использовать интонацию адекватно контексту общения.

Наконец, модель учитывает возрастные коммуникативные задачи старшеклассников, для которых общение становится ведущей деятельностью, а интонация выступает ключевым инструментом самопрезентации, аргументации и убеждения [7]. Это определяет необходимость включения в коррекционно-развивающую работу моделирования реальных коммуникативных ситуаций (дискуссии, ролевые игры, публичные выступления), а не только изолированной отработки интонационных конструкций.

Вместе с тем, представленная модель имеет ряд ограничений, которые требуют дальнейшего изучения. Во-первых, модель разработана как теоретическая конструкция и нуждается в эмпирической проверке. Во-вторых, требуют уточнения критериально-уровневые шкалы для оценки сформированности каждого из четырёх компонентов. В-третьих, необходима разработка методического инструментария, позволяющего реализовать полимодальный подход в условиях реального образовательного процесса.

Перспективы дальнейших исследований связаны с экспериментальной проверкой эффективности модели, разработкой и апробацией диагностического инструментария, а также созданием методических рекомендаций для сурдопедагогов и учителей инклюзивного образования по формированию интонационной компетенции у старшеклассников с нарушением слуха.

Научная новизна и практическая значимость

Научная новизна. Предложенное определение и модель впервые интегрируют в структуру понятия факторы, ранее не рассматривавшиеся в совокупности: качественное своеобразие сенсорного развития при нарушении слуха, разграничение операционального и регулятивного уровней владения интонацией, включение мотивационно-ценностного компонента, связь интонационной компетенции с возрастными задачами и предпрофессиональной социализацией.

Практическая значимость. Разработанная модель может служить теоретической основой для построения диагностического инструментария и коррекционно-развивающих методик, ориентированных на формирование интонационной компетенции у старшеклассников с нарушением слуха в её прагматико-коммуникативном аспекте. На основе модели могут быть разработаны критериально-уровневые шкалы для оценки сформированности каждого из четырёх компонентов, а также системы упражнений, направленные на развитие способности к интонационному варьированию в зависимости от коммуникативной ситуации. Применение модели в практике сурдопедагога позволит целенаправленно развивать каждый из выделенных компонентов, что повысит эффективность коррекционной работы и будет способствовать более успешной социально-коммуникативной интеграции старшеклассников с нарушением слуха.

Выводы

Проведённый теоретический анализ позволил сформулировать авторское определение интонационной компетенции старшеклассников с нарушением слуха, учитывающее изменённую сенсорную основу, полимодальную интеграцию и возрастные коммуникативные задачи. Разработанная структурно-

функциональная модель включает четыре компонента (акустико-перцептивный, когнитивно-лингвистический, моторно-исполнительный, прагматико-коммуникативный), восходящие и нисходящие связи между ними, а также полимодальную основу как фундамент функционирования. Прагматико-коммуникативный компонент определён как системообразующий.

Разработанная модель создаёт необходимый теоретический базис для последующей разработки методики формирования интонационной компетенции и её экспериментальной проверки в условиях реального образовательного процесса. Внедрение модели в практику сурдопедагогической работы обеспечит переход от глобальной задачи «развития выразительности речи» к последовательному, компонентно-ориентированному «достраиванию» дефицитарных звеньев с использованием полимодальных и метакогнитивных технологий.

Список источников

1. Бельтюков В.И. Взаимодействие анализаторов в процессе восприятия и усвоения устной речи (в норме и патологии). Москва: Педагогика, 1977. 176 с.

2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности: избранные психологические труды / под ред. Д.И. Фельдштейна. Москва: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1997. 350 с.

3. Брызгунова Е.А. Интонация // Русская грамматика. Москва: Наука, 1980. Т. 1. С. 96–122.

4. Выготский Л.С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. Москва: Лабиринт, 1999. 352 с.

5. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. Москва: Наука, 1982. 159 с.

6. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. Москва; Воронеж: МПСИ: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.

7. Кон И.С. Психология старшеклассника. Москва: Просвещение, 1982. 207 с.

8. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. 8-е изд. Москва: Ленанд, 2014. 211 с.

9. Наумова Н.В. Интонационная компетенция в коммуникации детей с нарушением слуха: теоретический анализ // Современный учёный. 2026. № 4. С. 231 – 237.

10. Наумова Н.В. Формирование интонационной компетенции у старшеклассников с нарушением слуха: теоретический аспект // Современный учёный. 2026. № 6. С. 244 – 251.

11. Рау Ф.Ф., Слезина Н.Ф. Методика обучения произношению в школе глухих. Москва: Просвещение, 1981. 191 с.

References

1. Beltyukov V.I. Interaction of Analyzers in the Process of Perception and Assimilation of Oral Speech (in Normal and Pathological Conditions). Moscow: Pedagogy, 1977. 176 p.

2. Bozhovich L.I. Problems of Personality Formation: Selected Psychological Works. edited by D.I. Feldshtein. Moscow: Institute of Practical Psychology; Voronezh: MODEK, 1997. 350 p.

3. Bryzgunova E.A. Intonation. Russian Grammar. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 1. P. 96 – 122.

4. Vygotsky L.S. Thinking and Speech. 5th ed., corrected. Moscow: Labyrinth, 1999. 352 p.

5. Zhinkin N.I. Speech as an Information Conductor. Moscow: Nauka, 1982. 159 p.

6. Zimnyaya I.A. Lingvopsychology of Speech Activity. Moscow; Voronezh: MPSI: NPO "MODEK", 2001. 432 p.

7. Kon I.S. Psychology of the High School Student. Moscow: Prosveshchenie, 1982. 207 p.

8. Leontiev A.A. Language, Speech, Speech Activity. 8th ed. Moscow: Lenand, 2014. 211 p.

9. Naumova N.V. Intonational Competence in Communication of Children with Hearing Impairments: A Theoretical Analysis. Modern Scientist. 2026. No. 4. P. 231 – 237.

10. Naumova N.V. Formation of intonation competence in high school students with hearing impairments: a theoretical aspect. Modern Scientist. 2026. No. 6. P. 244 – 251.

11. Rau F.F., Slezina N.F. Methods of teaching pronunciation in a school for the deaf. Moscow: Prosveshchenie, 1981. 191 p.

Информация об авторе

Наумова Н.В., старший преподаватель, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, mrtsha@yandex.ru

© Наумова Н.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 37.01
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-392-398

Организационно-педагогические основы физического воспитания студентов с артериальной гипертензией

[1] Евдокимов И.М.

[1] Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Аннотация: повышение учебной нагрузки в вузах провоцирует у обучающихся нарушение работы сердечно-сосудистой системы, среди которых преобладает гипотоническая болезнь, что диктует необходимость поиска действенных способов физической реабилитации. Задачей данного исследования стала проверка результативности разных комплексов физических нагрузок и закаливающих мероприятий по нормализации артериального давления и улучшению самочувствия студентов, страдающих гипотонией. В рамках педагогического эксперимента, длившегося 8 месяцев (учебный год 2024/25), приняли участие 42 студента (39 девушек и 3 юноши) в возрасте от 19 до 22 лет. Первой группе (19 человек) рекомендовалось заниматься лечебной физкультурой по полтора часа дважды в неделю, выполнять утреннюю гигиеническую зарядку (20-25 минут) и принимать водные процедуры при температуре 19-20°С. Вторая группа (23 человека) помимо этого играла в волейбол на учебных занятиях и ежедневно проходила пешком дистанцию от 4 до 5 км. Критериями оценки служили изменения в жалобах студентов, частота сердечных сокращений и показатели артериального давления.

Экспериментальные данные свидетельствуют о статистически значимом росте систолического и диастолического артериального давления в обеих исследуемых экспериментальных группах ($p<0,01$), а также выявлено снижение частоты сердечных сокращений. При этом во второй группе терапевтический эффект проявился более ярко: головные боли полностью исчезли у двух третей участников, а прирост систолического давления достиг 20,9 мм рт. ст., что выше показателя первой группы. Таким образом, комбинированное использование физических упражнений, включающих скоростно-силовые и статические элементы, а также закаливание, способствует восстановлению регуляторной функции улучшения способности организма регулировать давление.

Данный подход целесообразно рекомендовать студентам с гипотонией, обучающимся в специальных медицинских группах здоровья.

Ключевые слова: гипотоническая болезнь, студенты, физическое воспитание, лечебная гимнастика, артериальное давление, специальное медицинское отделение, закаливание, адаптивная физическая культура, сердечно-сосудистая система, педагогический эксперимент

Для цитирования: Евдокимов И.М. Организационно-педагогические основы физического воспитания студентов с артериальной гипертензией // Современный ученый. 2026. № 10. С. 392 – 398. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-392-398

Поступила в редакцию: 24 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Organizational and pedagogical foundations of physical education of students with arterial hypertension

[1] Evdokimov I.M.

[1] St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

Abstract: an increase in the academic load in universities provokes students to disrupt the functioning of the cardiovascular system, among which hypotonic disease prevails, which dictates the need to find effective ways of physical rehabilitation. The purpose of this study was to test the effectiveness of various physical activity complexes and tempering measures to normalize blood pressure and improve the well-being of students suffering from hypotension. 42 students (39 girls and 3 boys) between the ages of 19 and 22 participated in the 8-month pedagogical experiment (academic year 2024/25). The first group (19 people) was recommended to do physical therapy for an hour and a half twice a week, perform morning hygiene exercises (20-25 minutes) and take water treatments at a temperature of 19-20 ° C. The second group (23 people) also played volleyball in training sessions and walked a distance of 4 to 5 km daily. The evaluation criteria were changes in student complaints, heart rate, and blood pressure readings.

Experimental data indicate a statistically significant increase in systolic and diastolic blood pressure in both experimental groups studied ($p<0.01$), as well as a decrease in heart rate. At the same time, the therapeutic effect was more pronounced in the second group: headaches completely disappeared in two thirds of the participants, and the increase in systolic pressure reached 20.9 mmHg, which is higher than in the first group. Thus, the combined use of physical exercises, including speed-strength and static elements, as well as hardening, helps restore the regulatory function of improving the body's ability to regulate blood pressure.

It is advisable to recommend this approach to students with hypotension studying in special medical health groups.

Keywords: hypotonic disease, students, physical education, therapeutic gymnastics, blood pressure, special medical department, hardening, adaptive physical education, cardiovascular system, pedagogical experiment

For citation: Evdokimov I.M. Organizational and pedagogical foundations of physical education of students with arterial hypertension. Modern Scientist. 2026. 10. P. 392 – 398. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-392-398

The article was submitted: May 24, 2026; Approved after reviewing: June 21, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Современные производственные процессы характеризуются снижением доли ручного труда и одновременным ростом его сложности, интенсивности и ответственности. Это, в свою очередь, предъявляет повышенные требования к профессиональной компетентности специалистов. Успешная профессиональная деятельность в настоящее время обусловлена наличием у работника высокой концентрации внимания, значительной нервно-эмоциональной устойчивости и достаточной функциональной подготовленности [8]. В этих условиях приоритетной задачей высших учебных заведений является подготовка квалифицированных кадров на высоком научно-техническом уровне. Однако достижение этой цели возможно лишь при условии поддержания хорошего состояния здоровья и высокой общей работоспособности обучающихся. Следовательно, занятия физической культурой в вузе приобретают особую актуальность, поскольку они способствуют эффективной активации биологических механизмов мобилизации защитных, адаптационных и компенсаторных свойств организма, формируя необходимый резерв здоровья для будущей профессиональной реализации [1].

Организация и содержание занятий физической культурой для студентов, имеющих отклонения в состоянии здоровья и обучающихся в специальных медицинских группах, требует особого внимания в вузах. Анализ научной литературы показывает, что при такой распространенной проблеме, как первичная гипотония, возможности физической культуры в лечебных и профилактических целях используются крайне неэффективно [4, 6]. Ряд авторов в своих научных трудах объясняют стойкое понижение артериального давления при гипотонии нарушением нервной регуляции кровообращения, что приводит к снижению сосудистого тонуса и нейрогенной дистонии [7]. У студентов, в частности, гипотоническая болезнь часто возникает вследствие хронического эмоционального напряжения, интенсивной умственной деятельности, недо-

статка сна и гиподинамии. Эти факторы обуславливают высокую распространенность заболевания среди студентов и делают актуальным поиск действенных, доступных и немедикаментозных методов его коррекции.

Учитывая вышеизложенное, основная цель данного исследования – экспериментально доказать, насколько два различных подхода к физической активности, дополненные закаливающими процедурами, способны улучшить состояние студентов специальной медицинской группы, страдающих гипотонией, в частности, нормализовать их артериальное давление и повысить функциональные возможности. Для решения этой задачи были выдвинуты следующие задачи:

проанализировать, как изменяются субъективные ощущения студентов (головная боль, головокружение, нарушения сна, повышенная утомляемость) под воздействием предложенных двигательных режимов.

Отследить объективные показатели: частоту пульса, а также систолическое и диастолическое артериальное давление на протяжении восьми месяцев педагогического эксперимента.

Провести сравнительный анализ двух разработанных программ: комплекса лечебной гимнастики с элементами закаливания и более комплексного подхода, включающего волейбол и регулярные пешие прогулки. Это позволит выявить наиболее оптимальную стратегию физкультурно-оздоровительной работы для данной категории студентов.

Материалы и методы исследований

Исследование базировалось на сравнительном педагогическом эксперименте, который осуществлялся в течение 2023/24 учебного года (с октября по май) с привлечением двух параллельных групп. В общей сложности под наблюдением находились 42 студента в возрасте от 19 до 22 лет (39 девушек и 3 юноши), страдающих гипотонией (артериальное давление ниже 100/60 мм рт. ст.) и предъявляющих жалобы на головные боли, бессонницу и повышенную утомляемость.

Участники были разделены на две группы. Первая группа (19 человек, включая 17 девушек и 2 юношей) занималась лечебной гимнастикой дважды в неделю по полтора часа, а также ежедневно выполняла утреннюю зарядку продолжительностью 20–25 минут с последующими водными процедурами – это был первый комплекс упражнений. Вторая группа (23 человека, среди которых 22 девушки и 1 юноша помимо учебных занятий включала в учебную программу игры в волейбол, ежедневную утреннюю зарядку и пешие прогулки на расстояние 4-5 км – второй комплекс мероприятий.

Регистрация физиологических параметров проводилась с применением тонометра (для определения систолического и диастолического артериального давления в мм), секундомера (для подсчета пульса в минуту) и термометра (для мониторинга температуры водной среды). Сбор жалоб выполнялся посредством структурированного опроса. Организация двигательной активности в обеих экспериментальных группах базировалась на принципах сбалансированного режима, при этом физическая нагрузка распределялась плавно и равномерно, Создавая физиологическую кривую, которая имеет несколько подъемов или пиков.

Особый акцент делался на методы воздействия: применялись специализированные упражнения, направленные на максимальное повышение артериального давления. Выполнение заданий осуществлялось в умеренном и замедленном темпе с подключением крупных мышечных групп, а также включало скоростно-силовые элементы и дозированные статические нагрузки, строго выстроенные в определенной последовательности: сначала статические, далее силовые и, в завершение, скоростно-силовые упражнения.

Анализ результативности осуществлялся на трех этапах: до начала исследования, в ходе него и после завершения. Мониторинг включал регистрацию количества и типа жалоб, а также измерение частоты сердечных сокращений (в уд/мин) и показателей систолического и диастолического артериального давления (в мм рт. ст.). Статистический анализ проводился с применением методов описательной статистики, где данные выражались через среднее значение и ошибку среднего ($M \pm m$). Для проверки значимости различий использовался t-критерий Стьюдента, при этом порог статистической значимости установлен на уровне $p < 0,01$.

Результаты и обсуждения

В рамках проведенного исследования была проанализирована динамика субъективных ощущений здоровья у студентов из двух групп, подвергавшихся различным терапевтическим и профилактическим воздействиям. Выявлено, что в обеих группах на протяжении всего периода наблюдения наблюдалось улучшение общего состояния, что подтверждается позитивными изменениями по ключевым оценочным параметрам. Тем не менее, специфика и степень этих изменений варьировались в зависимости от принадлежности к конкретной группе.

Значительное количество позитивных сдвигов было зафиксировано во второй группе, что дает основания полагать о большей результативности использованного там подхода по сравнению с методом, применявшимся в первой группе.

Наиболее ярко выраженная разница проявилась в динамике такого важного клинического признака, как головная боль. Среди участников второй группы купирование или существенное снижение интенсивности зафиксировано у более чем двух третей испытуемых – 17 человек из 23 (73,9%). В то же время в первой группе положительный эффект был достигнут лишь у половины студентов, то есть у 11 из 19 (57,9%). Разрыв между группами составил 16 процентных пунктов, что позволяет предположить наличие в терапии второй группы специфического воздействия на сосудистый или мышечно-тонический компоненты боли. Такая разница может возникать из-за прямого воздействия на нервы и сосуды головы, а также косвенно – через восстановление баланса вегетативной нервной системы [2].

Динамика объективных показателей сердечно-сосудистой системы представлена в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительная характеристика пульса и артериального давления у студентов с гипотонической болезнью в разные периоды исследования (M ± m).

Table 1

Comparative characteristics of pulse and blood pressure in students with hypotension in different study periods (M ± m).

Показатель	Период	Первая группа (n=19)	Вторая группа (n=23)
Частота пульса (уд/мин)	Начальный	77,0 ± 1,23	79,2 ± 1,24
	Завершающий	72,1 ± 1,02	71,8 ± 2,05
Систолическое давление (мм рт. ст.)	Начальный	90,5 ± 1,03	92,4 ± 1,42
	Завершающий	108,3 ± 2,05	113,3 ± 4,41
Диастолическое давление (мм рт. ст.)	Начальный	55,6 ± 0,5	57,8 ± 1,06
	Завершающий	62,1 ± 2,3	66,9 ± 2,63

В ходе исследования была оценена также и динамика субъективных показателей самочувствия и объективных гемодинамических параметров у студентов двух групп, получавших различные комплексы лечебной физкультуры в условиях учебных занятий в специальной медицинской группе. Результаты показали, что в обеих группах наблюдалось улучшение общего самочувствия. Головокружения исчезли у 21 студента второй группы (91,3%) и у 14 студентов первой группы (73,7%). Таким образом, по обоим субъективным симптомам вторая группа показала лучшие результаты, что может указывать на более выраженное влияние применённого комплекса на кровообращение мозга.

Наряду с улучшением общего состояния здоровья, было зафиксировано статистически значимое приведение в норму показателей артериального давления у студентов, входящих в обе исследуемые группы ($p < 0,01$). У студентов второй группы наблюдалось увеличение систолического артериального давления на 20,9 мм рт. ст., тогда как у студентов первой группы – это увеличение составило 17,8 мм рт. ст. Рост диастолического давления составил 9,1 мм рт. ст. во второй группе и 6,5 мм рт. ст. в первой. Более существенное повышение артериального давления во второй группе согласуется с более частым исчезновением головных болей и головокружений. Это представляется логичным, если рассматривать механизмы развития гипотонической болезни, где именно недостаточный тонус сосудов является первопричиной данных симптомов [5].

Дополнительно, в обеих группах было отмечено статистически достоверное снижение частоты сердечных сокращений ($p < 0,01$), причем эффект был более выражен во второй группе. Это свидетельствует о более значительном тренирующем воздействии комплекса упражнений №2 на сердечно-сосудистую систему. В целом, полученные данные убедительно демонстрируют, что целенаправленное использование физических упражнений в рамках учебных занятий в специальной медицинской группе оказывает выраженное терапевтическое действие при гипотонической болезни у студентов [9]. Важно отметить, что улучшение самочувствия студентов происходило параллельно с нормализацией показателей артериального давления.

Ключевые показатели динамики клинических и гемодинамических показателей представлены в табл. 2.

Таблица 2

Динамика клинических и гемодинамических показателей в группах наблюдения.

Table 2

Dynamics of clinical and hemodynamic parameters in the observation groups.

Показатель	Первая группа (n=19)	Вторая группа (n=23)
Прекращение головных болей, абс. (%)	11 (57,9%)	17 (73,9%)
Прекращение головокружений, абс. (%)	14 (73,7%)	21 (91,3%)
Прирост систолического АД, мм рт. ст.	17,8	20,9
Прирост диастолического АД, мм рт. ст	6,5	9,1
Урежение частоты пульса (темп, p <0,01)	+	++ (выраженнее)

Наиболее заметный рост артериального давления и снижение частоты пульса во второй группе можно объяснить увеличением объема аэробной активности в виде ежедневных прогулок и игровыми занятиями (волейбол), что обеспечивает более выраженный тренирующий эффект по сравнению с комплексом №1. Полученные результаты соответствуют данным из литературы о снижении частоты сердечных сокращений в результате тренировок как у спортсменов, так и у пациентов, занимающихся лечебной физкультурой [3]. Следует отметить, что в обеих группах к концу исследования минутный объем кровообращения стал пропорционален степени проходимости прекапиллярного русла, что позволяет сделать вывод о том, что комплексное применение тренировочных методов и закаливающих факторов способствует нормализации функции регулятора сосудистого тонуса. Таким образом, вторая группа показывает преимущество не только по субъективным симптомам (головная боль и головокружение), но и по объективным гемодинамическим показателям, что подтверждает большую эффективность добавления аэробных и игровых нагрузок.

При оценке представленных данных следует принимать во внимание ряд методологических ограничений. К ним относятся относительно небольшой объём выборки, а также контрольной группы, не получавшей физических нагрузок. Несмотря на указанные ограничения, базовые физиологические механизмы, выявленные в работе, сохраняют свою актуальность. Практическая значимость проведённого исследования состоит в обосновании возможности применения разработанных комплексов, в особенности комплекса №2, обогащённого аэробными и игровыми компонентами (ежедневные прогулки, волейбол), в практике специальных медицинских групп вузов. Данные комплексы могут быть рекомендованы для коррекции гипотонических состояний, а также для купирования сопутствующих головокружений и вестибулярных нарушений у студентов.

Выводы

Итоги проведенного исследования подтверждают высокую терапевтическую эффективность разработанных комплексов для студентов, страдающих гипотонической болезнью. В то время как первая группа проходила курс лечебной физкультуры, сочетаемый с закаливающими процедурами, вторая группа придерживалась более интенсивного режима, предусматривающего занятия волейболом и ежедневные пешие прогулки протяженностью 4-5 километров.

Клинический результат выразился в устранении или значительном снижении головных болей и головокружения, а также в стабилизации артериального давления. Анализ данных показал, что в обеих группах наблюдалось статистически достоверное повышение систолического и диастолического артериального давления (p <0,01) при одновременном снижении частоты сердечных сокращений. Эти изменения свидетельствуют о положительной динамике гемодинамических параметров.

Исследование показало, что второй комплекс упражнений лучше тренирует сердце и сосуды. У людей, занимавшихся по второму комплексу, систолическое давление увеличилось на 20,9 мм рт. ст., тогда как у тех, кто занимался по первому, – на 17,8 мм рт. ст.

Следовательно, программа №2 с элементами волейбола и ходьбы демонстрирует больший потенциал по сравнению с изолированной лечебной гимнастикой.

Сделанные выводы подтверждают первоначальное предположение: регулярные физические упражнения и закаливание эффективно нормализуют работу вазомоторного центра у студентов с пониженным давлением. Целесообразно внедрение современных диагностических методик, таких как суточное мониторирование артериального давления и анализ вариабельности сердечного ритма. Кроме того, представляется важным создание персонализированных реабилитационных протоколов, адаптированных к различным клиническим проявлениям гипотонии.

Список источников

1. Крупнов В.А., Чернецов Г.А., Солдатов В.А. Роль повышенной физической нагрузки в реабилитации студентов с артериальной гипертонией // Современные аспекты физкультурной, спортивной и психолого-педагогической работы с учащейся молодежью: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Пенза: Пензенский государственный университет, 2022. С. 74 – 76.

2. Курова Т.В., Макаревский А.Б. Проведение занятий физической культурой при наличии артериальной гипертензии у студентов // Теория и практика физической культуры. 2021. № 3. С. 45 – 47.

3. Ильяева Л.И. Интегрированный подход в физическом воспитании студентов специальной медицинской группы с нарушениями сердечно-сосудистой системы // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2024. № 6 (232). С. 112 – 117.

4. Русинова А.В., Гримало В.И., Ткаченко И.П. Организация двигательного режима в специальной медицинской группе для студентов с артериальной гипертензией // Евразийский союз ученых. 2015. № 8-1 (17). С. 143 – 145.

5. Евдокимов И.М., Живодеров А.В. Пути реализации профессионально-прикладной физической подготовки в высшем учебном заведении // Педагогика, психология, общество: от теории к практике: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2023. С. 277 – 278.

6. Макарова Г.А., Локтев С.А. Физическая реабилитация при артериальной гипертензии у лиц молодого возраста // Лечебная физкультура и спортивная медицина. 2020. № 5 (167). С. 28 – 33.

7. Смирнова Е.Н., Козлов А.В. Организационно-педагогические подходы к физическому воспитанию студентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2022. № 4. С. 57 – 59.

8. Шлык Н.И., Сапожникова Е.Н. Контроль артериального давления и вариабельности сердечного ритма у студентов на занятиях физической культурой // Вестник спортивной науки. 2021. № 6. С. 62 – 66.

9. Евдокимов И.М., Живодеров А.В. Подходы увеличения продуктивности занятий со студентами в специальной медицинской группе // Педагогика, психология, общество: от теории к практике: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2023. С. 276 – 277.

References

1. Krupnov V.A., Chernetsov G.A., Soldatov V.A. The role of increased physical activity in the rehabilitation of students with arterial hypertension. Modern aspects of physical education, sports and psychological-pedagogical work with students: Collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Penza: Penza State University, 2022. P. 74 – 76.

2. Kurova T.V., Makarevsky A.B. Conducting physical education classes in the presence of arterial hypertension in students. Theory and practice of physical education. 2021. No. 3. P. 45 – 47.

3. Ilyaeva L.I. Integrated approach to physical education of students of a special medical group with cardiovascular disorders. Scientific notes of the P.F. Lesgaft University. 2024. No. 6 (232). P. 112 – 117.

4. Rusinova A.V., Grimalo V.I., Tkachenko I.P. Organization of the motor regime in a special medical group for students with arterial hypertension. Eurasian Union of Scientists. 2015. No. 8-1 (17). P. 143 – 145.

5. Evdokimov I.M., Zhivoderov A.V. Ways to implement professionally applied physical training in a higher educational institution. Pedagogy, Psychology, Society: From Theory to Practice: Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference, Cheboksary: Limited Liability Company “Publishing House “Sreda”, 2023. P. 277 – 278.

6. Makarova G.A., Loktev S.A. Physical rehabilitation for arterial hypertension in young people. Therapeutic physical education and sports medicine. 2020. No. 5 (167). P. 28 – 33.

7. Smirnova E.N., Kozlov A.V. Organizational and pedagogical approaches to physical education of students with cardiovascular diseases. Physical education: upbringing, education, training. 2022. No. 4. P. 57 – 59.

8. Shlyk N.I., Sapozhnikova E.N. Monitoring blood pressure and heart rate variability in students during physical education classes. Bulletin of sports science. 2021. No. 6. P. 62 – 66.

9. Evdokimov I.M., Zhivoderov A.V. Approaches to increasing the productivity of classes with students in a special medical group. Pedagogy, psychology, society: from theory to practice: materials of the III All-Russian scientific and practical conference, Cheboksary: Limited Liability Company "Publishing House" Sreda ", 2023. P. 276 – 277.

Информация об авторе

Евдокимов И.М., кандидат педагогических наук, доцент, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1148-1180, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 190000, г. Санкт-Петербург, Большая Морская улица, д. 67, литера А evdokimov-ivan@mail.ru

© Евдокимов И.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 376.36-053.4:373.24
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-399-406

Современные подходы к исследованию речевых нарушений у детей дошкольного возраста

[1] Журавлёва М.С.

[1] Мелитопольский государственный университет

Аннотация: устойчивый рост числа дошкольников с недостаточным речеязыковым развитием влечёт когнитивные, эмоциональные и социальные последствия, напрямую определяющие школьную успешность ребёнка. В статье систематизированы восемь научных подходов к изучению речевых нарушений у детей дошкольного возраста: клинический, психолого-педагогический, лингвистический, клинико-психолого-педагогический, нейропсихологический, междисциплинарный, биометрический и информационно-технологический. Проанализированы характерные особенности каждого направления применительно к исследованию речеязыкового развития, симптоматической картины нарушений, классификации методов и диагностических методик. Выявлено содержательное расхождение между диагностической логикой МКБ-10, ориентированной на этиологию и симптоматику, и актуальными логопедическими концепциями, переносящими акцент на механизмы нарушения, его функциональные последствия и индивидуальные потребности ребёнка. По итогам анализа клинико-психолого-педагогический подход обоснован как приоритетный; комплексная междисциплинарная диагностика рассматривается как необходимое условие для полноценного понимания природы речевых расстройств.
Ключевые слова: речевые нарушения, современные подходы, дети дошкольного возраста, клинико-психолого-педагогический подход, междисциплинарность, МКБ-10, речеязыковое развитие, нейропсихология, информационные технологии

Для цитирования: Журавлёва М.С. Современные подходы к исследованию речевых нарушений у детей дошкольного возраста // Современный ученый. 2026. № 10. С. 399 – 406. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-399-406

Поступила в редакцию: 25 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 22 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Current approaches to the study of speech disorders in preschool children

[1] Zhuravlyeva M.S.

[1] Melitopol State University

Abstract: a persistent increase in the number of preschool children with insufficient speech and language development produces cognitive, emotional, and social deficits that directly shape a child's readiness for school. This article systematizes eight scientific approaches to studying speech disorders in preschool children: clinical, psychological-pedagogical, linguistic, clinical-psychological-pedagogical, neuropsychological, interdisciplinary, biometric, and information technology. The defining characteristics of each framework are analyzed in relation to the study of speech and language development, disorder symptomatology, and the classification of diagnostic methods and

techniques. A substantive divergence is identified between the ICD-10 diagnostic model, organized around etiology and symptomatology, and current speech therapy concepts that redirect attention toward disorder mechanisms, functional consequences, and individual child needs. The clinical-psychological-pedagogical approach is substantiated as the priority framework; comprehensive interdisciplinary diagnostics is presented as an essential condition for a thorough understanding of the nature of speech disorders.
Keywords: speech disorders, modern approaches, preschool children, clinical-psychological-pedagogical approach, interdisciplinarity, ICD-10, speech and language development, neuropsychology, information technology

For citation: Zhuravlyeva M.S. Current approaches to the study of speech disorders in preschool children. Modern Scientist. 2026. 10. P. 399 – 406. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-399-406

The article was submitted: May 25, 2026; Approved after reviewing: June 22, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Социоэкономические сдвиги последних лет накладываются на экологические, социально-психологические и биологические факторы, порождая устойчивый круг проблем детского развития. Среди них особое место занимает нарастающая распространённость сложных дефектов, при которых физическое и психическое здоровье ребёнка оказываются затронуты одновременно. Цифры дают конкретное представление о масштабе. По данным Минпросвещения России, в 2024/25 учебном году численность детей с ОВЗ достигла 1 286 122 человек [6, с. 5-6]; из них 411 115 – дети с тяжёлыми нарушениями речи [6, с. 5-6]. Нарушения речевого развития устойчиво занимают одну из ведущих позиций среди проблем психофизического развития дошкольного возраста [15, с. 22-27].

За недостаточным для возраста уровнем речи у старшего дошкольника тянется цепочка рисков. Трудности школьной адаптации, ослабление учебной успешности, нестабильность психоэмоционального состояния, ограниченные возможности социального включения – всё это формируется задолго до первого класса. Чем позже начинается коррекционное вмешательство, тем устойчивее становится каждое из этих последствий.

Цель настоящей статьи – проанализировать научные представления о современных подходах к изучению речевых нарушений у детей дошкольного возраста с целью определения эффективных стратегий диагностики и коррекции, учитывающих комплексную природу расстройств и индивидуальные особенности каждого ребёнка.

Научный интерес к речевым нарушениям у детей складывался на протяжении длительного времени и объединил несколько исследовательских направлений. Одно из них сосредоточено на диагностике речевого развития и выявлении как общих закономерностей, так и специфических отклонений: здесь работали представители разных научных школ – Л.С. Вавина, Л.С. Волкова, Л.Н. Ефименков, М.И. Земцова, Б.И. Коваленко, А.Н. Корнев, Н.М. Крылова, Р.И. Лалаева, Р.Е. Левина, Л.В. Логвинова, Е.М. Мастюкова, Л.П. Назарова, Н.А. Никашина, Д.И. Орлов, И.Н. Садовникова, Е.Ф. Соботович, Л.Ф. Спирова, О.А. Токарева, М.Е. Хватцев, Г.В. Чиркина и др. Самостоятельную линию образует изучение фонетико-фонематического и общего недоразвития речи – ключевой вклад здесь принадлежит Л.В. Вавиной, Р.Е. Левиной, Е.Ф. Соботович, Л.Ф. Спировой и др. Лексико-грамматическую сторону речевого развития разрабатывали Л.Е. Журова, Н.А. Никашина, Г.В. Чиркина и др.

Материалы и методы исследований

В основу публикации положен анализ методологических подходов, применяемых при изучении речевых нарушений у детей дошкольного возраста. Проведён систематический обзор отечественной и зарубежной научной литературы; выявленные направления сопоставлены по охвату исследовательской проблематики, теоретическим основаниям и диагностическому инструментарию.

Накопленный опыт в данной области породил несколько самостоятельных научных направлений, каждое из которых предлагает собственную оптику для изучения речевых расстройств. Одно из них выстраивает связь между динамикой речевого развития и психическими процессами – восприятием, памятью, мышлением – опираясь на педагогические механизмы коррекции. Другое сосредоточено на структурно-семантических и фонологических характеристиках речи, исследуя нарушения языковых подсистем: звукопроизношения, лексического запаса, грамматического строя. Третье интегрирует клиническое наблюдение, психодиагностику и стратегии педагогического сопровождения в единую систему комплексной помощи.

Четвёртое обращается к мозговым механизмам речевых расстройств, прослеживая их связь с дисфункцией конкретных корковых и подкорковых структур.

Результаты и обсуждения

Научное изучение речевой патологии как самостоятельного направления уходит корнями в период до XX века. Нарушения речи у детей анализировались тогда преимущественно с медицинских позиций, а исследовательское внимание концентрировалось на анатомо-физиологических механизмах речевой деятельности. Именно в этой традиции сложился клинический подход: его суть – выделение характерных симптомов, объединяемых в синдром, и оценка степени их выраженности. Среди разработчиков подхода – специалисты в области детской неврологии и психиатрии: нозологическую систематику и клиническую симптоматологию речевых расстройств разрабатывали Л.О. Бадалян и В.В. Ковалев; вопросы патопсихологического сопровождения – Д.Н. Исаев и Н.К. Корсакова. Ключевым инструментом, созданным в логике клинического подхода, стала Международная классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем (МКБ) [9] – международный стандарт, обеспечивающий сопоставимость эпидемиологических данных между странами и занимающий центральное место в национальных системах здравоохранения.

Переход Российской Федерации на МКБ-11, инициированный в 2022 году с ориентиром на завершение к 2025 году, был приостановлен 31 января 2024 года по распоряжению председателя Правительства Михаила Мишустина. Решение, по всей видимости, продиктовано необходимостью поэтапного согласования национальной системы здравоохранения с обновлёнными международными стандартами с учётом существующих отечественных условий и практических потребностей. МКБ-10 устроена по принципу нозологического объединения: расстройства речи, школьных навыков и моторных функций отнесены к единой рубрике специфических расстройств психологического развития (F80-F83 и F88-F89). Внутри речевого блока классификатор разграничивает нарушения по модальности и уровню поражения: артикуляторные расстройства – от функциональных до фонологических; расстройства экспрессивной речи, затрагивающие продукцию высказывания; расстройства рецептивного звена, при которых нарушено понимание обращённой речи, включая смешанные рецептивно-экспрессивные формы. Отдельную позицию занимают специфические расстройства освоения школьных навыков – чтения, письма, счёта и их сочетаний [10, с. 246-250]. Логика группировки определяется симптоматическим сходством, а не механизмом нарушения – и именно здесь обнаруживается принципиальное ограничение классификатора применительно к логопедической практике.

Расхождение между категориальным аппаратом МКБ-10 и профессиональными представлениями логопедии затрагивает не только перечень выделяемых нарушений, но и содержательную логику каждой позиции. За различиями в терминологии стоит иная концептуальная рамка: там, где классификатор фиксирует симптом, логопедия ищет механизм. Это расхождение имеет прямые практические последствия – диагностическая категория МКБ не всегда указывает на то, какая именно коррекционная стратегия необходима.

Начиная с середины XX века интенсивное развитие лингвистики и педагогической науки побудило логопедов выстраивать собственный понятийный аппарат, систематику и теоретические модели механизмов речевых нарушений. Сложилось несколько направлений, продолжающих развиваться параллельно. Психолого-педагогическая традиция, заложенная Р.Е. Левиной, ориентировалась на описание симптоматики через лингвистические и психологические критерии; её продолжили исследователи, разрабатывавшие диагностический инструментарий и коррекционные программы – Л.С. Волкова, Н.С. Жукова, Р.И. Лалаева, Н.А. Никашина работали преимущественно в области общего и фонетико-фонематического недоразвития; Л.Ф. Спирова, Г.В. Чиркина, А.В. Ястребова разрабатывали классификационные основания и методику логопедического воздействия. На этой базе была выстроена классификация речевых нарушений, практически ориентированная на комплектование специальных групп в дошкольных и общеобразовательных учреждениях [8].

Диагностические методики, созданные в рамках психолого-педагогического направления, строятся на детальном качественном анализе речевых данных. Инструментарий для обследования различных сторон речевого развития разрабатывался несколькими группами авторов: процедуры изучения связной речи и лексико-грамматического строя – Л.С. Волковой, Р.И. Лалаевой, Н.В. Серебряковой; методики оценки фонетической и фонематической сторон – Т.Б. Филичевой, Г.В. Чиркиной, Т.В. Тумановой; диагностику письменной речи и школьных предпосылок – О.Е. Грибовой, А.В. Ястребовой и др. При обследовании старших дошкольников применяется тот же методический арсенал, что и для детей младшего школьного возраста, однако с поправкой на возрастную специфику: форму и характер заданий, подбор вербального и наглядного материала.

Между тем возможности психолого-педагогического направления имеют очерченные пределы. Нейромоторные и просодические нарушения, составляющие часть структуры речевого дефекта, при таком обследовании остаются вне поля зрения – на это указывают Л.И. Белякова, А.Н. Корнев, Т.А. Фотекова и др. Понятие «общее недоразвитие речи» фиксирует лишь внешнюю картину проявлений, не раскрывая ни этиологии, ни патогенеза. За единым обозначением могут скрываться принципиально различные по механизму расстройства: тяжёлая форма дизартрии, ринолалия, детская афазия, алалия – группа неоднородна по структуре дефекта и его происхождению [5; 8; 12]. Коррекционная работа в подобных условиях утрачивает дифференцированность: усилия сосредотачиваются на речевом развитии, тогда как механизмы формирования языковой системы учитываются недостаточно. Классификация не охватывает полного диапазона расстройств речи и голоса [1; 13], а нарушения письма и чтения трактуются преимущественно как отсроченные системные последствия несформированности устной речи – результат недостаточного развития фонематических и морфологических обобщений [8; 11; 12].

Описание симптоматики речевых нарушений в современной научной литературе всё отчётливее тяготеет к лингвистической парадигме. Исследовательский фокус смещается на процессы формирования речевой деятельности у детей с нарушениями и их сопоставление с нормативной картиной развития. Психолингвистический анализ устной речи позволяет вычленить специфические дефициты языкового уровня и выстроить индивидуальную коррекционную траекторию – именно этим путём идут исследователи, работающие в русле лингвистического направления: В.К. Воробьева изучает связную речь и её нарушения; В.А. Ковшиков разрабатывает проблематику экспрессивной алалии; Е.Ф. Соботович исследует механизмы недоразвития языковой системы; Л.Б. Халилова – семантические и коммуникативные аспекты речевой деятельности.

Понять дизонтогенетические механизмы, препятствующие становлению речевой функции, помогает обращение к психолингвистической структуре речевой деятельности. Исследования нормотипичного речевого онтогенеза – в работах Дж. Брунера, А.А. Леонтьева, Т.А. Ушаковой, А.М. Шахнаровича, Н.М. Юрьевой и др. – образуют необходимый сравнительный фон для анализа нарушенного развития, которым занимались В.К. Воробьева, Б.М. Гриншпун, Н.И. Жинкин, В.А. Ковшиков, Е.Ф. Соботович и др.

Лингвистическое направление охватывает несколько аналитических уровней, каждый из которых разрабатывался самостоятельными исследовательскими группами. Физиологический уровень – нейрофизиологические и рефлекторные основы речепроизводства – составлял предмет исследований Н.А. Бернштейна, И.П. Павлова, А.Н. Соколова; А.Р. Лурия дополнил эту картину нейропсихологическим измерением. Соотношение мышления и речи как самостоятельная проблема разрабатывалось в двух традициях: Л.С. Выготский и Н.И. Жинкин исследовали внутреннюю речь и её роль в порождении высказывания; В. Гумбольдт заложил философские основания для понимания языка как деятельности духа. Психологические механизмы речепроизводства изучали А.А. Леонтьев и А.Н. Леонтьев – в рамках деятельностного подхода; Н. Хомский и М. Халле разрабатывали порождающую грамматику; Р.О. Якобсон, Г. Моль, К. Стивенсон – коммуникативные и семиотические аспекты речи. Закономерности овладения речью в онтогенезе исследовали А.Н. Гвоздев и И.А. Сикорский – на обширном эмпирическом материале; Л.В. Щерба и Ф.А. Сохин – в связи с проблемами языкового сознания и речевого воспитания; Дж. Брунер и А.А. Леонтьев – в контексте коммуникативного и деятельностного подходов. Функциональные разновидности речи и культуру речевого общения описывали представители функциональной стилистики – В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, М.Н. Кожина, А.Н. Кожин, О.М. Казарцева, О.А. Крылова, Д.Н. Шмелёв и др.; нормативный аспект разрабатывали Б.Н. Головин, К.С. Горбачевич, Л.К. Граудина, В.П. Даниленко и др. М.А. Домрачева, И.Н. Горелов, Е.В. Казарцев и др. рассматривают речь в нескольких измерениях: как процесс коммуникации, как продукт речевой деятельности – текст, как ораторский жанр и как явление, допускающее оценочную квалификацию.

Внутри самой лингвистики принципиальный вопрос о соотношении языка и речи остаётся дискуссионным. Одна позиция восходит к соссюровскому разграничению: язык – система правил, речь – действия, организованные по этим правилам. В.И. Бельтюков развивает эту идею последовательно: структуры языка и речи он считает принципиально противоположными – непрерывные и дискретные, нацеленные на синтез и анализ в их единстве [4]; именно эта противоположность обеспечивает механизмы кодирования и декодирования речевого сигнала. Близкой позиции придерживаются В.К. Воробьева, Л.В. Лопатина, Л.Б. Халилова и др. Противоположную точку зрения отстаивают А.Н. Корнев, Т.Н. Ушакова, Н.В. Уфимцева: разграничение признаётся ими нецелесообразным, а язык и речь рассматриваются как единый функциональный механизм, не допускающий искусственного расщепления. Дискуссия не завершена. Лингвистическое направление в итоге описывает преимущественно языковые феномены, решая задачи собственно лингви-

стического уровня анализа – и именно эта сосредоточенность на языке как системе составляет одновременно его силу и границу применимости в логопедическом контексте.

Иной ракурс задаёт направление, интегрирующее клиническую, психологическую и педагогическую составляющие диагностики в единую систему оценки состояния ребёнка. Приоритетное положение этого подхода определяется самой природой диагностической задачи: речевое нарушение редко существует изолированно от неврологического фона, и именно способность логопеда грамотно читать неврологические заключения, оценивать мышечный тонус и состояние моторных функций делает диагностику полноценной.

Речевые нарушения в рамках клинико-психолого-педагогического направления квалифицируются как аномалии развития со специфической симптоматикой, этиологией и патогенезом [4, с. 123]. Исследователи, работавшие в этом русле, разрабатывали разные аспекты проблемы: Е.М. Мастюкова и А.Г. Ипполитова сосредоточились на дизартрии и её клинических формах; Е.Ф. Архипова и И.И. Панченко развивали эту проблематику применительно к детям с церебральным параличом; алалию как самостоятельную нозологическую единицу исследовали Т.Г. Визель и Н.Н. Трауготт; теоретико-методологические основания классификации речевых аномалий разрабатывали Л.И. Белякова и А.Н. Корнев; коррекционные стратегии применительно к детям с органическим поражением центральной нервной системы – В.В. Тарасун. При диагностике существенную роль приобретает нозологический принцип: синдромологический анализ отдельных клинических случаев, позволяющий разграничить внешне схожие нарушения по механизму и происхождению, разрабатывали С.С. Ляпидевский и А.Н. Корнев и др. Классификация, выстроенная в логике этого направления, задаёт критериальную основу для определения факторов, обусловивших нарушение, фона его развития, локализации дефекта в речевой системе, степени поражения центральных или периферических отделов речи и времени возникновения нарушения [7].

Нейропсихология складывалась на пересечении патопсихологии, неврологии и смежных медицинских дисциплин – этим объясняется её органичная связь с клинико-психолого-педагогическим направлением [1; 12]. Теоретический фундамент нейропсихологического подхода образуют концепции Л.С. Выготского и А.Р. Лурия о высших психических функциях как сложных функциональных системах, реализующихся через взаимодействие различных мозговых структур, каждая из которых вносит в их развитие специфический вклад. Динамичность – не менее важная характеристика речи, чем её системность: по мере развития ребёнка функциональная организация перестраивается, и морфологические изменения влекут за собой трансформацию функций (И.П. Павлов, А.Р. Лурия и др.).

Идеи Л.С. Выготского и А.Р. Лурия получили развитие в нескольких исследовательских направлениях. Проблематику школьной готовности и причин академической неуспеваемости разрабатывали Т.В. Ахутина и Ю.В. Микадзе – их работы стали методологической основой нейропсихологического сопровождения в образовательной практике. Дифференциальную диагностику и нейропсихологический анализ речевых расстройств у детей исследовали Н.К. Корсакова и Э.Г. Симерницкая; вопросы нейропсихологической реабилитации и восстановления высших психических функций – Л.С. Цветкова; коммуникативные и личностные аспекты нейропсихологической помощи – Ж.М. Глозман; нейропсихологию детского возраста в связи с проблемами обучения – А.В. Семенович и Е.Д. Хомская.

Область применения нейропсихологических методов за последние годы существенно расширилась. Наряду с традиционным изучением патологии при локальных поражениях мозга нейропсихологический анализ всё активнее охватывает пограничные состояния и норму – там, где клинической картины ещё нет, но функциональные дефициты уже прослеживаются. Валидность нейропсихологического инструментария как дифференциально-диагностического, прогностического и коррекционного средства доказана его устойчивым использованием в практике психологов, логопедов и детских невропатологов.

Нейропсихологический метод позволяет оценить системно-динамические перестройки, сопровождающие речевое развитие ребёнка с точки зрения мозгового обеспечения: выявить базовые патогенные факторы, вскрыть механизмы, лежащие в основе нарушений, и очертить зоны ближайшего развития психических функций [1, с. 161]. Установление соотношения между речевыми нарушениями и другими сторонами психической деятельности ребёнка достигается именно методами нейропсихологии [14, с. 232-235]. Нейропсихологический анализ направлен на выявление структуры деятельности, характера недостатков в развитии речевых процессов и обусловливающих их причин, а также на определение потенциальных возможностей ребёнка (А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия).

Траектория развития ребёнка с речевыми нарушениями во многом определяется тем, насколько рано и точно выявлена проблема. Школьная адаптация, академические результаты, возможности социального включения – всё это закладывается в дошкольный период, и упущенное время здесь не компенсируется простым увеличением интенсивности последующей коррекции. Методологическая база, формировавшаяся

на основе клинических наблюдений и лингвистического анализа, последовательно пополняется новыми подходами, расширяющими диагностические возможности. Разрыв сохраняется: инструменты появляются быстрее, чем складывается культура их совместного использования, – и преодоление этого разрыва остаётся одним из ключевых профессиональных вызовов.

Среди инновационных инструментов диагностики и коррекции речевых нарушений устойчивые позиции заняли информационные технологии. Компьютерные программы обеспечивают автоматизированный анализ речевой продукции – то, что при ручной обработке требует значительного времени и сопряжено с субъективностью оценки. Интерактивные игровые форматы и онлайн-платформы позволяют выстраивать индивидуальные коррекционные программы с учётом конкретного профиля нарушений, а не усреднённой симптоматики. Мотивационный эффект цифровой среды для детей дошкольного возраста хорошо документирован: включённость в игровой процесс устойчивее, чем при традиционных форматах занятий. Объективная фиксация динамики результатов – ещё одно преимущество, принципиально недостижимое при опоре исключительно на наблюдательные методы.

Биометрическое направление решает иную задачу – не описание речевой продукции, а доступ к нейрофизиологическим механизмам, лежащим в её основе. Регистрация электрической активности мозга посредством ЭЭГ фиксирует паттерны мозговой активности в момент речевой деятельности; окулография отслеживает движения глаз как индикатор когнитивной нагрузки и особенностей восприятия; совокупность биометрических показателей позволяет выявить то, что не обнаруживается при поведенческом наблюдении. Практическое следствие – возможность разработки методов нейростимуляции, целенаправленно воздействующих на дефицитарные функции, а не на симптоматику в целом.

Ни информационные технологии, ни биометрические методы не дают исчерпывающей картины при изолированном применении. Каждый инструмент высвечивает один уровень проблемы, оставляя другие в тени. Результативная коррекция речевых нарушений у детей достижима лишь при координированном участии специалистов смежных областей: логопед выявляет структуру речевого дефекта; нейропсихолог анализирует мозговые механизмы и зоны ближайшего развития; психолог оценивает эмоциональный и когнитивный фон; педагог обеспечивает преемственность коррекционной работы в образовательной среде; врач – неврологический и соматический контекст. Только при таком профессиональном взаимодействии удаётся охватить все уровни развития ребёнка и выстроить программу, опирающуюся на данные разнородных диагностических источников, а не на усреднённые протоколы.

Выводы

Исследование речевых нарушений у детей дошкольного возраста перестало быть задачей одной дисциплины. Логопедия, нейропсихология, лингвистика, клиническая медицина и педагогика формируют сегодня общее проблемное поле, в котором каждое направление освещает тот аспект, который остаётся в тени у соседнего. Теоретические и методологические основания области прошли значительный путь – от симптомоцентричного клинического описания к анализу механизмов нарушений, их функциональных последствий и индивидуального профиля потребностей каждого ребёнка. Численность детей с речевыми расстройствами продолжает увеличиваться, негативно сказываясь на общем психическом развитии, школьной успешности и возможностях социального включения. Динамика не замедляется – и это обстоятельство задаёт практический контекст для любых теоретических дискуссий о подходах и методах.

Диагностические модели, выстроенные вокруг этиологии и симптоматики, дают лишь частичную картину. Симптом фиксирует то, что видно снаружи; механизм нарушения, его функциональные последствия и индивидуальная траектория развития ребёнка за симптомом не просматриваются. Именно это ограничение стимулирует переориентацию современной логопедии: универсальные коррекционные схемы уступают место индивидуализированным стратегиям сопровождения, построенным на данных комплексного обследования. Подход, интегрирующий клиническую, психологическую и педагогическую составляющие диагностики, обоснован как наиболее полно отвечающий этой задаче.

Выбор диагностического инструментария на практике по-прежнему во многом определяется профессиональной принадлежностью специалиста. Логопед смотрит на речевую продукцию, невролог – на неврологический статус, психолог – на эмоционально-когнитивный фон. Каждый из этих взглядов правомерен и необходим; ни один не является достаточным в отдельности. Биометрические методы и цифровые технологии расширяют инструментальные возможности объективной оценки и мониторинга коррекционной динамики, однако не устраняют проблему разобщённости подходов. Новые инструменты появляются быстрее, чем складывается практика их координированного применения. Преодоление этого разрыва – не методологическая задача будущего, а практический приоритет уже сегодня.

Список источников

1. Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Нейропсихологический подход к коррекции трудностей обучения // Нейропсихология сегодня. М.: Изд-во МГУ, 1995. С. 160 – 170.

2. Белякова Л.И., Филатова Ю.О. Проблема классификации нарушений речи // Современное общество и специальное образование. Международная научная конференция 25-26 апреля 2007 г. СПб.: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2007. С. 52 – 55.

3. Бельтюков В.И. Взаимодействие анализаторов в процессе восприятия и освоения устной речи (в норме и патологии). М.: Педагогика, 1977. 176 с.

4. Беспятова К.В., Перепелица С.А. Поиск причин речевых нарушений у детей (перинатальные аспекты) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2024. № 3. С. 120 – 129. DOI: 10.5922/vestnikpsy-2024-3-11

5. Волкова Г.А. Методика психолого-логопедического обследования детей с нарушениями речи. Вопросы дифференциальной диагностики: учебно-методическое пособие. СПб.: «ДЕТСТВО-ПРЕСС», 2006. 144 с.

6. Доклад о результатах комплексного анализа системы общего и дополнительного образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья (в рамках исполнения поручения Президента Российской Федерации по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека 10 декабря 2024 года Пр-248 от 07.02.2025 года) [Электронный ресурс]. URL: https://www.miloserdie.ru/wp content/uploads/2025/06/doklad.pdf

7. Корнев А.Н. О систематике клинических форм развития речи у детей // Расстройства речи, клинические проявления и методы коррекции. СПб., 1994. С. 135 – 145.

8. Левина Р.Е. Основы теории и практики логопедии. М.: Просвещение, 1968. 367 с.

9. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 384 с.

10. Международная классификация болезней (10-й пересмотр). Классификация психических и поведенческих расстройств. Клинические описания и указания по диагностике (МКБ-10 / ICD-10). К.: Издательство «Факт», 1999. 272 с.

11. Методы обследования речи детей: пособие по диагностике речевых нарушений / Под общ. ред. проф. Г.В. Чиркиной. М.: АРКТИ, 2005. 240 с.

12. Филичева Т.Б. Состояние лексико-грамматических средств языка у детей с IV уровнем речевого развития // Современная логопедия: теория, практика, перспективы: материалы международной научно-практической конференции. М., 2002. С. 141 – 143.

13. Фотекова Т.А., Филатова Ю.О. Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов: пособие для логопедов и психологов. М.: АРКТИ, 2002. 136 с.

14. Panhelova N., Krutsevych T. Neuropsychological Principles of Activating the Speech of Children of the Senior Preschool age in the Course of Motor Actions // Psycholinguistics. 2019. Vol. 25. No. 1. P. 232 – 255. DOI: 10.31470/2309-1797-2019-25-1-232-255

15. Yasin A. Speech and language delay in childhood: a retrospective chart review // ENT Updates. 2017. Vol. 7. No. 1. P. 22 – 27.

16. Zhuravlova L., Leshchii N., Zamsha A., Babiak O., Lyndina Yev., Voroshchuk O. Techniques for the correction of language disorders among children with Psycho-physical development peculiarities // Ad Alta Journal of Interdisciplinary Research. 2021. Vol. 11. Special Issue XXII. P. 133 – 137.

References

1. Akhutina T.V., Pylaeva N.M. Neuropsychological approach to the correction of learning difficulties. Neuropsychology today. Moscow: Moscow State University Press, 1995. P. 160 – 170.

2. Belyakova L.I., Filatova Yu.O. The problem of classification of speech disorders. Modern society and special education. International scientific conference, April 25-26, 2007. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2007. P. 52 – 55.

3. Beltyukov V.I. Interaction of analyzers in the process of perception and acquisition of oral speech (in norm and pathology). Moscow: Pedagogy, 1977. 176 p.

4. Bespyatova K.V., Perepelitsa S.A. Search for the Causes of Speech Impairments in Children (Perinatal Aspects). Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology. 2024. No. 3. P. 120 – 129. DOI: 10.5922/vestnikpsy-2024-3-11

5. Volkova G.A. Methodology for Psychological and Speech Therapy Examination of Children with Speech Impairments. Differential Diagnostics: A Tutorial. St. Petersburg: DETSTVO-PRESS, 2006. 144 p.

6. Report on the results of a comprehensive analysis of the system of general and additional education for students with disabilities (in the context of fulfilling the instruction of the President of the Russian Federation following the meeting of the Presidential Council of the Russian Federation for the Development of Civil Society and Human Rights on December 10, 2024, Pr-248 of February 7, 2025) [Electronic resource]. URL: https://www.miloserdie.ru/wp content/uploads/2025/06/doklad.pdf

7. Kornev A.N. On the taxonomy of clinical forms of speech development in children. Speech disorders, clinical manifestations and correction methods. St. Petersburg, 1994. P. 135 – 145.

8. Levina R.E. Fundamentals of the theory and practice of speech therapy. Moscow: Prosveshchenie, 1968. 367 p.

9. Luria A.R. Fundamentals of neuropsychology: a textbook. Manual for students of higher educational institutions. Moscow: Academy Publishing Center, 2002. 384 p.

10. International Classification of Diseases (10th revision). Classification of mental and behavioral disorders. Clinical descriptions and diagnostic guidelines (ICD-10. ICD-10). Kiev: Fakt Publishing House, 1999. 272 p.

11. Methods of examining children's speech: a manual for diagnosing speech disorders. Under the general editorship of prof. G.V. Chirkina. Moscow: ARCTI, 2005. 240 p.

12. Filicheva T.B. The state of lexical and grammatical means of language in children with level IV speech development. Modern speech therapy: theory, practice, prospects: materials of the international scientific and practical conference. M., 2002. P. 141 – 143.

13. Fotekova T.A., Filatova Yu.O. Diagnostics of speech disorders in schoolchildren using neuropsychological methods: a manual for speech therapists and psychologists. M.: ARCTI, 2002. 136 p.

14. Panhelova N., Krutsevych T. Neuropsychological Principles of Activating the Speech of Children of the Senior Preschool Age in the Course of Motor Actions. Psycholinguistics. 2019. Vol. 25. No. 1. P. 232 – 255. DOI: 10.31470/2309-1797-2019-25-1-232-255

15. Yasin A. Speech and language delay in childhood: a retrospective chart review. ENT Updates. 2017. Vol. 7.No. 1. P. 22 – 27.

16. Zhuravlova L., Leshchii N., Zamsha A., Babiak O., Lyndina Yev., Voroshchuk O. Techniques for the correction of language disorders among children with psycho-physical developmental peculiarities. Ad Alta Journal of Interdisciplinary Research. 2021. Vol. 11. Special Issue XXII. P. 133 – 137.

Информация об авторе

Журавлёва М.С., старший преподаватель, Мелитопольский государственный университет, mzhuravlmaria@yandex.ru

© Журавлёва М.С., 2026

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 342.5
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-407-412

Аксиологическое измерение согласия в конституциях стран Европейского Союза

[1] Белоцеркович Д.В.

[1] Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация: статья посвящена сравнительно-правовому анализу аксиологического измерения согласия в конституциях государств-членов Европейского Союза. Актуальность темы обусловлена необходимостью концептуального осмысления ценностных оснований конституционализма, а также восполнением пробела в системных компаративных исследованиях европейской модели формализации согласия. Цель статьи – охарактеризовать аксиологическое измерение согласия в конституциях стран Европейского Союза, определив его ценностное и статусно-защитное значение для публично-правового регулирования. Установлено, что аксиологическое измерение согласия представляет собой систему конституционно-правовых норм, в которых согласие закрепляется как фундаментальная ценность, определяющая статус личности и пределы государственного вмешательства в ее частную жизнь, а также гарантии независимости носителей публичной власти. В рамках данного измерения выделены две функциональные группы конституционных норм: личностно-ориентированная и публично-ориентированная. Особенностью европейского подхода является множественность субъектов согласия и разнообразие его форм.
Ключевые слова: согласие, конституционные ценности, сравнительное правоведение, Европейский Союз, конституционные гарантии, депутатский иммунитет, неприкосновенность жилища, защита персональных данных

Для цитирования: Белоцеркович Д.В. Аксиологическое измерение согласия в конституциях стран Европейского Союза // Современный ученый. 2026. № 10. С. 407 – 412. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-407-412

Поступила в редакцию: 15 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

The axiological dimension of consent in the constitutions of the European Union countries

[1] Belotserkovich D.V.

[1] Belgorod State National Research University

Abstract: the article is devoted to a comparative legal analysis of the axiological dimension of consent in the constitutions of the member states of the European Union. The relevance of the topic is due to the need for a conceptual understanding of the value foundations of constitutionalism, as well as filling a gap in the systemic comparative studies of the European model of consent formalization. The purpose of the article is to characterize the axiological

dimension of consent in the constitutions of the European Union countries, defining its value and status-protective significance for public law regulation. It is established that the axiological dimension of consent is a system of constitutional and legal norms in which consent is fixed as a fundamental value that determines the status of an individual and the limits of state interference in her private life, as well as guarantees of the independence of public authorities. Within the framework of this dimension, two functional groups of constitutional norms are identified: personality-oriented and public-oriented. The peculiarity of the European approach is the multiplicity of subjects of consent and the variety of its forms.

Keywords: consent, constitutional values, comparative law, the European Union, constitutional guarantees, parliamentary immunity, inviolability of the home, protection of personal data

For citation: Belotserkovich D.V. The axiological dimension of consent in the constitutions of the European Union countries. Modern Scientist. 2026. 10. P. 407 – 412. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-407-412

The article was submitted: May 15, 2026; Approved after reviewing: June 12, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Категория согласия в современном конституционно-правовом дискурсе традиционно рассматривается сквозь призму процессуальных механизмов: как юридико-техническое условие совершения действий, легитимации властных решений или разграничения компетенции между органами публичной власти. В этом ракурсе согласие выступает инструментом согласования воль, обеспечивающим координацию действий субъектов публично-властных отношений. Однако подобный подход, при всей своей теоретической и практической значимости, не исчерпывает всего нормативного потенциала данной категории.

В конституционно-правовой доктрине согласие понимают «как активное действие, через совершение которого одна сторона одобряет мнение другой стороны, формируется их единая воля, общая позиция по какому-то вопросу... согласие определяет состояние развития общества, при котором созданы условия для разрешения социальных конфликтов через сотрудничество, диалог, достижение компромиссов» [22]. В предшествующих исследованиях автором были систематизированы модели конституционной формализации солидарности, единства и согласия в странах СНГ [20] и Африканского Союза [21]. Накопленный компаративный опыт позволяет обратиться к анализу европейского конституционного пространства, в котором также оперируют категорией согласия.

В конституциях государств-членов Европейского Союза (далее – ЕС) отчетливо прослеживаются два взаимосвязанных, но самостоятельных измерения формализации согласия: процессуально-инструментальное и аксиологическое. Процессуально-инструментальное измерение охватывает нормы, в которых согласие выступает юридико-техническим условием совершения действий и легитимации властных решений. Аксиологическое измерение представляет собой систему конституционно-правовых норм и принципов, в которых согласие закрепляется как фундаментальная ценность, определяющая статус личности, пределы государственного вмешательства в ее частную сферу, а также гарантии независимости и неприкосновенности носителей публичной власти. В аксиологическом измерении согласие обретает характер конституционной ценности, выполняя функции правовой защиты и статусного обеспечения.

Солидарность как конституционно-правовой феномен не может быть реализована без процессуальных механизмов, обеспечивающих согласование воль и интересов субъектов различной правовой природы. В данном ракурсе согласие приобретает особое значение, выступая в качестве инструментальной предпосылки солидарности – именно через согласие субъектов права достигается координация действий, которая в своей ценностной форме закрепляется как солидарность.

Цель настоящей статьи – охарактеризовать аксиологическое измерение согласия в конституциях стран ЕС, определив его ценностное и статусно-защитное значение для публично-правового регулирования.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Формально-юридический метод позволил проанализировать конституционные нормы, закрепляющие различные формы согласия, выявить их юридическую конструкцию, субъектный состав и процедурные требования. Сравнительно-правовой метод обеспечил сопоставление конституционных подходов формализации согласия в государствах-членах ЕС.

Эмпирическую базу исследования составили тексты конституций государств-членов ЕС.

Результаты и обсуждения

Проведенный анализ позволяет констатировать, что в рамках аксиологического измерения согласия в конституциях стран ЕС сложились две основные смысловые группы, различающиеся по субъекту, чьи права и статус обеспечиваются.

Личностно-ориентированная группа объединяет конституционные нормы, в которых согласие выступает ценностно-правовой гарантией неприкосновенности личности. Суть данных норм состоит в том, что государственное вмешательство в частную жизнь личности признается конституционно допустимым только при условии добровольного и осознанного волеизъявления самого человека. В данном случае согласие является правовым барьером, ограждающим личность от произвола публичной власти.

Наиболее распространено согласие в качестве условия правомерности вмешательства в сферу личной жизни. Согласие личности выступает обязательным условием для проведения медицинских или научных экспериментов, проникновения в жилище, обработки персональных данных и заключения брака, что придает ему характер конституционной гарантии.

В аспекте неприкосновенности личности согласие предстает как абсолютное условие проведения медицинских и научных опытов / экспериментов. Согласно ч. 2 ст. 29 Конституции Болгарии, «никто не может быть подвергнут медицинским, научным или иным опытам без его добровольного письменного согласия» [3]. Приведенная норма примечательна требованием письменной формы согласия, что усиливает его доказательственную ценность. Конституция Венгрии закрепляет, что «запрещены медицинские или научные эксперименты на людях без их добровольного и осознанного согласия» [4] (ч. 2 ст. III), акцентируя осознанный характер волеизъявления. Аналогичные нормы содержатся в конституциях Словении (ст. 18) [15] и Хорватии (ст. 23). Данные нормы объединяет признание согласия личности как конституционно-правовой гарантии, ограничивающей государственное вмешательство в частную жизнь.

Согласие выступает условием правомерности проникновения в жилище либо его осмотра. Конституция Болгарии устанавливает, что «без согласия проживающего там лица никто не может входить в жилище или оставаться в нем, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом» [3] (ч. 1 ст. 33). В Литовской Республике «без согласия жильца войти в жилище не разрешается» [8] (ст. 24). Конституция Португалии конкретизирует: «никто не имеет права войти в жилище ночью без согласия проживающего там лица» [11] (ч. 3 ст. 34). Конституция Словакии закрепляет, что «не разрешается проникать в жилище без согласия того, кто в нем проживает» [14] (ч. 1 ст. 21).

В сфере защиты персональных данных согласие является условием обработки информации о частной жизни. Так, Конституция Португалии устанавливает, что информация «не может быть использована для разглашения сведений, относящихся к философским или политическим убеждениям, партийному или профсоюзному членству, вероисповеданию, частной жизни и этническому происхождению, за исключением случаев явно выраженного на это согласия лица, к которому относятся данные» [11] (ч. 3 ст. 35). Конституция Швеции закрепляет, что «без согласия гражданина не допускается внесение во всеобщий реестр сведений о его политических взглядах» [18] (§ 3). В Хорватии личные данные «без согласия их обладателя могут собираться, обрабатываться и использоваться только в случаях, предусмотренных законом» [16] (ст. 37).

Применительно к семейным отношениям согласие закрепляется в качестве конституционного условия заключения брака. В Литве «брак заключается по свободному согласию мужчины и женщины» [8] (ст. 38). Конституцией Румынии предусмотрено, что «семья основывается на браке, заключенном по свободному согласию супругов» [13] (ч. 1 ст. 44). Данные нормы позволяют трактовать согласие как ценностное основание семейных отношений.

В рамках правового статуса личности Конституция Эстонии предусматривает согласие как процессуальную гарантию: «никто не может без его согласия быть переведен из подсудности определенного для него законом суда в подсудность другого суда» [19] (ст. 24).

Таким образом, в рамках личностно-ориентированной группы согласие в европейских конституциях выполняет ценностно-защитную функцию, гарантируя неприкосновенность личности и ее частной сферы от произвольного вмешательства государства. Требования к форме согласия варьируются от простого (подразумеваемого) до письменного или явно выраженного, что отражает дифференцированный подход к защите различных благ.

Вторая выделенная и поименованная нами группа публично-ориентированная. В нее включены нормы, в которых согласие служит гарантией стабильности и независимости институтов публичной власти. Согласие выступает процессуальным фильтром, ограничивающим возможность привлечения к ответственности или произвольного перевода носителей властных полномочий (депутатов, судей, высших должностных лиц).

Таким образом, согласие обеспечивает устойчивость всей системы разделения властей, выступая элементом механизма конституционных сдержек и противовесов.

Относительно депутатского иммунитета согласие парламента является условием ограничения свободы депутата или возбуждения против него уголовного преследования. В Конституции Германии закреплено, что «депутат может быть привлечен к ответственности или арестован за уголовно наказуемое деяние лишь с согласия Бундестага» [5] (ч. 2 ст. 46). Аналогичные по смыслы нормы имеются в конституциях Австрии (ст. 57) [1], Латвии (ст.ст. 29, 30) [7], Литвы (ст. 62), Польши (ст. 105) [10], Словакии (ч. 3 ст. 78), Хорватии (ст. 75), Чехии (ст. 27) [17] и Эстонии (ст. 76).

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают нормы, предусматривающие немедленное освобождение депутата при отсутствии согласия. Конституция Словакии (ч. 4 ст. 78) устанавливает: «если комитет по мандатам и иммунитету ... не дает согласия на задержание, депутат должен быть немедленно освобожден» [15]. Данная норма придает согласию и разрешительный, и охранительный характер, исключая возможность затягивания процедуры.

Применительно к иммунитету высших должностных лиц согласие конституционно позиционируется условием привлечения к уголовной ответственности главы государства, министров и судей. Так, в Эстонии Президент может быть привлечен к уголовной ответственности только с согласия Государственного Собрания (ст.ст. 85, 101, 153). В Литве аналогичные гарантии установлены для членов Сейма, Премьер-министра, министров и судей (ст.ст. 86, 100, 114). В Хорватии судья не может быть взят под стражу без согласия Государственного судебного веча (ст. 119).

В рамках гарантий несменяемости судей согласие выступает условием их перевода на другую должность. Конституция Италии устанавливает, что судьи «не могут быть ни уволены или временно отстранены от должности, ни назначены на другие судебные или иные должности иначе, как на основании решения Высшего совета магистратуры ... или с согласия самих судей» [6] (ст. 107). В Бельгии «перемещение судьи может иметь место только в связи с новым назначением и с его согласия» [2] (ст. 152). Содержательно сопоставима с представленной ч. 1 ст. 91 Конституции Люксембурга: «мировые судьи, члены окружных судов и Судебной палаты несменяемы. Перемещение каждого из этих судей может иметь место только путем нового назначения и с его согласия» [9]. Конституция Словакии устанавливает, что «судью можно перевести в иной суд только с его согласия либо на основе решения дисциплинарного сената» [14] (ч. 1 ст. 148). Приведенный подход, полагаем соответствует конституционному гарантированию независимости судей.

Ряд конституций формализует согласие как условие назначения на высшие государственные должности. В Польше с согласия Сената назначаются Сеймом Председатель Верховной Палаты Контроля (ст. 205) и Защитник Гражданских Прав (ст. 209). В Чехии судей Конституционного суда назначает Президент с согласия Сената (ч. 2 ст. 84). Представляется, данные нормы демонстрируют, что согласие является частью механизма сдержек и противовесов в системе разделения властей, не допуская единоличного принятия кадровых решений главой государства или парламентом.

Особое место в исследованных текстах конституций стран ЕС занимают нормы, гарантирующие согласие религиозных организаций на отчуждение их собственности. В частности, Конституция Кипра устанавливает, что отчуждение собственности церковных организаций возможно только «с письменно выраженного согласия компетентной церковной власти» [12] (ч. 9 ст. 23), а для вакуфной собственности – «с согласия турецкого Общинного собрания» [12] (ч. 10 ст. 23). Особенность приведенных установлений состоит в то, что они закрепляют согласие религиозной организации как коллективного субъекта, что расширяет субъектный состав согласия в конституционном праве.

Самостоятельное место отведено закреплению в преамбулах конституций согласия как ценностной основы национального единства и конституционной идентичности.

Наиболее показательным примером является Конституция Литовской Республики, в преамбуле которой зафиксировано, что литовский народ, «радея о национальном согласии на земле Литвы» [8], принимает Конституцию. В приведенном ракурсе согласие является ценностной предпосылкой принятия учредительного акта. Аналогичных формулировок в конституциях иных государств-членов ЕС не обнаружено, что позволяет говорить об уникальности литовского подхода в рамках европейского конституционного пространства.

Выводы

Подводя итоги осуществленного анализа, представим его ключевые выводы.

В конституциях стран ЕС артикулировано аксиологическое измерение согласия, в котором согласие закрепляется как фундаментальная ценность, определяющая статус личности, пределы государственного вмешательства в ее частную сферу, а также гарантии независимости носителей публичной власти.

В рамках исследованного измерения выделено две группы конституционных норм: личностно-ориентированная (согласие как гарантия неприкосновенности личности от произвольного вмешательства) и публично-ориентированная (согласие как процессуальный фильтр, обеспечивающий носителей публичной власти).

Уникальной особенностью является закрепление согласия в преамбуле Конституции Литвы как ценностной основы национального единства, что придает согласию учредительное значение и не имеет аналогов в конституциях иных государств-членов ЕС.

Сопоставление с иными регионами показало, что европейский подход отличается высокой степенью детализации и функциональной дифференциации согласия, интегрируя его в систему ценностных основ конституционного строя.

Данное исследование дает ценную информацию о текущем состоянии репрезентации и освещения в СМИ адаптивных видов спорта. В нем подчеркивается необходимость совершенствования в этой области и подчеркивается важность репрезентации средств массовой информации в формировании общественного восприятия и понимания различных тем, в том числе спортивных. Улучшая репрезентацию и освещение в СМИ адаптивных видов спорта, мы можем повысить осведомленность общественности и признание этих видов спорта и спортсменов, а также помочь создать более инклюзивное и справедливое общество.

Список источников

1. Конституция Австрии от 10 ноября 1920 г. // https://constitutions.ru/?p=236 (дата обращения: 02.05.2026 г.)
2. Конституция Бельгии от 07 февраля 1831 г. // https://constitutions.ru/?p=242 (дата обращения: 02.05.2026 г.)
3. Конституция Болгарии от 12 июля 1991 г. https://constitutions.ru/?p=167 (дата обращения: 02.05.2026 г.)
4. Конституция Венгрии от 18 апреля 2011 г. // https://constitutions.ru/?p=6509&ysclid=m4fwg9y4l8709201749 (дата обращения: 02.05.2026 г.)
5. Конституция Германии от 08 мая 1949 г. // https://constitutions.ru/?p=247 (дата обращения: 02.05.2026 г.)
6. Конституция Италия от 22 декабря 1947 г.// https://constitutions.ru/?p=262 (дата обращения: 02.05.2026 г.)
7. Конституция Латвии от 15 февраля 1922 г. // https://constitutions.ru/?p=176 (дата обращения: 02.05.2026 г.)
8. Конституция Литвы от 25 октября 1992 г. // https://constitutions.ru/?p=178 (дата обращения: 02.05.2026 г.)
9. Конституция Люксембурга от 17 октября 1868 г. // https://constitutions.ru/?p=267 (дата обращения: 02.05.2026 г.)
10. Конституция Польши от2 апреля 1997 г. // https://constitutions.ru/?p=182 (дата обращения: 02.05.2026 г.)
11. Конституция Португалии от 02 апреля 1976 г. // https://constitutions.ru/?p=278 (дата обращения: 02.05.2026 г.)
12. Конституция Республики Кипр от 06 июля 1960 г. // https://constitutions.ru/?p=174 (дата обращения: 02.05.2026 г.)
13. Конституция Румынии от 21 ноября 1991 г. // https://constitutions.ru/?p=184 (дата обращения: 02.05.2026 г.)
14. Конституция Словакии от 01 сентября 1992 г. // https://constitutions.ru/?p=189 (дата обращения: 02.05.2026 г.)
15. Конституция Словении от 23 декабря 1991 г. // https://constitutions.ru/?p=191 (дата обращения: 02.05.2026 г.)
16. Конституция Хорватии от 22 декабря 1990 г. // https://constitutions.ru/?p=195 (дата обращения: 02.05.2026 г.)
17. Конституция Чешской Республики от 16 декабря 1992 г. // https://constitutions.ru/?p=196 (дата обращения: 02.05.2026 г.)
18. Конституция Швеции (Королевства Швеция) от 27 февраля 1974 г. // https://constitutions.ru/?p=234 (дата обращения: 02.05.2026 г.)
19. Конституция Эстонии от 28 июня 1992 г. // https://constitutions.ru/?p=198 (дата обращения: 02.05.2026 г.)

20. Белоцеркович Д.В., Новикова А.Е. Формализация солидарности и сопряженных категорий в конституциях стран СНГ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 1021 – 1025.

21. Белоцеркович Д.В. Интегративно-аксиологический конституционализм стран Африканского союза: формализация солидарности, единства и согласия // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2026. Т. 51. № 2. С. 376 – 387.

22. Мамонов В.В. Конституционное согласие в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 4 (123). С. 42 – 46.

References

1. Constitution of Austria of November 10, 1920. https://constitutions.ru/?p=236 (date of access: 02.05.2026)

2. Constitution of Belgium of February 7, 1831. https://constitutions.ru/?p=242 (date of access: 02.05.2026)

3. Constitution of Bulgaria of July 12, 1991 https://constitutions.ru/?p=167 (date of access: 02.05.2026)

4. Constitution of Hungary of April 18, 2011. https://constitutions.ru/?p=6509&ysclid=m4fwg9y4l8709201749 (date of access: 02.05.2026)

5. Constitution of Germany May 8, 1949. https://constitutions.ru/?p=247 (date of access: 02.05.2026)

6. Constitution of Italy of December 22, 1947. https://constitutions.ru/?p=262 (date of access: 02.05.2026)

7. Constitution of Latvia of February 15, 1922. https://constitutions.ru/?p=176 (date of access: 02.05.2026)

8. Constitution of Lithuania of October 25, 1992 // https://constitutions.ru/?p=178 (date of access: 02.05.2026)

9. Constitution of Luxembourg of October 17, 1868. https://constitutions.ru/?p=267 (Date of access: 02.05.2026)

10. Constitution of Poland of 2 April 1997. https://constitutions.ru/?p=182 (Date of access: 02.05.2026)

11. Constitution of Portugal of 2 April 1976. https://constitutions.ru/?p=278 (Date of access: 02.05.2026)

12. Constitution of the Republic of Cyprus of 6 July 1960. https://constitutions.ru/?p=174 (Date of access: 02.05.2026)

13. Constitution of Romania of 21 November 1991. https://constitutions.ru/?p=184 (date of access: 02.05.2026)

14. Constitution of Slovakia of 1 September 1992. https://constitutions.ru/?p=189 (date of access: 02.05.2026)

15. Constitution of Slovenia of 23 December 1991. https://constitutions.ru/?p=191 (date of access: 02.05.2026)

16. Constitution of Croatia of 22 December 1990. https://constitutions.ru/?p=195 (date of access: 02.05.2026)

17. Constitution of the Czech Republic of 16 December 1992. https://constitutions.ru/?p=196 (date of access: 02.05.2026)

18. Constitution of Sweden (Kingdom of Sweden) of 27 February 1974. https://constitutions.ru/?p=234 (date of access: 02.05.2026)

19. Constitution of Estonia of 28 June 1992. https://constitutions.ru/?p=198 (date of access: 02.05.2026)

20. Belotserkovich D.V., Novikova A.E. Formalization of Solidarity and Related Categories in the Constitutions of the CIS Countries. Law and State: Theory and Practice. 2025. No. 12. P. 1021 – 1025.

21. Belotserkovich D.V. Integrative-Axiological Constitutionalism of the African Union Countries: Formalization of Solidarity, Unity, and Harmony. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. 2026. Vol. 51. No. 2. P. 376 – 387.

22. Mamonov V.V. Constitutional Consent in Russia. Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. No. 4 (123). P. 42 – 46.

Информация об авторе

Белоцеркович Д.В., кандидат юридических наук, доцент, советник при ректорате, ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4664-3020, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, belotserkovich@bsuedu.ru

© Белоцеркович Д.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 346.36
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-413-418

К вопросу о классификации и системе экономических преступлений

[1] Яценко А.М.

[1] Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

Аннотация: в статье исследуются сущность экономических преступлений. Известно, что экономическая деятельность, как основа жизни и процветания государства, является фундаментом реализации его социальной политики, поэтому негативные явления в виде посягательств на эти общественные отношения значительно сдерживают развитие не только экономики, но и увеличивают социальную напряженность в обществе. С развитием хозяйственных процессов и цифровизацией экономики в целом – увеличивается количество и разнообразие преступлений. Статистические данные в исследуемой сфере показывают рост таких преступлений. Данная статья направлена на выявление проблем в привлечении к уголовной ответственности за экономические преступления, потому что в этой сфере наблюдаются определенные «правовые коллизии» и государству необходимо предпринять чёткий, продуманный и эффективный уголовно-правовой ответ, что бы их искоренить. Сделан вывод о том, что понятие, система и классификация экономических преступлений требуют дальнейшего совершенствования. Проблемы классификации, разная оценка тяжести при отсутствии единого определения «экономических преступлений» приводят к неравномерной практике применения закона, снижению доверия к уголовному праву в экономической сфере и трудностям в борьбе с экономической преступностью.
Ключевые слова: экономическая деятельность, экономические преступления, уголовная ответственность, правовые коллизии

Для цитирования: Яценко А.М. К вопросу о классификации и системе экономических преступлений // Современный ученый. 2026. № 10. С. 413 – 418. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-413-418

Поступила в редакцию: 18 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

On the issue of classification and system of economic crimes

[1] Yatsenko A.M.

[1] St. Petersburg State Agrarian University

Abstract: this article examines the nature of economic crimes. Economic activity, as the foundation of a state's life and prosperity, is the foundation for the implementation of its social policy. Therefore, negative phenomena in the form of attacks on these social relations significantly hinder economic development and also increase social tensions. With the development of economic processes and the digitalization of the economy as a whole, the number and variety of crimes increases. Statistics in the area under study show a steady increase in such crimes. This article aims to identify problems in bringing to criminal responsibility for economic crimes, as certain "legal conflicts" are observed in this area, and the state needs to take a clear, thoughtful, and effective criminal-legal response to eradicate them. It is concluded that the concept, system, and classification of economic crimes require further improve-

ment. Classification problems, varying assessments of severity in the absence of a unified definition of "economic crimes" lead to uneven law enforcement, decreased confidence in criminal law in the economic sphere, and difficulties in combating economic crime.
Keywords: economic activity, economic crimes, criminal liability, legal conflicts

For citation: Yatsenko A.M. On the issue of classification and system of economic crimes. Modern Scientist. 2026. 10. P. 413 – 418. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-413-418

The article was submitted: May 18, 2026; Approved after reviewing: June 15, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Регулирование экономической деятельности является одной из основных функций государства, обеспечивающей исполнение его социальной природы и реализацию конституционного принципа справделивого государства. Эффективное функционирование экономической системы служит основой устойчивости социальной политики, направленной на защиту прав и законных интересов граждан.

В последние годы экономика сталкивается с растущим числом трудностей и социальной напряженностью, вызванной как объективными экономическими факторами, так и противоправными действиями в сфере хозяйственной деятельности.

Все эти факторы создают естественную напряжённость: люди теряют доход, компании сокращают расходы, растёт недовольство. А действия усиливают социальную напряжённость, потому что создаётся ощущение несправедливости и безнаказанности. Становится очевидным, что «правила действуют не для всех», и это повышает протестные настроения.

Экономические преступления становятся серьезным фактором нестабильности: действуют преступные группы, занимающиеся легализацией капитала, обналичиванием денежных средств, незаконным предпринимательством, фиктивным банкротством, хищением.

Статистика МВД России подтверждает высокую актуальность проблемы экономической преступности. За 2024 год правоохранители выявили свыше 65 тыс. экономических преступлений, из которых более 46 тыс. (около 70,8%) – тяжкие и особо тяжкие; ущерб составил 14,2 млрд рублей [8]. За январь-ноябрь 2025 года число выросло до 107,2 тыс. (+1,7% к 2024 г.), ущерб достиг рекордных 316,1 млрд рублей (+16,4%) [1], доля тяжких и особо тяжких – около 68,7%. То есть по сути, наблюдается устойчивое положение экономической преступности в структуре общей преступности и необходимость усиленного противодействия.

Анализируя вышеприведенные статистические данные, целью данной статьи считается выполнение комплексного исследования сущности экономических преступлений, определение проблем и выработка предложений по их преодолению.

Соответственно, объектом исследования – стали общественные отношения в экономической сфере, которым был нанесен вред в результате преступных деяний, а соответствующие нормы уголовного права являются предметом настоящего исследования.

Материалы и методы исследований

В статье проанализированы статистические данные за 2024 -2025 года в сфере экономических преступлений и результаты теоретических исследований таких ученых, как Бочков А.А., Быковская Ю.В., Вытовтов А.Е., Карязов Н.В., Котлячкова Н.В.

Результаты и обсуждения

Понятие «экономическое преступление» в науке до сих пор не имеет единого определения. Разные исследователи предлагают свои подходы. Так, А.Е. Вытовтов определяет экономические преступления как предусмотренные уголовным законом общественно опасные, корыстные деяния, угрожающие национальной безопасности и экономической системе государства, наносящие материальный и моральный ущерб [3, с. 112-120]. Ю.В. Быковская считает экономическими преступлениями все посягательства на собственность, связанные с хозяйственной деятельностью [2, с. 45-56], а Н.В. Котлячкова объединяет их как посягательства на собственность и предпринимательские отношения [6, с. 78-89].

Экономические преступления – любые преступления, в которых главная цель – извлечение экономической выгоды. Они характерны для экономической сферы, но могут происходить и вне официальной хозяй-

ственной деятельности. Ключевое здесь: вред и мотивация связаны с деньгами, имуществом или экономическими интересами.

«Преступления в сфере экономической деятельности» – это объективно опасные деяния, посягающие на установленные правила ведения хозяйственной деятельности, производство, распределение, обмен и потребление материальных благ. Это любые преступления, совершённые именно в рамках хозяйственной деятельности, даже если их мотив не обязательно экономический. Ключевое: место и контекст совершения – бизнес, предприятия, предприятия с оборотом капитала. Ущерб может быть экономический или иной, важен только факт нарушения в экономической сфере. То есть преступления в сфере экономической деятельности – это классификация по месту совершения или по сфере жизни, а не по экономической цели.

Под системой конкретно экономических преступлений следует понимать внутренне согласованную совокупность уголовно наказуемых деяний, объединённых общностью экономического характера, объекта посягательства и функциональной роли в механизме хозяйственной деятельности. Системный подход позволяет рассматривать экономические преступления не как разрозненный набор составов, а как целостное явление, отражающее структуру и уязвимые элементы экономической системы государства.

С точки зрения уголовного законодательства, ядро системы экономических преступлений образуют нормы главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Преступления в сфере экономической деятельности», которые направлены на охрану установленного порядка осуществления предпринимательской, финансовой, кредитной, налоговой, внешнеэкономической и иной хозяйственной деятельности. Вместе с тем система экономических преступлений не исчерпывается указанной главой УК РФ.

Система экономических преступлений формируется по функциональному признаку – в зависимости от того, какие элементы экономического оборота нарушаются: производство, распределение, обмен, потребление, финансовое обеспечение и государственное регулирование экономики.

Связь между элементами системы проявляется в том, что одно и то же деяние нередко затрагивает сразу несколько экономических отношений, что обусловливает комплексный характер экономической преступности.

Тем не менее, существуют проблемы и коллизии. Разные критерии классификации, разная оценка тяжести деяния, отсутствие единого определения экономического преступления создают неопределенность в уголовном праве. Кроме того, преступления часто совершаются на «стыке» гражданско-правовой, налоговой и хозяйственной деятельности, что затрудняет однозначную квалификацию и приводит к юридической неопределенности. Из-за отсутствия универсального подхода одни и те же действия разные эксперты могут относить к разным категориям. Это усложняет работу следствия и судов: не всегда понятно, как квалифицировать деяние, по какой статье кодекса? Одно и то же экономическое нарушение может оцениваться поразному. С точки зрения общества – «мелкое мошенничество, никому не вредно», с точки зрения государства – «существенный ущерб бюджету», с точки зрения юриста – «требует квалификации по уголовной статье». В результате один и тот же поступок может считаться преступлением в одном случае и проступком в другом.

Таким образом, понятие, система и классификация экономических преступлений требуют дальнейшего совершенствования. Проблемы классификации, разная оценка тяжести, отсутствие единого определения и «стык» правовых сфер создают ситуацию, когда: не всегда понятно, что считать преступлением, не всегда понятно, по какой статье уголовного закона квалифицировать деяние, органы правопорядка и суды сталкиваются с правовой неопределённостью.

В итоге это может вести к неравномерной практике применения закона, снижению доверия к уголовному праву в экономической сфере и трудностям в борьбе с экономической преступностью.

При анализе материалов выявлена проблема отсутствия единого законодательного определения экономического преступления, что порождает множественность классификаций. Но самая актуальная по мнению автора статьи –классификация А.А. Бочкова, предусматривающая 9 основных групп:

1) преступления должностных лиц, нарушающие гарантии и свободы предпринимательской деятельности (например, воспрепятствование законной деятельности);

2) преступления, нарушающие общий порядок осуществления предпринимательской деятельности (незаконное предпринимательство);

3) преступления против интересов кредиторов (незаконное получение кредита);

4) преступления, связанные с монополизмом и недобросовестной конкуренцией;

5) преступления против порядка обращения денег и ценных бумаг;

6) преступления против порядка внешнеэкономической деятельности;

7) преступления против порядка обращения валютных ценностей;

8) преступления против порядка уплаты налогов и обязательных платежей;

9) преступления против прав потребителей [1].

Такой подход учитывает разнообразие экономических отношений, позволяет увязать классификацию с реальной сферой хозяйственной деятельности и строить правоприменительную практику на основе непосредственного объекта посягательства. Разные критерии классификации, разная оценка тяжести деяния, отсутствие единого определения экономического преступления создают неопределенность в уголовном праве. Кроме того, преступления часто совершаются на стыке гражданско-правовой, налоговой и хозяйственной деятельности, что затрудняет однозначную квалификацию и приводит к юридической неопределенности.

Следующим проблемным моментом является наличие правовых, статистических и криминологических коллизий. Разберем несколько примеров.

В теории уголовного права выделяют преступления, совершаемые субъектами предпринимательской деятельности, обладающими признаками самостоятельности, систематичности, риска и направленными на получение дохода от своей деятельности. На практике же суды часто сталкиваются с коллизиями: где провести грань между легальной предпринимательской деятельностью и уголовно наказуемым деянием. В экономике вред часто выражен цифрами и бухгалтерскими показателями. Его тяжесть трудно оценить сразу: убыток может быть «теоретическим» или возникнуть позже. Действие может затрагивать одновременно: гражданско-правовые отношения (договора, сделки), налоговое право, хозяйственное регулирование ив такой ситуации сложно определить приоритетность правовой нормы [7, с. 180]. Предприниматель может действовать с целью прибыли, но без злого умысла. Для уголовного права важен умысел, а его оценка субъективна. В экономических преступлениях это означает, что человек знал, что его действия нарушают закон, предвидел последствия, например, ущерб бюджету или партнёрам, и стремился к этим последствиям или безразлично к ним относился.

Умысел нельзя измерить цифрами или документами напрямую – его не видно физически. Суд должен выяснять намерения человека, а это зависит от его слов, поведения, переписки, финансовых операций [5]. Предприниматель мог действовать ради прибыли, но считать свои действия законными, тогда умысел на преступление отсутствует. Иногда «злой умысел» скрыт за сложными схемами, и доказать его сложно. Например, человек создал офшорную компанию, чтобы «оптимизировать налоги». Если он предполагал нарушение закона, это умысел. Если просто не понимал тонкостей законодательства – умысел отсутствует. В экономических преступлениях умысел – ключевой элемент, но его сложно доказать. Поэтому в практике уголовного права часто используют системные критерии: регулярность действий, наличие обмана, корыстный мотив, скрытность схемы [4, с. 250]. Они помогают «объективизировать» оценку субъективного умысла.

Например, в судебной практике встречаются ситуации, когда лицо было обвинено в незаконной предпринимательской деятельности, хотя фактически оно совершало единичные сделки или действовало без систематической цели извлечения прибыли. В деле Ардонского суда Северной Осетии подсудимого осудили за покушение на незаконное предпринимательство с реализацией этилового спирта, хотя суд не установил систематичность действий и размер доходах [9]. В другом деле, в Омске, бухгалтера туристического агентства признали предпринимателем, хотя она выполняла трудовые обязанности и не имела признаков самостоятельности [10].

К криминологическим коллизиям можно отнести специальный субъект (должностные лица, предприниматели), организованный и трансграничный характер преступлений. Причины – слабый государственный контроль и 127 изменений в главе 22 УК РФ за 15 лет, создающие правовую неопределенность.

Говоря о технологических коллизиях, присутствует рост цифровых преступлений (darknet, криптовалюта – +8% в 2024 г.) выявил пробелы статей 272-274 УК РФ. Анализ зарубежного опыта показал преимущество зарубежного ряда стран США (FinCEN), ЕС (AMLD6), Сингапур (Tax Risk Platform) которые используют превентивный контроль и комплаенс, в отличие от реактивного подхода в РФ.

Выводы

Указанные коллизии свидетельствуют, что экономические преступления дестабилизируют экономическую функцию государства, нарушая ее устойчивость и способность насыщать социальную функцию – обеспечение благосостояния и социальной справедливости граждан. Это квалифицируется как посягательство на конституционные основы государства.

Для устранения выявленных проблем предлагается:

1. Закрепить в УК РФ определение: «Экономические преступления – деяния глав 21-23, посягающие на экономическую функцию государства» с девятью группами по А.А. Бочкову.

2. Ввести критерии умысла, в следующей редакции: «… умыслом признается систематичность действий и ущерб свыше 1 млн руб.».

3. Дополнить главу 22 УК РФ статьей о криптовалютном мошенничестве; внедрить FinTech-надзор по модели Сингапура.

4. Установить штрафы в размере многократного дохода от преступления (увеличение в 1,5-5 раз к 2026 г.).

Список источников

1. Бочков А.А. Теоретическая модель уголовно-правовой охраны экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Витебск, 2025. 180 с.

2. Быковская Ю.В. Современные тенденции преступности экономической направленности в Российской Федерации // Вестник криминологии. 2024. № 2 (72). С. 45 – 56.

3. Вытовтов А.Е. Еще раз к понятию экономических преступлений в российском уголовном законодательстве // Юридическая наука. 2023. № 4. С. 112 – 120.

4. Гусаков Ю.В. Экономические преступления: монография. М.: Strategy24, 2025. 250 с.

5. Карязов Н.В. Особенности досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия Росгвардии, 2025. 180 с. URL: https://academy.rosguard.gov.ru/uploads/2025/11/polnyjj_tekst_disseprtacii_karyazova_nv.pdf (дата обращения: 04.05.2026)

6. Котлячкова Н.В. Оценка экономических преступлений в регионах России // Экономика и право. 2024. Т. 18. № 1. С. 78 – 89.

7. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности (глава 22 УК РФ): учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрлитинформ, 2021. 496 с.

8. РИА новости. URL: https://ria.ru/20250316/prestupleniya-2005259392.html

9. Показатели преступности России / Генеральная прокуратура РФ. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/crimestat/ (дата обращения: 04.05.2026)

10. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2025 г. № 45-АД25-1-К7: об обзоре практики по ст. 171 УК РФ // Гарант. 2025https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411516219/ (дата обращения: 04.05.2026)

References

1. Bochkov A.A. Theoretical Model of Criminal-Legal Protection of Economic Activity: Dis. ... Cand. of Law. Vitebsk, 2025. 180 p.

2. Bykovskaya Yu.V. Current Trends in Economic-Related Crime in the Russian Federation. Criminology Bulletin. 2024. No. 2 (72). P. 45 – 56.

3. Vytovtov A.E. Once Again on the Concept of Economic Crimes in Russian Criminal Legislation. Legal Science. 2023. No. 4. P. 112 – 120.

4. Gusakov Yu.V. Economic Crimes: Monograph. Moscow: Strategy24, 2025. 250 p.

5. Karyazov N.V. Features of Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases Concerning Economic Crimes: Dis. ... Cand. Jurid. Sciences. Moscow: Academy of the Russian Guard, 2025. 180 p. URL: https://academy.rosguard.gov.ru/uploads/2025/11/polnyjj_tekst_disseprtacii_karyazova_nv.pdf (date of access: 04.05.2026)

6. Kotlyachkova N.V. Assessment of Economic Crimes in the Regions of Russia. Economy and Law. 2024. Vol. 18. No. 1. P. 78 – 89.

7. Lopashenko N.A. Crimes in the Sphere of Economic Activity (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation): textbook. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurlitinform, 2021. 496 p.

8. RIA Novosti. URL: https://ria.ru/20250316/prestupleniya-2005259392.html

9. Crime Indicators in Russi. Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/activity/crimestat/ (date of access 04.05.2026)

10. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of February 7, 2025 No. 45-AD25-1-K7: on a review of practice under Article 171 of the Criminal Code of the Russian Federation. Garant. 2025 https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411516219/ (date of access: 04.05.2026)

Информация об авторе

Яценко А.М., преподаватель, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, pravo777pravo@mail.ru

© Яценко А.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 347.7:336.76
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-419-428

Роль Банка России в системе защиты инвесторов при недостоверном раскрытии информации эмитентом: частноправовое значение регуляторных решений

[1] Газизуллин Р.И.

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: в статье исследуется частноправовое значение решений Банка России, принимаемых при выявлении нарушений раскрытия информации эмитентами на рынке ценных бумаг. Цель исследования состоит в определении того, каким образом регуляторное установление факта недостоверного, неполного или несвоевременного раскрытия информации может использоваться инвестором при защите имущественных интересов в гражданско-правовом споре с эмитентом. Для достижения указанной цели раскрывается правовая природа обязанности эмитента по предоставлению достоверных сведений, анализируется связь между раскрытием информации и формированием инвестиционного решения, рассматриваются полномочия Банка России по выявлению нарушений в данной сфере, а также определяется место решений регулятора в доказывании противоправности поведения эмитента. В статье обосновывается вывод о том, что решение Банка России не подменяет судебную оценку гражданско-правовой ответственности и не освобождает инвестора от доказывания убытков, причинной связи и влияния раскрытых сведений на инвестиционное решение. Вместе с тем такое решение может подтверждать факт нарушения специальных требований раскрытия, характер информационного нарушения и период его существования. Практическое значение исследования заключается в возможности использования сформулированных выводов при подготовке правовой позиции инвестора и оценке доказательств по спорам, связанным с недостоверным раскрытием информации эмитентом.

Ключевые слова: Банк России, инвестор, эмитент, раскрытие информации, недостоверная информация, ценные бумаги, убытки, регуляторное решение, гражданско-правовая ответственность

Для цитирования: Газизуллин Р.И. Роль Банка России в системе защиты инвесторов при недостоверном раскрытии информации эмитентом: частноправовое значение регуляторных решений // Современный ученый. 2026. № 10. С. 419 – 428. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-419-428

Поступила в редакцию: 20 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

The role of the Bank of Russia in the investor protection system in case of unreliable disclosure of information by the issuer: the private law significance of regulatory decisions

[1] Gazizullin R.I.

[1] Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article examines the private law significance of decisions of the Bank of Russia adopted when disclosure violations by issuers in the securities market are identified. The purpose of the study is to determine how the regulatory establishment of unreliable, incomplete or untimely disclosure may be used by an investor to protect property interests in a civil dispute with an issuer. To achieve this purpose, the article analyzes the legal nature of the issuer's obligation to provide reliable information, the relationship between information disclosure and investment decision-making, the powers of the Bank of Russia to identify such violations, and the role of regulatory decisions in proving the wrongfulness of the issuer's conduct. The article substantiates the conclusion that a decision of the Bank of Russia does not replace judicial assessment of civil liability and does not exempt the investor from proving damages, causation and the impact of disclosed information on the investment decision. However, such a decision may confirm the fact of a violation of special disclosure requirements, the nature of the information violation and the period of its existence. The practical significance of the research lies in the possibility of using the formulated conclusions when preparing the investor's legal position and assessing evidence in disputes related to unreliable disclosure by the issuer.
Keywords: Bank of Russia, investor, issuer, information disclosure, false information, securities, losses, regulatory decision, civil liability

For citation: Gazizullin R.I. The role of the Bank of Russia in the investor protection system in case of unreliable disclosure of information by the issuer: the private law significance of regulatory decisions. Modern Scientist. 2026. 10. P. 419 – 428. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-419-428

The article was submitted: May 20, 2026; Approved after reviewing: June 17, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Современный рынок ценных бумаг следует рассматривать не только как совокупность сделок по приобретению, отчуждению или удержанию финансовых инструментов, но и как институционально организованную информационно-правовую среду, в пределах которой инвестиционное решение формируется под воздействием сведений об эмитенте, его финансовом положении, корпоративных событиях, рисках, существенных фактах и иных обстоятельствах, способных повлиять на цену ценной бумаги и правомерные ожидания инвестора. В связи с этим раскрытие информации приобретает одновременно публично-правовое и частноправовое значение, а недостоверные, неполные либо вводящие в заблуждение сведения нарушают не только установленный государством порядок функционирования финансового рынка, но и имущественный интерес инвестора, который совершает сделку или отказывается от ее совершения в условиях искаженной информационной основы.

Указанный вывод следует из статьи 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», где раскрытие информации определяется как «обеспечение ее доступности всем заинтересованным в этом лицам» (Федеральный закон № 39-ФЗ, ст. 30, п. 1) [1], и такая законодательная формула подчеркивает, что раскрываемые сведения адресованы не только профессиональным участникам рынка, но и инвесторам, для которых опубликованная информация становится основой экономического волеобразования. Одновременно закон устанавливает, что «общедоступной информацией на рынке ценных бумаг признается информация, не требующая привилегий для доступа к ней» (Федеральный закон № 39-ФЗ, ст. 30, п. 2) [1], а значит, правовой смысл раскрытия заключается не в формальном размещении документа, а в обеспечении равного доступа к юридически значимым сведениям для всех заинтересованных лиц.

Структура раскрытия информации также подтверждает системный характер рассматриваемой обязанности, так как при регистрации проспекта ценных бумаг эмитент раскрывает информацию в форме «отчета эмитента», бухгалтерской отчетности и сообщений о существенных фактах [1], и именно совокупность ука-

занных источников образует информационный массив, на основании которого инвестор оценивает правовые и экономические риски вложения. Следовательно, недостоверность раскрытия способна затрагивать не только отдельный документ, но и всю информационную основу инвестиционного решения, а отчет эмитента, финансовая отчетность и сообщения о существенных фактах выполняют различные, но взаимосвязанные функции в механизме оценки инвестиционного риска.

В обозначенной системе особое место занимает Банк России, который выступает не только органом, устанавливающим и применяющим публично-правовые требования к раскрытию информации, но и субъектом, решения которого могут приобретать значение в последующем гражданско-правовом споре между инвестором и эмитентом. Двойственная роль Банка России определяется тем, что официальный регулятор выявляет нарушение, квалифицирует его как дефект раскрытия и фиксирует его в акте или информационном сообщении, а инвестор, не имеющий доступа к внутренним документам эмитента и механизмам подготовки корпоративной информации, получает возможность использовать регуляторное решение как элемент своей доказательственной позиции.

Актуальность настоящего исследования обусловлена разрывом между публично-правовым выявлением нарушения и частноправовым восстановлением имущественного положения инвестора, и решение Банка России само по себе не заменяет гражданско-правовой иск, однако оно не должно рассматриваться как юридически нейтральный документ, не влияющий на спор о возмещении убытков. Поэтому научная проблема статьи состоит в определении значения регуляторных решений Банка России для гражданско-правовой защиты инвестора при недостоверном раскрытии информации эмитентом, а также в выявлении пределов такого значения, и автоматическое взыскание убытков только на основании решения регулятора противоречило бы природе гражданско-правовой ответственности, тогда как полное игнорирование такого решения обесценивало бы публичный надзор.

Целью статьи является определение частноправового значения решений Банка России в системе защиты инвесторов при недостоверном раскрытии информации эмитентом, а задачами исследования выступают раскрытие юридической природы обязанности эмитента по достоверному раскрытию информации, характеристика регуляторных полномочий Банка России, анализ связи между публично-правовым выявлением нарушения и гражданско-правовой ответственностью эмитента, а также обоснование подхода к использованию решений Банка России при доказывании нарушения специальной информационной обязанности эмитента, убытков инвестора и причинной связи между раскрытием недостоверных сведений и имущественными последствиями.

Материалы и методы исследований

Материалы исследования составляют положения Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [1], Федерального закона от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» [2], Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации» [3], Положения Банка России от 27 марта 2020 г. № 714-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» [4], официальные материалы Банка России о нарушениях требований законодательства Российской Федерации в части раскрытия информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг [5; 6], а также научные труды Р.Р. Ганеева [7], И.В. Кривоноговой [8], И.Ю. Пащенко [12], А.В. Самигулиной [13; 14], А.С. Селивановского [15], К.С. Тихоновой [16], Е.Н. Фролкиной [17], Ф.И. Хамидуллиной, Л.З. Газизуллиной [18], М.Г. Холкиной [19], А.Н. Шаньшина и И.П. Юр [20], Е.Е. Якушевой [21], в которых раскрываются вопросы защиты прав инвесторов, информационной прозрачности эмитентов, правового статуса Банка России и гражданско-правовой ответственности на рынке ценных бумаг. Обращение к указанным источникам обусловлено тем, что исследуемая проблема имеет двойственную правовую природу: обязанность эмитента по раскрытию информации формируется в публично-правовом режиме финансового регулирования, однако нарушение этой обязанности может затрагивать имущественный интерес инвестора и становиться основанием для гражданско-правового спора. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, функциональный и сравнительно-правовой подходы, применение которых позволило проанализировать нормы о раскрытии информации, определить связь между решениями Банка России и гражданско-правовой защитой инвесторов, а также выявить доказательственное значение регуляторных решений в спорах с эмитентами.

Результаты и обсуждения

Раскрытие информации на рынке ценных бумаг следует рассматривать не только как публично-правовую обязанность эмитента, но и как частноправовое условие формирования инвестиционного реше-

ния, так как инвестор приобретает, отчуждает или удерживает ценные бумаги на основании тех сведений, которые эмитент раскрывает в установленном законом порядке. Достоверность раскрываемой информации в таком контексте выступает не техническим требованием к корпоративной публикации, а элементом правового режима инвестиционного оборота, и нарушение такого режима способно повлиять на оценку финансового положения эмитента, корпоративных рисков, существенных фактов и экономической целесообразности вложения. Этот вывод подтверждается нормами статьи 30 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», где раскрытие информации определяется как «обеспечение ее доступности всем заинтересованным в этом лицам» [1], а общедоступная информация характеризуется как информация, «не требующая привилегий для доступа к ней» [1]. Следовательно, раскрытие информации направлено не только на формальное размещение корпоративных документов, но и на обеспечение равного доступа инвесторов к сведениям, от которых зависит их экономическое волеобразование, и поэтому недостоверное раскрытие нарушает не только публичный порядок финансового рынка, но и имущественный интерес лица, принимающего инвестиционное решение в условиях искаженной информационной основы.

Связь между раскрытием информации и частноправовым положением инвестора получает развитие в специальном регулировании сообщений о существенных фактах, и Положение Банка России № 714-П относит к таким фактам сведения, которые «могут оказать существенное влияние» на стоимость ценных бумаг или на решение о приобретении либо отчуждении ценных бумаг [4]. Следовательно, регулятор прямо связывает раскрытие существенной информации не только с публичным порядком функционирования рынка, но и с поведением инвестора, который оценивает стоимость ценных бумаг и принимает имущественное решение на основании доступных ему сведений, а потому недостоверность раскрываемой информации затрагивает не отдельный корпоративный документ, а информационную основу инвестиционного решения. Такой подход согласуется с позицией Е.Е. Якушевой, которая характеризует современное регулирование через «трансформацию информационной прозрачности российских эмитентов ценных бумаг после введения иностранными государствами и международными организациями санкционных ограничений» [20], и для настоящего исследования эта позиция важна тем, что режим раскрытия информации рассматривается как изменяющийся правовой механизм доступа к сведениям об эмитенте, однако даже при изменении объема раскрываемой информации сохраняется вопрос о том, вправе ли инвестор полагаться на опубликованные сведения при принятии решения о приобретении, отчуждении или удержании ценных бумаг.

Из указанного следует переход к проблеме защиты инвестора, так как недостоверное раскрытие информации приобретает юридическое значение именно тогда, когда оно влияет на имущественную сферу лица, действующего на рынке ценных бумаг. В научной литературе такая связь раскрывается через категорию защиты инвестора, и Е.Н. Фролкина прямо определяет предмет анализа через «рассмотрение различных способов защиты прав инвестора на рынке ценных бумаг» и исследование «правовых механизмов защиты интересов инвестора» [17], поэтому раскрытие информации не следует ограничивать административным режимом эмиссионного рынка, так как оно одновременно выполняет предварительную защитную функцию: до совершения сделки оно обеспечивает инвестору возможность оценки риска, а после нарушения становится исходным фактом для построения требования о возмещении убытков. Именно в этой точке регуляторное решение Банка России приобретает частноправовое значение, так как оно позволяет инвестору связать общий публично-правовой дефект раскрытия с индивидуальным имущественным последствием.

В системе регулирования раскрытия информации Банк России занимает особое положение, поскольку регулятор выполняет не только нормотворческую и надзорную функции, но и функцию официальной фиксации нарушений, которые в дальнейшем могут использоваться инвесторами и судами. Банк России в перечне нарушений требований законодательства Российской Федерации в части раскрытия информации эмитентами прямо выделяет такие виды нарушений, как «Информация не раскрыта», «Информация раскрыта позже установленного срока» и «Раскрыта недостоверная или неполная информация» [5], и такая классификация позволяет рассматривать нарушение раскрытия не как оценочное утверждение инвестора, а как установленный регулятором вид ненадлежащего информационного поведения эмитента. Частноправовое значение указанной регуляторной оценки подтверждается Федеральным законом № 46-ФЗ, который определяет своей целью «обеспечение государственной и общественной защиты прав» инвесторов [2], а также закрепляет обязательность предписаний Банка России для соответствующих лиц [2]. Поэтому решение или предписание Банка России не подменяет судебное установление гражданско-правовой ответственности, однако может подтверждать факт нарушения специальных требований раскрытия информации, характеризовать содержание такого нарушения и использоваться инвестором как доказательство противоправности поведения эмитента.

Дальнейшее значение регуляторного решения раскрывается через нормы об ответственности эмитента, так как статья 51 Федерального закона «О рынке ценных бумаг» устанавливает, что «вред, причиненный в результате нарушения» законодательства о ценных бумагах, подлежит возмещению по правилам гражданского законодательства [1], прямо закрепляя, что «эмитент несет ответственность за убытки» инвестора вследствие раскрытия или предоставления недостоверной, неполной либо вводящей в заблуждение информации [1]. Сходная логика выражена в Федеральном законе № 46-ФЗ, где лица, подписавшие проспект эмиссии ценных бумаг, «несут солидарно субсидиарную ответственность» за ущерб, причиненный инвестору вследствие недостоверной или вводящей в заблуждение информации в проспекте [2]. Эти положения показывают, что недостоверность раскрытия информации не является второстепенным нарушением порядка публикации, а способна стать основанием имущественной ответственности, однако такая ответственность не возникает автоматически, так как инвестор должен доказать наличие убытков, причинную связь и влияние спорной информации на свое инвестиционное решение.

Именно поэтому доктринальный подход к гражданско-правовой ответственности имеет принципиальное значение для оценки решений Банка России. В этой связи, Р.Р. Ганеев указывает, что специфика соответствующих отношений обусловлена «необходимостью восстановления (компенсации) имущественной сферы субъекта рынка ценных бумаг» [7], и это положение позволяет рассматривать ответственность эмитента за недостоверное раскрытие не как механическое применение общей нормы об убытках, а как специальный способ восстановления имущественного положения инвестора, пострадавшего от информационного нарушения. Вместе с тем тот же подход не допускает подмены гражданско-правового состава одним только фактом регуляторного выявления нарушения, так Р.Р. Ганеев связывает основание ответственности с «составом гражданского правонарушения» и выделяет среди его условий противоправность, вред, причинную связь и вину [7]. Следовательно, решение Банка России не заменяет весь предмет доказывания, но оно может иметь особое значение для подтверждения противоправности поведения эмитента, ведь именно регулятор обладает специальной компетенцией по оценке соблюдения правил раскрытия информации.

При определении частноправового значения недостоверного раскрытия информации необходимо учитывать, что нарушение специальных требований рынка ценных бумаг может выходить за пределы публично-правового контроля и становиться основанием гражданско-правового требования инвестора к эмитенту. В этом отношении применим вывод Р.Р. Ганеева о том, что «предметом правового регулирования субинститута гражданско-правовой ответственности за нарушения в сфере рынка ценных бумаг являются отношения-притязания, возникающие в результате столкновения интересов отдельных субъектов этого рынка и нарушения правопорядка» [7]. Такая позиция позволяет рассматривать недостоверное раскрытие информации не только как нарушение порядка раскрытия сведений, но и как юридический факт, способный повлечь имущественное притязание инвестора, если раскрытые эмитентом сведения повлияли на приобретение, отчуждение или удержание ценных бумаг. В этой связи решение Банка России не следует оценивать как самостоятельное основание для взыскания убытков, однако оно может иметь доказательственное и квалифицирующее значение, поскольку подтверждает факт нарушения специальной информационной обязанности эмитента, указывает на характер выявленного нарушения, обозначает период существования недостоверной или неполной информации и помогает разграничить обычный инвестиционный риск от ситуации, при которой инвестор принимал имущественное решение под воздействием недостоверных, неполных или вводящих в заблуждение сведений.

Связь между публичной ролью регулятора и частноправовой защитой подтверждается и современной научной оценкой статуса Банка России. А.В. Самигулина выносит в центр анализа именно «роль мегарегулятора в сфере защиты прав потребителей» [13], и такая постановка вопроса позволяет рассматривать Банк России не как внешний административный орган, а как публичный институт, задающий обязательные ориентиры поведения для участников финансового рынка. В близкой логике А.С. Селивановский, анализируя положение розничного инвестора, ставит вопрос о формировании «дополнительных механизмов защиты слабой стороны» [15], а применительно к спору инвестора с эмитентом эта характеристика приобретает особый вес, так как инвестор не участвует в подготовке раскрываемых документов, не контролирует их достоверность и обычно не имеет доступа к внутренним источникам корпоративной информации. Поэтому регуляторное решение Банка России частично компенсирует информационное неравенство сторон, и в гражданско-правовом процессе оно может использоваться как официальное подтверждение обстоятельств, которые инвестор самостоятельно установить не способен.

Вместе с тем современный режим раскрытия информации осложняется санкционными и контрсанкционными факторами, а потому вопрос о недостоверном раскрытии не может рассматриваться вне общего изменения информационного режима финансового рынка. И.Ю. Пащенко отмечает, что понятие «контр-

санкционная информация» появилось в законодательстве в связи с усилением санкционного давления (в том числе в связи с необходимостью ограничения распространения сведений, раскрытие которых может повлечь неблагоприятные последствия для российских лиц) [12], и применительно к рынку ценных бумаг это означает необходимость одновременного учета двух задач: защиты эмитента от чрезмерного раскрытия чувствительных сведений (например, сведений о структуре владения, отдельных контрагентах, корпоративных действиях или финансовых показателях, раскрытие которых может усилить санкционные риски) и защиты инвестора от ситуации, при которой ограничение раскрытия превращается в неполное или вводящее в заблуждение информирование рынка. Поэтому решения Банка России о маркировке бумаг эмитентов, ограничивающих раскрытие информации (то есть о специальном указании на повышенную информационную неопределенность по отдельным ценным бумагам), имеют значение для настоящей темы, так как регулятор прямо связывает недостаточное раскрытие с невозможностью полноценной оценки рисков вложений и реализации прав по ценным бумагам [6]. Такая маркировка не тождественна установлению недостоверности раскрытия, однако она демонстрирует общий вектор регулирования: Банк России не только реагирует на уже совершенные нарушения, но и предупреждает инвестора о повышенной информационной неопределенности (в частности, о том, что инвестор принимает решение при ограниченном доступе к сведениям об эмитенте).

Проблематика недостоверного раскрытия информации непосредственно связана с информационным неравенством между эмитентом и инвестором, поскольку эмитент формирует и раскрывает сведения о своем финансовом положении, корпоративных событиях и существенных фактах, а инвестор, как правило, не имеет доступа к внутренним документам общества и вынужден принимать имущественное решение на основании опубликованной информации. В этом отношении применима позиция К.С. Тихоновой, которая указывает, что «информационная асимметрия служит основой этого противостояния. Несмотря на закрепленное в ст. 91 Закона об АО право на информацию, его реализация для владельцев пакетов менее 25% акций существенно ограничена» [16], и данный вывод имеет значение для настоящего исследования, поскольку инвестор не участвует в подготовке раскрываемых сведений, не контролирует их достоверность и обычно не способен самостоятельно установить момент возникновения информационного нарушения, его содержание и период влияния на рынок. Сходный подход выражен И.В. Кривоноговой, по мнению которой «современный рынок ценных бумаг – это фактически рынок информации, где все инвестиционные решения принимаются на основе доступной инвестору информации» [8], а значит, недостоверное раскрытие следует рассматривать не как технический недостаток корпоративной публикации, а как нарушение информационной основы инвестиционного решения, поскольку инвестор оценивает эмитента, стоимость ценных бумаг и возможные риски именно через раскрытые сведения.

Эта же логика подтверждается практическим анализом раскрытия информации при обращении облигаций, где отмечается, что «мониторинг раскрываемой эмитентом информации проводят инвесторы, представитель владельцев облигаций, а также Банк России и биржа» [10], и такое понимание позволяет рассматривать раскрытие информации не только как обязанность эмитента, но и как механизм постоянного контроля со стороны участников рынка и публичных институтов. Особое значение указанная проблема приобретает в условиях ограничения раскрытия информации отдельными эмитентами, поскольку Банк России прямо указывает, что «обратная сторона таких ограничений – информационная асимметрия на публичном рынке капитала» [6], а значит, инвестор оказывается в ситуации ограниченного доступа к сведениям, необходимым для оценки рисков вложения и реализации прав по ценным бумагам. Поэтому решение Банка России в подобных спорах следует рассматривать как инструмент частичного преодоления информационного неравенства: оно не заменяет судебное установление убытков и причинной связи, но может подтверждать факт нарушения требований раскрытия, характер выявленного информационного нарушения и период, в течение которого инвестор мог принимать решение под воздействием недостоверных, неполных или вводящих в заблуждение сведений.

С учетом изложенного представляется целесообразным развивать более определенный подход к использованию решений Банка России в гражданско-правовых спорах инвесторов с эмитентами, возникающих вследствие недостоверного, неполного или несвоевременного раскрытия информации, причем речь должна идти не о придании решению регулятора силы судебного акта и не о введении автоматического взыскания убытков, а о признании его специального доказательственного значения в пределах тех обстоятельств, которые были установлены Банком России. Гражданско-правовая ответственность по-прежнему требует самостоятельного установления всех необходимых условий (противоправности поведения эмитента, наличия убытков у инвестора, причинной связи между нарушением раскрытия и имущественными потерями, а также значения спорных сведений для конкретного инвестиционного решения), однако решение Банка России,

предписание, сообщение регулятора или иной официальный материал, в котором зафиксировано нарушение требований раскрытия информации, не должно рассматриваться как документ, имеющий значение исключительно для публичного надзора. В гражданско-правовом споре такой акт может выполнять самостоятельную доказательственную функцию, поскольку он подтверждает факт нарушения специальной информационной обязанности эмитента, указывает на характер выявленного нарушения (нераскрытие информации, нарушение срока раскрытия, раскрытие недостоверных сведений либо предоставление неполной информации) и позволяет инвестору опираться не только на собственную оценку поведения эмитента, но и на официальную позицию компетентного публичного субъекта.

Для повышения практической значимости регуляторных решений необходимо, чтобы материалы Банка России о нарушениях раскрытия информации содержали более точную фиксацию обстоятельств, имеющих значение не только для надзорного реагирования, но и для последующего гражданско-правового спора, поскольку именно детализация установленного нарушения позволяет связать публично-правовую оценку поведения эмитента с имущественными последствиями для инвестора. К таким обстоятельствам следует относить вид нарушения, содержание недостоверных, неполных или несвоевременно раскрытых сведений, дату первоначального раскрытия информации, период существования нарушения, дату его выявления, дату исправления или уточнения сведений эмитентом, а также источник спорной информации (отчет эмитента, бухгалтерскую отчетность, сообщение о существенном факте, проспект ценных бумаг или иной раскрываемый документ). Такая детализация не означает, что Банк России должен устанавливать размер убытков инвестора или причинную связь вместо суда, однако она формирует более точную доказательственную основу для последующего разбирательства, поскольку содержание спорных сведений, временные границы нарушения и характер информационного дефекта позволяют определить, мог ли инвестор принять решение о приобретении, отчуждении или удержании ценных бумаг под воздействием недостоверной либо неполной информации.

Отдельного внимания требует процессуальное значение регуляторных материалов Банка России, поскольку в гражданско-правовом споре суд должен оценивать не только факт наличия решения или предписания регулятора, но и его содержание, предмет проверки, пределы установленных обстоятельств и связь выявленного нарушения с теми сведениями, на которые ссылается инвестор. Если Банк России установил факт недостоверного раскрытия информации, такой акт может подтверждать противоправность поведения эмитента в части нарушения специальных требований финансового рынка, однако он не освобождает инвестора от доказывания того, что спорные сведения были существенными для его решения о приобретении, отчуждении или удержании ценных бумаг, а также не устраняет необходимость оценки иных факторов, которые могли повлиять на стоимость ценных бумаг (рыночной конъюнктуры, корпоративных событий, изменения финансовых показателей эмитента, внешних экономических обстоятельств). В связи с этим наиболее обоснованным является подход, при котором регуляторное решение признается доказательством повышенной значимости в части факта и характера нарушения, а вопросы размера убытков, причинной связи, периода влияния информации и индивидуального поведения инвестора остаются предметом судебной оценки, что позволяет избежать как необоснованного автоматизма при взыскании убытков, так и ситуации, при которой официально выявленное нарушение раскрытия фактически не влияет на положение инвестора в споре с эмитентом.

В качестве авторского предложения представляется возможным закрепить более ясное доказательственное значение решений Банка России по делам о недостоверном, неполном или несвоевременном раскрытии информации, причем такое закрепление должно быть направлено не на замену судебного установления гражданско-правовой ответственности, а на более точное распределение доказательственной нагрузки между инвестором и эмитентом. Инвестор должен сохранять обязанность подтвердить факт приобретения, отчуждения или удержания ценных бумаг в релевантный период, размер имущественных потерь и связь своего решения с раскрытыми сведениями, однако при наличии решения Банка России о нарушении требований раскрытия именно эмитенту целесообразно предоставлять возможность опровергать влияние спорной информации на инвестиционное решение, доказывать отсутствие причинной связи либо указывать на иные факторы, повлиявшие на стоимость ценных бумаг независимо от нарушения раскрытия информации. Такой подход позволяет соединить публично-правовое выявление нарушения с частноправовым восстановлением имущественного положения инвестора, поскольку решение Банка России получает практическое значение в гражданско-правовом споре, но не превращается в самостоятельное основание для взыскания убытков и не лишает эмитента возможности представить возражения по существу заявленного требования.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что Банк России занимает центральное место в системе защиты инвесторов при недостоверном раскрытии информации эмитентом, однако его роль не должна сводиться только к публичному надзору, поскольку регуляторные решения способны иметь самостоятельное значение для гражданско-правовой защиты, и если эмитент раскрывает недостоверные, неполные или вводящие в заблуждение сведения, то нарушается информационная основа инвестиционного решения, а значит, возникает потенциальная связь между публичным нарушением и частноправовым требованием инвестора.

Решение Банка России не является автоматическим основанием для взыскания убытков, но оно может подтверждать факт нарушения, характер информационного дефекта и период его существования, а суд должен самостоятельно устанавливать размер убытков, причинную связь и влияние недостоверной информации на поведение конкретного инвестора, и именно такое соотношение позволяет сохранить баланс между публичным регулированием и частноправовой ответственностью, поскольку регулятор не подменяет суд, а его решение не превращается в формальную справку, лишенную практического значения.

Частноправовое значение регуляторных решений Банка России состоит в том, что они снижают доказательственную нагрузку инвестора, усиливают дисциплинирующий эффект требований раскрытия и позволяют связать публичное выявление нарушения с реальным механизмом имущественного восстановления, поэтому дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на более ясное закрепление доказательственного значения решений Банка России, развитие коллективных способов защиты инвесторов и формирование специальных подходов к расчету убытков при недостоверном раскрытии информации эмитентом.

Список источников

1. О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 17. Ст. 1918.

2. О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 05.03.1999 № 46-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 10. Ст. 1163.

3. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 28. Ст. 2790.

4. О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг: Положение Банка России от 27.03.2020 № 714-П // Вестник Банка России. 2020. № 35.

5. Банк России. Перечень нарушений требований законодательства Российской Федерации в части раскрытия информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/finmarket/issue/list_detected_violations/violations/ (дата обращения: 09.05.2026)

6. Банк России. Ценные бумаги эмитентов, ограничивающих раскрытие информации, будут обособляться [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=18685 (дата обращения: 09.05.2026)

7. Ганеев Р.Р. Гражданско-правовая ответственность за нарушения в сфере рынка ценных бумаг: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Казань, 2001. 28 с.

8. Кривоногова И.В. Обязательное раскрытие информации открытыми акционерными обществами: понятие, цель, принципы, порядок и сроки. Курган, 2009. С. 1 – 4.

9. Максимов И. Проблематика принудительного выкупа: глазами Банка России и инвесторов // Акционерное общество. 2021. № 4. С. 19 – 21.

10. Малиновский М., Румянцев Д., Горелова А. Жизнь облигаций после размещения – действия эмитента [Электронный ресурс]. URL: https://bondguide.moex.com/articles/life-bonds-after-placement/20 (дата обращения: 09.05.2026)

11. Мельникова Т.В., Монгуш А.Л. Принудительный выкуп ценных бумаг по требованию лица, которое приобрело более 95 % акций публичного общества // Право и экономика. 2021. № 1. С. 28 – 33.

12. Пащенко И.Ю. Контрсанкционная информация и ограничение распространения информации в условиях санкционного давления на Российскую Федерацию // NB: Административное право и практика администрирования. 2023. № 3. С. 45 – 54.

13. Самигулина А.В. Роль мегарегулятора в сфере защиты прав потребителей // Право и экономика. 2022. № 3. С. 13 – 21.

14. Самигулина А.В. Рынок ценных бумаг как инструмент ссудного капитала // Право и экономика. 2021. № 4. С. 55 – 61.

15. Селивановский А.С. Розничный инвестор на рынке ценных бумаг: договор с брокером // Закон. 2021. № 9. С. 67 – 93.

16. Тихонова К.С. Коллизии корпоративных прав мажоритарных и миноритарных участников // Гуманитарный научный вестник. 2025. № 11. С. 211 – 215.

17. Фролкина Е.Н. Защита прав инвесторов на рынке ценных бумаг: теоретические аспекты правового регулирования // Экономика. Налоги. Право. 2011. № 3. С. 125 – 132.

18. Хамидуллина Ф.И., Газизуллина Л.З. Токенизированные акции vs традиционные IPO: сравнительный анализ защиты прав инвесторов // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2026. Т. 168, кн. 3. С. 220 – 236. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2026.3.220-236

19. Холкина М.Г. Защита прав инвесторов в сфере рынка ценных бумаг: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Владивосток, 2009. 22 с.

20. Шаньшин А.Н., Юр И.П. Особенности и проблемы защиты прав инвесторов в сфере ценных бумаг // Вестник науки. 2026. № 4 (97). Т. 3. С. 937 – 944.

21. Якушева Е.Е. Раскрытие и предоставление информации эмитентами ценных бумаг в условиях санкций // Lex Russica. 2021. Т. 74. № 8. С. 110 – 117.

References

1. On the Securities Market: Federal Law of 22.04.1996 No. 39-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 17. Art. 1918.

2. On the Protection of the Rights and Legislative Interests of Investors in the Securities Market: Federal Law of 05.03.1999 No. 46-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 10. Art. 1163.

3. On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia): Federal Law of 10.07.2002 No. 86-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 28. Art. 2790.

4. On the disclosure of information by issuers of securities: Bank of Russia Regulation dated March 27, 2020 No. 714-P. Bank of Russia Bulletin. 2020. No. 35.

5. Bank of Russia. List of violations of the requirements of the legislation of the Russian Federation regarding the disclosure of information by issuers of securities [Electronic resource]. URL: https://www.cbr.ru/finmarket/issue/list_detected_violations/violations/ (date of access: 09.05.2026)

6. Bank of Russia. Securities of issuers restricting information disclosure will be isolated [Electronic resource]. URL: https://cbr.ru/press/event/?id=18685 (date of access: 09.05.2026)

7. Ganiev R.R. Civil Liability for Violations in the Securities Market: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences. Kazan, 2001. 28 p.

8. Krivonogova I.V. Mandatory Disclosure of Information by Open Joint-Stock Companies: Concept, Purpose, Principles, Procedure, and Timeframes. Kurgan, 2009. P. 1 – 4.

9. Maksimov I. The Problem of Compulsory Redemption: Through the Eyes of the Bank of Russia and Investors. Joint-Stock Company. 2021. No. 4. P. 19 – 21.

10. Malinovsky M., Rumyantsev D., Gorelova A. Life of Bonds after Placement – Actions of the Issuer [Electronic resource]. URL: https://bondguide.moex.com/articles/life-bonds-after-placement/20 (date of access: 09.05.2026)

11. Melnikova T.V., Mongush A.L. Compulsory redemption of securities at the request of a person who acquired more than 95% of the shares of a public company. Law and Economics. 2021. No. 1. P. 28 – 33.

12. Pashchenko I.Yu. Counter-sanction information and restrictions on the dissemination of information in the context of sanctions pressure on the Russian Federation. NB: Administrative law and administration practice. 2023. No. 3. P. 45 – 54.

13. Samigulina A.V. The role of the mega-regulator in the field of consumer protection. Law and Economics. 2022. No. 3. P. 13 – 21.

14. Samigulina A.V. The securities market as an instrument of loan capital. Law and Economics. 2021. No. 4. P. 55 – 61.

15. Selivanovsky A.S. Retail investor in the securities market: agreement with a broker. Law. 2021. No. 9. P. 67 – 93.

16. Tikhonova K.S. Conflicts of corporate rights of majority and minority participants. Humanitarian Scientific Bulletin. 2025. No. 11. P. 211 – 215.

17. Frolkina E.N. Protection of investors' rights in the securities market: theoretical aspects of legal regulation. Economy. Taxes. Law. 2011. No. 3. P. 125 – 132.

18. Khamidullina F.I., Gazizullina L.Z. Tokenized Shares vs. Traditional IPOs: A Comparative Analysis of Investor Rights Protection. Uchen. zap. Kazan. University. Series: Humanitarian Sciences. 2026. Vol. 168, book 3. P. 220 – 236. https://doi.org/10.26907/2541-7738.2026.3.220-236

19. Kholkina M.G. Protecting Investor Rights in the Securities Market: Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Law. Vladivostok, 2009. 22 p.

20. Shanshin A.N., Yur I.P. Features and problems of protecting investors' rights in the securities sector. Science Bulletin. 2026. No. 4 (97). Vol. 3. P. 937 – 944.

21. Yakusheva E.E. Disclosure and provision of information by securities issuers under sanctions. Lex Russica. 2021. Vol. 74. No. 8. P. 110 – 117.

Информация об авторе

Газизуллин Р.И., доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент, проректор по финансовой деятельности, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Rishat.Gazizullin@kpfu.ru

© Газизуллин Р.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 342.71
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-429-435

Устойчивая правовая связь лица с государством как основание приобретения гражданства: сравнительно правовой анализ моделей РФ и зарубежных стран

[1] Михайлова А.А.

[1] Московский ордена Почета университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Аннотация: в настоящей научной статье автор рассматривает особенности устойчивой правовой связи лица с государством как основания приобретения гражданства через сравнительно-правовой анализ моделей РФ и зарубежных стран. Автор научной работы кратко исследует характеристики устойчивой правовой связи на примере российского законодательства. Далее автор статьи анализирует отдельные способы приобретения гражданства в контексте различной степени выраженности устойчивой правовой связи в каждом из них. Данная научная статья, таким образом, будет полезна теоретикам, практикам, обучающимся и профессорско-преподавательскому составу гуманитарных и иных направлений подготовки, а также более широкому кругу читателей, интересующихся особенностями правового регулирования института гражданства в современном российском и зарубежном конституционном праве.
Ключевые слова: гражданство, конституционно-правовое регулирование, конституционное право, приобретение гражданства, конституционно-правовое содержание, общая характеристика

Для цитирования: Михайлова А.А. Устойчивая правовая связь лица с государством как основание приобретения гражданства: сравнительно правовой анализ моделей РФ и зарубежных стран // Современный ученый. 2026. № 10. С. 429 – 435. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-429-435

Поступила в редакцию: 24 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 21 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Stable legal connection of a person with the state as a basis for acquiring citizenship: a comparative legal analysis of models of the Russian Federation and foreign countries

[1] Mikhailova A.A.

[1] Moscow Order of Honor V.Ya. Kikot University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: in this scientific article, the author considers the features of a person's stable legal relationship with the state as the basis for acquiring citizenship through a comparative legal analysis of models of the Russian Federation and foreign countries. The author of the scientific work briefly examines the characteristics of a stable legal connection on the example of Russian legislation. Further, the author analyzes individual ways of acquiring citizenship in the context of different degrees of expression of a stable legal connection in each of them. This scientific article, therefore, will be useful for theorists, practitioners, students and teaching staff in the humanities and

other fields of study, as well as for a wider range of readers interested in the peculiarities of legal regulation of the institution of citizenship in modern Russian and foreign constitutional law.
Keywords: citizenship, constitutional and legal regulation, constitutional law, acquisition of citizenship, constitutional and legal content, general characteristics

For citation: Mikhailova A.A. Stable legal connection of a person with the state as a basis for acquiring citizenship: a comparative legal analysis of models of the Russian Federation and foreign countries. Modern Scientist. 2026. 10. P. 429 – 435. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-429-435

The article was submitted: May 24, 2026; Approved after reviewing: June 21, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Гражданство выступает одним из ключевых конституционно-правовых институтов для любого государства мира, а потому имеет стратегическое значение не только на национальном, но и на международно-правовом уровне. Гражданство выступает той самой базой для формирования полноценных правоотношений лица и государства в любой сфере общественной жизни, что подтверждается совокупностью взаимных прав и обязанностей, возникающих в процессе реализации данного института на практике и в большинстве случаев нормативно определено в положениях конституции конкретного государства мира. Иными словами, гражданство обеспечивает стабильность взаимодействия лица и государства, его отдельные характеристики позволяют делать такое взаимодействие максимально эффективным.

Объектом исследования являются особенности устойчивой правовой связи лица с государством как основания приобретения гражданства через сравнительно-правовой анализ моделей РФ и зарубежных стран.

Целью исследования является комплексный, последовательный анализ особенностей устойчивой правовой связи лица с государством как основания приобретения гражданства через сравнительно-правовой анализ моделей РФ и зарубежных стран.

Научная новизна исследования заключается в подготовке комплексного исследования, формировании авторских выводов относительно особенностей устойчивой правовой связи лица с государством как основания приобретения гражданства через сравнительно-правовой анализ моделей РФ и зарубежных стран.

Материалы и методы исследований

При написании статьи, автором применялись следующие методы научного познания: формально-юридический, компаративистский, сравнительный анализ, диалектический, обобщение, конкретизация, систематизация и системный метод, дедукция, иные методы теоретического и практического уровней научного познания.

Результаты и обсуждения

Основой правового регулирования института гражданства в России выступают нормы ст.ст. 6 и 7 Конституции РФ. В свою очередь, в п. 3 ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 28.04.2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве РФ» (далее – ФЗ «О гражданстве») гражданство РФ определяется как устойчивая правовая связь лица с РФ, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей [5; 9].

Таким образом, ключевой характеристикой института гражданства как такового выступает наличие устойчивой правовой связи лица с государством. В теории конституционного права конституционно-правовая сущность данной категории является актуальной для разного рода исследований, однако большинство ученых едины в своих позициях относительно данного вопроса [2; 8].

Кратко проанализируем сущность устойчивой правовой связи. Прежде всего, необходимо говорить о ее вневременном, постоянном, стабильном характере. Т.е., такая правовая связь не ограничена территориальными или временными границами, что можно наблюдать на примере граждан РФ, постоянно проживающих за пределами РФ. Наличие гражданства РФ по-прежнему делает для них актуальной возможность воспользоваться защитой российского государства, содействием в решении разного рода правовых, политических, социально-экономических вопросов. Именно устойчивость рассматриваемой правовой связи позволяет обеим сторонам правоотношений эффективно реализовывать взаимные права и обязанности в долгосрочной перспективе.

Вторая характеристика – это нормативная урегулированность, т.е., по сути, тот самый правовой характер устойчивой связи лица и государства. Как уже отмечалось ранее, основой правового регулирования

института гражданства в большинстве случаев выступает конституция государства, а также профильные нормативно-правовые источники. Кроме того, в систему правовой регламентации входят и другие акты, в т.ч. подзаконные, ведомственные, иные. В ряде случаев можно наблюдать наличие регламентации и на международном уровне (в частности, это двусторонние договоры и соглашения). Все это свидетельствует о наличии устойчивой комплексной базы правового регулирования института гражданства, а закрепление отдельных положений в нормах конституции государства подтверждает высокую конституционно-правовую значимость института в целом.

Третья характеристика заключается в возникновении у лица и государства совокупности взаимных прав и обязанностей, причем в самых разных сферах общественной жизни. К примеру, для гражданина РФ таковыми выступает пассивное и активное избирательное право (ст. 32 Конституции РФ), право на достоинство личности (ст. 21), право на свободное передвижение как внутри РФ, так и за ее пределами (ст. 27) и т.д. [5] В свою очередь, РФ оказывает поддержку соотечественникам, проживающим за рубежом, в осуществлении их прав, обеспечении защиты их интересов и сохранении общероссийской культуры идентичности. Существуют и иные права и обязанности обеих сторон правоотношений, их многогранность и разнообразие, по справедливому замечанию ученых-конституционалистов, подчеркивают, соответственно, и сложность, многогранность самого по себе института гражданства как такового [5].

Для отечественного законодателя, как уже отмечалось ранее, наличие устойчивой правовой связи между лицом и государством выступает ключевой характеристикой института гражданства вне зависимости от конкретных оснований его приобретения. Однако здесь следует упомянуть о том, что отдельные особенности таких оснований оказывают свое влияние на свойства непосредственно устойчивой правовой связи. К примеру, если рассматривать приобретение гражданства по рождению (ст. 13 ФЗ «О гражданстве») [9], то здесь необходимо говорить об абстрактном характере данной связи. Родившийся ребенок по очевидным причинам еще не обладает устойчивой правовой связью с государством, однако такое свойство характерно для его родителей даже в той ситуации, если они сами не имеют гражданства РФ, но постоянно проживают на территории России. Поэтому здесь следует говорить о некоей правопреемственности устойчивой правовой связи, которая при наличии у родителей (хотя бы одного из них) в полной мере передается и родившемуся ребенку.

Иначе устойчивая правовая связь рассматривается при приобретении гражданства иностранным гражданином или лицом без гражданства. Так, например, в соответствии со ст. 15 ФЗ «О гражданстве» такое лицо обязано соблюсти ряд обязательных условий, прежде чем у него возникнет право на подачу заявления о приеме в гражданство РФ [9]. Помимо ряда общих условий (дееспособность, достижение определенного возраста), законодатель закрепляет и специальные, к которым относится четко установленная продолжительность постоянного проживания такого лица на территории РФ (причем это проживание должно быть легальным, т.е., с наличием у данного лица законно выданного вида на жительство), владение русским языком (определенным в качестве государственного), знание истории России и основ российского законодательства, и т.д. Иными словами, если в первом случае наличие устойчивой правовой связи презюмируется и фактически не зависит от воли лица, таким образом приобретающее гражданство РФ, то во втором мы наблюдаем явную необходимость совершения лицом, претендующим на приобретение гражданства РФ, совокупности разного рода активных и пассивных действий, данную связь подтверждающих [9]. Об абстрактности устойчивой правовой связи в такой ситуации речи не идет.

Проанализируем еще один пример, также иначе характеризующий устойчивую правовую связь, – это основания, которые законодатель определяет как «исключительные». Согласно нормам ст. 17 ФЗ «О гражданстве», при наличии явной заинтересованности российского государства в каком-либо иностранном гражданине или лице без гражданства, а также в случае наличия у него особых заслуг перед РФ при соблюдении перечисленных выше общих условий такое лицо в исключительном порядке может быть принято в гражданство РФ, фактически при отсутствии устойчивой правовой связи как таковой [9].

Иными словами, несмотря на единое общее понимание конституционно-правовой сущности устойчивой правовой связи, ее нормативное закрепление в т.ч. в Основном законе страны, тем не менее, в практическом выражении мы имеем различные варианты ее реализации. Отечественный законодатель устанавливает либо презумпцию такой связи, либо обязанность лица, претендующего на приобретение гражданства РФ, фактически сформировать, сохранить и доказать ее наличие, либо вовсе отвергает данное требование в качестве ключевого. В этом отношении необходимо говорить о тройственной правовой природе устойчивой правовой связи, ведь она многогранна, неоднородна, по-разному проявляется в зависимости от конкретных ситуаций [4].

Проанализируем далее, каким образом устойчивая правовая связь квалифицируется в конституционном праве зарубежных государств.

Прежде всего, необходимо исследовать приобретение гражданства по рождению, т.е., филиация – это самое распространенное и исторически давнее в зарубежном конституционном праве основание. Так, впервые приобретение гражданства по рождению было известно еще римскому частному праву, в котором подразделялось на право почвы и право крови. Таким образом, можно говорить, что устойчивая правовая связь в ее историческом понимании рассматривалась и как привязанность к территории конкретного государства, где родился ребенок, так и «наследование» гражданства от своих родителей. В настоящее время расширенное понимание устойчивой правовой связи лица и государства сохраняется во многих зарубежных странах, однако отличным является приоритет. Так, к примеру, в большинстве государств Западной Европы приоритет отдается все же приобретению гражданства по праву крови (в частности, это Германия, Франция, Италия и другие), в странах же Латинской Америки и США мы можем наблюдать противоположную ситуацию, когда территория фактически превалирует [1]. В некоторых государствах – например, в США – такая норма прямо предусмотрена в национальном законодательстве. При этом большинство стран мира в разрешении обозначенного вопроса все же придерживается смешанного принципа, когда право крови и право почвы рассматриваются в равной степени, без фактического превалирования одного над другим. Отметим, что, как и в российском праве, приобретение гражданства по рождению в зарубежном конституционном праве установлено фактически как императивный фактор, т.е., гражданство в подобной ситуации приобретается вне воли лица, которое его получает [1].

Второе основание для приобретения гражданства в зарубежном конституционном праве – это натурализация, т.е., прием в гражданство. Как и в случае с российским законодательством, зарубежный законодатель рассматривает это основание как осознанное волеизъявление иностранного гражданина или лица без гражданства. Устойчивая правовая связь в данном случае проявляется именно в осознанности, в проявлении лицом собственной воли по соблюдению установленных законодательно требований для подачи заявления о приеме в гражданство государства. Непосредственно процесс натурализации в законодательстве зарубежных стран различен, зависит от совокупности конкретных требований, закрепленных нормативно.

В отличие от российского конституционного права, где устойчивая правовая связь фактически выступает основным и единственным условием для возникновения права на приобретение гражданства, в законодательстве зарубежных государств это требование зачастую сопряжено с рядом дополнительных условий, выполнение которых обязательно. Так, к примеру, конституционное право США выделяет 5 основных требований:

– постоянное проживание на территории США не менее 5 лет;

– при этом постоянное проживание должно быть легальным, т.е., на основании законно полученного вида на жительство;

– свободное владение английским языком (в т.ч. это будет необходимо для прохождения собеседования – обязательного этапа приобретения гражданства в США);

– требование «не быть врагом существующего строя» и «отказаться от верности своему государству»;

– данные о вероисповедании соискателя [1].

В этих характеристиках мы видим прямое указание и на наличие связи между лицом и государством, и на ее устойчивость, и на правовой характер. В целом, если сравнивать основные требования с перечнем, установленным российским законодателем, то можно условно говорить о тождестве данных списков. Что касается дополнительных требований, то здесь в качестве примеров можно перечислить, в частности, требования о наличии репутации «высоконравственного человека», о знании основных норм национального законодательства и ряд иных. Также интересно, что соискатель обязан иметь не менее двух поручителей, иначе его заявление о приеме в гражданство не будет удовлетворено.

Оригинальный подход к содержанию устойчивой правовой связи установлен, к примеру, в законодательстве Италии, – его можно назвать императивно-диспозитивным. С одной стороны, для приобретения гражданства соискателю необходимо постоянно проживать на территории государства не менее 10 лет, и этот срок существенно выше, чем средний, установленный в законодательстве других зарубежных стран (в т.ч. это касается и России) [1; 5]. Также по общему правилу помимо ценза оседлости итальянский законодатель закрепляет в качестве обязательных для приобретения гражданства требований отсутствие у соискателя судимости, наличия у него достаточной суммы денежных средств для последующего проживания на территории страны. Тем не менее, конституционное право Италии предусматривает и упрощенный порядок приобретения гражданства. В частности, это касается того же ценза оседлости, который в ряде случаев может быть снижен, причем довольно существенно. Так, к примеру, беженцам или лицам без граж-

данства достаточно постоянно проживать на территории государства лишь в течение 5 лет, лицам, усыновленным или удочеренным гражданами Италии – 7 лет, бывшим гражданам Италии до второго колена – всего лишь 3 года. В данном случае мы видим прямую корреляцию с российским конституционным правом, где, с одной стороны, требования к приобретению гражданства нормативно закреплены довольно четко, однако одновременно в исключительных случаях могут быть пересмотрены.

Проанализируем также пример оптации, под которой подразумевается право выбора гражданства государства в ситуации, когда фактически меняется государственная принадлежность территории, на которой проживает данное лицо. Важно отметить, что процедура оптации имеет преимущественно международно-правовое регулирование, а потому на национальном уровне регламентирована достаточно опосредованно. Т.к. сущность оптации фактически заключается в совершении соискателем выбора, гражданство какого государства для него наиболее предпочтительнее, вопрос о соблюдении устойчивой правовой связи интересен для исследования. Фактически в подобной ситуации соискатель обладает данной характеристикой в отношении одновременно двух государств, поэтому можно говорить о множественной устойчивой правовой связи, и на примере заключенного в 1946 г. Соглашения между СССР и Чехословакией данный процесс можно наблюдать в практическом выражении [10].

Другой отличительной особенностью оптации выступает редкость ее применения на практике. Так, в России последний раз процедура оптации применялась в 2014 г., когда в состав РФ вошла Республика Крым, ранее являющаяся частью другого государства. Тогда соискателям гражданства был предоставлен выбор: желают ли они оставаться гражданами Республики Украина, либо приобретают гражданство РФ. Специалисты отмечают, что оптация на практике выступает цивилизованным способом разрешения вопроса о выборе гражданства, особенно в ситуации, когда политически проблема стоит слишком остро.

Также в зарубежном конституционном праве можно встретить и иные законодательно закрепленные основания для приобретения гражданства, где устойчивая правовая связь в разной степени, но все же проявляется:

– трансферт;
– реинтеграция;
– репатриация;
– октроированное гражданство;
– принятие гражданства посредством занятия определенной должности (выделяется некоторыми авторами);
– иное [1].

Отметим, что некоторые из перечисленных выше оснований закреплены и в российском конституционном праве.

Выводы

Кратко обозначим ключевые выводы по результатам исследования.

Предметом изучения в научной статье стали особенности устойчивой правовой связи лица с государством как основания приобретения гражданства через сравнительно-правовой анализ моделей РФ и зарубежных стран.

Прежде всего, автор анализирует отдельные характеристики устойчивой правовой связи, а именно:

– стабильность, постоянство, вневременной и внетерриториальный характер;
– формальную определенность;
– возникновение у обеих сторон совокупности взаимных прав и обязанностей [9].

Далее автор более детально исследует отдельные способы приобретения гражданства: по рождению, оптацию, при подаче заявления о приеме в гражданство и т.д. Отмечается, что устойчивая правовая связь по-разному выражается в каждом из представленных способов, но, тем не менее, везде в той или иной степени она присутствует. В т.ч. это наблюдается и в российском законодательстве.

Для подготовки научного исследования, помимо норм отечественного конституционного права, автор работы также рассматривал право ряда зарубежных государств, среди которых США, страны Латинской Америки и Западной Европы (Германия, Франция, Италия), в т.ч. нормативно-правовые акты международного уровня, утратившие законную силу (Соглашение между СССР и Чехословакией) [1; 10].

По результатам проведенного исследования автором был сделан общий вывод о том, что основания для приобретения гражданства в России и зарубежных странах непосредственно определяют возможность возникновения постоянно действующей устойчивой правовой связи между лицом и государством. Для конституционного права любого государства мира данный вопрос продолжает оставаться актуальным и в настоящее время, что подтверждается и учеными-конституционалистами.

Список источников

1. Алексеев Р.А. Основания приобретения гражданства и их правовая регламентация в мировой практике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2017. № 2. С. 6 – 15.

2. Гищенко П.И. Трансформация института гражданства в современных условиях глобализации: сравнительно-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2023. № 12 (228). С. 230 – 233.

3. Дмитриев Ю.А., Моисеева Е.Ю. Комментарий к Федеральному закону «О гражданстве Российской Федерации» (постатейный). М.: Деловой двор, 2014. 240 с.

4. Иксанов И.С. Конституционно-правовое регулирование гражданственности и гражданства в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 6. С. 18 – 23.

5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.). Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации http://pravo.gov.ru, 06.10.2022

6. Пирязева Н.Е. Реализация конституционного принципа равенства гражданства в законодательстве Российской Федерации // Журнал российского права. 2022. № 6. С. 140 – 147.

7. Росенко М.И. Гражданство РФ: трансформация правовых механизмов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2023. Т. 9 (75). № 4. С. 38 – 46.

8. Трусов Н.А. Институирование ценности гражданства как правовое последствие современной отечественной конституционной практики // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 1. С. 18 – 22.

9. Федеральный закон от 28.04.2013 г. № 138-ФЗ (в ред. от 25.05.2026 г.) «О гражданстве Российской Федерации». Российская газета. 2023. № 95.

10. Частное право в странах бывшего СССР: итоги 30-летия: сборник статей / под ред. Л.Ю. Михеевой. Исследовательский центр частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ. М.: Статут, 2022. 546 с.

References

1. Alekseev R.A. Grounds for Acquiring Citizenship and Their Legal Regulation in World Practice. Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2017. No. 2. P. 6 – 15.

2. Gishchenko P.I. Transformation of the Institute of Citizenship in the Modern Conditions of Globalization: A Comparative Legal Analysis. Law and State: Theory and Practice. 2023. No. 12 (228). P. 230 – 233.

3. Dmitriev Yu.A., Moiseeva E.Yu. Commentary on the Federal Law "On Citizenship of the Russian Federation" (article by article). Moscow: Delovoy Dvor, 2014. 240 p.

4. Iksanov I.S. Constitutional and Legal Regulation of Civic Constituency and Citizenship in the Russian Federation. Constitutional and Municipal Law. 2025. No. 6. P. 18 – 23.

5. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). The official text of the Constitution of the Russian Federation, including the new subjects of the Russian Federation – the Donetsk People's Republic, the Luhansk People's Republic, the Zaporizhia Oblast, and the Kherson Oblast, was published on the Official Internet Portal of Legal Information http://pravo.gov.ru, 06.10.2022

6. Piryazeva N.E. Implementation of the Constitutional Principle of Equality of Citizenship in the Legislation of the Russian Federation. Journal of Russian Law. 2022. No. 6. P. 140 – 147.

7. Rosenko M.I. Citizenship of the Russian Federation: Transformation of Legal Mechanisms. Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky Legal Sciences. 2023. Vol. 9 (75). No. 4. P. 38 – 46.

8. Trusov N.A. Institutionalization of the Value of Citizenship as a Legal Consequence of Modern Domestic Constitutional Practice. State Power and Local Self-Government. 2024. No. 1. P. 18 – 22.

9. Federal Law of April 28, 2013 No. 138-FZ (as amended on May 25, 2026) "On Citizenship of the Russian Federation". Rossiyskaya Gazeta. 2023. No. 95.

10. Private Law in the Countries of the Former USSR: Results of the 30th Anniversary: Collection of Articles. edited by L.Yu. Research Center for Private Law named after S.S. Alekseev under the President of the Russian Federation. M.: Statute, 2022. 546 p.

Информация об авторе

Михайлова А.А., Московский ордена Почета университет МВД России имени В.Я. Кикотя, mihailova.anasta5iya@yandex.ru

© Михайлова А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
https://su-journal.ru
2026, № 10 / 2026, Iss. 10 https://su-journal.ru/archives/category/publications
Научная статья / Original article
УДК 343.222.7:004.8
DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-436-441

Уголовно-правовая оценка деяний, совершённых с использованием технологий искусственного интеллекта: проблемы субъекта ответственности и пределов вменения

[1] Таилова А.Г., [2] Казакбиева Л.Т., [2] Муслимов М.М.

[1] Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции в г. Махачкала,
[2] Дагестанский государственный технический университет

Аннотация: в статье рассматривается комплекс теоретических и прикладных проблем уголовно-правовой оценки общественно опасных деяний, совершённых с использованием технологий искусственного интеллекта. Автор анализирует существующие доктринальные подходы к определению субъекта ответственности в ситуациях причинения вреда автономными системами, выявляет пределы объективного вменения применительно к цифровым алгоритмам, а также исследует перспективы адаптации институтов вины и соучастия к условиям технологической реальности. Обоснована недопустимость признания искусственного интеллекта полноценным субъектом преступления в рамках действующей уголовно-правовой парадигмы. Сформулированы предложения по точечной модернизации законодательства, включая закрепление статуса «оператора автономной системы» и дифференциацию ответственности разработчиков, пользователей и лиц, ответственных за эксплуатацию систем искусственного интеллекта.
Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовная ответственность, субъект преступления, объективное вменение, вина, беспилотные системы, роботизированные комплексы, автономные алгоритмы, уголовно-правовое регулирование

Для цитирования: Таилова А.Г., Казакбиева Л.Т., Муслимов М.М. Уголовно-правовая оценка деяний, совершённых с использованием технологий искусственного интеллекта: проблемы субъекта ответственности и пределов вменения // Современный ученый. 2026. № 10. С. 436 – 441. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-436-441

Поступила в редакцию: 28 мая 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 25 июня 2026 г.; Принята к публикации: 1 августа 2026 г.

Criminal-legal assessment of acts committed with the use of artificial intelligence technologies: problems of the subject of liability and limits of imputation

[1] Tailova A.G., [2] Kazakbieva L.T., [2] Muslimov M.M.

[1] North Caucasus Institute of the All-Russian State University (RPA of the Ministry of Justice of Russia) branch in Makhachkala,
[2] Dagestan State Technical University

Abstract: the article examines a complex of theoretical and applied problems related to criminal-legal assessment of socially dangerous acts committed with the use of artificial intelligence technologies. The author analyzes existing doctrinal approaches to determining the subject of liability in situations where harm is caused by autonomous systems, identifies the limits of objective imputation in relation to digital algorithms, and explores the prospects for adapting the institutions of guilt and complicity to the conditions of technological reality. The inadmissibility of recognizing artificial intelligence as a full-fledged subject of a crime within the current criminal-legal paradigm is substantiated. Proposals are formulated for the targeted modernization of legislation, including the formalization of the status of an «autonomous system operator» and the differentiation of liability among developers, users, and persons responsible for the operation of artificial intelligence systems.
Keywords: artificial intelligence, criminal liability, subject of crime, objective imputation, guilt, unmanned systems, robotic complexes, autonomous algorithms, criminal-legal regulation

For citation: Tailova A.G., Kazakbieva L.T., Muslimov M.M. Criminal-legal assessment of acts committed with the use of artificial intelligence technologies: problems of the subject of liability and limits of imputation. Modern Scientist. 2026. 10. P. 436 – 441. DOI: 10.58224/2541-8459-2026-10-436-441

The article was submitted: May 28, 2026; Approved after reviewing: June 25, 2026; Accepted for publication: August 1, 2026.

Введение

Стремительное проникновение технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) в самые разные сферы общественной жизни – от медицины и транспорта до финансового сектора и оборонной промышленности – породило целый пласт правовых вопросов, к решению которых действующее уголовное законодательство оказалось в значительной степени не готово. Автономные системы, способные принимать решения без непосредственного участия человека, самообучающиеся алгоритмы и генеративные модели создают ситуации, в которых причинение вреда охраняемым уголовным законом благам перестаёт быть однозначно привязанным к воле и сознанию конкретного физического лица. Именно эта деформация классической связки «деяние – вина – субъект» и составляет ядро научной проблемы, рассматриваемой в настоящей работе.

Актуальность темы обусловлена совокупностью взаимосвязанных обстоятельств.

Во-первых, технологическая реальность опережает нормативное регулирование: вред, причинённый в результате работы беспилотного транспортного средства, врачебной диагностической системы или торгового робота, всё чаще не находит адекватной квалификации в рамках существующих составов преступлений. Возникает так называемый «разрыв ответственности» (responsibility gap), когда наступивший общественно опасный результат объективно существует, но традиционного носителя вины установить затруднительно.

Во-вторых, отечественная уголовно-правовая доктрина исходит из антропоцентричной модели субъекта преступления, предполагающей вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Появление квазиавтономных систем ставит вопрос о пределах применимости этой модели и о том, между кем именно – разработчиком, оператором, владельцем или пользователем – должно распределяться бремя ответственности.

В-третьих, обостряется проблема установления субъективной стороны и пределов вменения: насколько правомерно возлагать на человека ответственность за последствия, которые порождены непрозрачным («чёрный ящик») и непредсказуемым поведением алгоритма, и где проходит граница между виновным причинением вреда, невиновным причинением и обоснованным профессиональным риском.

В-четвёртых, отсутствие единообразных подходов в правоприменительной практике и фрагментарность научных исследований по данному вопросу создают риски как необоснованного привлечения к ответственности, так и, напротив, безнаказанности при наступлении тяжких последствий.

Целью статьи выступает выработка теоретических подходов к уголовно-правовой оценке деяний, совершённых с использованием технологий искусственного интеллекта, с акцентом на определении надлежащего субъекта ответственности и обоснованных пределов вменения.

Материалы и методы исследований

Методологический инструментарий настоящей работы включает комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания. Диалектический метод применялся для раскрытия сущности феномена искусственного интеллекта в его соотношении с базовыми уголовно-правовыми категориями. Формально-юридический метод использовался при интерпретации норм Уголовного кодекса Российской Федерации применительно к ситуациям причинения вреда автономными системами. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить российский подход с зарубежными моделями, в частности с резолюцией Европейского парламента 2017 года и германскими законодательными инициативами относительно статуса «электронного лица». Метод правового моделирования задействован при разработке предложений по корректировке действующего законодательства.

Результаты и обсуждения

Искусственный интеллект как субъект уголовной ответственности: аргументы за и против. В юридической литературе последних лет развернулась острая полемика относительно возможности признания искусственного интеллекта субъектом уголовной ответственности. Сторонники данного подхода, в частности Н.Ш. Козаев, допускают гипотетическую перспективу наделения автономных систем признаками, присущими субъекту преступления, при условии достижения ими такого уровня развития, при котором система будет способна к самостоятельному целеполаганию и рефлексии [7]. В качестве аргументов приводятся аналогии с коллективными субъектами (юридическими лицами), которые, не обладая соматической и психической реальностью, тем не менее выступают адресатами уголовно-правовых норм в ряде зарубежных юрисдикций.

Противоположная позиция, представляющаяся более обоснованной и разделяемая автором настоящей статьи, базируется на незыблемости психологической концепции вины, составляющей фундамент российского уголовного права.

Как справедливо отмечает Ю.Е. Пудовочкин, вина в её уголовно-правовом понимании предполагает психическое отношение субъекта к совершаемому деянию и его последствиям, а психика имманентно присуща только человеку; любые её механические симуляции, сколь бы убедительными они ни казались, остаются лишь имитацией, лишённой нравственно-юридического содержания [10].

С данной точкой зрения солидаризируется и Н.А. Лопашенко, подчёркивающая, что «способность к уголовно-правовой рефлексии неразрывно связана с моральным самосознанием, которого искусственные системы лишены в принципе» [9].

Таким образом, в рамках действующей уголовно-правовой парадигмы искусственный интеллект не может быть признан субъектом преступления. Уголовная ответственность за вред, причинённый ИИ, должна возлагаться исключительно на физических лиц – разработчиков, пользователей либо иных субъектов, чья воля опосредовала поведение автономной системы.

Следующая фундаментальная проблема заключается в определении того, кому именно из физических лиц, причастных к созданию и эксплуатации ИИ, надлежит вменять причинённый вред. Игнорирование этого вопроса способно привести к недопустимому объективному вменению, когда ответственность возлагается на лицо, не предвидевшее и не способное предвидеть общественно опасные последствия.

Наиболее сложной видится ситуация, при которой алгоритм действует в режиме глубокого машинного обучения, самостоятельно перестраивая внутренние взаимосвязи на основе анализа огромных массивов данных. В подобном случае разработчик исходного программного кода, создавая лишь базовую архитектуру системы, объективно не в состоянии предвидеть все варианты её последующего поведения. Как верно отмечает Ю.Е. Аврутин, «тотальный контроль за поведением самообучающихся алгоритмов является фикцией, а возложение на разработчика ответственности за любые возможные последствия означало бы возврат к принципу talionis в его наиболее архаичной форме» [1].

В этой связи первостепенное значение приобретает разграничение зон ответственности участников технологического процесса. М.Ю. Воронин выделяет три категории субъектов, чьи действия могут образовать

уголовно-правовой состав: разработчик программного обеспечения, пользователь системы и оператор, осуществляющий контроль за её функционированием [4]. Каждый из названных субъектов несёт ответственность в пределах соблюдения возложенных на него обязанностей осмотрительности, объём которых должен определяться не произвольно, а исходя из технических стандартов и уровня развития технологий на конкретный момент времени.

Н.Е. Крылова, анализируя проблему на примере роботизированных хирургических систем, приходит к обоснованному выводу, что причинение вреда здоровью пациента в ходе операции, проведённой роботом-ассистентом, должно оцениваться по правилам профессиональной неосторожности, а субъектом ответственности в подавляющем большинстве случаев выступает не разработчик оборудования, а врач, принимавший окончательное решение о тактике вмешательства [8].

Вина и её установление по делам о причинении вреда системами ИИ. Сложность установления вины в анализируемой категории дел связана с многоступенчатостью процесса принятия решений в системах ИИ. Алгоритм обрабатывает данные, генерирует прогноз или управленческий импульс, однако между начальным вводом информации и наступившим последствием располагается «чёрный ящик» машинного обучения, внутренняя логика которого подчас неочевидна даже для самого разработчика.

Ю.В. Грачёва акцентирует внимание на том обстоятельстве, что при квалификации преступлений, связанных с функционированием алгоритмических систем, правоприменитель сталкивается с дефицитом экспертных методик оценки поведенческих девиаций ИИ [5]. Традиционная судебная экспертиза в её современном состоянии не всегда способна дать однозначный ответ на вопрос о том, явилось ли отклонение алгоритма от ожидаемого сценария результатом ошибки проектирования, ненадлежащего обучения нейросети либо непредвиденного эксцесса машинного обучения.

А.И. Бастрыкин, оценивая правовые риски цифровизации, предлагает исходить из презумпции ответственности пользователя за вред, причинённый системой ИИ, если пользователем не будет доказано, что вред стал следствием конструктивных дефектов, о которых он не был и не мог быть проинформирован производителем [2]. Данное предложение заслуживает внимания, однако нуждается в дополнительной проработке, поскольку оно, по существу, переворачивает традиционное распределение бремени доказывания в уголовном процессе, что может вступить в противоречие с принципом презумпции невиновности.

Соучастие в преступлениях, совершаемых с применением ИИ. Отдельный блок проблематики связан с возможностью соучастия в преступлениях, совершённых с применением искусственного интеллекта. С.С. Безруков полагает, что использование ИИ в качестве орудия преступления принципиально не отличается от использования любого иного технического приспособления и должно квалифицироваться как совершение преступления надлежащим субъектом, прибегнувшим к помощи технического средства [3]. С данным тезисом следует согласиться частично. Действительно, если лицо умышленно программирует алгоритм на причинение вреда (например, на осуществление несанкционированных банковских переводов), его действия должны квалифицироваться как непосредственное исполнение преступления. Однако ситуация усложняется, если вред причиняется не в результате целенаправленных действий оператора, а вследствие эксплуатационной небрежности, допущенной несколькими лицами на разных этапах разработки и внедрения системы.

Выводы

Проведённый анализ позволяет свести дискуссию к нескольким узловым проблемам, каждая из которых нуждается в самостоятельном доктринальном и законодательном разрешении.

Прежде всего остаётся нерешённым вопрос о принципиальной невозможности признания автономной системы носителем вины: поскольку психическое отношение к деянию присуще исключительно человеку, требуется чёткое нормативное закрепление того, что искусственный интеллект субъектом преступления не является, а ответственность неизменно замыкается на физических лицах.

Не менее острой видится задача определения того, кто именно из круга причастных – разработчик, оператор или пользователь – должен отвечать за наступивший вред. Отсутствие внятных критериев такого распределения создаёт риск скатывания к объективному вменению, при котором ответственность ложится на лицо, лишённое реальной возможности предвидеть последствия.

Особую сложность порождают системы глубокого машинного обучения, самостоятельно перестраивающие свою внутреннюю логику. Здесь необходимо выработать разумные пределы обязанностей осмотрительности разработчика, чтобы возложение ответственности не превращалось в архаичную кару за любые непредвиденные проявления работы алгоритма.

Феномен «чёрного ящика» и дефицит экспертных методик затрудняют разграничение ошибки проектирования, ненадлежащего обучения нейросети и непредвиденного эксцесса. Требуется формирование адекватного экспертно-криминалистического инструментария, способного установить причину отклонения системы от ожидаемого поведения.

Предлагаемая презумпция ответственности пользователя нуждается в согласовании с принципом презумпции невиновности, дабы стремление устранить «разрыв ответственности» не обернулось эрозией фундаментальных гарантий уголовного процесса.

Наконец, открытым остаётся вопрос об уголовно-правовой оценке коллективной эксплуатационной небрежности, когда вред становится результатом просчётов нескольких лиц на разных стадиях создания и внедрения системы, а не следствием умышленного использования ИИ как орудия преступления.

Для разрешения обозначенных проблем нами предлагается следующий комплекс мер.

Законодательно закрепить в УК РФ либо в специальном федеральном законе дефиниции «система искусственного интеллекта», «оператор системы искусственного интеллекта», «разработчик системы искусственного интеллекта», с тем чтобы устранить терминологическую неопределённость, препятствующую единообразной правоприменительной практике.

Дополнить УК РФ нормой, определяющей пределы уголовной ответственности лиц, эксплуатирующих системы ИИ, по аналогии с конструкцией, заложенной в статье 264 УК РФ, применительно к лицам, управляющим транспортными средствами. Ответственность оператора должна наступать за нарушение правил эксплуатации ИИ, повлёкшее общественно опасные последствия, при установлении причинно-следственной связи между нарушением и наступившим вредом.

Разработать и утвердить на уровне Правительства РФ Технический регламент безопасности систем искусственного интеллекта, который стал бы нормативной основой для констатации факта нарушения тех или иных правил и, соответственно, для уголовно-правовой квалификации.

Создать специализированные экспертные подразделения на базе судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции РФ, обладающие компетенцией в области анализа алгоритмических систем, машинного обучения и нейросетевых технологий, что позволит преодолеть дефицит экспертного обеспечения при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел данной категории.

Инициировать на площадке Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству обсуждение вопроса о целесообразности дифференциации уголовной ответственности за вред, причинённый ИИ, в зависимости от степени автономности системы, с выделением систем с низкой, средней и высокой степенью автономности, каждая из которых предполагала бы особый правовой режим ответственности.

Реализация предложенных мер позволит, с одной стороны, обеспечить уголовно-правовую защиту граждан от потенциально опасных последствий использования технологий искусственного интеллекта, а с другой – избежать необоснованного расширения уголовной репрессии в отношении разработчиков и операторов, что в условиях стремительной цифровой трансформации общества приобретает первостепенное значение.

Список источников

1. Аврутин Ю.Е. Искусственный интеллект и уголовное право: постановка проблемы // Государство и право. 2023. № 7. С. 45 – 53.

2. Бастрыкин А.И. Правовые риски цифровизации: уголовно-правовой аспект // Российская юстиция. 2024. № 2. С. 2 – 8.

3. Безруков С.С. Субъект преступления в эпоху цифровых технологий: новые вызовы // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 112 – 118.

4. Воронин М.Ю. Уголовная ответственность за вред, причинённый системами искусственного интеллекта // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 4. С. 25 – 32.

5. Грачёва Ю.В. Квалификация преступлений, совершённых с использованием алгоритмических систем // Уголовное право. 2022. № 3. С. 31 – 38.

6. Жалинский А.Э., Дубовик О.Л. Цифровая трансформация уголовного права: европейский опыт // Международное уголовное право и международная юстиция. 2024. № 1. С. 15 – 22.

7. Козаев Н.Ш. Искусственный интеллект как квазисубъект уголовной ответственности: pro et contra // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 2. С. 205 – 214.

8. Крылова Н.Е. Робот-хирург и уголовное право: пределы ответственности разработчика // Lex Russica. 2024. № 6. С. 89 – 97.

9. Лопашенко Н.А. Цифровые активы и искусственный интеллект: уголовно-правовые риски // Библиотека криминалиста. 2023. № 1. С. 9 – 18.

10. Пудовочкин Ю.Е. Вина и ответственность в контексте технологий искусственного интеллекта // Российский криминологический взгляд. 2024. № 3. С. 44 – 52.

References

1. Avrutin Yu.E. Artificial Intelligence and Criminal Law: Framing the Problem. State and Law. 2023. No. 7. P. 45 – 53.

2. Bastrykin A.I. Legal Risks of Digitalization: The Criminal Law Aspect. Russian Justice. 2024. No. 2. P. 2 – 8.

3. Bezrukov S.S. The Subject of a Crime in the Era of Digital Technologies: New Challenges. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 5. P. 112 – 118.

4. Voronin M.Yu. Criminal Liability for Harm Caused by Artificial Intelligence Systems. Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. No. 4. P. 25 – 32.

5. Gracheva Yu.V. Legal Qualification of Crimes Committed Using Algorithmic Systems. Criminal Law. 2022. No. 3. P. 31 – 38.

6. Zhalinsky A.E., Dubovik O.L. Digital Transformation of Criminal Law: The European Experience. International Criminal Law and International Justice. 2024. No. 1. P. 15 – 22.

7. Kozaev N.Sh. Artificial Intelligence as a Quasi-Subject of Criminal Liability: Pro et Contra. All-Russian Criminological Journal. 2023. Vol. 17. No. 2. P. 205 – 214.

8. Krylova N.E. The Robotic Surgeon and Criminal Law: Limits of Developer Liability. Lex Russica. 2024. No. 6. P. 89 – 97.

9. Lopashenko N.A. Digital Assets and Artificial Intelligence: Criminal Law Risks. Criminalist's Library. 2023. No. 1. P. 9 – 18.

10. Pudovochkin Yu.E. Culpability and Liability in the Context of Artificial Intelligence Technologies. Russian Criminological View. 2024. No. 3. P. 44 – 52.

Информация об авторах

Таилова А.Г., кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский институт, филиал Всероссийского государственного университета юстиции в г. Махачкала

Казакбиева Л.Т., кандидат юридических наук, доцент, Дагестанский государственный технический университет

Муслимов М.М., аспирант, Дагестанский государственный технический университет

© Таилова А.Г., Казакбиева Л.Т., Муслимов М.М., 2026